Институт психологии Российской академии наук

Государственный академический университет
гуманитарных наук
Факультет психологии

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО

Материалы X Международной конференции
молодых ученых
«Психология – наука будущего»

16–17 ноября 2023 года, Москва

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев,
Е. А. Сергиенко,
Н. Е. Харламенкова

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2023

УДК 159.9
ББК 88
П 86

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редакционная коллегия:

В. В. Апанович, И. И. Ветрова, А. Л. Журавлев (отв. ред.), *Е. А. Никитина, Е. А. Сергиенко* (отв. ред.), *С. В. Тарасов, А. Ю. Уланова, Н. Е. Харламенкова* (отв. ред.)

П 86 **Психология – наука будущего:** Материалы X Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего», 16–17 ноября 2023, г. Москва / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. – 620 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)

ISBN 978-5-9270-0467-6
doi: 10.38098/conf_23_0467

УДК 159.9
ББК 88

Сборник подготовлен к X Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». Статьи авторов из разных городов Российской Федерации и ближнего зарубежья отражают широту и перспективы научных интересов молодых исследователей.

Издание подготовлено по Госзаданию № 0138-2023-0005

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2023

ISBN 978-5-9270-0467-6

Предисловие

Конференция молодых ученых «Психология – наука будущего» проводится 16–17 ноября 2023 г. в десятый раз и по праву может считаться юбилейной. Неизменными учредителями конференции являются Институт психологии РАН и факультет психологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). За последние 16 лет проведение конференции молодых исследователей стало важной частью научной жизни Института психологии РАН, способствуя взаимодействию различных точек зрения, взглядов, подходов, а также передаче опыта планирования и проведения научных исследований, организации дискуссий, подготовки докладов и презентаций для участия в семинарах и конференциях от старшего поколения ученых к поколению молодых исследователей.

Начало работы конференции «Психология – наука будущего» было положено в 2007 году. Отправной точкой послужила идея доктора психологических наук, профессора Сергиенко Елены Алексеевны, поддержанная директором ИП РАН того периода Журавлевым Анатолием Лактионовичем, о проведении научного мероприятия для молодых исследователей. Самые лучшие и эффективные подходы к организации конференции были предложены уже в первый год проведения научного мероприятия. В последующие годы наблюдалось активное становление основных ценностей и принципов организации конференции. К ним можно отнести:

- Высокое качество докладов. Акцент делается на фундаментальных исследованиях. Все поступающие на рассмотрение оргкомитета материалы проходят экспертный отбор. Авторам лучших докладов предоставляется возможность опубликовать статьи в сборнике «Психологические исследования» из серии «Труды молодых ученых ИП РАН».
- Качественная обратная связь. Программа конференции и работа секций строится таким образом, чтобы авторы имели возможность развернуто представить свое исследование и детально обсудить возникающие вопросы. В качестве руководителей секций приглашаются известные ученые.
- Открытость. Мы стремимся, чтобы как можно больше людей знали о конференции. За два дня работы в ней принимает участие не менее 200 человек, из них не менее 100 молодых ученых выступают с докладами. Участники приезжают из разных городов и регионов России, а также ближнего зарубежья. Традиционно в работе конференции принимают участие представители крупнейших вузов: МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбГУ, ВШЭ, ЯрГУ им. П. Г. Демидова, МГППУ, РАНХиГС, КГУ и др.

Основная цель конференции проста, но требует больших усилий, направленных на ее достижение. Цель конференции «Психология – наука будущего» состоит в том, чтобы объединить как можно больше молодых исследователей в области психологии, в первую очередь тех, кто выбрал психологическую науку в качестве основного занятия в жизни. Кроме того, организаторы конференции, руководители секций ставят перед собой специальную задачу – познакомить молодых специалистов с современными направлениями и научными школами в психологии.

Организаторами конференции традиционно становятся молодые сотрудники Института психологии РАН, председателями организационного и программного комитета – выдающиеся ученые и представители Дирекции. Высокий научный уровень конференции обеспечивается ведущими сотрудниками (докторами наук Института психологии РАН и преподавателями ГАУГН), выступающими руководителями секций, что позволяет молодым специалистам получить квалифицированную обратную связь, обсудить свои научные исследования.

В 2013 году был разработан логотип и фирменный стиль конференции. Логотип представляет собой штурвал корабля с греческой буквой «ψ», что символизирует новаторство академической психологии, в том числе инновационный потенциал психологи-

ческого знания, и отражается в названии конференции – «Психология – наука будущего».

Также за годы проведения конференции сложились некоторые неформальные правила и традиции. К ним относится, например, вручение участникам конференции дипломов по разным номинациям, которые предлагаются руководителями секций и наиболее точно характеризуют особенности того или иного выступления. Лучшие докладчики поощряются призами – печатными изданиями по разнообразным научным вопросам из собрания книг библиотеки Института психологии РАН. Традиционно все дипломы за участие и подарки лучшим докладчикам торжественно вручаются руководителями организационного комитета на закрытии конференции.

В период с 2007 по 2022 год издательство «Институт психологии РАН» выпустило девять сборников материалов, подготовленных к датам проведения конференции по результатам исследований молодых ученых. Лучшие доклады опубликованы в виде статей в одиннадцати выпусках сборника научных трудов «Психологические исследования», изданных ИП РАН и ГАУГН в серии «Труды молодых ученых». Отчеты о работе конференции регулярно публикуются в «Психологическом журнале». Подготовка и проведение конференции неоднократно поддерживались Российским фондом фундаментальных исследований.

Из года в год сохраняется достаточно широкая география участников конференции. Это авторы не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но и Воронежа, Казани, Костромы, Красноярска, Курска, Нижнего Новгорода, Омска, Томска, Челябинска, Ярославля и других городов России. Традиционно участие в работе конференции принимают коллеги из Республики Беларуси и Армении.

В настоящий сборник вошли статьи участников десятой конференции молодых ученых, отобранные в ходе работы редколлегии. Круг тем, затронутых в материалах авторов разнообразен: общая психология, социальная, клиническая психология, психология труда, психофизиология и когнитивная психология; максимальное количество работ получено по направлениям психологии личности и психологии развития. Подготовка полнотекстовых статей позволяет участникам конференции представить свои работы для обсуждения и получить возможность самостоятельной научной публикации.

В каждом сборнике материалов конференции отдельные публикации располагаются в алфавитном порядке, который опреде-

ляется в соответствии с фамилией участника мероприятия; в конце сборника размещаются сведения об авторах. Помимо указания места работы (или учебы) и должности, сведения включают электронные адреса участников конференции, что способствует научной коммуникации.

Местом проведения конференции и встречи молодых ученых традиционно выступает Институт психологии РАН (г. Москва), при этом дополнительное использование онлайн-формата работы обеспечивает более активное участие молодых специалистов из других регионов России, а также представителей других государств.

Программа юбилейной конференции построена в соответствии со сложившимися традициями участия известных российских ученых в качестве лекторов и руководителей секций, проведения мастер-классов и круглых столов по актуальным направлениям психологии. Мы надеемся на плодотворную работу X конференции «Психология – наука будущего», важнейшей целью которой все эти годы была и остается поддержка молодых ученых и обеспечение преемственности в развитии науки.

А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова,
А. Ю. Уланова, К. Б. Зуев

Динамика развития идентичности профессионала оператора «Системы 112»

Ю. А. Абдулина

Проведено изучение профессиональной идентичности операторов «Системы 112» с разным стажем работы. Показано, что в первый год работы представления операторов о себе как профессионале характеризуются многословностью, низким уровнем структурированности и специфичности по отношению к профессии, высоким уровнем эмоциональности, особенно негативного характера. Операторы со стажем от 1 до 5 лет уже чаще указывают то, что существенным образом связано с профессией. С шестого года стажа субъективные описания себя как профессионала операторами отличаются краткостью, тесной связью со спецификой и содержанием труда, а также преобладанием нейтральных эмоциональных оценок своей деятельности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, оператор «Системы 112», профессионализации, профессиональное развитие, представление о себе как профессионале.

Профессиональная идентичность (ПИ) отражает представление человека о его месте в выбранной им профессии и профессиональном сообществе и эмоциональное отношение к этому представлению, а также указывает на мотивационно-ценностные ориентиры человека в профессии (Иванова, 2001). Оценка уровня развития идентичности профессионала позволяет судить о характере и глубине его профессионального развития, степени эффективности

его профессионального труда и удовлетворенности им (Ермолаева, 2008; Поваренков, 2006).

Изучением профессиональной идентичности и ее динамики занимались Е. П. Ермолаева, Л. Б. Шнейдер, Ю. П. Поваренков, М. С. Голиченко, Д. Н. Завалишина, Э. Ф. Зеер, Н. Л. Иванова и др. Рассматривая этот феномен с разных сторон, авторы сходятся во мнении, что первичное формирование и последующее развитие идентичности профессионала протекает неравномерно и длительно (Ермолаева, 2008). Начальные этапы становления ПИ приходятся на период освоения профессиональной деятельности и довольно подробно изучены на группах студентов различных специальностей, а трансформации идентичности профессионала, происходящие далее, до сих пор мало описаны, что и определило актуальность нашего исследования. Можно предположить, что наиболее выраженные изменения идентичности профессионала наблюдаются в социономических профессиях помогающего типа, отличающихся высоким уровнем ответственности, требованиями к морально-нравственным характеристикам субъекта профессиональной деятельности, а также выраженной степенью стрессовой нагрузки. К таким профессиям относится деятельность оператора «Системы 112», направленная на организацию оказания помощи людям, попавшим в экстренные ситуации.

Цель исследования – изучить динамику представлений о себе как профессионале операторов «Системы 112» в ходе профессионализации. Гипотеза исследования – в ходе профессионализации у операторов «Системы 112» наблюдается структурирование и конкретизация субъективных представлений о себе как профессионале.

Выборку исследования составили 239 специалистов-операторов по приему и обработке экстренных вызовов по единому номеру «112» ГБУ г. Москвы «Система 112». Выделены группы по их стажу работы: 1) до 1 года (111 человек), 2) 1,1–5 лет (92 человека), 3) более 5 лет (36 человек). Для изучения субъективных представлений испытуемых о себе как профессионалах им предлагалась модифицированная методика Куна и Макпартленда (Кун, Макпартленд, 1984) – вопрос «Кто я в своей профессии?». Ответы испытуемых подвергали контент-анализу, по результатам которого были выделены следующие содержательные категории самоописаний респондентов: указание своих профессиональных компетенций, ролей, обязанностей, планов, профессионально важных качеств (ПВК), эмоциональных состояний, самоописания, не имеющие прямого отношения к профессиональной деятельности, принад-

лежность к профессиональной группе и сообществу. Оценивалась частота встречаемости этих категорий ответов в группах операторов с разным стажем.

Сравнение ответов испытуемых с разным стажем работы на вопрос «Кто я в своей профессии?» позволил выделить и описать качественные изменения их преставлений о себе как профессионале-операторе по мере профессионализации. Специалисты, работающие оператором менее одного года, дают наиболее многословные самоописания, включающие перечисление 1) своих профессиональных ролей и всего, что связано с освоением профессии (например, «слушатель», «психолог», «легко обучаемый»), 2) различных своих качеств, как ПВК («внимательность», «ответственность»), так и мало значимых для выполнения профессиональных обязанностей («вечный водохлеб», «красноречивый», «яркая»), 3) профессиональных обязанностей и отдельных действий («помогаю в трудной ситуации», «вызываю службы», «расставляю тэги», «изучаю карты Москвы»), 4) эмоциональных состояний (чаще негативных) и даже самообвинений, возникающих при выполнении отдельных действий или их невозможности по каким-либо причинам («отключение эмоций», «эмоционально включенный», «усталый»), 5) своих планов на будущее («желание стать лучшим в профессии», «будущий руководитель»), 6) упоминание своих прошлых мест работы и профессий («бывший юрист», «химик»), 7) указание на недостаток ряда ПВК с выраженной негативной эмоциональной окраской. Ответы операторов, работающих в «Системе 112» от 1 до 5 лет, содержат все те же категории, что и у операторов, работающих менее 1 года, за исключением упоминаний прошлых профессий. Помимо этого, они отличаются тем, что уже содержат больше самоописаний, касающихся именно выполняемой профессиональной деятельности и того, что с ней связано по существу: перечисляются преимущественно ПВК, меньше упоминаний отдельных профессиональных действий, особенно в ироничной и негативно эмоционально окрашенной форме. Многие операторы этой группы также делают акцент на активном процессе обучения в профессии самостоятельно или с помощью коллег, а также в качестве наставника для менее опытных сотрудников. Специалисты, имеющие стаж работы оператором «Системы 112» более 5 лет, давали самые короткие и лаконичные описания себя как профессионала, содержащие фактически краткое перечисление своих профессиональных ролей, задач, обязанностей, чаще всего, эмоционально нейтральных. Эта группа испытуемых также меньше других

описывала свои ПВК. С точки зрения принадлежности к профессиональным группе, сообществу и конкретной организации самоописания операторов «Системы 112» с разным стажем работы существенно не различались.

Полученные данные свидетельствуют о том, что динамика становления идентичности профессионала начинается с обращения внимания специалиста на себя как индивида, имеющего ряд качеств, выполняющего на работе некие действия, роли, испытывающего разнообразные эмоции и строящего планы на будущее, что становится базой для формирования ПИ. Собственный образ профессионала-оператора при этом довольно размытый и может включать элементы профессиональной идентичности ранее освоенных профессий. По мере накопления профессионального опыта представления о себе как профессионале утрачивают то, что не имеет непосредственной связи с профессией оператора и характеризуется яркой эмоциональной окраской. Этот процесс обусловлен более детальным освоением профессии, более глубоким пониманием операторами их профессиональных задач и целей, психологических качеств и ресурсов, обеспечивающих их реализацию. В результате продолжительной работы по профессии образ профессионала-оператора «Системы 112» опирается больше на реальные факты из собственного профессионального опыта и потому становится все более конкретным, четким и в то же время обобщенным, без углубления в детали.

Таким образом, формирование ПИ оператора «Системы 112» происходит по пути аккумуляции личностью профессионала информации о профессии и всего, что может быть с ней связано, а ее последующая трансформация реализуется через «отсев» не связанного с профессиональной деятельностью, конкретизация профессиональных функций, самопознание через профессиональный труд и принятие специфики профессии и своих возможностей в ней.

Литература

Ермолаева Е. П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Иванова Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001.

Кун М., Макпартленд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под. ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Пет-

ровской. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 180–188.

Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 53–58.

Специфика проявлений тревожности у женщин при высоком уровне посттравматического стресса

А. А. Агишева

Представлено исследование особенностей картины тревожности у женщин, ассоциированной с посттравматическим стрессом. Гипотеза: уровень и характер тревожности, а также сопутствующая психопатологическая симптоматика у женщин различаются в зависимости от интенсивности переживаемого посттравматического стресса. Более высокие показатели личностной тревожности и деструктивной тревоги обнаружены у респондентов с выраженной посттравматической симптоматикой. Респонденты, имеющие низкий уровень посттравматического стресса, транслируют меньшую выраженность неосознаваемого компонента тревожности. Обсессивно-компульсивная симптоматика, межличностная сензитивность, депрессия, фобическая тревожность и психотизм более ярко выражены у группы респондентов с высоким уровнем посттравматического стресса.

Ключевые слова: посттравматический стресс, стрессор высокой интенсивности, тревожность, уровень тревожности, характер тревожности.

Посттравматический стресс (ПТС) может рассматриваться как нарушение личностной целостности вследствие контакта со стрессорами высокой интенсивности, сопровождающееся характерным симптомокомплексом и эмоционально-когнитивными изменениями личности (Тарабрина, 2012). Несмотря на активный прогресс

в развитии медицины и психологии, своевременная диагностика и терапия посттравматического стрессового расстройства в ряде случаев осложняется параллельным течением других психических расстройств, среди которых наиболее распространены депрессивное и тревожное (Joyal et al., 2019).

Известно, что патологический уровень тревоги имеет высокую коморбидность с ПТС; при этом личностная тревожность положительно коррелирует с интенсивностью проявления посттравматической симптоматики (Быховец, Падун, 2019). Также высокая личностная тревожность может являться одним из предикторов развития клинически значимого ПТС, вероятность выраженной динамики которого напрямую зависит от индивидуальных особенностей личности, а также анамнестической картины, связанной с психотравматизацией. Характер и уровень тревожности, с одной стороны, могут варьироваться на фоне ПТС, попадая в его структуру, становясь ассоциированными с ним. С другой стороны – личностная тревожность является относительно устойчивой личностной чертой, которая, в свою очередь, повышает уязвимость субъекта в отношении развития психопатологической симптоматики. Исследование каузальности изучаемых явлений на сегодняшнем этапе не представляется гуманным, вследствие чего описание тревожности в связи с ПТС может осуществляться в логике наблюдения взаимосвязей.

Личностная трансформация начинает осуществляться непосредственно в момент контакта со стрессором высокой интенсивности, являясь реакцией на потрясение и острый стресс (Магомед-Эминов, 2009). Так, например, повышение уровня тревожности может быть зафиксировано непосредственно после контакта со стрессором высокой интенсивности с последующим сохранением выраженности симптома (Азарных, 2018). В дальнейшем, изменения могут носить как регрессивный, так и прогрессивный характер. В первом варианте развивается дезорганизация личностной структуры, нарушается эффективная адаптация личности, во втором – напротив, происходит посттравматический личностный рост (Магомед-Эминов, 2009).

Цель исследования – изучить специфику тревожности у женщин при высоком уровне переживаемого ПТС.

В качестве эмпирической гипотезы исследования выдвинуто предположение о том, что уровень и характер тревожности, а также сопутствующая психопатологическая симптоматика у женщин различаются в зависимости от интенсивности переживаемого ПТС.

С целью проверки исследовательской гипотезы был использован следующий комплекс методик:

1) Опросник травматических ситуаций M. Gray (Life events checklist – 5, LEC-5) в адаптации Н. В. Тарабриной с коллегами;
2) Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности (STAI), автор – Ч. Д. Спилбергер, адаптирована Ю. Л. Ханиным;
3) Я-структурный тест Аммона (Ich-Struktur-Test nach Ammon, ISTA) в адаптации коллектива сотрудников НИИ Бехтерева;
4) Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised – SCL-90R) Л. Дерогати в адаптации Н. В. Тарабриной с коллегами;
5) Тематический апперцептивный тест (Thematic apperception test, TAT) Г. Мюррея.

Респондентами являлись женщины в возрасте от 20 до 60 лет, не имеющие на момент сбора данных выраженных проявлений психотического уровня функционирования и когнитивных нарушений, мешающих прохождению обследования. Полный цикл исследования прошли 100 респондентов в возрасте от 20 до 60 лет, ($n = 100$, $med = 30$).

Показатель ПТС в данной выборке в среднем находится на умеренном уровне. При этом у 10 респондентов признаки ПТС полностью отсутствуют, у 32 респондентов данный показатель находится на низком уровне. Клинически значимые проявления ПТС обнаружены у 17 женщин, принявших участие в исследовании.

Деление выборки исследования по уровню ПТС по медиане позволило сформировать две группы: «Группа 1» – респонденты с низким уровнем ПТС ($n = 54$), «Группа 2» – респонденты с высоким уровнем ПТС ($n = 46$). Для анализа различий по уровню и характеру тревожности, а также по выраженности психопатологической симптоматики, был использован U-критерий Манна–Уитни, позволяющий провести сравнение двух групп респондентов.

В результате сравнения групп с низким и высоким ПТС по выраженности личностной и ситуативной тревожности обнаружены различия на уровне $p<0,05$ по личностной тревожности: у группы респондентов с низким уровнем ПТС личностная тревожность имеет, соответственно, более низкие показатели, чем у группы с высоким уровнем ПТС. Данное различие можно считать констатирующим, подтверждающим описанную в литературном обзоре взаимосвязь данных критериев. Также обнаружены различия

($p<0,05$) по деструктивной тревоге, она более выражена у респондентов с высоким уровнем ПТС.

При анализе оценок тревожности персонажей в рассказах по таблицам ТАТ, вызывающим наиболее яркий эмоциональный отклик, обнаружены различия на уровне значимости ниже $p=0,01$. Респонденты, имеющие более низкий уровень ПТС, транслируют меньшую выраженность неосознаваемого компонента тревожности, чем респонденты с более высоким уровнем ПТС. Полученное различие, с одной стороны, может являться отражением в целом более интенсивных тревожных проявлений у второй группы респондентов, с другой – указывать на динамику избегания, характерную для одного из кластеров посттравматического стрессового расстройства.

Также обнаружены множественные различия в межгрупповом сравнении по психопатологическим проявлениям: на уровне $p<0,05$ по обсессивно-компульсивной симптоматике, межличностной сензитивности, депрессии, фобической тревожности, психотизму, количеству подтвержденных симптомов и индексу наличного симптоматического дистресса; на уровне $p<0,01$ по тревожности (исследуемой в рамках SCL-R-90) и по общему индексу тяжести психопатологической симптоматики. Во всех случаях обнаруженных различий интенсивность психопатологических проявлений наиболее выражена у группы респондентов с высоким уровнем ПТС. Полученные результаты могут интерпретироваться с точки зрения высокой коморбидности посттравматического стрессового расстройства с депрессивным, тревожным расстройствами, с психотическими и социофобическими симптомами.

Проведенное межгрупповое сравнение дополняет исследования, направленные на изучение различий между условно здоровыми, субклиническими и клиническими выборками. Установлены специфические различия, связанными не только с уровнем выраженности психопатологизации, но и с характером ее проявлений.

Изучение тревожности, ассоциированной с ПТС различной природы, принимает важное значение, обращая внимание на ресурсы личности, столкнувшейся с психотравмирующим опытом. Дальнейшее углубление темы может быть направлено на рассмотрение роли различных комбинаций стрессоров высокой интенсивности в формировании профилей тревожности у женщин, а также на включение в смысловую структуру работы конструкта «чувствительность к тревоге», который, предположительно, внесет дополнительную ясность в понимание обнаруженных различий.

Литература

Азарных Т. Д. Тревожность: связь со стрессами и темпераментом у студенток // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. № 8 (150). С. 137–143.

Быховец Ю. В., Падун М. А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 78–89.

Магомед-Эминов М. Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2009. № 3. С. 111–117.

Тарабрина Н. В. Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 6. С. 20–33.

Joyal M., Wensing T., Levasseur-Moreau J., Leblond J., Sack A. T., Fecteau S. Characterizing emotional Stroop interference in posttraumatic stress disorder, major depression and anxiety disorders: A systematic review and meta-analysis // PLoS One. 2019. doi: 10.1371/journal.pone.0214998

Особенности эмоционального интеллекта у подростков, вовлеченных в ситуацию буллинга в разных ролях

Э. М. Алиева, В. В. Раабе

Работа посвящена изучению особенностей эмоционального интеллекта у подростков, вовлеченных в ситуацию буллинга в разных ролях. Было проведено исследование 60 школьников в возрасте от 13 до 17 лет. Исходя из результатов выявлена отрицательная корреляция между каждым аспектом эмоционального интеллекта и виктимностью, а также отсутствие корреляции между аспектами эмоционального интеллекта и агрессивности. Исходя из полученных результатов, мы можем сделать предположение о том, что на выбор подростком роли агрессора в ситуации травли могут оказывать влияние другие факторы, не связанные с эмоциональным интеллектом: например, воспитание, ситуация в семье, особенности психического развития и т. д.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, буллинг, подростки, особенности эмоционального интеллекта.

Буллинг – это осознанное длительное жестокое обращение одного индивида или группы по отношению к другому индивиду или группе. Ключевые исследования буллинга выделяют несколько типов его участников: зачинщики, или же булли; свидетели и жертвы. Важно отметить, что роль подростка в ситуации буллинга может меняться: исследователям известны случаи, когда булли становились жертвами, а жертвы, напротив, становились булли.

Уровень эмоционального интеллекта подростка является важным предиктором его роли в ситуации буллинга. Ранее исследователи предполагали, что зачинщики травли имеют низкий уровень эмоционального интеллекта, основывая этот вывод на отсутствии у них сочувствия к жертве, однако, некоторые современные исследования показывают, что булли, напротив, обладают высоким ЭИ, а жертвы, в свою очередь, обладают более низким уровнем эмоционального интеллекта (Кочетова, Климакова, 2019). Современные исследователи считают, что низкий уровень эмоционального интеллекта оказывает влияние на оценку человеком ситуации в социальном взаимодействии. В случае низкого эмоционального интеллекта оценка будет неадекватной, что способствует проявлению неадаптивных поведенческих стратегий.

Роль эмоционального интеллекта в изучении буллинга является чрезвычайно важной, так как он оказывает влияние на адаптацию человека к социальной среде, успешность или неуспешность его в социальном взаимодействии. Некоторые исследователи отмечают, что эмоциональный интеллект, помимо всего вышеперечисленного, связан с самооценкой человека (Социальный и эмоциональный интеллект..., 2009). Все указанные выше факторы могут повысить риск вовлечения подростка в ситуацию буллинга, так как низкая самооценка, неадаптивное антисоциальное поведение и агрессия являются предикторами начала травли.

Многие исследователи выдвигают гипотезу о том, что булли имеют более низкий уровень аспектов эмоционального интеллекта, чем жертвы, обосновывая это тем, что зачинщики травли, применяющие вербальное и физическое насилие к жертвам, не испытывают к ним сочувствия и благодаря этому могут продолжать систематические издевательства. Так, например, по результатам исследований некоторых авторов зачинщики имеют гораздо более низкий уровень такого аспекта эмоционального интеллекта, как понимание чужих эмоций, чем жертвы. Помимо вышеперечисленного, существуют исследования, говорящие о том, что агрессоры имеют низкий уровень эмпатии, что объясняет систематическое, непрекращающееся применение жестокости по отношению к другим, более слабым людям, не имеющим возможности постоять за себя (Zych et al., 2019).

В связи с этим, целью исследования было выявить особенности эмоционального интеллекта у подростков, вовлеченных в ситуацию буллинга в разных ролях. Гипотеза исследования – под-

ростки, вовлеченные в ситуацию буллинга в роли зачинщика будут иметь более низкий уровень понимания эмоций других, чем жертвы. Данная гипотеза была выдвинута в связи с существованием работ авторов, утверждающих, что зачинщики травли, применяющие вербальное и физическое насилие к жертвам, не испытывают к ним сочувствие, продолжая систематические издевательства.

В исследовании принимали участие девушки и юноши 13–17 лет, обучающиеся в школе. Всего выборку составили 31 девушка и 29 юношей. Учащиеся были отобраны из разных классов школ, с 7 по 11 классы.

Были использованы следующие методики: опросник ЭМиН авторства Д. В. Люсина и опросник «Роль жертвы и агрессора в ситуации школьного буллинга» (опросник Д. Олвеуса в адаптации Е. В. Бушиной и А. М. Муминовой).

Статистическая обработка полученных данных включала в себя проверку распределения на нормальность с помощью критерия Колмогорова–Смирнова и проверку гипотезы с помощью коэффициента корреляции Пирсона (проверка по критерию Колмогорова–Смирнова показала, что распределение нормальное, следовательно, выбор был принят в пользу применения параметрических критериев).

Исходя из полученных результатов было выяснено, что между составляющими эмоционального интеллекта и виктимностью корреляция отрицательная ($p<0,05$), следовательно, чем выше аспекты эмоционального интеллекта, тем ниже уровень виктимности. Тем не менее значимость связи составляющих эмоционального интеллекта с критерием агрессивности не может быть принята ($p>0,05$), следовательно, говорить о корреляции мы не можем.

Результаты помогают нам сделать несколько важных выводов об особенностях эмоционального интеллекта у подростков, вовлеченных в ситуацию буллинга. Нами была получена отрицательная корреляция между виктимностью и составляющими эмоционального интеллекта. Это может быть связано с тем, что низкий уровень понимания и контролирования своих и чужих эмоций способствует выработке неадаптивных поведенческих стратегий в социальном взаимодействии, из-за чего уровень виктимности значительно повышается, следовательно, риск стать жертвой буллинга становится выше. Помимо вышеперечисленного, подростки с низким уровнем составляющих эмоционального интеллекта с большей вероятностью будут испытывать сложности при построении социальных связей, что также оказывает влияние на уровень виктим-

ности подростка. В случае, если подросток не понимает, как вести себя в обществе и заводить социальные связи, его поведение будет распознаваться другими как антисоциальное, следовательно, он с большей вероятностью может стать жертвой буллинга.

Помимо вышеперечисленного, нами были получены результаты о том, что корреляция между агрессивностью и составляющими эмоционального интеллекта не является значимой. Следовательно, выдвинутая нами гипотеза не была подтверждена: подростки, вовлеченные в ситуацию буллинга в роли зачинщиков не имеют проблем с уровнем эмоционального интеллекта.

В свою очередь, полученные результаты подводят нас к выведению новой гипотезы: возможно, выбор подростком роли агрессора в ситуации буллинга могут оказывать влияние другие факторы, не связанные с уровнем эмоционального интеллекта, например, воспитание, обстановка в семье, особенности психического развития и так далее.

Литература

Кочетова Ю. А., Климакова М. В. Эмоциональный интеллект в условиях информационного общества и кибербуллинга // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 2. URL: https://mir-nauki.com/PDF/64PSMN219.pdf (дата обращения: 02.10.2023).

Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям: сб. ст. / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Zych I., Ttofi M. M., Farrington D. P. Empathy and callous – unemotional traits in different bullying roles: a systematic review and meta-analysis // Trauma, Violence & Abuse. 2019. V. 20 (1). P. 3–21.

Коммуникативные трудности подростков с разным уровнем понимания психических состояний

К. М. Алишейхова, А. Ю. Уланова

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей общения подростков в связи с развитием их способности понимать психические состояния других – модели психического. Было выдвинуто предположение о существовании различий в выраженности коммуникативных трудностей у групп с низким и высоким уровнем понимания психических состояний. Выборку составили 65 подростков в возрасте от 13 до 15 лет. Использовались методики на оценку модели психического (тест «Взгляд», задача на социальное понимание), а также опросник коммуникативных трудностей в общении со сверстниками. Удалось обнаружить статистически значимые различия в выраженности инструментальных коммуникативных трудностей у подростков с низким и высоким уровнем социального понимания неоднозначных историй.

Ключевые слова: модель психического, коммуникативные трудности, общение, подростковый возраст, понимание психических состояний.

Подростковый возраст является самым сложным, насыщенным и противоречивым этапом коммуникативного развития. По мере развития подростка, его коммуникативная сфера претерпевает изменения: образуются новые формы и виды взаимодействия, активно формируются коммуникативные навыки, расширяется круг общения, устанавливаются доверительные отношения вне семьи.

Согласно взглядам отечественных психологов (Л. С. Выготского, А. В. Запорожца, А. Н. Леонтьева, М. И. Лисиной, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина и др.), общение со сверстниками признается ведущей деятельностью подросткового возраста. В этот период товарищеские отношения выступают на первый план, в этих контактах подросток начинает черпать социальную поддержку, реализуя необходимую потребность в принятии, сочувствии без потери своей автономии.

В процессе становления личности подростка могут возникать серьезные проблемы в коммуникативной сфере. Наличие коммуникативных трудностей будет мешать подростку устанавливать и поддерживать контакт со сверстниками, грамотно и качественно обмениваться с ними информацией, быть понятым собеседником, что может стать причиной нарушений в социализации подростка (Самохвалова, 2012).

Многие авторы приходят к выводу, что часто причинами коммуникативных трудностей могут выступать различные индивидуально-психологические особенности общения, включающие личностные, волевые, интеллектуальные, социально-культурные различия между собеседником (Джиоева, 2017; Пискунова, 2016; Шапко, 2018). В настоящей работе планируется изучения социально-когнитивных особенностей развития подростков, как возможных факторов развития коммуникативных трудностей. Для этих целей был использован подход «модель психического», оценивающий способность распознавать знания, намерения, эмоции и другие психические состояния партнера, а также учитывать их для прогнозирования своего коммуникативного поведения (Сергиенко и др., 2020). Мы предположили, что дефицит модели психического может выступать фактором риска развития коммуникативных трудностей. Изучение данной взаимосвязи представляется актуальным.

Цель исследования – изучение выраженности коммуникативных трудностей у подростков с разным уровнем понимания психических состояний.

Гипотеза исследования: существуют различия в выраженности коммуникативных трудностей у групп с низким и высоким уровнем понимания психических состояний в подростковом возрасте.

Участники исследования: 65 подростков в возрасте от 13 до 15 лет (24 юноши, 41 девушка). Респонденты являются учащимися 7-х, 8-х, 9-х классов школ Домодедова, Москвы, Каспийска.

Исследование проводилось в онлайн-формате через платформу «Google Forms».

Методики исследования: для оценки понимания психических состояния был использован тест «Взгляд» (Baron-Cohen et al., 2001), предназначенный для изучения способности невербального распознавания внутренних состояний других людей по выражению глаз. Кроме того, была использована задача на оценку социального понимания «Неоднозначные истории», переведенная на русский язык сотрудниками Института психологии РАН, в ходе которой участникам было необходимо дать интерпретацию поведения человека в неоднозначной социальной ситуации (Bosacki, 1998). Для оценки коммуникативных трудностей подростков был использован опросник «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» (Самохвалова, 2014). Опросник позволяет оценить выраженность четырех видом трудностей в общении – базовые, содержательные, рефлексивные и инструментальные.

Результаты исследования

Для проверки гипотезы о том, что существуют различия в выраженности коммуникативных трудностей у групп с низким и высоким уровнем понимания психических состояний в подростковом возрасте, нами было проведено два типа сравнения между показателями модели психического и коммуникативных трудностей.

В первом сравнении после разделения подростков на группы в соответствии с уровнем их понимания психических состояний по глазам (тест «Взгляд»), был проведен анализ средних значений различных типов коммуникативных трудностей у детей с низким и высоким уровнем понимания эмоций по глазам. Анализ проводился с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни ($p = 0,05$). Согласно полученным данным, статистически значимые различия обнаружены не были.

Во втором сравнении подростки были разделены на группы в соответствии с результатами по задаче «Неоднозначные истории». Анализ проводился с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни ($p = 0,05$). Согласно полученным данным, были обнаружены статистически значимые различия в выраженности только одного из типов, а именно инструментальных коммуникативных трудностей у подростков с низким и высоким уровнем социального понимания неоднозначных историй ($U = 187,5$ при $p = 0,038$). Данный результат указывает на то, что подросткам с высокими инструментальными трудностями сложно дается понимание мен-

тальных состояний партнеров по общению, у них возникают проблемы с восприятием коммуникативной ситуации, они плохо интерпретируют поведение своих собеседников.

Такой результат может быть связан с тем, что методика «Неоднозначные истории» оценивает социально-когнитивный компонент модели психического, требует в первую очередь словесных рассуждений об аффективных и психических состояниях других людей, что видится более подходящим для анализа коммуникации и поиска тенденций в развитии коммуникативной сферы подростков. Тест «Взгляд» оценивает социально-перцептивный компонент, психические состояния других людей в данной методике определяются на основе невербальных сигналов, что как показало исследование, не позволяет выявить согласованность с затруднениями в коммуникативном развитии подростков.

Таким образом, гипотеза подтверждается частично: при разделении выборки по результатам теста «Взгляд» на группы с разными уровнями понимания эмоций по глазам не было обнаружено различий в выраженности коммуникативных трудностей, а при разделении этой же выборки по результатам методики «Неоднозначные истории» на группы с разными уровнями социального понимания неоднозначных историй было обнаружено, что инструментальные коммуникативные трудности выше у тех подростков, кто хуже распознает неоднозначные социальные ситуации.

Литература

Джиоева О. Ф. Коммуникативные трудности в общении // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 55 (3). С. 334–340.

Пискунова А. В. Трудности в общении подростков // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2016. С. 55–59.

Самохвалова А. Г. Коммуникативные трудности подростка. Субкультурный аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 3. № 4.

Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Шапко Н. А. Содержательные характеристики коммуникативных барьеров общения в подростковом возрасте // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. С. 68–75.

Диалогическое интернет-взаимодействие пользователей в условиях речевых провокаций*

В. А. Афиногенова

Исследование продолжает серию работ, посвященных феномену речевой провокации, и нацелено на изучение диалогического онлайн-взаимодействия при их появлении. Материал исследования – обсуждения популярных постов в онлайн-сообществе «Москва 24» в социальной сети «В контакте». Выявлено 11 категорий провокативных интенций, среди которых преобладают «унизить», «выразить иронию», «высмеять», «возразить». Провокативная линия изменяет текущее взаимодействие и получает развитие в трети случаев. Чаще выявляется ответное сопротивление партнера, однако дальнейшая конфронтация обнаруживается не всегда, что сопряжено с нежеланием развивать конфликт. Описаны способы противодействия речевой провокации в Интернете.

Ключевые слова: диалогическое онлайн-взаимодействие, речевые провокации, провокативные интенции, интент-анализ, противодействие речевой провокации.

В последние десятилетия проблема речевых провокаций становится особенно острой, ведь бурное развитие информационного общества открывает новые возможности онлайн-коммуникации, позволяя открыто выражать свою точку зрения, вести полемику, а нередко – оскорблять, унижать, высмеивать собеседника, про-

* Подготовлено по Госзаданию № 0138-2023-0004.

воцируя на ответные речевые действия. Феномен речевой провокации широко исследуется политологами, лингвистами, социологами, психологами и другими учеными (О. С. Волкова, А. В. Глухова, О. С. Иссерс, В. О. Кузнецов, В. Н. Степанов, А. А. Штеба и мн. др.). Однако до сих пор он не имеет емкого определения, которое позволяет охарактеризовать это явление вне зависимости от условий его проявления.

Мы придерживаемся определения О. С. Иссерс, которая понимает под речевой провокацией коммуникативный сбой, организованный говорящим для достижения определенных целей, что побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия (Иссерс, 2009). В данном исследовании предполагается продолжить разработку проблемы речевой провокации в контексте диалогического взаимодействия пользователей.

Цель исследования: изучение диалогического интернет-взаимодействия при появлении речевых провокаций.

Гипотезы исследования: 1) реплики пользователей, реализующих речевые провокации, всегда получают негативно окрашенные отклики коммуникантов; 2) появление речевых провокаций изменяет текущую линию взаимодействия и приводит к конфронтации пользователей.

Методика

Участники исследования: 105 человека (по данным в открытых интернет-источниках, 56 мужчин, 49 женщин).

Материал исследования: 10 популярных постов об актуальных событиях в онлайн-сообществе «Москва 24» в социальной сети «В контакте» и их обсуждение (427 комментариев, $M = 43$, $min = 20$, $max = 101$). Отбирались популярные (имеющие более 1000 просмотров) сообщения, получившие более 20 комментариев, которые были опубликованы в январе-феврале 2023 г.

Основной метод исследования – интент-анализ, который позволяет реконструировать стоящие за речью интенции коммуникантов и выявить элементы интенционального содержания, связанные с текущим взаимодействием, коммуникативными тактиками, риторическими приемами и др. (Павлова, Гребенщикова, 2017).

Результаты и их интерпретация

Проведенный интент-анализ выявил 11 категорий провокативных интенций ($n = 487$), присущих диалогическому взаимодействию

пользователей в Интернете. Опираясь на представление О. С. Иссерс о речевой провокации (Иссерс, 2009), мы относим к провокативным интенции, побуждающие собеседника к таким речевым действиям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия. Наиболее частотны (более 50 случаев реализации) такие категории провокативных интенций, как «унизить» (n = 95), «выразить иронию» (n = 79), «высмеять» (n = 74), «возразить» (n = 59).

Реализованные в онлайн-взаимодействии речевые провокации (n = 487) отнюдь не всегда оказываются успешными: в 67% случаев реплики партнеров, содержащие провокативные интенции, не получают какого-либо отклика. Это обусловлено особенностями онлайн-обсуждений, которые отличаются значительной гибкостью: коммуникант может не отвечать на реплики партнера и при этом оставаться участником взаимодействия. Лишь в 33% случаев подобные интенции получают отклик партнера, однократный или множественный, содержащий не только провокативные (относящиеся к негативным), но также нейтральные и позитивные интенции. Гипотеза 1 подтверждена частично.

Успешная речевая провокация (имеющая отклик собеседника) изменяет текущую линию взаимодействия пользователей (n = 160). В 88% случаев выявляется ответное сопротивление: партнер возражает, критикует, иронизирует, возмущается и т. п. («У наших режиссеров мозгов не хватает! Всё, что они способны снять, – на канале НТВ». – «Да хорош тебе! Хаять каждый может»; «Так им и надо, регионщикам! Еще туда деньги тратить будем что ли?!» – «Нам не нужны ваши, отдайте наши! У вас все чужими руками делается! Потребители!»). Вместе с тем дальнейшая конфронтация обнаруживается не всегда: лишь в 37% случаев провокативная линия диалога получает развитие, нередко за счет отсроченных откликов собеседников. Интересно, что провокативные линии многочисленны и непродолжительны (до 6 реплик), что сопряжено с нежеланием развивать конфликт и вместе с тем со стремлением дать провокативный, выразительный отклик. При этом формат интернет-взаимодействия позволяет оставить реализованные интенции без ответа и не разрушить текущий диалог.

В 12% случаев (n = 19) обнаруживаются попытки уклониться от провокативной линии и продолжить диалог, реализуя интенции нейтрального и позитивного характера, такие как, «выразить мнение», «выяснить», «посоветовать», «пояснить», «самопрезентоваться», «выразить восхищение» и др. («Себя он не предложил запретить как человека, выдающего бредовые идеи на всеобщее

обозрение?» – «А что он не так предложил?»). Однако подобные провокативные линии не получают продолжения: диалог возвращается в аналитическое русло. Гипотеза 2 подтверждена частично.

Проведенный анализ позволил сформулировать способы противодействия речевой провокации в Интернете. Наиболее эффективным является ее игнорирование. Возможно уклонение от реализованной провокации и аргументированное проявление своей позиции. Отсутствие длительной дискуссии с провокатором также вынуждает его прекратить свои действия. Подобные варианты сопротивления партнеру-провокатору отмечаются и другими исследователями (Строганов, 2017; Milosevic, 2016; и др.), что указывает на их универсальность и результативность.

Выводы

Выявлено 11 категорий провокативных интенций, присущих диалогическому взаимодействию пользователей в Интернете, среди которых преобладают такие категории, как «унизить», «выразить иронию», «высмеять», «возразить».

Провокативные линии изменяют текущее взаимодействие и получают развитие примерно в трети случаев. Они непродолжительны и нередко «вплетаются» в основную линию обсуждения за счет отсроченных откликов партнеров. Чаще всего выявляется ответное сопротивление партнера, однако дальнейшая конфронтация обнаруживается не всегда, что сопряжено с нежеланием развивать конфликт и возможностью оставить интернет-провокацию без ответа. Обнаруживаются немногочисленные случаи уклонения от провокативной линии, которые не получают продолжения: диалог возвращается в аналитическое русло.

Представлено несколько способов противодействия речевой провокации в Интернете, среди которых ее игнорирование, уклонение, а также отсутствие длительной дискуссии с провокатором, что вынуждает его прекратить свои действия.

Литература

Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.

Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А. Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Строганов В. Б. Методы противодействия манипуляции в Интернете // Инновационный потенциал молодежи: информационная,

социальная и экономическая безопасность. Материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции. Ек.: УрФУ, 2017, С. 414–417.
Milosevic T. Social media companies' cyber-bullying policies // International Journal of Communication. 2016. V. 10. P. 5164–5185.

Об удовлетворенности академическим научным наставничеством его участниками

М. А. Баева, М. Д. Кондратьев

В тексте описаны результаты исследования связи удовлетворенности академическим научным наставничеством и сходства характеристик его участников. Участниками исследования являлись 28 пар «научный руководитель–студент». Использовались пятифакторный опросник личности 5PFQ, опросник стилей деятельности LSQ, опросник стилей реагирования на изменения, авторская анкета «взаимодействие с научным руководителем/студентом», созданная на основе анкеты удовлетворенности наставнической поддержкой. Значимые взаимосвязи не обнаружены. Предполагается, что дальнейший поиск следует осуществлять в логике оценки роли индивидуально-психологических характеристик, а не их сходства.

Ключевые слова: наставничество, удовлетворенность взаимодействием, академическое наставничество.

Представленная исследовательская работа посвящена изучению факторов удовлетворенности взаимодействием в системе «научный руководитель–студент», которая рассматривается в качестве формального академического научного наставничества в конкретном структурном подразделении одного из крупных московских вузов.

При созданных условиях, обеспечивающих свободу выбора, участники обеих сторон заинтересованы в том, чтобы принять решение относительно друг друга, которое приведет пару к наилучшим результатам. Помимо базовых критериев совпадения участ-

ников научного руководства, таких как научные интересы и схожее видение процесса работы, нам, как и другим исследователям феномена наставничества, стало интересно – есть ли связь между психологическими характеристиками участников пары и эффективностью работы в ней? Проблема исследования заключается в возникшем за годы исследования феномена наставничества противоречии – чем опосредована удовлетворенность взаимодействием в паре наставничества – индивидуальными характеристиками или совпадением определенных психологических характеристик у участников пары?

Цель исследования: выяснить, как связаны удовлетворенность взаимодействием в системе «научный руководитель–студент» и совпадение определенных психологических характеристик в паре.

Гипотеза исследования сформулирована следующим образом: существует значимая прямая взаимосвязь между степенью сходства черт личности, стилей деятельности, стилей реагирования на изменения и удовлетворенностью взаимодействием в системе «научный руководитель–студент». Обоснованием гипотезы является позиция ряда авторов, рассматривающих указанное сходство в качестве источника удовлетворенности и эффективности взаимодействия в таких парах.

Участниками исследования стали 28 пар «руководитель–студент» одного структурного подразделения, выполняющие совместную работу впервые.

На основании анализа литературы в качестве методик исследования были выбраны: для оценки черт личности – русскоязычная версия пятифакторного опросника личности 5PFQ (Хромов, 2010); для измерения стилей деятельности – русскоязычная адаптация опросника стилей деятельности, LSQ (Ишков, Милорадова, 2004); для измерения стилей реагирования на изменения – опросник стилей реагирования на изменения (Базаров, Сычева, 2012); для оценки удовлетворенности – авторская анкета «взаимодействие с научным руководителем/студентом», созданная на основе анкеты удовлетворенности наставнической поддержкой (Menges, 2015).

При анализе данных применялись методы математической статистики, использовались: проверка распределений на нормальность с помощью критерия Колмогорова–Смирнова (распределение отличается от нормального, принято решение в пользу использования непараметрических критериев); для проверки гипотезы использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Для оценки степени сходства исследуемых характеристик в паре использовались квадраты разности характеристик участников взаимодействия.

Математическая обработка собранных данных показала, что ни в одном из указанных компонентов заявленной гипотезы для участников исследования указанная гипотеза о связи удовлетворенности взаимодействием в системе «научный руководитель–студент» и сходством психологических характеристик обнаружить значимые взаимосвязи не удалось. Это дает основания утверждать, что результаты проведенного исследования не свидетельствуют в пользу рассмотрения степени сходства черт личности, стиля деятельности, стиля реагирования на изменения в качестве основы для удовлетворенности взаимодействием в системе «научный руководитель–студент» академического научного наставничества.

Главным выводом по результатам проведенного исследования можно считать отсутствие значимой взаимосвязи между совпадением исследованных характеристик в паре и удовлетворенностью взаимодействием в ней.

Среди ограничений исследования имеет смысл рассмотреть объем выборки, который следует увеличить в последующих работах в этом направлении, хотя подбор участников исследования составляет для авторов серьезную трудность, поскольку для части студентов, особенно – академически неуспешных, непросто найти подходящую мотивацию участия в исследовании. Еще одним очевидным ограничением является использование в исследовании коллег, обучающихся и работающих в одном структурном подразделении.

Полученные результаты приводят нас к новым гипотезам: возможно, что вклад в удовлетворенность взаимодействием вносят индивидуально-психологические характеристики, а не их совпадение в паре.

Мы продолжим исследования, посвященные данной проблематике.

Литература

Базаров Т. Ю., Сычева М. Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» // Психологические исследования. 2012. Т. 5. doi: 10.54359/ps.v5i25.745

Ишков А. Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности. Монография. М.: АСВ, 2004.

Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000.
Menges C. Toward improving the effectiveness of formal mentoring programs: Matching by personality matters // Group & Organization Management. 2016. V. 41. № 1. С. 98–129.

Исследование процесса формирования взрослой идентичности в ходе кризиса четверти жизни на отечественной выборке

М. В. Балыкова, Н. Ю. Ярыгина

Целью данного исследования являлось изучение психологического содержания кризиса четверти жизни как кризиса идентичности на отечественной выборке. Нами была сформирована выборка, состоявшая из 40 человек возраста от 18 до 28 лет, обратившихся или планирующих обратиться за психологической помощью и обучающихся по программам высшего образования. Полученные нами эмпирические данные убедительно демонстрируют у опрошенных наличие кризиса идентичности на разных стадиях его прохождения. Было показано, что кризис четверти жизни действительно является нормативным кризисом идентичности, при этом его главным новообразованием является взрослая идентичность.

Ключевые слова: идентичность, возрастной кризис, личность, период взросления, кризис четверти жизни

В настоящий момент кризис четверти жизни (проходящий в период с 18 до 30 лет) рассматривается как нормативный возрастной кризис периода взросления, однако, основной задачей данного кризиса может являться формирование взрослой идентичности. Взрослая идентичность не только позволяет личности решать качественно новые задачи по сравнению с подростковой идентичностью, но и испытывать при этом меньше тревоги и ощущать большую удовлетворенность результатами деятельности. Именно поэтому

в ходе данного исследования мы исходили из предположений о том, что лица, обращающиеся за психологической помощью в возрасте от 18 до 28 лет, находятся в процессе трансформации подростковой идентичности во взрослую, а также что кризис 25 лет является по своей сущности кризисом идентичности и его центральным новообразованием является взрослая идентичность. Таким образом целью нашего исследования являлось изучение психологического содержания кризиса взросления именно как кризиса взрослой идентичности на отечественной выборке. Нами были сформулированы следующие гипотезы:

Лица, обращающиеся за психологической помощью в возрасте от 18 до 28 лет, находятся в процессе формирования зрелой идентичности.

Кризис 25 лет является по своей сущности кризисом идентичности и его центральным новообразованием является взрослая идентичность.

Нами была сформирована выборка, состоявшая из 40 человек возраста от 18 до 28 лет, обратившихся или планирующих обратиться за психологической помощью и обучающихся по программам высшего образования.

Методы исследования

Для анализа выраженности данных процессов формирования идентичности (принятие обязательств, идентификация с обязательствами, экстенсивное исследование себя/идентичности, интенсивное исследование себя/идентичности, руминативное исследование себя/идентичности) нами, вслед за K. Luyckx и др. (Luyckx et al., 2016), была сформирована авторская анкета, состоящая из 25 утверждений. Дополнительно для получения данных о степени сформированности идентичности в отдельных сферах жизни нами использовался опросник личностной и социальной идентичности А. А. Урбановича. Для получения дополнительных данных об уровне рефлексивности, самооценки личности были выбраны следующие методики: опросник рефлексивности А. В. Карпова и тест-опросник «Определение уровня самооценки» С. В. Ковалева. С целью изучения соответствия формирующейся идентичности ценностно-смысловой сфере опрашиваемых использовался тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева.

Полученные первичные данные были подвергнуты кластерному анализу методом k-средних, по результатам которого были выделены 6 кластеров: предопределенная идентичность (докри-

зисный этап), проблемная диффузия, мораторий, экстенсивное исследование, интенсивное исследование, достигнутая идентичность (посткризисный этап). Далее представлены описания выделенных кластеров, при этом они рассматриваются как «срезы» процесса формирования взрослой идентичности:

1. «Предопределенная идентичность»: для данной группы опрошенных были характерны высокие значения показателя «принятие обязательств» (0,60), пониженный уровень идентификации с обязательствами (–0,23) и крайне низкие значения по показателям «экстенсивный поиск» (–1,90), «интенсивный поиск» (–1,73) и «руминативный поиск» (–2,07). Лица, обладающие предопределенной идентичностью, часто характеризуются высокой приверженностью обязательствам под влиянием традиций или обычаев.
2. «Проблемная диффузия»: данный кластер может представлять собой первую стадию именно кризиса идентичности, так как происходит резкое сбрасывание обязательств (что выражено в снижении таких параметров, как «принятие обязательств» (–2,07) и «идентификация с обязательствами» (–1,40)). Одновременно включаются процессы поиска/исследования (особенно руминативного поиска (1,27), обычно сопровождающегося повышенным уровнем тревожности и сниженным фоном настроения). На фоне роста как рефлексии (7), так и самооценки (110) (что, вероятно, играет компенсаторную роль в условиях временного вакуума идентичности), происходит снижение идентификации себя в отдельных сферах и снижение общей осмысленности жизни (48,67).
3. «Мораторий»: в данном кластере процесс экстенсивного поиска (0,38) постепенно сменяет руминативный поиск (0,27), и, одновременно, существенно уменьшается степень отторжения обязательств (–0,20; –0,40). Осмысленность жизни у респондентов данной группы повышается; наблюдается, однако, снижение самооценки (до нормального уровня – 87) и способности к рефлексии (6).
4. «Экстенсивное исследование»: в данном кластере доминирует процесс экстенсивного поиска (0,90), при этом выраженность процессов принятия обязательств и идентификации с ними приближается к средним по выборке значениям. В данной группе продолжается тенденция к росту осмысленности жизни (87,0), при этом наблюдается дальнейшее снижение самооценки и рефлексивности.

5. «Интенсивное исследование»: в данной группе наблюдается достаточно резкий рост идентификации себя в различных сферах, осмысленности жизни (107,2). Экстенсивный поиск постепенно теряет прежнюю значимость, при этом личность отказывается от деструктивного руминативного поиска идентичности. Одновременно с этим впервые в ходе кризиса наблюдается принятие новых обязательств (0,80) и способность идентифицировать себя с ними (0,70).
6. «Достигнутая идентичность»: максимальную выраженность приобретает процесс интенсивного, т. е. сфокусированного в едином направлении, поиска/исследования выбранной идентичности (1,60), принятия и идентификации с обязательствами. Идентичность в различных сферах жизни также более сформирована; данная группа также продемонстрировала самые высокие значения осмысленности жизни (126,0). Снижение самооценки, вероятно, связано с тем, что с обретением основ взрослой идентичности личность перестает нуждаться в компенсирующем воздействии завышенной самооценки.

Выводы

Сопоставление полученных стадий кризиса идентичности с фазами кризиса четверти жизни также может демонстрировать их частичное совпадение: статус «предопределенной идентичности» сопоставим с фазой 1 кризиса четверти жизни («ловушка»), статус «проблемной диффузии» совпадает с фазой 2а («отделение»), далее фаза 2б («перерыв») представлена статусом «моратория». Статусы или стадии «экстенсивного исследования» и «интенсивного исследования» равнозначны фазе 3 («исследование»). Стадия «достигнутой идентичности», вероятнее всего, относится к фазе 4 («восстановление»), так как происходит завершение кризиса и формирование взрослой идентичности.

Ключевые процессы, происходящие с личностью в ходе кризиса идентичности в данном возрасте, совпадают с теми, что протекают в ходе кризиса четверти жизни; можно предположить, что центральным новообразованием кризиса 25 лет является именно взрослая идентичность, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Таким образом, кризис четверти жизни может рассматриваться как нормативный кризис идентичности у лиц возраста 18–30 лет в западно-ориентированных цивилизациях, предполагающих более позднее принятие всех обязательств взрослой жизни.

Литература

Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // Journal of Research in Personality. 2008. V. 42. Iss. 1. P. 58–82.

Роль контроля поведения при реализации академической прокрастинации на разных этапах получения высшего образования*

Н. С. Бархатова, И. И. Ветрова

В статье представлен подход к проблеме академической прокрастинации как дисфункции регуляторных процессов. В исследовании приняли участие 168 человек от 18 до 62 лет. Были использованы методики: «Контроль поведения», «Шкала оценки академической прокрастинации PASS», «Шкала тревоги Спилбергера». Были выявлены стабильные связи между отдельными показателями регуляции поведения, академической прокрастинации и уровнем тревожности, которые не зависят от уровня получаемого образования. Отдельные различия между студентами на разных ступенях высшего образования получены по степени выраженности контроля поведения, академической прокрастинации и уровня тревожности, а также на уровне структуры связей.

Ключевые слова: регуляция поведения, саморегуляция, контроль поведения, когнитивный контроль, эмоциональный контроль, волевой контроль, прокрастинация

Феномен прокрастинации в последнее время обретает все большую популярность не только в научной сфере, но и в обыденном знании. Прокрастинация становится трендом, в то время как не-

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005.

гативные последствия прокрастинирующего поведения по-прежнему проявляются как в академической сфере, так в профессиональной деятельности.

Дж. Феррари предположил, что прокрастинацию можно рассматривать как сбой в процессе саморегуляции, при котором прокрастинаторы не могут регулировать свою деятельность в ситуациях стресса и высокой когнитивной нагрузки (Ferrari, 2011). П. Стил рассматривает в качестве прокрастинации стремление к сиюминутному удовольствию (Steel, 2007). Т. е. прокрастинацию можно назвать осознанным пренебрежением по отношению к важным делам, в угоду собственным желанием и субъективно значимым потребностям – дисфункцией саморегуляции по подавлению одной схемы поведения и замещения ее другой более релевантной и продуктивной в определенном моменте. Е. А. Сергиенко рассматривает регуляцию поведения как более широкое понятие, чем саморегуляция, и предлагает конструкт «контроль поведения» – интегративный конструкт субъектной регуляции (Сергиенко, 2018).

В отечественной науке в рамках изучения прокрастинации, как сложного системного феномена, в работах И. Н. Кормачевой внутренний план прокрастинации включает в себя мотивационный, эмоциональный и волевой и когнитивный компоненты (Кормачева, 2020). Можно предположить, что контроль поведения, предлагаемый Е. А. Сергиенко, подходит для более эффективного изучения взаимосвязи саморегуляции с феноменом академической прокрастинации за счет своей структуры, включающей когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты.

Предполагая, что этап получения образования будет сопряжен с общим уровнем развития регулятивных функций, мы оцениваем особенности прокрастинации и тревожности, как возможных показателей эффективности/неэффективной регуляции поведения.

Целью работы стало изучение особенностей регуляции поведения, академической прокрастинацией и тревожности у студентов на разных этапах получения высшего образования.

В исследовании приняли участие 168 человек (139 женщин и 29 мужчин) в возрасте от 18 до 62 лет.

Группу 1 составили 84 человека в возрасте от 18 до 35 лет, получающие первое высшее образование (первый бакалавриат). Средний возраст – 21 год (медиана – 21).

В группе 2 – 84 человека в возрасте от 21 до 62 лет. В нее вошли респонденты продолжавшие свое обучение после получения сте-

пени бакалавра (магистратура, аспирантура, второе высшее и т. д.). Средний возраст – 36 лет (медиана – 35).

Методики:

1. Опросник «Контроль поведения» Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленской, И. И. Ветровой (Сергиенко и др., 2023).
2. «Шкала оценки академической прокрастинации PASS» Л. Соломона и Э. Ротблюма в адаптации М. В. Зверевой (Зверева, 2015) (Procrastination Assessment Scale for Students).
3. «Шкала тревоги Спилбергера» в адаптации Ю. Л. Ханина (State-Trait Anxiety Inventory – STAI).

Результаты

При сравнении исследуемых групп с помощью критерия Манна–Уитни были выявлены статистически значимые различия: общий уровень контроля поведения ($p=0{,}001$), когнитивный контроль ($p=0{,}012$), волевой контроль ($p=0{,}001$) преобладают у студентов, продолжающих обучение. Так же у них выше уровень шкал «Избегание неудач» и «Самоконтроль» методики PASS ($p=0{,}000$ и $p=0{,}000$, соответственно), которые входят в блок личностных характеристик – проекторов прокрастинации. У студентов первого высшего образования значимо выше показатели по шкалам PASS «Плохой перфекционизм» ($p=0{,}000$) и «Вызов» ($p=0{,}001$), диагностирующих причины прокрастинации, «Организованность» ($p=0{,}000$) и «Импульсивность» ($p=0{,}014$), измеряющим личностные протекторы прокрастинации, а также выше уровень «Ситуативной тревожности» ($p=0{,}021$).

Корреляционный анализ (критерий Спирмена) выявил многочисленные отрицательные связи между причинами прокрастинации («Социальная тревожность», «Лень», «Плохой перфекционизм» и «Вызов») и всеми шкалами контроля поведения в диапазоне от $-0{,}17$ до $-0{,}45$ ($p<0{,}05$). Однако личностные черты-протекторы прокрастинации связаны с контролем поведения не так однозначно. Шкалы PASS «Организованность» и «Избегание неудач» не имеют связей с контролем поведения. «Импульсивность» слабо связана с общим уровнем контроля поведения ($r=-0{,}2$, $p<0{,}05$), эмоциональным контролем ($r=-0{,}23$, $p<0{,}05$) и волевым контролем ($r=-0{,}15$, $p<0{,}05$). «Самоконтроль» же имеет положительные связи с общим уровнем контроля поведения ($r=0{,}3$, $p<0{,}05$), когнитивным контролем ($r=0{,}3$, $p<0{,}05$) и волевым контролем ($r=0{,}25$, $p<0{,}05$).

При анализе связей шкалы PASS и показателями тревожности выявлены положительные связи всех шкал причин прокрастина-

ции («Социальная тревожность», «Лень», «Плохой перфекционизм» и «Вызов»), а также шкалой «Организованность» как с ситуативной тревожностью, так и с личностной тревожность на уровне от 0,16 до 0,53 ($p<0,05$).

В случае с контролем поведения все связи шкал тревожности стабильно отрицательные на уровне от −0,25 до −0,54 ($p<0,05$).

При анализе связей отдельно по исследуемым группам так же выявлены прочные взаимосвязи дефицитов регуляции поведения и проявлений прокрастинации вне зависимости от уровня получаемого образования:

- общий уровень контроля поведения имеет обратные связи с причинами прокрастинации,
- также отдельно когнитивный контроль обратно связан с «Ленью»,
- эмоциональный контроль обратно связан с «Социальной тревожностью»,
- волевой контроль обратно связан с «Социальной тревожностью», «Ленью» и «Вызовом».

То есть можно отметить наибольший вклад дефицита волевого контроля в реализацию прокрастинации.

В ситуации с уровнем тревожности, независимо от уровня получаемого образования именно личностная тревожность имеет стабильные обратные связи со всеми компонентами контроля поведения. Ситуативная тревожность прочно обратно связана только с общим уровнем контроля поведения и эмоциональным и волевым контролем.

Помимо универсальных связей контроля поведения, прокрастинации и тревожности были выявлены специфические связи, характерные только для одного из изучаемых этапов получения высшего образования. Более того, показатели личностных характеристик прокрастинации «Организованность» и «Импульсивность» кардинально отличаются у респондентов группы 1 и группы 2 в области связей с контролем поведения. У студентов, получающих первое высшее образование, «Организованность» обратно связана с уровнем общего контроля поведения, в то время как у студентов, продолжающих свое обучение, «Организованность» имеет прямую связь с общим уровнем контроля поведения.

Можно предположить, что на более раннем этапе получения высшего образования организованность выступает как компенсаторная стратегия поведения, связанная с недостаточным уровнем

регуляции поведения и повышенным уровнем тревожности. У более взрослых респондентов, получающих последующее высшее образование, организованность теряет связи с тревожностью и становится релевантным контролю поведения регуляторным механизмом.

«Импульсивность», в отличии от организованности, не имеет связей с тревожностью у всех респондентов вне зависимости от ступени получаемого образования. «Импульсивность» у студентов, получающих первое высшее образование, напрямую связана с когнитивным контролем (что можно объяснить определенным ощущением когнитивной контролируемости своего поведения, приводящим к спонтанным решениям, ведущим к прокрастинации в виду не совсем верного выбора целей).

Студенты продолжающие свое обучение после получения первого высшего образования демонстрируют обратную связь «Импульсивности» с когнитивным контролем. Вероятно, профессиональное развитие и расширение жизненного опыта приводят к более верной постановке целей и исключению импульсивных решений на уровне когнитивной регуляции.

Обобщая результаты проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Существую различия по отдельным показателям контроля поведения, академической прокрастинации и тревожности у студентов на разных этапах получения высшего образования.
2. Существуют стабильные взаимосвязи между отдельными показателями регуляции поведения, академической прокрастинации и уровнем тревожности, которые не зависят от уровня получаемого образования.
3. Различия между студентами на разных ступенях высшего образования получены не только по степени выраженности контроля поведения, академической прокрастинации и уровня тревожности, но и на уровне структуры связей, что свидетельствует об особенностях регуляторных процессов в зависимости от стадии профессионального развития (Бодров, 2001).
4. Контроль поведения, академическая прокрастинация и тревожность являются системой регуляторных процессов, имеющей свою специфику на разных этапах получения высшего образования.

Литература

Кормачева И. Н. Системные представления об эмоциональных, волевых и мотивационных детерминантах прокрастинации // Сис-

темная психология и социология. 2020. № 3 (35). С. 39–50. doi: 10.25688/2223-6872.2020.35.3.3

Сергиенко Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 130–146. doi: 10.31429/26190567-19-4-130-146

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ветрова И. И. Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 1. С. 182–200. doi: 10.17759/exPsy.202316011

Ferrari J. R. Procrastination as self-regulation failure of performance: effects of cognitive load, self-awareness and time limits on 'working best under pressure' // European Journal of Personality. 2001. № 15 (5). P. 391–406.

Steel P. The nature of procrastination: a meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // Psychological Bulletin. 2007. № 1 (133). P. 65–94.

Пространственные активности в детстве и уровень развития пространственных способностей во взрослом возрасте: ретроспективное исследование*

К. В. Барцева, М. В. Лиханов, Е. А. Аленина, Г. А. Вартанян, Е. Л. Солдатова

Исследование направлено на изучение связей между пространственными способностями (ПС), измеренными во взрослом возрасте, и детскими пространственными активностями (ПА), такими как сборка конструкторов или занятия спортом, оцененными ретроспективно. Результаты тестирования 350 человек (87% женщин, возраст варьировался в диапазоне от 16 до 60 лет со средним 23,58) были проанализированы в иерархической регрессионной модели, в которой на первом уровне оценивались эффекты пола, возраста и формата прохождения тестирования (на компьютере или телефоне), а на втором – эффекты восьми видов ПА. Данная модель объяснила 20% наблюдаемой дисперсии в ПС. Полученные результаты соотносятся с эффектами, описанными ранее в литературе.

Ключевые слова: пространственные способности, ретроспективное исследование, детские игры, активности, гендерные различия.

Пространственные способности (далее – ПС) можно определить как конструкт, позволяющий создавать, вспоминать, хранить и из-

* Данное исследование является частью проекта, поддержанного Российским научным фондом, № 23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости личности в ситуации изоляции».

менять пространственные отношения между объектами (Likhanov и др., 2022). Современные исследования свидетельствуют о том, что ПС поддаются развитию, а разные виды деятельности, получившие обобщенное название «пространственные активности» (далее – ПА) могут оказывать влияние на уровень развития ПС (Doyle et al., 2012). Так, метаанализ, обобщивший результаты 217 интервенционных исследований, подтвердил то, что ПС в целом поддаются тренировке и средний размер эффекта при сравнении прогресса тренировочной группы относительно контроля составляет примерно половину стандартного отклонения (Hedges's g = 0,47) (Uttal и др., 2013). Особенно эффективно развитие ПС в детском возрасте: метаанализ, обобщивший результаты 20 исследований с детьми в возрасте до 8 лет, также указал на возможность развития ПС с помощью интервенций (Hedges's g = 0,96) (Yang и др., 2020). Среди видов деятельности, которые способствуют развитию ПС в детском возрасте, ученые выделяют сборку конструкторов, занятия музыкой и танцами, видеоигры и др. Исследования также показывают, что детские пространственные активности (информация о которых часто собирается ретроспективно) значимо связаны с уровнем развития пространственных способностей во взрослом возрасте (Doyle et al., 2012).

Настоящее исследование направлено на уточнение взаимосвязей между ПС, измеренными во взрослом возрасте, и детскими ПА, оцененными ретроспективно на российской выборке, и является частью большого проекта, направленного на изучение взаимосвязи ПС с автобиографическими (особенно ностальгически окрашенными) воспоминаниями.

Методы

Участники и процедура. В исследовании приняло участие 350 человек (87% женщин, средний возраст – 23,58, диапазон от 16 до 60, стандартное отклонение – 7,48). Сбор данных был одобрен Этическим комитетом Томского государственного университета, все участники дали добровольное информированное согласие. Сбор данных проводился онлайн, пройти тестирование можно было как с компьютера, так и с мобильного телефона участника. В среднем процедура тестирования длилась 45 минут.

Инструменты. В начале участникам было предложено ответить на социодемографические вопросы и на ретроспективный вопрос об уровне вовлеченности в ПА («Отметьте, какие виды активности были наиболее интересны вам в детстве?»). Уровень про-

странственных способностей оценивался с помощью двух тестов на пространственное мышление: «Вращение фигур» и «Базовая механика» из Короткой онлайн-батареи пространственных способностей (Budakova и др., 2021). В рамках теста «Вращение фигур» участникам нужно было выбрать из пяти двумерных изображений такое, которое при повороте совпало бы с изображением-образцом. В рамках теста «Базовая механика» участникам нужно было визуализировать движение: например, в какую сторону повернется одна из шестеренок, если шестеренка, опосредованно соединенная с ней, сделает оборот по часовой стрелке. Данные тесты уже использовались на русскоязычной студенческой выборке, показав хорошую надежность и валидность (Likhanov и др., 2022).

Результаты

Для изучения взаимосвязи между ПА и ПС нами была построена иерархическая регрессионная модель, в которой уровень ПС (сумма результатов тестов «Вращение фигур» и «Базовая механика») стал зависимой переменной.

На первом уровне в качестве независимых переменных в модель были добавлены пол, возраст и формат прохождения тестирования (компьютерный вариант vs вариант, адаптированный для мобильных устройств; Модель 1). На втором уровне в модель были добавлены 8 видов ПА: «Спортивные и подвижные игры», «Компьютерные игры», «Настольные игры», «Рисование», «Занятия музыкой или танцами», «Изготовление поделок», «Собирание конструкторов, роботов, моделей», а также «Другое» (Модель 2).

Различия между двумя моделями оказались значимыми: первая модель (возраст, пол, формат тестирования) объясняла только 10% дисперсии в уровне пространственных способностей, а вторая (те же переменные + ПА) – 20%, $\Delta R^2 = 0{,}10$, $p < 0{,}001$.

В Модели 1 статистически значимыми оказались эффекты двух переменных из трех: результаты мужчин были выше результатов женщин, а участники, проходившие тестирование с компьютера, показали более высокие результаты, чем участники с телефона.

Во второй модели эти эффекты были уточнены: значимым остался эффект устройства ($p < 0{,}001$, стандартизированный коэффициент = 0,65) и пола ($p = 0{,}04$, стандартизированный коэффициент = 0,34). Среди ПА значимыми предикторами в модели оказались «Занятия музыкой или танцами» ($p = 0{,}032$, стандартизированный коэффициент = –0,13), «Изготовление поделок» ($p < 0{,}001$, стандар-

тизированный коэффициент = 0,23), «Собирание конструкторов, роботов, моделей» (p = 0,012, стандартизированный коэффициент = 0,18), а также категория «Другое» (p = 0,010, стандартизированный коэффициент = –0,17).

Обсуждение

Результаты, полученные в рамках настоящего исследования, в целом согласуются с описанными в предыдущих исследованиях на зарубежных выборках. В частности, собирание конструкторов, роботов, моделей, а также изготовление поделок, рекомендуются детям как игры, наиболее полезные для развития ПС (Yang и др., 2020). О музыкальных видах деятельности данные противоречивые – в разнообразных исследованиях описаны как позитивные, так и негативные эффекты. Из интересных отличий необходимо отметить, что эффекты видеоигр и спорта, неоднократно описанные в литературе, в нашем случае оказались незначимыми – вероятно, это связано с высокой гетерогенностью данных категорий.

Среди ограничений нашего исследования следует отметить, во-первых, несбалансированность выборки по полу (соблюдение принципа добровольности участия привело к тому, что тестирование прошли в основном женщины) и широкий разброс по возрасту (от 16 до 60), а во-вторых, ретроспективный дизайн (память о детских предпочтениях могла исказиться, что в свою очередь могло повлиять на полученные результаты). Для дальнейшего изучения данной проблемы будут ценны лонгитюдные исследования и исследования на более широкой выборке.

Литература

Budakova A. V., Likhanov M. V., Toivainen T., Zhurbitskiy A. V., Sitnikova E. O., Bezrukova E. M., Kovasa Y. Measuring spatial ability for talent identification, educational assessment and support: evidence from adolescents with high achievement in science, arts and sports // Psychol. Russian State Art. 2021. V. 14. № 2. P. 59–85.

Doyle R. A., Voyer D., Cherney I. D. The relation between childhood spatial activities and spatial abilities in adulthood // J. Appl. Dev. Psychol. 2012. V. 33. № 2. P. 112–120.

Likhanov M., Maslennikova E., Costantini G., Budakova A., Esipenko E., Ismatullina V., Kovas Y. This is the way: Network perspective on targets for spatial ability development programmes // Br. J. Educ. Psychol. 2022. P. 1597–1620. doi: 10.1111/bjep.12524

Uttal D. H., Meadow N. G., Tipton E., Hand L. L., Alden A. R., Warren C., Newcombe N. S. The malleability of spatial skills: a meta-analysis of training studies // Psychol. Bull. 2013. V. 139. № 2. P. 352–402.

Yang W., Liu H., Chen N., Xu P., Lin X. Is early spatial skills training effective? A meta-analysis // Front. Psychol. 2020. V. 11. P. 1938.

Связь особенностей копинг-стратегий и характеристик локуса контроля у студентов Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского

А. И. Барышева

В статье описываются особенности проявления совладающего поведения у студентов Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского, а также изучается проявление взаимосвязи копинг-стратегий и локуса контроля.

Ключевые слова: копинг-стратегии, локус контроля, совладающее поведение, стресс.

Постановка проблемы: сегодня люди сталкиваются с большим количеством стрессовых ситуаций, которые могут оказаться вызовом для психического здоровья человека. Именно поэтому необходимость в том, чтобы научиться справляться со стрессом и преодолевать трудные жизненные ситуации, уже не вызывает сомнений.

Цель исследования: является изучение особенностей копинг-стратегий и особенностей локуса контроля и выявление взаимосвязей между данными показателями у студентов Крымского федерального университета.

Гипотеза исследования: интегральный локус контроля коррелирует с адаптивным совладающим поведением, а экстернальный локус контроля коррелирует с дезадаптивными копинг-стратегиями.

Характеристика выборки: в нашем исследовании принимали участие 58 человек: 22 юноши и 36 девушек в возрасте 18–20 лет.

Участники исследования получают образование в институте «Таврическая академия» по разным специальностям.

Методики и математические методы применявшиеся при анализе данных: Локус контроля (Е. Г. Ксенофонтова, Е. Ф. Бажин); Способы совладающего поведения (Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляева). Также в работе использованы статистические методы обработки данных.

Изложение основного материала

А. А. Бодалев и В. В. Столин видят одну из важных характеристик самосознания – локус контроля, которое связывает чувство ответственности, готовность к активности. Если человек считает себя ответственным за события, которые с ним происходят и объясняет их своим характером, признает собственную причастность к ним и считает себя способным контролировать их, можно говорить о наличии у него внутреннего локуса контроля – интернальности. Если человек склонен видеть причину событий своей жизни вовне, возлагать ответственность за это на окружающих, обстоятельства, судьбу, то можно говорить о внешнем локусе контроля – экстернальности (Бодалев, Столин, 1987).

В словаре практического психолога локус контроля рассматривается с позиции ответственности за результаты своей деятельности. Экстернальный локус контроля соответствует поиску причин поведения вне себя, а в своем окружении, такие люди проявляют тревожность, стремление отложить дела на неопределенный срок. Интернальный локус контроля характеризуется поиском причин поведения в себе, эти люди последовательны и настойчивы, склонны к самоанализу (Баязи, 2022).

Таким образом, локус контроля играет важную роль при выборе поведенческих стратегий в конфликтных ситуациях. Интерналы (люди, которые имеют внутренний локус контроля) не предпочитают использовать компромисс как стиль поведения для разрешения конфликтной ситуации. И наоборот, экстерналы (люди с внешним локусом контроля) будут чаще выбирать компромисс. Это можно объяснить тем, что люди с внешним локусом контроля нацелены на удовлетворение интересов всех участников конфликтной ситуации (Аверина, Соколовская, 2023).

Общеизвестно, что стресс – неотъемлемая часть жизни человека и он является нормальной реакцией организма на стрессоры. частота и характер проявлений стресса зависят от самого человека и его навыков совладания со стрессом.

Впервые термин «копинг» (*англ.* coping) появился в психологической литературе в 1962 г. при описании преодоления детьми кризисов развития. В своем труде «Психологический стресс и процесс совладания с ним», изданном в 1966 г., Р. Лазарус представил копинг как стратегию совладания человека со стрессом и тревогой. Копинг раскрывается ученым через стремление к решению проблем, которое предпринимает индивид, если требования имеют огромное значение для его хорошего самочувствия (как в ситуации, связанной с большой опасностью, так и в ситуации, направленной на большой успех), поскольку эти требования активируют адаптивные возможности (Лазарус, 1970).

Адаптивное совладающее поведение, по В.А. Шиляеву, – это совокупность психологических механизмов, навыков и стратегий, которые позволяют человеку адаптироваться к стрессовым ситуациям и справляться с ними. Неэффективные копинг-стратегии – это способы совладания со стрессом, которые не помогают человеку решить проблему, а могут усугубить ее или привести к другим негативным последствиям (Шиляев, 2016).

В ходе нашей работе мы получили следующие результаты: высокий уровень интернальности положительно коррелирует с планированием решений (0,264r по Спирмену) и принятием ответственности (0,322r по Спирмену). В то время как, высокий уровень экстернальности положительно коррелирует с дистанцированием (–0,285r по Спирмену) и избеганием (–0,295r по Спирмену). Высокий уровень принятия ответственности положительно коррелирует с самообладанием (0,279r по Спирмену). В то время как высокий уровень принятия ответственности обратно коррелирует с интернальностью опыта (–0,396r по Спирмену) и готовностью планировать (–0,414r по Спирмену). Избегание обратно коррелирует с интернальностью при описании личного опыта (–0,361r по Спирмену), компетентностью в сфере межличностных отношений (–0,318r по Спирмену) и готовностью к преодолению трудностей (–0,271r по Спирмену). Планирование решения положительно коррелирует с интернальностью при описании личного опыта (0,291r по Спирмену) и обратно коррелирует с самообладанием (–0,267r по Спирмену).

Выполнив работу, мы получили следующий результат:

- у исследованной группы респондентов интернальность преобладает над экстернальностью. При этом высокий уровень интернальности положительно статистически значимо кор-

релирует с планированием решений и принятием ответственности. В то время как, высокий уровень экстернальности положительно коррелирует с дистанцированием и избеганием;

- дистанцирование обратно коррелирует с интернальностью и с готовностью планировать. Также готовность к планированию решения положительно коррелирует с интернальностью при описании личного опыта и обратно коррелирует с самообладанием;
- высокий уровень принятия ответственности положительно коррелирует с самообладанием. В то время как, высокий уровень принятия ответственности обратно коррелирует с интернальностью опыта и готовностью планировать;
- избегание обратно коррелирует с интернальностью при описании личного опыта, компетентностью в сфере межличностных отношений и готовностью к преодолению трудностей.

Наша гипотеза о том, что интегральный локус контроля коррелирует с адаптивным совладающим поведением, а экстернальный локус контроля коррелирует с дезадаптивными копинг-стратегиями подтвердилась. Данная связь обусловлена тем, что люди, обладающие внутренним локусом контроля в большей степени готовы к тому, что разрешение стрессовых, непредвиденных ситуаций в большей степени зависит от них и они готовы к принятию решений.

Отметим, что знания свойств психики людей с разными типами локуса контроля помогают более эффективно проводить с ними консультативную, коррекционно-развивающую работу. В выполненных к настоящему времени экспериментальных исследованиях выявлена связь экстернальности-интернальности личности с разнообразными формами поведения и личностными характеристиками. Данное исследование служит основой для дипломной работы, в которой будет исследована взаимосвязь между локусом контроля и суеверным поведением у студентов Крымского федерального университета.

Литература

Аверина А. В., Соколовская И. Э. Взаимосвязь локуса контроля со стратегиями поведения личности в конфликте // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 1–2 (76). С. 38–40.

Баязи Н. А. О взаимосвязи ответственности и локуса контроля // Форум молодых ученых. 2022. № 2 (66). С. 22–25.

Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психодиагностика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. Л.: Медицина, 1970. С. 178–209.

Шиляев В. А. Совладающее поведение у лиц с ограниченными возможностями здоровья с разными типами отношения к болезни // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3. С. 115–121.

Взаимосвязь социальной адаптации и склонности к девиантному поведению у студентов*

О. В. Бача

Цель исследования: изучение взаимосвязи социальной адаптации студентов к вузу и их склонности к девиантному поведению. Гипотеза: склонность к девиантному поведению оказывает влияние на процесс адаптации студентов. Выборка: 52 студента-первокурсника различных вузов и факультетов России возрастом 17–20 лет. Используемые методики: «Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма» (*Д. Г. Давыдов, К. Д. Хломов*); *Опросник «Мотивация обучения в вузе»* (*Т. И. Ильина*); *«Адаптация студентов к вузу»* (*М. С. Юркина*). *По результатам исследования были выявлены связи Антиинтрацепции с компонентами адаптации студентов и их мотивации обучения в вузе, доказано ее влияние на успешность адаптации.*

Ключевые слова: социальная адаптация, вузовская адаптация, девиантное поведение, экстремизм, мотивация обучения в вузе.

В данной статье поднимается проблема взаимосвязи социальной адаптации студентов и их склонности к девиантному поведению, которая является актуальной в настоящее время. Это подтверждается тем, что число молодых людей, склонных к девиантному по-

* Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект № GM-2023-4 «Программа для психологической диагностики и выявления зон риска девиантного поведения в образовательных учреждениях».

ведению, в России растет (об этом сообщает Генпрокуратура РФ в апреле 2020 года). Также это отмечается в монографии Т. А. Хагурова и М. Е. Поздняковой с коллегами, где выделяется особенная роль политической обстановки в стране в формировании девиаций экстремистского характера (Хагуров и др., 2014). Также параллельно сохраняется достаточно высокий спрос на высшее образование (согласно исследованиям ВЦИОМ, 71% школьников планируют получить высшее образование по исследованиям 2020 г.) Значит, возможен рост вероятности появления среди первокурсников вузов студентов, которым присущи черты отклоняющегося поведения. От того, как пройдет адаптация на первом курсе у таких студентов, может зависеть не только их будущая карьера, но также и их взаимоотношения со сверстниками.

В данной работе рассмотрена взаимосвязь девиаций экстремистского характера и вузовской адаптации, как типа социальной адаптации, так как на ее основе возможен более подробный анализ процесса адаптации студентов.

Так в ходе исследования были выявлены взаимосвязи Антиинтрацепции с компонентами вузовской адаптации (далее – ВА) и с компонентами мотивации обучения в вузе (далее – МОВ). Антиинтрацепция относится к девиациям экстремистского типа. Автор методики, где используется данная шкала, отмечает, что эта диспозиция выражается в неприятии субъективных проявлений: интроспекции, фантазии, чувственных переживаний и т. д. Важными валяются акцентирование значимости физической реальности, ориентация на простые идеи, непосредственные действия. Характерный признак – демонстративное пренебрежительное отношение к гуманитарным наукам, к отдельным направлениям в художественной литературе, визуальном искусстве. В основе такой диспозиции лежит боязнь проявления подлинных чувств, избегание личной свободы (ответственности быть субъектом) и связанных с ней неопределенности и угроз своему Я (Давыдов, 2017).

Сначала рассмотрим корреляцию между Антиинтрацепцией и Профессиональной адаптацией (компонентом ВА). На первом уровне адаптированности она положительная и равна 0,64**. Профессиональный компонент ВА отражается в уровне включенности студента в профессиональную среду, в начальное знакомство с профессией, интерес к ней. На первых порах обучения студенты чаще всего высоко заинтересованы в обучении, так как они сталкиваются с дисциплинами, непосредственно позволяющими освоить выбранную профессию, изучить ее изнутри и, что немаловажно,

помогающими студенту определить успешность самоопределения. Данную взаимосвязь можно объяснить тем, что нежелание студентов понимать свои чувства и чувства других и ориентация на непосредственные действия могут упростить таким студентам процесс привыкания к новым условиям жизни, так как эти действия направлены на то, чтобы как можно успешнее и быстрее адаптироваться к вузовской среде. Поэтому следует рассмотреть характер направленности данной взаимосвязи. Изучив корреляционные отношения данных компонентов, было обнаружено, что качества в достаточной степени оказывают прямое влияние друг на друга, но в свою очередь, Антиинтрацепция в некоторой степени сильнее влияет на Профессиональную адаптацию (коэффициент влияния = 0,92), чем наоборот (коэффициент влияния = 0,77). Получается, что данная диспозиция в большей степени определяет успешность адаптации студента. Это говорит о некотором положительном влиянии на профессиональную адаптированность студента, но не утверждает успешность адаптации в обществе или в обучении. Важно отметить, что данная связь с повышением уровня адаптации, сохраняется не на всех этапах. Наиболее сильная связь отмечается на низком уровне (коэффициент корреляции = 0,66**), на среднем уровне связь статистически не значима, а на высоком она вновь появляется, но становится слабее (коэффициент корреляции = 0,39*). Возможные причины почему на высоком уровне адаптации связь такая сильная, было объяснено выше, что касаемо среднего уровня (где связи практически нет) можно объяснить тем, что необходимые непосредственные действия, направленные на адаптированность, уже проведены на предыдущем этапе, и ориентация на чувственный аспект возвращается в норму. На высоком уровне адаптированности связь вновь появляется, что возможно связано с повышением уровня стресса, так как высокий уровень соответствует старшим выпускным курсам обучения, а стресс является одним из факторов формирования склонности к отклоняющемуся поведению, поскольку может служить ответной реакцией на него (Трухан, Кружкова, 2022).

Также Антиинтрацепция отрицательно связана с Получением диплома (компонент МОВ). Получение диплома как мотив обучения в вузе определяется стремлением получить диплом при формальном усвоении знаний и поиском обходных путей при сдаче сессии. Связь можно объяснить тем, что чем больше выражен уход от понимания собственных и чужих чувств, тем более выражена ориентация на непосредственные действия. Получение диплома

при получении высшего образования является такого рода непосредственным действием, к которому стремится студент (главная мотивация). Студент, склонный к антиинтрацепции, будет совершать свои действия вне зависимости от чувств, выполняя их как алгоритм для достижения конечного непосредственного действия. Промежуточными действиями в данном случае могут быть поиск обходных путей при сдаче экзаменов, соблюдение формальностей собственной роли студента без осознанного становления себя как профессионала. Конечное непосредственное действие – непосредственно получение диплома об образовании.

Был проведен анализ данной взаимосвязи с изменением уровня адаптированности студентов. Было выявлено, что с повышением уровня сила связи уменьшается. На низком уровне коэффициент корреляции равен –0,66**, на среднем –0,49*, на высоком не является статистически значимой. Это может говорить о том, что чем успешнее проходит адаптация у студента, тем меньше влияния оказывает склонность к антиинтрацепции на мотивацию его обучения в вузе. Это также подтверждается тем, что в ходе анализа набора базовых качеств на различных уровнях, было выявлено, что на высоком уровне адаптированности Антиинтрацепция имеет больше всего связей с другими видами девиантного поведения, а статистически значимой связи с компонентами МОВ и ВА практически нет.

Таким образом, в ходе исследования была доказана гипотеза о существовании взаимосвязи между социальной адаптацией и склонностью к девиантному поведению у студентов вузов. Подтверждение данной взаимосвязи необходимо, чтобы улучшить процесс адаптации студентов с поведением, частично отклоняющимся от нормы и предотвратить его отрицательные последствия, поскольку успешная адаптация способствует ликвидации трудностей во взаимоотношениях со сверстниками, в противном случае, неудачная адаптация может привести к обострению девиаций в поведении обучающегося и ухудшению усвоения знаний.

Литература

Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.

Хагуров Т. А., Позднякова М. Е., Ракачев В. Н., Рыбакова Л. Н., Чекинева Т. В., Резник А. П., Любин С. Ю., Войнова Е. А., Мелешко Н. В.,

Хагурова Н. Е. Девиантное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования). М.: Институт социологии РАН, 2014.

Трухан Т. В., Кружкова О. В. Городской стресс как предиктор девиантного поведения студенческой молодежи: опыт работы с метафорами // Образовательные ресурсы и технологии. 2022. № 4 (41). С. 92–100.

Привлекательность организационной культуры и лояльность персонала как ресурсы оптимизации процесса управления персоналом

И. С. Беленицкий

В статье рассматриваются взаимосвязи оргкультуры с лояльностью персонала в организации. Обосновывается мысль о том, что лояльность является ресурсом оптимизации управления персоналом. Определение уровня лояльности осуществлялось с помощью методики Е. С. Белимовой, привлекательность оргкультуры с применением методики М. М. Снеткова. На основе изучения взаимосвязей лояльности и привлекательности культуры установлено, что существует устойчивая взаимосвязь между феноменами. Анализ результатов опроса показал, что лояльность находится на высоком уровне при этом привлекательность оргкультуры оценена как недостаточно активизированный ресурс.

Ключевые слова: организационная культура, лояльность, нематериальная мотивация, управление персоналом, ценности.

В настоящее время имеется немало исследований, рассматривающих организационную культуру как целостное образование, имеющее собственные ключевые характеристики. По определению Э. Шейна, оргкультура – это образ базовых представлений, которые данная группа обнаружила в результате попытки справиться с проблемами адаптации к внешней среде или внутренней интеграции (Ясько, 2015).

Оргкультура – явление многофакторное, ориентированное на экономическую эффективность, и одним из основных факто-

ров эффективности организации является лояльность сотрудников, которая в свою очередь связана с мотивацией и удовлетворенностью трудом (Титова, 2013). Она состоит из следующих компонентов: вовлеченность членов организации; способность адаптироваться к новым обстоятельствам; четко определенная культура, миссия (Современные тенденции развития..., 2015). Корпоративная культура создает ощущение идентичности членов организации, при этом лояльность персонала выступает критерием кадровой стабильности организации. Мы рассматриваем лояльность как одобрение работниками целей компании, стиля менеджмента и организационной культуры. Таким образом, эти две категории – организационная культура и лояльность персонала, тесно связаны между собой и могут рассматриваться как ресурсы, участвующие в системе организационно-экономических ресурсов устойчивости бизнеса.

В проведенном исследовании проверялась гипотеза: факторы, определяющие привлекательность организационной культуры, могут иметь специфические взаимосвязи с демонстрируемой работниками лояльностью, что, в свою очередь, позволяет конкретизировать задачи оптимизации ресурсной базы управления персоналом.

Исследование проведено в АО «Международный аэропорт «Краснодар». Выборку составили 40 работников: 20 человек – инспекторы по досмотру; 20 человек – агенты пассажирского обслуживания. По полу группа уравновешена (20 женщин и 20 мужчин).

Применены психодиагностические методики: «Оценка уровня демонстрируемой лояльности» Е. С. Белимовой и «Оценка привлекательности организационной культуры» М. М. Снеткова (Практикум по психологии менеджмента..., 2003). Опросник Е. С. Белимовой позволяет определить общий уровень лояльности и отдельные ее компоненты (гордость за организацию; единство ценностей сотрудника и организации; удовлетворенность работой; доверительные отношения; готовность напряженно трудиться и внести свой вклад в развитие организации; заинтересованность в проблемах и потребностях организации; профессиональное развитие; неформальное общение), также степень выраженности нелояльного поведения.

Методика М. М. Снеткова состоит из двух частей по 48 вопросов в каждой. Первая часть содержит суждения, позволяющие оценить привлекательность организационной культуры в данном подразделении, на данном рабочем месте или в организации в целом. Вторая часть содержит суждения, касающиеся вариантов предпоч-

тений другой работы, другой организации. Общий посыл этой части определяется словами: «Если бы у вас появилась возможность сменить эту работу на другую, то вы выбрали бы ту, в которой...». Суждения разделены на шкалы: содержание работы; утилитарная потребность; потребность в хороших взаимоотношениях; потребность в признании; мотивация; патриотизм; организация труда.

Анализ результатов проведенного опроса по методике Е. С. Белимовой показал, что лояльность в целом по выборке испытуемых находится на высоком уровне (M = 144,6±20,23). Однако 30,0% опрошенных выразили сниженную лояльность, что демонстрирует безразличие или негативное отношение к своей организации, не удовлетворены выполняемой работой и не связывают свои профессиональные планы с организацией 10,0%.

Вместе с тем, основная часть опрошенных 60,0% демонстрируют высокий уровень лояльности. Они разделяют ценности организации, удовлетворены работой, имеют доверительные отношения с сослуживцами, имеют с ними дружеские неформальные отношения. Средний показатель оценок в этой части выборки составил 164,3 балла с дисперсией, не выводящей среднее значение ниже границы высокого уровня (SD = 10,32).

Анализ привлекательности организационной культуры вскрыл несколько компонентов, которые следует рассматривать как требующие внимания в процессе управления персоналом как недостаточно активизированные ресурсы. Во-первых, отмечается, что в интегральном значении суммарные оценки всех оцениваемых компонентов относительно другой (возможно желаемой) организации выше, чем в настоящей, являющейся местом работы испытуемых (M = 9,31 против 8,29). Это превышение находится под влиянием неудовлетворенности у сотрудников, прежде всего, потребностей в признании и личном авторитете, в успехе организации, сплоченность коллектива. Работники, не считая имеющиеся условия труда недостаточными, все-таки желают, чтобы эта утилитарная потребность получала более содержательное наполнение.

Корреляционный анализ вскрыл группу устойчивых положительных связей между маркерами, определяющими привлекательность организационной культуры и общей лояльностью, сохраняющих достоверность на уровне 95,0–99,0% в показателях по обеим группам переменных. Так, с лояльностью находятся в отношениях взаимовлияния потребности в творческой и напряженной работе (r = 0,462), в хороших взаимоотношениях (r = 0,509), в материальном и финансовом обеспечении труда (r = 0,527), в признании,

в личном авторитете (r = 0,589), а также оба компонента профессиональной мотивации (r = 0,674 и 0,468).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что формирование лояльного отношения работников к организации, системе менеджмента является высоко значимым ресурсом оптимизации процесса управления персоналом.

Организационная культура является сложным социально-психологическим феноменом, раскрывающимся сегодня в разных концепциях. Логика поиска переменных, образующих фундамент организационной культуры, приводит к необходимости рассматривать взаимосвязи привлекательности оргкультуры как явления, с одной стороны, и организационной лояльности работников – с другой. Рассмотрение проблемы в таком ракурсе позволяет увидеть объем потенциальных и актуальных ресурсов оптимизации процесса управления персоналом (Ясько, 2015).

Выраженная на высоком уровне лояльность связана с основными факторами привлекательности организационной культуры. Установить предикторную функцию лояльности в процессе формирования привлекательности организации, привязанности работника к ней мы рассматриваем как задачу последующих этапов проводимого исследования.

Литература

Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: учеб. пособие / Под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, М. М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003. С. 429–444.

Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии: монография // Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Титова С. В. Методика исследования организационной культуры фирмы: практический опыт // Мир современной науки. 2013. № 2. С. 53.

Ясько Б. А. Дифференциально-типологический подход в поиске дефиниций организационной культуры // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2015. № 6 (21). С. 72–77.

Академическая успешность и удовлетворенность учебой у студентов с опытом перепоступления

А. В. Березина

В тексте описаны результаты исследования академической успешности и удовлетворенности обучением у студентов с опытом перепоступления и без него. В исследовании принимали участие две группы студентов, каждая состояла из 48 испытуемых. Для измерения академической успешности использовался средний балл испытуемых, для измерения удовлетворенности – авторская методика О. А. Ворониной «Моя учеба в вузе». В результате исследования было обнаружено, что значимых различий в академической успешности у двух групп нет, а удовлетворенность обучением у студентов с опытом перепоступления выше, чем у студентов без него.

Ключевые слова: академическая успешность, удовлетворенность обучением, опыт перепоступления, отчисление, выбор вуза, самоопределение.

Эта работа направлена на сравнение академической успешности и удовлетворенности обучением у студентов с опытом перепоступления и без него. Под студентами с опытом перепоступления мы понимаем студентов, которые были отчислены из высшего учебного заведения или покинули его по собственному желанию, после чего снова поступили в тот же или другой вуз, на ту же или другую специальность.

Проблема исследования – противоречие в исследовательских данных: с одной стороны, отчисление из вуза и перепоступление,

сопряженное со стрессом и высоким уровнем тревожности (Азарных, Тарасова, 2014) должно снижать академическую успешность и удовлетворенность обучением у студентов. Однако с другой стороны, существует исследование, которое среди прочего показало, что студенты с опытом перепоступления, напротив, более удовлетворены учебой, чем студенты, поступившие в вуз с первого раза (Игнатовский, Штро, 2019).

Нашей целью было определить, влияет ли опыт перепоступления на академическую успешность и удовлетворенность учебой у студентов.

Гипотеза исследования: у студентов с опытом перепоступления академическая успешность и удовлетворенность обучением выше, чем у студентов без подобного опыта. Мы предполагаем это исходя из результатов исследования Игнатовского и Штро «Ретроспективная оценка факторов профессионального самоопределения студентов российских вузов», которое показало, что студенты, которые поступили на текущую специальность не сразу, более удовлетворены учебой, чем студенты, поступившие в выбранный вуз сразу после школы с первого раза (Игнатовский, Штро, 2019).

В исследовании приняли участие 96 испытуемых, из них 82 женщины и 14 мужчин. Первая половина испытуемых (48 человек) имела опыт перепоступления, а у второй половины этого опыта не было. Средний возраст испытуемых из первой группы – 21,1 года, из второй – 20,5. В первой группе было 43 женщины и 5 мужчин, во второй – 40 женщин и 8 мужчин.

В исследовании принимали участие студенты 21 вуза, представители 30 направлений обучения. В группе перепоступавших было 17 студентов 1 курса, 20 студентов 2 курса, 8 студентов 3 курса и 3–4-го. В группе без опыта перепоступления – 7, 7, 11 и 23, соответственно.

Из 48 участников исследования с опытом перепоступления только 9 поступили на те направления обучения, на которых учились до этого (например, с психологии на психологию), а 39 выбрали новые программы.

Для измерения академической успешности студентов был использован их средний балл по пятибалльной системе за последний семестр обучения.

Для измерения удовлетворенности обучением была использована авторская методика О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе». Эта методика позволяет оценить удовлетворенность учебой у студентов с помощью трех факторов: «Эмоционально-оценочное отно-

шение к учебной деятельности», «Удовлетворенность/неудовлетворенность выбранной специальностью» и «Внутренняя/внешняя мотивация».

Для анализа данных мы использовали программу Jamovi. При обработке результатов первой части исследования для сравнения академической успешности у двух групп студентов был использован критерий t Стьюдента для сравнения двух независимых выборок.

При обработке результатов второй части исследования для сравнения удовлетворенности обучением ответы испытуемых переводились в балльную систему и суммировались по трем описанным ранее факторам. Автор методики предлагает качественную интерпретацию полученных результатов, однако нашей целью было сравнение двух групп испытуемых, поэтому мы снова использовали критерий t Стьюдента для двух независимых выборок.

Сравнив академическую успешность двух групп студентов, мы получили следующие результаты: среднее значение у группы с опытом перепоступления – 4,48, стандартное отклонение – 0,58. Среднее значение группы без опыта – 4,51, стандартное отклонение – 0,54. Значение t – 0,272, p = 0,607, статистически значимых различий не обнаружено.

Во второй части исследования мы сравнивали удовлетворенность учебой у двух групп студентов по трем факторам: «эмоционально-оценочное отношение к учебной деятельности», «удовлетворенность/неудовлетворенность выбранной специальностью» и «внутренняя/внешняя мотивация». Для эмоционально-оценочного отношения среднее значение у первой группы – 18,5, стандартное отклонение – 3,30, среднее значение у второй группы – 16,7, стандартное отклонение – 4,18. Значение t – 2,359, p = 0,01, статистически значимые различия есть, результат первой группы выше второй.

Для удовлетворенности выбранной специальностью среднее значение у первой группы – 15,3, стандартное отклонение – 3,45, среднее значение у второй группы – 13,7, стандартное отклонение – 4,29. Значение t – 2,07, p = 0,02, статистически значимые различия есть, результат первой группы выше второй.

Для внутренней/внешней мотивации среднее значение у первой группы – 19,1, стандартное отклонение – 2,65, среднее значение у второй группы – 18,7, стандартное отклонение – 3,28. Значение t – 0,753, p = 0,227, статистически значимых различий не обнаружено.

Согласно качественной интерпретации, предлагаемой автором методики О. А. Ворониной, все три фактора удовлетворен-

ности двух групп обучением соответствуют среднему результату. Однако при сравнении двух групп мы выяснили, что у студентов с опытом перепоступления эмоционально-оценочное отношение к учебной деятельности и удовлетворенность выбранной специальностью выше, чем у студентов без такого опыта.

Разница в мотивации двух групп студентов не была обнаружена – по всей видимости, у обеих групп в процессе обучения присутствуют как внешние, так и внутренние мотивы.

Разница в академической успешности у двух групп также не была обнаружена, то есть у студентов с опытом перепоступления академическая успешность не отличается от успешности студентов без такого опыта.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась лишь наполовину: у студентов с опытом перепоступления удовлетворенность обучением выше, чем у студентов без подобного опыта, но их академическая успешность не отличается.

Ограничением этого исследования мы видим разницу в курсах обучения студентов двух групп: в группе перепоступивших было больше студентов младших курсов (1–2 курс), в то время как в группе без опыта перепоступления было больше студентов старших курсов. Возможно, из-за этого во второй группе удовлетворенность обучением была ниже – испытуемые, к примеру, могли столкнуться с так называемым кризисом студентов третьего курса, который в том числе может приводить к разочарованию в получаемой профессии (Василькова, 2022). Поэтому, возможно, в перспективе исследований удовлетворенности студентов обучением стоит дополнительно учитывать этот фактор при наборе выборки.

Литература

Азарных Т.Д., Тарасова Е.А. Стресс, связанный с отчислением из вуза // Психология психических состояний: VIII Международная зимняя школа. Сборник материалов. Вып. 4. Казань: Отечество, 2014. С. 6–8.

Василькова Н.В. Психологические аспекты «кризиса третьего курса» обучения в вузе (на примере педагогических специальностей) // Личность в пространстве и времени. 2022. № 11. С. 27–32.

Воронина О.А. Диагностика отношения студентов к учебной деятельности // Вестник ВятГУ. 2008. № 3. С. 159–163.

Игнатовский А.С., Штро Р.С. Исследование удовлетворенности выбором профессии студентов российских вузов // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 48–2. С. 13–16.

Взаимосвязь травматического события, организации идентичности и суверенности психологического пространства человека

М. А. Блохина

Исследование посвящено изучению связи травматического события жизни с особенностями организации идентичности и суверенности психологического пространства. В результате исследования установлено, что у части респондентов проявляются симптомы ПТСР, выражена депривированность психологического пространства. В результате корреляционного анализа были определены значимые связи симптомов ПТСР и некоторыми компонентами идентичности: «проблемная идентичность», «рефлексивное Я». А также обратные связи симптомов ПТСР с составляющими психологического пространства и интегральным показателем суверенности психологического пространства.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, идентичность, суверенность психологического пространства.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – одно из наиболее часто диагностируемых в последнее время психопатологических последствий травматического события (Бостанова, 2018). Его проявление характеризуется отставленным, пролонгированным воздействием на психику человека, в результате стрессовых, травматических инцидентов (краткосрочных/длительных) таких как: чрезвычайные ситуации, смерть значимого человека или питомца, ситуации насилия, ухудшение здоровья.

Для ПТСР свойственны определенные характерные признаки-симптомы, проявляющиеся в виде навязчивости переживаний, относящихся к травматической ситуации (флешбэки), избегания стимулов, вызывающих травматические воспоминания (триггеры); происходят преобразования в когнитивной и аффективной сферах. Также одним из симптомов, проявляющийся при ПТСР, является пересмотр представлений о себе, окружающих, мире. Исследования указывают, что при ПТСР проявляются определенные признаки диффузной идентичности, симптомы диссоциации, организация идентичности личности посредством центрирования травматического опыта в качестве элемента Эго и т. д. (Харламенкова, 2019).

Травматическое событие сказывается и на мотивационно-потребностной сфере: акцент внимания человека сосредоточен на поиске безопасного пространства, самозащите, большей сфокусированности на неудачах, барьерах и ощущении депривированности. Таким образом, травматическое событие вторгается в психологическое пространство человека, нарушая его привычную, субъективно выстроенную иерархию. Само психологическое пространство образуется в процессе взаимодействия субъекта с элементами объективной реальности, значимыми для субъекта (Мунгалов, 2013).

Иначе говоря, ПТСР может привести к снижению уровня суверенности психологического пространства (СПП) – как способности человека сохранять, развивать, контролировать и управлять собственным психологическим пространством и составляющих его компонентов: физическое тело, вещи, способы поведения, социальные связи и ценности (Харламенкова, 2015). То есть при ПТСР выстраивать свою жизнь, исходя из способности управлять компонентами психологического пространства при взаимодействии с окружающим миром становится значимо труднее.

Цель исследования: определение структуры идентичности и ее компонентов, определение уровня суверенности психологического пространства и наличие/отсутствии симптомов ПТСР.

Предмет: компоненты идентичности, суверенность психологического пространства, симптомы ПТСР.

Объект исследования: молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет.

Гипотеза: существует взаимосвязь между симптомами, указывающими на ПТСР и компонентами идентичности, уровнем суверенности психологического пространства.

Методики:

- «Опросник травматического стресса (ОТС)» И. О. Котенева;
- Опросник «Суверенность психологического пространства (СПП)» С. К. Нартовой-Бочавер;
- Методика «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда;
- Авторский опросник «Наличие или отсутствие травматического опыта».

Методы обработки данных – контент-анализ и методы математической статистики; обработанные результаты методик были помещены в программу MS Excel. Корреляционный анализ производился при помощи непараметрического корреляционного критерия ρ Спирмена. Обработка результатов производилось в статистической программе IBM SPSS.

Выборку исследования составили 73 респондента в возрасте от 18 до 35 лет, из них женщины (n = 53) и мужчин (n = 20). По результатам авторского опросника удалось установить: 51% респондентов заявили, что в их жизни не было травматического события, и 49% респондентов отмечают, что сталкивались с тяжелым травматическим событием в своей жизни. Наиболее часто встречающиеся ответы при описании событий, субъективно обозначенных респондентом как травматические: «тяжелое заболевание близких», «смерть значимого человека или питомца», «сталкивался с насилием (физическим, сексуальным, эмоциональным)», «потеря работы, места учебы», «разрыв отношений/развод».

Согласно результатам методики «Опросник травматического стресса (ОТС)» И. О. Котенева установлено, что у 53% респондентов проявляются симптомы ПТСР.

Также было установлено, что у 29% респондентов психологическое пространство депривировано, то есть наблюдаются сложности в сохранении личных границ, отстаивании своих привычек, ценностей, характерно зависимое и несамостоятельное определении круга общения; у 71% респондентов выражена суверенность психологического пространства – данные по методике (СПП) С. К. Нартовой-Бочавер.

По результатам корреляционного анализа с применением критерия ρ Спирмена были определены наиболее тесные положительные связи между интегральным показателем ПТСР (по методике ОТС И. О. Котенева, 1996) и компонентами идентичности (методика «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда, 1954): «рефлексивное Я» ($r_s = 0{,}391$, $p \leq 0{,}01$), «проблемная идентичность» ($r_s = 0{,}303$, $p \leq 0{,}01$)

и «эмоционально-отрицательное самоотношение» ($r_s = 0{,}419$, $p \leq 0{,}01$), а также обратные связи с такими компонентами идентичности как: «эмоционально-положительное самоотношение» ($r_s = -0{,}253$, $p \leq 0{,}05$) и «деятельное Я» ($r_s = -0{,}555$, $p \leq 0{,}01$).

Данный результат может объясняться тем, что при травматическом событии жизнь человека, его представления о себе, его психологическое пространство как бы разделяется на «до» и «после», происходит переоценка предыдущего жизненного опыта, при утрате значимых составляющих жизни, человеку сложнее обозначить кем он является, каким социальным статусом обладает, так как прошлые компоненты идентичности, вероятно были разрушены вследствие травмы, а новые еще не определены. Представленные переживания актуализируют потребность в рефлексии, длительный самоанализ, восстановление после травматического события являются очень энергозатратными, что в свою очередь снижает возможность человека уделять время деятельности учебной, трудовой.

В результате корреляционного анализа были определены наиболее тесные обратные связи между показателем «событие травмы» (методика ОТС И. О. Котенева) и составляющими психологического пространства (методика СПП С. К. Нартовой-Бочавер, 2004): «суверенность физического тела» ($r_s = -0{,}341$, $p \leq 0{,}01$), «суверенность мира вещей» ($r_s = -0{,}314$, $p \leq 0{,}01$), «суверенность территории» ($r_s = -0{,}361$, $p \leq 0{,}01$), «суверенность ценностей» ($r_s = -0{,}271$, $p \leq 0{,}05$) и интегральным показателем «суверенность психологического пространства» ($r_s = -0{,}317$, $p \leq 0{,}01$), который также обратно связан с общим показателем «ПТСР» ($r_s = -0{,}500$, $p \leq 0{,}01$).

Данный результат может объясняться тем, что травматическое событие является критическим в структуре жизненного уклада человека, встраивание данного опыта в конструкцию психологического пространства вызывает немало трудностей, в результате происходит как бы «надлом» в общем представлении о себе, мире, других. Всё, что до травматического события являлось инструментом для осуществления жизни (предметы, ситуации, окружение, биологические процессы внутри человека) начинают человеком трактоваться как неподконтрольные, вносящие в его жизнь непреодолимые барьеры, ограничения и препятствия на пути реализации намерений.

Литература

Бостанова Л. Ш. Теоретический анализ проблемы посттравматического расстройства личности // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2018. № 10 (164). С. 363–369.

Мунгалов В. Н. Психологическое пространство человека: содержание и объяснительные возможности понятия // Известия ИГЭА. 2013. № 3. С. 140–144.

Харламенкова Н. Е. Психологическая безопасность и суверенность личности при выраженном посттравматическом стрессе // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (34). С. 90–97.

Особенности манипулятивного поведения лидеров добровольческих групп

Т. И. Богачева

Целью исследования стало изучение особенностей манипулятивного поведения лидеров добровольческих групп. В исследовании приняло участие 86 молодежных лидеров в возрасте от 14 до 25 лет. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что манипулятивное поведение лидеров добровольческих групп имеет существенные отличия по сравнению с лидерами учебных групп, не включенными в добровольческую деятельность. В ходе были установлены статистически достоверные отличия в показателях макиавеллизма и склонности использовать эмоции в целях манипулирования другими людьми среди лидеров-добровольцев и лидеров учебных групп, не включенных в добровольческую деятельность.

Ключевые слова: манипулятивное поведение, лидерство, лидер, добровольчество.

Раскрытие специфики феномена лидерства отражено в достаточно большом массиве психологических исследований. На данный момент в отечественной лидерологии активно ведутся исследования в области молодежного лидерства (Логвинова, Богачева, 2018). Значительный вклад в исследовании данного вопроса внесен представителями Курской психологической школы (Л. И. Уманский, А. С. Чернышев, И. Н. Логвинов, Д. В. Беспалов) (Чернышев и др., 2019), которые в рамках параметрической теории под лидерством рассматривают степень ведущего влияния одних членов группы

на других с целью создания оптимального решения стоящей перед группой задачи (Чернышев и др., 2019). На основании чего справедливо утверждать, что одним из ключевых умений для лидера, в том числе и молодежного, является умение оказывать влияние на своих последователей для обеспечения достижения общегрупповой задачи. Отметим, что феномен влияния достаточно сложный и многогранный в своих проявлениях. Зачастую лидеру приходится целенаправленно оказывать влияние на последователей для того, чтобы вызвать желаемое для него поведение, т. е. манипулировать другими членами группы в процессе осуществления совместной деятельности или в процессе принятия решений для достижения значимого для группы результата.

В психологическом контексте под манипуляцией понимается «коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации у объекта воздействия определенных мотивационных состояний, побуждающих его к поведению, желательному (выгодному) для субъекта воздействия» (Психология. Полный энциклопедический справочник, 2007, с. 356).

Несмотря на достаточно большое количество исследований, касающихся молодежного лидерства, открытым на данный момент остается вопрос о специфике манипулятивного поведения лидеров в добровольческих группах. Исследование данной проблематики позволит создать целостную картину относительно применяемых лидерами добровольческих групп стратегий и тактик манипулятивного поведения, что позволит повысить эффективность деятельности и процесса принятия решений в добровольческих группах.

Цель исследования заключалась в изучении особенностей манипулятивного поведения лидеров в добровольческих группах.

Гипотеза исследования: манипулятивное поведение лидеров добровольческих групп имеет существенные отличия по сравнению с лидерами учебных групп, не включенными в добровольческую деятельность.

В исследовании приняли участие лидеры – добровольцы ОЦ «Монолит» (профильная смена «Я – лидер»), лидеры добровольческих отрядов «Добро» и «Радуга» (учащиеся ОБПОУ «Курский педагогический колледж») и лидеры учебных групп 9–11 классов школ № 2 и № 52 г. Курска, а также лидеры-студенты ФГБОУ ВО «КГУ». Общий объем выборки составил 86 молодежных лидеров, возраст исследуемых 14–25 лет.

Для выявления лидеров в учебных и добровольческих группах использовался аппаратурный метод (прибор-модель совместной деятельности «Арка»), установление специфики манипулятив-

ного поведения лидеров добровольческих групп осуществлялось посредством опросного метода: шкала макиавеллизма личности (адаптация В. В. Знакова), методика «Склонность к воспроизведению негативных эмоциональных ингramм» (В. В. Бойко). Для установления статистически значимых отличий исследуемых групп применялся непараметрический критерий U Манна–Уитни.

Эмпирическое исследование предполагало изучение двух групп исследуемых – первую составили лидеры молодежных добровольческих объединений, во вторую вошли лидеры учебных групп, не занимающиеся добровольчеством. На первом этапе исследования нами были выявлены лидеры в каждой из обозначенных групп посредством применения прибора-модели совместной деятельности «Арка». Изучение специфики манипулятивного поведения исследуемых предполагало установление актуального уровня развития макиавеллизма и склонности к воспроизведению негативных эмоциональных ингramм.

Сначала обратимся к анализу данных, полученных при изучении показателей макиавеллизма лидеров-добровольцев и лидеров учебных групп.

Для лидеров учебных групп характерно преобладание среднего уровня макиавеллизма (65%), низкий уровень развития склонности манипулировать другими людьми свойственен 19% лидеров и 16% исследуемых имеет высокий уровень. Среди лидеров-добровольцев также установлено преобладание среднего уровня макиавеллизма (54%), 39% исследуемых характеризуется низким уровнем макиавеллизма и только 7% – высоким.

Как следует из результатов эмпирического исследования макиавеллизма лидеров-добровольцев и лидеров учебных групп, не включенных в добровольческую деятельность, для обеих исследуемых групп свойственно преобладание среднего развития анализируемого референта, что указывает на тот факт, что лидеры добровольческих групп, также как и лидеры учебных групп, используют манипуляцию для достижения значимых для них целей.

С целью установления статистически значимых отличий в показателях макиавеллизма лидеров учебных групп и лидеров добровольческих групп был применен U-критерий Манна–Уитни. Было установлено, что показатели макиавеллизма лидеров анализируемых групп имеют статистически достоверные различия ($U = 1759{,}5$, $p < 0{,}01$), на основании чего справедливо утверждать, лидеры учебных групп в большей степени ориентированы на использование манипуляции как инструмента воздействия на своих последователей. При этом справедливо утверждать, что лиде-

ры обеих групп склонны адекватно использовать манипулятивные техники в практике и жизни.

Использование методики В. В. Бойко «Склонность к воспроизведению негативных эмоциональных инграмм» позволило констатировать следующее: для лидеров-добровольцев характерно преобладание среднего уровня (56%), высокий уровень выявлен у 27%, а низкий свойственен 17% исследуемых.

Исследование склонности к воспроизведению негативных эмоциональных инграмм у лидеров учебных групп, не включенных в добровольческую деятельность, показало, что среди них преобладает средний уровень (71%), каждый пятый (20%) обладает высоким уровнем развития склонности к воспроизведению негативных эмоциональных инграмм и только 9% – низким.

Статистический анализ показал наличие достоверных отличий в показателях анализируемых групп ($U = 1692{,}7$, $p<0{,}01$), в связи с чем, справедливо утверждать, что лидеры учебных групп в большей степени ориентированы на использование эмоций для манипулирования последователями. В то же время преобладание среднего уровня развития анализируемого референта свидетельствует о том, что лидеры добровольцы и лидеры учебных групп используют эмоции в целях манипулирования, но такая стратегия не является абсолютной, а сочетается с другими способами воздействия на последователей.

Обобщая результаты эмпирического исследования справедливо утверждать, что манипулятивное поведение лидеров добровольческих групп имеет существенные отличия по сравнению с лидерами учебных групп, что обусловлено статистически достоверными отличиями в показателях макиавеллизма и склонности использовать эмоции в целях манипулирования другими людьми и связано со спецификой деятельности исследуемых молодежных групп.

Литература

Логвинова М. И., Богачева Т. И. Молодежные субкультуры как пространство психологического манипулирования духовно-нравственной сферой личности // Социальное здоровье подростков и молодежи: основа нравственного благополучия современного общества. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред. С. И. Беленцов. 2018. С. 134–136.

Психология. Полный энциклопедический справочник / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.

Чернышев А. С., Сарычев С. В., Гребеньков Н. Н. Параметрическая теория малых групп и коллективов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2019.

Особенности выражения эмоций пользователей «В контакте» с различными стратегиями поведения в сети

С. П. Бредгауер, Ю. В. Потапова

В статье представлены результаты анализа психологических характеристик пользователей с различными стратегиями поведения в сети. Используемые методы: первичные описательные статистики, контент-анализ, кластеризация K-средним, критерий Краскела–Уоллиса. Выявлено 4 группы пользователей с различными стратегиями активности в сети. В результате было обнаружено, что психологические характеристики пользователей не всегда отражаются в сетевом поведении, тогда как проявление определенных эмоций связано со стратегиями сетевой активности.

Ключевые слова: психологические характеристики, социальные сети, стратегии поведения, эмоции.

В данной работе мы рассматриваем вопрос о том, как сетевое поведение людей связано с их психологическими характеристиками. В связи с тем, что в современном мире профиль в социальной сети становится важной частью имиджа человека, и во многом связан с профессиональной деятельностью, изучение вопроса соотношения реальной и виртуальной идентичности становится все более актуальным. Многие специалисты уже используют анализ страниц для определения того, какой человек перед ними. Поднимается вопрос о том, в какой степени профиль в социальной сети является отражением реальной личности человека? Частично на этот вопрос отвечает исследование «World well-being project», но эти данные

получены на другой выборке, в другой стране и соц. сети (Diener, 2016), тогда как масштабные исследования на российской выборке, соединяющие в себе анализ виртуальных и реальных психологических характеристик пока еще довольно редки.

Цель исследования: выявить основные стратегии поведения испытуемых и определить специфику выражаемых эмоций пользователей с различными способами действия в сети.

В исследовании применен метод тестирования, контент-анализа, методики:

1. Личностный опросник Айзенка (Акимова, 2006);
2. «Методика оценки психологического благополучия студентов» А. Г. Самохваловой, Н. С. Шиповой, Е. В. Тихомировой, О. Н. Вишневской (Самохвалова, 2022).

В исследовании участвовали 113 испытуемых. Было представлено 78 девушек (69%) и 35 юношей (31%). Возраст испытуемых составил от 14 до 30 лет, средний возраст – 19,5 лет. Методы математической статистики: первичные описательные статистики, H-критерий Краскела–Уоллиса, кластеризация K-средним.

Мы рассматривали страницы испытуемых в социальной сети «В контакте». Нами был проведен контент-анализ комментариев под постами пользователей. Комментарии были разделены по эмоциональной окраске на 5 категорий: положительные эмоции сближения, положительные гедонистические, негативные удаления, негативные астенические, негативные меланхолические. Мы опирались на классификацию эмоций Л. В. Куликова (Куликов, 2016). Далее мы методом кластеризации K-средним разделили наших пользователей на 4 группы на основании количества собственных комментариев пользователя, числа используемых им пиктограмм, комментариев других людей под его публикациями.

В нашей работе мы рассматривали различия групп по сетевым характеристикам их аккаунтов во «В контакте». Значимые различия были найдены у респондентов в количестве друзей ($\chi^2 = 10{,}3$, $p \leq 0{,}01$), подписчиков ($\chi^2 = 23{,}3$, $p \leq 0{,}001$), числе постов ($\chi^2 = 22{,}7$, $p \leq 0{,}001$), собственных публикаций ($\chi^2 = 21{,}5$, $p \leq 0{,}001$), постов других пользователей ($\chi^2 = 21{,}4$, $p \leq 0{,}001$), фотографий на странице ($\chi^2 = 71{,}9$, $p \leq 0{,}001$). Значимые различия были найдены и в эмоциональном окрасе предпочитаемом представителями различных групп при комментировании: среди собственных комментариев значимые различия были найдены в эмоциях сближения ($\chi^2 = 67{,}1$, $p \leq 0{,}001$), гедонистических ($\chi^2 = 67{,}005$, $p \leq 0{,}001$), удаляющих ($\chi^2 = 11{,}8$, $p \leq 0{,}01$), астенических ($\chi^2 = 8{,}12$, $p \leq 0{,}05$); в использовании «смай-

ликов» значимые различия были найдены в выражении эмоционального окраса сближения ($\chi^2 = 71,6$, $p \leq 0,001$), гедонистического ($\chi^2 = 51,5$, $p \leq 0,001$) и астенического ($\chi^2 = 12,3$, $p \leq 0,01$); значимые различия были найдены в использовании окраса сближения ($\chi^2 = 67,1$, $p \leq 0,001$), гедонизма ($\chi^2 = 78,3$, $p \leq 0,001$) и удаления ($\chi^2 = 21,2$, $p \leq 0,001$) другими пользователями под публикациями испытуемых.

В психологических характеристиках статистически значимых различий найдено не было, но мы рассмотрели в сравнении, какими психологическими характеристиками обладают испытуемые.

Теперь подробнее расскажем о каждой из наших ранее выделенных групп. Начнем с «активных и эмоциональных». У данного кластера наибольшее количество друзей (81,6), они вторые по количеству подписчиков (74,4), постов на стене (82,9) и фотографий в профиле (95,2). Большую часть публикаций на стене они оставляют сами (83,8), другие пользователи меньшую (66,8). В своих комментариях они чаще других групп выражают положительные эмоции сближения: «Красотка моя любимая... я скучаю». Реже остальных представители данного кластера транслируют негативные эмоции удаления. Им реже прочих пишут негативные комментарии. Из этого следует, что пользователи, активно демонстрирующие свою жизнь в сети и имеющие множество виртуальных связей, в эмоциональном плане отличаются доброжелательностью и открытостью, а негативные эмоции выражают довольно сдержанно. Но ранее мы уже упоминали, что значимых различий в психологических характеристиках между группами найдено не было. Это наталкивает на мысли о том, что эмоциональный настрой пользователей в сети и их отношение к миру в киберпространстве не является отражением их реального мироощущения.

Далее поговорим о «принимающих знаки внимания». Они вторые по количеству друзей (76,4), но у них наибольшее число подписчиков (94,13), постов на стене (94,83) и фотографий на странице (105,88). Количество своих и чужих постов на стене у представителей данной группы практически равное – 93,25 и 94,33, соответственно. Они пишут много гедонистических комментариев. Им также пишут гедонистически окрашенные комментарии: «Приятно! („смайлик“-сердце)». Реже пишут позитивные комментарии сближения. Они наиболее часто среди групп пишут комментарии меланхолического характера: «Да, очень жалко (грустный „смайлик“)».

Перейдем к группе «скупых на слова». У представителей данной группы количество друзей оказалось третьим (63,79), как и число подписчиков (67,11), постов на стене (54) и фотографий (89,46). Они пишут больше публикаций (54,75), чем пишут им на стене

(40,89). «Скупые» пишут больше всех негативных комментариев: «Ах ты ж...». При этом они пишут и комментарии эмоционального сближения, реже гедонистические.

Теперь опишем последнюю группу – «неактивные». У них наименьшее количество друзей (50,62), подписчиков (48,78), постов на стене (50,4), фотографий в профиле (41,98). Другие люди оставляют на их стене больше записей (53,69), чем ни сами (50,45). «Неактивные» в своих комментариях реже всех прибегают к эмоциям сближения и гедонистическим, но выражают негативные эмоции удаления и астенические.

В итоге мы имеем четыре группы пользователей с различными стратегиями сетевого поведения, демонстрирующие в сети различный спектр эмоций, но не отличающихся по реальным психологическим характеристикам. Из этого следует вывод, что различие, которое можно зарегистрировать по количественной составляющей доступной в сети «В контакте» информации о человеке, может дать сведения о ситуативных психологических феноменах, его эмоциональном состоянии, но следует с осторожностью делать далеко идущие выводы о его индивидуально-типических и личностных свойствах. Возможно, для этого необходимо обращение к иным характеристикам поведения в сети, более личным данным, которые трудно найти в открытом доступе, или виртуальным площадкам, которые более интересны молодежи для самовыражения и самораскрытия, чем социальная сеть «В контакте», которая провоцирует проявление либо социально желательного поведения, либо тщательную фильтрацию информации о себе.

Литература

Акимова М., Гуревич К. Психологическая диагностика: Учебник для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2006.

Самохвалова А. Г., Шипова Н. С., Тихомирова Е. В., Вишневская О. Н. Методика оценки психологического благополучия студентов: верификация и валидизация // Вестник КГУ. 2022. № 1. С. 76–83.

Куликов Л. В. Проблема поиска эмпирических оснований классификации чувств // Вестник Омского университета. Сер. «Психология». 2018. № 1. С. 4–12.

Diener E., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // Journal of Personality Assessment. 1985. V. 49. № 1. P. 71–75.

Schwartz H. A. et al. Predicting individual well-being through the language of social media // Biocomputing – 2016: Proceedings of the Pacific Symposium. 2016. P. 516–527.

Трудная жизненная ситуация и способы совладания с ней в период ранней взрослости

В. И. Васильева

Данная работа является пилотным исследованием кандидатской диссертации, направленным на определение трудных жизненных ситуаций (ТЖС) в период ранней взрослости и количественных показателей для исследования совладающего поведения. Было проведено исследовательское интервью с 23 респондентами в возрасте 20–25 лет, где 13 женщин и 10 мужчин, с обсуждением интересующих нас тем: общие представление и метафоры о ТЖС; способы совладания с ними; субъективное представление о совладании с ТЖС в период ранней взрослости в отличие от других возрастных этапов (дети, подростки, средняя взрослость и старость). Были установлены метафоры: негативного состояния, объекта, темноты.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, ранняя взрослость, совладающее поведение, реактивный копинг, проактивный копинг.

Феномен трудной жизненной ситуации один из самых часто употребляемых в психологической литературе, что продиктовано частотой встречаемости и универсальностью. Они часто описаны в литературе через метафоры, отражающие эмоциональные и когнитивные компоненты представлений субъекта. Каждый человек сталкивается в своей жизни с различными трудными ситуациями, в нашей работе мы будем под ними подразумевать ситуации, которые обладают неопределенностью, могут вызывать наруше-

ние образа жизни, обладают значимостью для конкретного человека и иллюстрируют рассогласованность между возможностями личности и условиями реализации деятельности (Фоминова, Микульская, 2015).

Период ранней взрослости олицетворяет пик общесоматического развития, развитие высших эмоций и пик всех видов чувствительности и переходный этап между юностью и непосредственной взрослостью. Несомненно, данный возрастной этап пронизан различными трудными жизненными ситуациями: формирование отношений, сложности в самоопределении, глобальные кризисы, ситуации неопределенности, внутренние конфликты, которые отражаются в состоянии лиминальности (Arnett, 2005).

Для того чтобы справиться со всеми трудностями, которые подготовила жизнь, личность обращается к совладающему поведению. В нашем исследовании мы сделаем акцент на реактивном и проактивном копинге. Согласно классификации Р. Лазаруса и С. Фолкман, реактивный копинг мы рассмотрим через проблемно-ориентированный копинг, эмоционально-ориентированный копинг и, отдельно, проактивный копинг (Greenglass, 2002), который представлен в построении плана по совладанию с ситуацией в будущем. В ходе анализа литературы нами были установлено, что проактивный копинг недостаточно изучен в период ранней взрослости и в большой степени исследования представлены в период поздней взрослости и старости. В связи с этим наш интерес продиктован, с одной стороны, недостаточной изученностью проактивного совладания в данной возрастной категории, с другой стороны, выявлением и интерпретацией метафор трудной жизненной ситуации, которые расширяют представления о возрастной категории.

Целью нашей работы является исследование метафорических представлений о трудной жизненной ситуации в период ранней взрослости и определение способов совладания с ней.

Выборка представлена 23 респондентами в возрасте 20–25 лет, где 13 женщин и 10 мужчин. Метод – исследовательское интервью с обсуждением интересующих нас тем: общие представление и метафоры о трудных жизненных ситуациях; ресурсы и способы совладания с ними; субъективное представление о совладании с трудными жизненными ситуациями в период ранней взрослости в отличие от других возрастных этапов (дети, подростки, средняя взрослость и старость).

В результате вопросов, направленных на уточнение и определение трудной жизненной ситуации, мы установили, что респон-

денты характеризуют ее через различные особенности, а именно: негативные эмоции (23 из 23); ограничение возможностей (15 из 23); длительность (14 из 23); субъективная трудность (11 из 23); неопределенность (15 из 23); большое количество мыслей (8 из 23); отсутствие опыта (5 из 23, отметили только мужчины), данные результаты частично соотносятся с критериями когнитивного оценивания трудных жизненных ситуаций Е. В. Битюцкой (Битюцкая, 2007).

Мы установили, что виды метафор несколько отличаются у респондентов в период ранней взрослости. Метафора негативного состояния (олицетворяет состояние покинутости, бессилия, одиночества; большого количества выборов) демонстрируют влияние ситуации на положение человека, при этом гиперболизируя негативный эффект от этого. Метафора объекта (книга, где респондент представляет как историю с трудной историей и счастливым концом; ткань, где респондент представляет ситуацию как разрывающуюся ткань) демонстрирует сравнение с предметами созданными руками человека и характеризуют, с одной стороны, возможность управления и взаимодействия с ними, с другой, установление дистанции и позиции наблюдателя со стороны. Метафора темноты (респондент представляет как темную комнату, в которой не видно ничего, поэтому выбраться сложно) олицетворяет отсутствие знаний и невозможность контролировать происходящее событие.

Способы совладения, описанные респондентами, можно разделить на копинги (проблемно-ориентированный, эмоционально-ориентированный, проактивный) и ресурсы (внешние и внутренние). В качестве ресурсов указывали уверенность в себе (14 из 23), финансы (13 из 23), воля (11 из 23), время (10 из 23), юмор (9 из 23), оптимизм (7 из 23) абсолютное большинство обратилось бы за помощью к семье, близким и друзьям. Проактивный копинг обнаружен только у 17 из 23 респондентов (риск, планирование наперед, тщательный анализ путей решения и т. д.), у оставшихся трех был более выражен эмоционально-ориентированный копинг в связи с жизненной ситуацией связнной с собственной болезнью и болезнью близких. Эмоционально-ориентированный копинг (советы, поддержка, обращение к специалистам и т. д.) и проблемно-ориентированный копинг (анализ, планирование) присущ всем респондентам.

Критерии выхода из трудной жизненной ситуации остались неизменными и для это возрастной группы, либо адаптироваться (принятие с наименьшими потерями), либо разрешить событие (позитивный исход и изменения, отсутствие влияния на жизнь в дальнейшем).

Отдельно стоит отметить, что респонденты ранней взрослости при ответах на вопросы «Как вам кажется, как чаще всего справляются с трудными жизненными ситуациями дети/подростки/ровесники/поколение родителей/пожилые люди?» продемонстрировали стереотипность в отношении детей (все обратятся за помощью к родителям), подростков (обратятся к друзьям, компании), пожилых людей (обратятся к детям). Трудность вызвал вопрос разделения представлений о совладании в ранней взрослости и поведения поколения родителей (средняя и поздняя взрослость), что демонстрирует сложность дифференцирования не только как научного феномена, но и бытового понимания. Свое поколение они наделили такими особенностями, как: обращаются за помощью к специалистам (психологам); строят планы; имеют более гибкое мышление, у них выше скорость нахождения решения; взвешивают варианты. Общим с поколением родителей выделили: наличие опыта, обращение за помощью к близким, друзьям; использование различных способов переключения (ПАВ, фитнес, работа).

Таким образом мы установили, что период ранней взрослости пронизан различными трудными жизненными ситуациями, представленные в метафоры, содержащие эмоциональные и когнитивные компоненты. Результаты продемонстрировали, что личность в данном возрастном этапе активно использует не только реактивное совладание, но и проактивное. Полученные нами данные дополняют и расширяют представление не только о понимании трудных жизненных ситуаций, но и периоде ранней взрослости.

Литература

Битюцкая Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 87–93.

Фоминова А. Н., Микульская В. Г. Трудные жизненные ситуации: как их воспринимают подростки и чем могут помочь взрослые // Народное образование. 2015. № 6 (1449). С. 186–191.

Arnett J. J. (Ed.). The Oxford Handbook of Emerging Adulthood. Oxford–N. Y.: Oxford University Press, 2005. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199795574.001.0001

Greenglass E. R. Proactive coping // Beyond Coping: Meeting goals, vision and challenges / E. Frydenberg (Ed.). London: Oxford University Press, 2002. P. 37–62. doi: 10.1093/med:psych/9780198508144.001.0001

Исследование связи алекситимии и резилентности личности

О. Н. Вербицкая

В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого было установление характера взаимосвязи алекситимии и резилентности индивидов периода средней взрослости. Выборочную совокупность (n = 102) составили 84 (82,4%) женщины и 18 (17,6%) мужчин в возрасте от 25 до 50 лет (M = 37,89, SD = 6,4). Для сбора данных использованы методики: Торонтская шкала алекситимии TAS-20-R (Toronto Alexithymia Scale), Шкала резилентности CD-RISC-25 Коннор–Девидсона (Connor–Davidson Resilience Scale). Была подтверждена гипотеза о существовании обратной взаимосвязи между алекситимией и резилентностью личности в средней взрослости.

Ключевые слова: алекситимия, резилентность личности, TAS-20-R, CD-RISC-25.

В условиях, предъявляемых современным миром к личности – стрессоустойчивость, способность к саморегуляции, эмпатия, развитые soft skills, индивиды с алекситимией оказываются крайне уязвимыми в силу их неспособности к вербализации чувств, трудностей в регуляции эмоций и поведения, склонности к внезапным аффектам, отсутствием эмпатии, ригидностью мышления. В качестве доступного способа регуляции эмоций, способа совладания алекситимические личности довольно часто прибегают к неконструктивным копинг-стратегиям, в результате чего страдают

от психосоматических и эмоциональных расстройств. Положение осложняется невысокой эффективностью психологических способов воздействия на алекситимию (H. Krystal, K. R. Cohen, F. Auld, И. В. Быченко, А. В. Копытов и др.). Ввиду этого большую научную и практическую ценность представляет изучение возможностей для психологической коррекции алекситимии. Для решения этой проблемы актуальность приобретает исследование взаимосвязи алекситимии и резилентности личности. Во-первых, психологическая резилентность отражает способность субъекта к эффективному совладанию и личностному росту, несмотря на трудные жизненные обстоятельства. Во-вторых, резилентность – динамическая характеристика, которая хорошо поддается коррекционным воздействиям (M. Ungar, О. А. Селиванова, Н. В. Быстрова, И. И. Дереча и др.).

Предметом нашего исследования явилась взаимосвязь алекситимии и резилентности личности в период средней взрослости.

В выборку (n = 102) нашего исследования вошли 84 женщины (82,4%) и 18 мужчин (17,6%) в возрасте от 25 до 50 лет.

Методологическими основаниями исследования алекситимии выступили представления P. E. Sifneos, J. C. Nemiah и G. J. Taylor, согласно которым алекситимия рассматривается как конструкт и описывается следующими характерными признаками: трудности с идентификацией чувств и поиском слов для описания чувств; трудности в различении субъективных чувств и телесных ощущений, сопровождающих эмоции; pensee operatoire – ограниченность воображения и внешне ориентированный когнитивный стиль (Taylor, Bagby, 2021).

Наиболее близкой нашему пониманию резилентности является определение, предложенное А. В. Махначом: «...это способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех ее проявлениях, способность не только существовать, но и развиваться вопреки неблагоприятным жизненным событиям» (Жизнеспособность человека..., 2016, с. 63).

При изучении резилентности мы опирались на концепцию К. Корнера и Д. Девидсона, согласно которой к основным компонентам резилентности относятся: жизнестойкость, совладание, адаптивность/гибкость, осмысленность/цель, оптимизм, регуляция эмоций и когниций, самоэффективность (Connor, Davidson, 2003).

Для изучения алекситимии мы использовали Торонтскую шкалу алекситимии TAS-20-R, для определения резилентности личности – шкалу резилентности CD-RISC-25. Для изучения связи между переменными мы проводили корреляционный анализ с применением коэффициентов корреляции Спирмена и Пирсона.

Корреляционный анализ позволил установить отрицательную связь алекситимии и резилентности ($r = -0{,}408$, $p \leq 0{,}01$). Следовательно, у более резилентных участников нашего исследования выраженность алекситимии ниже.

Наиболее тесная отрицательная связь нами была зафиксирована между субшкалами «Трудность идентификации чувств» и «Адаптивность» ($\rho = -0{,}345$, $p \leq 0{,}01$). Как видим, чем больше трудностей респонденты испытывают в распознавании своих ощущений, эмоций, чувств и эмоциональных состояний других людей, тем менее они адаптивны.

Отрицательная связь также выявлена между субшкалой «Трудность идентификации чувств» и субшкалами «Самоэффективность» ($\rho = -0{,}294$, $p \leq 0{,}01$), «Регуляция эмоций и когниций» ($\rho = -0{,}280$, $p \leq 0{,}01$), «Совладание» ($\rho = -0{,}273$, $p \leq 0{,}01$), «Жизнестойкость» ($\rho = -0{,}217$, $p \leq 0{,}05$). Это означает, что большая выраженность трудностей с пониманием своих и чужих эмоций ведет к ухудшению их регуляции и менее эффективному совладанию. В результате снижается уверенность взрослого в успехе собственных действий, его активность, появляется ощущение беспомощности и невозможности влиять на происходящее вокруг, ощущение себя вне жизни, чувство потери контроля над ней. Таким образом, более резилентные респонденты обладают бóльшим потенциалом для эффективного приспособления к социуму и к происходящим в нем изменениям за счет продуктивной саморегуляции и более гибкого использования различных поведенческих стратегий, сохраняют при этом уверенность в себе и своих возможностях.

Зафиксированная нами отрицательная связь между субшкалой «Трудность описания чувств» и субшкалами «Самоэффективность» ($\rho = -0{,}248$, $p \leq 0{,}05$) и «Регуляция эмоций и когниций» ($\rho = -0{,}230$, $p \leq 0{,}05$) говорит о том, что респонденты, которые затрудняются вербализовать свои ощущения, эмоции, чувства, демонстрируют менее результативное управление своим поведением, что может приводить к неуспеху в деятельности.

Установлена отрицательная связь между субшкалой «Внешнеориентированное мышление» и субшкалами «Жизнестойкость» ($\rho = -0{,}335$, $p \leq 0{,}01$), «Самоэффективность» ($\rho = -0{,}315$, $p \leq 0{,}01$), «Со-

владание» ($\rho = -0{,}303$, $p \leq 0{,}01$), «Осмысленность» ($\rho = -0{,}264$, $p \leq 0{,}01$). Это означает, что респонденты, имеющие свой собственный эффективный опыт преодоления трудных жизненных ситуаций, менее склонны ориентироваться на внешние стимулы и оценки. Мы полагаем, что внешне-ориентированный стиль мышления формируется под воздействием гиперопекающей семьи (Вербицкая, Клышевич, 2022). В условиях гиперпротекции самостоятельное развитие индивида задерживается и нарушается: формируется тенденция подменять свои собственные потребности, желания, чувства, смыслы, цели «правильными», которые диктуются сначала родителями, а потом – социумом. Высокорезилентные респонденты оценивают свою жизнь как наполненную смыслом, имеют свои личные цели, добиваться которых им позволяет широкий репертуар копинг-стратегий. Благодаря этому формируется уверенность в себе, в своих возможностях влиять на события жизни, быть готовыми действовать и не испытывать страха в ситуациях неопределенности. Таким образом, возможный путь коррекции алекситимии мы видим в формировании резилентности индивида.

Кроме того, мы предполагаем, что для алекситимического типа личности может представлять существенные сложности профессиональная деятельность, особенно класса «субъект–субъект», или «человек–человек». При таком положении вещей «спасательным кругом» для алекситимичных индивидов могла бы стать активно развивающаяся область информационных технологий (information technology – IT), относящаяся к новому выделенному учеными базовому типу профессиональной деятельности – субъектно-информационному, в котором доминирует взаимодействие не с людьми или материальными объектами, а с информацией (А. В. Карпов, С. Л. Леньков и др.). С другой стороны, специфические особенности труда в IT-сфере могут способствовать формированию или усугублению выраженности алекситимических черт.

Литература

Вербицкая О. Н., Клышевич Н. Ю. Взаимосвязь алекситимии и межличностного взаимодействия в семье: сборник трудов конференции // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 15 нояб. 2022 г.) / Ред. Н. А. Степанова и др. Чебоксары: ИД «Среда», 2022. С. 36–42.

Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Connor K. M., Davidson J. R. T. Development of a new resilience scale the Connor–Davidson Resilience Scale (CD-RISC) // Depression and Anxiety. 2003. V. 18. P. 76–82.

Taylor G. J., Bagby R. M. Examining proposed changes to the conceptualization of the alexithymia construct: The way forward tilts to the past // Psychother. Psychosom. 2021. V. 90. № 3. P. 145–155.

Психологические особенности адаптации лиц, впервые осужденных за совершенные преступления, в условиях пенитенциарного учреждения

Е. Н. Власюк

Адаптация – сложный психологический процесс, направленный на приспособление индивида к новым условиям жизни, изменениям в окружающей среде и требованиям социума. Процесс адаптации в условиях пенитенциарного учреждения – это процесс активного включения в систему жестко регламентированных социальных норм и требует от личности определенной активности. Особенности психологической адаптации у лиц, впервые пребывающих в местах лишения свободы, отличаются от лиц, ранее пребывавших в подобных учреждениях.

Ключевые слова: адаптация, мотивация, толерантность к ситуации неопределенности, склонность к избеганию риска.

В современном обществе термин «адаптация» является одним из самых употребляемых и актуальных понятий в психологической науке. Наибольшую значимость данный психологический процесс приобретает в условиях первичного попадания в места лишения свободы, где каждый человек подвергается серьезной адаптационной нагрузке.

Проблема психологической адаптации заключенных, впервые попавших в места лишения свободы, является актуальной, поскольку она напрямую влияет на поведение и будущую успешную реабилитацию заключенных. Изучение данной проблемы может помочь понять причины и механизмы неудачной адаптации, а также по-

мочь разработать эффективные стратегии для поддержки заключенных в период их адаптации к новым условиям жизни в тюрьме.

Изучение особенностей психологической адаптации основано на идеях: В. С. Мухиной о том, что условия развития и бытия личности могут содействовать нормативному социальному ожиданию, а могут провоцировать личность на развитие девиаций; А. Н. Леонтьева о социальной адаптации, заключающаяся в том, что адаптация – это процесс изменения сущности человека и его поведения, который происходит в ответ на изменение внешних условий; С. Л. Рубинштейна о социальной адаптации, заключающаяся в том, что человеку необходимо адаптироваться к социальной среде для достижения полноценного развития и удовлетворения своих потребностей; Т. Элерса, в контексте теории мотивации избегания неудач. Согласно этой теории, люди мотивированы избегать неудач и при этом достигать успеха.

Объект исследования: психологическая адаптация.

Предмет исследования: психологические особенности адаптации лиц, впервые попавших в места лишения свободы.

Цель исследования: изучение особенностей психологической адаптации лиц в условиях первичного попадания в места лишения свободы.

Гипотеза исследования содержит следующие предположения:

1. У лиц, неоднократно пребывающих в местах лишения свободы, уровень адаптационных способностей к ситуации изоляции от общества выше, чем у лиц, находящихся в условиях первичного пребывания.
2. У лиц, в условиях первичного попадания в места лишения свободы, может преобладать более сильное желание избегания неудач и негативных последствий в межличностных отношениях. Предполагается, что отличия в мотивации могут быть связаны с прошлым поведением и опытом каждой группы людей.

В качестве методов экспериментального исследования были использованы следующие: методика Т. Элерса «Методика избегания неудач», методика «Диагностика социально-психологической адаптации личности», авторы-разработчики К. Роджерс и Р. Даймонд, автор адаптации Т. В. Снегирева. Для обработки использовались следующие статистические методы: статистический метод определения различий в группе (U-критерий Манна–Уитни).

Исследование проводилось на базе следственного изолятора № 3 г. Москвы. 100% составили лица мужского пола в возрасте

от 23 лет до 41 года; 61% – имеют среднее образование, 24% – среднее профессиональное, 15% – высшее; 83% – не состоят в браке, 14% – состоят в браке, 3% – разведены.

В ходе исследования испытуемые были разделены на две группы: группа, впервые попавших в места лишения свободы, и группа лиц, ранее судимых и повторно пребывающих в местах лишения свободы.

Проведенное исследование по методике «Мотивация избегания неудач» в группе лиц, впервые осужденных за совершение преступлений, показало значимые различия в группах на уровне мотивации, а именно – в группе первично осужденных преобладает мотивация избегания неудач (по шкале «уровень мотивации избегания неудач» между группой «первично осужденные» и группой «повторно осужденные» ($U = 791{,}5$, $p < 0{,}01$).

Это может свидетельствовать о том, что у первично осужденных более высокий уровень тревожности, связанный с возможностью неудач и негативного исхода каких-либо ситуаций. Характерны сомнения в собственных способностях, страх, беспокойство, иногда неудачи в деятельности переносятся на оценку себя как личности. Выражена установка, что нет возможности достичь успеха в какой-либо деятельности. Испытывают чувство удовлетворения, когда задача оказывается легче, чем ожидалось. Предпочитают малый, либо, наоборот, чрезмерно большой риск, где неудача не угрожает социальному престижу. Низкий уровень толерантности к ситуации неопределенности, склонность к избеганию риска.

В свою очередь, у повторно осужденных может быть более низкий уровень тревожности, который соответствует более низкому уровню мотивации избегания неудач. Средний уровень толерантности к ситуации неопределенности, при этом рассчитывают возможные пути развития ситуаций с учетом предыдущего опыта.

Анализ проведенного исследования по методике «Диагностика социально-психологической адаптации личности» показал, что в группе первично осужденных наиболее высокие показатели имеют шкалы адаптированность и уход от проблем. В данном случае установка на адаптацию имеет специфику, не связанную с реальной обстановкой заключения под стражу, отягощается отсутствием информации об особенностях дальнейшего отбывания наказания, и ожиданием изменения меры пресечения. Именно стремление к уходу от проблем и иррациональные установки формируют специфические особенности процесса адаптации у лиц, впервые пребывающих в местах лишения свободы, а именно: че-

ловек не адаптируется к реальным условиям пребывания в следственном изоляторе, а согласно своим представлениям и предыдущему опыту социализации до ареста старается их спроецировать на текущую обстановку (по шкале «адаптированность» статистические различия минимальны ($U = 530{,}5$, $p < 0{,}01$).

В группе повторно осужденных наиболее высокие показатели отмечены по шкалам «доминирование» и «принятие других», что может свидетельствовать о склонности данных заключенных к определенной власти и уважению со стороны других заключенных. Умеренная критичность к окружающим, склонность давать как положительные, так и отрицательные оценки их личности и особенностей поведения. Стремление к сохранению некоторой дистанции в общении с ними. Особенности адаптации у данной категории лиц отличаются реалистичностью, избирательностью, стремлением к доминированию (самостоятельности принятия решений в условиях изоляции и формировании малых групп среди других осужденных), способностью руководствоваться собственными правилами поведения и влияния на окружающих (в ситуации заключения под стражу – на других заключенных) (по шкале «доминирование» между группой «первично осужденные» и группой «повторно осужденные» имеются значимые различия ($U = 304{,}5$, $p < 0{,}01$).

Особенности психологической адаптации лиц в условиях первичного попадания в места лишения свободы отличаются высоким влиянием на данный процесс мотивационных установок, уровнем ухода от проблем, показателем ожидания внутреннего контроля, стремлением к доминированию и уровнем принятия других.

Результаты данного исследования имеют практическую значимость, потому как знания особенностей психологической адаптации осужденных, в условиях первичного попадания в места лишения свободы позволят помочь им в процессе социализации и адаптации к новой среде.

Литература

Мухина В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 4-е изд., испр. и доп. М.: Национальный книжный центр, 2014.

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

Социально-психологические аспекты стратегий избавления от старых вещей молодежью (на примере одежды)

И. А. Волженкина

Исследование посвящено анализу проблемы ответственного потребления. Цель работы: поиск социально-психологических конструктов, влияющих на выбор способа утилизации товаров потребителями. Мы предположили, что выбор стратегии утилизации старой одежды связан с общим уровнем тревожности, жадности, уважением к личной собственности, экологической ответственностью, доверием организациям по переработке товаров. Результаты показали, что уровень образования, жадности, доход, суверенность личных вещей, экологическая осведомленность связаны с выбором стратегии утилизации старой одежды у молодежи 18–35 лет.

Ключевые слова: стратегия утилизации, ответственное потребление, личностная тревожность, экологическая осведомленность, жадность, суверенность вещей, доверие к организациям.

Благодаря возможности выбора различных способов освобождения от товаров потребители больше не являются последним звеном в производственной цепочке. Наоборот, потребители играют ключевую роль – восстанавливая, перерабатывая, повторно используя материалы в рамках экономической активности. Однако в сфере исследований потребительского поведения больше уделяется внимание действиям покупателя при совершении покупки, чем после приобретения товаров. В связи с этим актуальность нашей работы

обусловлена тем, что исследования сконцентрированы на факторах выбора, совершения покупки, и в меньшей мере на переживаниях после покупки.

Процесс избавления от старых товаров заключается в облегчении физического и психологического отделения объекта от его владельца. Индивидуальные и социальные ценности, сентиментальная, экономическая и символическая значимость, придаваемая объекту, влияют на решения потребителей о способе утилизации.

Дж. Робертс ввел термин «социально ответственные потребители», или те, кто покупает продукцию, оказывающую положительное (или менее негативное) воздействие на окружающую среду (Roberts, 1995). Это определение включает в себя два аспекта: заботу об окружающей среде и общее социальное беспокойство. На основе этого он выделяет несколько видов потребительского поведения при избавлении от товара: прямое выбрасывание, хранение, перепродажа, дарение, переработка.

Л. Канниг считает потребителей «недостающим звеном» из-за небрежного отношения к своей роли в возвращении товаров в обратную цепочку поставок (Canning, 2006). Участие потребителя в утилизации продукции катализирует успешное выполнение схем восстановления и переработки товаров, инициированных производителями. Поэтому важным решением в процессе утилизации продукции потребителем является выбор стратегии избавления. На него в свою очередь могут влиять различные характеристики потребителей. Поэтому важно изучить все факторы, которые покупатели учитывают при выборе стратегии утилизации товаров. Люди выбирают различные способы утилизации для разных категорий продукции, но в целом существует стабильность в выбранных способах для той или иной категории.

Цель нашего исследования состоит в поиске социально-психологических конструктов, влияющих на выбор стратегии избавления от товаров потребителями в конце цикла их использования. Соответственно поставленной цели мы выдвинули следующие гипотезы:

1. Люди с высоким уровнем тревожности склонны к сохранению товаров.
2. Люди с выраженной экологической ответственностью склонны к отправлению товаров на переработку или к перепродаже, передаче.
3. Люди с высоким уровнем жадности чаще будут перепродавать старые вещи.

4. Люди с низкой степенью доверия к организациям по переработке товаров реже будут отдавать товары на переработку, в благотворительные учреждения.
5. Люди с выраженным уровнем привязанности к вещам (суверенности) склонны к сохранению старых вещей.

Программа исследования

В исследовании приняли участие 92 респондента, из них 38 мужчин и 54 женщины, в возрасте от 18 до 35 лет. Для анализа выбора стратегии утилизации было сформулировано 5 вопросов о частоте использования той или иной стратегии (сохранение, переработка, перепродажа, безвозмездная передача, выбрасывание) избавления от старой одежды. Под термином «старые» понимались товары в пригодном к использованию состоянии, но вышедшие из моды, имеющие мелкие дефекты, не влияющие на функциональность, надоевшие и т. п. Это определение давалось респондентам. Для оценки эмоциональной привязанности к вещам использовали шкалу суверенности вещей из опросника «Суверенность психологического пространства» (Нартова-Бочавер, 2014). Для выявления уровня тревожности мы выбрали тест Спилбергера–Ханина (шкала личной тревожности). Для анализа экологической сознания мы использовали Шкалу экологической ответственности из опросника экологического сознания В. И. Панова (Панов и др., 2012). Для диагностики скупости мы взяли Шкалу диспозиционной жадности И. А. Фурманова и С. М. Ширко (Фурманова, Ширко, 2020). Для анализа уровня доверия перерабатывающим и благотворительным организациям был применен модифицированный барометр доверия Эдельмана.

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ показал, что люди с высоким уровнем жадности часто отдают старую одежду безвозмездно ($r = 0{,}22$). Мы предполагаем, что это может быть вызвано тем, что для жадных людей старая одежда перестает быть ценностью. Но данный вопрос требует дополнительного исследования. Гипотеза о перепродаже старых вещей людьми с высоким уровнем жадности не подтвердилась.

Люди с высокой общей экологической ответственностью выбирают утилизацию старой одежды через переработку ($r = 0{,}22$). Чем больше молодежь осознает важность экологических проблем, тем чаще отдает на переработку старые товары. Вторая эмпирическая гипотеза подтвердилась.

Не обнаружено статистически значимых корреляций между уровнем личностной тревожности и стратегией сохранения товаров (старой одежды). Не подтверждена первая эмпирическая гипотеза. Молодежь в вопросе сохранения старой одежды разделилась почти на равные части: частое сохранение вещей (32,6%) и полное избавление от них (29,3%). Остальные либо редко сохраняют старую одежду (26,1%), либо постоянно (12%). Возможно, часть молодых людей находится под влиянием старших поколений, которым свойственно сохранять все вещи «на всякий случай», поэтому придерживается такой же стратегии утилизации. Также, избавившись от подобного влияния, например, посредством переезда, люди, могут специально (из чувства протеста) избегать накопления неиспользуемых вещей у себя дома.

Не выявлено статистически значимых корреляций между степенью доверия к организациям по переработке товаров и стратегией переработки товара и передачи в благотворительные учреждения. Таким образом, четвертая эмпирическая гипотеза не подтвердилась. Мы можем объяснить это тем, что информация о центрах переработки и благотворительных учреждениях не распространяется в массы. Из-за чего у многих людей отсутствует какое-либо представление об их деятельности. Следовательно, молодежь не может без своего представления о работе таких учреждений доверять им.

Не обнаружено статистически значимых корреляций между выраженным уровнем привязанности к вещам (суверенности) и стратегией сохранения старых вещей. Но по H критерию Краскела-Уоллиса мы обнаружили различия по группам уровня суверенности вещей и выбору стратегии выбрасывать старую одежду на помойку ($p = 0,03$). Сверхсуверенные часто выбрасывают на помойку старую одежду. Они хорошо сохраняют свои личностные границы, не связывая их тесно с вещами. Также стоит отметить, что в выборке не оказалось людей из группы депривированных.

Заключение

Проведенное исследование частично подтверждает предположение, что на выбор стратегии утилизации товара влияют общий уровень тревожности (не подтвердилось), уважение к личной собственности (т. е. суверенность вещей), экологическая ответственность, уровень жадности, степень доверия организациям по переработке товаров (не подтвердилось).

Литература

Нартова-Бочавер С. К. Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. № 3. С. 105–119.

Панов В. И., Мдивани М. О., Хисамбеев Ш. Р., Лидская Э. В. Экологическое сознание: теория, методология, диагностика // Психологическая диагностика. 2012. № 1. С. 3–126.

Фурманов И. А., Ширко С. М. Разработка шкалы диспозиционной жадности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 3. С. 78–86.

Canning L. Rethinking market connections: Mobile phone recovery, reuse and recycling in the UK // Journal of Business and Industrial Marketing. 2006. V. 21. № 5. P. 320–329. doi: 10.1108/08858620610681623

Roberts J. A. Profiling levels of socially responsible consumer behavior: A cluster analytic approach and its implications for marketing // Journal of Marketing Theory and Practice. 1995. V. 3 (4). P. 97–117. doi: 10.1080/10696679.1995.11501709

Взаимосвязь феминистской идентичности и мизандрии у разных групп российских женщин*

А. Е. Воробьева, М. С. Данилина

Актуальность изучения мизандрии определяется неразвитостью данного направления исследований. Мизандрия может быть связана с феминистским мировоззрением. Предполагается, что у женщин уровень мизандрии связан со стадиями феминистской идентичности. Использовалась методика «Шкала измерения мизандрии как нормативных представлений в отношении мужчин» Е. С. Пятковой и О. Б. Савинской и «Краткая версия шкалы развития феминистской идентичности» А. Баргард и Д. Хайд в адаптации А. Г. Чаусовой и О. А. Гулевич. Были выявлены прямые и обратные связи мизандрии со стадиями феминистской идентичности, отличающиеся у женщин, интересующихся и не интересующихся феминизмом.

Ключевые слова: гендерные предрассудки, сексизм, мизандрия, феминизм, феминистская идентичность.

С точки зрения П. Натансона и К. К. Янг, мизандрия – это мировоззрение, распространяемое в рамках некоторых направлений феминизма (Nathanson, Young, 2010). Феминизм представлен различными течениями: радикальный, социалистический, либеральный, культурный, интерсекциональный. Мизандрия является ха-

* Работа выполнена по Госзаданию № 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

рактерной чертой радикального и социалистического феминизма и в гораздо меньшей мере проявляется в иных его направлениях.

С точки зрения А. Баргад и Д. Хайд, можно выделить 5 стадий феминистской идентичности: пассивное принятие (поддержка традиционных половых ролей), откровение (негативные эмоции, связанные с недавним осознанием угнетения женщин мужчинами), «включенность-эманация» (женская взаимоподдержка), синтез (мужчины воспринимаются как личности, а не как представители враждебной группы), активная приверженность (активные действия, направленные на улучшение положения женщин) (Bargad, Hyde, 1991), но возможно объединение 2 последних стадий в одну. Известно, что на развитие феминистской идентичности влияет осведомленность в результатах гендерных исследований в рамках гуманитарных наук (ibid.). Поэтому можно предполагать, что женщины, регулярно читающие тексты, посвященные вопросам феминизма, будут отличаться более выраженной феминистской идентичностью.

Гипотезы:

1) выраженность стадий феминистской идентичности у женщин, не относящихся к группе феминисток, отличается от женщин, интересующихся феминизмом;
2) существует взаимосвязь между уровнем феминистской идентичности и уровнем проявления мизандрии у российских женщин.

Методики: «Шкала измерения мизандрии как нормативных представлений в отношении мужчин» Е. С. Пятковой и О. Б. Савинской (Пяткова, Савинская, 2020), «Краткая версия шкалы развития феминистской идентичности» А. Баргард и Д. Хайд в адаптации А. Г. Чаусовой и О. А. Гулевич (Чаусова, 2019; Чаусова, Гулевич, 2020), социально-демографический блок вопросов.

Сбор данных осуществлялся в мае–июне 2023 г. методом онлайн-опроса при помощи Google Forms: женщины, не относящиеся к группе феминисток, собирались через группы во «В контакте», специально созданные для поиска респондентов исследователями (например, «FreudZone: психологические исследования»), а женщины, интересующиеся феминизмом, собирались через группы во «В контакте», посвященные одноименной тематике (например, «Фем-группа»). Вознаграждение за прохождение опроса не предусматривалось.

Выборка – 477 женщин, проживающих на территории России. Из них 104 чел. – представительницы поколения Z (2000 г. р.

и младше), не относящиеся к группе феминисток (63 чел. проживают на территории Москвы и Московской области; 41 чел. – в других крупных городах России); 373 чел. – подписчицы пабликов «В контакте» с феминистской тематикой, из них 60 чел. – представительницы поколения X (1963–1984 г. р.), 189 чел. – поколения Y (1984–2000 г. р.), 124 чел. – поколения Z. В выборке подписчиц феминистских пабликов 98 чел. – жительницы мегаполиса, 275 чел. – жительницы других крупных, средних и малых городов России.

Обработка данных проводилась с помощью Statistica v. 10: применялись непараметрические критерии различия (Манна–Уитни) и связи (Спирмена), так как не все показатели имели нормальное распределение.

Результаты и их обсуждение

Было выявлено (сравнивались только подгруппы жительниц Москвы и Московской области), что в группе феминисток поколения Z выраженность стадий феминистской идентичности «откровение», «включенность» и «активная приверженность» статистически значимо выше ($p = 0{,}0002$), а стадий «пассивное принятие» и «синтез» статистически значимо ниже ($p = 0{,}007$), чем в группе женщин поколения Z, не идентифицирующих себя как феминистки. Таким образом, «Краткая версия шкалы развития феминистской идентичности» А. Баргард и Д. Хайд в адаптации А. Г. Чаусовой и О. А. Гулевич хорошо дифференцирует женщин с разной феминистской идентичностью. В связи с этим гипотезу о взаимосвязи уровня феминистской идентичности и мизандрии было решено проверять отдельно на подгруппе феминисток и отдельно на подгруппе женщин, не интересующихся феминизмом.

В подгруппе российских подписчиц феминистских пабликов разных поколений обнаружена статистически значимая умеренная положительная корреляция мизандрии и стадий феминистской идентичности «откровение» ($r = 0{,}53$), «включенность» ($r = 0{,}51$) и «активная приверженность» ($r = 0{,}37$), а также статистически значимая умеренная отрицательная корреляция мизандрии и стадии феминистской идентичности «синтез» ($r = -0{,}54$) и слабая отрицательная – со стадией «пассивное принятие» ($r = -0{,}13$). Обратная корреляция стадии «пассивное принятие» с мизандрией на этой части выборки с нашей точки зрения объясняется тем, что на этой стадии наличие дискриминации женщин мужчинами не осознается или отрицается, доминирующее положение мужчин и традиционное распределение гендерных ролей в обществе

воспринимается как естественное, т. е. на этой стадии женщина еще не феминистка.

В подгруппе представительниц поколения Z, проживающих на территории России и не относящихся к группе феминисток, была выявлена статистически значимая умеренная положительная корреляция мизандрии и стадий феминистской идентичности «откровение» (r = 0,43), «включенность» (r = 0,46) и «активная приверженность» (r = 0,33), а также статистически значимая умеренная отрицательная корреляция мизандрии и стадии феминистской идентичности «синтез» (r = –0,2), и слабая положительная – со стадией «пассивное принятие» (r = 0,24). Это показывает, что решение анализировать подвыборки феминисток и нефеминисток раздельно было верным.

Характер выявленных взаимосвязей ставит под сомнение возможность объединения стадий «синтез» и «активная приверженность». Выявленные на обеих подвыборках обратные корреляции стадии «синтез» и мизандрии согласуются с точкой зрения авторов русскоязычной адаптации методики «Краткая версия шкалы развития феминистской идентичности» (Чаусова, 2019; Чаусова, Гулевич, 2020), что респондентки, находящиеся на этой стадии, могли с равной вероятностью как никогда не считать мужчин врагами (и в таком случае не приходится говорить о развитии феминистской идентичности от разрыва с доминантными мужскими группами и включенности в женские группы к индивидуальному восприятию мужчин), так и наконец начать воспринимать их как личностей, а не как членов враждебной группы, т. е. вступить в стадию интеграции позитивной феминистской идентичности в повседневную жизнь. И если первое предположение (никогда не считали мужчин врагами) верно, то, по крайней мере на российской выборке, стадия «синтез» – это стадия, сходная со стадией «пассивное принятие», или же более корректно было бы говорить не о стадиях, а о компонентах феминистской идентичности.

Заключение

Выявлено, что уровень мизандрии у российских женщин прямо связан с выраженностью отдельных стадий феминистской идентичности («откровение», «включенность», «активная приверженность»). На развитие феминистской идентичности у российских женщин влияет осведомленность о гендерных вопросах. Вопрос о том, являются ли стадии феминистской идентичности именно стадиями, а не типами или компонентами, требует дальнейшего анализа.

Литература

Пяткова Е. С., Савинская О. Б. Нормативные представления о мизандрии у женщин двух поколений// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 252–272. doi: 10.14515/monitoring.2020.2.679

Чаусова А. Г. Анализ структуры опросников Feminist identity development scale и Feminist perspectives scale – 3 на российской выборке. Курсовая работа. М.: ВШЭ, 2019.

Чаусова А. Г., Гулевич О. А. Адаптация шкалы развития феминистской идентичности на русский язык // PSY-Вышка: сборник материалов Международной научной конференции (Москва, 31 октября–2 ноября 2019 г.) / Отв. ред. Е. С. Горбунова. М.: Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2020. С. 57–59.

Bargad A., Hyde J. S. A study of feminist identity development in women // Psychology of Women Quarterly. 1991. № 15. P. 181–201.

Nathanson P., Young K. K. Sanctifying Misandry: Goddess Ideology and the Fall of Man. Montreal: McGill-Queen's Press-MQUP, 2010.

Учет размеров собственного тела серыми крысами

П. Н. Ганза

Учет размеров собственного тела – это способность понимать габариты собственного тела в качестве факторов, влияющих на взаимодействие с объектами окружающей среды. Мы разработали экспериментальное исследование, в котором крысы должны были проникнуть в одно отверстие из трех в экспериментальной установке, чтобы получить приманку. Мы проверили способность крыс выбирать одно проходимое отверстие с первой попытки, в то время как два непроходимых имели большую площадь. Все протестированные крысы в большинстве экспериментальных проб выбирали проходимое отверстие с первой попытки. Мы утверждаем, что эти данные указывают на то, что крысы способны учитывать размеры собственного тела.

Ключевые слова: самоотражение, самосознание, осознание тела, границы тела, осведомленность о размере тела, крысы.

Наше исследование было сосредоточено на феномене учета размеров собственного тела – способности учитывать границы собственного тела при взаимодействии с объектами окружающей среды (Khvatov et al., 2021). Эта способность была ранее продемонстрирована у детей 22–26 месяцев (ibid.), домашних собак (Lenkei et al., 2020), волнистых попугаев (Schiffner et al., 2014), серых ворон (Khvatov et al., 2021) и хорьков (Khvatov et al., 2023). Наше исследование продолжает линии этих работ, оценивая осведомленность о размере собственного тела у серых крыс.

Для оценки осведомленности о размере собственного тела используются различные подходы. Большинство из них предлагают, чтобы тестируемые животные выбирали отверстие соответствующего размера, которое позволяет им переходить с одной стороны перегородки на другую (см.: Khvatov et al., 2023).

Для крыс задача проникновения в отверстия разных размеров является экологически валидной в том смысле, что они часто сталкиваются с ней в естественных условиях обитания (Barnett, 1963).

В эксперименте участвовало шесть самцов серой крысы (*Rattus norvegicus*) линии Wistar в возрасте от 4 до 6 месяцев.

Экспериментальная установка представляла собой параллелепипед (1000×600×500 мм^3) разделенный тремя перегородками на четыре части. В центральной перегородке было три отверстия, в которые помещались специальные вставки, позволявшие регулировать размер и форму отверстия. Перегородки по краям имели по одному большому отверстию, в которые вставлялись непрозрачные непроницаемые вставки, тем самым образуя стартовый и финишный отсеки. Наружные стенки установки и пол были сделаны из светлого непрозрачного оргстекла, перегородки и вставки были сделаны из непрозрачного черного оргстекла.

Экспериментальная процедура

Животные подвергались пищевой депривации (при этом животные потеряли не более 15% от изначальной массы тела). В качестве приманки использовался лабораторный комбикорм для грызунов. Перед началом пробы животное помещали в стартовый ящик, затем, экспериментатор поднимал вставку, тем самым давая возможность испытуемому выбрать отверстие для проникновения. После чего животное переходило в финишный ящик, где была приманка. Как только испытуемый брал приманку, финишный отсек закрывался перегородкой.

Цель эксперимента состояла в том, чтобы определить, выберут ли крысы одно проходимое отверстие из трех, хотя два других отверстия имеют большую площадь, но непроходимы. Экспериментальная серия состояла из 72 проб. В эксперименте использовались два типа проб: тестовые и фоновые. Тестовые и фоновые пробы чередовались таким образом, что две фоновых следовали за одной тестовой. Это было необходимо для исключения эффекта научения у животных.

Каждое животное участвовало в 24 тестовых пробах. В каждой тестовой пробе только одно отверстие было проходимым, хо-

тя оно имело значительно меньшую площадь, чем два других непроходимых.

Как мы установили ранее, круглое отверстие ∅ 50 мм было наименьшим проходимым отверстием для крыс. Таким образом, прямоугольные отверстия высотой или шириной менее 50 мм были бы непроходимыми, даже если бы они имели большую площадь. Соответственно, мы использовали два типа больших, но непроходимых отверстий. Первым типом был вертикальный прямоугольник 20×150 мм^2. Вторым типом был горизонтальный прямоугольник 150×20 мм^2.

В тестовых пробах использовались небольшие проходимые отверстия двух типов. Первым типом был круг ∅ 50 мм. Вторым типом был квадрат со стороной 50 мм.

Животные участвовали в 48 фоновых пробах. Мы использовали два проходных отверстия большего диаметра и одно непроходимое отверстие меньшего диаметра в каждой фоновой пробе.

Непроходимые отверстия также были двух типов. Первым типом был круг ∅ 20 мм, вторым типом был квадрат со стороной 20 мм.

Используемые проходные отверстия имели большую площадь, чем непроходимые, и в одном из измерений (высота или ширина) они соответствовали минимальному проходимому отверстию. Использовались два типа таких отверстий. Первым типом был вертикальный прямоугольник 50×150 мм^2. Вторым типом был горизонтальный прямоугольник 150×50 мм^2.

Типы и расположение проходимых и непроходимых отверстий в тестовых и фоновых пробах варьировались квазислучайно.

Статистический анализ данных

Были проанализированы результаты 24 тестовых проб. В каждой пробе учитывались два показателя: первый подход к отверстию и первая попытка прохода через отверстие. «Подходом» считалось обстоятельство, когда расстояние между кончиком морды и отверстием составляло не более 1 см. «Попыткой» считалась ситуация, когда в отверстие проникал кончик носа крысы.

Мы применяли метод ANOVA (n = 6) для идентификации предикторов выбора отверстий в 24 тестовых пробах. Предикторами были проходимость отверстия (проходимое/непроходимое), положение отверстия (справа/по центру/слева), форма непроходимого отверстия (вертикальная/горизонтальная) и форма проходимого отверстия (круглая/квадратная). Количество первых подходов и количество первых попыток пройти через отверстия были за-

висимыми переменными. Идентификатор субъекта был включен в качестве случайного фактора. Мы также применили тест Тьюки для выявления влияния различий между уровнями предиктора.

С помощью биномиального теста мы оценили значимость разницы в количестве первых подходов к проходимому отверстию, и первых попыток проникнуть в это же отверстие со случайным уровнем (33,3%) для каждого животного.

Результаты

Результаты ANOVA для 24 испытаний показывают, что проходимость отверстия выступала единственным предиктором как выбора отверстия для первого в пробе подхода ($F(1, 129) = 51{,}45$; $p = 0{,}001$), так и первой попытки пройти через отверстие ($F(1, 129) = 1345{,}7$; $p = 0{,}001$). Крысы значительно чаще первый раз в пробе приближались к проходимым отверстиям (тест Тьюки, $p = 0{,}01$) и совершали первую же попытку проникновения в проходимое отверстие (тест Тьюки, $p = 0{,}01$), независимо от формы проходимых отверстий, местоположения отверстий или формы непроходимых, но больших отверстий.

В 24-х пробах 3 крысы сделали первую попытку проникновения сразу после первого подхода к проходимому, но меньшему по площади отверстию в 17 случаях, 1 крыса сделала это в 16 случаях, еще 2 сделали это в 15 случаях ($p = 0{,}001$; биномиальный тест).

Обсуждение

Результаты эксперимента показывают, что проходимость отверстия была единственным фактором, определяющим как выбор первого подхода, так и первую попытку проникновения в отверстие в пробах. Мы считаем, что эти данные доказывают, что крысы, намереваясь добраться до приманки, преодолев барьер, заранее (даже до физического контакта) выбирали отверстия, пригодные для прохождения.

Таким образом, учитывая настоящую работу, к текущему моменту установлено, что многие виды животных, то есть человеческие дети 22–26 месяцев (Khvatov et al., 2021), собаки (Lenkei et al., 2020), волнистые попугаи (Schiffner et al., 2014), серые вороны (Khvatov et al., 2021), хорьки (Khvatov et al., 2023) и серые крысы демонстрируют способность учитывать размер своего тела.

Литература

Barnett S. A. The Rat: a Study in Behavior. N. Y.: Routledge, 1963. doi: 10.4324/9781315134468

Khvatov I. A., Smirnova A. A., Samuleeva M. V., Ershov E. V., Buinitskaya S. D., Kharitonov A. N. Hooded crows (*corvus cornix*) may be aware of their own body size // Front. Psychol. 2021. № 12. P. 769397.

Khvatov I. A., Sokolov A. Y., Kharitonov A. N. Ferrets (Mustela furo) are aware of their dimensions // Animals. 2023. № 13. P. 444. doi: 10.3390/ani13030444

Lenkei R., Faragó T., Kovács D., Zsilák B., Pongrácz P. That dog won't fit: Body size awareness in dogs // Anim. Cogn. 2020. № 23. P. 337–350.

Schiffner I., Vo H. D., Bhagavatula P. S., Srinivasan M. V. Minding the gap: In-flight body awareness in birds // Front. Zool. 2014. № 11. P. 64.

Личностные диспозиции участников многопользовательских виртуальных игр

П. А. Герасимова

В статье приведены результаты метаанализа 15 эмпирических исследований с 2018 по 2023 год, посвященных изучению личностных диспозиций участников многопользовательских виртуальных игр. Была подтверждена гипотеза, что участники виртуальных многопользовательских игр и люди без опыта имеют различные превалирующие личностные диспозиции. Игроки MMORPG имеют более высокий уровень экстраверсии и нейротизма, но меньший уровень сотрудничества и открытости новому опыту, чем люди, не знакомые с многопользовательскими виртуальными играми.

Ключевые слова: диспозиции, виртуальная игра, метаанализ, массовые многопользовательские онлайн-игры.

В наше время как никогда важно изучать не только сами виртуальные игры, но и их влияние на личностные диспозиции людей. Так как игры часто демонстрируют схожесть с реальным миром, человек погружается в виртуальность и онлайн-сообщества и взаимодействует там со множеством пользователей (Witmer, Singer). Поэтому исследование влияния игр на диспозиции личности необходимо и играет большую роль в развитии психологии, как науки в будущем.

Мы опираемся на определение, которое развивается в русле современной теории Д. Мак-Адамса (McAdams, 2006). Диспозиционные черты личности – это широкие, безусловные, деконтекс-

туализированные, как правило линейные и биполярные, неявно сравнительные измерения человеческой индивидуальности, такие как экстраверсия, доминирование, дружелюбие, послушность, депрессивность, тенденция чувствовать себя уязвимыми и так далее. В данной теории диспозиционная сигнатура является не единственной характеристикой личности, также есть нарративные идентичности, адаптационные механизмы, роль эволюции и культуры.

Исследования на смежную тему проводили А. Мартуччи с соавторами, обозревая игровую мотивацию, связанные с ней психологические и социально-демографические переменные. О. Б. Михайловой было проведено теоретическое описательное исследование, поднимая тему многопользовательских онлайн-игр как ресурса развития потенциала личности (Михайлова, Черномырдина, 2018). Также в ходе отбора было выявлено сравнительно большое количество статей, посвященных исследованию агрессивности у игроков онлайн-игр, а также их особенностей коммуникации. Таким образом, например, в 2021 году Р. Казань-Питарх проводил анализ социальных коммуникативных актов среди игроков MMORPG.

Исследований в области диспозиционных черт мало, в сравнении с агрессивностью и коммуникацией, в основном это исследования эмпирического плана, которые не обобщены и не сопоставлены между собой. Именно это делает необходимым наше исследование, посвященное сравнению, сопоставлению, сравнительному анализу эмпирических исследований личностных диспозиций игроков. Большинство эмпирических исследований опираются на разные теоретико-методологические основания, используют разную методологию и психодиагностические инструменты, что затрудняет их анализ. Нашей целью является выделить и проанализировать исследования личностных диспозиций в смежных парадигмах, которые мы можем интегрировать на теоретическом уровне. Это и делает необходимым наш анализ.

Метод

Целью работы является метаанализ эмпирических исследований, посвященных изучению личностных диспозиций игроков в многопользовательские виртуальные игры за 2018–2023 годы.

Гипотеза: участники многопользовательских виртуальных игр и люди без опыта имеют различные превалирующие личностные диспозиции.

Методы: метаанализ, теоретический анализ, контент-анализ, поиск по заданному критерию в научной базе данных РИНЦ.

Проводился выбор по ключевым словам и названиям статей. Слова для поиска в РИНЦ – «многопользовательские виртуальные игры», «личностные диспозиции», «ММОРПГ», и «MMORPG», «dispositional traits», «multiplayer virtual games» для поиска в Google Scholar. Рассматривались статьи по психологии с 2018 по 2023 год, поступившие за все время. Далее были отобраны материалы, содержащие эмпирические данные, в которых рассмотрены личностные диспозиции игроков в многопользовательских виртуальных играх. Количество зарубежных статей в журналах сократилось с 218 до 9 статей, а отечественных – с 125 до 6 статей.

Эмпирическая база исследования: 15 эмпирических статей по психологии, касающиеся диспозиционных черт личности игроков многопользовательских виртуальных игр. Из них 9 зарубежных статей и 6 отечественных.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа выявлены следующие данные. Процентное соотношение показывает количество статей, в которых рассматривались диспозиции личности игроков. Опытные игроки в виртуальные многопользовательские игры демонстрируют достаточно высокий уровень экстраверсии (20%), нейротизма (35%), лидерства (25%), и аморальности (15%) и низкий уровень эмпатии (35%), сотрудничества (30%), открытости новому опыту (25%), уступчивости (25%) по сравнению с людьми, не имеющими опыта в играх. Российские исследования уделяют больше внимания диспозициям сотрудничества и экстраверсии, а зарубежные чаще рассматривают комплексно диспозиции «Большой Пятерки».

В анализируемых статьях преимущественно делят игроков по половому признаку, проведенному в игре времени, и отделяют соло-игроков, гильдийных и играющих в привычных командах.

Женщины игроки используют виртуальные игры, как пространство для общения. У женщин, которые играют в гильдиях, наблюдается высокое значение избегания борьбы. А мужчины играют с целью получения достижений, у них высокие значения по шкале принятия борьбы.

Более общительны игроки, проводящие в играх от 4 до 7 часов в день, нежели те, что играют 1–3 часа. Соло-игроки, проводящие 4–7 часов в виртуальном пространстве, более агрессивны. У MOBA-игроков наблюдается связь между ревностью и цинизмом, отсутствует боязнь конфликта. ММО-игроки склонны уходить от проблем, идти на компромиссы и избегать межличностно-

го общения, наблюдается связь между завистью, интроспекцией и враждебностью.

Наиболее общительными и не склонными к агрессии являются игроки, находящиеся постоянно в одной игровой группе. Также у таких игроков присутствует связь справедливости и квазирефлексии, в то время как у гильдийных игроков наблюдается зависимость завистливости с цинизмом, агрессивностью, враждебностью и самонаблюдением (Антонов и др., 2022).

Отечественные статьи показывают, что кроме игрового азарта, игроки виртуальных многопользовательских игр ценят социальное взаимодействие. При этом является немаловажной проблема вовлеченности в игровой мир. Происходит изменение интересов, мотивации, возрастает уровень агрессивности и тревожности (Михайлова, Черномырдина, 2018).

В зарубежных статьях утверждается, что люди, которые ежедневно играют в виртуальные многопользовательские игры, имеют более высокие баллы по нейротизму, экстраверсии, а показатели сотрудничества, открытости новому опыту и добросовестности меньше по сравнению с людьми, которые играют раз месяц. Последним характерны высокие показатели сотрудничества, открытости опыту, экстраверсии, добросовестности и низкий показатель нейротизма (Potard и др., 2020).

Вывод

В настоящее время теоретических статей на тему диспозиций личности игроков в многопользовательские виртуальные игры сравнительно мало, так как чаще они затрагивают тему коммуникаций игроков в онлайн-пространстве и изучение связи агрессивности с игровой деятельностью. В ходе проведенного метаанализа 15 эмпирических статей у игроков MMORPG выявлен повышенный уровень экстраверсии и нейротизма, а уровень сотрудничества и открытости новому опыту понижен, в сравнении с людьми без опыта в многопользовательских виртуальных играх. Исходя из этого, можно говорить, что игрокам многопользовательских виртуальных игр характерны определенные личностные диспозиции.

Литература

Михайлова О. Б., Черномырдина В. И. Характеристики инновационности и креативности у старшеклассников, вовлеченных и не вовлеченных в MMORPG // Человеческий капитал. 2018. Т. 10 (118). С. 48–60.

Антонов Д. Д., Шарковский Д. М., Плотников А. Ю. Особенности сферы межличностных отношений у игроков, предпочитающих различные жанры компьютерных игр // Новые психологические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 184–222.

Potard C., Henry A., Boudoukha A. H., Courtois R., Laurent A., Lignier B. Video-game players' personality traits: An exploratory cluster approach to identifying gaming preferences // Psychology of Popular Media. 2020. V. 9 (4). P. 499–512.

McAdams D. P., Pals J. L. A new Big Five: Fundamental principles for an integrative science of personality // American Psychologist. 2006. V. 61. P. 204–217.

Динамика изменения амплитуд компонентов ЭЭГ в процессе научения*

Д. Л. Гладилин, Э. А. Арамян, К. С. Юдаков, В. В. Апанович

Проанализирована совместная изменчивость динамики изменения амплитуд компонентов ССП и результативности у группы (N = 10), научившейся новому навыку. Были выделены наиболее устойчивые компоненты ССП при решении задачи различения коротких интервалов времени во время предъявления оцениваемого сигнала. Описаны различия во взаимосвязи выделенных компонентов с результативностью. Делается вывод о специфике взаимосвязи разных амплитуд компонентов ССП в ходе научения.

Ключевые слова: системно-эволюционный подход, электроэнцефалограмма, научение, связанные с событиями потенциалы, динамика.

Исследование выполнено в рамках системно-эволюционного подхода (СЭП) и посвящено анализу сопоставления временных характеристик динамики результативности с амплитудно-временными характеристиками связанных с событиями потенциалами (ССП) при научении новому навыку различения коротких интервалов времени. С позиций СЭП научение на общеорганизменном уровне описывается через системогенез – формирование новой системы опыта, реализующей сформированный навык, а на нейрональном

* Исследование поддержано грантом РНФ № 23-18-00473, Институт психологии РАН.

уровне системогенез описывается через специализацию групп нейронов (Александров, 1989; Швырков, Александров, 1973).

Изучение процесса научения в литературе, как правило, построено по принципу сопоставления анализируемых характеристик по принципу «до-после» или сравнения нескольких эпох, исходя из степени обученности участников исследования. Мы же используем принцип «скользящего окна» для расчета показателей, формируя из них временные ряды, что предоставляет возможность изучать научение как процесс, обладающий своей динамикой.

Регистрируя ЭЭГ, мы можем оценить относительное количество актуализированных систем индивидуального опыта при реализации поведения. С наших позиций мы интерпретируем позитивные колебания ЭЭГ как увеличение количества одновременно актуализирующийся систем опыта, а негативные колебания – как уменьшение количества одновременно актуализирующихся систем опыта (Гаврилов, 1987).

В качестве навыка для научения был подобран навык восприятия коротких интервалов времени ввиду его предполагаемой экологической невалидности. Предполагаемая экологическая невалидность задачи предоставляет возможность проследить научение новому навыку, и тем самым изучать формирование новой системы опыта (Пономарев, 1976). Данному навыку мы обучали при помощи психофизической методики «Да–Нет» из-за возможности применения метода подсчета показателя результативности с использованием «скользящего окна».

Основными задачами данного этапа исследования являются:

1. Выделение наиболее типичных компонентов ССП у группы научившихся новому навыку.
2. Сопоставление динамики наиболее типичных компонентов ССП с динамикой результативности.

Участники исследования

Из выборки в 28 человек была сформирована группа из 10 человек (3 мужчины и 7 женщин, возрастом от 18 до 37 лет, медиана 19,5), изначально не решавших задачу, но научившихся ее решать в ходе исследования (критерий научения см. в: Апанович и др., 2022). Таким образом, в анализ вошла только группа научившихся новому навыку.

Описание одной пробы

На темном фоне поочередно предъявляются разные белые сигналы. В начале пробы предъявляется белый крест (1×1 см^2), обозначаю-

щий знак «внимание» и начало пробы (200 мс), потом пауза (350 мс). Затем предъявляется эталонный сигнал, квадрат (3×3 см^2) длительностью 400 мс, потом пауза (350 мс), после которой предъявляется оцениваемый сигнал, который может длиться столько же, сколько и эталон (400 мс), или чуть дольше (466 мс или 492 мс для разных участников исследования). После этого следует ответ участника исследования нажатием кнопки на клавиатуре, после чего он получает обратную связь о правильности ответа. Всего было 10 серий, по 50 проб каждая (апробацию методики см. в: Апанович и др., 2022).

Регистрируемые показатели

Регистрация электроэнцефалограммы проводилась установкой «Энцефалан-ЭЭГР-19/26». Производилась регистрация в 19 мозговых отведениях относительно объединенного ушного референта, но после первичной обработки в анализ были отобраны 13 наиболее чистых (безартефактных) отведений: F3, Fz, F4, C3, Cz, C4, P3, Pz, P4, T3, T4, O1, O2.

Для анализа поведения мы использовали подсчет показателя d', трактуемого с наших позиций как показатель результативности решения задачи.

Эпоха усреднения и анализа

Показатель результативности d' высчитывался по 50 пробам по принципу «скользящего окна» с шагом в 1 пробу. Для анализа динамики амплитуды компонентов ССП усреднялись, так же, по принципу «скользящего окна» по 50 пробам с шагом в 1 пробу. Таким образом, получены временные ряды результативности и амплитуд компонентов ССП длиной в 451 значение. На данном этапе исследования амплитуды компонентов ССП были проанализированы во время предъявления оцениваемого сигнала.

Результаты и обсуждение

При совокупном анализе ЭЭГ был выделен стабильный паттерн компонентов ССП во время предъявления оцениваемого сигнала для всех участников исследования, которые вошли в группу, в которой изначально задача решалась случайным образом, но в ходе исследования показатель результативности превысил статистическую границу случайного решения (апробацию методики см. в: Апанович и др., 2022).

Данный паттерн состоит из позитивного пика со средней латенцией 177 мс после начала предъявления оцениваемого сигнала, по-

сле которого следует негативный пик со средней латенцией 206 мс, и затем высокоамплитудный пик со средней латенцией в 259 мс.

Чтобы соотносить динамику результативности и амплитуды компонентов, мы использовали подсчет ковариаций с принципом «скользящего окна». Было показано, что амплитуды пиков со средней латенцией 177 мс и 206 мс обратно связаны с результативностью, что свидетельствует в пользу того, что поведение, связанное с этим компонентом, не способствует решению задачи на данном этапе дифференциации опыта, а наоборот, мешает решению задачи. После уменьшения амплитуд данных компонентов происходило научение новому навыку (в среднем 56 окон, $T = 1$, $p = 0{,}046$).

Амплитуда компонента со средней латенцией 259 мс положительно связана с результативностью до точки научения. После преодоления точки случайного решения задачи компонент не имеет однозначной связи с результативностью. При этом, максимальная амплитуда данного компонента предшествует максимальной результативности (амплитуда перестает расти в среднем на 19 точек анализа; $T = 39{,}5$, $p = 0{,}025$). Это является аргументом в пользу того, что системогенез и научение новому навыку происходит раньше, чем появляется видимый результат научения.

Таким образом, было показано, что различные компоненты ССП по-разному связаны с результативностью в ходе научения. Во время процесса научения амплитудно-временных характеристик разных компонентов ССП имеют свою специфику взаимосвязи.

Литература

Александров Ю. И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.

Гаврилов В. В. Соотношение ЭЭГ и импульсной активности нейронов в поведении у кролика // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 33–44.

Швырков В. Б., Александров Ю. И. Обработка информации, поведенческий акт и корковые нейроны // Доклады АН СССР. 1973. Т. 212. № 4. С. 1021–1024.

Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

Экзистенциальные проблемы и экзистенциальная исполненность осужденных к лишению свободы

А. С. Глазова

В статье представлен анализ понятия экзистенциальной исполненности и ее компонентов. Описаны идеи формирования ценностных ориентиров и осмысленности жизни у осужденных в местах лишения свободы. На основе данных фактов подготовлен план психологического исследования, целью которого является изучение особенностей экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин в период средней взрослости и коррекционное воздействие на их экзистенциальные проблемы.

Ключевые слова: смысл жизни, экзистенциальная исполненность, экзистенциальные проблемы, осужденные, лишение свободы.

Низкая значимость правовых ценностей является одной из основных причин совершения преступлений. Утрата индивидом ориентации в социальных отношениях, преобладание отрицательных мыслей и эмоций, дезорганизация действий также стимулируют преступные деяния. При изучении особенностей личности преступника сделан вывод о том, что выделить личностные особенности, формирующие отклоняющееся поведение и отличающие лиц, склонных к подобному поведению, от лиц, придерживающихся норм морали, невозможно (Думанская, 2018). Соответственно, несмотря на особенности личности, необходимо формировать у человека ценностные ориентиры, которые смогут помочь ему справ-

ляться с комплектом негативных эмоций и чувств, предупреждать противоправное поведение.

На наш взгляд, благодаря экзистенциальной сфере у человека формируются определенные ценностные ориентиры. Человеческая экзистенция, как бытие, осуществляется при нахождении соответствия с жизненным смыслом индивида. Экзистенциальная исполненность (экзистенция) и экзистенциальные ценности являются интегральным показателем субъективного благополучия личности в динамической системе отношений человека к различным жизненных аспектам. Эти показатели являются системообразующими компонентами культуры, отражающими смысл жизни, обобщающими опыт и устремления человечества.

По мнению В. Франкла, феномен экзистенциальной исполненности отражает уровень осмысленности жизни индивида, показывает соответствие сути человека его поведению и поступкам. Этот уровень измеряется наличием следующих духовных способностей:

- самодистанцирование – умение занимать позиции относительно себя, «смотреть на себя» со стороны;
- самотрансценденция – склонность к поиску целей и задач, наполненных смыслом;
- свобода – умение находить свою позицию и выбирать свое отношение к чему- или кому-либо;
- ответственность – ответственность перед собой за свои действия и выбор (Франкл, 1990).

Экзистенциальная исполненность демонстрирует субъективное человеческое разрешение жизни, состояние внутреннего согласия, жизненное доверие себе и окружающим. Это наблюдается через включение себя в жизнь посредством осуществления поступков и решений. Они согласовываются с личной совестью и моралью в соответствии с осознанием текущий ситуации.

Экзистенциальная исполненность является мерой субъективного качества жизни индивида. От уровня экзистенциальной исполненности зависит способность индивида решать и ответственно включаться в жизненный процесс (Сатымова, 2020). Выраженность экзистенциальной исполненности демонстрирует степень осмысленности человеческой жизни, наличие у человека внутреннего согласия, и соответствие его деятельности и поступков предназначению человечества.

Пребывание в местах лишения свободы является сложным жизненным обстоятельством, обусловленным наказанием за со-

вершенное преступление. Условия нахождения и проживания в исправительных учреждениях не позволяют человеку полноценно удовлетворить свои жизненно важные потребности в определенный период жизни (Тарасова, 2014). Потребности осужденных могут значимо отличаться, так как они совершают преступления на разных возрастных этапах и в тех или иных социальных ситуациях. Затруднение экзистенциального выбора осужденными связано с отсутствием у них возможности принять верное решение о смысле собственной жизни, жизненной стратегии на основе рефлексивно-ценностного осмысления пережитых событий.

В условиях пребывания в исправительном учреждении разрушаются фундаментальные основы экзистенции. Осужденные отличаются значительной восприимчивостью к факторам среды. Их нахождение в исправительных учреждениях является трудноразрешимой жизненной ситуацией, детерминированной отбыванием наказания за преступление со сложными условиями жизни (Тарасова, 2014).

У осужденных происходит формирование депривации (сенсорной, эмоциональной и коммуникативной недостаточности) как состояния, разрушающего личность. Экзистенциальная депривация осужденных – причинами которой является воздействие внутренней тюремной субкультуры, возникающие чувства страха, неопределенность будущего, реальные страдания по поводу одиночества – вызывает у них множество экзистенциальных проблем, связанных с проблемами основ жизни человека в мире. Это способствует вторичной асоциализации и рецидиву преступлений.

На основе осмысления данных фактов принято решение провести психологическое исследование, целью которого является изучение особенностей экзистенциальной исполненности личности осужденных женщин и мужчин в период средней взрослости.

Предположено, что существуют различия в ощущениях наполненности жизни смыслом и субъективных представлениях о качестве жизни у осужденных мужчин и осужденных женщин средней взрослости, а именно: у осужденных мужчин выше показатели экзистенциальной мотивации; у осужденных женщин выше показатели осмысленности жизни.

Проведение эмпирического исследования запланировано на осень 2023 г. на базе федеральных казенных учреждений «Исправительная колония № 1 УФСИН России по Вологодской области» в г. Вологде и «Исправительная колония № 20 УФСИН России по Вологодской области» в г. Устюжне Вологодской области. От-

бор респондентов в группы по возрасту (период средней зрелости) основан на периодизации Э. Эриксона.

Сформированы две группы: группа № 1 – 30 женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области; группа № 2 – 30 мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы в ФКУ ИК-20 УФСИН России по Вологодской области, в возрасте от 25 до 40 лет.

Для решения поставленных задач отобраны методы: анализ личных дел, биографический метод, шкала экзистенции (авторы – А. Лэнгле и К. Орглер) для изучения аспектов экзистенциальной исполненности, тест экзистенциальных мотиваций (автор – В. Б. Шумский). В качестве математических методов обработки и анализа данных использовались количественный и качественный анализ, непараметрический статистический U-критерий Манна–Уитни.

На основе результатов исследования запланирована разработка психокоррекционных программ для женщин и мужчин, осужденных впервые, с целью решения их актуальных экзистенциальных проблем и увеличения уровня их экзистенциальной исполненности. Апробация программ будет проходить в рамках опытно-экспериментального исследования на базе тех же учреждений с женщинами и мужчинами, принимающими участие в эмпирическом исследовании.

Разработанные программы могут быть полезны для психологов исправительных учреждений и для практических организационных социальных, юридических и клинических психологов, преподавателей-исследователей.

Литература

Думанская Е. И. Личностные деформации как криминогенная предпосылка преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 69–75.

Сатымова А. Р. Особенности экзистенциальной исполненности личности женщин, осужденных за насильственные преступления // Актуальные проблемы общественных и гуманитарных наук: научный подход молодых исследователей. 2020. С. 201–209.

Тарасова С. А. Психологические проблемы осужденных в свете экзистенциально-аналитической теории А. Лэнгле // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 2 (13). С. 59–63.

Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем.; под общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.

Толерантность к неопределенности во взаимосвязи с эмпатией и имплицитными теориями эмоций, личности и интеллекта

А. О. Голинец

Неопределенность является характеристикой современного мира, которая затрагивает нас каждый день. Как человек справляется с неопределенностью, зависит от его личностных качеств, в частности, от его интеллектуально-личностного потенциала. Цель работы – установить связи компонентов эмоционально-личностной регуляции и толерантности–интолерантности к неопределенности. Результаты исследования показали, что эмпатия положительно связана и с толерантностью к неопределенности, и с интолерантностью, инкрементальная имплицитная теория эмоций положительно связана с интолерантностью к неопределенности, имплицитные теории личности и интеллекта не имеют связей с толерантностью к неопределенности.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, эмпатия, имплицитные теории эмоций, имплицитные теории интеллекта, имплицитные теории личности.

Тема толерантности к неопределенности является особенно актуальной в современное время. Несмотря на многие исследования взаимосвязей толерантности к неопределенности с компонентами эмоционально-личностной сферы, неизвестным остается соотношение отношения к неопределенности и имплицитных теорий эмоций, а связь толерантности к неопределенности и эмпатии требует дальнейшего изучения.

Продолжая линию изучения толерантности и интолерантности к неопределенности (Корнилова, 2015), целью данной работы мы выбрали установление связи компонентов эмоционально-личностной регуляции и толерантности–интолерантности к неопределенности, а конкретнее взаимосвязь отношения к неопределенности с имплицитными теориями эмоций, личности и интеллекта, а также эмпатией.

Имплицитные теории позволяют исследовать особенности образа мира субъекта, они влияют на то, как человек воспринимает мир вокруг себя – а отношение к неопределенности прямо вытекает из ее восприятия. Поэтому мы предполагаем, что инкрементальные имплицитные теории эмоций, личности и интеллекта покажут положительную связь с толерантностью к неопределенности, в то время как константные имплицитные теории будут связаны с интолерантностью к неопределенности. Кроме того, мы ожидаем, что толерантность к неопределенности покажет положительную связь с эмпатией.

Гипотеза 1: Инкрементальные имплицитные теории эмоций покажут положительную корреляцию с толерантностью к неопределенности и отрицательную – с интолерантностью.

Гипотеза 2: Инкрементальные имплицитные теории личности и интеллекта покажут положительную корреляцию с толерантностью к неопределенности, и отрицательную – с интолерантностью.

Гипотеза 3: Толерантность к неопределенности покажет положительную корреляцию с эмпатией.

Участники исследования: студенты, магистры факультета психологии МГУ, 168 человек – 137 девушек и 31 юноша, возраст от 18 до 36 лет, средний возраст – 21 год (20,7).

Методики:

1. В качестве показателей имплицитных теорий интеллекта был использован опросник К. Двек в русскоязычной модификации (Корнилова и др., 2008). Для нашего исследования значимыми являются шкалы, касающиеся представлений о структуре и динамике личности и интеллекта, то есть показатели имплицитных теорий интеллекта и имплицитных теорий личности.
2. Для измерения показателя имплицитной теории эмоций использовался опросник М. Тамир (Tamir et al., 2007).

3. Для измерения показателя по эмпатии использован Опросник когнитивной и аффективной эмпатии (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE) (Reniers et al., 2011) в апробации Белоусовой и Гейвандовой (Белоусова, Гейвандова, 2021) Опросник оценивает когнитивную и аффективную эмпатию. Аффективная эмпатия содержит три субшкалы: эмоциональная заражаемость отражает восприимчивость человека к влиянию чужого эмоционального состояния, проксимальная чувствительность отражает яркость эмоциональной реакции при восприятии чувств другого человека, периферическая чувствительность оценивает реакцию на не связанный с субъектом эмоциональный контекст. Когнитивная эмпатия включает две субшкалы: децентрация показывает способность понимания точки зрения и личного опыта других людей, подстройка отражает способность примерить на себя опыт и состояние другого человека.
4. Для диагностики толерантности и интолерантности к неопределенности был использован Новый опросник Толерантности к неопределенности. (Корнилова, 2010).

Опросник включает три фактора: толерантность к неопределенности связывается со стремлением к новизне и изменениям, интолерантность к неопределенности – с предпочтением упорядоченности и избеганием неопределенности, а межличностная интолерантность к неопределенности – с негативным восприятием неопределенности в межличностных отношениях.

Результаты

Имплицитные теории личности и интеллекта не показывают связей ни с одной из шкал толерантности к неопределенности:

Инкрементальная имплицитная теория эмоций положительно связана с интолерантностью к неопределеноости ($r = 0{,}203$ при $p = 0{,}009$), с толерантностью и межличностной интолерантностью связей нет.

Общий балл эмпатии положительно связан и с толерантностью к неопределенности ($r = 0{,}309$ при $p = 0{,}004$) и с интолерантностью ($r = 0{,}219$ при $p = 0{,}044$).

При этом аффективная эмпатия положительно коррелирует с межличностной интолерантностью ($r = 0{,}245$ при $p = 0{,}024$), как и ее субшкала «Эмоциональная заразительность» ($r = 0{,}362$ при $p = 0{,}001$). Проксимальная и периферическая чувствитель-

ность положительно связаны с толерантностью к неопределенности (r = 0,325 при p = 0,002 и r = 0, 215 при p = 0,048, соответственно).

Когнитивная эмпатия положительно связана с толерантностью к неопределенности (r = 0,264 при p = 0,015), как и обе ее субшкалы (r = 0,218 при p = 0,045 для Децентрации и r = 0, 307 при p = 0,004 для Подстройки).

Обсуждение результатов

Гипотеза 1 – отвергается, связь инкрементальных имплицитных теорий эмоций с толерантностью к неопределенности не значима, связь с интолерантностью имеет другой знак – вместо ожидаемой нами отрицательной связи результаты показали положительную корреляцию (r = 0,203 при p = 0,009).

Гипотеза 2 – отвергается, корреляции между отношением к неопределенности и имплицитными теориями интеллекта и личности незначимы.

Гипотеза 3 – принимается, корреляция общего балла эмпатии с толерантностью к неопределенности значимая, положительная (r = 0,309 при p = 0,004).

Связь имплицитных теорий эмоций с интолерантностью к неопределенности требует дальнейшего изучения и уточнения. Наиболее вероятным объяснением выступает то, что представления о контролируемости эмоций не означают действительного контроля над ними, и для людей, которые не могут контролировать свои эмоции, но считают иначе, несовпадение их представлений с реальностью является причиной стресса.

Связь эмпатии с интолерантностью к неопределенности – новое звено, открывающее простор для дальнейших исследований. Интересно различие связей с отношением к неопределенности для двух компонентов эмпатии – если когнитивная эмпатия, как и общий показатель эмпатии, связана с толерантностью к неопределенности, то аффективная эмпатия связана с межличностной интолерантностью к неопределенности. Взаимосвязь эмпатии с толерантностью к неопределенности позволяет также предположить определенную роль эмпатии в прогностической активности личности.

Литература

Белоусова А. И., Гейвандова М. Я. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2021. Т. 31. № 2. С. 6–20.

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.

Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8. Вып. 40. doi: 10.54359/ps.v8i40.553

Корнилова Т. В., Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новотоцкая-Власова Е. В. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 106–120.

Tamir M., John O., Srivastava S., Gross J. J. Implicit theories of emotion: affective and social outcomes across a major life transition // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. V. 92. № 4. P. 731.

Ресурсы продуктивного старения*

Д. И. Голубицкая, О. Ю. Стрижицкая

В работе рассматриваются особенности планирования старения в период поздней взрослости. Анализируются различные стратегии старения – активная и спокойная. Показано, что обе стратегии являются продуктивными, различаясь ресурсами, которые лежат в их основе. Проводится анализ различных ресурсов старения.

Ключевые слова: конструирование старения, позитивное старение, психологическое благополучие, поздняя взрослость, футуризация старения.

В нашем сложном мире с его неоднозначными, меняющимися обстоятельствами самым важным богатством каждой страны является человек. Продление сознательного, осознанного периода жизни, изучение различных факторов, способствующих сохранению общего физического и психического здоровья волнует специалистов медицины, психологии, физиологии и других наук (Стрижицкая, Петраш, 2022; Chi et al., 2021; Lachman, Agrigoroaei, 2010).

В данной статье мы рассмотрим некоторый аспект проекта «Планирование стратегий позитивного старения и психологическое благополучие в поздней взрослости», а именно различные ресурсы продуктивного старения, которые есть у человека для того, чтобы прожить полноценную жизнь до самых поздних этапов онтогенеза.

* Проект поддержан грантом РНФ № 22-28-00869.

Актуальность нашего исследования заключается в определении сензитивного периода активации ресурсов, который позволит нам перейти от ретроспективной оценки накопленных и утраченных ресурсов к сознательному конструированию старения или его футуризации.

Материалы и методы

Задачей данного исследования было проанализировать специфику стратегий старения в период поздней взрослости и оценить связи этих стратегий с психологическим благополучием респондентов. Мы предполагали, что при условии сохранения физического и психического здоровья, участники исследования будут ориентированы на активную старость и такая стратегия будет сопровождаться более высоким уровнем психологического благополучия.

Выборка: 119 респондентов в возрасте 57–65 лет.

Методы: авторская анкета «Планирование старения», шкала психологического благополучия Рифф в адаптации Л. В. Жуковской, Е. Г. Трошихиной (Жуковская, Трошихина, 2011).

Результаты

Исследование показало, что, при сохранении психического и физического здоровья, 66% выборки предпочли бы активный образ жизни в старости. Качественный анализ стратегий, использовавшихся респондентами 10 лет назад и на данном этапе, показал, что «активная» группа использует внешние ресурсы для создания резервов для благополучной старости, например, за счет когнитивного резерва.

Важно отметить, что большинство респондентов способны поддерживать близкие доверительные отношения с другими, они проявляют себя как социально активные, способные заботиться о благополучии других (по шкале «Позитивные отношения»: 32% – высокие показатели; 59% – средние и 9% низкие показатели). В то же время они чувствуют свою автономность (по шкале «Автономность»: 29% – высокие показатели, 58% – средние и 13% низкие показатели), что в свою очередь говорит о том, что большинство респондентов (87%) способны мыслить и вести себя независимо, обладают чувством мастерства и компетентности в овладении средой, что в целом говорит о достаточно высоком уровне психологического благополучия (56% средних показателей и 34% высоких показателей от числа опрошенных респондентов).

Следовательно такие аспекты как субъективное благополучие, ежедневные привычки и экономический статус (в нашем исследовании большинство респондентов (91%) работающие) являются значимыми ресурсами конструктивного старения.

Период отдыха и восстановления сил является важным ресурсом для нормального функционирования организма человека на всех уровнях: физическом, психическом, эмоциональном, когнитивном. Сон является наиболее продуктивным видом отдыха для оптимизации работы всей этой сложной системы. Исходя из полученных данных нашего исследования, период отдыха и восстановления ресурсов, с одной стороны, является важным составляющим общего здоровья, с другой – оказывается проблемной зоной для большинства респондентов (лишь у 16% сон нормализован, тогда как у подавляющего большинства имеются существенные проблемы с периодом восстановления сил и ресурсов), осознанное понимание своего хронотипа (утренний, вечерний, смешанный), обращение к дневному сну и его систематизация могут компенсировать некоторые негативные последствия недосыпа в случае его возникновения. В случае скорректированной системы сна и бодрствования сон может являться важным ресурсом конструктивного старения.

Также составными частями психологического благополучия и конструктивного старения является наличие жизненных целей. По нашим данным 72% респондентов имеют важные жизненные цели, сопровождаемые чувствами направленности и осмысленности. В том числе 78% респондентов обладают чувством мастерства и компетентности со средним (40%) и высоким (38%) значениями соответственно. Также большинство респондентов обладают определенным профессиональным статусом, трудоустроены (91% от всех опрошенных) и собираются продолжать свою профессиональную карьеру в ближайшем будущем. Таким образом, сохранение профессионального статуса и полноценное функционирование с передачей профессионального опыта являются некоторым ресурсом и стимулом для продуктивного старения.

Заключение

Наша гипотеза подтвердилась частично. Полученные результаты демонстрируют, что определенные различия в психологическом благополучии между теми, кто планирует активную и спокойную старость есть, однако, эти различия не позволяют считать одну из этих стратегий предпочтительней по отношению к другой.

Обобщая представленные данные в этой статье можно говорить о достаточно широком спектре ресурсов, которые являются частью повседневной жизни для большинства респондентов, а именно: осознанное отношение к периоду восстановления сил (понимание своего хронотипа), социальная активность, автономность, наличие профессиональной деятельности и ее продолжительность, а также возможность ее постоянного повышения (обучение), передача профессионального и жизненного опыта следующему поколению, личностный рост, наличие жизненных целей.

Однако, далеко не все вышеперечисленные ресурсы являются осознанно спланированными и включенными в повседневную жизнь респондентов. Поэтому с одной стороны, можно говорить, что процесс старения не является автоматическим и одинаковым для всех: каждый по-разному использует свои ресурсы для проживания более продуктивной старения, с другой – для большинства респондентов их собственные навыки не осознаются ими как ресурсы. По этой причине необходимы программы, способствующие повышению уровня субъектности, а значит и более осознанного отношения ко всем областям своей жизни.

Литература

Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.

Стрижицкая О. Ю., Петраш М. Д. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1. С. 8–28. doi: 10.17759/cP.2022300102

Chi K., Almeida D. M., Charles S. T., Sin N. L. Daily prosocial activities and well-being: age moderation in two national studies // Psychology & Aging. 2021. V. 36. № 1. P. 83–95. doi: 10.1037/pag0000460

Lachman M. E., Agrigoroaei S. Promoting functional health in midlife and old age: long-term protective effects of control beliefs, social support and physical exercise // PLoS One. 2010. V. 5 (10). P. e13297. doi: 10.1371/journal.pone.0013297

Склонность к риску и успешность сдачи на права: есть ли гендерные различия?

Н. А. Горелова, Д. М. Ивлева

В РФ в последние годы наблюдается снижение числа сдавших на права с 1 раза. По последним данным, процент курсантов, сдающих на права с 1 раза, составил 18,6%. Одной из проблем неуспеха является чрезмерная склонность к риску. В данной работе мы определяем как уровень склонности к риску связан со сдачей на права. Методы исследования включали проведение анкетирование водителей и анализ данных. Полученные результаты говорят о том, что существуют гендерные различия по показателю «склонность к риску»; различия выраженности этого показателя при разном результате сдачи теоретической и практической частей экзамена. Полученные результаты служат ориентиром для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: склонность к риску, гендерные различия, дорожное девиантное поведение, водитель, экзамен по вождению.

В нашем мире большое количество людей использует автомобиль как одно из самых удобных транспортных средств передвижения. По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, у 67% россиян имеется личный автомобиль.

Для того, чтобы получить статус водителя, людям необходимо отучиться в автошколе и сдать экзамен. Но далеко не каждому удается получить права с первого раза. Из года в год меньше трети человек сдают на права с первого раза: в 2022 году – 18,6%, 2021– 12,3%, в 2020% – 32%.

Перечисляются основные причины неуспешности сдачи на права: курсанты слишком нервничают, теряются, испытывают стресс, некоторых учеников подводит низкий уровень подготовки и недостаточный опыт вождения. Мы решили осветить такой аспект как девиантное поведение на дороге (например, чрезмерная склонность к риску), так как в психологической науке оно находится в прямой зависимости с количеством допускаемых ошибок и может быть связано с неудачей на экзамене.

Проблема девиантного вождения с каждым годом становится все более актуальной. По статистике, в 2022 году в стране произошло более 126 тысяч дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими. ДТП часто происходит ввиду неправильного выбора скорости, дистанции или неоправданного риска. В то же время Александр Попов пишет, что рискованное вождение значительно повышает вероятность возникновения ДТП (Попов, 2021). Что касается позиции зарубежных исследователей, то ДТП является результатом осознанного нарушения ПДД и зависит от индивидуальных психологических особенностей личности самого водителя (Заостровцев, 2016).

Обобщая все вышесказанное, можно предположить, что рискованное поведение за рулем может быть связано как с ДТП, так и с неуспешной попыткой сдать экзамен по вождению. Человек, склонный к риску, может создавать опасные условия и на практическом этапе обучения, переносит паттерн девиантного поведения на момент сдачи экзамена по вождению (несоответствие скорости автомобиля и дорожных условий, неподходящее и не соответствующее нормам маневрирование на дороге и несоблюдение безопасной дистанции между автомобилями).

Поэтому готовность к рискованному поведению на дороге по праву можно рассматривать как актуальную проблему. Исходя из этого, целью нашего исследования является определить, как уровень склонности к риску связан со сдачей на права.

Для достижения поставленной цели мы сформулировали следующие исследовательские вопросы:

– Люди с высокой выраженностью «Готовность к риску» реже сдают на права с первой попытки, чем те, которые имеют меньшую выраженность этого показателя.
– Существуют ли гендерные различия в склонности к рискованному поведению?

В психологическом исследовании С. Е. Борисова указывает, что одной из характеристик, влияющих на безопасность дорожного дви-

жения, является склонность к необоснованному риску. Она понимает это личностное качество как ситуативную характеристику деятельности (Борисова, 2011).

Если рассматривать гендерные различия, то, согласно наблюдениям инструкторов, женщины-водители в силу более развитого инстинкта самосохранения испытывают страх и стараются всех пропустить, прижаться ближе к краю проезжей части (Петракович и др., 2017). В исследовании влияния гендерных особенностей водителей на безопасность дорожного движения Р. С. Тюрина и В. А. Минаева утверждают, что женщины-водители в транспортном потоке менее сосредоточены на управлении транспортным средством, теряются в сложных дорожно-транспортных ситуациях, часто создают опасные ситуации на дорогах (Тюрина, Минаева, 2018).

Анализируя ранее упомянутые исследования, мы обнаружили противоречие, поэтому посчитали необходимым рассмотреть связь рискованного поведения не только с полом, но и с успешностью сдачи экзамена по вождению.

В исследовании приняли участие 103 человека, из которых 60% женщины. Возраст: от 18 до 46 и более. Почти 50% испытуемых находятся в группе людей, которым от 18 до 25 лет.

Только треть испытуемых сдали на права с 1 попытки, среди них мужчин и женщин – примерно в равном процентном соотношении. При этом среди сдавших теорию с 1 раза преобладают мужчины.

Методики исследования: разработанный онлайн-опросник, одним из блоков которого является «Склонность к риску» и контекстная анкета, содержащая вопросы о респондентах. Метод сбора данных: онлайн-опрос с использованием Google Forms. Участники исследования давали информированное согласие: «Даю информированное согласие на использование моих ответов анонимно и в обобщенном виде».

Для статистической обработки данных использовался программный пакет SPSS Statistics v. 23. Статистический анализ данных проводился с использованием описательной статистики и сравнения средних значений двух независимых между собой выборок (t-критерий Стьюдента).

Для ответа на первый исследовательский вопрос мы решили поделить сдачу экзамена на теоретическую и практическую часть для того, чтобы выявить, как «Склонность к риску» может быть связана с каждым из этапов.

Так, было установлено, что между людьми, сдавшими практический экзамен по вождению с 1 попытки или со 2 и более попытки,

нет разницы по показателю «Склонность к риску» ($p>0,05$). А также, что люди с высоким показателем «Склонность к риску» чаще сдают теоретический экзамен по вождению с 1 попытки, чем люди, сдавшие со 2 и более попыток ($d=0,41$, $p<0,1$). Различия обнаружены на уровне статистической тенденции.

Для ответа на второй исследовательский вопрос мы выясняем, есть ли гендерные различия в готовности к риску. Было установлено, что у мужчин «Склонность к риску» выше по сравнению с женщинами ($d=0,52$, $p<0,05$).

Выводы

Подводя итог нашему исследованию, можно сформулировать несколько ключевых выводов. Во-первых, существуют гендерные различия по показателю «склонность к риску». Так, мужчины более склонны к риску, нежели женщины. Получившиеся гендерные различия могут побудить исследователей к дальнейшему изучению причин подобных результатов.

Во-вторых, люди с высокой выраженностью показателя «Склонность к риску» чаще сдают теоретический экзамен по вождению с 1 попытки, чем люди, сдавшие со 2 и более попыток.

В-третьих, между людьми, сдавшими практический экзамен по вождению с 1 попытки или со 2 и более попытки мы не обнаружили различий по показателю «Склонность к риску».

Можно предположить, что наши результаты согласуются с выводами Петраковича, Родионовой, Столяровой, которые, ориентируясь на наблюдения инструкторов, пришли к тому, что женщины ведут себя за рулем менее рискованно, чем мужчины. А также полученные нами данные соотносятся с рядом других исследований, в которых также были выявлены различия в рискованном поведении: мужчины получают более высокие баллы по склонности к риску и реально демонстрируемому рискованному поведению в сравнении с женщинами.

Литература

Борисова С. Е. Влияние психологических установок водителей на безопасность дорожного движения // Психология и право. 2011. Т. 1. №4. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n4/49291 (дата обращения: 25.08.2023).

Петракович В. С., Родионова С. А., Столярова А. П. Анализ результатов исследований особенностей внимания женщин и мужчин, влияющих на безопасность дорожного движения // Сборник мате-

риалов IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая». Кемерово, 2017. С. 31011.

Петров В. Е. Психологическая диагностика стиля управления транспортным средством с помощью личностного опросника оценки надежности водителя // МНКО. 2016. № 6 (61). С. 319–323.

Попов А. В. Исследование склонности к риску среди водителей легковых автомобилей в возрасте 18–25 лет // Мир транспорта. 2021. Т. 19. № 3 (94). С. 96–102.

Тюрина Р. С., Минаева В. А. Исследование влияния гендерных особенностей водителей на безопасность дорожного движения // Сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая», Кемерово, 24–27 апреля 2018 года. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева, 2018. С. 313171–313174.

Обзор исследований жизнеспособности и подверженности буллингу у подростков

А. В. Гофман

В статье рассмотрена проблема изучения жизнеспособности и подверженности буллингу у подростков. Актуализирована тема изучения структуры жизнеспособности у подростков, сталкивающихся с буллингом в школах.

Ключевые слова: жизнеспособность, буллинг, подростки, жизнеспособность личности, структура жизнеспособности.

Нестабильная обстановка в мире, ухудшение экономической ситуации и постоянные стрессы оказывают негативное влияние на психику современного человека. Как следствие, количество запросов на психологическую помощь в России удвоилось за последние годы. Эти данные могут указывать на увеличивающуюся потребность в психологической помощи со стороны населения, подчеркивая важность исследования жизнеспособности человека в современном мире.

Еще более остро представляется ситуация с подростками, поскольку именно этот возраст считается особенно важным в становлении личности. Кроме того, в этот период формируется мировоззрение, закладываются основы социального поведения, появляется общая направленность в нравственных представлениях и социальных установках. В результате у старшеклассника меняется отношение к миру и себе, он начинает лучше понимать себя и собственные возможности, сходство с другими людьми и личную уникальность,

а также свое место в человеческом обществе и назначение в жизни (Горбенко, 2020). Исследования показывают, что 80% школьников проявили неблагополучные психические реакции из-за самоизоляции и дистанционного обучения, не считая актуальную напряженную ситуацию в стране. В свою очередь, жизнеспособность существенно важна не только для успешного учебного процесса, но и для здорового взросления, позволяя переживать кризисы самоидентификации и поддерживать гармоничные отношения.

На сегодняшний день уже существуют исследования жизнеспособности подростков и молодежи. Например, С. Н. Морозюк, И. А. Горбенко и Е. С. Кузнецова указывают, что ни старшеклассники, ни студенты не могут самостоятельно справляться с жизненными трудностями, распределять временные и психические ресурсы, а также планировать свою деятельность (Морозюк и др., 2020). Однако подобных специальных исследований на подростковой выборке не проводилось.

При этом на современного подростка оказывает колоссальное влияние и такой фактор внешней среды, как буллинг. Буллинг – широко распространенная проблема в различных сферах общества и на сегодняшний день вызывает интерес многих исследователей. Особенно актуально изучение влияния насилия на личность в подростковом возрасте, когда самосознание проходит ключевой этап развития. Негативный опыт в подростковом периоде может сильно повлиять на формирование самооценки и других важных психических свойств личности. При этом современные исследования неизменно демонстрируют значительную распространенность буллинга в школьной среде. Так, в своем исследовании Н. В. Король и А. А. Антипова установили, что среди 122 респондентов 77 человек (63,1%) хотя бы один раз становились жертвами буллинга, а 50 человек (41%) хотя бы раз проявляли агрессию по отношению к другим (Король, Антипова, 2023).

Наше предположение заключается в том, что жизнеспособность может быть важным ресурсом не только для достижения психологического благополучия в целом, но и в том числе в ситуации буллинга. При этом необходимо более глубокое рассмотрение этой темы, включая изучение структуры жизнеспособности у подростков, сталкивающихся с буллингом в школах. Кроме того, структура жизнеспособности, как правило, исследуется на взрослой выборке, что не позволяет в полной мере раскрыть все особенности данного конструкта личности (Рыльская, Мошкина, 2021).

Существует несколько научных подходов к определению содержания жизнеспособности, но мы придерживаемся представлений А. В. Махнача и А. И. Лактионовой, определяющих жизнеспособность как индивидуальную способность управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных, культурных норм и средовых условий (Махнач, 2016).

Таким образом, тема изучения жизнеспособности на выборке подростков-участников буллинга отражает актуальные запросы общества на изучение позитивного потенциала личности для противодействия негативным влияниям среды.

Литература

Горбенко И. А. Саногенная рефлексия как фактор жизнеспособности личности подростка // Дети. Общество. Будущее: сборник научных статей по материалам III конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». Т. 1. М.: Кнорус, 2020. С. 44–46.

Король Н. В., Антипова А. А. Распространенность школьного буллинга в подростковой среде // Universum: психология и образование. 2023. № 6 (108).

Махнач А. В. Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 46–70.

Морозюк С. Н., Горбенко И. А., Кузнецова Е. С. Феномен «жизнеспособность» у старших школьников и студентов в условиях современного образования // Вестник УРАО. 2020. № 4. С. 23–30.

Рыльская Е. А., Мошкина Л. Д. Жизнеспособность в структуре интегральной индивидуальности студентов // Психология. Психофизиология. 2021. № 4. С. 24–36.

Динамика смысла жизни в процессе переживания утраты близкого человека

А. И. Грекова-Кононова, С. Н. Костромина

В работе представлено исследование динамики смысла жизни в процессе переживания утраты близкого человека. В нем приняли участие 80 человек в возрасте от 19 до 57 лет, которые столкнулись со смерть близкого от 1 месяца до 2 лет назад. Измерение смысла жизни проводилось 3 раза через каждый 3 месяца с помощью методики технология «Глубина осмысленности жизни» П. Иберсола (*Meaning in Life Depth, MILD*). *Статистическая обработка результатов: частотный анализ, описательные статистики, критерий Фишера, контент-анализ. Результаты: в процессе переживания смерти близкого происходит снижение процессов смыслоутраты или поисков смысла, уменьшение значимости работы, и увеличение значимости таких смыслов, как: эмоциональные переживания, личностный рост, наличие целей.*

Ключевые слова: смысл жизни, динамика, утрата близкого, психология личности, процессуальный подход.

Утрата близкого человека, под которой мы понимаем безвозвратную потерю, смерть, и процесс горевания для многих людей являются кризисными, поворотными событиями, связанными с пересмотром смысла собственной жизни. Каждая из 5 стадий горевания: отрицание и изоляция, гнев, торговля, депрессия, смирение в том или ином виде обращает человека к вопросу о жизни, о ее смысле, о своем предназначении в ней (Кюблер-Росс, 2021). В зарубеж-

ной и отечественной психологии наиболее общим определением смысла жизни является «наличие у человека связных представлений о высшей цели и смысле мира и о своем месте в нем» (Petersen, Seligman, 2002) (цит. по: Леонтьев, Осин, 2004). В данном исследовании мы сосредоточились на поиске ответа на вопрос, каким образом меняется смысл жизни человека в процессе переживания утраты близкого человека.

Цель – выявление динамики смысла жизни в процессе переживания утраты близкого человека.

Гипотеза – в процессе переживания утраты близкого человека происходят изменения смысла жизни: от потери смысла жизни к его приобретению.

Выборка: 80 человек (66 женщин, 14 мужчин) в возрасте от 19 до 57 лет (средний возраст 30 лет), которые переживают смерть близкого человека.

Характеристики утраты на момент начала исследования:

- Срок утраты: от 1 месяца до 2 лет назад. От 1 месяца до 1 года назад близкого потерли 59 человек, от 1 до 2 лет назад – 7 человек, множественная утрата (от 4 месяцев до 2 лет назад) произошла у 14 человек.
- Объект утраты: смерть бабушек/дедушек (28 чел.), родителей (21 чел.), множественная утрата (потеря от 2 до 5 близких людей) (14 чел.), утрата супругов/партнеров или бывших супругов/партнеров (6 чел.), других близких людей (6 чел.), других членов семьи (5 чел.).
- Причина смерти близкого человека: болезнь (59 чел.), разные причины утраты, так как столкнулись со смертью сразу нескольких близких людей (14 чел.), несчастный случай, врачебная халатность, ДТП, утопление (4 чел.), убийство и самоубийство (3 чел.).

Дизайн и методы исследования

Изучение смысла жизни проводилось 3 раза через каждые 3 месяца с помощью методики технология «Глубина осмысленности жизни» П. Иберсола (Meaning in Life Depth, MILD), представляющая собой короткое эссе, в котором участники исследования отвечают на вопрос о смысле собственной жизни (Ebersole, Quiring, 1991). Статистическая обработка результатов: частотный анализ, описательные статистики, критерий Фишера, контент-анализ.

Результаты исследования и их интерпретация

С помощью частотного анализа нами была определена динамика смыслов жизни на протяжении 3-х измерений:

1. Межличностные отношения: 1 замер (17,5%), 2 замер (25,0%), 3 замер (16,3%).
2. Служение: 1 замер (7,5%), 2 замер (11,3%), 3 замер (5,0%).
3. Работа: 1 замер (5,0%), 2 замер (2,5%), 3 замер (0,0%).
4. Эмоциональные переживания: 1 замер (8,8%), 2 замер (10,0%), 3 замер (17,5%).
5. Личностный рост: 1 замер (20,0%), 2 замер (20,0%), 3 замер (30,0%).
6. Поиск/отсутствие/потеря смысла: 1 замер (18,8%), 2 замер (8,8%), 3 замер (7,5%).
7. Наличие целей: 1 замер (6,3%), 2 замер (5,0%), 3 замер (10,0%).
8. Удовольствие: 1 замер (13,8%), 2 замер (17,5%), 3 замер (11,3%).
9. Разное: 1 замер (2,5%), 2 замер (0,0%), 3 замер (2,5%).

Сравнительный анализ с использованием непараметрического критерия Фишера показал значимость различий между: 1 и 2 замером ($p=0,016$), между 2 и 3 замером ($p=0,000$), между 1 и 3 замером ($p=0,000$). Исходя из представленных результатов, установлено, что в процессе переживания утраты происходит снижение значимости такого смысла жизни как «работа», а также отсутствие или поиск смысла жизни, и увеличение важности жизненных смыслов: эмоциональные переживания, личностный рост, наличие целей.

В качестве примера динамики смысла жизни можно привести эссе одной из участниц исследования – женщины 36 лет.

В начале исследования женщина так описывает смысл жизни: «Жизнь разделилась на «до» и «после». Смысл жизни потерялся. Если я раньше как-то строила свою жизнь, опираясь на будущее, то теперь я не знаю, чего хочу. В голове звучит один и тот же вопрос – зачем? И ответы не приходят». Здесь мы можем наблюдать потерю смысла жизни после утраты близкого человека.

Через 3 месяца ответ о смысле жизни трансформировался в следующий: «Надо жить своей жизнью и по максимуму исходить из своих желаний и своих стремлений, не обращая внимания на чужие взгляды и желания. Надо быть добрым к окружающему миру и уходить от негатива, что я сейчас активно и делаю». Это высказывание отражает, похоже, стремление получить от жизни удовольствие.

На завершающем этапе исследования (еще через 3 месяца) мы видим еще одно изменение смысла: «Несмотря на потери, которые мы переносим сейчас и будем переносить в дальнейшем, мы не должны терять своих ориентиров. И если даже жизнь преподносит трудности, мы должны их пытаться преодолеть, хотя бы пытаться. Жизнь не заканчивается на плохом, в ней еще могут быть хорошие мгновения». Данное эссе отражает стремление женщины к сохранению внутренних ориентиров, надежду на хорошие мгновения, стремление к личностному росту и развитию.

В целом, между 1 и 2 замером изменения смысла жизни произошли у 75% респондентов (60 чел.), между 2 и 3 замером – у 58% (47 чел.), между 1 и 3 замером – у 72% (58 чел.), что подтверждает нашу гипотезу.

Выводы

В процессе переживания утраты с течением времени происходит уменьшение процессов смыслоутраты или поиска смысла, и происходит увеличение значимости таких смыслов, как: эмоциональные переживания, личностный рост, наличие целей, что может рассматриваться как свидетельство прохождения стадий горевания: принятия утраты и открытия в себе сил, чтобы жить дальше (ради чего жить дальше).

Литература

Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М: АСТ, 2021.

Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Эмпирическая типология смыслов жизни в США и России // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: в 2 ч. / Под ред. А. А. Бодалева, Г. А. Вайзер, Н. А. Карповой, В. Э. Чудновского. Ч. 1. М.: Смысл, 2004. С. 72–81.

Ebersole P., Quiring G. Meaning in life depth: the MILD // Journal of Humanistic Psychology. 1991. V. 31. № 3. P. 113–124.

Связь академической прокрастинации с перфекционизмом, нейротизмом и ответственностью у студентов

М. Н. Гуснова, К. А. Мустафина

В статье представлен дизайн исследования связи академической прокрастинации и перфекционизма, направленного на себя в зависимости от определенных личностных черт индивида: нейротизма и ответственности. Основная гипотеза: перфекционизм, направленный на себя положительно связан с академической прокрастинацией при условии высокого уровня нейротизма и ответственности. Методики: трехфакторный опросник перфекционизма Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой, пятифакторный опросник личности, адаптированный А. Б. Хромовым, шкала академической прокрастинации Лэя. Описываются этапы проведения исследования, а также возможные результаты и их интерпретация.

Ключевые слова: перфекционизм, направленный на себя, академическая прокрастинация, нейротизм, ответственность, трехфакторный план.

В настоящее время наблюдается недостаток исследований, изучающих связь перфекционизма и прокрастинации (в частности, академической), а в имеющихся исследованиях наблюдаются противоречивые результаты. Также не учитывалась роль личностных черт, которая может объяснять связь перфекционизма и академической прокрастинации, и возможно, что именно они играют ключевую роль. Этому и будет посвящена данная работа.

Перфекционизм рассматривается как предрасположенность выдвигать завышенные требования по отношению к себе (Хьюитт, 2013). Прокрастинацию как постоянное самовольное «откладывание» своих дел мы будем рассматривать в контексте учебной деятельности и называть академическая прокрастинация (Milgram et al., 1993). Ранее проведенные исследования демонстрируют противоречивую взаимосвязь между академической прокрастинацией и перфекционизмом. В исследовании, проведенном на студентах, между перфекционизмом, ориентированным на себя и академической прокрастинацией, была обнаружена отрицательная корреляция (Çapan, 2010). В исследовании Феррари, также проведенном на студентах, были получены данные, что академическая прокрастинация и перфекционизм положительно коррелируют (Flett et al., 1995). Эти противоречия дают основания искать иные факторы, в том числе – черты личности.

Цель исследования: изучить вклад личностных черт (нейротизм и ответственность) в связь между перфекционизмом, направленным на себя и академической прокрастинацией.

Гипотеза 1: перфекционизм, направленный на себя, положительно связан с академической прокрастинацией при условии высокого уровня нейротизма и ответственности.

Гипотеза 2: перфекционизм, направленный на себя, отрицательно связан с академической прокрастинацией при условии низкого уровня нейротизма и ответственности.

Мы предположили, что нейротизм, характеризующий личность как тревожную, не обладающую эмоциональной устойчивостью в сочетании с повышенной ответственностью и высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, будет приводить к существенному повышению академической прокрастинации, так как студенты будут испытывать сильное беспокойство по поводу итога работы, при этом понимая необходимость осуществлять деятельность. Это будет приводить их к откладыванию своих работ на будущее, чтобы избежать негативных эмоций из-за того, что их деятельность не так идеальна, как они хотят. Возможно, достаточно одной из личностных черт при условии высокого перфекционизма для развития академической прокрастинации.

В работе будут использованы трехфакторный опросник перфекционизма Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой для оценки уровня перфекционизма и его структуры, пятифакторный опросник личности, адаптированный А. Б. Хромовым для оценки выраженности нейротизма и ответственности, шкала академической про-

крастинации С. Лэя, адаптированная Т. Ю. Юдеевой, для оценки выраженности академической прокрастинации.

Планируемое исследование будет иметь трехфакторный план 2×2×2 с неэквивалентными группами. Данный план позволит оценить влияние каждого фактора на зависимую переменную и взаимодействие факторов. Дизайн исследования подразумевает три независимые переменные: нейротизм, ответственность, перфекционизм, ориентированный на себя. Зависимая переменная – академическая прокрастинация. Все переменные имеют два уровня – высокий/низкий. Таким образом, будет задействовано 8 экспериментальных групп, отличающихся уровнями независимых переменных: высокий, низкий и их сочетаниями.

Выборку составят студенты университетов Москвы, не менее 240 человек, в равной степени мужчины и женщины в возрасте 18–23 года. Участники исследования будут распределены на 8 групп в зависимости от выраженности каждой переменной.

Для обработки результатов будет использован трехфакторный дисперсионный анализ. Для этого наши данные должны соответствовать нормальному распределению (проверяется критерием Колмогорова–Смирнова), дисперсии генеральных совокупностей должны быть одинаковыми (проверяется критерием Левина), выборки в каждой ячейке должны быть случайными и независимыми, при этом объем выборок не должен заметно различаться по численности. В противном случае будет использован непараметрический аналог – критерий Краскела–Уоллиса.

Первая гипотеза будет считаться подтвержденной при условии обнаружения положительной корреляции между перфекционизмом; ответственностью; нейротизмом и академической прокрастинацией. В этом случае, мы можем сделать вывод, что сочетание постановки себе завышенных требований с высоким нейротизмом и высокой ответственностью связан с существенным повышением избегающего поведения в учебной деятельности.

Гипотеза будет считаться опровергнутой, если окажется, что перфекционизм, направленный на себя при условии высокого уровня нейротизма и ответственности отрицательно связан с академической прокрастинацией. Тогда мы можем предположить, что сочетание постановки себе высоких требований, повышенной тревожности и высокой ответственности, не приводит к откладыванию дел на будущее в силу того, что студенты боятся последствий, которые последуют за их прокрастинирующим поведением, и именно поэтому не проявляют подобное поведение, а наоборот, стремятся сделать все незамедлительно.

Вероятен исход событий, что высокий уровень перфекционизма, ориентированного на себя и высокий нейротизм приводят к повышению академической прокрастинации. Такой результат будет говорить о том, что достаточно сочетания тревожности с желанием все сделать безупречно для демонстрации академической прокрастинации. С другой стороны, также вероятен исход событий, когда высокий уровень ответственности в связке с высоким перфекционизмом, ориентированным на себя, будет приводить к повышению академической прокрастинации. Тогда мы можем предположить, что возможно, достаточно осознания, что успех деятельности зависит только от самого студента, а так как он ставит перед собой высокие требования к «качеству» своей деятельности, он будет постоянно ее откладывать, так как будет продумывать, как сделать ее идеальной.

При проверке второй гипотезы возможно два варианта. Вероятно, что гипотеза найдет эмпирическое подтверждение, и высокий уровень перфекционизма при низком уровне нейротизма и ответственности не связан с повышением академической прокрастинации. В таком случае просто предъявление студентом к себе завышенных требований, постановка высоких личных эталонов не ведет к академической прокрастинации в силу того, что студент стремится достичь поставленных перед собой целей. В случае же опровержения гипотезы мы получим, что одного только перфекционизма достаточно для развития академической прокрастинации. Тогда можно будет сделать вывод, что студент, ставящий перед собой очень высокие (и часто не всегда достижимые цели), будет проявлять склонность к откладыванию дел на будущее, в силу опасения сделать все недостаточно хорошо.

Литература

Хьюитт П. Межличностное проявление перфекционизма: перфекционизм и психологический стресс // Журнал личности и социальной психологии. 2013. Т. 84. № 6.

Çapan B. E. Relationship among perfectionism, academic procrastination and life satisfaction of university students // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2010. № 5. P. 1665–1671.

Flett G. L., Hewitt P. L., Martin T. R. Dimensions of Perfectionism and Procrastination // Procrastination and Task Avoidance. Theory, Research and Treatment / J. R. Ferrari, J. L. Johnson, W. G. McCown. N. Y.: Springer Science+Business Media, 1995. P. 113–136.

Milgram N., Batori G., Mowrer D. Correlates of academic procrastination // Journal of School Psychology. 1993. № 31. P. 487–500.

Эмпирическое исследование синдрома эмоционального выгорания сотрудников бизнес-организаций среднего уровня

А. В. Дегтярева

Данная статья представляет эмпирическое исследование уровня эмоционального выгорания у сотрудников бизнес-организаций и влияние эмоционального выгорания на работоспособность сотрудников. В итоге, был выявлен уровень эмоционального выгорания у трех бизнес-ролей и предложены рекомендации по предотвращению синдрома эмоционального выгорания.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, бизнес-роли, эмпирическое исследование.

Введение

С каждым годом растет интерес со стороны психологов к вопросу о выгорании человека в процессе работы. Процессы формирования выгорания и его последствия, какие механизмы приводят к формированию эмоционального выгорания – все эти вопросы сегодня имеют большую актуальность для психологии и профессиональной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями со стороны работников и работодателей к рабочим условиям. Сотрудники бизнес-организаций проводят большую часть дня в офисе. Поэтому важно создать для работника подходящие условия, в которых ему будет комфортно выполнять свои функции.

От эмоционального и физического состояния сотрудника зависит его работоспособность.

Цель исследования заключается в выявлении уровня синдрома эмоционального выгорания у сотрудников бизнес-организаций среднего уровня и изучении его влияния на работоспособность специалистов.

Гипотеза: синдром эмоционального выгорания негативно влияет на работоспособность сотрудников бизнес-организаций.

Выборка: экспериментальной базой исследования являлись сотрудники бизнес-организаций в возрасте от 21 до 55 лет. Общий объем выборки составил 60 человек.

Результаты эмпирического исследования были подвергнуты математической обработке с использованием программы IBM SPSS Statistics v. 22. Проводился корреляционный анализ (критерий Пирсона) и определялась линейная связь между переменными.

Основная часть

Для выявления уровня эмоционального выгорания и сравнения симптомов использовались методики:

1. Опросник «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В. В. Бойко.
2. Методика «Определения психического выгорания» А. А. Рукавишникова.

Для более удобной и наглядной демонстрации результатов эмпирического исследования, сотрудников, принявших участие в исследовании, поделили на три бизнес-роли: бизнес-аналитики, менеджеры, персонал отдела кадров. Бизнес роли характеризуют группу сотрудников организаций среднего уровня, которые выполняют схожую деятельность.

Опросник «Диагностика уровня эмоционального выгорания»

Сфера бизнес-аналитики в большинстве случаев подразумевает работу с данными и их анализ. Возможно, по данной причине, уровень эмоционального выгорания у данной группы находится на среднем уровне и находится в фазе формирования. Рассматривая симптомы резистенции, можем предположить, что данная группа находится в состоянии эмоциональной экономии.

Результаты исследования второй группы сотрудников категории «Менеджеры» дали нам ясно понять, что руководящие должности имеют факторы, влияющие на развитие симптомов эмоцио-

нального выгорания. Данные выводы мы сделали по результатам опроса – компонент «напряжение» находится в сформированной фазе (72,4%), компонент «резистенция» находится в стадии формирования (58, 5%).

На результатах исследования третьей группы сотрудников категории «Персонал отдела кадров» можем заметить, что все компоненты имеют высокий балл, а значит, истощение достигло уровня «истощение» и имеет сформированную фазу (43,6%). Хоть и уровень «напряжение» упал на одну фазу (41,7%), это не компенсирует факт появления истощения. Профессии типа «человек–человек» находятся в зоне риска эмоционального выгорания (Борщева, 2006).

Методика «Определения психического выгорания»

Изучив результаты методики у первой категории «Бизнес-аналитики», можем заметить положительный результат шкалы «Профессиональная мотивация» (65,3% – высокое значение). Но результат шкалы «Психоэмоциональное истощение» (39,4% – среднее значение) подытоживает результат методики В. В. Бойко. Шкала «Личностное отдаление» (31,2% – низкое значение) имеет достаточно низкое значение, то есть сохраняется количество контактов с окружающими, и нет негативизма по отношению к другим людям.

Изучив результаты исследования второй категории сотрудников «Менеджеры», можем сказать, что методика А. А. Рукавишникова подтвердила, что чрезмерная ответственность и длительный тяжелый контакт с подчиненными влияют на уровень мотивации. То есть, уже вторая методика доказывает, что специальности вида «человек-человек» вызывают больше симптомов эмоционального выгорания (Борщева, 2006).

Изучив результаты последней группы сотрудников категории «Персонал отдела кадров», сделаем однозначный вывод: излишние социальные контакты влияют на выгорание.

В результате корреляционного анализа подтвердилось, что уровень эмоционального выгорания негативно влияет на работоспособность сотрудников. Анализ показал, что чем выше уровень эмоционального истощения, тем более преобладает деперсонализация, личностное отдаление и психоэмоциональное истощение.

Выводы

Гипотеза о том, что эмоциональное выгорание сотрудников отрицательно влияет на работоспособность сотрудников бизнес-организаций, подтверждена. Хочется отметить, что опасность син-

дрома эмоционального выгорания состоит в его молниеносном развитии. И предотвратить этот процесс бывает крайне сложно. Поэтому самое разумное – предотвратить появление данного синдрома, «сжечь его на корню».

Литература

Бойко В. В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб.: Сударыня, 1999.

Борщева Н. М. Проблема профессионального выгорания в профессиях системы «человек–человек» // Социальные науки: опыт и проблемы подготовки специалистов социальной работы: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 11–12 апреля 2006 г. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2006. С. 48–52.

Бухтияров И. В., Рубцов М. Ю., Костенко Н. А. Современные психологические факторы риска и появления профессионального стресса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 5 (2). С. 773–775.

Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2023.

Орел В. Е. «Феномен выгорания» в зарубежной психологии: Эмпирические исследования // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 90–101.

Психологическое благополучие пациентов после COVID-19 и их удовлетворенность лечением по итогам прохождения курса стационарной реабилитации

П. М. Демидов, М. В. Яковлева

Последствия пандемии COVID-19 ощущаются во множестве сфер человеческой жизни, в особенности в области психического здоровья населения. Представленное исследование уровня психологического благополучия обнаружило значимые корреляции между клиническими и клинико-психологическими показателями психодиагностического интервью, такими как наличие COVID-19 у близких людей пациентов, фактом и временем нахождения в реанимации в процессе лечения от COVID-19, субъективной оценкой эффективности лечения, опасениями о повторном заражении COVID-19, и множеством подшкал Шкалы психологического благополучия.

Ключевые слова: COVID-19, постковидный синдром, реабилитация, психологическое благополучие, удовлетворенность лечением, эффективность лечения.

Введение

Несмотря на официальное завершение в мае 2023 года (приказ ВОЗ), пандемия COVID-19 была событием глобального масштаба, с последствиями которого во множестве сфер человечество сталкивается до сих пор. Пандемия бросила колоссальный вызов мировой системе здравоохранения; по оценкам ВОЗ, около 20 миллионов человек умерли в ходе пандемии с момента ее начала.

Миллионы пациентов по всему миру проходили лечение в стационарах в связи с инфекцией SARS-CoV-2. Как показали результаты, представленные в значительном количество публикаций, у множества пациентов в процессе госпитализации был выявлен широкий спектр психических нарушений. К ним относятся такие расстройства, как тревожное и депрессивное расстройство, выраженная психическая астения, посттравматический стресс и др. (Быховец и др., 2020; Иволгин и др., 2020; Короткова и др., 2021).

Однако исследований особенностей психологического благополучия в отличие от расстройств эмоциональной сферы существенно ниже, а также как правило они проводились на выборке персонала медицинского учреждения в условиях работы с пациентами с COVID-19 (Первичко и др., 2020).

Результаты изучения характеристик психологического благополучия и его взаимосвязи с особенностями пережитого COVID-19 могут быть применены в психотерапевтической практике на этапе реабилитации этих пациентов. Настоящая проблема сохраняет свою актуальность, поскольку постковидный синдром (последствия COVID-19) может проявляться спустя значительное время после окончания активной фазы инфекции (Улюкин, 2022).

Материал и методы

Выборку исследования составили 104 пациента (Средний возраст составил 63,19±12,57 лет; 71,2% – женщины, 28,8% – мужчины). Среднее число дней с момента диагностирования COVID-19 к моменту психологического обследования – 129,74. Пациенты проходили курс реабилитации после пережитого SARS-CoV-2 в условиях стационара НМИЦ им. В.А. Алмазова Минздрава России (Санкт-Петербург). Применялись клинико-психологический метод (структурированное интервью с вопросами о социально-демографических, психосоциальных характеристиках пациентов, об их отношении к заболеванию и лечению) и психометрическая методика Шкала психологического благополучия (ШПБ).

Результаты

Описание результатов исследования с помощью социодемографической анкеты

По результатам исследования социально-психологических, социо-демографических и клинико-психологических характеристик пациентов были получены следующие данные. Доступность медицинской помощи: 51% пациентов оценили как «да, в пол-

ном объеме», 33,7% – «да, но не в полном объеме» и 15,4% указали, что им не была доступна медицинская помощь в момент болезни. Большая часть пациентов (56,7%) оценили лечение от COVID-19 в целом как неэффективное, 43,3% пациентов оценили лечение в целом как эффективное. При субъективной оценке эффективности своего лечения на стационарном этапе большая часть пациентов (61,5%) оценивала эффективность положительно, 38,5% оценили лечение как неэффективное. Ожидаемую эффективность лечения на этапе реабилитации (при поступлении пациента в стационар) подавляющее большинство пациентов (89,4%) оценивали положительно, т. е. как эффективное; лишь 10,6% пациентов не ожидали эффекта от реабилитации. Итоговую эффективность реабилитации (при выписке из стационара) положительно оценили 65,4% пациентов, 34,6% оценили реабилитацию как неэффективную.

Описание результатов исследования по Шкале психологического благополучия (*ШПБ*)

По результатам применения ШПБ были получены следующие данные. Средний балл пациентов по общей шкале «Психологическое благополучие» составил 341,45±50,08, что говорит о том, что в среднем уровень психологического благополучия находится в рамках нормы (средних значений), однако крайне близок к границе низких значений (339 баллов). Средние значения пациентов по другим шкалам были следующими: «Позитивные отношения» – 58,95±11,90 баллов (в пределах средних значений), «Автономия» – 56,73±10,25 (средние), «Управление средой» – 57,48±9,96 (средние), «Личностный рост» – 55,11±9,84 (средние), «Цели в жизни» – 57,37±10,10 (средние), «Самопринятие» – 55,44±9,71 (средние), «Баланс аффекта» – 90,85±20,09 (на границе низких и средних значений), «Осмысленность жизни» – 92,24±16,00 (средние), «Человек как открытая система» – 57,52±11,09 (на границе низких и средних значений).

По результатам проведения корреляционного анализа были установлены следующие значимые корреляции между данными ШПБ и клинико-психологическими характеристиками. Выявлены значимые корреляции между клинической шкалой психологического интервью «Болели ли близкие COVID-19» и шкалами ШПБ «Личностный рост» ($p \leq 0,01$) и «Человек как открытая система» ($p \leq 0,01$), а также «Самопринятие» ($p \leq 0,05$), «Осмысленность жизни» ($p \leq 0,05$) и «Психологическое благополучие» ($p \leq 0,05$).

По клиническому показателю наличия сопутствующих заболеваний дыхательной системы была обнаружена отрицательная

корреляция со шкалой «Автономии» ($p \leq 0{,}05$). Также выявлены значимые отрицательные корреляции между наличием у пациентов сахарного диабета и шкалой «Позитивное отношение» ($p \leq 0{,}05$).

Отдельно стоит упомянуть статистически значимые корреляции, обнаруженные между клиническими показателями психодиагностического интервью «Нахождение в реанимации» при лечении от SARS-CoV-2 и «Срок нахождения в реанимации» и шкалой ШПБ «Осмысленность жизни» ($p \leq 0{,}01$). Помимо этого, отмечаются корреляции между фактом нахождения в условиях реанимации и шкалы «Личностный рост» ($p \leq 0{,}05$).

Отмечаются значимые корреляционные связи между субъективной эффективностью лечения в целом и шкалой «Человек как открытая система» ($p \leq 0{,}01$).

Значимые отрицательные корреляции выявлены между опасением повторного заражения COVID-19 и шкалой «Самопринятие» ($p \leq 0{,}01$). Также наличие у пациентов опасения о повторном заражении отрицательно коррелирует со шкалой «Управление средой» ($p \leq 0{,}05$), общей шкалой «Психологическое благополучие» ($p \leq 0{,}05$), положительно коррелирует со шкалой «Баланс аффекта» ($p \leq 0{,}05$).

Выводы и заключение

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что удовлетворенность лечением пациентов обнаруживает значимую связь с общим уровнем их психологического благополучия, а также его частными аспектами. Комплексные, глубокие исследования психологического благополучия и его соотнесение с удовлетворенностью лечением хотя и встречаются в клинической литературе, тем не менее представляют научный и практический интерес, в особенности у пациентов, столкнувшихся с последствиями COVID-19. В заключение стоит сказать о возможности применения полученных данных в психотерапевтической практике, так как, исходя из описанных результатов, можно сделать выводы о соотнесении особенностей анамнестических данных и характера снижения психологического благополучия, о специфической группе риска пациентов, проходивших стационарное лечение COVID-19, в отношении их психического здоровья и благополучия.

Литература

Быховец Ю. В., Коган-Лернер Л. Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 291–308.

Иволгин А. Ф., Аминова М. Д., Рагимова А. А. и др. Психические расстройства у инфицированных COVID-19: статистическая оценка данных опросников тревоги, депрессии, астении и типов отношения к болезни // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2020. № 4. С. 18–24.

Короткова И. С., Яковлева М. В., Щелкова О. Ю. и др. Особенности психологического реагирования и механизмы адаптации к стрессу, вызванному пандемией COVID-19 // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 1. С. 9–27.

Первичко Е. И., Конюховская Ю. Е. Психологическое благополучие врачей и медицинского персонала в условиях пандемии COVID-19: обзор зарубежных исследований // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2020. Т. 11. № 3. С. 595–608.

Улюкин И. М., Григорьев С. Г., Сечин А. А. и др. Психоневрологические особенности у пациентов с резидуальными нарушениями после перенесенной инфекции COVID-19 («Long COVID», «Long haulers COVID») и их возможные патофизиологические механизмы // Вестник психотерапии. 2022. № 84. С. 64–74.

Связь физической активности с субъективным благополучием и мотивацией у людей, занимающихся любительским спортом

Л. М. Довжик, А. В. Голубева, Д. К. Комиссаров, Д. А. Сараполова

В современной психологии наблюдается возрастающая тенденция к изучению влияния физической активности на психологическое благополучие человека и его мотивацию. Цель исследования: изучение связи субъективного благополучия и мотивации у людей, занимающихся любительским спортом, с разным стажем и интенсивностью занятий физической активностью. В исследовании приняли участие 200 респондентов 15–85 лет ($M_{возр}$ = 33, 121 женщина), регулярно занимающихся физической активностью. Результаты исследования показали, что у людей, занимающихся любительским спортом, мотивацией является групповая принадлежность и получение удовольствия, а также появляется возможность оценки результативности своей деятельности.

Ключевые слова: спорт, мотивация, труд, двигательная активность, физическая активность, мотив.

Цель исследования: изучение связи субъективного благополучия и мотивации у людей, занимающихся любительским спортом, с разным стажем и интенсивностью занятий физической активностью.

Гипотеза исследования: физическая активность и мотивация к ней значимы в контексте психологических ресурсов человека, а именно субъективного благополучия.

Для реализации поставленных нами задач были использованы следующие методики: интервью с респондентами (где оценивались стаж и интенсивность занятий физической активностью), опросник благополучия PERMA-Profiler (разработан Дж. Батлер и М. Керн, адаптирован О. М. Исаевой и соавт.), опросник МОДА «МОтивация к Двигательной Активности» (PALMS). В исследовании приняли участие 200 респондентов 15–85 лет (Мвозр = 33, 121 женщина), регулярно занимающихся физической активностью. Проведенный корреляционный анализ позволил сделать нам следующие выводы.

При оценке взаимосвязи параметров благополучия и стажа, были обнаружены достоверные корреляции (R Спирмена, $p<0,05$): все показатели благополучия однонаправлены со стажем, а Негативные эмоции ($r=-0,2$) и Одиночество ($r=-0,2$), которые являются симптомами нарушения благополучия, имеют отрицательную связь со стажем занятий физической активностью. С интенсивностью занятий связаны только некоторые показатели благополучия, такие как Позитивные эмоции ($r=0,23$), Смысл ($r=0,19$), Достижения ($r=0,19$), Вовлеченность ($r=0,25$), Здоровье ($r=0,25$) и Общий показатель благополучия ($r=0,2$). На основании полученных данных, мы можем сказать, что при более интенсивных и регулярных занятиях физической активностью наблюдается повышение позитивной оценки окружающей действительности, появляется возможность оценки результативности своей деятельности, что позволяет в дальнейшим совершенствовать навык целеполагания, а также отмечается улучшение самочувствия в целом.

При оценке связи физической активности и мотивации к двигательной активности со стажем были получены достоверные положительные корреляции: Конкуренция/Амбиции ($r=0,23$), Групповая принадлежность ($r=0,26$), Мастерство ($r=0,23$) и Удовольствие ($r=0,24$). Обнаружены прямые корреляции интенсивности и Внешности ($r=0,12$), Ожидания других ($r=0,09$), Групповая принадлежность ($r=0,08$), Физическое состояние ($r=0,19$), Мастерство ($r=0,24$) и Удовольствие ($r=0,22$).

Опираясь на полученные данные, можно заключить, что мотивация к спорту обусловлена субъективными потребностями: социальный аспект мотивации включает в себя групповую принадлежность, ожидания других, конкуренцию и внешность. В свою очередь, получение удовольствия изменяется, например, с возрастом для людей, занимающихся любительским спортом, большую значимость приобретает мотив.

Сила связей характерна для разнонаправленных гетерогенных феноменов – таких как деятельность и мотивация, с одной стороны, и личностные особенности и черты, с другой. Тем не менее наличие и разнообразие достоверных связей убедительно указывают на положительный характер физической активности и мотивации к ней в контексте индивидуального развития личности.

В заключении отметим, что спортивная мотивация и приверженность физической активности имеют большое значение для психологического благополучия человека. Регулярные занятия спортом могут улучшать настроение, уверенность в себе и когнитивные функции мозга. Для поддержания спортивной мотивации необходимо выбирать подходящий вид спорта и уровень сложности тренировок, иметь четкие цели и планы для их достижения, использовать стратегии, такие, например, как постановка целей, и иметь поддержку со стороны окружающих. Важно помнить, что мотивация меняется со временем и с возрастом, и поэтому необходимо переоценивать свои мотивы и цели, чтобы они соответствовали текущим субъективным потребностям и желаниям человека.

Спортивная мотивация может иметь далеко идущие последствия не только для психологического благополучия, но и для физического здоровья. Занимаясь спортом и постоянно поддерживая свою мотивацию к двигательной активности, человек может значительно улучшить свое качество жизни.

Литература

Бальсевич В. К. Особенности мотивации занимающихся физической культурой и спортом на разных этапах онтогенеза человека // Физическая культура, спорт и туризм: научно-методическое обеспечение: сборник. 2015. С. 29–31.

Бочавер К. А., Бондарев Д. В., Папкова М. А. Апробация опросника для оценки мотивации к досуговой физической активности и первый взгляд на диагностику ценностных установок и мотивов в любительском спорте // Культура физическая и здоровье. 2020. № 4. С. 156–160.

Исаева О. М., Акимова А. Ю., Волкова Е. Н. Опросник благополучия PERMA-Profiler: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 3. С. 116–133

Королевич А. Н. Цели, задачи, решения цели, обеспечивающие направленность и повышающие мотивацию в спорте // Современные проблемы физического воспитания студентов и студенческого

спорта: Сборник статей и тезисов Международной научно-практической конференции. 2013. С. 17–180.

Белинская Е. П., Бондарева Д. В., Бочавер К. А. и др. Человек работающий. Междисциплинарный подход в психологии здоровья / Под ред. К. А. Бочавера, А. Б. Данилова. М.: ИММ-Пресс, 2018.

Контроль поведения и направляемая игра дошкольников

М. М. Достанов

Представлены результаты, полученные в ходе изучения контроля поведения и направляемой игры современных дошкольников. Целью исследования является изучение особенностей проявления компонентов контроля поведения в направляемой игре дошкольников и выявление связей контроля поведения с игрой. Исследование проводилось на базе ГБОУ г. Москвы «Школа № 1586». В исследовании приняло участие 35 детей от 4 до 7 лет. В ходе исследования применялась методика включенного наблюдения за свободной игровой деятельностью детей, а также комплект методик, направленных на изучение компонентов контроля поведения. Результаты показали, что в игре современных детей преобладает когнитивная составляющая контроля поведения, которая связана с особенностями отыгрыша роли, а также со структурой игровой ситуации.

Ключевые слова: дошкольный возраст, направляемая игра, саморегуляция, контроль поведения, сюжетно-ролевая игра.

Саморегуляции является определяющей для успешной социализации индивида в обществе. Значимым периодом в ее развитии является дошкольный возраст.

Именно в игре ребенок реализует реальные и вымышленные ситуации взаимодействия, что способствует развитию адаптации к различным реальным ситуациям. Игра позволяет ребенку свободно «опробовать» приобретенные им навыки и знания (Овсянникова и др., 2017). Отыгрывая ту или иную роль, ребенок выраба-

тывает и развивает навыки самоконтроля. Также в ходе совместной игры дети создают общий замысел, сюжет игры и, в ходе взаимодействия, его реализуют. Всё это способствует развитию регуляции поведения. Однако, игра современных детей значительно отличается от классических представлений. Так, Е. О. Смирнова в своей работе «Возрастные особенности ролевой игры дошкольников с предметами оперирования» пишет о недостаточной сформированности ролевой игры у современных дошкольников (Рябкова и др., 2018).

Однако, для лучшего понимания того, какую роль имеет игра в развитии конкретно саморегуляции, стоит изучить то, как отдельные компоненты регуляции проявляются в игре, в которой дети сталкиваются с некоторыми рамками.

Цель исследования – изучить особенности проявления компонентов контроля поведения в современной направляемой игре детей дошкольного возраста и выявить возможные связи контроля поведения с особенностями игровой деятельности дошкольников.

В выборку входило 35 детей в возрасте от 4 до 7 лет. Из них мальчиков – 15, девочек – 20.

В ходе исследования применялась методика включенного наблюдения, а также подобранный комплект методик, направленных на изучение когнитивного, волевого и эмоционального компонентов контроля поведения.

Объектами наблюдения выступали особенности игры детей, а также их поведения в ходе игры: особенности взаимоотношений между детьми (конфликтность, отстраненность, напряженность и пр.), значимые элементы игры (особенности отыгрыша роли, соблюдение договоренностей между детьми, развитие сюжета и пр.), а также особенности поведения детей (спонтанность, агрессивность, отстраненность и пр.).

Отыгрыш роли, в данном исследовании, включал несколько показателей: ролевая речь; ролевые действия; использование атрибутов роли; называние себя или партнера в соответствии с ролью.

Каждый из пунктов наблюдения оценивался по 5-балльной шкале: 0 – особенность не проявляется в течение эксперимента, 1 – проявляется единично, 2 – проявляется редко, 3 – проявляется часто, 4 – проявляется постоянно.

Организация исследования

В начале исследования с детьми был проведен комплект методик, направленных на исследования компонентов контроля поведения.

Когнитивный контроль оценивался методикой «Рисунок человека» Ф. Гудинаф–Д. Харрис, направленной на изучение невербального интеллекта; субтестом «Словарный» из детского теста Векслера (Ильина, 2006), субтестом «Кубики Кооса» из детского теста Векслера (там же), направленным на изучение невербального интеллекта. Контроль действий оценивался при помощи моторной шкалы Озерецкого, а также методикой «День–ночь» (Gerstadt et al., 1994). Эмоциональный контроль оценивался по методике «Тест тревожности» Теммла–Дорки–Амена.

Далее дети случайным образом объединялись в группы (по 2 или 3 человека) и приглашались в помещение, в котором находились различные игрушки и игровые материалы (отрезы тканей, палочки и др). Далее, экспериментатор знакомил детей с тем, что есть в помещении, а затем проводил с детьми краткую беседу на тему «морских приключений», «пиратов» и сказок с морской тематикой. Далее детям предлагалось представить, что они оказались на необитаемом острове и попробовать это проиграть в игре – тем самым экспериментатор задавал тематику игры, которая подразумевала определенные рамки. После этого, экспериментатор вел наблюдение, не вмешиваясь в игровой процесс детей и, давая краткие ответы на возможные обращения детей. В течение игры экспериментатор озвучивал три высказывания, относительно изменений на «острове»: на острове начался дождь; стало холодно; дети будут есть на острове. Экспериментатор не приостанавливал игру детей, а также не ожидал какой-либо ответной реакции от них. Они могли как-то отреагировать на фразы экспериментатора, или же продолжить играть, без каких-либо изменений. На всю игру детям давалось 15 минут.

Результаты

Корреляционный анализ полученных данных показал, что в игре детей, в большей степени проявляется когнитивный контроль. Способность ребенка планировать свои действия, исходя из конкретных целей и возможностей, опираясь на свой опыт и знания, усложняет и структурирует игру и игровое взаимодействие со сверстниками. Так, дети лучше соблюдают договоренности, которые совместно формулируют, ярче отыгрывают свои роли (активнее используя ролевую речь, действия, а также ведя себя в соответствии со своей ролью). Все это также способствует боль-

шей вовлеченности детей в процесс игры и меньшему отвлечению на что-то постороннее и выпадению из отыгрыша своей роли. Помимо этого, дети активнее придумывают что-то новое и необычное в своих играх, а их поведение становится менее хаотичным и спонтанным. Это способствовало развитию сюжета игры, который развивался и дополнялся новыми деталями.

Такая особенность может быть связана с общей направленностью дошкольного образования на когнитивное развитие детей. Большинство учебных программ направлено на развитие академических навыков и знаний, подготовку к школе (Рябкова и др., 2018). Помимо этого, внедрение информационных технологий дает детям доступ к огромному количеству различных образов, знаний, которые также находят свое отражение в играх детей.

Также с игрой и поведением детей связан волевой контроль, который позволяет ребенку лучше координировать свое поведение, а также перестраивать его под партнера. Все это влияет на вовлеченность детей в игру и взаимодействие с партнером, а также на проявление роли в игре. Так, дети ярче выделяли свои роли, используя ролевую речь и действия, а их поведение чаще ей соответствовало. Помимо этого, сюжет в играх детей, активно развивался и усложнялся.

Эмоциональный контроль проявлялся в том, что дети чаще искали компромисс друг с другом, реже нарушали правила. Такая связь может объясняться тем, контроль своих переживаний способствовал более благополучному взаимодействию и, в свою очередь, упрощал сохранение игровых договоренностей. Также, эмоциональный контроль способствовал тому, что дети активно дополняли свою игру чем-то творческим и необычным.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что современная игра дошкольников, с опосредованным участием в нее взрослого, связана с контролем поведения. Ведь сама игра, учитывая ее определяющую особенность – свободу, является структурированной деятельностью, которая включает в себя различные элементы: сюжет, правила, роли и пр.

Говоря о сюжетно-ролевой игре, Д. Б. Эльконин особенно выделял в ней роль, которая подразумевает определенные правила и образ поведения. Беря на себя ту или иную роль в игре, ребенок старается ей соответствовать, что способствует развитию самоконтроля и регуляции поведения.

Литература

Ильина М. Н. Психологическая оценка интеллекта у детей. СПб.: Питер, 2006.

Овсянникова М. П., Кутняк А. А., Балакина И. Н. Значение игры для дошкольников // Молодой ученый. 2017. № 9 (143).

Рябкова И. А., Смирнова Е. О., Шеина Е. Г. Возрастные особенности ролевой игры дошкольников в условиях открытой предметной среды // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 75–84.

Gerstadt C. L., Hong Y. J., Diamond A. The relationship between cognition and action: performance of children 3.5–7 years old on a Stroop-like "day–night" test // Cognition. 1994. № 53. C. 129–153.

Многоаспектность когнитивного компонента отношения к досугу

М. В. Евтодий

Исследование посвящено анализу сложносоставного компонента психологического отношения к досугу. Были рассмотрены значимость труда, ценность времени, ориентация на здоровье, общение, отдых и др., ощущение счастья во взаимосвязи с Когнитивным компонентом отношения к досугу. В результате подтвердилась гипотеза о взаимосвязи когнитивного компонента с ценностными ориентациями на здоровье, труд, отдых, общение, счастье и не подтвердилась связь с ориентацией на материальное благосостояние и протестную активность.

Ключевые слова: психологическое отношение, отношение к досугу, когнитивный компонент, ценностные ориентации, ценность времени, значимость труда, счастье.

Изучение психологии досуга значимо с той точки зрения, что понимание мотивов и установок людей при занятии досуговой деятельностью позволяет больше узнать о человеке как личности. В частности, исследования отношения к своему досугу как установки человека могут раскрыть связь данного феномена с личностными и социально-демографическими характеристиками (Евтодий, 2021).

Психологическое отношение имеет трехкомпонентную структуру, элементы которой взаимосвязаны друг с другом (Позняков, 2018). Данную структуру составляют Когнитивный (познаватель-

ный), Аффективный (эмоциональный) и Поведенческий (конативный) компоненты. Такое понимание структуры справедливо и для психологического отношения к досугу.

Под Когнитивным компонентом отношения к досугу подразумеваются общие знания и убеждения человека о досуге, его характеристиках, достоинствах и их отношении к качеству жизни. В Когнитивный компонент также включают такие элементы, как убеждение об отношении досуга к здоровью, счастью и работе, к развитию дружбы, восстановлению моральных и физических сил, а также мнение о том, что досуг оказывает помощь в расслаблении, удовлетворении потребностей и самосовершенствовании, является разумным использованием времени и в целом полезен личности и социуму. Когнитивный компонент отражает основные представления о свойствах досуга (Ragheb, Beard, 1982). То есть сам по себе Когнитивный компонент – сложная и многогранная структура, включающая в себя разные смыслы досуговой деятельности, поэтому было решено рассмотреть его более подробно.

Цель исследования: выявить связи Когнитивного компонента отношения к досугу с различными ценностными ориентациями и ощущением счастья.

Объект исследования: взаимосвязь между Когнитивным компонентом отношения к досугу и ценностными ориентациями. Предмет исследования: Когнитивный компонент отношения к досугу.

Гипотеза исследования: составные части Когнитивного компонента положительно взаимосвязаны с соответствующими ценностными ориентациями и ощущением счастья.

Методики исследования:

- «Шкала отношения к досугу» (Leisure Attitude Scale) в адаптации М. В. Евтодий и А. Е. Воробьевой (Евтодий, Воробьева, 2023).
- «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье в адаптации Т. А. Нестика.
- «Опросник изучения отношения к труду и другим способам материального обеспечения» А. Б. Купрейченко (блок оценки общей значимости труда).
- «Оксфордский опросник счастья» М. Аргайла в адаптации А. М. Голубева и Е. А. Дорошевой.
- «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой.

Выборка: 46 человек, среди которых 28 женщин (60%) и 18 мужчин (40%) от 18 до 30 лет (средний возраст – 22 года). Вследствие малого

количества респондентов, для обработки данных использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Не выявлено значимых корреляций проверяемой шкалы со шкалами опросника С. С. Бубновой. Однако, был выявлен ряд взаимосвязей пунктов этого опросника с Когнитивным компонентом: последний отрицательно коррелирует с желанием участвовать в митингах ($r=-0,29$, $p=0,04$). Когнитивная шкала имеет обратную связь с выбором профессии только по уровню материального достатка ($r=-0,31$, $p=0,03$) и исключительно материальными ценностями ($r=-0,37$, $p=0,009$). В то же время важность умения доставлять себе удовольствие (т. е. гедонистическое поведение) прямо взаимосвязана ($r=0,3$, $p=0,04$) с Когнитивным компонентом отношения к досугу. Предпочтение посещения театров и выставок положительно связано с утверждениями, что досуг помогает расслабиться ($r=0,3$, $p=0,02$) и восстановить силы ($r=0,3$, $p=0,04$). Интерес к спортивным занятиям (плавание, бег, игра в теннис) для укрепления здоровья связан с представлением о том, что досуг способен повысить продуктивность в работе ($r=0,3$, $p=0,03$). Интерес к рисованию или занятию музыкой связан с представлением о досуге как средстве самосовершенствования ($r=0,4$, $p=009$). Респонденты связывают досуг с тем, что сделает их счастливее ($r=0,3$, $p=0,04$) и поможет повысить продуктивность ($r=0,3$, $p=0,02$), например, фотографирование. Представление о досуге как посреднике для знакомства и дружбы связано с важностью уважения друзей ($r=0,3$, $p=0,04$).

Проверяемая шкала имеет статистически значимую связь с отношением к труду по методике А. Б. Купрейченко ($r=0,31$, $p=0,03$). В частности, представление о том, что труд дает возможность развития и самореализации личности положительно связано с Когнитивным компонентом отношения к досугу ($r=0,48$, $p=0,0007$). Отдельные корреляции пунктов показали следующие результаты: убеждение, что досуг положительно влияет на работоспособность, имеет прямую связь восприятием труда как обязанности перед обществом ($r=0,32$, $p=0,03$) и желанием работать независимо от уровня благосостояния ($r=0,32$, $p=0,03$). Утверждение, что труд дает возможность развиваться, положительно коррелирует с утверждениями, что досуг делает людей счастливее ($r=0,49$, $p=0,0005$), повышает продуктивность на работе ($r=0,39$, $p=0,007$), помогает восстановить силы ($r=0,36$, $p=0,02$) и в целом нужен людям ($r=0,31$, $p=0,04$).

Не было обнаружено значимых взаимосвязей Когнитивной шкалы с ценностью времени, поэтому были проанализированы вза-

имосвязи пунктов. Пункт Когнитивной шкалы, говорящий о том, что досуг полезен отдельным людям и обществу в целом, положительно коррелирует с утверждениями из опросника о ценности времени с материальной точки зрения ($r = 0{,}35$, $p = 0{,}02$), а убеждение, что досуг способствует укреплению здоровья, связано со стремлением откладывать необязательные дела ($r = 0{,}3$, $p = 0{,}04$).

Не было обнаружено значимых связей Когнитивной шкалы с общим показателем счастья. Положительные взаимосвязи утверждений из опросника счастья с вопросами из Когнитивной шкалы состоят в том, что, если человека «занимают» многие вещи, он считает, что досуг делает счастливее ($r = 0{,}31$, $p = 0{,}04$), способствует самосовершенствованию ($r = 0{,}42$, $p = 0{,}003$). Также люди, которые считают, что досуг делает счастливее, чувствуют себя способными взяться за любое дело ($r = 0{,}32$, $p = 0{,}03$). Если человек считает, что жизнь прекрасна, он видит свой досуг как разумную трату времени ($r = 0{,}3$, $p = 0{,}02$), а если ему удается делать то, что он хочет, то считает досуг важным ($r = 0{,}38$, $p = 0{,}009$) и полезным не только для личности, но и для общества ($r = 0{,}53$, $p = 0{,}0001$). В то же время, если человеку удается отдыхать ($r = 0{,}35$, $p = 0{,}02$), замечать красоту вещей ($r = 0{,}35$, $p = 0{,}02$), им больше признается полезность досуговых занятий. Также люди, которые считают, что досуг полезен, меньше склонны к негативной оценке своего здоровья ($r = -0{,}3$, $p = 0{,}04$).

Таким образом, был проведен точечный анализ взаимосвязей Когнитивного компонента с различными ценностными ориентациями и ощущением счастья. Показано, что рассматриваемый компонент психологического отношения к досугу включает в себя ценности времени, труда, общения, счастья, удовольствия, здоровья, саморазвития и отрицательно связан с ориентацией на материальное благополучие, протестную активность. Т. е. Когнитивный компонент психологического отношения многогранен и не может быть сведен к какому-то одному смыслу досуга.

Литература

Евтодий М. В. Личностные факторы досуговых предпочтений // Психология – наука будущего: Материалы IX Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего», 18–19 ноября 2021 г., Москва / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 124–127.

Евтодий М. В., Воробьева А. Е. Русскоязычная адаптация методики «Шкала отношения к досугу» (Leisure Attitude Scale (LAS))

Дж. Г. Брид и М. Г. Рагеб // Методики диагностики и программы исследования в социальной и экономической психологии / Отв. ред. Т. А. Нестик, А. Е. Воробьева, Н. Н. Хащенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.

Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Ragheb M. G., Beard J. G. Measuring leisure attitude // Journal of Leisure Research. 1982. № 14 (2). P. 155–167.

Оценка влияния гравитоинерционных воздействий на решение человеком сенсорно-перцептивных задач

П. И. Егорова

Рассмотрены результаты решения человеком сенсорно-перцептивной задачи различения в обычных условиях и условиях волновой качки. Показано, что время и правильность решения задачи могут изменяться как в сторону уменьшения или увеличения, так и оставаться относительно стабильными. Полученные результаты указывают на вклад индивидуальных особенностей, обуславливающих качество выполнения в условиях повышенных нагрузок.

Ключевые слова: зрительное различение, принятие решения, время и правильность решения, гравитоинерционные воздействия, психофизика.

Летом 2023 года по инициативе ИП РАН с участием других психологических центров проведено пилотное комплексное экспериментальное исследование психической деятельности человека в обычных условиях и при гравитоинерционных воздействиях, обеспечиваемых волновой качкой на Ладожском озере. В ходе научных экспедиций ИП АН СССР 1979–1991 гг. была описана специфика состояния испытуемых – операторов космических систем – при тех же условиях волновой качки: повышение уровня психической активации за счет роста мотивации достижения в трудных условиях и снижение этого уровня вследствие укачивания. Соотношение повышения и снижения активации определяется внешними и внутренними факторами: силой гравитоинерцион-

ных воздействий и индивидуальными особенностями испытуемых (Скотникова, 2021). Сопоставление динамики психофизических показателей и ЭЭГ-активированности в особых условиях другого рода (при депривации сна) выявило феномен «конструктивных провалов» – периодическое резкое снижение успешности решения как защитный механизм для восстановления ресурсов субъекта и продолжения эффективной деятельности (Дикая и др., 1992). Этот механизм саморегуляции присущ испытуемым, ориентированным на достижение успеха, у ориентированных же на избегание неудачи активированность и успешность выполнения задачи монотонно снижались. Т. е. акцентировалось внимание на внутренних переменных субъекта: его мотивированности (Гусев, Шапкин, 1991), когнитивных стилях (Скотникова, 2021), в значительной степени определяющих динамику и результаты решения сенсорно-перцептивных задач при повышенных нагрузках на психику.

Продолжить изучение специфики решения таких задач в условиях гравитоинерционных воздействий стало целью нашего исследования на Ладоге в 2023 г.

Гипотеза: гравитоинерционные воздействия приводят к изменению характеристик решения субъектом сенсорно-перцептивной задачи вследствие снижения уровня психической активации из-за укачивания и повышения этого уровня как механизма мобилизации в особых условиях.

Выборка: в пилотном исследовании участвовали 4 человека – мужчины, средний возраст 31,5 лет (17–48 лет). Испытуемые не имели вестибулопатии, но и не имели специальной подготовки к условиям качки.

Исследование проводилось в два этапа: в обычных условиях и в особых – в качке на плавучем стенде. Этапы были разделены на два дня: в первый день испытуемые выполняли короткую ознакомительную серию и основную серию на берегу, а во второй день – основную серию на яхте. Ознакомительная серия включала 30 проб, основные серии – по 200 проб. Для контроля условий качки проводилась запись скорости ветра и силы волны в судовой журнал. В дни исследований отмечены следующие значения: 1 день – скорость ветра 9,6 м/с, волна 3 балла; 2 день – скорость ветра 7,7 м/с, волна 3 балла; 3 день – скорость ветра 8–10 м/с, волна 4–5 баллов.

Для исследования применялась компьютерная методика И. Г. Скотниковой, П. И. Егоровой на основе психофизического метода «Одинаковые–Разные». На экране ноутбука последовательно предъявлялись пары стимулов, один из которых был эта-

лонным, а другой незначительно отличался от него. Длительность предъявления каждого изображения составляла 500 мс, межстимульного интервала 500 мс, интервала между пробами 2000 мс. После демонстрации пары стимулов испытуемый давал два ответа: 1) одинаковые или разные были стимулы; 2) уверен он или сомневается в своем первом ответе. Далее на экране появлялась обратная связь: зеленый плюс после правильного ответа или красный минус после ошибочного. Стимулы были смоделированы П. И. Егоровой для имитации выполнения зрительной задачи стыковки космического корабля с Международной космической станцией. Они выглядели как круглая черная мишень с белым крестом, расположенным либо ровно по центру (эталонное изображение), либо незначительно смещенным вверх и вправо от центра мишени. Мишень разделялась на четверти выступающими белыми прямоугольниками, в каждой четверти было по пять белых квадратных отметок цены деления прибора (без указания значений).

Получены следующие показатели: РС – процент правильных ответов среди всех ответов, время реакции (ВР) всех ответов, отдельно ВР верных и ВР ошибочных ответов, ВР каждого из 4-х типов ответов: правильного различения, правильного отрицания различия, ложной тревоги и пропуска различия.

Результаты и их обсуждение

Значения РС изменялись в разных направлениях: у двоих испытуемых в качке они стали выше, чем на берегу, у одного ниже, и у одного остались на том же уровне. Эта неоднозначность может указывать на индивидуальные особенности, определяющие тип реагирования на специфические, весьма ресурсозатратные для испытуемого условия. В случаях увеличения РС возможны два механизма: совершенствование навыка решения задачи вследствие тренировки, так как серия на яхте давалась второй, или повышение общего уровня психической активности, в том числе внимания, в силу более высокой мотивированности испытуемого в особых условиях и эффективной саморегуляции. В случае уменьшения РС, видимо, большее влияние на испытуемого оказало воздействие качки в сторону снижения функционального состояния. В третьем случае – стабильного показателя РС – можно предположить баланс двух разнонаправленных воздействий: внешнего (качки), снижающего успешность решения задачи, и внутреннего (саморегуляции), повышающего его.

Непараметрический анализ значений времени реакции в обычных и особых условиях (критерий Вилкоксона) не выявил статис-

тически значимых различий как по отношению к верным ответам ($p = 0{,}465$), так и ошибочным ответам ($p = 0{,}109$).

Для сопоставления полученных данных с функциональным состоянием испытуемых проводилась методика «САН» перед исследованием и после него. Самоотчеты респондентов демонстрируют разнонаправленные тенденции, которые определяются индивидуальными особенностями. По шкале «Самочувствие» отмечено в одном случае резкое снижение показателей, в одном – снижение средней степени (примерно на 40%), в одном – незначительное снижение, в одном – повышение показателей. По шкале «Активность» в двух случаях зафиксировано умеренное снижение показателей, в одном случае – повышение, в одном – относительная стабильность показателей. По шкале «Настроение» в двух случаях отмечено умеренное повышение показателей, в одном случае – умеренное снижение, в одном случае – относительная стабильность. Индивидуальная динамика показателей по шкалам «Самочувствие», «Активность», «Настроение» до и после исследования отражает специфику реагирования организма на работу в условиях повышенных нагрузок, а также эффективность саморегуляции. Обработка данных методики «САН» проведена П. А. Сафоновым.

Выводы

В пилотном исследовании обнаружена неоднозначная тенденция изменения успешности решения сенсорно-перцептивной задачи в условиях гравитоинерционных воздействий на человека. Показано, что правильность решения может повышаться, снижаться и оставаться стабильной в особых условиях. Время же как правильных, так и ошибочных ответов значимо не различалось в обычных и особых условиях.

Литература

Гусев А. Н., Шапкин С. А. О некоторых особенностях динамики обнаружения сигнала // Проблемы дифференциальной психофизики / Под ред. К. В. Бардина. М.: Изд-во ИП АН СССР, 1991. С. 217–242.

Дикая Л. Г., Шапкин С. А., Гусев А. Н. Особенности адаптации операторов к асомнии: анализ динамики биопотенциалов мозга и поведенческих показателей // Физиология человека. 1992. № 4. С. 40–52.

Скотникова И. Г. Когнитивно-стилевые особенности зрительной деятельности операторов космических систем в обычных и особых условиях // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. 2021. С. 170–188.

Взаимосвязь когнитивных искажений и принятия решений в ситуации неопределенности

Е. Е. Ецлова

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи когнитивных искажений и процесса принятия решений в ситуации неопределенности. В ходе исследования проверялось предположение о существовании между данными процессами взаимосвязи при помощи следующих методик: «Личностные факторы принятия решений»; «Опросник когнитивных ошибок»; «Тест когнитивной рефлексии». Выборка состояла из 80 респондентов в возрасте от 17 до 26 лет. Было установлено: готовность к риску отрицательно коррелирует с проявлением когнитивных ошибок в отличие от рациональности, с которой была обнаружена положительная взаимосвязь. Выявлено, что критичность мышления препятствует появлению искажений в ходе анализа информации.

Ключевые слова: принятие решения, когнитивные искажения, когнитивные ошибки, риск, рациональность, критическое мышление, ситуация неопределенности.

Актуальность изучения данной темы связана с тем, что человек включен в различные социальные пространства, наполненные обширными информационными потоками, расширяющими возможности выбора. Но такая многогранность приводит к усложнению принятия решения, поскольку включает обработку большего количества информации, возможных альтернатив, становится явным конфликт мотивов и интересов субъекта.

Цель исследования: эмпирически определить, существует ли взаимосвязь когнитивных искажений и процесса принятия решений в ситуации неопределенности.

Часто принятие решений связано с риском, поскольку существуют альтернативы и различные исходы (Сунцова, Мешков, 2022). Принятие решения включает оценку и анализ возможных вариантов действий, выбор более подходящей стратегии поведения с целью продолжения эффективной деятельности.

Когнитивные искажения, как и другие когнитивные схемы, способствуют адаптации к действительности, помогают оставаться в зоне комфорта, избегать нежелательных осознаваний и изменений (Артемцева, Малкина, 2022). Это можно проследить в ситуации неопределенности, когда существует нехватка информации и человек переносит уже сформированные способы решения или автоматические мысли в ситуацию отличную от прошлой. Поэтому когнитивные искажения могут быть сопряжены с неправильной интерпретацией человеком смысловых контекстов. По причине того, что процесс мышления начинает искажаться под влиянием убеждений, некоторые важные аспекты могут не входить в поле восприятия субъекта и игнорироваться. Н. Г. Артемцева в статье ссылается на П. Стептона: «...спасаясь от неопределенности за правилами, контролем, долженствованием и порядком, становится все менее способен иметь дело с непредсказуемостью мира» (там же, с. 158). Таким образом, предполагается, что когнитивные искажения оказывают влияние не только на сам процесс мышления, но и на конечный результат процесса решения задачи.

Для исследования гипотетического предположения о существовании взаимосвязи между когнитивными искажениями и принятием решения в ситуации неопределенности, были определены три методики.

В основе опросника «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25) лежит предположение о том, что человек может осознавать, насколько для него характерны продуктивные или неконструктивные способы выхода из ситуации неопределенности (Корнилова, 1994). Так, характеристика способов поведения, а именно принятия решения в ситуации неопределенности, предстает в обобщенном виде. Данная методика направлена на диагностику личностных свойств готовность к риску и рациональность.

Опросник когнитивных ошибок (ОКО) направлен на обнаружение когнитивных ошибок. Cognitive Mistakes Questionnaire – этот

опросник разработали в 1992 году Роуз Девульф и Артур Фримен. В адаптированной версии опросника, валидность и надежность которой проверялась А. Е. Бобровым и Е. В. Файзрахмановой, внимание уделяется 9 шкалам, исключена шкала «Самоуверенность» (Бобров, Файзрахманова, 2017). Всего тест включает 45 вопроса.

Тест когнитивной рефлексии (ТКР) изначально был представлен методикой ТКР-3, автором которой является Ф. Шейн. Вариант ТКР-7 позволяет проводить лучшую оценку, так как включает не три, а семь задач. Тест оценивает рациональность, критичность мышления, обдуманность действий, а также способность предотвращать импульсивные поступки. Чтобы получить правильные ответы, требуется осознанный и обдуманный подход к решению (Родина, Прудков, 2019).

Выборка исследования составила 80 человек (36 женщины, 44 мужчины), средний возраст – 20 лет. Отбор респондентов осуществлялся путем рандомизации из генеральной совокупности молодых людей в возрасте от 17 до 26 лет, которые преимущественно являются студентами университета и находятся на пике своей когнитивной активности. В рамках исследования была подготовлена батарея тестов, представленных в электронном виде. Респонденты получали ссылку и могли выполнять тесты в любое время. Временные ограничения отсутствовали.

По результатам ТКР было выявлено, что большая часть выборки (58%) имеет сниженный и средний уровень критического мышления: для респондентов обычно не характерно обращение к анализу и критичной оценке ситуации. То есть респонденты в процессе взаимодействия со стимулами в меньшей степени анализируют экспериментальные задачи и прибегают к стереотипным и очевидным способам решения.

По результатам корреляционного анализа были обнаружены значимые связи результатов теста когнитивной рефлексии с пятью шкалам ОКО: максимализм ($p=0{,}014$, $r=-0{,}274$); персонализация ($p=0{,}014$, $r=-0{,}272$); долженствование ($p=0{,}03$, $r=-0{,}243$); выученная беспомощность ($p=0{,}031$, $r=-0{,}242$); гипернормативность ($p=0{,}013$, $r=-0{,}275$). Чем меньше респондент анализирует свой подход к решению задачи, тем больше вероятность проявления у него различных когнитивных искажений.

Корреляционный анализ опросника ЛФР-25 и ОКО выявил, что шкала готовности к риску имеет статистически значимые отрицательные корреляции с некоторыми шкалам опросника когнитивных ошибок: преувеличение опасности ($p=0{,}004$, $r=-0{,}315$);

выученная беспомощность (p = 0,000, r = –0,481); гипернормативность (p = 0,013, r = –0,277). Если человек рискует, принимает решение в ситуации неопределенности быстро и уверен в своих возможностях, то когнитивных искажений будет меньше, и они в меньшей степени будут влиять на процессы мышления. Рассматривая корреляционные связи второй шкалы опросника со шкалами опросника когнитивных ошибок, можно сделать вывод о том, что когнитивные искажения чаще появляются у тех респондентов, у которых больше выражена рациональность, поскольку связи положительные: преувеличение опасности (p = 0,005, r = 0,312); гипернормативность (p = 0,038, r = 0,232). Такие респонденты не готовы идти на риск в ситуации неопределенности, они обдумывают возможные пути решения и оценивают свои возможности. Такое стремление к обдумыванию может быть вызвано неуверенностью в ситуации неопределенности, и все это снижает объективность в процессе принятия решения. Все расчеты проводились в программе IBM SPSS v. 23.

Так, гипотеза о наличии взаимосвязи между когнитивными искажениями и принятием решения в ситуации неопределенности подтверждается. Когда человек попадает в новую для него ситуацию, в которой ограничено количество информации и существует временная неопределенность, у него проявляются когнитивные искажения, если для него не характерны готовность к риску или критическое мышление. Если человек готов рисковать, то ему легче адаптироваться к неопределенности и, соответственно, он воспринимает и анализирует информацию более рационально, уменьшая проявление когнитивных искажений. Выявленные особенности процесса принятия решения в ситуации неопределенности нуждаются в дальнейшем изучении, для понимания полного механизма действия данного когнитивного процесса.

Литература

Артемцева Н. Г., Малкина С. А. Когнитивные ошибки созависимых как способ защиты от неопределенности // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19. № 1. С. 153–166.

Бобров А. Е., Файзрахманова Е. В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Доктор.Ру. 2017. № 8. С. 59–65.

Корнилова Т. В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 99–110.

Родина О. Н., Прудков П. Н. Апробация русскоязычных версий теста когнитивной рефлексии // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 155–162.

Сунцова Я. С., Мешков И. Ю. Феномены выбора и принятия решения в психологической науке // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2022. Т. 32. № 4. С. 395–404.

Индивидуальные различия амфибий при выборе значимых объектов

Р. В. Желанкин

В пилотном исследовании у озерных лягушек изучалось различение и выбор неподвижных объектов разной локализации и формы, но одинакового функционального значения (*плавучих кормушек, удобных при устройстве лягушачьих ферм, либо кормушек, находящихся на «островке» как аналоге берега*). *В этом виде поведения установлены индивидуальные различия данного вида амфибий по параметру «смелость–робость».*

Ключевые слова: амфибии, индивидуальность животных, смелость, робость, лягушачьи фермы, кормление.

Введение

В зоопсихологии интенсивно развиваются дифференциально-психологические исследования. В частности, изучаются индивидуальные различия животных при реакциях альтернативного выбора ими объектов или форм поведения (Желанкин и др., 2021). Одним из параметров таких различий является «смелость – робость». Референтным тестом его диагностики служит реакция на новый объект. Животные, проявляющие исследовательскую реакцию на новизну, характеризуются как «смелые», в отличие от «робких», избегающих новизны. Изучение этой индивидуальной особенности у низших позвоночных с применением данного теста описано для рептилий (там же), однако подобные исследова-

ния практически не встречаются для амфибий. В нашей пилотной работе такое исследование предпринято для одного из распространенных видов амфибий: озерных лягушек.

В настоящее время получают развитие фермы по разведению лягушек с целью их использования в ресторанном бизнесе, а также для кормления ими в зоопарках животных, относящихся к другим видам. В этой связи актуальна проблема оптимальной организации кормления самих лягушек. При устройстве лягушачьих ферм удобно устанавливать плавучие кормушки, с которых легче подавать и дозировать корм, чем с берега. Однако необходимо выяснить, какой из этих двух видов кормления предпочтут лягушки, как они будут реагировать на новый объект – плавучую кормушку, и обнаружатся ли при восприятии этого нового объекта их индивидуальные различия по параметру «смелость–робость».

Цель исследования: изучить у озерных лягушек альтернативный выбор оптимального вида кормления и их возможные индивидуальные различия в этом выборе.

Методика

В исследовании использовали 15 половозрелых озерных лягушек, пойманных на территории Люберецкого района Московской области (пос. Томилино) в реке Пехорка. Были организованы две экспериментальные площадки.

В качестве экспериментальной площадки № 1 был построен летний вольер, полностью обнесенный сеткой с диаметром ячеи 10 мм и с металлической крышей. 7 лягушек держали в вольере в течение 4 месяцев (начало июня–начало октября 2022 г.). Часть крыши вольера, обнесенная сеткой, открывалась, что позволяло использовать естественное освещение и тепло на протяжении всего светового дня. Размеры вольера составляли 240×180×80 см, с двух сторон находились дверцы для манипуляций. Внутри вольера была закопана чугунная ванна, наполненная водой. Вечером для освещения, прогрева животных и одновременно привлечения дополнительных кормовых объектов – насекомых использовали лампу накаливания на водонепроницаемом штативе, а для подогрева воды до температуры, сравнимой с температурой воздуха (13°–21° С) использовали аквариумный водонагреватель. Лампа включалась с помощью электронного таймера и работала 1 час утром и 1 час вечером (Желанкин, 2021). Для наблюдения за лягушками использовали веб-камеру Defender C-090. На протяжении 20 дней проводили ежедневную проверку плавучей кормушки с помощью веб-камеры.

В рационе лягушек превалируют членистоногие, и прежде всего насекомые, поэтому в опыте было отдано предпочтение культивируемым видам – туркменскому таракану (Shelfordella tartara) и мучному хрущаку (Tenebrio molitor) в качестве основного и дополнительного корма (Кузовенко, Файзулин, 2012). Были сконструированы плавучие кормушки, которые использовались в составе приспособления для выдачи корма и представляли собой плоские тазики с низкими бортами, на которые крепилась дополнительная маленькая кормушка, а также кормоподающая трубка. Для кормления с островка на кормушку клали личинок насекомых.

В качестве экспериментальной площадки № 2 использовали акватеррариум в лабораторных условиях, где тоже была установлена плавучая кормушка, а также кормушка была установлена на «островке» возле лампы. Островок представлял собой пластиковую сетчатую коробку, упирающуюся в дно акватеррариума. 8 лягушек, задействованных в этом эксперименте, кормились только культивированными насекомыми.

Поскольку в опыте участвовали лягушки с длиной тела более 61 мм (61–78 мм), можно однозначно сделать заключение о половозрелости исследуемых лягушек и возрасте более 2 лет (Иванова, 2017).

Результаты

Озерные лягушки делали выбор места кормления: кормиться на «островке» как аналоге привычного для них берега или на новой для них плавучей кормушке.

На площадке № 1 (летнем вольере) днем при температуре 19–21°С на плавучей кормушке собирались 1–4 лягушки, в 21–22 ч при свете электрической лампы и температуре 13–15°С лягушки неохотно выбирались на плавучую кормушку, некоторые подплывали к ней и хватали добычу, подходящую к ее краю.

На площадке № 1 из семи лягушек было выявлено две особи (28%), которые проявляли активно-позитивную исследовательскую реакцию на новизну – подплывали к плавучей кормушке и кормились на ней. Поскольку животные, проявляющие такую реакцию, характеризуются как «смелые» (Желанкин и др., 2021), то этих двух лягушек можно назвать «смелыми», тогда как остальных пятерых лягушек, избегавших новых плавучих кормушек и кормившихся с островка, сходного с привычном для них берегом – видимо, можно назвать «робкими».

Опыт был повторен на площадке № 2 (в условиях акватеррариума) с другими лягушками проявившими схожие реакции: две

особи из восьми (25%) выбирали плавучую кормушку, т. е. оказались «смелыми», а остальные шесть лягушек предпочли кормление с «островка», т. е. проявили себя как «робкие».

Обсуждение и выводы

Выбор озерными лягушками плавучих кормушек для получения пищи обнаружился лишь у 25–28% из их выборки, что характеризует невысокую эффективность таких кормушек. Однако они удобны и выгодны для организации кормления лягушек при устройстве лягушачьих ферм. Поэтому полученные пилотные результаты в настоящее время используются для проведения исследования по выяснению возможностей научения озерных лягушек пользоваться такими кормушками. Работа имеет практическое значение для развития аквакультуры амфибий и теоретическое значение для изучения процессов выбора из альтернатив при различении амфибиями значимых объектов.

Литература

Желанкин Р. В. Изменения морфологических и физиологических показателей взрослых особей озерной лягушки на разных фазах технологии их нагула и разведения // Рыбоводство и рыбное хозяйство. 2021. № 10. С. 36–48.

Желанкин Р. В., Скотникова И. Г., Селиванова Л. А., Дмитриева А. С. Индивидуальные особенности различения геометрических фигур у трех видов рептилий // Национальный психологический журнал. 2021. № 4 (40). С. 149–160.

Иванова Н. Л. Характер и темпы роста озерной лягушки Pelophylax ridibundus pall., интродуцированной в водоемы среднего Урала // Известия РАН. Серия биологическая. 2017. № 4. С. 414–418.

Кузовенко А. Е., Файзулин А. И. Трофические связи зеленых лягушек (Rana esculenta complex) урбанизированных территорий Самарской области // Вопросы герпетологии – материалы V съезда Герпетологического общества им. А. М. Никольского. Минск: Право и экономика, 2012. С. 130–134.

Возможности игры «Xonix» для исследования тревожности как значимой индивидуальной особенности в принятии решения

Е. В. Зайцева

Тревожность выступает одной из значимых индивидуальных особенностей человека, влияющих на эффективность принятия решений. Но в большинстве работ авторы полагаются на результаты опросных методик. При проведении экспериментальных работ встает вопрос о необходимости подбора задачи, позволяющей проследить поведение человека в условиях предвосхищения опасности. Мы планируем использование для этой цели возможностей игры «Xonix».

Ключевые слова: принятие решения, индивидуальные особенности, тревога, тревожность, эффективность принятия решений, игра «Xonix».

Введение

Изучение индивидуальных особенностей, значимых в ходе принятия решения (ПР) – одно из основных направлений, приближающих нас к нахождению компонентов эффективности этого процесса. Исследователи среди таких особенностей выделяют решительность, склонность к риску, импульсивность–рефлективность, силу воли, уверенность в себе, рациональность, бдительность (Матвеева, Скотникова, 2021; Нехорошкова и др., 2014). Также среди значимых психологи выделяют физиологические особенности субъекта и характеристики его темперамента (Нехо-

рошкова и др., 2014). Еще одной не менее значимой особенностью в ПР является тревожность.

Тревожность как свойство индивидуальности, сопровождающее выбор в ситуации неопределенности, является устойчивой формой состояния тревоги. Тревожность характеризуется как ожидание неблагополучия в различных ситуациях (Матвеева, Скотникова, 2021). В контексте ПР мы предлагаем следующее определение: тревожность – это предвосхищение опасности при выборе решения.

Оценка значимости тревожности для процесса ПР не раз проводилась в отечественной и зарубежной науке. Тревожность оказывает значительное влияние на деятельность человека: ее эффективность, скорость выполнения и результат (Нехорошкова и др., 2014). Она выступает значимой индивидуальной особенностью при решении задач: при выполнении легких задач наиболее успешны высокотревожные испытуемые, а при выполнении сложных задач – нетревожные. Тревожность негативно влияет на процесс и результат интеллектуальной деятельности. Вместе с тем тревожность увеличивает поисковую активность человека, что связано с необходимостью упорядочивания пространства и времени, а также обеспечения собственной безопасности.

ПР, согласно П. К. Анохину, является одной из ключевых подсистем психической деятельности человека. Но их связь с тревожностью не является однозначной. Согласно исследованию мозговых процессов человека в ходе ПР в условиях неопределенности, тревожность ускоряет процесс ПР, при этом делая его менее эффективным (Hein et al., 2023). Тревожность также оказывается значимой для принятия рискованных решений – более тревожные люди отдают предпочтение менее рискованным выборам. Высокие показатели личностной и ситуативной тревожности оказывают влияние на ПР в пользу более конфликтных стратегий взаимодействия. Следовательно, при изучении индивидуальных особенностей ПР (что является целью проводимого нами комплексного исследования) необходимым является и исследование тревожности.

Проблема. При экспериментальном изучении тревожности человека мы сталкиваемся со сложностями в подборе подходящей методики. Для изучения тревожности животных разработан ряд методик:

1. «Открытое поле» (Павлова, Рысакова, 2015), где животное помещается на открытую платформу и прослеживается его по-

ведение на ней. Регистрируются движения, продолжительность и частота груминга, характер актов дефекации. Тревожной считается животное, проявляющая характерные для данной особенности действия, а также уделяющая значительное время грумингу.

2. «Темно-светлая камера» (Павлова, Рысакова, 2015), где животное помещается в камеру, состоящую из двух отсеков – светлого и темного, которые разделены между собой перегородкой, и прослеживается его поведение в камере. Показателями тревожности, помимо поведенческих характеристик, выступает также число выходов в светлую камеру и время пребывания там.

Известны попытки экспериментальных задач для изучения тревожности человека. Так, Д. Р. Бах и др. для изучения тревожности разработали компьютеризированную задачу на избегание опасности при положительной мотивации выходов из безопасной зоны (денежная мотивация) (Bah et al., 2014). В ней задачей является выход человека с использованием курсора мыши из безопасной зоны для сбора жетонов, однако в любой момент на игровом поле может появиться хищник, что приведет к аннулированию результатов. В процессе решения данной задачи авторы проводили исследование активности гиппокампа с помощью фМРТ, благодаря чему удалось установить его активную роль в снижении пассивного избегания и торможения при наличии угроз.

Разработка специальной компьютерной игры для исследования тревожности представляется сложной задачей, с точки зрения технического ее обеспечения, вследствие чего мы предлагаем значительно менее сложный в реализации (при этом не менее эффективный) вариант для экспериментального изучения тревожности.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязей уровня тревожности и характеристик принятия решения. Гипотеза: при наличии высокого уровня тревожности испытуемые, при слабой уверенности в правильности решения, принимают быстрое и неверное решение; при низком уровне тревожности испытуемые, с сильной уверенностью, принимают медленное и верное решение. В качестве испытуемых в нашем исследовании планируются юноши и девушки 20–25 лет.

Методики:

1. Для изучения характеристик принятия решения компьютерная программа по изучению принятия решения при зрительном

пороговом различении лиц психофизическим методом «Одинаковые разные» (вычисляются показатели правильности решений, времени реакции, уверенности в правильности решений) (Скотникова, Степанова, 2016).

2. Для изучения тревожности – компьютерная методика на базе игры «Xonix» (являющаяся модификацией методик «Открытое поле» и «Темно-светлая камера», используемых для животных). Игра представляет собой открытое поле, на котором испытуемому необходимо отделить для себя как можно большую по площади часть игрового поля, перемещая курсор мыши в свободном порядке. Отделенные участки являются безопасными, тогда как свободные участки являются опасными и предполагают, что в любой момент может появиться «хищник» и закончить игру. Участник побеждает тогда, когда ему удается сделать безопасным всю имеющуюся часть поля (выигрыш является положительным подкреплением). Регистрируется время и характер движения испытуемого по полю. Предполагается, что тревожные испытуемые совершают множество коротких и быстрых «перебежек» от безопасного участка к опасному, предвосхищая вероятную угрозу. Испытуемые с низкой тревожностью демонстрируют обратное поведение.

В качестве показателей тревожности мы будем регистрировать количество пройденных секций и время за один выход из безопасной зоны, время нахождения в безопасной зоне, количество выходов за всю игру и время прохождения всей игры.

Таким образом, предлагаемая в настоящей методической статье процедура на базе игры «Xonix» методика позволит экспериментально изучить тревожность человека благодаря моделированию ситуации скрытой и неопределенной опасности, что позволит выявить характерное для тревожных людей «настороженное» поведение. Принципы данной методики базируются на принципах двух других достоверных методик, используемых при исследовании животных: наличие небезопасного поля, открытого для свободного перемещения (аналог «Открытого поля») и безопасных и небезопасных участков (аналог «Темно-светлой камеры). Это позволяет не только экспериментально изучать тревожность у человека, но и проводить параллели с выявляемыми закономерностями у животных.

Ожидаемые результаты исследования позволят получить объективные данные о взаимосвязях характеристик ПР и уровня тре-

вожности, что будет способствовать нахождению закономерностей, оказывающих непосредственное влияние на эффективность ПР. Это поможет не только прояснить имеющиеся в литературе противоречия, но и получить новые сведения об индивидуально-психологических особенностях ПР у человека.

Литература

Матвеева Е. В., Сотникова И. Г. Проблема соотношения понятий импульсивности, смелости, тревожности и склонности к риску – и ее методологическое значение для психологии индивидуальности животных и человека // Методология современной психологии. Вып. 13. Ярославль: ЯрГУ–ЛКИИСИ РАН–МАПН, 2021. С. 309–321.

Нехорошкова А. Н., Грибанов А. В., Джос Ю. С. Проблема тревожности как сложного психофизиологического явления // Экология человека. 2014. № 6. С. 47–54.

Павлова И. В., Рысакова М. П. Проявление тревожности крыс Вистар при выработке условнорефлекторного страха // Журнал высшей нервной деятельности. 2015. Т. 65. № 6. С. 720–734.

Скотникова И. Г., Степанова А. И. Значение типа стимулов для уверенности в правильности сенсорно-перцептивных решений: различение простых лабораторных и экологически значимых стимулов // Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 271–278.

Bach D. R., Guitart-Masip M., Packard P. A., Miró J., Falip M., Fuentemilla L., Dolan R. J. Human hipocampus arbitrates aproach – avoidance conflict // Curr. Biol. 2014. T. 24. № 5. P. 541–547.

Hein T. P., Gong Z., Ivanova M. et al. Anterior cingulate and medial prefrontal cortex oscillations underlie learning alterations in trait anxiety in humans // Commun. Biol. 2023. № 6. P. 271.

Влияние ориентации тела человека на формирование когнитивных карт пространства

Д. А. Захарова, Г. Я. Меньшикова, А. И. Ковалев

Процессы навигации в пространстве осуществляются за счет механизмов формирования когнитивных карт пространства (*ККП*). *В качестве нового аспекта выделяется роль влияния субъективной вертикали на ККП. Испытуемые – 35 человек: 13 мужчин и 22 женщины* ($M_{возр.} = 25,8$). *Прохождение лабиринтов* (*два уровня сложности: 10 и 15 поворотов*) *в очках виртуальной реальности в трех положениях тела: вертикальном* (*normal*), *горизонтальном лицом вверх* (*top*) *и лицом вниз* (*down*). *Оценивалась точность ККП из эгоцентричееской и аллоцентрической позиции. 1. Значимые различия между позицией normal и down для сложных лабиринтов* ($p = 0,042$). *2. Точность эгоцентрических репрезентаций репрезентаций значимо выше, чем аллоцентрических для сложных лабиринтов* ($p_{normal} = 0,001$, $p_{down} = 0,017$, $p_{top} = 0,005$).

Ключевые слова: когнитивные карты простраства (ККП), эгоцентрические репрезентации (ЭР), аллоцентрические репрезентации (АР), субъективная вертикаль, ориентация в пространстве.

Ориентация в знакомой и малознакомой местности осуществляется за счет процессов запоминания пространственных свойств среды, в основе которых лежат механизмы формирования когнитивных карт пространства (ККП). Термин ККП означает ментальный конструкт, отражающий субъективные репрезентации пространственного окружения. По типу кодирования пространственной информации КПП делят на эгоцентрические (ЭР) и аллоцентрические

(АР) (Klatzky, 1998). В ЭР или «телоцентированной» системе координат человек оценивает метрику и расположение объектов относительно своего тела, а такая карта представляет из себя последовательность объектов и направления движения (карта-путь). В АР отражена топология объектов, т. е. расположение объектов относительно друг друга, а не наблюдателя, такая карта представлена видом сверху (карта-схема).

Как было сказано выше, ЭР система отсчета связана с телом человека, где процессы построения ККП осуществляются посредством различных сенсорных систем, эволюционно приспособленных к взаимодействию с внешним окружением. В контексте данного исследования, особый интерес уделяется приспособлению вестибулярной системы к действию сил гравитации. Предпосылкой к изучению данной стороны вопроса стали факты наличия у космонавтов в условиях невесомости симптомов «космического адаптационного синдрома» (тошнота, головокружение и т. д.), а также сообщения о дезориентации на протяжении всего полета, и как следствие – использование внешних ориентиров в качестве системы отсчета (Harm, Parker, 1993). Также в многочисленных исследованиях было показано, что восприятие сложных визуальных стимулов, как статичных, так и подвижных зависит от положения тела человека в пространстве (Lopez et al., 2009). Исследования ментального вращения показали, что в тех случая, когда субъективная вертикаль человека не совпадает с гравитационной, точность оценки визуальных объектов снижается, а время отклика повышается (Shiffrar, Shepard, 1991). Всё вышеперечисленное может указывать на предположение о наличии внутренней модели гравитации, основанной на мультимодальной интеграции вестибулярных, визуальных и соматосенсорных сигналов.

Таким образом, данное исследование было разработано для изучения вопроса о влиянии субъективной вертикали на ориентацию в пространстве, посредством создания искусственного конфликта между вестибулярными и визуальными сигналами.

Цель – изучить влияние ориентации тела человека на процессы формирования когнитивных карт пространства (ККП).

Гипотеза – ориентация тела человека влияет на процесс кодирования пространственной информации и построение когнитивных карт пространства.

В данном исследовании по изучению влияния положения тела человека на построение ККП были получены интересные результаты, но также встали новые вопросы и необходимость модернизации и доработки метода.

Эксперимент состоял в следующем: в очках виртуальной реальности испытуемым необходимо было пройти по лабиринтам без тупиков и запомнить направление поворотов. Прохождение лабиринтов осуществлялось в трех положениях: вертикальном (положение «normal»), горизонтальном лицом вверх (положение «top»), горизонтальном лицом вниз (положение «down»). Лабиринты имели 2 уровня сложности, состоящие из 10 и 15 поворотов, а также без каких-либо ориентиров внутри. После прохождения лабиринта испытуемые проходили два тестовых задания: 1) зарисовывалась схема лабиринта, чтобы оценить точность АР репрезентации; 2) повторное прохождение в очках виртуальной реальности лабиринта с непрозрачными завесами, которые закрывали направление поворота, где испытуемому необходимо было выбрать на экране правильный вариант (так оценивалась точность ЭР репрезентации).

Выборка составила 35 испытуемых, 13 мужчин и 22 женщины, со средним возрастом – 25,8.

Результаты показали, что для сложных лабиринтов ЭР репрезентация во всех трех положениях прохождения была более точной, чем АР репрезентация ($p_{normal} = 0{,}001$, $p_{down} = 0{,}017$, $p_{top} = 0{,}005$). Полученные результаты согласуются с другими исследованиями, подтверждающими, что ЭР репрезентации более точны для определенных задач и в онтогенезе формируются первыми, в сравнении с АР презентациями, которые более схематичны и формируются посредством процессов пространственного мышления. А также этому может служить факт того, что воспроизведение запомненного материала лучше в тех условиях, в которых он был запечатлен. В данном случае, воспроизведение в ЭР проекции всегда соответствовало условию предъявления лабиринтов. Однако оценка точности АР схемы лабиринта по рисункам испытуемых вносила определенные проблемы и неточности, которые будут устранены в следующем эксперименте.

Также были обнаружены значимые различия в точности воспроизведения сложных лабиринтов в ЭР проекции между положением «normal» и «down» ($p = 0{,}042$). Тем самым была принята основная гипотеза о том, что положение тела человека в пространстве влияет на точность построения ККП. Однако такой уровень значимости скорее можно назвать тенденцией, одной из причин которого может быть наличие побочной переменной, а именно – у 72% испытуемых наблюдались симптомы «киберболезни» (тошнота и головокружение). В новом эксперименте это требует более тщательного контроля.

Дополнительно в исследовании испытуемые проходили компьютерный тест на мысленные вращение. Корреляционный анализ между тестом и точность ЭР и АР репрезентаций показал наличие высоких значимых корреляций, но только для простых лабиринтов: ЭР $r_{normal} = 0{,}565$, $p = 0{,}004$; $r_{down} = 0{,}782$, $p = 0{,}001$; $r_{top} = 0{,}552$, $p = 0{,}005$; АР $r_{normal} = 0{,}387$, $p = 0{,}042$; $r_{down} = 0{,}490$, $p = 0{,}010$. Здесь мы видим высокую положительную корреляцию для двух положений тела при прохождении простых лабиринтов и отсутствие значимой корреляции в сложных. С нашей точки зрения, можно сделать следующие выводы: чем выше пространственные способности, тем более точные схемы составляли испытуемые. Однако, для сложных задач фактор положения тела является более значимым и его влияние не может быть скомпенсировано уровнем развития пространственных способностей.

В некоторых исследованиях выдвигались идеи о влиянии различных видов спорта на точность формирования того или иного типов репрезентаций: ЭР или АР. Например, у спортсменов в художественной гимнастике (телоцентрированный вид спорта) должен преобладать ЭР тип кодирования. В то время как акробаты, прыгуны в воду для достижения высоких результатов должны отслеживать положение тела в пространстве, что должно способствовать развитию АР типа кодирования. Одним из интересных результатов стало наличие значимых различий в точности воспроизведения лабиринтов между испытуемыми поделенными на группы на основании вида спорта ($F = 2{,}957$, $p = 0{,}049$). Однако, ввиду неодинакового количественного состава групп и низкого контроля выборки, данные результаты также требуют дальнейшего исследования.

Таким образом, учитывая слабые места предыдущего исследования: наличие побочной переменной, недостаточная корректность оценки АР репрезентаций, недостаточный контроль выборки для проверки гипотезы о влиянии видов спорта на построение КПП. А также интерес к изучению процессов построения ККП в трехмерной плоскости и их связь с ментальным вращением, влияние ориентиров на процессы запоминания и воспроизведения, было принято решение модернизации методики и стимульного материала.

Литература

Harm D. L., Parker D. E. Perceived self-orientation and self-motion in microgravity, after landing and during preflight adaptation training // Jour-

nal of Vestibular Research: Equilibrium & Orientation. 1993. № 3 (3). P. 297–305.

Klatzky R. L. Allocentric and egocentric spatial representations: definitions, distinctions and interconnections // Lecture Notes in Computer Science. 1998. P. 1–17.

Lopez C., Bachofner C., Mercier M., Blanke O. Gravity and observer's body orientation influence the visual perception of human body postures // Journal of Vision. 2009. V. 9. № 5. P. 1–14.

Shiffrar M. M., Shepard R. N., Comparison of cube rotations around axes inclined relative to the environment or to the cube // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1991. V. 17. № 1. P. 44–54.

Применение теорий социального обмена в методологии исследования трудовых отношений

Т. В. Зорина

Теория социального обмена в настоящее время имеет своих последователей, в то же время испытывает много критических замечаний. Критика теории обмена в основном связана с тем, что эмпирические исследования недостаточно опираются на теорию или вовсе игнорируют ее, это вызывает множество неоднозначных интерпретаций. В то же время теории обмена позволяют объяснять поведение людей, выстраивать межличностные отношения на идеях социальной справедливости с адекватными требованиями оценки заслуг и получения вознаграждения. В данной работе проводится анализ теорий социального обмена с акцентом на теорию социального обмена П. Блау и выявление особенностей социального обмена в трудовых отношениях.

Ключевые слова: теория социального обмена, трудовые отношения, психологический контракт.

Сегодня теории социального обмена применяются в исследовании отношений работника и работодателя, анализе трудовых и учебных отношений в целом. Социальный обмен в широком смысле рассматривается как любое взаимодействие между людьми, которое имеет экономические, психологические, социальные последствия для участников процесса обмена. Обмен может происходить в любой сфере, связанной с человеком и социумом; бизнес, межличностные отношения, рабочие отношения (между работником и работодателем), дружеский обмен, родственный обмен, обмен в процессе

обучения. В любой ситуации обмена человек оценивает свои риски, притязания, вознаграждения, но вступает в отношения обмена человек, как правило, в расчете на получение личной выгоды. Так, социальный обмен может рассматриваться как передача деятельности, предмета, услуги, знания, символов от одного субъекта другому за соответствующее вознаграждение (эквивалент). Данная теория связана с именами Дж. Хоманса, Р. Эмерсона, П. Блау.

Целью данной статьи является анализ теорий социального обмена с акцентом на теории социального обмена П. Блау и выявление особенностей социального обмена в трудовых отношениях. В ходе работы над данной статьей значимыми явились литературные источники как авторской, так и критической, а также учебной направленности: труды в области теории обмена Дж. Хоманса и П. Блау, Т. Парсонса, Дж. Ритцера; труды об основных направлениях социологии в Западной Европе и США; исследования в области социологии и психологии бихевиоризма Б. Скиннера, а также труды российских исследователей В. Г. Осипова, М. И. Бойченко, Е. А. Даниловой, И. Т. Касавина, Ю. О. Крючковой, А. В. Тимофеевой, Т. С. Карсавина. Анализ литературных источников показал, что теории обмена являются предметом анализа преимущественно в западно-европейской социальной философии и социологии.

В структуре обмена выделяют субъекты обмена, предметы обмена, правила обмена, определенные закономерности. Закономерности в процессе обмена были выделены Дж. Хомансом: регулярность типа отношений обмена зависит от вознаграждения; мотивация к повторению действий увеличивается сообразно успешности и размерам прибыли; насыщение потребностей снижает степень приложения усилий в ситуации обмена. Теория обмена, предложенная Дж. Хомансом изначально как теория обмена и взаимодействия между двумя участниками, впоследствии у П. Блау переросла в теорию обмена, происходящую во всем социуме (обмены в экономике, в больших профессиональных группах, учебных группах, отношения в системах родства) (Шульгина, 2022).

Правила обмена в трудовых отношениях отражают основную форму договоренностей между работником и работодателем. Идеи П. Блау выступают и сегодня основой для анализа отношений в сфере труда, трудового обмена. П. Блау в своих трудах противопоставлял обмен в сфере экономики, труда обмену, основанному на взаимном уважении на основе нравственных ценностей.

Поэтому и сегодня экономический обмен рассматривается обособленно и представляется в двух основных формах: договорной и диффузной.

Договорная форма обмена в сфере труда основывается на соблюдении определенных договоренностей (устная договоренность, контракт) и определяет обязательства сторон (формы, сроки исполнения работы, объем вознаграждения, санкции за невыполнение договоренностей). Также в этой форме обмена могут присутствовать и имплицитные договоренности – договоренности по умолчанию (очевидные договоренности работника и работодателя, не требующие оформления).

В основе диффузной формы обмена лежат такие понятия как гарантии занятости, карьерный рост и продвижение, признание заслуг работника. Со стороны работника в этой форме обмена отмечается приверженность, верность организации, готовность на бескорыстные действия на благо организации. Примером диффузного, нежесткого обмена является психологический контракт работника и работодателя в организации. За последние несколько десятилетий многие ученые и практики приняли теорию психологического контракта как доминирующую основу для понимания отношений между работником и организацией (Эфендиев и др., 2014). Исследователи психологического контракта часто цитируют работы Блау и Гоулднера, чтобы объяснить отношения взаимного обмена между работником и организацией (Rousseau, 1995). Преимуществом перед другими теориями обмена, созданными в XX в., является постулат П. Блау о несводимости отношений между людьми и отношениями обмена, так как социальный обмен подразумевает отношения доверия.

Применение теории социального обмена к взаимодействиям между работником и организацией фокусируется на отношениях, которые индивид развивает со своим работодателем. Содержание психологического контракта включает ожидания работников определенных благ за выполнение работы в организации и те блага, которые работодатель готов предоставить работнику за должное выполнение им трудовой деятельности в организации. Данные отношения основываются на принципах взаимности, справедливости и доверия.

Итак, в процессе труда, трудовых взаимодействий реализуется целый комплекс средств обмена: деньги, социальные льготы, материальный обмен подкрепляется моральным обменом. Российский исследователь Б. Г. Прошкин выделяет в психологии трудовых от-

ношений «прямообменные» отношения (взаимодействие с целью обеспечить удовлетворение каких-либо потребностей, здесь социальный обмен осуществляется на принципах эквивалентности и гарантированности) (Прошкин, 2008). Работник отдает организации свою рабочую силу и время, а организация адекватно компенсирует работника различными благами. Следует отметить, что на принципах симметричности, эквивалентности, гарантированности основываются все экономические отношения социальных субъектов.

В трудовых отношениях отдаваемые работником блага изначально не рассчитаны на непосредственное и скорое вознаграждение. Здесь важнее получение похвалы, признания, чувства собственной удовлетворенности от процесса труда. Также современными исследователями рассматриваются необменные отношения. Это такого рода отношения, когда человек получает внутреннее удовлетворение от работы, основаны на увлечении и энтузиазме. Важным понятием в трудовых отношениях является принцип эквивалентности обмена, этот принцип действует везде, где есть товарное производство, а эффективное распределение доходов является важным фактором мотивации любых трудовых отношений (Бессокирная, Темницкий, 2004).

В заключении следует отметить, что социальный обмен в сфере трудовых отношений является одной из исследуемых отдельных сфер социального обмена. Психологический контракт работника и работодателя в организации, являющийся актуальной темой научных исследований, основывается на теории социального обмена. Развитие современной жизни характеризуется изменением взаимоотношений между работником и работодателем в сторону индивидуализации, меняются подходы к анализу сферы труда и процессов обмена между работниками и работодателями. В этой ситуации теория социального обмена, основанная на интеракции, становится ведущей в понимании современных отношений обмена в трудовой сфере.

Литература

Бессокирная Г. П., Темницкий А. Л. Мотивация труда в трансформирующейся России (аннотированная библиография, 1990–2003 гг.) / Под общ. ред. В. А. Ядова. М.: Ин-т социологии РАН–Ин-т социологии ГУГН, 2004.

Прошкин Б. Г. О двух формах организации стимулирования // Управление персоналом. 2008. № 6. С. 41–45.

Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Гоголева А. С. Социологическая концепция обмена как методология анализа трудовых взаимодействий в современных зарубежных исследованиях // Социология труда. 2014. С. 139–153.

Шульгина Т. А. Современные подходы реализации теории социального обмена // Коллекция гуманитарных исследований. 2022. № 1 (30). С. 6–11.

Rousseau D. M. Psychological contracts in organizations: Understanding written and unwritten agreements. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. doi: 10.4135/9781452231594

Исследование взаимосвязи трудовой мотивации и ценностных ориентаций работников организаций

А. А. Зотова

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между трудовой мотивацией и ценностными ориентациями работников организаций. Раскрыта методологическая основа исследования, дана характеристика цели, задач, гипотезы, выборки, методик и математических методов, применяемых при анализе данных. Автором описаны результаты и их интерпретация, сделаны выводы.

Ключевые слова: трудовая мотивация, ценностные ориентации, стимулирование трудовой деятельности, взаимосвязь, организация.

Несмотря на многочисленные исследования в области трудовой мотивации, в настоящее время все еще существует запрос на разработку универсальной программы стимулирования трудовой деятельности, которую можно было бы применить вне зависимости от пола, возраста, культуры и других факторов. В этом контексте возникает интерес к исследованию взаимосвязи трудовой мотивации и ценностных ориентаций сотрудников организаций, что может в дальнейшем использоваться при выстраивании системы стимулирования трудовой деятельности работников.

Цель исследования: выявление взаимосвязи между типами трудовой мотивации и ценностными ориентациями работников организаций, а также анализ взаимосвязи в случае ее констатации.

Задачи:

1. Оценить соотношение превалирующих типов трудовой мотивации работников организаций и проследить выраженность ценностных ориентаций в выборке.
2. Исследовать и проанализировать взаимосвязи между типами трудовой мотивации и ценностными ориентациями.

Объект: мотивационная сфера трудовой деятельности работников организаций.

Предмет: взаимосвязь типов трудовой мотивации и ценностных ориентаций сотрудников организаций.

Гипотеза: типы трудовой мотивации сотрудников организаций взаимосвязаны с ценностными ориентациями.

Говоря о сфере трудовой деятельности, стоит отметить, что область мотивации труда начала исследоваться в XX веке. На текущий момент «мотивация труда» понимается как комплекс взаимосвязанных внешних и внутренних факторов, побуждающих индивида к некоторому поведению, способствующему достижению поставленной задачи (Лобанова, 2023). Сущность мотивации трудовой деятельности непосредственно связана с термином «стимулирование» (Трапицин и др., 2023). Успешно выстроенная система стимулирования деятельности способствует формированию новых мотивов в отношении труда. Некоторые ценности могут выступать в качестве мотивационных факторов, которые способствуют повышению результативности труда.

Для более полного раскрытия того, какие ценности могут служить факторами мотивации к труду, было проведено следующее исследование.

Методологической базой исследования стали следующие концепции: типологическая концепция трудовой мотивации В. И. Герчикова, концепция ценностных ориентаций М. Рокича.

В. И. Герчиков выделяет пять типов трудовой мотивации (Герчиков, 2004):

1. Инструментальная – стремление получить наибольший доход.
2. Люмпенизированная – минимизация физических и умственных усилий.
3. Патриотическая – идея совместного достижения успеха превалирует.
4. Профессиональная – стремление раскрыть и проявить себя как мастера.
5. Хозяйская – обостренное чувство свободы.

М. Рокич выделяет два класса ценностей: терминальные ценности, инструментальные ценности (Tuulik, 2016).

Для проведения исследования была отобрана группа респондентов, представленная офисными сотрудниками нескольких организаций. Выборка составила 50 человек. По критерию половой принадлежности в выборку вошли 38% мужчин – 19 человек, 62% женщин – 31 человек. Минимальный стаж работы в одной организации составляет 2,5 года. Возраст испытуемых варьируется в диапазоне 28–41 лет.

Методики исследования:

1. «Трудовая мотивация личности» (Monotype) В. И. Герчикова (диагностирование доминирующего типа трудовой мотивации).
2. «Ценностные ориентации» М. Рокича (целостное изучение содержательной стороны направленности личности).

Математические методы. Предварительно полученные данные обрабатывались в MS Excel. Статистическая обработка данных проводилась при помощи программы SPSS Statistics. Были использованы следующие критерии математической обработки: расчет описательных статистик и коэффициент корреляции r Спирмена.

Статистические гипотезы:

1. Нулевая гипотеза (H0): взаимосвязь между переменными «тип трудовой мотивации» и «ценностная ориентация» отсутствует.
2. Альтернативная гипотеза (H1): существует взаимосвязь между переменными «тип трудовой мотивации» и «ценностная ориентация».

Результаты исследования

Распределение сотрудников по типам трудовой мотивации выглядит следующим образом (округление до десятых):

1. Инструментальная – 66,7%.
2. Профессиональная – 22,2%.
3. Люмпенизированная – 5,5%.
4. Хозяйская – 3,7%.
5. Патриотическая – 1,9%.

Выраженность ценностей у сотрудников организаций представлена в средних ранговых показателях и выглядит таким образом:

1. Терминальные ценности. Высокий ранг: «здоровье» – 3; «счастливая семейная жизнь» – 5. Низкий ранг: «общественное признание» – 14.

2. Инструментальные ценности. Высокий ранг: «воспитанность» – 6; «честность» – 6. Низкий ранг: «непримиримость к недостаткам в себе и других» – 14.

В результате проведения корреляционного анализа были выявлены 11 взаимосвязей:

1. Инструментальный тип коррелирует с ценностями:

– «интересная работа»: обратная взаимосвязь ($r = -0{,}331$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$);
– «рационализм»: обратная взаимосвязь ($r = -0{,}285$), связь слабая ($r \leq 0{,}3$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$);
– «красота природы и искусства»: прямая взаимосвязь ($r = 0{,}317$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$).

2. Патриотический тип коррелирует с ценностями:

– «интересная работа»: прямая взаимосвязь ($r = 0{,}383$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат высоконадежный ($p \leq 0{,}01$);
– «познание»: обратная взаимосвязь ($r = -0{,}312$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$);
– «высокие запросы»: обратная взаимосвязь ($r = -0{,}366$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат высоконадежный ($p \leq 0{,}01$).

3. Профессиональный тип взаимосвязан с ценностью «творчество»: обратная взаимосвязь ($r = -0{,}284$), связь слабая ($r \leq 0{,}3$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$).
4. Хозяйский тип коррелирует с ценностями:

– «красота природы и искусства»: обратная взаимосвязь ($r = -0{,}345$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$);
– «развитие»: прямая взаимосвязь ($r = 0{,}284$), связь слабая ($r \leq 0{,}3$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$);
– «воспитанность»: прямая взаимосвязь ($r = 0{,}369$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат высоконадежный ($p \leq 0{,}01$);
– «ответственность»: прямая взаимосвязь ($r = 0{,}307$), связь умеренная ($0{,}3 < r \leq 0{,}7$), результат надежный ($p \leq 0{,}05$).

Значения коэффициента детерминации (r^2) в среднем составляют 11%.

Таким образом, вследствие проведения статистической обработки данных были получены результаты, подтверждающие поставленную в начале работы научную гипотезу о взаимосвязи ти-

пов трудовой мотивации и ценностных ориентаций. На их основе можно сделать предположение, что полученные взаимосвязи могут быть использованы при выстраивании системы стимулирования трудовой деятельности. Так, при включении в работу сотрудников с определенным типом трудовой мотивации тех ценностей, с которыми были получены обратные взаимосвязи, можно говорить о вероятности повышения результативности и эффективности труда за счет увеличения мотивации персонала. Также можно выдвинуть предположение о том, что наличие важных для сотрудников ценностей на рабочем месте может повысить удовлетворенность трудом, а отсутствие наименее значимых – избежать воздействия отвлекающих негативных факторов (для подтверждения требуется проведение дополнительного исследования).

Литература

Герчиков В. И. Трудовая мотивация: содержание, диагностика, управление // Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В. В. Щербины. Москва: Независимый институт гражданского общества, 2004. С. 212–230.

Лобанова Т. Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 553.

Трапицын С. Ю. и др. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 314.

Tuulik K. Rokeach's instrumental and terminal values as descriptors of modern organisation values // International Journal of Organizational Leadership. 2016. № 5. С. 151–161.

Соотношение смысложизненных ориентаций современных студентов и их родителей

А. В. Иванова

Статья посвящена изучению смысложизненных ориентаций (СЖО) студентов и их родителей. Выявлено сходство шкал смысложизненных ориентаций студентов и родителей: «процесс жизни», «локус контроля – Я», «локус контроля – жизнь». Обнаружена связь СЖО студентов с формирующейся взрослостью – переходным периодом взросления.

Ключевые слова: смысложизненные ориентации, формирующаяся взрослость, студенты.

Изучение смысложизненных ориентаций (СЖО) молодых людей является важным, так как они оказывают влияние на все аспекты их жизни, включая в себя как социальные взаимоотношения, так и формирование личности, внутреннего мира, отношения к жизни.

Современные исследователи определяют смысложизненные ориентации как «результат осознания ценностей, целей и смысла собственной жизни» (Хайбулаева, 2015, с. 24). СЖО являются сложным динамическим конструктом, определяющим поведение человека, выражающим его цели, мотивы, установки, ценности и смыслы. Д. А. Леонтьев выделяет 4 компонента СЖО: осмысленность жизни, временная организация, виды смыслов, субъект-субъектные отношения.

Проблема изучения смысложизненных ориентаций находится в предметном поле отечественной и зарубежной психологии не один

десяток лет. Интерес к проблеме смысла возрос в 1950–1960 годах (Р. Мэй, В. Франкл, П. Рикер и др.). По В. Франклу, поиск смысла является главной врожденной мотивационной тенденцией человека, побуждающей человека к действиям. В противовес этому, существует иная концепция (Дж. Ройс, А. Пауэлл), где авторы рассматривают смысл как интерпретацию жизни, называют ценности «мостом» между смыслом и личностью. В настоящее время в зарубежных исследованиях преимущественно рассматривается связь смысложизненных ориентаций с такими показателями, как удовлетворенность жизнью, стресс, одиночество и тд.

В отечественной психологии внимание к этой проблеме возникло в 1980–1990 годы, когда идеи зарубежной психологии были интегрированы в деятельностный подход (А. Н. Леонтьев, Б. С. Братусь и др.). Д. А. Леонтьев, опираясь на идеи В. Франкла и положения теории деятельности, указывал на социальную составляющую, которая является источником смыслов, определяет их развитие.

В современных работах изучаются смысложизненные ориентации в различных социальных средах, системах социальных отношений. Смысловая сфера пластична и динамична, на ее формирование и развитие оказывает влияние множество факторов. На данный момент наиболее актуальным является исследование СЖО студентов, их связи с индивидуально-психологическими свойствами личности, социально-экономическим статусом, демографическими характеристиками, уровнем образования и т. д. Однако смысложизненные ориентации студентов и родителей изучены недостаточно. В существующих исследованиях в качестве дополнительной переменной не рассматривались возрастно-психологические характеристики студентов, обусловленные периодом взросления. В таких работах студенты рассматриваются как взрослые, хотя они находятся в переходном периоде развития, который в современной психологии принято называть периодом «формирующейся взрослости».

Формирующаяся взрослость – это период развития человека, охватывающий границы от 18 до 25 лет. Автором концепции является J. Arnett. Его труды стали основой для зарубежных (L. Swanson, A. Reifman и др.) и отечественных (М. В. Клементьева) исследований. Возникновение «формирующейся взрослости» связывают с отсрочкой социальных переходов, поиском идентичности, чувством «между», переживанием открытых возможностей и нестабильности, сосредоточенностью на себе.

Хотя современные психологи затрагивают многие аспекты становления и функционирования системы смысложизненных ориентаций студентов, отсутствуют работы, где изучены связи СЖО сту-

дентов и их родителей в соотнесении с возрастно-психологическими особенностями «формирующейся взрослости». Вышеизложенное объясняет необходимость в проведении данного исследования.

Цель: изучить связь смысложизненных ориентаций и показателей формирующейся взрослости у современных студентов, изучить связь смысложизненных ориентаций современных студентов и их родителей.

Статистические методы: корреляционный анализ (критерий Спирмена), сравнительный анализ (критерий Вилконсона).

Методики:

1. Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R) (Клементьева, 2023).
2. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000).

Выборка: 15 семейных диад (студент и его родитель). Выборку студентов составили 15 человек 18–22 лет. 7 девушек и 8 юношей. Эти респонденты в данный момент получают высшее образование. Выборка родителей состоит из 15 человек 40–59 лет. 12 женщин и 3 мужчины. Эта часть испытуемых имеет высшее или средне специальное образование.

Результаты и их обсуждение

Корреляции смысложизненных ориентаций с показателями формирующейся взрослости изучались только на уровне студентов. Были выявлены связи между некоторыми показателями. Установлена положительная связь между показателями «сосредоточенность на себе» и показателем «процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» (при $p \leq 0{,}05$), а также общим показателем осмысленности жизни (при $p \leq 0{,}01$). Это может говорить о том, что студенты, сосредоточенные на себе, склонные к биографической рефлексии (Клементьева, 2023), воспринимают процесс жизни интересным, захватывающим и эмоциональным, видят в жизни смысл. Опираясь на результаты корреляционного анализа, можно констатировать, что существует положительная связь между показателем «личная свобода» и «результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» (при $p \leq 0{,}05$). Студенты с выраженной личной свободой, которая проявляется в креативности и открытости опыту, выбором жизненных направлений и тд., больше других удовлетворены прожитой частью своей жизни, своей самореализацией. Такие респонденты считают свою жизнь осмысленной и результативной.

Центральной проблемой исследования является сравнение смысложизненных ориентаций студентов и их родителей. Анализ указывает на наличие корреляции по шкале «результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» на уровне тенденции. Отмечено сходство по шкалам «процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», «локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)», «локус контроля – жизнь, или управляемость жизни» (при $p \leq 0{,}05$). Результаты свидетельствуют о существовании сходств в смысложизненных ориентациях в семейных диадах «родитель–ребенок».

Итак, современные студенты находятся в процессе взросления, становления смысловой сферы. Поиск идентичности связан со смысложизненными ориентациями родителей, их роль в этом процессе является определяющей. Классические психологические работы говорят об отсутствии влияния родителей на процесс поиска идентичности молодых людей, но результаты данного исследования говорят об обратном. Отсутствие корреляций по шкале «цели в жизни» обуславливается разницей поколений. Однако, можно отметить, что механизмы трансмиссии экзистенциально-бытийных характеристик, которые обеспечивают удовлетворенность жизни – процесс и чувство управления, формируются внутри системы семейных взаимоотношений.

Вывод

В ходе проведения исследования была обнаружена положительная связь между показателями формирующейся взрослости и смысложизненными ориентациями студентов. Выявлены сходства в профилях смысложизненных ориентаций студентов и их родителей. Исходя из этого, можно говорить о том, что смысложизненные ориентации студентов формируются под влиянием родителей.

Литература

Клементьева М. В. Российская версия шкалы оценки формирующейся взрослости (IDEA-R): особенности развития студентов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 2. С. 164–182.

Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.

Хайбулаева А. Г. Динамика ценностных и смысложизненных ориентаций молодежи в полиэтническое образовательной среде: Дис. ... канд. психол. наук. Махачкала, 2015.

Исследование образного и пространственного воображения в условиях когнитивной нагрузки

В. П. Иванушко, В. С. Василенко

Несмотря на выделение объектного и пространственного зрительного воображения, а также обнаружение связи репрезентаций воображения и визуальной рабочей памяти через интерференцию, динамика работы воображения в условиях когнитивной нагрузки остается недостаточно изученной. Мы провели смешанный эксперимент 2×3×3 с участием вербальной зондовой задачи, направленный на влияние когнитивной нагрузки на скорость и точность воображения. В результате было обнаружено общее, но не динамическое, влияние нагрузки на скорость воображения и влияние на точность объектных репрезентаций. Из-за обнаруженных недостатков методик планируется дополнительное исследование с большим вниманием к методическим материалам.

Ключевые слова: зрительное воображение, объектное воображение, пространственное воображение, когнитивная нагрузка, визуальная рабочая память.

Зрительное воображение – квазиперцептивный когнитивный процесс, позволяющий воспроизводить зрительные образы и оперировать ими при отсутствии перцептивного стимула. Воображение делится на объектное и пространственное (Blazhenkova, Pechenkova, 2019). Воображение и работа визуальной рабочей памяти интерферируют, что связывает репрезентации воображения и когнитивную нагрузку (Borst et al., 2012). Несмотря на эти открытия, динамика

видов воображения в условиях когнитивной нагрузки остается недостаточно изученной.

Мы задались вопросом: в чем будут различия влияния когнитивной нагрузки на представление объектных и пространственных репрезентаций?

Основная гипотеза: представление пространственных репрезентаций (структурных аспектов объекта) в условиях вербальной когнитивной нагрузки будет происходить хуже, чем представление объектных репрезентаций (визуальных аспектов объекта).

Дорсальный путь зрительной обработки, оперирующий пространственной информацией, связан с сенсомоторными областями мозга, что влечет за собой большую склонность к интерференции (Blazhenkova, Pechenkova, 2019). Пространственные репрезентации более «тяжелые» в обработке по сравнению с объектными, значит, при увеличении когнитивной нагрузки они будут извлекаться и представляться на более низком уровне точности (Vannucci et al., 2008).

Исследовательский метод – смешанный факторный эксперимент 2×3×3. Независимые переменные: когнитивная нагрузка (межсуб.; без нагрузки, с когнитивной нагрузкой), уровни объектных репрезентаций (внутрисуб.; низкий, средний, высокий), уровни пространственных репрезентаций (внутрисуб.; низкий, средний, высокий). Зависимая переменная – эффективность объектного и пространственного воображения, операционализированная через время реакции и точность решения задач.

Экспериментальные гипотезы:

1. В условиях когнитивной нагрузки разница во времени реакции между уровнями простр. репрезентаций будет больше, чем разница без нее.
2. В условиях когнитивной нагрузки разницы во времени реакции между уровнями объект. репрезентаций не будет больше, чем без нее.
3. В условиях когнитивной нагрузки разница в точности ответа между уровнями пространственной репрезентаций будет больше, чем без нее.
4. В условиях когнитивной нагрузки разница в точности ответа между уровнями объект. репрезентаций не будет значимо больше, чем без нее.

Для предварительного контроля индивидуальных способностей участников к воображению использовался опросник VOSI (Blazhenkova, 2016).

Для оценки извлекаемых объектных репрезентаций при воображении использовалась обновленная и модифицированная методика «Animal tails task» (ATT) (Blazhenkova et al., 2022). Стимульный материал – 26 оригинальных изображений животных, каждое из которых было модифицировано путем создания двух дублирующих изображений, замены животного схожей реалистичной фотографией и последующего уменьшения разрешения.

Для оценки работы пространственного воображения использовалась методика «Paper-folding task» (PFT). Стимульный материал – 3 группы задач по количеству операций по 8 задач и 5 вариантов ответа для каждой задачи.

Уровни когнитивной нагрузки операционализированы как присутствие или отсутствие зондовой задачи. Задача заключалась в прослушивании записи списка слов и ответе о половой принадлежности говорящего.

При расчете в GPower v. 3.1 минимальный объем выборки составил 36 человек. Финальная выборка – 40 участников в возрасте от 18 до 28 лет ($M = 19{,}95$, $SD = 1{,}87$), из них 4 мужчины. Критерий по отбору – отсутствие афантазии или самоотчета об отсутствии зрительного воображения по опроснику VOSI. Выборка была случайна, в каждой группе было по 20 человек.

Результаты были обработаны в программе SPSS Statistics v. 23.0.

Для проверки гипотез № 1 и № 2 использовали двухфакторную rmANOVA. При повторном анализе в качестве ковариат использовались данные шкал опросника VOSI.

При анализе полученных результатов ATT был обнаружен основной эффект факторов «Уровни объектных репрезентаций»: $F(2,844) = 24{,}969$, $p<0{,}001$, $\eta p2 = 0{,}056$ и «Когнитивная нагрузка»: $F(1,845) = 30{,}688$, $p<0{,}001$, $\eta p2 = 0{,}035$, взаимодействие не было обнаружено. При повторном анализе с включением ковариат было обнаружено взаимодействие факторов «Когнитивная нагрузка» и «Пространственное воображение»: $F(2,841) = 7{,}180$, $p = 0{,}001$, $\eta p2 = 0{,}017$.

Группа низкого разрешения объектных репрезентаций значимо отличалась от групп высокого и среднего, последние две не отличались значимо друг от друга. Контрольная группа значимо отличалась от экспериментальной группы: участники без влияния когнитивной нагрузки решали задачи ATT быстрее.

При анализе результатов PFT был обнаружен основной эффект факторов «Уровни пространственных репрезентаций»: $F(2,798) = 53{,}202$, $p<0{,}001$, $\eta p2 = 0{,}118$ и «Когнитивная нагрузка»: $F(1,799) = 7{,}506$, $p = 0{,}006$, $\eta p2 = 0{,}009$, взаимодействие не было обнаружено.

Все группы пространственных репрезентаций значимо отличались друг от друга. Наибольшее время реакции было в группе высокого разрешения, наименьшее – в группе низкого. Контрольная группа значимо отличалась от экспериментальной: участники без влияния когнитивной нагрузки решали задачи PFT быстрее.

Для проверки гипотез № 3 и № 4 использовали бинарную логистическую регрессию с методом отбора Forward LM.

При анализе результатов PFT был значимо оценен предиктор «Уровни пространственных репрезентаций» (низкий уровень: B = 5,233, Wald (2) = 66,073, p<0,001; средний уровень: B = 4,175, Wald (1) = 46,170, p<0,001). Предиктор «Когнитивная нагрузка» не был оценен значимо. При повторном анализе предикторы «Уровни пространственных репрезентаций» и «Объектное воображение» были оценены значимо (B = –0,759, Wald (1) = 63,301, p<0,001; B = –0,051, Wald (1) = 22,252, p<0,001).

При анализе результатов ATT были значимо оценены предикторы «Уровни объектных репрезентаций» (низкий уровень: Wald (2) = 17,959, p<0,001; средний: B = 0,522, Wald (1) = 13,694, p<0,001; высокий: B = –0,476, Wald (1) = 11,615, p = 0,001) и «Когнитивная нагрузка»: B = –0,241, Wald (1) = 4,276, p = 0,039.

Когнитивная нагрузка влияла на процесс воображения, что указывает на зависимость воображения от общей рабочей памяти. Однако сила влияния когнитивной нагрузки на время ответа в зависимости от сложности репрезентации оставалась той же.

Обнаружено влияние нагрузки только на точность объектного воображения, тогда как точность пространственного воображения не изменялась. Это объясняется тем, что извлечение уровней объектных репрезентаций затруднено из-за интерференции при распределении внимания.

С другой стороны, принимая во внимание недостатки методики ATT и возможность других стратегий решения, полученные результаты могут отражать также процесс идентификации и аналитического рассуждения, что может объяснять характер влияния.

Для однозначного вывода о частном влиянии когнитивной нагрузки на воображение требуется дополнительное исследование с большим вниманием к применяемым методическим материалам.

Литература

Blazhenkova O. Vividness of object and spatial imagery // Perceptual and Motor Skills. 2016. V. 122. № 2. P. 490–508.

Blazhenkova O., Pechenkova E. The two eyes of the blind mind: object vs spatial aphantasia? // Russian Journal of Cognitive Science. 2019. V. 6. № 4. P. 51–65.

Blazhenkova O., Umitli O., Duman I., Kanero J. Animal Tails Task, 2022. URL: https://osf.io/834me.

Borst G. et al. Representations in mental imagery and working memory: Evidence from different types of visual masks // Memory & Cognition. 2012. V. 40. P. 204–217.

Vannucci M. et al. Object imagery and object identification: Object imagers are better at identifying spatially-filtered visual objects // Cognitive Processing. 2008. V. 9. P. 137–143.

Модель психического у детей с типичным развитием и риском расстройств аутистического спектра: результаты пилотного исследования

Е. А. Ильина

Работа посвящена изучению ранних предикторов модели психического у детей с типичным развитием 2–3 лет (42 ребенка; М = 2 года 8 месяцев; 19 девочек) и риском расстройств аутистического спектра 3–4 лет (13 детей; М = 4 года 2 месяца; 3 девочки). Для оценки модели психического использовались задачи на понимание детьми намерений по незавершенным обычным и необычным действиям, понимание различий предпочтений и понимание различий визуальной перспективы. Результаты исследования показали достоверные различия в понимании различий визуальной перспективы и предпочтений в еде между детьми с типичным развитием и детьми с риском расстройств аутистического спектра.

Ключевые слова: модель психического, ранний возраст, предикторы модели психического, расстройства аутистического спектра (РАС).

Предвосхищать, интерпретировать, понимать действия и их последствия в социальном мире, является основополагающим социально-когнитивным навыком, имеющим значение для многих аспектов жизни детей. Дефицит модели психического был обнаружен в различных атипичных популяциях, в том числе у детей с РАС (Baron-Cohen et al., 1985).

На протяжении нескольких десятилетий исследования модели психического были сосредоточены на изучении понимания невер-

ных мнений как маркера становления этой способности. Однако еще до понимания неверных мнений происходят поразительные изменения в восприятии детьми психических состояний.

Исследования с участием детей младенческого и раннего возраста демонстрируют, что уже в этом возрасте дети воспринимают людей как агентов, чьи действия являются преднамеренными. Дети около 1,5 лет дольше наблюдают за действиями исследователя, которые направлены на достижение цели, а не за случайными. В этом же возрасте они понимают различия между неспособностью агента совершить действие и его нежеланием сделать его (Behne et al., 2005) и начинают понимать различия предпочтений в еде.

Целью данной работы явилось изучение ранних предикторов модели психического у детей с типичным развитием и риском расстройств аутистического спектра.

Выборку исследования составили 42 ребенка от 1 года 11 месяцев до 3 лет 5 месяцев (M = 2 года 8 месяцев; 19 девочек) с типичным развитием и 13 детей от 3 лет 5 месяцев до 4 лет 10 месяцев (M = 4 года 2 месяца; 3 девочки) с риском РАС. Разница в возрасте обусловлена в первую очередь особенностями выборки, а также тем, что исследование продолжается, и мы надеемся, что в дальнейшем мы сможем уровнять выборки по тем или иным параметрам, включая возраст.

Для оценки риска РАС использовались: родительский опросник MCHAT и рейтинговая шкала аутизма CARS.

В качестве методического инструментария использовались: Психолого-педагогический профиль PEP-3, разработанный для детей с нарушениями развития и направленный на оценку психического развития детей от 2 до 7,5 лет. Использование данного методического инструментария обосновано необходимостью исключить влияние уровня когнитивного развития у детей на модель психического.

Для оценки модели психического в раннем возрасте отобраны задачи, позволяющие изучить развитие возможных предикторов. Задачи на понимание намерений в ситуации обычных/необычных незавершенных действий (Gardiner et al., 2011). Обычные действия включали в себя: поднимание упавшей ручки, закрывание шкафчика, закрывание крышкой пластмассовой банки, взятие тетради и выбрасывание мусора в корзину. Необычные действия: одевание диска на горизонтальный штырь, засовывание тряпичного мячика в узкое отверстие, складывание бус в колбу, которую нельзя поставить на стол, пропускание веревки через отверстие в воронке и засовывание небольшого отрезка ткани в отверстие.

Задача на понимание предпочтений в еде (Repacholi, Gopnik, 1997), направленная на оценку понимания того, что у людей могут быть разные предпочтения, направленные на один и тот же объект. На столе перед ребенком стояли 2 закуски: привлекательная, которую обычно едят маленькие дети (печенье), и относительно неаппетитный овощ (свекла). Экспериментатор изображал эмоции удовольствия (Ммм!) или отвращения (Фу!) «пробуя» еду «понарошку». Затем исследователь клал одну руку ладонью вверх точно посередине между двумя блюдцами и просил: «Дай мне».

Задача, направленная на оценку понимания визуальной перспективы первого уровня – понимание того, что человек может видеть объект, тогда и только тогда, когда его глаза направлены в сторону объекта и когда ничто не перекрывает линию взора (Flavell et al., 2000). Исследователь предлагал ребенку показать ему дно кружки, на которое была наклеена наклейка. Ребенку было необходимо таким образом продемонстрировать кружку исследователю, чтобы он мог видеть эту наклейку.

Результаты исследования показали значимые отличия показателей психического развития у детей с типичным развитием и с риском РАС. Дети с типичным развитием раннего возраста достоверно превосходили детей с риском РАС по показателям вербального/невербального интеллекта ($U = 12$, $p = 0{,}002$), коммуникативного и моторного развития ($U = 2$, $p = 0{,}000$ и $U = 0{,}5$ $p = 0{,}000$).

Результаты исследования предикторов модели психического показали, что большинство детей 2–3 летнего возраста с типичным развитием справились с задачей на понимание визуальной перспективы. В среднем 90% детей наклоняли кружку для того, чтобы показать, что изображено на дне. В то время, как только 30% детей с риском с РАС справились с данной задачей. Были выявлены достоверные различия между двумя группами детей ($U = 44$, $p = 0{,}027$).

Также было показано, что большинство детей 2–3 летнего возраста справились с задачами на понимание намерений в ситуации необычных незавершенных действий. В среднем от 80 до 85% детей понимали намерения исследователя и завершали необычное действие – надевали кольцо на горизонтально расположенный штырь, засовывали мячик или платок в специальное отверстие в деревянном ящике, просовывали веревочку сквозь отверстие в воронке. Большинство детей с риском РАС также были успешны в выполнении этих заданий: от 50 до 70% детей понимали намерение взрослого и могли завершить действие.

Понимание намерений при завершении обычных действий также было доступно большинству детей 2–3 летнего возраста с типичным развитием и детей дошкольного возраста с риском РАС. В среднем 60% детей понимали намерения исследователя и завершали обычное действие – поднимали ручку с пола, закрывали крышкой банку, брали тетрадь со стола, выбрасывали мусор. Если у детей с типичным развитием наибольшие затруднения вызвала задача, в которой ребенку необходимо было понять намерение взрослого закрыть шкаф, то у детей с риском РАС кроме этой задачи, затруднение также вызвало намерение взрослого пододвинуть к себе тетрадь на столе. Только 22% детей справились с этими заданиями. Сравнение успешности выполнения заданий на понимание намерений другого по незавершенным действиям не показало достоверных различий между детьми с типичным развитием раннего возраста и детьми с риском РАС дошкольного возраста.

Анализ понимания различий в предпочтении еды показал, что большинство детей с типичным развитием справились с данной задачей (от 60 до 70% детей понимали предпочтения исследователя). В то время, как только 25% детей с риском РАС могли дать взрослому именно ту еду, к которой он высказывал предпочтение. Были выявлены достоверные различия между двумя группами детей ($U = 75$, $p = 0{,}047$). Остальные участники не совершали никаких действий в установленное на ответ время, либо давали печенье.

Таким образом, предварительные результаты исследования показывают достоверные различия в понимании визуальной перспективы и предпочтений в еде между детьми с типичным развитием и детьми с риском расстройств аутистического спектра.

Литература

Baron-Cohen S., Leslie A. M., Frith U. Does the autistic child have a “theory of mind”? // Cognition. 1985. № 21. P. 37–46.

Behne T., Carpenter M., Call J., Tomasello M. Unwilling versus unable: Infants understanding of intentional action // Developmental Psychology. 2005. № 41. P. 328–337.

Flavell J. H. Development of children’s knowledge about the mental world // International Journal of Behavioral Development. 2000. № 1. P. 15–23.

Gardiner A. K., Greif M. L., Bjorklund D. F. Guided by intention: Preschoolers’ imitation reflects inferences of causation // Journal of Cognition and Development. 2011. № 3. P. 355–373.

Repacholi B. M., Gopnik A. Early reasoning about desires: evidence from 14- and 18-month-olds // Developmental Psychology. 1997. № 1. P. 12–21.

Различия в предпочитаемых ресурсах в группах фрилансеров с разными установками на развитие бизнеса

В. М. Касьянов

Статья посвящена изучению социальных и психологических ресурсов фрилансеров, на которые они опираются в своей деятельности. Проанализировано сходство и различие в предпочитаемых респондентами ресурсов в зависимости от их установок на развитие собственного дела. Обнаружено, что для всех участников исследования характерны вера в свои силы и высокая значимость накопленной клиентской базы как условия для занятия фрилансом. Выделены три группы фрилансеров: планирующие в перспективе заняться предпринимательством, не планирующие уход из фриланса в предпринимательство и группа неопределившихся со своими планами.

Ключевые слова: социальная психология, социально-психологические ресурсы, фрилансеры, психологическая готовность, предпринимательская деятельность.

Исследования феномена «фриланса» – свободной формы занятости, проводятся длительный период времени разными специалистами – психологами, экономистами, социологами и др. (Дробышева, Касьянов, 2022; Стребков, Шевчук, 2015; Benz, 2004; Born, Witteloostuijn, 2013; Çiğdem, 2022; и др.). Они рассматривают фрилансеров как негомогенную группу, различающуюся по социальным критериям: пол и возраст; длительность периода занятости фрилансом; специализация деятельности; семейный статус; и др. В качестве социально-психологических критериев исследователи

чаще всего ограничиваются различиями в мотивации – вынужденный или добровольный характер выбора свободной формы занятости (Çiğdem, 2022). В частности, отмечается, что фрилансеры, вынужденно обратившиеся к данной форме занятости в силу сложившихся обстоятельств, и те, которые осознанно сделали выбор, различаются ценностными установками. В процессе развития карьеры у фрилансера есть три пути – продолжать дальше практиковать свободную форму занятости, вернуться к наемному труду в организации или расширить сферу своей деятельности, стать предпринимателем. Мы предполагаем, что предоставление фрилансерам неопределившимся со стратегиями развития своей деятельности дополнительных ресурсов, способствует принятию решения о переходе в предпринимательство.

Цель исследования – выявить сходства и различия в социальных и психологических ресурсах фрилансеров с разными установками на развитие своего дела. Основная гипотеза – фрилансеры, готовые к переходу в предпринимательство будут отличаться от других по оценкам «значимости социальных связей (партнеры по бизнесу)» и «своих возможностей».

Выборка. Фрилансеры (N = 200 чел.) в возрасте от 23 до 65 лет, из них: 38,5% – мужчины, 61,5% – женщины; 72% выборки имели высшее образование; 35% выборки заняты в сфере услуг (парикмахерские, туризм, фото- и видеомонтаж и т. п.), IT-технологии – 12%, психология – 14%, производство товаров (в том числе ручного труда) – 13%, иное – 11%.

Методы исследования: 5-балльная шкала планирования фрилансерами развития деятельности в перспективе («Если вы будете продолжать работу как самозанятый, планируете ли вы в будущем расширять сферу деятельности, нанимать сотрудников, т. е. создавать или развивать свой бизнес и т. п.»); опросник «Ресурсы фрилансеров» включал утверждения, выделенные в процессе полуструктурированного интервью (разработка Т. В. Дробышевой, В. М. Касьянова), в его основе 5-балльная шкала Лайкерта. Посредством анкетирования определили социально-демографические характеристики. Различия изучали на основе критерия Краскела–Уоллиса при $p<0,05$.

Результаты исследования

В ходе исследования все респонденты были разделены на три подгруппы в зависимости от перспектив развития своей деятельности. К первой группе (44% выборки) были отнесены респонденты,

планирующие в будущем создавать собственный бизнес, нанимать сотрудников; ко второй группе (21%) – те фрилансеры, которые указали, что желают остаться в статусе фрилансера; к третьей группе (35%) – участники исследования, не определившиеся с планами.

В дальнейшем выполнили сравнительный анализ (по критерию Краскела–Уоллиса при $p<0,05$) по степени значимости ресурсов для всех трех групп. Выявили различия по оценкам следующих ресурсов: «знания и опыт коллег, которые уже достигли каких-то результатов» ($\chi^2=12,533$, $p=0,002$); «поддержка государства» (т. е. условия для развития бизнеса в стране) ($\chi^2=11,147$, $p=0,004$); социальные связи (партнеры по бизнесу) ($\chi^2=10,748$, $p=0,005$); «вера в себя, свою интуицию, свои знания» ($\chi^2=9,037$, $p=0,011$); «наработанная клиентская база» ($\chi^2=7,527$, $p=0,023$). Последующий частотный анализ показал, что фрилансеры с намерением заняться предпринимательством (далее – группа 1), оценивая планируемые риски, в большей степени «надеются на себя, свою интуицию, свои знания» (83% этой группы), «наработанную клиентскую базу» (72%) «социальные связи» (66%) и в меньшей степени – «на финансовую и моральную поддержку близких людей (родственников и друзей)» (42%). Опыт коллег в развитии бизнеса, вера в поддержку государства и накопленный финансовый капитал воспринимались как ресурсы только половиной участников исследования из этой группы.

Во второй группе участников исследования (они планируют остаться в статусе фрилансера) так же наиболее выражена значимость «веры в себя, свою интуицию, свои знания» (73%) и «наработанная клиентская база» (50%). Однако, в отличие от коллег из первой группы, данные респонденты больше ценили «накопленный финансовый капитал» (50%), чем «социальные связи» (43%). В своей деятельности они чуть более высоко оценивали «финансовую и моральную поддержку близких людей» (43%). В случае каких-либо сложных ситуаций, наоборот, менее всего рассчитывают на «знания и опыт коллег, которые уже достигли каких-то результатов» (27%) или «поддержку государства» (31%).

Фрилансеры, неопределившиеся со своим выбором (группа 3), указали, что в качестве значимых ресурсов в развитии своей деятельности они также в первую очередь «опираются на себя, свою интуицию, свои знания» (73%) и «наработанную клиентскую базу» (57%) и только потом оценивают «накопленный финансовый капитал» (50%) и «социальные связи» (50%).

Обнаруженное нами сходство в иерархии предпочитаемых ресурсов в трех группах респондентов свидетельствует о том, что данная позиция – их характерная особенность. По всей видимости, для тех работников, которые выбирают свободную форму занятости, более всего важно верить в свои силы и осознавать важность клиентской базы, которая является неким условием их существования в бизнесе. Это в свою очередь подтверждается и малой значимостью финансовой и моральной поддержки близких людей (родственников, друзей) во всех трех группах респондентов.

Свободная форма занятости формирует привычку полагаться полностью на себя и свои силы. Вместе с тем респонденты из первой группы в большей степени, чем другие осознают значимость таких внешних ресурсов для развития своего дела как партнерские связи, что указывает на их осознанную направленность к переходу в предпринимательство. Представители второй группы, с одной стороны, проявили солидарность с остальными участниками исследования в выборе таких ресурсов как вера в себя и наработанная клиентская база. С другой стороны, более высокая значимость для них, по сравнению с другими наличия финансового капитала свидетельствует о том, что при его устойчивом росте возможно кто-то задумается и о развитии бизнеса, собственном деле, во всяком случае утвердится в намерении продолжать работать на самого себя. Сходство в первой и третьей группах оценок значимости социальных связей, их вера в поддержку государством предпринимательства косвенно свидетельствует о том, что часть респондентов из категории сомневающихся может в перспективе перейти в категорию готовых к занятию предпринимательской деятельностью.

Результаты выполненного исследования могут послужить основанием для создания программы поддержки текущей деятельности фрилансеров и их выбора в пользу предпринимательства на государственном уровне.

Литература

Дробышева Т. В., Касьянов В. М. Экономическая социализация фрилансеров в новых геополитических условиях // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской академии наук. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 50-летию создания Института психологии РАН / Отв. ред.: Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенкова, А. В. Юревич, И. И. Ветрова. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 325–327.

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 1. С. 72–100.

Benz M. Entrepreneurship as a non-profit-seeking activity // International Entrepreneurship and Management Journal. 2004. V. 5. P. 23–44.

Çiğdem S. Motivation of Freelance Employees in the Gig Economy in Turkey // Ege Akademik Bakis (Ege Academic Review). 2022. V. 4. № 4. P. 502–520.

Van den Born A., Van Witteloostuijn A. Drivers of freelance career success // Journal of Organizational Behavior. 2013. V. 34. № 1. P. 24–46.

Дефицитарная духовность как фактор, способствующий депрессивной симптоматике

М. И. Кирилюк, А. В. Немцев

Духовность в науке часто рассматривается в качестве дихотомии «духовность–бездуховность», что существенно ограничивает в исследовании негативной стороны данного феномена. Для обозначения духовности, которая перестала служить человеку ориентиром в поиске истины, перестала являться его потребностью жить и действовать во имя других, авторы предлагают использовать термин «дефицитарная духовность», который означает не отсутствие духовности у человека в целом, но ее дефицит – недостаток именно той части, которую можно назвать здоровой и полноценной. Предлагается программа исследования связи дефицитарной духовности с депрессивной симптоматикой.

Ключевые слова: духовность, ценности, смыслы, депрессия, феноменология, качественные исследования, феноменологическое интервью.

Современные исследователи отмечают важность установления состояния такого понятия как духовность ввиду интенсивного формирования постсекулярной культуры (Хвастунова, 2023). При этом проблема духовности является актуальной не только в философии, но и в психологии. Среди тех, кто занимается осмыслением данного феномена, присутствуют как философы, так и психологи, врачи, педагоги и социологи.

Единого определения духовности в психологии на данный момент не существует. Например, основатель потребностно-информационного подхода, академик П. В. Симонов определяет духовность как выраженность в структуре личности двух фундаментальных потребностей: индивидуальной потребности познания и социальной потребности жить и действовать для других (Немцев, 2023; Симонов и др., 2016).

Духовность, по мнению О. С. Никабадзе, представляет собой интегративное свойство человека, которое является невидимой стороной личности, сопряженной с постоянной глубинной работой над собой, направленной на обретение иных смыслов жизни. Духовность определяет меру гуманного в личности, ориентирует на изучение самого себя во всей полноте измерений человеческой реальности. При этом все, что отдаляет человека от внутреннего постижения, поиска смысла, приводит к искажению личностных свойств и форме ложного мировоззрения, что О. С. Никабадзе называет бездуховностью (Никабадзе, 2017).

Здесь же стоит отметить, что само понятие бездуховности в психологической науке является достаточно размытым. В целом под бездуховностью подразумевается потеря морально-нравственных ориентиров, стремление к алчности и эгоизму, утрата ответственности перед обществом.

Духовность, по нашему мнению, есть у любого человека, вне зависимости от того каковы ее состав и структура, и духовности может не быть только если нет самого человека. Данную позицию разделяют многие современные исследователи.

Так, например, А. М. Багаутдинов считает, что человека без духа и души быть не может. Бездуховность по его мнению отражает лишь низкий уровень духовности и не более. Как и А. М. Багаутдинов, мы считаем, что рассмотрение духовности в качестве дихотомии «духовность—бездуховность» существенно ограничивает в исследовании негативной стороны данного феномена (Багаутдинов, 2015).

Ю. В. Хвастунова дополняет позицию, изложенную выше, и по-своему делит духовность на оптимистическую, понимаемую как полет духа, и пессимистическую, сближающуюся по содержанию с нищетой духа (Хвастунова, 2023).

Духовность, будучи динамической сущностью, обязана иметь свой уровень развития и как всякое развитие оно может пойти совсем не в нужную сторону, т. е. может быть либо здоровым, либо патологическим.

Вместо использования термина «бездуховность» мы предлагаем говорить о дефицитарной духовности, т. е. речь идет все о той же духовности, но которая перестала служить человеку ориентиром в поиске истины, перестала быть его потребностью жить и действовать во имя других. Дефицитарная духовность есть та духовность, которая перестала быть, условно говоря, нормальной. С данной точки зрения, бездуховность не есть отсутствие всякой духовности, но ее недостаток. Недостаток именно той части, которую можно назвать здоровой, полноценной и как следствие приводящий к духовной дисфункциональности. Преимущество данной позиции заключается в том, что она позволяет говорить о возможностях коррекции, восстановлении (в случаях утраты) и развитии (в случаях стагнации) основных функций духовности.

Дефицитарной можно назвать такую духовность, которая обременяет жизнь человека, приносит страдания, делает его несчастным. Практика психологического консультирования подтверждает возможность такой гипотезы. Например, человек (м., 22 года), обратившийся к нам с проблемами в сфере коммуникации, самооценки, личной жизни, в ходе интервью говорит о своем опыте духовного поиска. Этот поиск привел его к тому, что он стал себя считать лучше других, более правильным, искренним, а других людей – полными неискренности, фальши. Духовность такого рода, проявляемая в отношении к окружающим, затрагивает и деятельность с другими людьми, и мысли, и чувства по отношению к ним. При этом для нашего клиента были характерны обособление, отгороженность и, в конечном счете, переживание одиночества. С исследовательской и практической точек зрения было бы полезным установить взаимосвязь двух составляющих внутреннего мира клиента: дефицитарной духовности и негативных переживаний (обособленности, одиночества, субдепрессивной симптоматики). Также мы можем выяснить как дисфункциональные мысли, порожденные дефицитарной духовностью, связаны с депрессивными состояниями и суицидоподобными настроениями.

Дефицитарная духовность, обрекающая человека на страдания, сама по себе является интересным феноменом, например, с точки зрения наличия «выгоды» для человека: есть ли какая-то польза человеку от дефицитарной духовности? Является ли она результатом свободного выбора человека или чем-то вынужденным?

На наш взгляд, ввиду сложности определения духовности в психологии, недостаточной разработанности понятия «дефицитарная духовность», наиболее адекватным подходом к ее изучению явля-

ется качественный подход. С его помощью мы планируем выявить аспекты феномена «дефицитарной духовности», а также взаимосвязь дефицитарной духовности и депрессивной симптоматики.

Цель исследования – выявить содержательную связь между дефицитарной духовностью и депрессивной симптоматикой.

Гипотезы исследования:

1. Дефицитарная духовность представляет собой такую духовность, которая обременяет жизнь человека, приносит страдания, делает его несчастным.
2. Дефицитарная духовность содержательно связана с депрессивной симптоматикой.

Выборку исследования составят взрослые люди обоих полов с симптомами депрессии.

Методы исследования: полуструктурированное исследовательское интервью, Шкала депрессии Бека в адаптации Н. В. Тарабриной (2001). Методы анализа полученных данных: феноменологический анализ, герменевтический анализ.

Литература

Багаутдинов А. М. Негативная духовность: сущность и проявление // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 10. С. 162–166.

Немцев А. В. Взаимосвязь религиозности и депрессии в свете современной психологии // Депрессии: задачи психиатра, психолога и священнослужителя. Материалы международной конференции, 15–16 декабря 2022 года: Сборник докладов / Отв. ред. Г. И. Копейко, О. А. Борисова. М.: ФГБНУ НЦПЗ–Скифия-принт, 2023. С. 105–110.

Никабадзе О. С. Духовность и нравственность в формировании личностных образований человека // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 1. «Психологические и педагогические науки». 2017. № 2 (2). С. 40–46.

Симонов П. В., Ершов П. М., Вяземский Ю. П. Происхождение духовности. М.: Наука, 1989.

Хвастунова Ю. В. Понятие «духовность» в российской психологической науке в период становления постсекулярной культуры // Общество: философия, история, культура. 2023. № 3 (107). С. 111–115.

Индивидуальные стратегии движения глаз при восприятии экспрессий лица*

С. Б. Клумова, Г. Я. Меньшикова

Исследование направлено на изучение стратегий движения глаз при распознавании лицевых экспрессии и их индивидуальную выраженность. Были выбраны счастливые, гневные и нейтральные лица. Используя метод последовательности первых трех фиксаций по зонам лица, были выявлены 24 стратегии движения глаз и подсчитана частота их использования в процессе распознавания экспрессии. Наиболее «популярной» стратегией является трехкратное перемещение фиксаций по зоне глаз, зона рта практически не рассматривается в первых двух фиксациях. Также был отмечен стабильный критерий, связанный с первой зоной фиксации – данный показатель сохраняется независимо от экспрессии у отдельного испытуемого. Также было выявлено, что социальная тревожность может влиять на выбор стратегии движения глаз.

Ключевые слова: айтрекинг, фациопсихология, опознание экспрессий, стратегии движения глаз, фиксации.

Традиционно данные о восприятии лица и лицевой экспрессии анализировались в рамках изучения длительности фиксаций, распределенных по разным зонам лица.

Предполагалось, что при фиксации какой-либо черты воспринимается только небольшая зона вокруг этой черты. Для того, что-

* Исследование поддержано грантом РНФ № 19-18-00474.

бы оценить целостную экспрессию, необходимо перевести взор на другие зоны лица. Предполагалось, что распределение длительности фиксаций по зонам лица может продемонстрировать значимость каждой зоны для процесса распознавания лицевой экспрессии. Возникает вопрос, насколько важна последовательность перемещения этих фиксаций (sequential pattern of eye movements) при опознании экспрессии? Можно предположить, что она может играть не менее значимую роль и отражает когнитивную стратегию, позволяющую эффективно опознавать лицевую экспрессию. Работ, посвященных этому вопросу не много. Вопросы, которые возникают при изучении стратегий движения глаз при восприятии лица, связаны с проблемой того, насколько многочисленны эти стратегии, а также насколько они индивидуальны. Некоторые данные показали, что личностные характеристики могут оказывать влияние на восприятие лицевых экспрессий. Например, социально тревожные испытуемые могут демонстрировать особые стратегии, приводящие к уменьшению контакта глаза в глаза.

Целью данного исследования является выявление возможных индивидуальных стратегий движений глаз в процессе распознавания экспрессий лица.

Нами были сформулированы следующие гипотезы:

– Испытуемые могут использовать множество различных стратегий движений глаз для распознавания выражений лица.
– Данные стратегии индивидуальны по своей природе: одни испытуемые могут использовать несколько стабильных стратегий, другие – использовать стратегии более гибко, в зависимости от экспрессии.
– Данные стратегии зависят от уровня социальной тревожности.

Выборку составили 90 испытуемых – студентов факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова, с нормальным или скорректированным зрением.

Исследование было проведено в лаборатории «Восприятие» факультета МГУ, с помощью айтрекинговой системы SMI iViewXTM RED 500, с частотой 120 Гц.

Метод: Фотографии 6 лиц (3 ж, 3 м), выражающих 6 базовых эмоций и нейтральное выражение, взятые из польской базы данных WSEFEP, предъявлялись по 2000 мс каждая после фиксационного креста, представленного с левой или правой стороны. После каждого изображения предлагалось выбрать предъявленную экспрессию из списка семи вариантов ответа. Далее испытуемые за-

полняли опросник ОСТиСФ (Салагакова, Труевцев, 2012) (опросник социальной тревоги и социофобии).

Для анализа были выбраны счастливые, гневные и нейтральные лица. Были выделены зоны интереса – верх (top) (глаза), середина (mid) (нос) и низ (bottom) (рот). В качестве стратегии движения глаз в нашей работе понималась последовательность первых трех фиксаций – маршрут по трем выделенным зонам.

Данные маршруты были проанализированы для всей выборки по трем экспрессиям, всего проанализировано 1620 последовательностей. Выявлено 24 стратегии и подсчитана частота использования каждой стратегии (в %). Каждая стратегия обозначена тремя буквами, по зонам интереса. Пример: «mtm» (mid–top–mid, или нос–глаз–нос). U-критерий Манна–Уитни использовался для сравнения различий в стратегиях движения глаз между двумя группами испытуемых с низким и высоким уровнем социальной тревожности. Данные были обработаны в программах SPSS Statistics и BeGaze.

Результаты показали широкий разброс используемых стратегий среди испытуемых. Наиболее «популярной» стратегией оказалась «ttt», то есть трехкратное перемещение фиксаций по зоне глаз. Данная стратегия встречалась чаще всего для всех трех экспрессий. Также широко распространенными оказались стратегии ttm и ttb. Стратегий, начинающихся с зоны рта, практически не оказалось при анализе – они составили менее 5% случаев. Таким образом, можно утверждать, что наиболее важной зоной при распознавании экспрессии (которая распознается в первые 2–3 фиксации) является зона глаз. Если рассматривать индивидуальную выраженность стратегий, был отмечен стабильный критерий – первая зона фиксации, которая не меняется в зависимости от экспрессии. Критерий Фридмана не выявил значимых различий по первой зоне фиксации для трех экспрессий по выборке ($X = 4,5$, $p = 0,10$). Таким образом, люди, предпочитающие смотреть на зону глаз для нейтрального лица, также будут смотреть в эту зону первым делом при опознании других экспрессий. Таким образом была выделена группа людей, начинающих осмотр с зоны глаз, и группа людей, начинающих осмотр с зоны носа. При сравнении групп высокой и низкой социальной тревожности и социофобии (были взяты квартили по распределению баллов за опросник) было выявлено, что люди с высокой социальной тревожностью чаще смотрят на зону глаз в первую очередь. U-критерий Манна–Уитни выявил значимые различия между группами ($U = 29$, $p = 0,031$) – социально-тревожные испытуемые значимо чаще смотрели на зону глаз.

Таким образом, были выявлены разные стратегии движений глаз при распознавании экспрессий лица. Некоторые стратегии использовались одинаково часто независимо от экспрессии (mtt, ttb), другие – с разной частотой в зависимости от экспрессии (ttt, mmt).

Было показано, что субъекты с высоким уровнем социальной тревожности склонны направлять внимания к зоне глаз при первой фиксации.

Около 30% выборки (29 человек) использует одну и ту же стратегию независимо от типа экспрессии (радость, гнев или нейтральное выражение) (в более 80% случаев), остальная часть выборки пользуется различными стратегиями – критерии выделения и описания индивидуальных стратегий движения глаз остаются важным вопросом.

Литература

Барабанщиков В. А. Динамика взора человека в процессе восприятия выражений лица // Лицо человека в науке, искусстве и практике / Отв. ред. К. И. Ананьева, В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2015. С. 331–370.

Beck A. T., Clark D. A. An information processing model of anxiety: Automatic and strategic processes // Behavior Research and Therapy. 1997. V. 35. № 1. P. 49–58.

Ekman P. et al. Basic emotions // Handbook of Cognition and Emotion. 1999. V. 98. № 45–60. P. 16.

Walker-Smith G. J., Gale A. G., Findlay J. M. Eye movement strategies involved in face perception // Perception. 2013. V. 42. № 11. P. 1120–1133.

Как личностные черты определяют наличие имплицитных стереотипов

А. В. Ключенко, А. Д. Кубанцева, К. В. Франзен, К. И. Ананьева

Представлены результаты эмпирического исследования имплицитных стереотипов важности внешней привлекательности у молодежи. Показано, что для большинства молодых людей внешняя привлекательности имеет важное значение. Выявлена связь имплицитных стереотипов с высоким самоконтролем и мечтательностью.

Ключевые слова: имплицитный стереотип, черты личности, установки, самовосприятие, восприятие внешности.

Чтобы показать, как люди сочетают различные личностные черты в формировании впечатлений о человеке, С. Аш в 1940-х годах создал теорию центральных черт личности. По мнению Аша, центральные черты – это характеристики человека, способные полностью предопределить впечатление о нем.

Эту теорию подтвердил Х. Келли. Келли пришел к выводу, что характеристики, относящиеся к центральным чертам, способны повлиять на формирование целостного впечатления о человеке еще до реального знакомства с ним, и это впечатление настолько сильное, что очное знакомство и реальное взаимодействие были не в состоянии изменить сложившееся впечатление (Александрова, 2012).

Дальнейшие исследования этой проблемы показали, что с центральными чертами дело обстоит несколько сложнее. Выяснилось, что люди придают решающее значение характеристикам челове-

ка в зависимости от рода социальных взаимодействий, которые их связывают (там же).

Можно сделать вывод, что центральных черт характера, как их понимал Аш, не существует. Как полагает Розенберг, правильнее говорить о наборе личностных черт, которые предопределяют, какое впечатление сложится о человеке (Кон, 1968).

Исследования, изучающие установки, чаще всего используют тесты-самоотчеты, но они могут предоставить данные лишь об эксплицитных (осознаваемых) стереотипах (Шляхтин, Давыдов, 2006). При этом установки могут иметь и имплицитный характер, то есть влиять на социальное поведение подсознательно, что невозможно зафиксировать ответами на прямые вопросы. Существуют лишь отдельные исследования, в которых была сделана попытка рассмотреть имплицитные установки, что показывает актуальность выполненной нами работы.

Цель исследования: выяснить, какие личностные черты связаны с проявлением предпочтений людей с привлекательной внешностью.

Гипотеза заключается в предположении о том, что у исследуемой выборки, для которой будут зафиксированы имплицитные установки по отношению к людям с привлекательной внешностью, будут более выражены определенные личностные черты.

Методики

На первом этапе на фокус-группе, включавшей 61 человека (59 женщин и 2 мужчин), проводился отбор визуального стимульного материала: фотоизображений внешне привлекательных/непривлекательных лиц мужчин и женщин. Отбор проводился из открытых баз фотоизображений*. По итогу были отобраны по 6 фотоизображений «красивых» и «некрасивых» лиц мужчин и женщин.

Вербальный стимульный материал был отобран экспертной группой из лингвистической базы данных (Колбенева, Александров, 2010). В категорию слов с позитивной коннотацией вошли слова: нежный, радостный, цветущий, смелость, счастье, дружба, мир, успех, довольный; в категорию слов с негативной коннотацией: гнилой, отвратительный, эгоизм, горе, война, предательство, болезнь, смерть, злой.

Для изучения имплицитных установок по отношению к внешне привлекательным людям использовалась модификация мето-

* URL: https://github.com/jcpeterson/omi/tree/main/images.

дики «Имплицитный ассоциативный тест» Э. Гринвальда (далее, ИАТ). ИАТ используется для установления наличия/отсутствия индивидуальных ассоциативных связей между различными понятиями. Выводы по данному тесту строятся на основе анализа скорости ассоциативных реакций.

Для реализации компьютерного исследования была использована программа, разработанная в среде Python v. 3.8 на базе пакета расширений PsychoPy 2020.1 (разработчик И. А. Басюл), позволяющая предъявлять испытуемому зрительные и вербальные стимулы и определять время реакции на каждую пробу.

Результат теста ИАТ предполагает определение средней скорости реакции при разных комбинациях категорий. Опознание слов происходит легче и быстрее, если опорные понятия в системе представлений человека связаны между собой.

На втором этапе исследования испытуемым предлагалось заполнить гугл-форму с 16-факторным опросником личности Р. Кеттелла (Рукавишникова, Соколова, 1995).

Характеристика выборки

В исследовании приняли участие 38 студентов НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» в возрасте от 17 до 45 лет (35 женщин и 3 мужчин). Исследование проводилось в Лаборатории психодиагностики и развития персонала МИП.

Математические методы

Статистические вычисления по полученным эмпирическим данным выполнялись в программе IBM Statistics SPSS v. 22.0. Для анализа использованы методы непараметрической статистики (поскольку по критерию Колмогорова–Смирнова полученное распределение статистически значимо ($p = 0{,}034$) отличалось от нормального) – U-критерий Манна–Уитни.

Результаты исследования и их интерпретация

На первом этапе анализа данных определялись респонденты, у которых были зафиксированы имплицитные предпочтения привлекательных людей. Отбор проводился в соответствии с тем, как человек производил комбинацию категорий: привлекательных и непривлекательных изображений и вербальных стимулов, имеющих позитивную или негативную коннотацию. Испытуемые, для которых были обнаружены статистически значимые различия во времени реакции в условиях, когда на одну и туже клавишу надо было

нажимать при предъявлении привлекательного лица и позитивного слова (либо не привлекательного лица и негативного слова) и в условиях, когда на одной клавише располагались стимулы разной коннотации, определялись как имплицитно предпочитающие привлекательных людей.

По результатам этого этапа анализа выборка разделилась на две группы: с наличием имплицитных стереотипов (78% выборки) и без них (22% выборки). Таким образом можно заключить, что для большинства молодых людей привлекательная внешность имеет важное значение, даже если они открыто об этом не заявляют.

На следующем этапе анализа проводился поиск различий по выделенным контрастным группам наличия или отсутствия связи имплицитного стереотипа с чертами личности по опроснику Кеттела (U-критерий Манна–Уитни). Статистически значимые различия на уровне тенденции были зафиксированы только для фактора M: «практичность–мечтательность» ($p = 0{,}040$) и фактора Q3: «низкий самоконтроль–высокий самоконтроль» ($p = 0{,}013$). По другим факторам статистически значимых различий обнаружено не было.

Выводы

Так как размер выборки небольшой, нельзя сделать однозначного вывода, что наличие этих личностных характеристик будет определять наличие имплицитного стереотипа при восприятии внешности, однако можно говорить о некоторой тенденции. Респонденты, придающие важное значение внешности, обладают богатым воображением, поглощены собственными идеями, умеют оперировать абстрактными понятиями, мечтательны. Также они обладают целенаправленностью, что помогает контролировать эмоции и поведение; они учитывают общественные убеждения.

Проведенное исследование позволило зафиксировать наличие большего процента респондентов со стереотипом, что также отражает важность внешней привлекательности для современной молодежи: большинство испытуемых продемонстрировали имплицитное предпочтение «красивых» лиц мужчин и женщин, и ассоциацию этих изображений со словами позитивной коннотации. В целом имплицитные стереотипы характерны для людей, с вниманием и одобрением относящихся к собственной внешности.

Литература

Александрова Н. Л., Фёдорова В. В. Имплицитные теории личности: представления подростков о взрослости / Под ред. М. И. Воло-

викова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 161–180.
Бодалев А. А. Личность и общение // Избранные психологические труды / Под ред. В. Н. Калинина. М.: Изд. Международной педагогической академии, 1995. С. 10–328.
Капрара Дж. Имплицитное познание // Психология личности / Под ред. В. М. Белоусова. СПб.: Мастера психологии. 2015. С. 6–288
Мохова С. Б. Психологические исследования имплицитных знаний // Психологическая наука и образование. 2004. Т. 9. № 4. С. 28–34.
Epstein S. The self-concept revisited // American Psychologist. 1973. V. 28. № 5. P. 404–416.

Исследование феномена FoMO в связи с особенностями самооценки и зависимостью от смартфона у студенческой молодежи

М. А. Кобер

В статье описываются результаты проведенного пилотного эмпирического исследования взаимосвязи страха упущенных возможностей, зависимости от смартфонов, сензитивности к внешней оценке и самооценки на выборке, состоящей из 33 студентов российских вузов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что страх негативной оценки и зависимость от смартфона могут выступать в качестве возможных факторов проявления FoMO, как состояния, а FoMO, как черта демонстрирует значимую связь со страхом негативной оценки.

Ключевые слова: студенты, FoMO, самооценка, зависимость от смартфонов, внешняя оценка.

FoMO – Fear of missing out (в пер. с англ. «страх упущенных возможностей») является относительно новым феноменом в психологическом сообществе. FoMO в психологическом контексте характеризует чувство тревоги, которое люди испытывают, когда думают, что упускают какой-либо социально значимый опыт, который в этой время приобретают другие. Из-за цифровизации и распространения социальных сетей наши современники обладают большими возможностями, чем ранее, получать информацию и быть осведомленными о событиях, происходящих в разных местах, – именно это связывают с усиленным распространением феномена FoMO.

Интерес к феномену в рамках данного исследования обусловлен желанием изучить его предикторы в российской действительности. В данном исследовании «страх упущенных возможностей» рассматривается во взаимосвязи с тремя психологическими конструктами: самооценкой, сензитивностью к внешней оценке и зависимостью от смартфонов. Выбор именно этих психологических конструктов был сделан на основе аналитического обзора уже существующих исследований FoMO. В исследованиях была эмпирически доказана связь между зависимостями от мобильных устройств и проявлениями FoMO (Elhai et al., 2018; Stead, Bibby, 2017). Также учеными была выявлена связь такого психологического конструкта, как социальное сравнение со склонностью к FoMO (Gupta, Sharma, 2021). Более того, взаимозависимая самоинтерпретация, которая во многом опирается на внешнюю оценку, также оказалась связанной со «страхом упущенных возможностей» (Dogan, 2019). Низкая самооценка связана с более интенсивным использованием Интернета и склонностью к интернет-зависимостям (Servidio et al., 2018), в том числе и зависимостям от мобильных устройств, которые являются предикторами FoMO по результатам уже проведенных исследований. Поэтому представилось важным рассмотреть и аспект самооценки в контексте взаимосвязи с FoMO.

Целью исследования является изучение характера взаимосвязи феномена FoMO с зависимостью от смартфонов, сензитивностью к внешней оценке и самооценкой у современных студентов.

Была выдвинута следующая гипотеза – люди с выраженными проявлениями FoMO более зависимы от внешней оценки, склонны к зависимости от смартфонов, а их самооценка более низкая, чем у людей с низкими проявлениями FoMO.

Выборка исследования состояла из 33 российских студентов (количество респондентов женского пола – 26 человек, мужского пола – 7 человек), обучающихся в Томском государственном университете, средний возраст 20,2 года. В данном исследовании в качестве выборки выступали студенты, поскольку именно в этой социальной группе по результатам ранее выполненных исследований наиболее выражены признаки FoMO.

Для достижения поставленной цели исследования были использованы тесты: «Опросник упущенных возможностей» (E. Wegmann, U. Oberst, B. Stodt, M. Branda); «Шкала страха негативной оценки» (D. Watson, R. Friend), авторы адаптации – И. В. Григорьева, С. Н. Ениколопов; шкала «Ценность Я» из опросника базисных

убеждений (Р. Янофф-Бульман), автор адаптации – О. Кравцова; «Шкала зависимости от смартфонов» (В. П. Шейнов).

Для статистической обработки данных, полученных в ходе исследования, использовалась программа SPSS Statistics v. 22, на основе которой рассчитывались различия между группами с помощью U-критерия Манна–Уитни.

«Опросник страха упущенных возможностей», используемый для диагностики, предполагает разделение феномена на FoMO-черту и FoMO-состояние. Когда о FoMO говорят, как о черте, то в его структуре выделяют признаки, которые имеют относительную стабильность во времени и независимость от ситуационных факторов. FoMO как состояние предполагает описание тех компонентов, которые имеют возможность к проявлению в зависимости от конкретных ситуаций.

В результате обработки были выделены полярные подгруппы испытуемых по показателям FoMO-черта и FoMO-состояние. Сравнение этих групп показало, что люди, которые отмечают слабую выраженность FoMO-состояния обладают меньшим страхом негативной оценки (M = 25,18), напротив, люди с выраженным FoMO-состоянием более зависимы от внешней оценки (M = 44,27); значимость различий – $p<0,001$. Это может свидетельствовать о возможном влиянии страха негативной оценки от других людей на формирование FoMO-состояния.

Также люди, демонстрирующие меньшую выраженность FoMO-состояний, менее зависимы от смартфона – соответствующий показатель у них равен M = 17,91, в отличие от данного показателя у респондентов, которые испытывают FoMO-состояния в большей степени M = 26,64 (значимость различий – $p = 0,030$). Это говорит о том, что частое использование смартфона может быть предиктором развития FoMO-состояния.

В группах с низкими и высокими проявлениями показателя «FoMO как черта» статистически значимые различия наблюдаются для показателя «Страх негативной оценки». Значение этого показателя в первой группе, члены которой демонстрируют низкие уровни FoMO как черты, равно M = 26,27, а во второй группе этот показатель – M = 40,18 (значимость различий – $p<0,05$). Полученные результаты могут быть связаны с тем, что страх негативной оценки влияет и на возникновение FoMO как черты.

Анализ данных по показателям «FoMO как состояние» и «FoMO как черта» демонстрирует возможное влияние страха негативной оценки на возникновение феномена «страха упущенных воз-

можностей», проявляющегося и как состояние, и как черта. Следовательно, вероятно, что люди с более высокой сензитивностью к внешней оценке будут испытывать FoMO в большей степени. Также была выявлена взаимосвязь FoMO-состояний и зависимости от смартфонов. Так, чем более человек зависим от смартфона, тем выше у него уровень проявления FoMO-состояния.

Итак, в ходе пилотного эмпирического исследования было выявлено 2 предиктора феномена «страха упущенных возможностей»: сензитивность к внешней оценке и зависимость от смартфонов. При этом не было выявлено статистически значимой взаимосвязи уровня самооценки и степени испытываемого FoMO у респондентов.

Такие результаты могут объясняться тем, что самооценка большинства респондентов является средней. Поскольку использованная нами шкала «Ценность Я» является достаточно короткой, возможно она не позволяет выявить существенные различия в самооценках респондентов, поэтому однозначно говорить об отсутствии взаимосвязи самооценки и FoMO пока не представляется возможным. Особенности изучения этой взаимосвязи нуждаются в дальнейших исследованиях.

Результаты проведенного исследования демонстрируют существование феномена FoMO у российских студентов и могут выступить в качестве основы для более разностороннего и подробного изучения данного явления в дальнейшем.

Литература

Dogan V. Why do people experience the fear of missing out (FoMO)? Exposing the link between the self and the FoMO through self-construal // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2019. V. 50. P. 524–538.

Elhai J. D., Levine J. C., Alghraibeh A. M., Alafnan A. A., Aldraiweesh A. A., Hall B. J. Fear of missing out: Testing relationships with negative affectivity, online social engagement and problematic smartphone use // Computers in Human Behavior. 2018. V. 89. P. 289–298.

Gupta M., Sharma A. Fear of missing out: A brief overview of origin, theoretical underpinnings and relationship with mental health // World J. Clin. Cases. 2021. V. 9 (19). P. 4881–4889.

Servidio R., Gentile A., Boca S. The mediational role of coping strategies in the relationship between self-esteem and risk of Internet addiction // Europe's Journal of Psychology. 2018. V. 14 (1). P. 176–187.

Stead H., Bibby P. A. Personality, fear of missing out and problematic Internet use and their relationship to subjective well-being // Computers in Human Behavior. 2017. V. 76. P. 534–540.

Паттерны частот суммарной активности мозга при большем или меньшем рассогласовании имеющегося опыта при научении*

Е. А. Кокушева, О. Е. Сварник

Анализ суммарной активности мозга испытуемых часто проводится в процессе выполнения уже выученного поведения, а исследования закономерностей, присущих самому процессу научения, крайне немногочисленны. В данной работе мы проводили анализ мощности спектра ЭЭГ и стратегий поведения при формировании навыка поиска логических закономерностей в компьютерной игре типа квест. Было обнаружено, что меньшая реорганизация имеющегося опыта (меньшая степень рассогласования при научении) может отражаться в большей мощности диапазона низких частот. Полученные феномены могут объясняться на основе представления об имеющемся опыте как совокупности систем разного возраста, актуализируемых при научении.

Ключевые слова: ЭЭГ, научение, компьютерная игра типа квест, мозг, успешность научения.

Введение

Анализ суммарной активности мозга часто проводится в процессе выполнения уже выученного поведения, а исследования закономерностей, присущих самому процессу научения, крайне немногочис-

* Исследование поддержано проектом РНФ № 22-18-00435, Институт психологии РАН.

ленны. При этом известно, что и показатели научения, и частотные характеристики ЭЭГ довольно сильно варьируют от человека к человеку. Какие особенности мозговой активности связаны с быстрым научением в настоящее время остается недостаточно исследованным. Однако можно предположить, что скорость обучения может зависеть от уровня временной дедифференциации актуализированного индивидуального опыта в ситуации рассогласования (Александров и др., 2017), а уровень дифференциации может быть оценен по наличию выраженности низкочастотного спектра ЭЭГ (Греченко и др., 2015). При этом необходимо отметить, что связь между различными частотными диапазонами и теми или иными аспектами поведения остается многозначной (Knyazev, 2012).

Методика

В данной работе мы проводили регистрацию поведения и суммарной мозговой активности (ЭЭГ) у испытуемых (n = 10, студенты московских вузов) в процессе поиска логических закономерностей решения задачи в компьютерной игре типа квест.

Задача испытуемых заключалась в обнаружении возможности поместить машинку в гараж, однако гараж оказывался открытым только при выполнении правильных действий в ответ на сигналы трех последовательных светофоров. Чтобы гараж открылся при приближении машинки, испытуемым предварительно было необходимо принять правильное решение относительно каждого из трех светофоров (например, проехать/остановиться на зеленый/красный сигнал первого светофора или проехать слева или справа в зависимости от появления квадрата или треугольника на светофоре номер два). Испытуемым давалась инструкция обнаружить последовательность действий для открытия гаража. На каждый этап научения (три этапа – три светофора) отводилось по 20 минут.

Регистрация проводилась с помощью хлорсеребряных электродов по международной системе 10–20. В качестве индифферентного электрода выступают объединенные электроды, расположенные на сосцевидных отростках. Контактное сопротивление в пределах 10 кОм. Частота дискретизации для ЭЭГ и ЭОГ – 250 Гц. Верхняя граница полосы пропускания регистрирующей системы – 70 Гц, нижняя – 0,1 Гц. Частота работы режекторного фильтра – 50 Гц.

Проведен анализ поведения, целью которого было выявление закономерностей обучения и обнаружение схожих сценариев. Для анализа поведенческие акты кодировались числами, что дало возможность представить их в виде n-мерных векторов, кото-

рые уже можно было сравнить, используя математические методы, а именно, косинусное сходство векторов (оценка угла между векторами). Также оценивалась успешность последовательности поведенческих актов по тому, привела используемая испытуемым траектория к открытому гаражу или нет.

Для оценки спектральной мощности использовалась временная эпоха длительностью 1 с перед тем, как испытуемый выполнял действие на светофоре, что, предположительно соответствует принятию решения. В настоящую работу вошло только сопоставление результатов для первого и второго светофоров.

Результаты

Анализ поведения позволил разделить испытуемых на группы в зависимости от степени освоения каждого этапа задачи и всей задачи целиком: научившиеся к концу этапа (эксперимента), находившиеся в поиске решения до конца этапа (эксперимента) и сразу нашедшие решение на каком-то этапе. Состав групп зависел от конкретного этапа обучения. При обучении первому светофору, где решение задачи поиска последовательности действий, ведущих к открытому гаражу, было более простым, большая часть испытуемых справилась с заданием и нашла решение к концу обучения, некоторые демонстрировали успешное поведение с самого начала, практически минуя период поиска. Внутри более сложного обучения испытуемые равномерно распределились в три группы по успешности. Причем, между группой научившихся и ненаучившихся обнаружилась тенденция изменений длительности принятия решения на втором светофоре: успешно научившиеся быстрее принимали решения в конце эксперимента (критерий Манна–Уитни, $U = 2$, $W = 25$, $p = 0{,}05$).

Спектральный анализ соответствующих поведенческих актов для более сложного обучения второму светофору, проведенный по группам, показал, что изменения мощности в низкочастотном диапазоне к концу обучения являются разнонаправленными у групп успешно и неуспешно обучившихся: в первом случае мощность уменьшается на последних этапах выполнения задачи, а во втором увеличивается (особенно во фронтальных отведениях). Анализ дельта- и тета-диапазона по отдельности показал схожие результаты: и в, том, и в другом случае испытуемые из группы «неуспешные» демонстрируют увеличение мощности этих диапазонов.

Спектральный анализ ЭЭГ мощностей у группы «научившиеся» при обучении первому и второму светофору по-отдельности показал, что динамика изменений сходна, направления совпада-

ют, причем в обучении первому светофору спад мощностей к концу обучения более выражен в отведениях P3, P4 и Cz, чем при обучении второму светофору, где задача была сложнее, и успешным обучение оказалось для меньшего числа испытуемых. Обнаружилась большая мощность низкочастотного диапазона на этапе научения первому светофору по сравнению со вторым (критерий Вилкоксона, $z = -2{,}02$, $p = 0{,}04$).

Обсуждение и выводы

Известно, что имеющийся у индивидов опыт приобретается на разных этапах жизни, при этом при выполнении любого поведения актуализируются системы разного возраста, а история взаимодействий с окружающей средой в процессе формирования опыта проявляется в структуре индивидуального опыта (Горкин, Шевченко, 1990). При этом было показано, что ситуация научения характеризуется кратковременным увеличением доли старого опыта, то есть активности в нейронных группах старого опыта больше, а в относительно новых меньше (так называемая дедифференциация опыта; Александров и др., 2017). В то же время существует предположение, что низкочастотный спектр может быть связан с актуализацией более старых систем (Knyazev, 2012). Таким образом, полученные результаты могут свидетельствовать в пользу того, что затянувшееся научение (рассогласование) у неуспешных испытуемых связано с большей дедифференцированностью актуализированного опыта. Также, по-видимому, можно говорить о том, что меньшая степень рассогласования имеющегося опыта (в случае этапа первого светофора) отражается в большей мощности низкочастотного диапазона.

Литература

Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Горкин А. Г., Шевченко Д. Г. Стабильность поведенческой специализации нейронов // Журнал высшей нервной деятельности. 1990. Т. 40. № 2. С. 291–300.

Греченко Т. Н., Харитонов А. Н., Жегалло А. В., Александров Ю. И. Психофизиологический анализ осцилляторных процессов в поведении биосоциальных систем // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 76–87.

Knyazev G. G. EEG delta oscillations as a correlate of basic homeostatic and motivational processes // Neurosci. Biobehav. Rev. 2012. V. 36. № 1. P. 677–695.

Философско-антропологические истоки научных проблем российской философской психологии второй половины XIX в.*

А. А. Кострыгин

В статье рассматриваются истоки научных проблем российской философской психологии второй половины XIX в. Обосновывается, что одним из источников проблем этой ветви психологии была философская антропология. Рассматриваются учения некоторых российских философов, разрабатывавших философскую антропологию. Показываются связи философско-антропологических идей и таких научных проблем российской философской психологии, как единство и дифференциация душевных явлений, единичность и множественность «Я» человека, развитие души.

Ключевые слова: история психологии, российская философская психология, философская антропология, научные проблемы, самосознание, развитие души.

Развитие психологии в XIX в. характеризовалось не только отходом от философии как родовой для себя дисциплины, но и активной переработкой философских учений и их применением при формулировании и анализе собственных научных проблем. В частности, это было характерно для становления российской философской психологии второй половины XIX в. (Кострыгин, Стоюхина, 2016). Среди источников ее формирования можно особо отметить

* Работа выполнена в соответствии с Госзаданием № 0138-2023-0001.

философскую антропологию, которая способствовала разработке проблематики сущности человека, его души, самосознания, личности и др.

Философско-антропологические истоки философской психологии в данной работе следует трактовать широко. Под ней понимается философское учение о человеке, его сущности и природе, осмысление человека в отношении к миру и самому себе. Среди важнейших философско-антропологических вопросов выделяются соотношение человеческого бытия и сознания, обоснование самосознания, активности человека в своей жизни, развитие и проектирование человеком самого себя (Новая философская энциклопедия, 2001).

Философско-антропологические идеи не так активно развивались в XIX в., как другие разделы философии (например, метафизика, гносеология, онтология). Это связано с тем, что как специальная дисциплина она появилась только в XX в. (Новая философская энциклопедия, 2001), а до этого ее вопросы разрабатывались разрозненно, в основном в рамках романтических, персонологических, гуманистических и индивидуалистических философских системах. В российской философии антропологическое направление стало развиваться несколько позже периода функционирования российской философской психологии – на рубеже XIX–XX вв., однако частично эти идеи появлялись в работах религиозных философов второй половины XIX в. (Ф. М. Достоевского, П. Д. Юркевича, В. С. Соловьева, В. И. Несмелова, Л. Н. Толстого и др.) (Моторина, 2009; Фёдорова, 2004). Рассмотрим философско-антропологические учения некоторых российских мыслителей и покажем их влияние на проблематику российской философской психологии.

К философско-антропологическим могут быть отнесены вопросы сущности и природы человека, ведущие силы его развития и поведения, что было связано с фундаментальными проблемами российской философской психологии второй половины XIX в. Так, Ф. Ф. Сидонский выделял в философии «психическую антропологию», которая занималась опытным изучением проявлений человеческой души (Сидонский, 1833, с. 397). В. Н. Карпов был психологически ориентированным философом и предложил соответствующую концепцию философии. Он писал: «Мы нашли, что лучшее начало Философии есть сознание...» (Карпов, 1840, с. 122). И далее: «Нашему сознанию непосредственно присуще только наше Я с главными проявлениями его природы и с теми элементами, которые, вошедши в него из мира объективного, сделались неотъемлемым его достоянием. Посему первый момент со-

знания есть сам человек и первая наука в системе Философии есть наука самопознания, или субъект в сфере мыслимого» (там же). Центром философии могла выступать психология человека и его «Я», что сближало эти две научные области.

Сущность «Я» человека также входила в сферу философско-антропологического знания. Так, у Е. А. Боброва самосознание и природа нашего «Я» рассматривались как одна из важнейших задач философии. Философ обосновывал, что через самосознание человек постигает бытие в целом, а также бытие человеческое. «Самосознание, т. е. сознание своего бытия, или сознание существования своего «я» и сознание своих функций, или действий, производимых этим «я», каковыми, кроме мышления, являются еще и различные чувствования, и ощущения и т. д., вот единственно, что существует: наличность этих данных сознания не может быть оспариваема, но и не может быть доказана путем логических выводов» (Бобров, 1900, с. 16). По мнению современных исследователей, данная позиция лежит в основе проблемы субъекта, субъектности человека и его «Я» (Ивлева, 2012), что устанавливает связь между философско-антропологическими разработками и философской психологией второй половины XIX в.

Психологически ориентированной являлась религиозная антропология В. И. Несмелова. Он описал психологические характеристики различных уровней человека, в том числе и личности. Под личностью он понимал связывающую разные внутренние явления духа и души структуру, что соответствует выделенной научной проблеме единства и множественности душевных феноменов. «Личность проникает здесь всю цепь явлений сознания, и все звенья этой цепи представляют собой живые элементы действующей личности, а потому и все действия, как внешние выражения внутренних элементов сознания, в этом случае являются личными действиями субъекта и следовательно – произвольными» (Несмелов, 1905, с. 161–162). Все субъективные процессы имеют единственный источник, находящийся внутри человека, – его личность.

Наконец, философская антропология касалась развития человека и его источников. Представляются актуальными здесь идеи П. Д. Юркевича о «сердце» как средоточии духовных и душевных сил человека (Фёдорова, 2004; Юркевич, 1860). «Сердце» понималось им как духовный орган, который является источником всех душевных феноменов – познания, чувства и воли (Юркевич, 1860а, с. 64–68). Однако эта общая сила определяет лишь направление развития человека, на деле же каждый человек формируется ин-

дивидуальным образом. «Если сердце есть такое средоточие духовной жизни человека, из которого возникают стремления, желания и помыслы непосредственно или тою стороною, которая не вытекает с математическим равенством из внешних действующих причин, то самая верная теория душевных явлений не может определить особенностей и отличий, с какими они обнаружатся в этой частной душе при известных обстоятельствах. Как мы уже сказали, человек не есть такой экземпляр рода, в котором только повторялось бы общее содержание других экземпляров. Он, и в этом отношении он один в известном нам мире, есть особь, или, как говорят, индивидуум» (Юркевич, 1860, с. 98–99). Таким образом, «сердце» объединяет различные душевные явления человека, но их соотношение формируется уже индивидуально.

Обобщая рассмотренные философско-антропологические идеи российских философов XIX–начала XX вв., можно сделать вывод о присутствии в них психологических аспектов, причем некоторые из отмеченных мыслителей (П. Д. Юркевич, В. И. Несмелов) сами занимались психологией в той или иной мере, что говорит о связях между зарождавшейся в тот исторический период философской антропологии и активно разрабатывавшейся философской психологией. В первую очередь, этот раздел философии способствовал разработке научных проблем единства и дифференциации душевных явлений, единичности и множественности «Я» человека, развития души. Исторически психология включалась в раздел философской антропологии (Моторина, 2009, с. 63), а психологические феномены были одними из центральных вопросов философско-антропологического дискурса (Спирова, 2011).

Литература

Бобров Е. А. О понятии бытия. Учение Г. Тейхмюллера и А. А. Козлова. Казань: Типолитография Императорского университета, 1898.

Карпов В. Н. Введение в философию. СПб.: Тип. И. Глазунова и Ко., 1840.

Несмелов В. И. Наука о человеке. В 2 т. Т. 1. Опыт психологической истории критики основных вопросов жизни. Казань: Центральная типография, 1905.

Сидонский Ф. Ф. Введение в науку философии. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1833.

Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. М.: Унив. тип., 1881.

Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия // Труды Киевской духовной академии. Кн. 1. 1860. С. 63–118.

Корреляция толерантности к неопределенности и иллюзии контроля

Л. Э. Кравцева, В. В. Ардисламов

Работа посвящена изучению иллюзии контроля как механизма совладания с тревогой в ситуациях неопределенности и ее связи с толерантностью к неопределенности. Мы предположили, что иллюзия контроля будет в большей степени проявляться у людей, интолерантных к неопределенности. Нами было проведено исследование иллюзии контроля поведенческим методом и исследование толерантности к неопределенности с помощью опросников. Согласно результатам, существует значимая связь между переменными «интолерантность к неопределенности» и «иллюзией контроля». Мы получили свидетельства в пользу нашего предположения о том, что иллюзия контроля играет роль психологического механизма, который помогает испытуемым в ситуации неопределенности совладать с негативными аффективными последствиями таких ситуаций.

Ключевые слова: иллюзия контроля, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности.

Каждый человек в повседневной жизни сталкивается с неопределенностью. Часто люди переоценивают свое влияние на исход не зависящего от них события, считают, что способны контролировать такие случайные процессы, как лотерея или игровой автомат, предполагая, что их выбор лотерейного билета, стратегии игры или игрового автомата оказывает влияние на шансы выиграть (Pohl, 2017).

Изучая исследования иллюзии контроля, нами было найдено противоречие в результатах. В исследовании Реувен-Магриль утверждается, что у пациентов с ОКР снижена способность справляться с трудностями и чувство контроля, поэтому они более подвержены иллюзии контроля, чем здоровые люди (Reuven-Magril, 2008). Этим результатам противоречат результаты исследования Клэр М. Гиллан, согласно которым испытуемые с ОКР давали более точные оценки контроля, чем здоровые испытуемые, то есть испытуемые с ОКР были меньше подвержены иллюзии контроля (Gillan et al., 2014).

Данная работа посвящена изучению иллюзии контроля как механизма совладания с тревогой и стрессом в ситуациях неопределенности. Мы предполагаем, что люди, менее толерантные к неопределенности, вне зависимости от наличия или отсутствия ОКР, будут более склонны к возникновению иллюзии контроля, так как она помогает снизить тревожность, чувствовать себя более безопасно.

Гипотеза: иллюзия контроля будет в большей степени проявляться у людей, интолерантных к неопределенности.

Среди причин возникновении иллюзии контроля, выделенных Лангером следующая причина: в ситуациях, когда влияние человека минимально, иллюзия контроля помогает снизить тревожность, вызванную отсутствием влияния (Pohl, 2017). Существует исследование, из результатов которого мы видим, что люди с ОКР имеют сниженную способность справляться с трудностями, чем люди без расстройств, вместе с этим люди с ОКР больше склонны к возникновению иллюзии контроля (Reuven-Magril, 2008). Исходя из этого мы предполагаем, что люди, интолерантные к неопределенности, вне зависимости от наличия расстройства будут более склонны к иллюзии контроля, так как будут использовать ее как механизм совладания с этой тревожностью (Pohl, 2017).

Для проверки гипотезы было проведено исследование, в котором приняли участие 59 человек: 4 мужчины и 55 женщин, возраст испытуемых варьируется от 18 до 44 лет. Средний возраст 20,1 год. Основу выборки составили студенты 1–4 курса факультета Психологии РАНХиГС. Все испытуемые не имели диагностированного ОКР. Для определения уровня толерантности к неопределенности нами был использован Новый опросник толерантности к неопределенности в адаптации Т. В. Корниловой (Корнилова, 2010). Для оценки иллюзии контроля был создан эксперимент, который был собран в программе PsychoPy и включал в себя 20 аверсивных

стимулов (фотографии с искаженными лицами) и 20 нейтральных стимулов (фотографии предметов обихода). Порядок предъявления стимулов был случайным, после демонстрации каждого стимула испытуемым показывалась нейтральная заставка – картинка с солнцем. Общее время предъявления одного стимула и одной заставки вместе составляло 6 секунд, продолжительность прохождения задания на компьютере составляла 4 минуты. Стимул предъявлялся от 2 до 5 секунд, а заставка от 1 до 4 секунд. На самом деле испытуемые никак не влияли на порядок и продолжительность предъявления стимулов. По мере прохождения испытуемым задания на компьютере экспериментатор запрашивал у него оценку уровня его контроля по шкале от 1 до 100.

Нами был проведен линейный регрессионный анализ, в качестве зависимой переменной выступала иллюзия контроля. В качестве ковариаты выступали толерантность к неопределенности и интолерантность к неопределенности. Анализ показал значимую связь между переменными «интолерантность к неопределенности» и иллюзией контроля: $p = 0{,}035$, $R = 0{,}28$, полученный результат значим. Анализ не показал значимой связи между переменными «толерантность к неопределенности» и иллюзией контроля: $p = 0{,}853$.

По результатам проведенного анализа можно сделать несколько выводов.

Нами была обнаружена значимая связь между переменными «интолерантность к неопределенности» и иллюзией контроля, что подтверждает нашу гипотезу. Мы получили свидетельства в пользу нашего предположения, что иллюзия контроля играет роль психологического механизма, который помогает испытуемым в ситуации неопределенности совладать с негативными аффективными последствиями таких ситуаций.

Мы не обнаружили связи между конструктами «толерантность к неопределенности» и иллюзией контроля. Можно предположить, что в отношении конструкта «толерантность к неопределенности» мы сталкиваемся с двумя независимыми аффективными процессами, один из них связан с силой выраженности позитивного полюса, надеждой на успех и преодолением неопределенности, другой же связан с выраженностью негативного полюса, избеганием неудач и фрустрацией, связанной с состоянием неопределенности. Как в отношении негативного и положительного полюсов эмоциональных состояний, так и в отношении мотива достижения мы наблюдаем относительную независимость позитивной и негативной шкалы и надежды на успех и избегания неудачи.

Проблемой исследования выступало противоречие в существующих данных в отношении иллюзии контроля у людей с ОКР. В случае процедуры, когда нужно было управлять лампочкой (зажигать ее нажатием на кнопку), у людей с ОКР реже возникала иллюзия контроля, в сравнении с нормой. При использовании процедуры с аверсивными стимулами иллюзия контроля у людей с ОКР проявлялась в большей степени. С учетом полученных результатов, мы можем объяснить это противоречие: в случае взаимодействия с аверсивными стимулами испытуемые сталкиваются с более интенсивным негативным аффектом, что усиливает иллюзию контроля, и тем больше, чем выше у испытуемых интолерантность к неопределенности. В случае процедуры с лампочкой, испытуемые не переживают негативного аффекта в достаточной степени.

Стоит отметить, что процедура измерения иллюзии контроля проводилась поведенческим методом, что повышает доверие к данным, полученным в данном исследовании (в сравнении с самоотчетными методиками).

Согласно результатам проведенного анализа, было выявлено, что иллюзия контроля в большей степени проявляется у людей, интолерантных к неопределенности, что подтверждает нашу гипотезу. Мы предполагаем, что отсутствие связи между толерантностью к неопределенности и иллюзией контроля можно объяснить независимостью негативного и позитивного аффективных полюсов, или надеждой на преодоление неопределенности и страхом неудачи перед лицом неопределенности. Негативный аффект приводит к возникновению (или усилению) иллюзии контроля. Результаты исследования выступают свидетельством в пользу следующего разрешения озвученной научной проблемы: различие в процедурах, при которых были получены противоположные данные, связаны с большей или меньшей степенью негативного аффекта у испытуемых. В случае большей интенсивности негативного аффекта иллюзия контроля выступает как средство совладания с негативным аффектом, связанным с неопределенностью.

Литература

Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74–86.

Pohl R. F. Cognitive Illusions. 2nd ed. N. Y.: Routledge, 2017.

Reuven-Magril O., Dar R., Liberman N. Illusion of control and behavioral control attempts in obsessive-compulsive disorder // Journal of Abnormal Psychology. 2008. № 117 (2). P. 334–341.

Gillan C. M., Morein-Zamir S., Durieux A. M. S., Fineberg N. A., Sahakian B. J., Robbins T. W. Obsessive-compulsive disorder patients have a reduced sense of control on the illusion of control task // Frontiers in Psychology. 2014. № 5. P. 1–5. doi: 10.3389/fpsyg.2014.00204

Langer E. J. The illusion of control // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. № 32. P. 311–328.

Дизайн исследования взаимосвязи личностных характеристик и когнитивных способностей, влияющих на выбор в ситуации принятия решения

Л. С. Крамер

В статье представлен дизайн исследования процесса принятия решения в условиях выбора между альтернативами. Цель исследования заключается в изучении особенностей влияния личностных характеристик и их взаимодействия с когнитивными характеристиками при принятии решений. В частности, таких личностных характеристик, как нейротизм и экстравертированность. Процесс принятия решений будет изучаться с помощью модели межвременного дисконтирования. Экспериментальная гипотеза заключается в предположении, что влияние таких черт личности, как «экстраверсия» и «нейротизм» на коэффициент дисконтирования будет снижаться за счет высоких когнитивных способностей.

Ключевые слова: психология принятия решений, модель межвременного дисконтирования, отсрочка вознаграждения, экстраверсия, нейротизм.

В двадцать первом веке темп жизни неуклонно ускоряется, появляются новые технологии, автоматизирующие многие процессы, на которые наши предки тратили много физических и эмоциональных ресурсов. Для нас постепенно становится обыденностью сосуществовать вместе с искусственным интеллектом, который обучен принимать решения с помощью математических теорий. Человек пока еще устроен намного сложнее самых передовых технологий.

То, каким образом люди принимают решения, изучает психология принятия решений. Эта область активно развивается в наши дни и в отечественной, и в зарубежной психологии. Помимо теорий, ставших классическими, таких как теория когнитивного диссонанса Фестингера и теория перспектив Канемана и Тверски, в последние два десятилетия разрабатываются новые теории. Например, теория динамических регулятивных систем Т. В. Корниловой.

Модель межвременного дисконтирования берет свое начало в экономических науках. Процесс, лежащий в основе межвременного дисконтирования, подразумевает, что при выборе происходит автоматическое присвоение ценности как для выбора немедленного вознаграждения, так и для вознаграждения отложенного во времени (Сотникова, 2021). Сам термин «дисконтирование» в экономике означает определение текущего эквивалента денежных средств, ожидаемых к получению в определенный момент в будущем.

В психологии одним из первых исследований с использованием модели межвременного дисконтирования можно считать классический эксперимент, проведенный в конце 1960-х и начале 1970-х под руководством Уолтера Мишеля, который также носит название Зефирного эксперимента (Mischel, 1972).

Выбор между немедленным или отсроченным вознаграждением зависит от относительного баланса активности между дофаминергическими центрами вознаграждения в среднем мозге и лобно-теменными сетями когнитивного контроля. Более высокие показатели дисконтирования были обнаружены для вознаграждений, связанных с зависимостью (например, сигарет или алкоголя). Нейропсихологические модели зависимостей предполагают, что усиление дисконтирования после воздействия стимулов, связанных с зависимостью, связано с активацией мощных дофаминергических схем поощрения-вознаграждения в вентральном стриатуме. Как только эти системы активированы, они эффективно берут на себя контроль над мотивацией, восприятием и поведением, так что высшие корковые процессы больше не оказывают прежнего влияния. Подобный процесс, по-видимому, происходит и у здоровых людей, хотя и в меньшей степени. Этот конфликт между «горячими» и «холодными» процессами отражается в поведенческих моделях, в которых регуляция основных мотивационных импульсов требует значительного нисходящего когнитивного контроля (Manning, 2014).

Модель межвременного дисконтирования помогает в психологическом исследовании определить, как субъективная ценность

вознаграждения уменьшается в связи с отсрочкой вознаграждения (Frederick et al., 2002). Научный интерес заключается в том, чтобы определить, каким образом на данное явление могут влиять устойчивые черты личности.

Проблема исследования: поиск оптимальных факторов обеспечивающих эффективность принятия решения.

Цель работы: выявить взаимосвязь между личностными чертами и когнитивными способностями, влияющими на выбор в ситуации принятия решения, а именно в ситуации выбора между альтернативами.

Объект исследования: психология принятия решений.

В качестве предмета исследования рассматриваются индивидуальные различия при принятии решений.

Экспериментальная гипотеза: влияние таких черт личности, как «экстраверсия» и «нейротизм» на коэффициент дисконтирования будет снижаться за счет высоких когнитивных способностей.

Зависимая переменная 1: личностная черта «экстраверсия».

Зависимая переменная 2: личностная черта «нейротизм».

Зависимая переменная 3: когнитивные способности.

Независимая переменная: экспериментальное влияние.

Побочные переменные:

1) физическая усталость;
2) стресс, не связанный с экспериментом;
3) социальная желательность;
4) наличие психического расстройства;
5) нарушение правил проведения эксперимента со стороны экспериментатора.

Методы нивелирования побочных переменных:

1) введение в заблуждение участников относительно исследуемых феноменов в эксперименте;
2) строгое соблюдение правил проведения эксперимента;
3) исключение участников на этапе диагностической беседы в случае выявления у них неподходящего физического и/или эмоционального состояния.

Для диагностики личностных характеристик и когнитивных способностей будут применены следующие методики:

– Личностный опросник MPI (Maudsley Personality Inventory, от названия клиники) – личностный опросник Айзенка, опуб-

ликованный в 1956 году. Он состоит из двух внутренних шкал: экстраверсии–интроверсии и нейротизма, на каждую шкалу по 24 вопроса.

– Короткий опросник Темной триады (The Short Dark Triad, SD3) – методика измерения трех психологических черт личности: макиавеллизма, неклинического нарциссизма и неклинической психопатии, как единого комплекса.
– Шкала импульсивности Барратта (Barratt Impulsiveness Scale, BIS-11) – наиболее часто используемый в исследованиях опросник для оценки импульсивности и составляющих ее факторов: отвлекаемости внимания, моторной импульсивности, способности к планированию и самоконтролю.
– Пятифакторная модель личности, также известная как «Большая пятерка» (Big Five) – психологическая модель, описывающая структуру личности человека посредством пяти общих, относительно независимых черт (факторов, диспозиций).
– Диагностическая беседа будет проводиться с целью получения материала, характеризующего индивидуально-личностные особенности опрашиваемого.
– Прогрессивные матрицы Равена для оценки уровня IQ.

Для анализа полученных данных будут использоваться статистические методы.

Выборка исследования будет составлять минимум 30 участников (N = 30). Участников планируется набрать среди студентов Томского государственного университета, в возрасте от 18 до 30 лет, пол не имеет значения. Выборка должна включать в себя студентов с различными показателями когнитивных способностей.

Критерии исключения: наличие наркотической, алкогольной или другой зависимости, психического или поведенческого расстройства; непонимание условий эксперимента; нежелание участвовать в эксперименте.

Процедура эксперимента

Эксперимент будет иметь многоуровневый многомерный дизайн. В качестве первой зависимой переменной выступают когнитивные способности, в качестве второй зависимой переменной – выраженность черты личности «экстравертированность», третья зависимая переменная – «нейротизм».

Эксперимент будет длиться 3 дня. В первый день с потенциальными участниками эксперимента будет проведена диагностическая

беседа. Затем последует прохождение личностного опросника MPI и прогрессивных матриц Равена. На следующий день прохождение SD3 и Большой пятерки; затем решение задач на межвременное дисконтирование (час). На третий день решение задач на межвременное дисконтирование (полтора часа). В конце эксперимента участникам расскажут об истинных целях эксперимента и исследуемых феноменах. По желанию и необходимости будет оказана первичная психологическая помощь. Далее результаты будут обработаны с помощью программы SPSS, выводы и их обсуждение будут представлены в курсовом проекте и публикациях. Проведение эксперимента запланировано на октябрь 2023 года.

Литература

Скотникова И. Г. Принятие решения – ключевое звено психической деятельности / Под ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. С. 162–200

Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T. Time discounting and time preference: A critical review // Journal of Economic Literature. 2002. T. XL. P. 351–401.

Manning J., Hedden T., Wickens N., Whitfield-Gabrieli S., Prelec D., Gabrieli J. D. Personality influences temporal discounting preferences: Behavioral and brain evidence // NeuroImage. 2014. V. 98. P. 42–49.

Mischel W., Ebbesen E. B., Raskoff Zeiss A. Cognitive and attentional mechanisms in delay of gratification // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. V. 21. № 2. P. 204–218.

Восприятие перспективы детьми в вербальных и визуальных текстах

М. Н. Кричка

Перспектива как умение смотреть на мир с чужой точки зрения является важным социальным качеством. Это исследование направлено на изучение как способности детей понимать чувства и намерения другого человека, так и умения ориентироваться в пространстве с его позиции. В исследовании приняли участие 30 учащихся первых классов. Методологический инструментарий состоит из вербальных и визуальных текстов, сопровождаемых вопросами и методик исследования задач на модель психического и понимание обмана. В результате пилотного исследования была подтверждена гипотеза о включенности механизмов пространственных представлений в ментальные модели и гетерогенность их развития. В ходе пилотного исследования проведена корректировка методического материала.

Ключевые слова: перспектива, модель психического, аллоцентрическая и эгоцентрическая системы отсчета.

Одной из фундаментальных способностей, приобретаемых ребенком в процессе развития, является умение понимать психические состояния, мысли, чувства, намерения, как у самого себя, так и у другого человека. Эта способность подробно изучалась Е. А. Сергиенко и ее коллегами в рамках концепции «модель психического». Было установлено, что понимание ребенком ментального развивается поэтапно, в процессе постепенного усложнения организации внутреннего мира. У дошкольника можно наблюдать следующие

уровни, между которыми существует преемственность: экологическое и межличностное «Я», «вторичная интерсубъективность», уровень агента, уровень наивного субъекта. Одновременно с развитием понимания психического происходит постепенное развитие отражения организации физического мира. Исследования Е.А. Сергиенко показали, что понимание причинно-следственной связи событий, как в социальном, так и в физическом мире имеет общие закономерности формирования. Представление внутренних состояний других людей и отражение физических законов взаимосвязаны и в процессе развития образуют единую многоуровневую систему внутреннего опыта (Сергиенко и др., 2020).

Это исследование направлено на дальнейший поиск общего механизма развития восприятия пространственных систем отсчета и понимания перспективы, как постижение собственной точки зрения и точки зрения другого. Проблема ориентации в пространстве получила основное развитие в когнитивном подходе и рассматривается в концепциях пространственных систем отсчета. Аллоцентрические и эгоцентрические системы отсчета являются инструментами для отражения местоположения объектов в пространстве (Klatzky, 1998). Эгоцентрическая система отсчета служит восприятию объектов с позиции воспринимающего, аллоцентрическая система отсчета служит восприятию объектов независимо от позиции наблюдателя, а объекты кодируются относительно друг друга или к внешней координатной сетке. Процесс формирования аллоцентрической системы более сложен, так как связан не только со способностью вычислять пространственные соотношения между объектами окружающей среды, но и осуществлять мысленные манипуляции, как с объектами окружающей среды, так и со всей сценой в целом.

В данном исследовании изучение восприятия перспективы детьми осуществляется с помощью вербальных и визуальных текстов. Следуя концепции Д. Брайнта и Б. Тверски, читатель всегда встает на место героя, поэтому воспринимая вербальный текст, он выстраивает эгоцентрическую систему отсчета с позиции героя (Bryant et al., 1992). Визуальный текст он может воспринимать, как с позиции героя, так и с позиции зрителя. В эгоцентрической системе отсчета строится пространственная ментальную модель, состоящая из продолжений трех осей тела. Замеры времени реакций на идентификацию объектов по осям в исследовании Б. Тверски показали, что самой быстрой является ось «сверху/снизу», затем ось «спереди/сзади», самая медленная ось «слева/справа».

Н. Франклин проводила эксперименты, используя истории с двумя героями, в которых одним из героев был сам читатель, в тексте по отношению к одному из персонажей использовалось местоимение во втором лице «ты». В результате читатель полагался на нейтральную позицию, используя абстрактную пространственную модель без перспективы, которая включала как героев, так и все объекты и позволяла вычислять пространственные соотношения. Н. Франклин пришла к выводу, что одно место – это одна перспектива, независимо от количества героев. В ее исследовании время реакции «спереди/сзади», «слева/справа» у двух героев было равным (Franklin, Tversky, 1992).

Цель исследования: сравнение вносимого вклада аллоцентрической и эгоцентрической системами отсчета в восприятие перспективы в вербальном и в визуальном текстах.

Исследовательская гипотеза: дети, у которых большее количество правильных ответов по задачам понимания неверных мнений и понимания эмоций, обусловленных желаниями/мнениями, будут чаще выбирать аллоцентрическую систему отсчета в задачах пространственных перспектив.

Методы исследования

Методологический инструментарий включает в себя три блока. Первый и второй блоки состоят из вербальных и визуальных текстов с вопросами. С учетом отсутствия в данной научной области необходимых методик, изучающих перспективу с учетом пространственных систем отсчета, автором работы предпринята попытка создания необходимого инструментария для исследования понимания перспективы в вербальных и визуальных текстах с одним героем и с двумя героями. Это короткие рассказы, состоящие примерно из 100 слов. Уровень сложности текстов соответствует возрасту детей. Анализ результатов по разработанным методикам осуществляется через подсчет правильных ответов на вопросы в задачах на понимание неверного мнения и понимания эмоций, обусловленных желаниями/мнениями; и замеров времени реакции идентификации объектов в сюжете по двум осям тела для определения систем отсчета, используемых ребенком.

Третий блок состоит из апробированных методик изучения сформированности модели психического – теста Т.Л. Хатчинсон «Модель психического» (T. L. Hutchins и P. A. Prelock); и методики «Удивительные истории» Ф. Аппе на понимание обмана детьми.

В пилотном исследовании приняли участие 30 младших школьников, возрастной диапазон – 7,4–8,7 лет. Статистическая обработка данных проводилась на базе программного пакета IBM SPSS Statistics v. 22.0. Она включала дискриптивный анализ (среднее, стандартное отклонение, асимметрия, эксцесс), корреляционный анализ (по методу Спирмена).

Результаты исследования и обсуждение

Проведение пилотного исследования в целом подтвердило соответствие разработанных методик поставленной цели исследования. Подсчеты ответов на вопросы к текстам коррелируют с третьим блоком апробированных методик тест Т.Л. Хатчинсон «Модель психического» и методики «Удивительные истории» Ф. Аппе ($r=0,82$ при $p<0,001$). Также исследование помогло частично скорректировать методический инструментарий. Замеры временных реакций по осям в визуальных текстах с одним героем показали, что использование изображений героев под 90° к читателю помогает избавить от влияния позиции эго-зрителя и делает результаты эксперимента более показательными.

Результаты исследования также выявили, что дети чаще в визуальных текстах (15 из 30 детей), чем в вербальных текстах (10 из 30 детей) с двумя героями используют аллоцентрическую систему отсчета. Возможно, это связано с тем, что восприятие изображений симультанно и ребенок уже с позиции зрителя получает дополнительную аллоцентрическую информацию.

Статистический анализ выявил значимую корреляционную связь ($r=0,78$ при $p<0,001$) между замерами временных реакций по осям тела в визуальных текстах и ответами на вопросы; $r=0,65$ при $p<0,001$ между замерами временных реакций по осям тела в вербальных текстах и ответами на вопросы. Полученные данные подтверждают нашу гипотезу, и это говорит об общих закономерностях формирования восприятия пространственных систем отсчета и моделей психического мира своего и другого человека, но объяснение природы этих закономерностей является задачей нашего будущего исследования.

Литература

Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического: структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Bryant D., Tversky B., Franklin N. Internal and external spatial frameworks for representing described scenes // Journal of Memory and Language. 1992. V. 31. P. 74–98. doi: 10.1016/0749-596X(92)90006-J

Franklin N., Tversky B. Switching points of view in spatial mental models // Memory & Cognition. 1992. V. 20 (5). P. 507–518. doi: 10.3758/BF03199583

Klatzky R. L. Allocentric and egocentric spatial representations: definitions, distinctions and interconnections // Spatial Cognition. 1998. P. 1–17. doi: 10.1007/3-540-69342-4_1

Предикторы представлений о старении в период взрослости*

К. М. Крупина

Работа направлена на изучение предикторов представлений о старении в период взрослости. Выборка составила 91 респондента в возрасте от 22 до 64 лет, проживающих в разных регионах РФ, 72,8% – женщины, 27,2% – мужчины. 66,3% участников исследования имеют высшее образование, 14,1% – незаконченное высшее, 18,5% – среднее специальное. Гипотеза: параметры здорового образа жизни и психологического благополучия способствуют формированию позитивных представлений о старении, а переживание одиночества – негативных. В результате выявлен вклад изучаемых параметров в формирование представлений о старении.

Ключевые слова: представления о старении, здоровый образ жизни, отношение к одиночеству, психологическое благополучие, взрослость.

Современные исследования демонстрируют прогностический эффект размышлений о старении на более ранних жизненных этапах. Для улучшения качества жизни в пожилом возрасте необходимо закладывать позитивные представления о старении намного раньше, задолго до наступления этого периода. Негативное отношение к старению оказывает отрицательное влияние на здоровье, когнитивные показатели, самооценку и уровень субъек-

* Проект поддержан грантом РНФ № 22-28-00869.

тивного благополучия пожилых людей, а позитивное – улучшает производительность и самоэффективность памяти, физическое и эмоциональное состояние (Tully-Wilson et al., 2021). В работах исследователей имеются данные о связи старения с различными аспектами образа жизни, отношением к одиночеству и психологическим благополучием (Ellwardt et al., 2013; Fritsch et al., 2007; Park et al., 2022). Цель исследования заключается в выявлении предикторов формирования позитивных и негативных представлений о старении.

Дизайн исследования

Для решения задач использовались следующие методы.

Авторская анкета – для выявления социально-демографических характеристик.

Для изучения особенностей представлений о старении использованы пять шкал анкеты «The Ageing Perceptions Questionnaire» (APQ) (Barker, 2007). Шкала «эмоциональные представления» определяет выраженность негативных эмоций в отношении старения. Шкалы контроля оценивают убеждения о личных способах управления жизнью в пожилом возрасте («положительный контроль» – убежденность в возможности контроля; «отсутствие контроля» – убежденность в том, что контроль затруднен). Шкалы последствий выявляют направленность убеждений о влиянии старения на жизнь («положительные последствия» – уверенность в наличии положительных последствий; «отрицательные последствия» – убежденность в наличии отрицательных).

Для исследования предикторов представлений о старении:

- Опросник «Профиль здорового образа жизни» (ПроЗОЖ) для оценки здорового образа жизни (М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкая, И. Р. Муртазина, 2018);
- Дифференциальный опросник одиночества ДОПО-3к, краткая версия (Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев, 2013) для определения отношения к одиночеству;
- Шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Е. Г. Трошихиной, Л. В. Жуковской (сокращенная версия).
- Обработка данных осуществлялась при помощи статистического пакета программ SPSS v. 23, MS Excel.

Выборка разделена на три возрастные группы: ранняя взрослость – N = 30 (22–25 лет); средняя взрослость – N = 33 (26–39 лет); поздняя взрослость – N = 28 (40–64 лет).

Результаты

Для изучения предикторов представлений о старении на разных этапах взрослости проведен регрессионный анализ. Разделив параметры представлений о старении на позитивные («положительные последствия», «положительный контроль») и негативные («эмоциональные представления», «отсутствие контроля», «отрицательные последствия»), отметим ряд особенностей.

Результаты регрессионного анализа для группы ранней взрослости показали, что параметры психологического благополучия способствуют снижению негативных представлений следующим образом. «Самопринятие» ($\beta = -0{,}368$; $p = 0{,}045$; $R^2 = 0{,}136$) вносит вклад в более позитивный взгляд на старение через снижение «эмоционального представления» и повышение позитивных последствий ($\beta = 0{,}483$; $p = 0{,}007$; $R^2 = 0{,}233$); «позитивные отношения» ($\beta = 0{,}574$; $p = 0{,}001$; $R^2 = 0{,}329$) связаны с позитивным контролем, «автономность» ($\beta = -0{,}36$; $p = 0{,}031$; $R^2 = 0{,}344$) и «компетентность» ($\beta = -0{,}406$; $p = 0{,}016$; $R^2 = 0{,}344$) способствуют снижению негативных представлений о контроле в пожилом возрасте. В формировании позитивных представлений играет значение параметр ПроЗОЖ «межличностные отношения», так как связан с позитивным контролем ($\beta = 0{,}381$; $p = 0{,}038$; $R^2 = 0{,}145$) и положительными последствиями ($\beta = 0{,}477$; $p = 0{,}008$; $R^2 = 0{,}227$). Показатели отношения к одиночеству снижают позитивные представления о старении: параметр «общее переживания одиночества» снижает позитивный контроль ($\beta = -0{,}4$; $p = 0{,}028$; $R^2 = 0{,}16$) и положительные последствия ($\beta = -0{,}528$; $p = 0{,}003$; $R^2 = 0{,}279$); «зависимость от общения» усиливает убежденность в невозможности контроля над жизнью в пожилом возрасте ($\beta = 0{,}577$; $p = 0{,}001$; $R^2 = 0{,}333$), а также в негативных последствиях старения ($\beta = 0{,}582$; $p = 0{,}001$; $R^2 = 0{,}439$) даже при отсутствии болезненного переживания одиночества ($\beta = -0{,}483$; $p = 0{,}003$; $R^2 = 0{,}439$).

В группе средней взрослости показатель психологического благополучия «компетентность» способствует снижению параметров «эмоциональное представление» ($\beta = -0{,}404$; $p = 0{,}02$; $R^2 = 0{,}163$), «отсутствие контроля» ($\beta = -0{,}421$; $p = 0{,}015$; $R^2 = 0{,}178$) и «отрицательные последствия» ($\beta = -0{,}393$; $p = 0{,}024$; $R^2 = 0{,}154$), таким образом, поддерживает снижение негативных модальностей. «Позитивное одиночество» негативно сказывается на «положительном контроле» ($\beta = -0{,}347$; $p = 0{,}048$; $R^2 = 0{,}12$), «зависимость от общения» – усиливает эту тенденцию через параметр «отсутствие контроля»

($\beta = 0{,}522$; $p = 0{,}002$; $R^2 = 0{,}273$) и повышает убежденность в негативных последствиях старения ($\beta = 0{,}385$; $p = 0{,}027$; $R^2 = 0{,}148$).

Для группы поздней взрослости параметр «позитивное одиночество» повышает «отрицательные последствия» ($\beta = 0{,}376$; $p = 0{,}048$; $R^2 = 0{,}142$). Параметры психологического благополучия поддерживают позитивные представления о старении: «жизненные цели» способствуют убежденности в возможности контроля ($\beta = 0{,}577$; $p = 0{,}001$; $R^2 = 0{,}333$), «позитивные отношения» – снижению параметра «отсутствие контроля» ($\beta = -0{,}42$; $p = 0{,}026$; $R^2 = 0{,}176$), а «самопринятие» снижает убежденность в негативных последствиях пожилого возраста ($\beta = -0{,}487$; $p = 0{,}009$; $R^2 = 0{,}237$). Интересно проявились параметры ПроЗОЖ: при отсутствии системы питания (шкала «питание» ($\beta = -0{,}445$; $p = 0{,}016$; $R^2 = 0{,}528$)) и неиспользовании техник для управления стрессом (шкала «управление стрессом» ($\beta = -0{,}408$; $p = 0{,}027$; $R^2 = 0{,}528$)), «внутренний рост» ($\beta = 0{,}549$; $p = 0{,}002$; $R^2 = 0{,}528$) связан с повышением «положительного контроля».

Выводы

Выявлен вклад параметров отношения к одиночеству, ЗОЖ и психологического благополучия в представления о старении. На формирование позитивных представлений о старении оказывают влияние факторы психологического благополучия и ЗОЖ, а негативным представлениям способствуют параметры переживания одиночества. Отметим, что именно «положительные последствия», по данным исследователей, могут отражать позитивное восприятие старения (Barker et al., 2007). В нашем исследовании предикторы данного параметра выявлены исключительно в первой группе, и мы полагаем, что обнаруженная тенденция может свидетельствовать о наибольшей эффективности формирования позитивного восприятия старения в ранней взрослости.

Литература

Barker M., O'Hanlon A., McGee H. M., Hickey A., Conroy R. M. Cross-sectional validation of the Aging Perceptions Questionnaire: a multidimensional instrument for assessing self-perceptions of aging // BMC Geriatrics. 2007. V. 7. № 1. P. 1–13.

Ellwardt L. et al. Does loneliness mediate the relation between social support and cognitive functioning in later life? // Social Science & Medicine. 2013. V. 98. P. 116–124.

Fritsch T. et al. Cognitive functioning in healthy aging: the role of reserve and lifestyle factors early in life // The Gerontologist. 2007. V. 47. № 3. P. 307–322.

Park J. et al. A longitudinal study of the effects of well-being and perceived control on preparations for old age: moderation effects of contexts // Eur. J. Aging. 2022. № 19. P. 1429–1440.

Tully-Wilson C. et al. Self-perceptions of ageing: a systematic review of longitudinal studies // Psychology and Aging. 2021. № 36. P. 773–789.

Формирование эмоциональной децентрации как предпосылки готовности к сотрудничеству детей дошкольного возраста

С. Г. Кукава

В статье описаны результаты формирующего эксперимента, направленного на выявление взаимосвязи между уровнем эмоциональной децентрации и уровнем готовности к сотрудничеству у детей старшего дошкольного возраста.

Ключевые слова: эмоциональная децентрация, дошкольный возраст, готовность к сотрудничеству, взаимодействие детей, эмоциональная сфера.

Существенной особенностью дошкольного детства является возникновение определенных взаимодействий ребенка со сверстниками (Киренкова, Першина, 2016; Смирнова, 2003). Наибольшим потенциалом для достижения положительных результатов в развитии личности в условиях совместной деятельности обладает такая форма взаимодействия как сотрудничество (Андреева, 2019).

Изучив вопрос о способности к сотрудничеству детей дошкольного возраста, мы выявили следующее противоречие. Современная педагогическая практика при рассмотрении вопроса о способности к сотрудничеству опирается на психолого-педагогические исследования, теоретически обосновывающие значение формирования коммуникативных умений (М. И. Лисина, А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин, З. Н. Богусловская). И в меньшей степени, при рас-

смотрении способности к сотрудничеству, внимание уделяется эмоциональному развитию ребенка (Бреслав, 1990).

Данным противоречием обусловлена актуальность настоящего исследования. Цель исследования: экспериментально проверить, является ли эмоциональная децентрация необходимой предпосылкой готовности к сотрудничеству у детей дошкольного возраста.

Нами выдвинута следующая гипотеза: уровень сформированности эмоциональной децентрации оказывает влияние на становление готовности к сотрудничеству у детей дошкольного возраста.

Методы исследования:

- теоретические (анализ зарубежных и теоретических источников по проблеме исследования; обобщение имеющихся подходов; моделирование взаимосвязи сотрудничества и эмоциональной децентрации);
- эмпирические (включенное наблюдение; проективное интервью; формирующий эксперимент);
- методы обобщения и интерпретации (качественный анализ данных, перевод качественного материала в числовые категории; количественный анализ данных; сравнительный анализ данных с помощью Коэффициента ранговой корреляции Спирмена).

Диагностический комплекс исследования: проективное интервью «Волшебная страна» Й. Шванцара; разыгрывание сказочного сюжета; уровневая схема диагностики эмоциональной децентрации; методика «Рукавички» Г.А. Цукерман; шкала оценки уровня готовности к сотрудничеству у детей дошкольного возраста.

Эмпирическая выборка. В исследовании приняли участие 114 детей в возрасте от пяти до семи лет, в том числе: 69 чел. – обучающихся в МБДОУ (г. Красноярск); 45 чел. – обучающихся в ЧДОУ (г. Красноярск).

Были определены контрольные и экспериментальные группы: Контрольная группа 1 (34 чел., МБОУ); Контрольная группа 2 (21 чел., ЧДОУ); Экспериментальная группа 1 (35 чел., МБОУ); Экспериментальная группа 2 (24 чел., ЧДОУ).

На подготовительном этапе исследования осуществлялись: подбор методик для диагностики уровня эмоциональной децентрации, и уровня готовности к сотрудничеству детей дошкольного возраста; а также разработка инструмента для диагностики уровня готовности к сотрудничеству детей дошкольного возраста.

На первом этапе была проведена первичная диагностика уровня эмоциональной децентрации и уровня готовности к сотрудничеству (пре-тест). На основании полученных результатов в ходе диагностики уровня эмоциональной децентрации было выделено следующее соотношение учащихся в группах.

- Контрольная группа 1 (%, чел): высокий – 5,92 (2), средний – 44,08 (15), низкий – 50,00 (17).
- Контрольная группа 2 (%, чел): высокий – 9,52 (2), средний – 66,66 (14), низкий – 23,81 (5).
- Экспериментальная группа 1 (%, чел): высокий – 5,71 (2), средний – 37,14 (13), низкий – 57,14 (20).
- Экспериментальная группа 2 (%, чел): высокий – 8,33 (2), средний – 62,50 (15), низкий – 29,17 (7).

В ходе проведения диагностики уровня готовности к сотрудничеству, мы получили следующие результаты.

- Контрольная группа 1 (%, чел): высокий – 2,94 (1), средний – 41,26 (14), низкий – 55,88 (19).
- Контрольная группа 2 (%, чел): высокий – 9,52 (2), средний – 76,19 (16), низкий – 14,28 (3).
- Экспериментальная группа 1 (%, чел): высокий – 2,85 (1), средний – 48,57 (17), низкий – 48,57 (17).
- Экспериментальная группа 2 (%, чел): высокий – 8,33 (2), средний – 54,17 (13), низкий – 37,50 (9).

Дети из Контрольной группы 1 и Экспериментальной группы 1 находились в одних и тех же образовательных условиях, а именно: традиционная система обучения; разновозрастная группа (5–7 лет); режим дня; формы занятий. С детьми из экспериментальной группы не было проведено дополнительных занятий, направленных на развитие сюжетно-ролевой игры или же развитие эмоциональной сферы, кроме серии сюжетно-ролевых игр, включенных в эксперимент.

Дети из Контрольной группы 2 и Экспериментальной группы 2 также находились в одних и тех же образовательных условиях: педагогическая система Монтессори; разновозрастная группа (5–7 лет), режим дня, формы занятий.

На втором этапе, с целью формирования у дошкольников такого возрастного новообразования, как эмоциональная децентрация, была проведена серия сюжетно-ролевых игр для экспериментальных групп по технологии Е. И. Бахотского. Игра проводилась два раза в неделю, на протяжении 3 месяцев (12 недель, всего 48 игр).

Игра по данной технологии предполагает создание определенных психолого-педагогических условий. А именно:

1) предоставление дошкольникам возможности для создания и преобразования игрового пространства с помощью неоформленного предметного материала;
2) действие взрослого, как партнера по игре;
3) удержание определенного сценария игры.

На третьем этапе исследования, после завершения серии сюжетно-ролевых игр по технологии Е. И. Бахотского, было проведено повторное измерение уровня эмоциональной децентрации и уровня готовности к сотрудничеству (пост-тест).

Рассмотрим полученные результаты.

1. Уровень эмоциональной децентрации в выделенных группах.

– Контрольная группа 1 (%, чел): высокий – 5,88 (2), средний – 50,00 (17), низкий – 44,12 (15).
– Контрольная группа 2 (%, чел): высокий – 23,81 (5), средний – 57,14 (12), низкий – 19,05 (4).
– Экспериментальная группа 1 (%, чел): высокий – 11,42 (4), средний – 57,14 (20), низкий – 31,43 (11).
– Экспериментальная группа 2 (%, чел): высокий – 37,50 (9), средний – 41,66 (10), низкий – 20,83 (5).

2. Уровень готовности к сотрудничеству в выделенных группах:

– Контрольная группа 1 (%, чел): высокий – 5,88 (2), средний – 47,06 (16), низкий – 47,06 (16).
– Контрольная группа 2 (%, чел): высокий – 23,81 (5), средний – 66,66 (14), низкий – 9,52 (2).
– Экспериментальная группа 1 (%, чел): высокий – 14,29 (5), средний – 54,29 (19), низкий – 31,43 (11).
– Экспериментальная группа 2 (%, чел): высокий – 37,50 (9), средний – 41,66 (10), низкий – 20,83 (5).

Сопоставив данные, полученные в ходе пре-теста и пост-теста, мы можем увидеть динамику в уровнях эмоциональной децентрации и готовности к сотрудничеству у детей.

Для проверки взаимосвязи между уровнем эмоциональной децентрации у дошкольников и уровнем готовности к сотрудничеству, был выбран Коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Для расчета были взяты Экспериментальная группа 1, а также Экспериментальная группа 2. В основу положены данные, полученные в ходе проведения пост-теста.

Вычисленное значение t (0,999) численно больше критического значения (0,382). Это значит, что коэффициент корреляции двух переменных имеет отличие от 0 и положительный знак коэффициента корреляции.

На основании полученных данных, а также с помощью статистической обработки, мы можем сделать следующие выводы:

1. Созданные нами условия для формирования эмоциональной децентрации способствовали ее развитию у дошкольников.
2. Уровень эмоциональной децентрации и уровень готовности к сотрудничеству имеют взаимосвязь.
3. В ходе формирующего эксперимента уровень эмоциональной децентрации в экспериментальных группах повысился на 35,59%, как и уровень готовности к сотрудничеству. В то время как в контрольных группах – динамика уровня эмоциональной децентрации составила 10,91%, а готовности к сотрудничеству – 14,55%.

Таким образом, наша гипотеза о позитивной связи между уровнем эмоциональной децентрации и уровнем готовности к сотрудничеству у детей дошкольного возраста – подтверждается.

Литература

Андреева Н.А. Формирование сотрудничества в процессе строительно-конструктивных игр у детей старшего дошкольного возраста // Академия педагогических идей «Новация». Сер. «Студенческий научный вестник». 2019. № 1. АРТ 71-эл. URL: http://akademnova.ru/page/875550.

Бреслав Г.М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве. М.: Педагогика, 1990.

Киренкова О.Л., Першина Т.В. Развитие сотрудничества детей дошкольного возраста в проектной деятельности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2371–2375.

Смирнова Е.О. Дошкольный возраст: формирование доброжелательных отношений // Дошкольное воспитание. 2003. № 9. С. 68–76.

Моральная ориентация и ролевая структура группы, как возможные детерминанты группового нравственного решения

С. А. Кутуков

Работа посвящена изучению групповых решений нравственной дилеммы: рассматриваются моральная ориентация как возможный фактор индивидуального решения и ролевая структура группы в качестве возможного фактора процесса групповой дискуссии. Выборка: 10 естественно сложившихся групп (70 человек). Анализ результатов показал отсутствие прямой связи между моральной ориентацией и индивидуальным решением моральной дилеммы, получены данные о наличии косвенной связи. Анализ процесса групповой дискуссии показывает наличие связи между ролевой структурой группы и динамикой процесса групповой дискуссии, описана последовательность этапов групповой дискуссии, специфичная для групповых нравственных решений.

Ключевые слова: моральная ориентация, моральная дилемма, малая группа, ролевая структура группы, групповая дискуссия.

Введение

На протяжении последних лет тема нравственности как психологического феномена становится все более актуальной.

В связи с этим актуальным представляется изучение возможных детерминант процесса группового и индивидуального принятия нравственных решений. В данной работе предпринята по-

пытка рассмотреть в качестве таковых ролевую структуру группы и моральную ориентацию.

Объектом данного исследования является поведение членов естественных малых групп в процессе принятия ими группового нравственного решения.

Предметом данного исследования является взаимосвязь между характеристиками личности и групповыми процессами с одной стороны и индивидуальным и коллективным решением в ситуации нравственного выбора (моральной дилеммы) – с другой стороны.

Цель исследования: изучить моральную ориентацию и ролевую структуру группы как факторы, влияющие на процесс принятия группового нравственного решения.

Гипотезы:

1. Испытуемые с моральной ориентацией на справедливость будут склонны выбирать «прагматичное» решение моральной дилеммы.
2. Испытуемые с моральной ориентацией на заботу будут склонны выбирать «гуманистическое» решение моральной дилеммы.
3. Динамика групповой дискуссии в ситуации нравственного выбора связана с характеристиками ролевой структуры.
4. В процессе группового решения моральной дилеммы испытуемые не склонны менять индивидуальное решение независимо от того, как развивалась групповая дискуссия.
5. Итоговое групповое решение моральной дилеммы не определяется по принципу большинства голосов.

Методы и методики исследования: «Справедливость–забота» Молчанова, «Тест Белбина», моральная дилемма с лодкой и пловцами. Были использованы анкетирование и наблюдение за процессом групповой дискуссии.

Модель Белбина была предложена после девятилетнего исследования, в котором команды менеджеров принимали участие в управленческих упражнениях (Belbin et al., 1976). Белбин отстаивает идею о том, что высокоэффективные команды должны иметь сбалансированную представленность всех ролей.

Концепция моральной ориентации объединяет в себе две основные западные теории морального развития: когнитивный и эмпатийный подходы (Молчанов, Маркина, 2014). Таким образом, авторы выделяют два различных полюса моральной ориентации: на заботу и на справедливость.

Моральная дилемма с лодкой и пловцами является вариацией широко известной моральной дилеммы с вагонеткой (Арутюнова, 2017). В данной дилемме мы условно называем решение пожертвовать одним человеком ради спасения пятерых «прагматичным», а альтернативное решение – «гуманистическим».

Выборка: участниками данного исследования стали 70 человек, в возрасте от 16 до 32 лет, из них 25 мужчин (35%). Средний возраст участника исследования – 19 лет. Испытуемые тестировались естественно сложившимися группами по 6–8 человек, всего 10 групп. Испытуемые подбирались таким образом, чтобы соотношение мужчин и женщин во всех группах было более или менее одинаковым. Продолжительность существования всех групп, принявших участие в исследовании, составляла более одного года. Испытуемые участвовали в исследовании добровольно.

Процедура исследования

Тестирование проводилось очно, с использованием бумажных анкет, в два последовательных этапа. На первом этапе испытуемым предлагалось заполнить анкету, на втором же перед испытуемыми ставилась задача в групповом формате обсудить моральную дилемму, представленную в анкете, и прийти к единогласному решению.

После сбора данных нами были проведены проверка данных на нормальность, сравнение двух независимых выборок, кластерный и графический анализ групп по ролевому составу. Для обработки данных использовались статистические программы Jamovi v. 2.2.5, Statistica v. 12 и SPSS v. 26.

Результаты и обсуждение

Так как полученные нами в ходе исследования данные не прошли проверку на нормальность, для проверок гипотез нами были использованы непараметрические критерии.

По результатам сравнения двух групп с помощью критерия U Манна–Уитни (решение, принятое в моральной дилемме, выступало в качестве группирующей переменной), нами не было обнаружено различий между выборками с той или иной моральной ориентацией. Однако, графический анализ показал, что испытуемые с низкими и высокими показателями по обеим шкалам склонны чаще выбирать «прагматичное» решение.

Объяснением такого контринтуитивного, на наш взгляд, результата может служить взаимосвязь черт характера испытуемых

и психометрических свойств самой шкалы теста: вероятно, черты, обусловливающие склонность испытуемых к выбору крайних ответов шкалы опросника (1 или 5), а именно решительность, импульсивность и др. также обуславливают и решение пожертвовать одним человеком ради спасения пятерых в моральной дилемме.

В целях выявления влияния ролевой структуры группы на процесс групповой дискуссии, нами был проведен кластерный анализ. По его результатам можно объединить группы следующим образом: 7, 6 и 2 группы входят в кластер № 1, 8 и 10 группы входит в кластер № 2 и отдельно от них стоит группа 9.

Согласно наблюдениям, проведенным нами в процессе групповой дискуссии, мы выявили тенденцию, согласно которой в процессе принятия группового решения группы проходят следующие стадии:

1) сбор информации;
2) аргументация;
3) кризис;
4) нахождение решения.

Отличительной чертой данной здесь классификации является выделение такого этапа как «кризис», характеризующегося неким обесцениванием поставленной проблемы, благодаря которому участнику дискуссии удается (или не удается) перейти от отстаивания своей точки зрения к решению групповой задачи.

Нами также было замечено, что группы 7, 6, 9 и 2 проходили данные стадии относительно равномерно, не задерживаясь слишком долго на какой-то из них, в то время как группы 8 и 10, подойдя к стадии «кризис», постоянно возвращались к стадии аргументации до тех пор, пока силы участников продолжать дискуссию не иссякали.

Объяснением таких различий может быть более высокая выраженность групповой роли «коллективист» в группах 8 и 10 по сравнению с группами 7, 6, 9 и 2. Таким образом, можно заключить, что ролевая структура группы связана с динамикой процесса принятия группового нравственного решения.

Также следует отметить, что согласно нашим наблюдениям, испытуемые, за исключением единичных случаев, не меняли свое индивидуальное решение в процессе групповой дискуссии.

Что касается последнего предположения, касающегося несводимости группового нравственного решения к простому суммированию голосов «за» и «против», собранные нами данные пока-

зывают, что хотя соотношение мнений в группах складывается неравномерно, это не мешает достаточно упорному меньшинству отстаивать свое мнение. Так, в 3 группах из 6 (6, 7 и 10) меньшинство сумело убедить остальных принять его решение, как групповое.

Заключение

Изучение процесса принятия группового решения затруднено ввиду наличия большого числа факторов, определяющих его протекание, и принципиальной невозможности проведения классического эксперимента. В связи с этим, перспективным направлением исследований представляется разработка теоретической модели принятия групповых решений.

Литература

Арутюнова К. Р. Психофизиологический анализ закономерностей актуализации индивидуального опыта при моральной оценке действий. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2017.

Молчанов С. В., Маркина О. С. Динамика моральной ориентации в младшем подростковом, старшем подростковом и юношеском возрастах // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 134–146.

Belbin R. M., Aston B. R., Mottram R. D. Building effective management teams // Journal of General Management. 1976. V. 3. № 3. P. 23–29.

Просоциальное поведение детей дошкольного возраста как условие эффективного внутригруппового воздействия

В. В. Куцова

Проведен теоретический обзор особенностей просоциального поведения и его воздействия на представителей одной возрастной группы, в частности, среди детей младшего дошкольного возраста. Рассмотрены актуальные методы и способы, обобщены представления о его концептуальной составляющей и функциях. Продемонстрирована перспективность изучения просоциального поведения и факторов его детерминации в внутригруппового взаимодействия (*на примере детей дошкольного возраста*).

Ключевые слова: внутригрупповое взаимодействие, просоциальное поведение, социальные нормы, эмпатия, идентификация, оценка ситуации.

Процесс формирования смысла ситуации важен с точки зрения актуализации человеком определенной стратегии поведения (помогающего). Соотношение факторов: «внешних» общепринятых норм с «внутренними» характеристиками самого человека определяет специфику проявления просоциального поведения.

В современном обществе, где традиционные ценности российского общества – помощь, взаимопомощь и поддержка, – переходят от ценностей традиционного российского общества к ценностям, характерным для индивидуальных западных обществ. Особенно актуально изучать психологические механизмы, которые препятст-

вуют сохранению и развитию традиций помощи у детей, например, гедонизма, индивидуального успеха, конкуренции, в частности, у обучающихся и воспитывающихся в ДОО (старший дошкольный возраст). Гипотеза исследования: существует взаимосвязь выраженности компонентов самоотношений и мотивов оказания поддержки: чем более позитивно себя воспринимает испытуемый, тем более откровенно он говорит о мотивах оказания поддержки, чаще всего демонстрирует бескорыстную позицию. Эмпирическую базу пилотного исследования составили данные опроса 56 детей: 30 дошкольников 3-х лет и 26 дошкольников старшего возраста, ДОО «Крымуша» Симферопольский район, с. Заречное, Республика Крым. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в консультативной практике психологических служб, а также в разработке программ оптимизации учебно-воспитательной работы в ДОО. Интерес к просоциальному поведению у людей, иными словами, к поведению, направленному на других, уже продолжительное время является загадкой для многих ученых. Так как, в одной из основополагающих теорий развития человечества Ч. Дарвина освещен факт выживания сильнейшего и «жертвенное» поведение во благо другого представителя вида невыгодно, социальное поведение физиологически не должно существовать в природе, но тем не менее человек в процессе эволюции демонстрирует поведенческие акты в социальной среде, которые опровергают это предположение. Так, уже в 12–14 месяцев ребенок ориентирован на помощь в хозяйственно-бытовом плане, а именно в поиске предметов, манипуляции с ними. Перед тем, как подробнее проанализировать литературу об экспериментальном изучении особенностей просоциального развития в раннем детстве, следует кратко обратиться к описанию форм, которые мы рассматриваем.

Ученые рассматривают три вида сложных ситуаций, когда осуществляется акт просоциальной активности, а иначе – помощь:

1) необходимость примитивной помощи со стороны человека, когда у человека возникают трудности в осознанном поведении;
2) неудовлетворенные материальные потребности, когда у человека нет реальной доступности к конкретному необходимому ресурсу или объекту;
3) отрицательно выраженные эмоциональные состояния или депрессии, когда человеку не хватает утешения и различной поддержки.

Каждой из приведенных ситуаций относятся следующие формы актов просоциального поведения:

- инструментальная;
- альтруистическое поведение;
- эмпатия.

Способность оказывать инструментальную помощь, т. е. помочь другому достичь своей предметной цели, появляется впервые в начале 2-го года жизни, и постоянно развивается в следующем полугодии.

Альтруистическая форма просоциального поведения, или способность делиться с другими, начинает проявляться позднее, между 18 и 24 месяцами жизни.

Поэтому завещающий в антропогенезе обретает эмпатию как просоциальный акт. При этом развитие способности оказывать эмпатическую помощь детям до трех лет происходит только в условиях, когда ребенок осознает очевидную причину эмоционального и негативного положения другого человека.

Ввиду того, что период подготовки и образования в ДОО – очень важный этап в социализации детей, наша цель – изучение различий в поведении просоциального характера у младшего дошкольника и старшего дошкольника.

Для достижения поставленной цели проводилось исследование, где приняли участие 56 детей: 30 дошкольников 3-х лет и 26 дошкольников старшего возраста. Исследование состояло из двух этапов. Первым этапом является наблюдение для моделирования ситуации помощи, которую предлагали испытуемым разыгрывать. Для этого ребята группировались по парам, и каждый из них давал инструкцию о ситуации, в которой они должны были играть. Каждый испытуемый принимал участие в роли помощника, а также в роли необходимого помощника.

При моделировании ситуаций в помощь испытуемым были предложены ответы на вопросы, связанные с этими разыгрываемыми ситуациями.

Интервью включает в себя десять вопросов, в которых иллюстрируются эмоциональные состояния детей, их мысли в процессе моделирования ситуации, мотивация помощи, особенности отношений к близким и их помощи. Полученные данные были обработаны контент-анализом, и в результате этого выделено 12 параметров, которые характеризуют построение контекста просоциального состояния у детей. Это следующие показатели: «возникновение диалога», «способ выражения запроса о помощи», «адекватность воспроизведения ситуации», «темп развития ситуации»,

«мотивация помощи», «адекватность эмоций помогающего/нуждающегося», «осознанность эмоций», «рефлексивность», «глубина погружения в ситуацию помогающего/нуждающегося» и «особенности оказания помощи». Чтобы выяснить различия по данным параметрам между младшими детьми и старшими детьми использовался критерий U Манна–Уитни. При рассмотрении динамики развития просоциального поведения (от младшего дошкольного возраста к старшему) у детей с младшего дошкольного возраста было выявлено, что существуют различия по следующим показателям: «адекватность воспроизведения ситуации», «темп развития ситуации», «адекватность эмоций помогающего», «адекватность эмоций нуждающегося», «глубина погружения в ситуацию помогающего», «глубина погружения в ситуацию нуждающегося» и «осознанность эмоций».

В то же время более высокая степень проявления этих показателей была обнаружена у старших дошкольников. Что означает, что в сравнении с младшим дошкольником они обнаруживают более высокие уровни развития психического процесса, которые важны для того, чтобы более точным и правильным образом построить просоциальный контекст ситуаций.

В целом, данные, представленные в этой статье, позволяют сделать вывод о том, что в аспекте просоциального развития у ранних детей существенно преобладают инструментальные формы помощного поведения, в отличие от эмпатического и альтруистического поведения, а также эмпатического и альтруистического поведения. При этом способность проявлять эмпатию и альтруизм у детей до 3 лет очень ограничена, зависит от многочисленных дополнительных причин.

Литература

Курганский А. В. Оценка управляющих функций у детей 3–6 лет: состояние, проблемы и перспективы // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2021. № 71 (4). С. 468–484.

Юдина Т. О. Эмпатия и мораль: место встречи (обзор зарубежных исследований) // Шаги/Steps. 2017. № 3 (1). С. 28–39.

Юдина Т. О., Котова Т. Н. Развитие просоциального поведения у детей раннего возраста // Шаги/Steps. 2015. № 1 (1). С. 108–121.

Batson C. D., Ahmad N., Powell A. A., Stocks E. L. Prosocial motivation // Handbook of Motivation Science / J. Y. Shah, W. L. Gardner (Eds). N. Y.: Guilford Press, 2008. P. 135–149.

Denham S. A., Couchoud E. A. Young preschooler's understanding of emotions // Child Study Journal. 1990. № 20. P. 171–192.

Социальная идентичность как ресурс совладания с социально-психологической пресыщенностью в мегаполисе

И. В. Ларионов

В статье рассматривается вопрос взаимосвязи городской идентичности и крайних проявлений социально-психологической пресыщенности условиями проживания в мегаполисе. Социально-психологическая пресыщенность рассматривается, как состояние, характерное для современных мегаполисов и порождаемое избытком стимулов социальной и предметно-пространственной среды мегаполиса. Результаты эмпирического исследования показали, что виды социальной идентичности горожан могут быть рассмотрены в качестве психологического ресурса, снижающие крайние проявления социально-психологической пресыщенности.

Ключевые слова: социально-психологическая пресыщенность, социальная идентичность, социальная психология города, городская среда, мегаполис, город.

Современные психологические исследования города изучают вопросы влияния предметно-пространственной среды города (архитектуры, информатизации, вандализма и т. д.) на психологическое и физиологическое здоровье горожан (Капцевич, 2021), однако остается малоизученным вопрос влияния социальной среды города на его жителей. С позиций разрабатываемого нами подхода избыток социальных и предметно-пространственных стимулов городской среды приводит к состоянию социально-

психологической пресыщенности условиями проживания в мегаполисе. Концептуально феномен СПП определяется автором как психологическое состояние, порождаемое взаимодействием личности (группы) и социальной, предметно-пространственной среды мегаполиса; оно проявляется в эмоциональных и поведенческих реакциях горожан на избыток коммуникативных, информационных и предметно-пространственных стимулов городской среды. В качестве его источников выступают явления информационной, предметно-пространственной и социальной среды города. Они порождают амбивалентные эмоциональные переживания у жителей мегаполиса, определяющие выбор личностью стиля социального поведения в городской среде. Согласно развиваемой концепции, избыток стимулов среды мегаполиса приводит к амбивалентным эмоциональным переживаниям, которые в свою очередь стимулируют различные стили социального поведения – конструктивные (направленные на совладание с крайними проявлениями СПП) и деструктивные (избегание контакта с явлениями среды мегаполиса, выступающими в качестве источников СПП). Предыдущие исследования показали, что городская идентичность выступает как психологической ресурс, снижающий выраженность негативных эмоциональных переживаний и формирующий склонность к выбору конструктивных стилей поведения (Дробышева, Ларионов, 2021). В данном исследовании мы рассмотрим взаимосвязь показателей социальной идентичности и крайних проявлений СПП. Социальная идентичность выполняет ряд функций, среди которых выделяются функция адаптации (приспособление к социальным условиям), ориентации (поиск своего места в социальном пространстве) и структурная (придание окружающей социальной среде определенности и упорядоченности) (Иванова, 2003). Данный феномен можно определить, как социокультурно обусловленный компонент личности, который активно конструируется в процессе взаимодействия личности и общества. Таким образом, можно предположить, что процесс социальной идентификации выступает как приспособление к чрезмерно насыщенной социальной среде города – идентифицируя людей вокруг себя, как представителей определенных социальных групп, формируется представление об их характеристиках и возможном поведении. На основании вышеизложенного сформулировали гипотезу исследования – выраженная социальная идентичность отрицательно связана с крайними проявлениями СПП.

Выборка. В исследовании приняли участие 322 респондента, проживающих в Москве в возрасте от 30 до 64 лет (средний возраст – 42 года), из них 107 мужчин и 215 женщин. Все респонденты отмечали в качестве основной деятельности работу.

Методы исследования. Для изучения проявлений социально-психологической пресыщенности применяли авторские опросники, сконструированные на материале предыдущих исследований (Ларионов 2023). Для анализа аффективного компонента респондентам предлагалось оценить выраженность 9 переживаний (беспокойство, грусть, апатия, раздражение, воодушевление, удовлетворение, интерес, радость, отвращение), вызванных 11 явлениями городской среды, рассматриваемыми нами в качестве источников СПП. Опросник, направленный на выявление поведенческих проявлений СПП включал в себя 22 поведенческие стратегии, направленные на совладание или избегание с источниками СПП. С целью изучения социальной идентичности респондентов применяли модифицированный вариант опросника «Шкалы социальной идентичности» Н. И. Даудрих (Даудрих 2000). Использовали следующие методы статистического анализа: частотный анализ, корреляционный анализ (критерий Спирмена).

Полученные результаты показали следующее. В исследуемой группе наиболее выражена идентичность с семьей, друзьями, единомышленниками, коллегами и жителями Москвы. Результаты корреляционного анализа показали, что идентификация с семьей и жителями Москвы отрицательно связана с переживанием негативных эмоций (беспокойство, апатия, грусть, раздражение, отвращение). Можно предположить, что данные виды социальной идентичности (семейная и городская) могут быть рассмотрены как психологический ресурс горожан, снижая интенсивность их негативных эмоциональных переживаний, порождаемых условиями жизни в мегаполисе. Осознавая свою принадлежность к городу, респонденты воспринимают Москву как столичный город, обладающий большими возможностями, необходимыми для реализации их жизненных планов. Тем самым реализуется ориентировочная функция городской идентичности – приспособление к постоянно изменяющимся социальным условиям города с целью поддержания целостности, внутренней тождественности своего бытия. Идентичность с семьей выполняет защитную функцию. В сложных ситуациях городской жизни психологическая и материальная поддержка семьи помогает горожанам преодолевать трудности, актуализируя конструктивные способы совлада-

ния с негативными переживаниями. В то же время обнаружено, что идентичность с группой единомышленников, людьми схожей религии, уровня дохода и с жителями мегаполиса положительно связана с переживанием позитивных эмоций (воодушевление, удовлетворение, интерес, радость). Идентифицируя себя как члена этих групп, осознавая общность с ними, респонденты тем самым воспринимают себя как часть большого сообщества – жителей мегаполиса со средним уровнем дохода, разделяющих взгляды на значимые для них явления социальной и духовной жизни. Тем самым окружающие их люди перестают восприниматься «обезличенной массой», толпой. Например, в ситуации перенаселенности горожане способны идентифицировать незнакомцев, выделяя среди них по вербальным и невербальным признакам людей с таким же доходом, той же религии, «типичных жителей мегаполиса», тем самым снижая негативные психологические последствия социального стресса.

Полученные результаты показали, что социальная идентичность, являясь показателем значимости тех или иных социальных групп горожан для респондентов, выступает ресурсом преодоления крайних аффективных проявлений социально-психологической пресыщенности условиями проживания в мегаполисе. Можно предположить, что социальная идентичность, выполняя функции адаптации и упорядочивания, является психологическим ресурсом приспособления к социальной среде города – являясь социальными группами большего масштаба (в которых не подразумевается непосредственный контакт и знакомство), положительная идентификация с данными группами может быть связана с феноменом «знакомых незнакомцев». Вычленение из социальной среды представителей определенных социальных групп позволяет горожанам актуализировать стереотипы о незнакомце, как о представителе данной группы, тем самым снижая психологический дискомфорт от вынужденных социальных контактов.

Литература

Даудрих Н. И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2000. № 12. С. 77–95.

Дробышева Т. В., Ларионов И. В. Связь социально-психологической пресыщенности и городской идентичности в группе молодежи-жителей мегаполиса // Международная научная конференция «Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобаль-

ных перемен», посвященная 65-летнему юбилею В. Н. Дружинина 2020. С. 739–747.

Иванова Н. Л. Психологическая структура социальной идентичности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2003.

Капцевич О. А. Психологические эффекты визуального восприятия городской среды: систематический обзор // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. Т. 18. № 3. С. 575–597.

Ларионов И. В. Связь переживаний и стилей поведения в структуре социально-психологической пресыщенности горожан условиями жизни в мегаполисе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 1.

Авторитарное подчинение и авторитарная агрессия в структуре личности жертв домашнего насилия

В. Е. Лебедева

В данной работе сконструирована путевая модель авторитарного подчинения и авторитарной агрессии у жертв домашнего насилия. Прямое влияние на авторитарную агрессию оказывают предикторы «авторитарное подчинение», «силовое мышление», «склонность к потреблению порнографического контента», «нетерпимость»; непрямое влияние – переменная «силовое мышление» посредством медиатора «авторитарное подчинение».

Ключевые слова: виктимность, домашнее насилие, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, путевой анализ.

В последние годы в российском обществе наблюдается тенденция роста агрессии в различных формах (физическая, вербальная, косвенная) и контекстах (профессиональный, школьный коллектив; реальная, виртуальная среда; детско-родительские, супружеские отношения). Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, прирост зарегистрированных убийств и покушений на убийство составил 4% (от 7332 до 7628 случаев) с 2021 по 2022 гг., что является крайним выражением физической агрессии (Генеральная прокуратура РФ, 2022). Кроме того, в исследовании АНО «Левада-Центр» зафиксировано усиление агрессии среди окружающих людей по субъективным оценкам россиян (n = 1616, увеличение с 37 до 57% опрашиваемых) в период с 2017 по 2021 гг. (АНО «Левада-Центр», 2021).

Значимость изучения динамики статистических показателей, отражающих уровень агрессии в социуме, и поиска их детерминант, не вызывает сомнений. Однако помимо количественного анализа агрессии представляется необходимым исследование качественной специфики генезиса и проявления отдельных ее видов у разных социальных групп. В данной работе нами предпринимается попытка выявить предикторы авторитарного подчинения и авторитарной агрессии у жертв домашнего насилия.

В виктимологии связь агрессивного и виктимного поведения жертвы нередко рассматривается как причинно-следственная: агрессия является одним из факторов виктимизации личности (Варчук, 2009). С учетом содержательной специфики ситуации домашнего насилия данный тезис можно обосновать следующим образом: согласно теории авторитарной личности, разрабатывавшейся Э. Фроммом, Т. Адорно и др., адаптация к ситуации насилия может осуществляться с помощью формирования эмоциональной потребности в подчинении агрессору вне зависимости от его личностных качеств («авторитарное подчинение»; Денисова, 2012); подавленные страх и агрессия субъекта по отношению к доминантным фигурам могут провоцировать проекцию агрессии на более доступные, «слабые» объекты, идентификацию с агрессором за счет «силового мышления» (мышления в категориях сильный/слабый, стремления к утверждению своего Я и власти посредством силы; Денисова, 2012), компенсацию дефицита контроля над своей жизнью с помощью поиска нарушителей конвенциальных норм, их осуждения и наказания («авторитарная агрессия»; Денисова, 2012).

Таким образом, актуальность исследования авторитарного подчинения и авторитарной агрессии у жертв домашнего насилия обусловлена необходимостью раскрытия механизмов виктимизации личности.

Цель исследования: выявление предикторов авторитарного подчинения и авторитарной агрессии у жертв домашнего насилия.

Гипотеза исследования: экзогенные переменные «силовое мышление», «легитимизированная агрессия», «неуверенность в себе», «склонность к потреблению порнографического контента», «нетерпимость», «деструктивная сверхзависимость», «эмоциональная опора на других» оказывают прямое положительное влияние на выраженность эндогенных переменных «авторитарное подчинение», «авторитарная агрессия».

Характеристика выборки. Выборку составили 198 женщин, переживших опыт домашнего насилия в супружеских/партнерских отношениях. Возраст: 18–49 лет (M = 21). Половая однородность

выборки связана с преобладанием женщин среди потерпевших от насильственных действий членов семьи (Федеральная служба государственной статистики, 2021).

Методики исследования: «Авторитарный потенциал личности» Д. М. Денисовой; «Опросник установок к сексу» Г. Айзенка; «Тест на межличностную зависимость» Р. Гиршфильда; «Тест профиля отношений» Р. Борнштейна; «Опросник легитимизированной агрессии» С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского; «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина, П. А. Ковалева. Математические методы обработки данных: путевой анализ в программе Jamovi v. 2.4.6.

Обсуждение результатов исследования. Включенные в путевую модель эндогенные (предикторы) и экзогенные (зависимые) переменные (шкалы использованных методик) обозначены в гипотезе исследования. Были получены следующие показатели качества модели: RMSEA = 0,024 (доверительный интервал: 0–0,113); CFI = 0,998; SRMR = 0,013; GFI = 1; $\chi^2 = 4{,}47$ (df = 4), которые показывают соответствие путевой модели эмпирическим данным.

Из включенных в путевую модель предикторов значимое ($p<0{,}01$) прямое влияние на выраженность авторитарной агрессии оказывают переменные «авторитарное подчинение» ($\beta = 0{,}251$), «силовое мышление» ($\beta = 0{,}526$), «склонность к потреблению порнографического контента» ($\beta = -0{,}132$), «нетерпимость» ($\beta = 0{,}147$); на выраженность авторитарного подчинения – переменная «силовое мышление» ($\beta = 0{,}632$). Авторитарное подчинение обуславливает высокую выраженность авторитарной агрессии, так как агрессия жертв нуждается в разрядке на доступный и безопасный объект в отличие от ее источника (агрессора) или же они копируют модель поведения агрессора, реализуя ее на более «слабой» мишени. Силовое мышление оказывает влияние на возрастание авторитарного подчинения и агрессии, поскольку подверженный ему индивид оперирует категориями силы/слабости. Не соответствуя своему представлению о сильной персоне, он может нуждаться во внешнем источнике силы в виде авторитарной фигуры. Склонность к потреблению порнографического контента вносит отрицательный вклад в выраженность авторитарной агрессии либо в силу низкой выраженности данного показателя в выборке, либо – смещения агрессии при просмотре жестоких порнографических материалов, связанных с темой доминирования/подчинения. Нетерпимость детерминирует авторитарную агрессию личности в силу того, что столкновение с инаковостью Другого может опосредовать ее тревогу и страх перед чуждыми, не вписывающимися в ее кар-

тину мира ценностями, смыслами, образом жизни. Как следствие, субъект может отторгать новый опыт, проявлять агрессию по отношению к Другим, воспринимаемых как Враги.

Также было обнаружено, что шкала «силовое мышление» посредством медиатора «авторитарное подчинение» оказывает положительное влияние на выраженность авторитарной агрессии ($\beta = 0{,}159$, $p < 0{,}01$). Таким образом, оценка личностью интеракций в социальной среде с позиции силы может иметь негативные эффекты в виде идентификации себя как «слабой», потребности в подчинении более компетентной, доминантной фигуре для снятия с себя ответственности за свою жизнь, выборы в ней. В свою очередь, пассивная позиция жертв, переживание агрессии со стороны авторитета способствуют проецированию агрессивных импульсов с их источника на субъектов, нарушающих определенные нормы, не подчиняющихся им, что может быть связано с попыткой восстановления контроля над собственной жизнью за счет реализации права судить и наказывать кого-либо или с компенсацией чувств зависти, досады, неудовлетворенности от своего положения.

Выводы

По результатам проведенного исследования сконструирована путевая модель авторитарного подчинения и авторитарной агрессии у жертв домашнего насилия. Выдвинутая гипотеза подтвердилась частично, тем не менее полученные результаты могут быть использованы в целях психологической коррекции уязвимых зон личности, пережившей опыт домашнего насилия.

Литература

АНО «Левада-Центр» (внесена в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента). Чувства россиян. URL: https://www.levada.ru/2021/02/16/chuvstva-rossiyan (дата обращения: 25.08.2023).

Варчук Т. В. Виктимология: учебное пособие / Под ред. С. Я. Лебедева. М.: Юнити, 2009.

Генеральная прокуратора РФ. Зарегистрировано убийств и покушений на убийство (ст. 30, 105–107 УК РФ). URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 25.08.2023).

Денисова Д. М. Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности // Тр. СПИИРАН. 2012. Т. 21. С. 228–237.

Федеральная служба государственной статистики. Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенными в отношении члена семьи. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-25.xlsx (дата обращения: 25.08.2023).

Эстетическая отзывчивость как личностная диспозиция

А. В. Леонова

Данная статья представляет собой программу исследования, которое проводится в рамках работы над кандидатской диссертацией. Основным предметом выступает такое психологическое явление, как эстетическая отзывчивость. Рассматриваются подходы к пониманию эстетического восприятия. Формулируется концептуальный подход к определению и исследованию эстетической отзывчивости как диспозиции личности. Предлагается авторская методика, созданная для измерения разных проявлений эстетической отзывчивости. Представлен план дальнейшего исследования данного предмета в рамках диссертационной работы.

Ключевые слова: психология искусства, эстетическая отзывчивость, экспериментальная эстетика.

Эстетическое восприятие – одна из наиболее интенсивно развивающихся областей в рамках психологии искусства. Одним из ключевых вопросов, стоящих перед исследователями в этом направлении, является установление, какие черты/качества, присущие человеку, опосредуют процесс восприятия эстетики вообще и искусства в частности. Более того, также крайне важно понять, можно ли говорить о некоем диспозициональном (устойчивом) личностном качестве, отвечающем за процесс эстетического восприятия, или же его опосредует набор каких-то других психических явлений?

Существует несколько парадигм, в рамках которых дается ответ на этот вопрос. В рамках когнитивного направления предла-

гается рассматривать эстетическое восприятие как обработку особых – эстетически окрашенных – стимулов. Таким образом, авторы, придерживающиеся подобных взглядов, считают, что процесс эстетического восприятия определяется не столько качествами воспринимающего объекта, сколько особенностями воспринимаемого стимула (Graf, Landwehr, 2017). В рамках психологии личности предлагается несколько иной подход к рассмотрению этого вопроса. Как правило, авторы предлагают или определенный набор личностных коррелятов эстетического восприятия (черт, диспозиций, способностей) (Myszkowski, Storme, 2014), или же постулируют некое новое психологическое явление, которое, по их мнению, и «отвечает» за восприятие эстетики (Diessner et al., 2008).

Несмотря на то, что представители последнего направления значительно продвинулись в своей работе, почти все из них совершают важную концептуальную ошибку, а именно, изучая восприятие искусства, не проводят границу между понятиями «красота» и «эстетика». Объекты, вызывающие эстетическое переживание, далеко не всегда красивы в традиционном смысле этого слова. Именно поэтому изучая эстетическое восприятие, особенно по отношению к произведениям изобразительного искусства, правильнее было бы говорить не о красоте как таковой, а о некой отдельной категории явлений, вызывающих специфический – эстетический – тип переживаний. Наиболее близким к этому понятию может быть концепт прекрасного, который долгое время разрабатывался в рамках западноевропейской философии.

Именно поэтому представляется интересным изучить, существует ли некая отдельная черта/диспозиция, которая позволяет человеку быть чувствительным именно к визуальным эстетическим стимулам, а не к красоте вообще. Согласно нашему представлению, такое качество существует; мы предлагаем называть его эстетическая отзывчивость. Более того, предполагается, что это качество хотя и может коррелировать с некоторыми другими чертами/способностями человека, все же не сводится к ним.

Так как центральное понятие – эстетическая отзывчивость – является новым, важную часть работы составляет его формулировка и уточнение, а также его дальнейшая операционализация и создание методики для его измерения. Согласно рабочему определению, эстетическая отзывчивость – это устойчивая восприимчивость человека к визуальному изобразительному искусству, выражающаяся феноменологически в переживании эстетических эмоций. Важно оговориться, что конкретно данный термин

описывает восприимчивость к произведениям изобразительного искусства (прежде всего – к живописи). Это не значит, что не существует эстетической отзывчивости к другого рода эстетическим объектам; однако данное понятие сосредоточено именно на живописи, а потому его проявления будут узко специфичны.

В настоящий момент сформулировано несколько проявлений эстетической отзывчивости, а также разрабатывается методика для ее измерения. Основные проявления эстетической отзывчивости это:

- Проявление 1. Способность получать удовольствие от художественной формы (удовлетворение от «чистой формы», в том числе и бессюжетной живописи – абстракционизма).
- Проявление 2. Переживание эстетических эмоций.
- Проявление 3. Восприимчивость к непривычной эстетике (эстетике безобразного).

Таким образом, целью данного исследования является попытка установить, действительно ли эстетическая отзывчивость может считаться отдельной диспозицией, не сводящейся к опытности в восприятии произведений изобразительного искусства, а также к некоторым другим личностным чертам.

Согласно нашей гипотезе, люди, обладающие эстетической отзывчивостью, будут демонстрировать большую вовлеченность в предлагаемые им визуальные эстетические стимулы (в нашем случае – репродукции картин), даже в тех случаях, когда у них не будет соответствующего эстетического опыта, а также ряда тех качеств/черт, которые уже были описаны в литературе как возможные корреляты восприятия искусства.

В качестве выборки будут задействованы люди обоих полов и разных возрастов; важно, чтобы среди них были люди с разным образованием, и, что не менее важно, с разным эстетическим опытом. На концептуальном уровне нам крайне важно будет отделить людей, так или иначе имеющих опыт в восприятии изобразительного искусства от «новичков». Критериями такого отбора могут стать как некоторые формальные признаки (например, наличие искусствоведческого/художественного образования), так и результаты использования дополнительных методик. Так, в рамках другого исследования автором была разработана методика для измерения компетентности в области абстрактного искусства. Методика показала высокую надежность и валидность и может быть использована в рамках планируемого исследования.

В исследовании предполагаются следующие группы измеряемых переменных:

- Эстетическая отзывчивость – измеряется авторской методикой задачного типа (в разработке).
- Компетентность в области искусства – измеряется авторской тестовой методикой (прошла контроль).
- Открытость к новому – шкалы из The Big Five Inventory или из NEO PI-R.
- Другие контрольные переменные будут установлены и измерены при помощи существующих методик.

Разрабатываемая методика представляет собой ряд картин, а также вопросы со шкалой Ликерта для самоотчета. Респонденты дают ответы касаемо их впечатлений от увиденного, при этом картины подобраны таким образом, чтобы затрагивать разные категории эстетики, особенно категории прекрасного и безобразного (они являются базовыми для эстетических учений в западноевропейской философии). В методике также широко представлены абстрактные картины, так как именно они позволяют испытать чистое «удовольствие от формы» (Проявление 1), а также средневековые миниатюры, которые для большинства «наивных» респондентов являются олицетворением непривычной для них эстетики (Проявление 3). Методика будет опробована на пилотной выборке, чтобы оценить ее надежность и валидность, и, при необходимости, несколько ее скорректировать.

Установление того, является ли эстетическая отзывчивость отдельным качеством (личностной чертой, или, скорее, диспозицией) станет довольно важным этапом в изучении психологии восприятия искусства – того, что в западной традиции принято называть Empirical Aesthetics.

Литература

Diessner R., Solom R. D., Frost N. K., Parsons L., Davidson J. Engagement with beauty: apreciating natural, artistic and moral beauty // The Journal of Psychology. 2008. V. 142. № 3. P. 303–332.

Graf L. K. M., Landwehr J. R. Aesthetic pleasure vs aesthetic interest: the two routes to aesthetic liking // Frontiers in Psychology. 2017. № 8. doi: 10.3389/fpsyg.2017.00015

Myszkowski N., Strome M., Zenasni F., Lubart T. Is visual aesthetic sensitivity independent from intelligence, personality and creativity? // Personality and Individual Differences. 2014. V. 59. P. 16–20.

Исследование социального оптимизма студенческой молодежи, проживающей в условиях приграничного региона

М. И. Логвинова

Целью исследования стало изучение социального оптимизма студенческой молодежи, проживающей в условиях приграничного региона. В исследовании приняло участие 282 человека (*в возрасте от 18 до 23 лет*). *Гипотезой выступило предположение о том, что для студенческой молодежи, проживающей в условиях приграничного региона, характерно преобладание позитивных ожиданий относительно будущего. В ходе онлайн-анкетирования установлено относительное преобладание социального оптимизма исследуемых при значительном числе неопределившихся в вопросе ожиданий по отношению к будущему.*

Ключевые слова: социальный оптимизм, молодежь, студенты, будущее, приграничный регион.

В настоящее время российское общество живет в условиях неопределенности, значительная его часть переживает ситуацию витальной угрозы. В этих условиях актуальным становится исследование социального оптимизма населения приграничных регионов, его поддержание и стимулирование, так как он способствует сохранению осознанности, осмысленности бытия, надежды на позитивные изменения в будущем, а для кого-то – позволяет не утратить смысл жизни. Именно в условиях кризиса, когда в обществе актуализируются депрессивные и суицидальные тенденции, параллель-

но с этим идет мобилизация личностных ресурсов, запускаются защитные психологические механизмы, одним из которых и выступает социальный оптимизм.

В широком смысле под социальным оптимизмом в психологии понимается обобщенное ожидание успешного преодоления конкретных социальных проблем в будущем, позитивные ожидания относительно него. Однако Т. А. Нестик отмечает, что еще одним компонентом социального оптимизма является коллективная самоэффективность, убежденность членов группы в способности совместными усилиями действовать в направлении достижения поставленных целей (Нестик, 2023).

Студенчество – одна из наиболее активных частей общества, уже в скором времени именно современные студенты станут профессионалами в различных сферах, лидерами общественного мнения. При этом студенческая молодежь ввиду своего особого статуса (зависимого материального положения, наличия свободного времени, большей гибкости в поведении и деятельности, открытости новому, ограниченного жизненного опыта) потенциально может стать объектом воздействия представителей радикальной идеологии, экстремистских, националистических и иных деструктивных организаций. В ходе вербовки и психологического давления может разрушаться образ будущего молодого человека с целью склонения его к противоправным действиям. Это обуславливает актуальность исследования социального оптимизма студенческой молодежи, проживающей в приграничном регионе.

Гипотеза исследования: для студенческой молодежи, проживающей в условиях приграничного региона, характерно преобладание позитивных ожиданий относительно будущего.

Методический блок исследования включил анкету «Социальный оптимизм» (составлена на основе работ Т. А. Нестика), а также математико-статистические методы (методы описательной статистики).

В выборку исследования вошли студенты Курского государственного университета, объем выборки составил 282 человека, из них 71,4% – женщины. Средний возраст участников исследования – 19,8 лет. В исследовании принимали участие студенты очной формы обучения.

Исследование было добровольным, анонимным, проводилось в онлайн-формате в мае–июне 2023 года. Респондентам предлагался ряд вопросов и несколько вариантов ответов. Для определения социального оптимизма мы подсчитывали процент исследуе-

мых, выбравших ответ «скорее согласен» или «согласен», от общего числа опрошенных.

В ходе исследования нами было установлено следующее:

1. В ответе на вопрос «Насколько вы согласны со следующим утверждением: наши дети будут жить лучше нас?» относительное большинство студентов приграничного региона (46%) проявили позитивными ожидания относительно будущего, примерно столько же респондентов дали нейтральную оценку (42%), при этом негативные ожидания относительно будущего детей выявлены лишь в 12% случаев.

   Для большей наглядности в анализе результатов мы будем обращаться к исследованиям Т. А. Нестика, несмотря на ряд ограничений, связанных с характеристиками выборки, временем проведения исследования и др., данное сопоставление представляется нам интересным. Сравнивая данный результат с полученным ранее в работах Т. А. Нестика в сентябре 2021 г. (Нестик, 2021), видим определенное сходство для возрастной категории 18–24 лет, где социальный оптимизм был выявлен в 43% случаев.

   Обращает на себя внимание тот факт, что значительное число студентов приграничного региона не имеет сформировавших ожиданий относительно будущего (42%), это может объясняться как нежеланием, неготовностью осуществлять долгосрочную ориентацию, так и неопределенностью кризисных условий, растерянностью перед будущим. Данная часть студенческой молодежи, на наш взгляд, требует особого внимания со стороны психологической службы вуза, подразделений, отвечающих за реализацию молодежной политики и воспитательной деятельности, так как целенаправленная работа может способствовать формированию более богатого и оптимистичного образа будущего. С другой стороны, есть риск негативного внешнего вмешательства, который следует учитывать.
2. Относительное большинство студенческой молодежи приграничного региона (46%) считает, что в ближайшие 3–4 года уровень социального неравенства в нашей стране не снизится, демонстрируя социальный пессимизм, нейтральная оценка выявлена в 31% случаев, а позитивные ожидания в этом вопросе имеют менее четверти опрошенных (23%).

   Данные результаты, как мы полагаем, могут быть связаны с недостаточным уровнем социального и институционального

доверия в обществе, в частности, по отношению к государству, отсутствием веры в помощь со стороны, надеждой на собственные силы.

3. Практически две трети представителей студенческой молодежи приграничного региона (62%) демонстрируют социальный оптимизм в контексте уверенности в способности россиян изменить жизнь в стране к лучшему, при этом не уверены в таком развитии событий лишь 12% опрошенных, а затруднились с определением своей позиции более четверти респондентов (26%).

   Как мы видим, социальный оптимизм студентов приграничного региона раскрывается через призму коллективной самоэффективности, веры именно в собственные силы, возможности.

4. Большинство представителей студенческой молодежи приграничного региона (55%) считают, что в будущем российское общество сможет решить большинство проблем, которые волнуют жителей нашей страны, при этом пессимистично настроены в этом вопросе 15% студентов, а практически треть (30%) респондентов занимают неопределенную позицию.

   Сравнивая данный результат с полученным ранее в работах Т.А. Нестика (Нестик, 2021), где в интересующей нас возрастной категории только 38% опрошенных проявляли социальный оптимизм в этом вопросе, можно отметить достаточно позитивные ожидания со стороны студенческой молодежи приграничного региона.

   Однако следует помнить, что рост социального оптимизма перед лицом внешней угрозы, как правило, носит временный характер, требуются целенаправленные усилия для его поддержания.

5. Уверенность в завтрашнем дне чувствуют 38% студентов приграничного региона, треть опрошенных (33%) затруднились ответить на вопрос относительно собственной уверенности в завтрашнем дне, 29% студентов не уверены в будущем.

Обобщая вышесказанное, отметим, что выдвинутая нами гипотеза в ходе исследования частично нашла свое подтверждение. В большинстве случаев наблюдается преобладание позитивных ожиданий относительно будущего над негативными, однако многие студенты приграничного региона переживают состояние неопределенности, не имеют устойчивой позиции, а у части опрошенных преобладает социальный пессимизм.

Литература

Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 9 (14). С. 6–48.

Нестик Т. А. Социальный оптимизм в условиях кризиса: от защитных механизмов к постановке совместных целей // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 6-й Международной конференции (2–3 февраля 2023 г., Москва). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2023. С. 140–145.

Гендерные установки у молодежи, увлекающейся современной корейской культурой

М. П. Логинова

В статье представлен анализ кризиса идентичности и его связь с цифровизацией и глобализацией социума. Помимо этого, рассматривается связь процесса формирования идентичности и субкультуры, в частности изучается такая субкультура, как современная корейская культура. Представлены результаты эмпирического исследования, цель которого была рассмотреть различия в гендерных установках у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой.

Ключевые слова: современная корейская культура, гендерные установки, идентичность, маскулинность, феминность, молодежь.

В современном обществе наблюдается кризис идентичности. Данный кризис выражается, по замечанию З. Баумана, в том, что идентичность превращается в «идентеймент» становясь развлекательным шоу, связанным с коммерциализацией (Бауман, Донскис, 2019, с. 57). Н. А. Родосский отмечает, что информационная революция поставила под сомнения не только представление о нормальности (в результате развития социальных сетей претерпевает трансформацию представление о том, каким должно быть тело как у мужчин, так и у женщин), но и способствовала тому, что процесс «идентификации» воспринимается как постоянный процесс, «Я» должно меняться (Родосский, 2023, с. 157–159).

Е. Г. Вялова отмечает, что сам процесс формирования идентичности происходит противоречиво, так как в обществе нет четкой духовной общности индивидов (Вялова, 2016). Как замечает А. Г. Лаврова, современная культура состоит из большого количества субкультур, которые и влияют на формирование идентичности (Лаврова, 2012). При этом субкультура опирается на культурный код, связана с доминирующей культурой, но имеет ряд особенностей, которые не совпадают с основной культурой. Данное явление влияет на специфику формирования идентичности.

Одним из примеров современной субкультуры, которая присутствует в России – это «корейская волна» («халлю»). Культура современной Южной Кореи представлена в России, как K-pop (корейская поп музыка), K-drama (корейский кинематограф), K-beauty (корейская косметика), K-pop cover dance (повтор танца исполнителей K-pop) и т. п.

Современная корейская культура транслирует специфическое представление гендерных установок. Например, по отношению к юношам, представлено такой образ как «мягкая маскулинность» – мужчина может краситься, ухаживать за своей внешностью, носить элементы женского гардероба и аксессуары. Относительно транслируемого образа женщин можно отметить тенденцию стремления к худобе. Девушка должна выглядеть невинно, нежно и миловидно.

Подобное культурное влияние не могло не отразиться на восприятии гендерных установок у российской молодежи, которая увлекается современной корейской культурой.

Российская культура стремится к утверждению традиционных ценностей и традиционных гендерных установок. Мужчина должен быть твердым, не проявлять эмоции, быть агрессивным в вопросах достижения целей, должен быть склонен к риску и т. д. Феминность и сексуальность становятся важными качествами женской телесности в современной культуре. Однако образ сильной женщины превалирует в массовом сознании.

Таким образом, наблюдается противоречие в транслируемых гендерных нормах субкультуры K-pop в России и «основной» культуры России. Поэтому, необходимо рассмотреть, как влияет современная корейская культура на восприятие и формирование гендерных установок у российской молодежи, увлекающейся этой культурой.

Цель исследования – сравнить гендерные установки у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой.

Задачи исследования

1. Рассмотреть теоретико-методологические основы эмпирического исследования особенностей гендерных представлений у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой.
2. Составить авторскую анкету, направленную на выявление гендерных особенностей у молодежи, увлекающейся современной корейской культурой.
3. Определить гендерные установки у представителей молодежи, увлекающихся и не увлекающихся современной корейской культурой.
4. Сравнить гендерные установки у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой.

Объект исследования – молодежь (юноши и девушки) в возрасте от 18 до 35 лет, увлекающиеся и не увлекающиеся современной корейской культурой.

Предмет исследования – гендерные установки у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой.

Гипотеза исследования – существуют различия в гендерных установках у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой.

Методы: Теоретический анализ, позволивший выявить социально-психологические особенности молодежи, увлекающейся современной корейской культурой.

Эмпирические методы: анкетирование, тестирование.

Методики:

1. Опросник «Нормы мужского поведения» И. С. Клециной.
2. Опросник «Нормы женского поведения» И. С. Клециной.
3. Опросник «Пословицы» И. С. Клециной.
4. Авторская анкета «Гендерные установки и отношение к телесности».

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 105 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет (средний возраст юношей Ю = 27,3, средний возраст девушек Д = 24,1). Выборку составили 28 юношей и 77 девушек, из них 62 респондента увлекаются современной корейской культурой (11 юношей и 51 девушка) и 43 респондента не увлекаются современной корейской культурой (17 юношей и 26 девушек). Исследование проводилось летом 2023 года.

Математическая обработка результатов проведена при помощи программы IBM SPSS Statistics v. 23, метод сравнения – t-критерий Стьюдента для независимой выборки.

Результаты

Между группами обнаруживаются статистически значимые различия по следующим факторам. Для молодежи, увлекающейся современной корейской культурой, в большой степени характерно предпочтение пластической хирургии ($p<0,05$), стремление к гендерной толерантности ($p<0,05$), самодостаточность женщины в отношениях с мужчинами ($p<0,05$), а также эгалитарные гендерные установки ($p<0,05$).

Для молодежи, не увлекающейся современной корейской культурой, характерно представление о таких критериях маскулинности, как: жесткость, твердость ($p<0,05$), опора на собственные силы ($p<0,05$), ориентация на достижение и высокий статус ($p<0,05$), принятие обезличенных сексуальных отношений ($p<0,05$), гомосоциальность и гомофобия ($p<0,05$), а также приверженность традиционалистским нормам мужского поведения. Помимо этого, для молодежи, не увлекающейся современной корейской культурой, характерно представление о таких критериях феминности, как: установка на замужество и материнство ($p<0,05$), стремление женщины быть хорошей хозяйкой ($p<0,05$), значимость привлекательной внешности ($p<0,05$), готовность заботиться о семье и близких людях ($p<0,05$), мягкость и чувствительность ($p<0,05$), зависимость в отношениях с мужчинами ($p<0,05$), приверженность традиционалистской модели феминности ($p<0,05$).

Выводы

Можно заключить, что увлечение современной корейской культурой обуславливает приверженность российской молодежи эгалитарным гендерным установкам. Молодежь, увлекающаяся современной корейской культурой, придерживается мнения, что женщине позволительно проявлять силу, власть и независимость по отношению к мужчинам, а для мужчин позволительно проявлять слабость («мягкая маскулинность»), ухаживать за своей внешностью. Молодежь, не увлекающейся современной корейской культурой придерживается традиционных гендерных установок – мужчина должен быть тверд в своих решениях, женщина должна слушать мужчина, женщине надо быть мягкой и чувствительной. Таким образом, гипотеза о наличии различий в гендерных уста-

новках у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой – подтвердилась, и были обнаружены значимые различия в гендерных установках у молодежи, увлекающейся и не увлекающейся современной корейской культурой.

Литература

Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.

Вялова Е. Г. Идентичность молодежи в контексте современных философских исследований // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2 (30). С. 126–132.

Лаврова А. Г. Субкультуры современного общества. Причины выбора // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2012. № 32. С. 169–171.

Родосский Н. А. Постправда или фейк: проблема истины в социальных медиа. СПб.: Владимир Даль, 2023.

Взаимодействие детей младшего школьного возраста с детским церебральным параличом и нормально развивающихся в ситуации совместного решения задачи

М. О. Макась

В статье приводятся результаты исследования взаимодействия детей с ДЦП и нормально развивающихся детей младшего школьного возраста в ситуации совместного решения задачи. В ходе эмпирического исследования у младших школьников с ДЦП с умственной отсталостью, у младших школьников с ДЦП с сохранным интеллектом и нормально развивающихся младших школьников были обнаружены статистически значимые различия позиции во взаимодействии.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, детский церебральный паралич, совместное решение задачи, младшие школьники, сверстники.

Социальное взаимодействие детей с ДЦП со сверстниками изучено крайне мало, в отличие от взаимодействия ребенка без патологий со своими сверстниками. Также большое количество отечественных исследований направлено на изучение именно двигательных расстройств детей с ДЦП. В Белоруссии нет единых программ по адаптации детей с ДЦП в социуме. В связи с этим тема актуальна и нуждается в дальнейших исследованиях.

Л. С. Выготский рассматривал социальное взаимодействие и социальные отношения как синоним термину «сотрудничество», указывая на несоответствие с термином «индивидуальное поведение». Он акцентировал то, что любая высшая психологи-

ческая функция была формой психологического сотрудничества, и лишь потом стала индивидуальным способом поведения (Выготский, 2006).

В процессе социального взаимодействия детей с ДЦП со сверстниками можно выделить ряд особенностей и проблем. Первой из них являются, сложности в понимании и восприятии личности другого человека. Для школьников младшего возраста с нарушением опорно-двигательного аппарата характерна направленность на себя, а не на других, их не интересуют переживания, мысли, чувства сверстников, только свои собственные. Это и отличает их от сверстников без патологий, для которых важным фактором взаимодействия является мнение других, желание быть частью группы, сотрудничать, быть дружелюбными к сверстникам (Мамаева, 2008). Второе – это то, что дети с ДЦП имеют сложности в использовании средств общения. Третье – это сложности в межличностных отношениях, связанные с тем, что для детей с ДЦП характерно инфантильное поведение, чрезмерная навязчивость по отношению к другим людям, стремление к телесному контакту (Власова, 2000). Дошкольники с ДЦП могут проявлять интерес в слишком активной и резкой форме, что часто отпугивает других детей (Гринина, Мамаева, 2015).

Исследование. В исследовании приняли участие 68 человек (37 мальчиков и 31 девочка) – учащиеся 25 и 111 школы г. Минска. Нормально развивающихся младших школьников было 56 человек, младших школьников с ДЦП 12, из которых 7 с умственной отсталостью и 5 с сохранным интеллектом. Испытуемые являются учениками младших классов (1–4 класс).

Для проведения эксперимента была выбрана оригинальная экспериментальная методика для изучения взаимодействия младших школьников со сверстниками. В качестве стимульного материала использовались кубики Никитина и разлинеенное поле для выкладывания кубиков. Эксперимент состоял из 2 этапов. В первом испытуемым предлагалось собрать картинку по готовому образцу, а во втором совместно создать свой образ.

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с помощью программы SPSS Statistics v. 22.

Были выделены следующие позиции во взаимодействии: диалогическая, доминирование, подчинение, изоляция. При анализе данных позиции баллы выставлялись следующим образом: 0 баллов – изоляция; 1 балл – подчинение; 2 балла – доминирование; 3 балла – диалогическая позиция.

В ходе нашего исследования для определения различий в позиции взаимодействия у нормально развивающихся испытуемых, испытуемых с ДЦП с сохранным интеллектом и испытуемых с ДЦП с умственной отсталостью был использован критерий Краскела-Уоллиса и описательные статистики для сравнения трех независимых выборок.

Статистически значимое различие между выборками отмечено в позиции во взаимодействии ($p<0,05$). У нормально развивающихся испытуемых среднее значение этого критерия составляет 2,41, у испытуемых с ДЦП с сохранным интеллектом – 3,00, у испытуемых с ДЦП с умственной отсталостью – 0,86. Самый низкий показатель в позиции взаимодействия был выявлен у младших школьников с умственной отсталостью, так как чаще всего они выбирали позицию изоляции, не пытаясь сотрудничать со своими сверстниками.

Исходя из проведенного нами исследования, испытуемые с ДЦП с сохранным интеллектом в 100% случаев придерживались диалогической позиции во взаимодействии. Это может быть связано с тем, что детям с ДЦП характерно инфантильное поведение, чрезмерная навязчивость по отношению к другим людям, стремление к телесному контакту и через диалогическую позицию во взаимодействии они пытаются быть ближе со сверстником, пытаются услышать его. Но интересно, что в этом стремлении они не занимают позицию подчинения, пытаясь угодить сверстнику, а именно вступают в диалог и пытаются найти общее решение, принимая мнение сверстника, но не теряя свое. Возможно, это связано с особенностями данной выборки, можно предположить, что испытуемые имеют хорошую самооценку и не воспринимают свой диагноз как ограничения, либо они пытаются компенсировать свои ограничения, показав, что у них тоже есть свое мнение и они могут не хуже справиться с заданием.

Нормально развивающиеся младшие школьники в 100% случаев придерживались всех позиций, кроме изоляции. В 60,7% они придерживались диалогической позиции во взаимодействии, и в 19,6% подчинения и доминирования. Испытуемые с ДЦП с УО в 57,1% случаев придерживались изоляции.

Мы видим, что дети с ДЦП с сохранным интеллектом и нормально развивающиеся придерживались в большинстве случаев диалогической позиции во взаимодействии. А дети с ДЦП с УО в большинстве случаев придерживались такой позиции во взаимодействии как изоляция. Разницу в позициях во взаимодейст-

вии можно попробовать объяснить тем, что для нормально развивающихся детей характерна направленность на других, для них важно быть частью группы, сотрудничать, дружить. А для детей с ДЦП характерна направленность на себя, у них есть сложности в восприятии и понимании личности другого, это объясняет выбор испытуемых с ДЦП с УО позиции во взаимодействии – изоляции. Но интересно то, что дети с ДЦП с сохранным интеллектом действовали во взаимодействии, как нормально развивающиеся, а не как дети с ДЦП с УО. Из этого можно выдвинуть предположение, что для детей с ДЦП с сохранным интеллектом важна фигура сверстника, им также, как и нормально развивающемся детям, важно быть частью группы, входить в контакты со сверстниками.

Таким образом, в результате исследования были выявлены статистически значимые различия в позиции во взаимодействии между младшими школьниками с ДЦП с сохранным интеллектом, нормально развивающимися и детей с ДЦП с умственной отсталостью. Младшие школьники с ДЦП с сохранным интеллектом и нормально развивающиеся младшие школьники чаще придерживались диалогической позиции во взаимодействии, младшие школьники с ДЦП с умственной отсталостью чаще придерживались позиции избегания.

Литература

Власова Т. А. Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата / Под ред. Т. А. Власовой. М.: Педагогика, 2000. С. 54–57.

Выготский Л. С. Психология развития человека / Под ред. Л. С. Выготского. М.: Эксмо, 2006. С. 548–615.

Гринина Е., Максимова С. В. Особенности общения дошкольников с ДЦП // Социокультурная интеграция и специальное образование. Сборник научных статей. М.: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского–Перо, 2015. С. 42–49.

Мамаева А. В. Система логопедической работы по формированию первоначальных коммуникативных умений у детей с церебральным параличом 7–9-летнего возраста: Дис. канд. пед. н. Красноярск, 2008.

Негативные партнерские отношения как фактор посттравматического синдрома

Н. О. Макух, В. Д. Подкользина

В статье представлен анализ результатов отечественных и зарубежных социологических, психологических, педагогических, медицинских и юридических исследований негативных отношений в паре, которые являются причинами психологических проблем, в частности посттравматического стрессового расстройства (*ПТСР*), *обобщены виды партнерского насилия. На основе этого составлен план эмпирического исследования взаимосвязи нездоровой динамики отношений, сексуального насилия, телесных и психических травм с ПТСР лиц, нуждающихся в психологической помощи, и опытно-экспериментального исследования по поиску вариантов психокоррекции и психотерапии ПТСР.*

Ключевые слова: партнерские отношения, психологическое насилие, посттравматическое стрессовое расстройство.

По официальным данным Федеральной службы государственной статистики за последние восемь лет показатель разводов остается практически неизменным – 4,0–4,2 на 1000 человек населения. Снижение данного показателя наблюдалось в 2020 году. Основной причиной этого, по мнению большинства исследователей, являлись действовавшие ограничения в период пандемии COVID-19.

На основе изучения и обобщения результатов социологических, психологических, педагогических, медицинских и юридических исследований (С. Т. Агарков, А. К. Агишева, Ю. Е. Алешина,

Т. В. Андреева, Н. В. Ахметзянова, О. В. Бондарева, К. А. Бочавер, С. Ю. Бочавер, М. Ю. Бурмистров, Е. А. Бурмистрова, А. Я. Варга, Ю. Ю. Дмитрук, Т. Е. Карташова, М. В. Крюкова, Ю. В. Курбаткина, Н. Н. Лидовская, В. Д. Москаленко, Л. А. Николаева, С. К. Нартова-Бочавер, Н. А. Осипова, В. Г. Петровская, Г. В. Старшенбаум, В. И. Сулейманова, А. В. Султанова, Я. А. Чернышев, В. А. Шакина, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис, I. K. Adizes, L. Berg-Cross, R. A. Johnson, S. Minuchin, A. Y. Napier, N. Peseschkian, C. R. Rogers, V. Satir, C. A. Whitaker и др.) негативные партнерские/супружеские отношения несут тяжелые психологические последствия и являются причинами различных проблем, в которых необходима психокоррекция и психотерапия.

Наиболее частыми и значимыми психологическими проблемами современных семей являются психологическое, сексуальное и физическое домашнее насилие, от которых один партнер страдает, а второй является источником этих страданий.

К психологическому насилию в семье относятся критические замечания, агрессивный унижающий юмор, запугивание, навязывание взглядов, мнений, установок, гиперконтроль действий, манипулирование, пренебрежение, перекладывание ответственности, внезапное исчезновение, игнорирование, обесценивание достижений.

Семейное физическое и сексуальное насилие проявляется через побои, удушение, применение оружия и других предметов, которые способствуют нанесению телесных повреждений, угрозу убийством, изнасилование (в том числе – попытка изнасилования), принуждение к сексуальным действиям, фотосъемку и видеосъемку, прерывание беременности.

На основе насильственного поведения в паре в жизни партнера-жертвы возникают психосоматические заболевания, зависимое поведение, непринятие и отвержение своего тела, и, как следствие, проблемы в партнерских/супружеских, в частности сексуальных, отношениях. Одним из последствий таких отношений является развитие «посттравматического синдрома» (посттравматического стрессового расстройства, ПТСР), который представляет собой затяжную или отсроченную реакцию на ситуации, угрожающие жизни или физическому и психологическому здоровью (Солдаткин и др., 2015).

На наш взгляд, целесообразно исследовать особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у женщин и мужчин, выявить его взаимосвязь с негативными партнерскими отношениями.

Гипотезами данного исследования являются предположения о том, что:

- у женщин и мужчин, состоящих в негативных партнерских отношениях, частично различаются симптомы посттравматического стрессового расстройства и степень их выраженности;
- у женщин с посттравматическим стрессовым расстройством более выражено негативное отношение к собственному будущему, чем у мужчин;
- симптомы посттравматического синдрома у женщин и мужчин имеют взаимосвязь с особенностями негативных партнерских отношений.

Проведение эмпирического исследования запланировано на базе психологической студии «Доверие» г. Вологды. По результатам отбора в группы вошли женщины и мужчины ранней и средней зрелости (периодизация Э. Эриксона), обратившиеся за психологической помощью.

Сформированы две группы: группа № 1–25 женщин; группа № 2–25 мужчин. Возраст респондентов – от 20 до 35 лет.

Для решения поставленных задач отобраны методы: беседа, шкала оценки влияния травматического события, ШОВТС (Impact of Event Scale-R-IES-R; Horowitz et al., 1979), шкала безнадежности А. Бека (Beck Hopelessness Scale, BHS), контент-анализ. В качестве математических методов обработки и анализа данных запланировано использование первичной статистики, непараметрического статистического критерия U Манна–Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена, а также анализ средних значений и процентного соотношения.

На основе результатов исследования запланирована разработка психокоррекционных программ партнерских отношений у женщин и мужчин с посттравматическим стрессовым расстройством с целью коррекции некоторых качеств личности; изменения их отношения к себе, как к партнеру; коррекции системы ценностей и потребностей, выстраивания их иерархии в соответствии с психофизическими возможностями; достижения способности к эмпатии и пониманию переживаемых состояний; коррекции неадекватного образа жизни, подавленности; приобретения навыков равноправного общения, способности к профилактике внутриличностных и межличностных конфликтов. Апробация программ будет проходить в рамках опытно-экспериментального исследования на базе

той же организации с клиентами, принимающими участие в эмпирическом исследовании.

Литература

Посттравматическое стрессовое расстройство / Под ред. В. А. Солдаткина. Ростов-на-Дону: ГБОУ ВПО «РостГМУ» Минздрава России–Изд-во РостГМУ, 2015.

Психологические особенности созависимости у женщин, осужденных за насильственные и ненасильственные преступления

Н. О. Макух

В статье представлены результаты исследования созависимости у осужденных женщин, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы за совершение разных видов преступлений. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что женщины, осужденные за насильственные преступления, более созависимы, чем женщины, осужденные за ненасильственные преступления. Соответственно, с целью профилактики рецидива насильственных преступлений среди женщин мишенями коррекционного воздействия могут быть их паттерны межличностного взаимодействия, эмоционально-волевая сфера, установки на семейные отношения.

Ключевые слова: созависимость, семейные отношения, осужденные женщины, насильственные преступления.

Анализ динамики насильственной преступности среди женщин отражает факт того, что их процентное соотношение в сравнении с общим количеством насильственных преступников остается константным более пятнадцати лет. В связи с постоянным уровнем применения лицами женского пола физического насилия к членам семьи помимо изучения психологических особенностей личности преступниц, актуальным является выявление особенностей их системы семейных отношений с целью эффективного психокоррекционного воздействия на них в условиях исправительных

учреждений с целью профилактики рецидива насильственных преступлений среди женщин.

По данным наших ранее проведенных исследований, женщинам, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы за совершение насильственных преступлений, свойственно приуменьшение значимости системы семейных отношений в контексте общей негативной оценки и отсутствия эмоционального контакта с членами семьи. Низкая их и своя личностная значимость обусловлена травмирующим семейным взаимодействием, приводящим к получению острого негативного опыта и обесцениванию семейных отношений в целом (Макух, 2022).

Систему семейных отношений женщин, осужденных за насильственные преступления, мы рассматриваем, как проявление стимулирующего психического напряжения внутриличностного конфликта. «Психическое перенапряжение проявляется в привычных неконструктивных формах поведения (в данном случае – насильственных)» (там же).

При изучении материалов уголовных дел о побоях в сфере семейно-бытовых отношений В. С. Крюк выявлено 57,1%, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. В связи с этим сделан вывод, что «чем выше степень тяжести насильственного преступления в семье, тем больше вероятность того, что лицо, его совершившее, или потерпевший от такого посягательства, находились в состоянии алкогольного опьянения» (Крюк, 2020). Соответственно, одна из сторон (потерпевшие или виновные) предположительно являются созависимыми членами семьи.

На основе этого возникло предположение о том, что созависимость является одной из социально-психологических причин совершения насильственных преступлений. По нашему мнению, существует необходимость в проведении исследования, целью которого является изучение особенностей созависимости у женщин, осужденных за разные виды преступлений, для дальнейшей разработки программ психологической коррекции.

Исследование проводилось на базе федеральных казенных учреждений «Исправительная колония № 1 УФСИН России по Вологодской области» (г. Вологда), «Исправительная колония № 2 УФСИН России по Вологодской области» (п. Паприха, Вологодский р-н). В исследовании принимали участие 120 осужденных взрослых женщин возрастом от 21 до 40 лет.

В группу № 1 вошли 60 женщин, осужденных за преступления насильственного характера против жизни и здоровья. В группу № 2

вошли 60 женщин, осужденных за ненасильственные преступления (корыстные и другие). Идентичность выборок достигалась способом попарного выравнивания респондентов по составу семьи: наличию или отсутствию в их семьях членов семьи (родителей, мужа, сожителя, детей, других родственников).

Для исследования созависимости у осужденных женщин использовались методы: наблюдение, полустандартизованная беседа, опросник «Профиль созависимости» Н. Г. Артемцевой (Артемцева, 2012). Результаты исследования, полученные в обеих группах, подвергались сравнительному анализу с помощью Т-критерия Стьюдента для оценивания различий между ними.

По данным исследования у всех осужденных за насильственные преступления женщин высокая общая оценка высказываний от 172 до 267 (более 50% от максимальной общей оценки), у 19 женщин (31,6% от группы № 1) – больше 65% от максимальной общей оценки.

Результаты, полученные у женщин, осужденных за ненасильственные преступления, образовали диапазон чисел от 132 до 210 (от 40% до 63,6% от максимальной общей оценки). Пятнадцать женщин второй группы (1/4 часть от группы № 2) имеют общую сумму оценки высказываний меньше 50% от максимальной общей оценки. Самый большой результат общей суммы оценки высказываний в группе № 2 – 210 баллов – выявлен у 2 женщин, у которых созависимость неакутализированная.

Актуализированная созависимость выявлена у 33 осужденных женщин за насильственные виды преступлений (55%) и у 4 осужденных женщин за ненасильственные виды преступлений (6,6%).

С высоким уровнем созависимости (семь–девять оценок 9 и 10) 8 женщин первой группы (13,3% от группы № 1).

У 16 женщин, осужденных за насильственные преступления (26,6% от группы № 1) и у 10 женщин, осужденных за ненасильственные преступления (16,6% от группы № 2), не имеющих актуализированную созависимость, более половины высоких оценок – 7–10 баллов, то есть они склонны к ее актуализации.

У трех осужденных женщин группы № 1 не выявлена созависимость на момент исследования, при этом у них высокая склонность к созависимости: 16 оценок 7 и 8 (48,5% от всех ответов), 20 ответов (60,6%), 13 ответов (39,4%). Среди женщин второй группы нет созависимости на данный момент у 11 человек (15,5% от группы № 2). Абсолютно несозависимых среди осужденных женщин не выявлено, что согласуется с концепцией Н. Г. Артемцевой о том,

что «в той или иной степени все люди являются созависимыми» (Артемцева, 2012).

С помощью Т-критерия Стьюдента при сравнении показателей созависимости у женщин, осужденных за насильственные (группа № 1) и ненасильственные (группа № 2) преступления, выявлены статистически значимые различия. 95% респондентов группы № 1 и 81,7% респондентов группы № 2 имеют созависимость разного уровня: женщинам, осужденным за насильственные преступления, свойственен более высокий уровень созависимости, чем женщинам, осужденным за ненасильственные преступления. Это подтверждает гипотезу о том, что женщины, осужденные за насильственные преступления, более созависимы, чем женщины, осужденные за ненасильственные преступления.

Анализ полученных результатов позволил сформулировать следующее перспективное направление исследования: выявление специфики взаимосвязи созависимости со структурными компонентами системы семейных отношений и оказание своевременной психологической помощи людям с этими особенностями.

Литература

Артемцева Н. Г. Феномен созависимости: психологический аспект. М.: РИО МГУДТ, 2012.

Крюк В. С. Причины семейно-бытового насилия // Право и практика. 2020. № 4. С. 128–132.

Макух Н. О. Трансформация установок на семейные отношения у женщин, осужденных за насильственные преступления: Дис. ... канд. психол. н. Рязань, 2022.

Психометрический анализ русскоязычной версии «Опросника когнитивных ошибок» («ОКО»)

С. А. Малкина

В статье обсуждаются результаты психометрического анализа «Опросника когнитивных ошибок» на широкой (неклинической) выборке респондентов. Приводятся результаты эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, которые подтверждают результаты предыдущих исследований – только 3 фактора совпали со шкалами русскоязычной версии опросника. Делается вывод, что русскоязычная версия «Опросника когнитивных ошибок» нуждается в дальнейшей апробации на широкой (неклинической) выборке респондентов.

Ключевые слова: психометрический анализ, адаптация опросника, Опросник когнитивных ошибок, когнитивные искажения, факторный анализ.

«ОКО» – это русскоязычная версия «Cognitive Mistakes Questionnaire» А. Фримена (Freeman, DeWolf, 1993). Опросник был адаптирован в 2017 году А. Е. Бобровым и Е. В. Файзрахмановой (Бобров, Файзрахманова, 2017). Российская выборка состояла из 204 пациентов с тревожно-депрессивным расстройством. По результатам факторного анализа авторами было выделено 9 факторов (шкал): 1) Катастрофизация, 2) Упрямство, 3) Персонализация, 4) Преувеличение опасности, 5) Чтение мыслей, 6) Выученная беспомощность, 7) Морализация, 8) Гипернормативность, 9) Максимализм. Авторы доказали валидность и надежность опросника. Но на вы-

борке респондентов, не имеющих клинических диагнозов, психометрический анализ опросника не проводился.

Цель настоящей работы – провести психометрический анализ «Опросника когнитивных ошибок» на широкой (неклинической) выборке.

Выборка: 211 человек (118 женщин и 93 мужчины), возраст 41–59 лет, средний возраст – 45,5 лет. Все респонденты – участники психологического клуба – психологи, а также лица, интересующиеся психологией, представители разных профессий. Все респонденты с высшим образованием.

Статистическая обработка данных

Для психометрического анализа опросника использовался эксплораторный факторный анализ и конфирматорный (подтверждающий) факторный анализ, так как данный способ определения факторной структуры является наиболее достоверным. Факторный анализ выполнялся в программах SPSS и Jamovi. С помощью индексов CFI, SRMR, RMSEA оценивалось соответствие теоретической модели экспериментальным данным. Соответствие модели считается хорошим, если получены значения CFI выше 0,9 и значения SRMR и RMSEA ниже 0,05.

Этапы работы

1. Эксплораторный факторный анализ

В результате проведенного эксплораторного факторного анализа (методом главных компонент с вращением Варимакс) было выделено 4 фактора, объясняющие 36% общей дисперсии. Мера адекватности выборки показала достаточно высокое значение (KMO = 0,831), что говорит о качественной факторной модели. Каждый элемент модели коррелирует с другими элементами, так как критерий сферичности Бартлетта является значимым ($p<0.001$).

Первый фактор включил в себя 12 утверждений (номера: 38, 26, 35, 36, 4, 5, 29, 31, 34, 15, 13, 45) и составил 19,58% общей дисперсии. Все пункты, кроме 13, 15, 31 и 45, совпали с пунктами шкалы «Выученная беспомощность» русскоязычной версии опросника.

Второй фактор включил в себя 8 утверждений (номера: 24, 22, 12, 25, 39, 41, 18, 19) и составил 7,20% общей дисперсии. Четыре пункта данного фактора совпали с пунктами шкалы «Максимализм».

Третий фактор включил в себя 6 утверждений (номера: 6, 9, 14, 8, 17, 11) и составил 4,93% общей дисперсии. Все пункты третьего

фактора (за исключением № 11) совпали с пунктами шкалы «Чтение мыслей» русскоязычной версии опросника.

Четвертый фактор включил в себя 7 утверждений (номера: 1, 2, 43, 3, 44, 42, 20) и составил 4,33% общей дисперсии. Три пункта из четвертого фактора совпали с пунктами шкалы «Катастрофизация», три пункта совпали с пунктами шкалы «Упрямство» русскоязычной версии опросника.

2. Конфирматорный факторный анализ

Для подтверждения надежности полученной факторной модели был проведен конфирматорный факторный анализ. Показатели соответствия теоретической модели и эмпирических данных оказались низкими (CFI = 0,832, SRMR = 0,0798, RMSEA = 0,0645).

Все утверждения модели показали значимую связь с тем фактором, в который они включены. Однако, некоторые пункты имели факторные нагрузки менее 0,40: в первом факторе – № 45, во втором факторе – № 41, в четвертом факторе – № 42, 44 и 20. Все факторы показали значимые корреляции с другими факторами ($p<0,001$).

3. Анализ смыслового содержания утверждений

Сначала мы проанализировали смысловое содержание утверждений с низкими факторными нагрузками и сопоставили его со смысловым содержанием фактора. В результате проведенного анализа из модели были исключены пункты: 45, 41, 42, 44, 20, так как помимо низких факторных нагрузок они не соответствовали общему смыслу фактора.

Затем мы проверили остальные утверждения, чтобы определить их соответствие смысловой нагрузке фактора. По результатам анализа из факторной модели были исключены пункты: 13, 15, 31, 12, 19, 39, 11, 43. Качество модели улучшилось, но показатели все еще были низкими (CFI = 0,878, SRMR = 0,0729, RMSEA = 0,0670).

4. Дополнительные способы улучшения факторной модели

С целью улучшения факторной модели мы проанализировали ковариации переменных и добавили остаточные ковариации в модель: пары пунктов 4 и 35, 22 и 24, 34 и 35.

В итоге мы получили приемлемую факторную модель (CFI = 0,930, SRMR = 0,0650, RMSEA = 0,0515). Модель включила в себя 4 фактора: «Выученная беспомощность», «Максимализм», «Чтение мыслей», «Катастрофизация», совпавших с аналогичными факторами (шкалами) русскоязычной версии опросника.

Выводы

Полная 9-факторная структура русскоязычной версии «Опросника когнитивных ошибок» не подтвердилась на нашей выборке респондентов. По результатам данного исследования и наших предыдущих исследований на других выборках можно сделать вывод, что только 3 фактора в точности повторяют шкалы русскоязычной версии опросника: «Выученная беспомощность», «Чтение мыслей», «Катастрофизация». В двух наших исследованиях подтвердилась также шкала «Максимализм» (Малкина, 2023a; настоящее исследование) и еще в двух исследованиях подтвердилась шкала «Персонализация» (Малкина, 2023b, c). Мы можем сделать вывод, что русскоязычная версия «Опросника когнитивных ошибок» нуждается в дальнейшей апробации на неклинической выборке респондентов и в доработке шкал с учетом полученных результатов.

Литература

Бобров А. Е., Файзрахманова Е. В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Неврология. Психиатрия. 2017. № 8 (137). С. 59–65.

Малкина С. А. Опросник когнитивных ошибок: результаты психометрического анализа // Проектирование. Опыт. Результат. 2023a. № 3. С. 40–46.

Малкина С. А. Психометрический анализ Опросника когнитивных ошибок // Материалы Межвузовского международного конгресса. М.: Инфинити, 2023b. С. 138–146.

Малкина С. А. Психометрический анализ русскоязычной версии «ОКО» // Научные дискуссии. 2023c. № 3 (в печати).

Freeman A., DeWolf R. The 10 dumbest mistakes smart people make and how avoid them. N. Y.: William Morrow and Co., 1993.

Цели и диспозиции личности в ситуациях неконгруэнтности*

В. Д. Мамаева-Найлз

Цель работы — изучение влияния неконгруэнтности целей индивида и возможностей ситуации на устойчивые черты личности в повседневных ситуациях. В ходе исследования участники (N = 62) сначала оценивали черты своей личности, после чего определяли свои цели относительно ситуаций в шести парах ситуационных виньеток по шкале SAAP в ситуациях конгруэнтных (КС) и неконгруэнтных (НКС) первоначальным целям, затем выбирали из списка прилагательные, описывающие их состояние в КС и НКС. Во всех 6 парах сравниваемых ситуаций произошли изменения целей, от полной или частичной замены до существенных изменений их значимости для респондентов. Изменившиеся цели вызвали проявление черт и состояний, отличающихся от устойчивых диспозиций.

Ключевые слова: ситуационные возможности, цели, SAAP, Big 5.

В последнее время в психологической науке наблюдается усиление исследовательского внимания к концепту цели и возрастание интереса к изучению целей, которые выполняют важную регулятивную функцию, связанную с личностью. В современных системных и кибернетических теориях цели описываются как сознательные или бессознательные представления будущего объекта или состоя-

* Грант РНФ № 22-28-00871 «Целевые и ситуационные детерминанты процесса самоизменений личности».

ния, к которому организм стремится приблизиться, чтобы достигнуть желаемого результата, или избежать для предотвращения нежелательных последствий (Quirin et al., 2020).

Взаимосвязь личности и целей обычно исследуется с точки зрения связей между чертами личности и относительно долгосрочными целями. Однако быстрые внутрииндивидуальные изменения личности при изменении краткосрочных целей, которые происходят в повседневной жизни людей, не принимались во внимание. Тем не менее краткосрочные цели представляют для индивидов значимый психологический компонент ситуаций и, следовательно, должны оказывать заметное влияние на поведение человека в этой ситуации.

Восприятие ситуации в значительной степени отражает субъективно воспринимаемые «мотивационные факторы», включающие мотивационные процессы (что происходит с потребностями и целями человека в ситуации?) и мотивационное содержание (каких потребностей или целей касается данная ситуация?). Предполагается, что мотивационные процессы и содержание являются эволюционно сформированными путями к пониманию ситуации и управления ею. С точки зрения эволюционного подхода базовый уровень восприятия ситуации относится к мотивационным процессам, отвечая на фундаментальный вопрос, имеющий значение для выживания и размножения: является ли данная ситуация «хорошей» (я не должен действовать, чтобы что-то менять) или «плохой» (мне нужно что-то сделать, чтобы ее улучшить)? Сигналы, способствующие достижению цели, могут ощущаться и восприниматься как «хорошие», что приводит к поведению, ориентированному на сближение (approach). Напротив, сигналы, препятствующие достижению цели, могут вызывать негативную реакцию и, следовательно, ощущаться и восприниматься как «плохие», что приводит к поведению, ориентированному на избегание (avoidance) или противодействие и уход (fight, flee). Таким образом, на базовом уровне восприятия ситуации должно быть «восприятие возможностей для достижения целей» (Pervin, 2000, p. 259).

Согласно концепции фундаментальных мотивов, основные цели, такие как самозащита, формирование коалиций и предотвращение болезней, возникли в результате эволюционных процессов, направленных на повышение репродуктивной пригодности и возможности передавать свои гены дальше. Поскольку эти цели сформированы таким образом, чтобы помочь человеку справиться с повторяющимися адаптивными проблемами социальной жиз-

ни, они актуальны и для современного человека. Повторяющиеся адаптивные проблемы (например, избегание патогенов, поиск подходящего партнера, формирование союзов) приводят к универсальному набору фундаментальных социальных мотивов: 1) самозащита, 2) предотвращение заболеваний, 3) присоединение (принадлежность) или формирование союзов с другими людьми, 4) статус, 5) поиск партнера, 6) удержание партнера и 7) забота о родственниках (Kenrick et al., 2010).

Таким образом, подобно эволюционно значимым адаптивным проблемам, ситуации предоставляют людям возможности для реализации определенных целей или создают препятствия на пути их достижения.

Используя эволюционную психологию в качестве руководства Браун и коллеги разработали теоретически ориентированный инструмент измерения ситуационных характеристик Situational Affordances for Adaptive Problems (SAAP) (Ситуационные возможности для решения адаптивных проблем) (Brown et al., 2015). SAAP предлагает средство измерения ситуационных характеристик, которые способствуют или угрожают адаптивно релевантным социальным целям.

Цель: выяснить, как восприятие неконгруэнтности целей и ситуационных возможностей влияет на первоначально поставленные цели и на проявление личностных диспозиций.

Гипотезы:

1. Изменение ситуационных возможностей ведет к изменению адаптивных целей.
2. Ситуации НКС вызывают проявление черт и состояний, отличающихся от устойчивых диспозиций.

Методы:

1. Для оценки устойчивых характеристик респондентов был использован Пятифакторный опросник личностных черт в русскоязычной адаптации (Орёл, Сенин, 2004).
2. Для оценки целевых возможностей ситуаций использовался инструмент SAAP.
3. Авторский набор из 6 пар ситуационных виньеток. Были отобраны шесть прототипных повседневных ситуаций, соответствующих эволюционно значимым мотивам, в двух различных сценариях: первый, в котором ситуационные возможности конгруэнтны целям; второй, с некоторым нарушением, кото-

рое вызывает потребность переоценки ситуации и возможного пересмотра целей – ситуация неконгруэнтности возможностей и первоначальных целей.

Пример: В кабинете начальника.

КС: Вы работаете в компании, где каждые три месяца ваш начальник вызывает двух–трех человек к себе в кабинет для того, чтобы обсудить с ними повышение зарплаты и похвалить за проделанную работу. В этот раз начальник пригласил вас и еще одного коллегу. Вы заходите в кабинет, начальник улыбается вам и поздравляет с повышением.

НКС: Вы работаете в компании, где каждые три месяца ваш начальник вызывает двух–трех человек себе в кабинет для того, чтобы обсудить с ними повышение зарплаты и похвалить за проделанную работу. В этот раз начальник пригласил вас и еще одного коллегу. Вы заходите в кабинет, начальник сообщает вам, что было принято решение сократить вас и вашего коллегу.

4. Для оценки изменения устойчивых черт в каждой из ситуаций использовался список из 50 дескрипторов: по 10 прилагательных (5 с положительной и 5 с отрицательной валентностью) на каждый фактор Большой пятерки.
5. Критерий знаковых рангов Уилкоксона для связанных выборок для сравнения проявления характеристик Большой пятерки в КС и НКС.

Выборка

Участники (N = 62) были набраны с помощью рекламы в социальных сетях («В контакте», «Instagram»). Единственное условие для участия – возраст от 18 лет.

Статистическая обработка количественных данных проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics v. 29.

Прослеживается причинно-следственная связь между изменением ситуационных возможностей и целей. Наличие этой причинно-следственной связи было продемонстрировано с помощью новой процедуры сравнения парных ситуаций, когда первоначальные возможности ситуации вызывали активацию одних целей, а изменение возможностей влекло за собой их пересмотр. Результаты исследования показали, что во всех 6 парах сравниваемых ситуаций при утрате конгруэнтности целей и ситуационных возможностей произошли изменения целей, от полной или частичной

замены целей до существенных изменений их значимости для респондентов. Наибольшие изменения в целях были выявлены в ситуациях, соотносящихся с мотивами Социальное взаимодействие и Защита от угроз.

Результаты исследования подтверждают предположение, что изменившиеся цели вызывают проявление черт и состояний, отличающихся от устойчивых диспозиций. В НКС значения по шкалам «дружелюбие» «экстраверсия», «добросовестность», «открытость новому опыту» ниже, чем в ситуациях конгруэнтности. Взаимосвязь между личностными чертами и изменением целей была статистически полностью опосредована ситуационным опытом для всех черт, кроме нейротизма. В случае нейротизма, гипотеза о том, что в среднем, в НКС значения по шкале «нейротизм» будут выше, чем в КС ситуациях, не нашла подтверждения.

Литература

Орел В. Е., Сенин И. Г. Опыт адаптации зарубежного опросника: организационный и содержательный аспект // Психология. Психофизиология. 2008. № 33 (133). С. 71–77.

Brown N. A., Neel R., Sherman R. A. Measuring the evolutionarily important goals of situations: Situational affordances for adaptive problems // Evolutionary Psychology. 2015. V. 13. № 3. P. 1–15. doi: 10.1177/1474704915593662

Kenrick D. T., Neuberg S. L., Grikevivius V., Becker V., Schaller M. Goal-driven cognition and functional behavior: The fundamental-motives framework // Current Directions in Psychological Science. 2010. V. 19 (1). P. 63–67. doi: 10.1177/0963721409359281

Pervin L. A. The four Cs of personality: Context, consistency, conflict and coherence // Developmental Science and the Holistic Approach. Routledge, 2000. P. 261–274.

Quirin M., Robinson M. D., Rauthmann J. F., Kuhl J., Read S. J., Tops M., De Young C. G. The dynamics of personality approach (DPA): 20 tenets for uncovering the causal mechanisms of personality // European Journal of Personality. 2020. V. 34 (6). P. 947–968. doi: 10.1002/per.2295

Психологические последствия травмы войны среди жителей приграничных областей Армении

С. Г. Мелик-Карамян

В статье представлено современное понимание посттравматического стресса (ПТС) и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), проведен анализ данных состояний на примере жителей приграничных районов Республики Армении, переживших военный конфликт в 2020 г.

Ключевые слова: посттравматический стресс, посттравматическое стрессовое расстройство, ПТСР, подпороговое ПТСР, травма войны.

Человеческая жизнь состоит из множества положительных и отрицательных событий, случаев вдохновляющих и радующих, но также из потерь и травм. Среди различных ситуаций негативного характера встречаются события, которые многократно увеличивают вероятность переживания трагических событий. Таким событием является война, которая приводит к гибели военнослужащих, мирных жителей, к большому количеству физических увечий, а также к психической травматизации. Подобные травматические ситуации, содержащие угрозу для жизни и здоровья, физической или психологической целостности личности или ее близких, продолжают действовать как источник стресса даже после своего фактического завершения, превращаясь в стресс, который называется посттравматическим. У некоторых людей травматический стресс может вызвать и посттравматическое стрессовое расстройство

(ПТСР) (Кадыров, 2023; Тарабрина, 2001; Sareen, 2014; Treatment for Posttraumatic Stress Disorder in Military..., 2014).

Наблюдая последствия 44-х дневной войны 2020 г. в Нагорном Карабахе (Арцах), которые коснулись и жителей приграничных областей Республики Армении, мы собрали данные по выраженности психопатологической симптоматики среди людей, проживающих в приграничном регионе Сюник. Согласно нашей гипотезе, переживание такой психотравмирующей ситуации как война, несущей с собой множество драматических ситуаций, оставляющих свой след в жизни людей (такие, например, как бомбардировки, смерти близких, потеря имущества и т. д.), привело к состоянию посттравматического стресса и другим психопатологическим признакам (депрессия, тревога и др.) у жителей Армении.

Первый этап данного исследования был проведен в декабре 2021 г., приблизительно через год после подписания заявления о прекращении огня. В исследовании приняли участие 35 человек в возрасте 20–70 лет (20 женщин и 15 мужчин). Следующий этап исследования был проведен в августе 2023 г. уже с участием 40 человек в возрасте 20–70 лет (31 женщина и 9 мужчин).

Исследование 2021 г. проводилось с использованием Опросника выраженности психопатологической симптоматики Л. Р. Дерогатиса (Simptom Check List-90-Revised – SCL-90-R, L. R. Derogatis). В 2023 г. кроме данной методики были использованы также Опросник PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist for DSM-5) и Опросник посттравматического роста PTGI (Posttraumatic Growth Inventory, R. Tedeschi, L. Calhoun).

Рассмотрим данные, полученные с применением SCL-90-R. Результаты опроса 2021 г. говорят о том, что усредненный психологический профиль жителя исследуемого приграничного региона по уровню выраженности посттравматического стресса (ПТС) находится между профилем военнослужащих и беженцев с ПТСР (Тарабрина, 2001, с. 158–161). Анализ результатов по отдельным шкалам выявляет повышенные по сравнению с нормой показатели психопатологической симптоматики. Особенно высоки показатели по шкалам навязчивости (0,97), паранойяльности (0,80) и депрессии (0,79), что означает непрерывные и непреодолимые мысли, импульсы или действия, подозрительность и страх потери независимости, а также дисфорию, отсутствие интереса к жизни и недостаток мотивации.

Ожидалось, что при благополучном стечении обстоятельств, по прошествии 20 месяцев после первого тестирования уровень

психопатологической симптоматики будет снижен. Тем не менее на протяжении этого времени военные инциденты на границе случались повторно, став дополнительным стрессором, создавая хронический тревожный фон в обществе, который осложнил процесс восстановления после первой травмы. Это показывают результаты тестирования, проведенного в 2023 г.

Сравнение результатов SCL-90-R 2021 г. и в 2023 г. выявляет следующую картину: выраженность некоторых показателей несколько снизились (это, в том числе, межличностная сензитивность (X1 = 0,63, X2 = 0,52, где X – среднее значение, X1 – данные 2021 г., X2 – данные 2023 г.), враждебность (X1 = 0,77, X2 = 0,70) и фобии (X1 = 0,39, X2 = 0,36)), тогда как большее количество других показателей зарегистрировало рост (в том числе депрессия (X1 = 0,79, X2 = 0,84), тревожность (X1 = 0,66, X2 = 0,75), паранойяльность (X1 = 0,80, X2 = 0,94), психотизм (X1 = 0,47, X2 = 0,59), соматизация (X1 = 0,70, X2 = 0,76), навязчивости (X1 = 0,97, X2 = 1,03), а также отдельные дополнительные симптомы, рассматриваемые независимо от других шкал (в среднем X1 = 0,70, X2 = 0,74)). Несмотря на некоторые сдвиги по всем показателям, согласно результатам проведенного Т-теста Стьюдента, данные различия не являются статистически значимыми.

При сравнении данных, полученных в подгруппах мужчин и женщин, мы видим, что психопатологическая симптоматика в подгруппе женщин выражена гораздо больше. По данным 2021 г. статистически значимыми являются различия между мужчинами и женщинами по показателям депрессии ($t = -2{,}447$, $p < 0{,}05$), тревожности ($t = -3{,}006$, $p < 0{,}01$) и PST – в целом вопросов, на которые даны положительные ответы ($t = -2{,}522$, $p < 0{,}05$). В 2023 г. выявлены статистически значимые различия по показателям соматизации ($t = -3{,}216$, $p < 0{,}005$), тревожности ($t = -2{,}781$, $p < 0{,}01$) и по PST ($t = -2{,}297$, $p < 0{,}05$), которые выше в группе женщин.

Обобщая результаты проведенного исследования, можем констатировать, что как в 2021 г., так и в 2023 г. показатели психопатологической симптоматики среди жителей приграничных районов выше нормы, но не достигают уровня ПТСР. А это означает, что в обществе сохраняется подпороговый уровень ПТСР и высокий риск развития посттравматического стрессового расстройства.

Использованная нами методика PCL-5, направленная непосредственно на выявление ПТСР, показала, что в исследованной группе наиболее частыми являются симптомы избегания (X = 1,51), однако они не достигают средней выраженности симптомов, не-

обходимой для диагностики ПТСР. Отрицательные мысли и эмоции несколько ощутимы, но не превышают определяемый респондентами первый уровень (X = 0,98), а другие симптомы – интрузия и чрезмерная реактивность – также выражены в некоторой степени, в данном случае уже несколько превышающей этот уровень (X = 1,05).

И наконец, методика, позволяющая понять наличие или отсутствие признаков посттравматического роста (ПТР) показывает, что наибольшие показатели наблюдаются по критерию оценки ценности жизни (X = 3,05). Далее по наибольшей выраженности изменений, на которые указывали респонденты, следует упомянуть данные, полученные по шкале личностной силы (X = 2,69), и далее соответственно – осознание новых возможностей (X = 2,15), улучшение взаимоотношений (X = 2,04) и духовный рост (X = 1,94).

На данном этапе наше исследование проведено с участием небольшой выборки жителей приграничных районов Республики Армения, но планируемый сбор большего количества данных позволит нам в последующем представить гораздо более достоверные цифры, в какой-то степени отражающие ситуацию во всем обществе, учитывая не только представителей приграничных районов, но и жителей областей, находящихся дальше от государственной границы. Ожидается, что наше исследование позволит сделать по крайней мере первый шаг для объективного и научного обоснованного описания ситуации, на основе которого впоследствии можно будет разработать эффективные методы, применимые для преодоления ПТС в Республике Армении.

Литература

Кадыров Р. В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD): учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023.

Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.

Sareen J. Posttraumatic stress disorder in adults: impact, comorbidity, risk factors and treatment // Can. J. Psychiatry. 2014. V. 59. № 9. P. 460–467.

Treatment for Posttraumatic Stress Disorder in Military and Veteran Populations: Initial Assessment / Committee on the Assessment of Ongoing Effects in the Treatment of Posttraumatic Stress Disorder; Institute of Medicine, National Academy of Sciences. Washington, DC: National Academies Press, 2012.

Описание шизоидных явлений через образы, созданные при использовании арт-терапевтических техник

Е. А. Мерсалова

В настоящее время нет единого взгляда на природу психоза. Более того, взгляды разнятся даже в рамках одного направления. Несмотря на это, мало практических работ, посвященных пониманию психотических процессов и уточнению теорий. Целью данной работы является описание психотических (шизоидных) явлений через художественные образы для выявления бессознательных процессов, лежащих в основе психоза. Анализ образов и шизоидных явлений осуществляется в рамках теории объектных отношений. По результатам исследования в рисунках выявлены и описаны особенности, согласующиеся с теоретическими положениями Г. Гантрипа.

Ключевые слова: шизоидные явления, шизоидная личность, объектные отношения, арт-терапия, рисунок, образ.

Плюрализм взглядов на причины психоза можно проследить как в разных теориях, так и в одном направлении. В теории объектных отношений М. Кляйн описывает их через параноидно-шизоидную позицию: в ней психика не способна справиться с «расщепленным» преследующим миром (Кляйн, 2007). По М. Малер, психоз – фиксация на симбиотической фазе с отсутствием границ внешнего и внутреннего (Малер, 2011).

Несмотря на вышенаписанное, мало практических работ, посвященных пониманию психотических процессов и уточнению теорий. Часто арт-терапия используется для нивелирования симп-

томов психоза и выработки адаптивных копинг-стратегий. Так, Л. Д. Коровина показывает эффективность арт-терапии в коррекции социальных навыков при обострении шизофрении. Но остается вероятность рецидива болезни, если копинг-стратегии не смогут контролировать дезинтеграцию глубинных психических процессов (Коровина, Трегубенко, 2017). Интересна работа Л. Н. Гуменюк: она показывает эффективность арт-терапии как превентивной меры после 1 психотического эпизода, однако не затрагивает тему продолжительного психотического состояния и его понимания (Гуменюк, 2016).

Цель работы: описание психотических (шизоидных) явлений через художественные образы для выявления бессознательных процессов, лежащих в основе психоза.

Объект: пациенты с шизоидными чертами характера.

Предмет: Художественные образы, созданные пациентом с шизоидными проявлениями. Метод исследования: феноменологическое интервью.

Задачи: выявление уровня целостности и интеграции личности; описание особенностей межличностных отношений и отношений с внешним и внутренним миром; прослеживание взаимосвязи психотических особенностей и особенностей рисунков.

Методики:

1. Проективные: Триптихи «я с другими, я в семье, я одна», «мое прошлое, настоящее, будущее» (исследование межличностных отношений и уровня целостности личности); Пиктограммы (выявление расстройств мышления); Барашек в бутылке (выявление особенностей семейных отношений); «Кто Я?» (исследование целостности личности); Метафорический автопортрет (исследование личностных особенностей); Персональная цветовая карта (выявление личностной значимости цветов).
2. Рисунки на свободную тему: «я с мамой», «я с папой».

Выборка: пациентка Д, 36 лет. Диагноз: шизоаффективное расстройство (F25). Впервые госпитализирована в РКПБ 2021 г. после попытки расширенного суицида. В связи с усилением суицидальных намерений госпитализирована в июне, где продолжала лечение на момент исследования.

Условия проведения: 6 встреч (1 ч) в течение 2 нед. на базе РКПБ им. акад. В. М. Бехтерева (г. Казань).

Следует обозначить некоторые важные аспекты шизоидной проблемы, по Г. Гантрипу:

1. Невключенность в отношения с внешними объектами.
2. Расщепление Эго на активное страдающее (формально взаимодействует с реальностью) и пассивное регрессировавшее (не взаимодействует) изолирует личность от реальности и ставит ее под угрозу распада. Полный регресс пассивного Эго приводит к шизоидному самоубийству (Гантрип, 2016, с. 75) – попытке спастись от разрушающей реальности. Пока активное Эго сохраняет отношения с внешним миром, личность не доходит до психоза или шизоидного самоубийства.
3. Одновременная потребность в идентификации с объектом (с угрозой потери себя) и желании его инкорпорировать (с угрозой его разрушить).

Результаты

Особенности персональной цветовой карты:

1. Розовый стал цветом Раздражения, Напряжения и Внутренней Силы. Он встречается в 9/16 рисунков различной тематики.
2. Голубой стал цветом Радости, Страха, Развития и Боли. Можно предположить взаимосвязь выборов: радость включает в себя состояние удовлетворения потребностей, особенно в раннем детском возрасте. Она ассоциируется со страхом в случае фрустрации, находясь в которой ребенок оценивает свои потребности как опасные. Следующий далее уход во внутренний мир не позволяет психике адаптироваться к реальности в процессе всего развития (Гантрип, 2016).
3. Коричневый – цвет Страха в образе решетки, тюрьмы. Он присутствовал в 9/16 рисунков.

1–3 встречу состояние Д было стабильно; в 4–6 наблюдались прогрессирующие расстройства мышления: разорванность, соскальзывание, паралогичность. На 2 и 5 встрече выполнены триптихи «я с другими...», «мое прошлое...» соответственно. Из триптихов:

1. Образ человека встречается в 2/6 рисунков: «я одна» (реалистичное изображение) и «мое прошлое» (схематичное). Без задания Д не изображала в рисунках своих близких, даже если позже о них говорила (хотя в эпизоде расширенного суицида Д хотела «спасти из этого мира» своих детей).
2. «Я с семьей» – единственный рисунок, заштрихованный в 3 слоя: коричневый, голубой, розовый. Эти цвета связаны с противоречивыми состояниями Д, что подтверждают другие рисунки.

Таким образом, можно предполагать тотальный уход от объектных отношений с людьми.

2 аспект шизоидной проблемы иллюстрирован ниже:

1. Образ решетки, тюрьмы. Впервые нарисован к состоянию Страха. Позже продублирован в 2 пиктограммах: «правильный поступок» (многоквартирный дом-решетка) и «свобода» (решетка с комментарием: «психушка, тюрьма... отсюда не выбраться»). Образ тюрьмы устно повторен в рисунке оружия (метафорический автопортрет). Нарисованную бомбу Д описала как «разрушающую все», но о ее применении сказала: «Она для полицейских, когда террористы что-то захватят. Например, здесь все захватят, а полицейские кинут внутрь эту бомбу, чтобы их обезвредить и именно их уничтожить». В продолжении темы, рассказала, как хотела «спастись» из больницы, выпрыгнув в окно и умерев. С замечанием, что эта история уже была рассказана как попытка суицида, Д согласилась, не замечая рассогласованность истории.
2. Рисунок посуды (метафорический портрет) указывает на удовлетворения всех потребностей, которые Д обозначает другим. О жизни в больнице Д говорила: «Здесь же лучше: дома надо убирать, готовить, прибираться, стирать, машинку эту (стиральную) загружать, включать... А здесь кормят, все стирают». Можно предположить определенную регрессию к детскому состоянию, где забота о потребностях ребенка лежит на родительских фигурах.

В случаях ниже можно предполагать нестабильные личные границы. Попытки структурировать внешний мир (пункт 1) и идентификацию с психологом (пункт 2). В 3–4 описаны схожие процессы.

1. Д, беспокоясь об окончании сессии и делая попытки уйти раньше (с начала встречи проходило 10–15 мин).
2. На последней встрече Д стремилась показать на психологе, как ее дернули за волосы.
3. В рисунках тема стертых границ прослеживается в метафорическом портрете (рисунок оружия – бомба) и барашек в бутылке (в бутылке вино и барашек, плавая там, он «насквозь пропитывается»).
4. Д, нарисовав бомбу в рамках метафорического автопортрета, написала на оборотной стороне листа свой номер телефона со следующим комментарием: «Если что, чтобы когда мне

плохо было, я не ехала, а к вам сначала... Сейчас у меня телефона нет, но когда буду сюда ехать снова, я вам напишу».

Вывод

Образы, созданные при использовании арт-терапевтических техник позволяют увидеть и описать уровень целостности шизоидной личности, ее особенности межличностных отношений и отношений с миром (внутренним, внешним).

Литература

Гантрип Г. Шизоидные явления, объектные отношения и самость / Пер. с англ. В. В. Старовойтова. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2016.

Гуменюк Л. Н. Арт-терапия в комплексе превентивных мер развития шизофрении после первого психотического эпизода // Актуальные проблемы и достижения в медицине. Вып. III. Самара: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 153–156.

Кляйн М. Психотерапия психозов // Психоаналитические труды. Том II / Пер. с англ. и нем.; под науч. ред. С. Ф. Сироткина, М. Л. Мельниковой. Ижевск: Ergo, 2007. С. 57–62.

Малер М. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.

Коровина Л. Д., Трегубенко А. Р. Арт-терапия при обострении параноидной шизофрении // Актуальні питання нейронаук: Збірник тез Всеукраїнської конференції молодих вчених та студентів (Харків 26 квітня 2017 р.). Міністерство освіти і науки України. Харків: Харківський національний медичний університет, 2017.

Перспектива будущего в представлениях приемных родителей

П. В. Микрюкова

В статье рассматриваются результаты изучения перспективы будущего родителей, приемных (40 чел.) и кровных (41 чел.). Был использован Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена в адаптации Д. А. Леонтьева. Результаты показали, что приемные родители более склонны опираться на ближнюю перспективу будущего и выражают альтруистическую направленность по сравнению с кровными родителями. Насыщенность и наполненность дальней перспективы будущего и открытого настоящего у приемных родителей позволяет сделать вывод о наличии у них «сценария отложенной жизни».

Ключевые слова: перспектива будущего, воспитание детей, кровное родительство, приемное родительство.

Восприятие человеком перспективы собственного будущего оказывает значимое влияние на все сферы его жизни. Ж. Нюттен рассматривает перспективу будущего как когнитивное пространство, образованное отдаленными на разные временные промежутки от настоящего момента мотивационными объектами (желаниями, целями, планами, проектами). Навык постановки долгосрочных целей и формирования структуры «средство–цель» можно рассматривать в качестве индикатора социально-психологической зрелости личности (Нюттен, 2004).

Перспектива будущего детей, оставшихся без попечения родителей, является актуальным предметом исследования в силу на-

блюдающихся проблем в социализации и реализации таких детей. Исследования показывают, что перспектива будущего таких детей обеднена (Белопольская и др., 2007). В связи с этим на приемных родителей возлагается большая ответственность, связанная с построением перспективы будущего ребенка в процессе его воспитания. Изучение возможностей формирования перспективы будущего у ребенка в приемной семье может быть реализовано через исследование перспективы будущего приемных родителей.

Приемные родители являются особой социальной группой, оказывающей государству услуги по воспитанию детей (Алдашева, Первачева, 2020). Специфическими характеристиками приемного родительства являются срок воспитания ребенка в семье, который устанавливается на основании договора с органами опеки, зависимость от социальных служб, оказывающими сопровождение приемным семьям, задачи по коррекции последствий неблагоприятной жизненной ситуации на ребенка и его ресоциализация (Алдашева и др., 2019).

Цель работы – изучение особенностей представлений о перспективе будущего у приемных родителей.

Теоретическая гипотеза основана на предположении, что представления о перспективе будущего у приемных родителей существенно отличаются от таких представлений у кровных родителей.

Методика. В исследовании принял добровольное и анонимное участие 81 человек. Из них 40 человек составили группу приемных родителей (ПР), 41 – кровных родителей (КР). В группу КР включены 19 женщин и 22 мужчины, в группу ПР – 20 женщин и 20 мужчин. Все представители группы КР воспитывают только кровных детей, представители группы ПР воспитывают либо приемных детей, либо и кровных, и приемных детей.

Для проведения исследования был использован Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена в адаптации А.Д. Леонтьева (Нюттен, 2004).

Для обработки данных были использованы методы контент-анализа, сравнительного анализа с помощью критерия U Манна–Уитни и корреляционного анализа по Спирмену в программе Statistica v. 8.

Результаты и их обсуждение

Частотный анализ показал, что у обеих групп преобладают мотивационные объекты, связанные с ребенком. КР направлены преимущественно на ребенка и взаимодействие с ним. Мотивационные

объекты выявляют опору на психологическое состояние и личность себя и ребенка. В отличие от КР, ПР чаще всего выражают стремление к общению в целом и желания, относящиеся ко всему человечеству. Это согласуется с тем, что ценности взаимодействия и направленность на другого являются основными для ПР. Умение выстраивать общение с окружающими является одной из важных компетенций ПР, в том числе для успешного взаимодействия с социальными службами (Алдашева, Первачева, 2020). Также ПР выражают альтруистическую направленность. Это согласуется с результатами исследованиями А. Алдашевой о том, что замещающие родители должны быть альтруистически направлены (Алдашева и др., 2019).

Сравнительный анализ показал, что ПР реже, чем КР, опираются на дальнюю перспективу, и чаще опираются на ближнюю (несколько месяцев от настоящего момента). Результаты объясняются наличием для ПР срока воспитания ребенка, закрепленного договором с органами опеки.

Результаты корреляционного анализа позволяют воссоздать структуру перспективы будущего респондентов. В открытом настоящем КР опираются на понимание личности как целого, выражают желания для других. Для обеих групп важно общение с противоположным полом, которое влияет на формирование у ребенка представлений о семейных отношениях. ПР в открытом настоящем выражают эгоцентризм, направленность на психологическое самосохранение, неудовлетворенность положением дел, максимальное стремление.

Ближняя перспектива будущего КР представлена повседневными аспектами жизни, в основном – профессиональной деятельностью и отдыхом. Ребенок не фигурирует как значимый объект в их представлениях о ближней перспективе. ПР в ближней перспективе выражают желания получить что-то от других, достичь цели. Это отражается в описании взаимодействия с органами опеки. Выражается стремление к развитию способностей, преимущественно социальных и связанных с познанием других людей. В общем анализ представлений ПР о ближней перспективе выявляет у них преобладание направленности на получение чего-то для себя. По Ж. Нюттену, направленность получить что-то от других преимущественно выражают потребность в психологической поддержке (Нюттен, 2004).

В дальней перспективе у КР значимо возрастает направленность на ребенка. Они планируют учебную деятельность ребенка,

развитие его способностей, характера и черт личности, общение с ним. В представлениях ПР становится выражена направленность на получение чего-то не только для себя, но и для другого. Снижается эгоцентризм, появляются желания для других. Результаты показывают, что для ПР дальняя перспектива более желательна, чем открытое настоящее. Это позволяет судить о проживании ими сценария отложенной жизни, впервые описанным в работах, посвященных исследованиям северных народов (Серкин, 1997).

Важным аспектом является насыщенность перспективы будущего мотивационными объектами разных категорий. Как показали результаты, перспектива будущего ПР более насыщена, чем у КР, в открытом настоящем и периодах, отдаленных на несколько месяцев и несколько лет от настоящего момента. Это благоприятный фактор для формирования перспективы будущего приемного ребенка, учитывая обедненность перспективы будущего сирот (Белопольская и др., 2007).

Полученные результаты подтверждают теоретическую гипотезу исследования. Они отражают особенности воспитания ребенка в приемной семье, а также компетенции ПР. В связи с этим Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена в адаптации Д. А. Леонтьева с опорой на результаты данного исследования может быть включен в методику отбора кандидатов в приемные родители.

Выводы

1. У ПР сильно выражена опора на периоды несколько месяцев от настоящего момента и альтруистическая направленность.
2. ПР значительно реже, чем КР, опираются на дальнюю перспективу будущего и чаще опираются на ближнюю перспективу.
3. Наполненность открытого настоящего и дальней перспективы будущего ПР можно интерпретировать как «сценарий отложенной жизни».
4. Значимыми индукторами для ПР выступают альтруистическая и эгоцентрическая направленность, взаимодействие с другими; активность родителя; категории, связанные со способностями самого родителя; категории взаимодействия с различными социальными группами, насыщенность перспективы будущего.

Литература

Алдашева А. А., Понамарева Е. А., Сапожникова Т. Н. Структурно-уровневая модель оценки готовности кандидатов в приемные роди-

тели // Актуальная психология. Научный вестник ЕГУ. 2019. Т. 2. № 5. С. 68.

Алдашева А. А., Первачева О. А. Особенности менталитета приемных родителей как социальной группы // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 112–124.

Белопольская Н. Л., Иванова С. Р., Свистунова Е. В., Шафирова Е. М. Самосознание проблемных подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.

Серкин В. П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.

Различия обучения старых животных в зависимости от ранее приобретенного опыта

Н. П. Михайлова, О. С. Соловьева, Е. А. Кузина, А. Г. Горкин

Цель работы – сравнение особенностей научения у старых индивидов, обладающих разным опытом. Мы предполагаем, что дополнительное обучение в зрелом возрасте способствует процессу научения в старости. Исследование проведено на 3 группах крыс (взрослых, старых «наивных» и старых дополнительно обученных), в процессе формирования циклического инструментального пищедобывательного поведения (ЦИПП). При обучении обе группы старых крыс совершали меньше циклов за единицу времени и дольше проверяли кормушку, то есть реализовывали поведение, в большей степени сходное с ранее приобретенным опытом. Старые животные, у которых во взрослом возрасте формировали дополнительные навыки, по скорости формирования ЦИПП заняли промежуточное место между «наивными» старыми и взрослыми животными.

Ключевые слова: старение, научение, структура индивидуального опыта, поведение.

Научение является актуальной психологической проблемой, в частности, ведется поиск факторов, усиливающих или ослабляющих способность к обучению. Снижение этой способности наблюдают в пожилом и старческом возрасте у человека и животных при ухудшении показателей памяти, внимания и мышления. Вместе с тем, контролируемое и неконтролируемое – при помещении в обогащенную среду – обучение благотворно влияет на последующее

формирование навыков (Redolat, Mesa-Gresa, 2012). Однако, остается относительно малоизученным вопрос, насколько эффективны такие воздействия при коротких экспозициях в зрелом возрасте.

Еще одним фактором может быть степень субъективного сходства формируемого в процессе исследования поведения с опытом, приобретенном на более ранних этапах онтогенеза. Можно предположить, что старые индивиды могут не отличаться или превосходить взрослых при реализации актов поведения в наибольшей степени сходных с онтогенетически более ранним опытом (актуализация «старых» систем: воспроизведение своего имени, захват корма животным), и уступать взрослым при формировании актов поведения, для реализации которых необходимо формирование «новой» системы (формирование и актуализация «новых» систем: обучение новому языку, манипулирование впервые увиденным предметом). Цель исследования состояла в сравнении особенностей формирования актов, относящихся к «старым» и «новым» системам, у старых индивидов с разными структурами индивидуального опыта.

Исследование проведено на крысах линии Лонг-Эванс весом 250–350 г. в соответствии с требованиями, изложенными в директиве ЕС 2010/63/EU от 22.09.2010. Вне опытов крысы содержались в стандартных условиях вивария со свободным доступом к воде и пище. Животные были разделены на 3 группы: 1) группа взрослых крыс (В) (n = 8); 2) группа старых «наивных» крыс (СтН) (n = 8); 3) группа старых обученных крыс (СтО) (n = 9). У крыс группы СтО в зрелом (6–12 месяцев) возрасте на протяжении 5 сессий формировали опыт социального взаимодействия (с ранее незнакомой крысой Лонг-Эванс того же пола, СП), питьевого (лакание воды из чашки, ПП), оборонительного (захват и подъем на 1–2 с животного экспериментатором 10–20 раз в течении сессии, ОП) и поискового поведения (поиск разбросанных по полу пищевых таблеток, ПоискП) или циклическое инструментальное пищедобывательное поведение (ЦИПП) в отдельной установке. Обучение ЦИПП в основной серии опытов проводили в другой установке, оборудованной 2 педалями и 2 кормушками по углам, когда крысам было: 6–12 месяцев (В), 18–24 месяца (СтН и СтО), соответственно. Выделяли следующие этапы обучения: 1) адаптация к установке и захват пищи – кусков сыра (в правой или левой кормушке, К); 2) отход от этой кормушки; 3) подход к педали (П) на той же стороне (правой или левой); 4) нажатие П. Данные этапы соответствуют выделяемым нами актам ЦИПП. Получить пищу можно было только

на одной – эффективной – стороне установки. Критерием обученности ЦИПП было совершение 10 циклов «П-К» подряд без перехода на неэффективную сторону (не менее 60 циклов в течение сессии обучения нажатию П). При обучении животного проводили запись поведенческих отметок в компьютер с помощью программы DMAIN (Ю. Райгородский, модифицирована А. Крыловым) и запись на видеокамеру. Для статистического анализа использовали программу SPSS v. 17.0, группы сравнивали попарно с помощью U критерия Манна–Уитни. Различия считали статистически значимыми при $p<0,05$ (отмечали наличие тенденции при $p<0,1$).

Крысы СтН достигали критерия обучения ЦИПП позже группы В ($p=0,074$), СтО не отличались от СтН и В по этому показателю ($p>0,1$). Количество актов и циклов, состоящих из нажатия П и проверки К, не различалось между группами ($p>0,1$). Общим у крыс СтН и СтО было увеличение абсолютного среднего и суммарного нормированного времени проверки К (ИК) по сравнению с группой В (среднее время: СтН vs В: $p=0,006$, СтО vs В: $p=0.054$, суммарное время: СтН vs В: $p=0,016$, СтО vs В: $p=0,021$), между собой по этим параметрам СтН и СтО не отличались ($p>0,1$). Вариативность ИК была статистически значимо выше в группе СтН по сравнению, как с группой В (тест Левена, $p=0,006$), так и с группой СтО ($p=0,001$). Вариативность ИК в группах В и СтО статистически значимо не различалась ($p>0.1$).

Для того чтобы оценить динамику обучения ЦИПП, у старых и взрослых крыс сравнивали количество циклов поведения, совершенных в течение первых пяти последовательных 3-минутных отрезков времени. Крысы группы В совершали больше циклов, чем группа СтН (1–3, 10–12, 13–15 мин: $p<0,05$; 4–6 мин: n. s.; 7–9 мин: $p=0,073$); больше циклов, чем группа СтО (1–3, 4–6, 7–9 мин: $p>0,1$, 10–12: $p=0,06$, 13–15 мин: $p=0,075$). Животные из группы СтО совершали больше циклов в первые три минуты обучения, чем СтН ($p=0,099$; 4–6, 7–9, 10–12, 13–15 мин: $p>0,1$).

Таким образом, при формировании ЦИПП обе группы старых крыс дольше взрослых проверяли кормушку, то есть реализовывали поведение, в наибольшей степени сходное с предшествующим опытом. Ранее нами было показано увеличение доли проверок пустых кормушек при реализации ЦИПП старыми крысами, согласующееся с относительным увеличением активности корковых нейронов при проверках кормушек и захвате в них пищи (Горкин и др., 2017). Старые животные, которые во взрослом возрасте формировали дополнительные навыки, по скорости формирования

ЦИПП заняли промежуточное место между «наивными» старыми и взрослыми животными.

С позиций системно-эволюционного подхода, исходя из представлений о «наложении» систем в процессе системогенеза, замедление процесса обучения с возрастом можно объяснить трудностью согласования новой системы с уже существующей структурой (Александров, 2005; Швырков, 1995). При этом, приобретение дополнительного опыта во взрослом возрасте может облегчать формирование новых систем и их встраивание в СИО в старости, облегчать согласование «новой» системы с уже имеющимся, расширенным, опытом.

Полученные нами результаты свидетельствуют что обогащение опыта в зрелом возрасте может способствовать более успешному обучению в старости и являться профилактикой снижения когнитивных способностей с возрастом.

Литература

Александров Ю. И. Научение и память: традиционный и системный подходы // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2005. Т. 55 (6). С. 842–860.

Горкин А. Г., Кузина Е. А., Ивлиева Н. П., Соловьева О. А., Александров Ю. И. Паттерны активности нейронов ретросплениальной области коры в инструментальном пищедобывательном поведении у крыс разного возраста // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2017. Т. 67 (3). С. 334–340.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.

Redolat R., Mesa-Gresa P. Potential benefits and limitations of enriched environments and cognitive activity on age-related behavioral decline // Curr. Top. Behav. Neurosci. 2012. № 10. P. 293–316.

Разработка модификации теста на эмоциональный слух человека для отбора операторов служб экстренной помощи по телефону

П. В. Морозов

Представлена программа создания модификации теста В. П. Морозова на эмоциональный слух человека для использования ее в профессиональном отборе операторов служб экстренной помощи по телефону. Приводится краткое описание оригинальной методики оценки эмоционального слуха человека, возможные сферы его применения и обоснование необходимости создания модификации методики для целей профессионального отбора в области операторской деятельности. Описана процедура, методы и этапы подготовки стимульного материала, а также критерии его отбора.

Ключевые слова: эмоциональный слух, профессиональный отбор, операторская деятельность, служба помощи.

Проблема профессионального отбора кадров была и остается весьма актуальной во многих сферах деятельности человека. На сегодняшний день стремительный рост городского населения и развитие сферы услуг и сервисов, предоставляемых удаленно, подразумевает наличие различных служб помощи по телефону. Одной из таких служб является Городская служба помощи – «Система 112».

Важнейшей задачей Психологического отдела данной службы является разработка профессиограммы оператора служб экстренной помощи. В рамках работы по данному направлению Психологическим отделом «Системы 112» совместно с Институтом психоло-

гии Российской академии наук проводятся научные исследования эмоционального слуха операторов «Системы 112».

Напомним, что «эмоциональный слух» (ЭС) – термин, предложенный В. П. Морозовым в 1985 г. для обозначения способности человека к распознаванию эмоциональной экспрессивности речи, пения, музыки (Морозов, 1985). Для оценки ЭС человека в 1983 г. был разработан невербальный тест. А в 2004 году В. П. Морозовым и Институтом психологии РАН получен Патент РФ на «Способ определения эмоционального слуха человека».

Исторически изучение эмоционального слуха складывалось в русле исследований проблем художественного творчества. В связи с этим основной акцент в исследованиях В. П. Морозова ставился на изучении художественного типа личности человека. Актеры, певцы, музыканты и др. – это те профессии, для которых способность точно распознавать эмоции, слышать их тончайшие оттенки в звуках речи или музыки является одним из обязательных условий успешности профессиональной деятельности. Трудно представить себе хорошего актера или руководителя хора, который не может отличить страх от печали. Ведь тогда актер не сможет сыграть эти эмоции, а режиссер не может дать артисту обратную связь, что он делает не так.

Оригинальный тест на ЭС состоит из 30 эмоционально окрашенных нейтральных фраз, длительностью 3–5 секунд каждая, предъявляемых испытуемому с помощью звуковоспроизводящей аппаратуры. Слушатель должен определить, какое из 5 состояний выражает голос актера: радость, печаль, гнев, страх или нейтраль. На оценку каждой фразы слушателю отводится 10 секунд. Эмоциональный слух испытуемого оценивают по числу правильно определенных им эмоций (в процентах) по отношению к числу предъявленных фраз по формуле: $ЭС = Ах / АΣ * 100\%$, где Ах – число правильно определенных эмоций, АΣ – число предъявленных эмоциональных фраз. Подробно с исследованиями эмоционального слуха можно ознакомиться в научных трудах автора теста (Морозов, 1985, 2013, 2017).

Мы предполагаем, что эмоциональный слух может являться одним из элементов в ряду профессионально важных качеств для операторов служб телефонной помощи, поскольку в ситуации экстренного вызова оператор вынужден действовать в условиях ограниченного канала информации. Звонок поступает по телефонной линии – изображение заявителя отсутствует, на линии возможны помехи, существует ограничение по времени, накла-

дываемые регламентом службы помощи. Несмотря на это, звуковой канал связи несет в себе достаточное количество информации о говорящем, и о ситуации в целом. Эмоциональная информация, имеющаяся в голосе человека, также сохраняется в условиях наличия помех (см.: Морозов, 2013, с. 329). А в условиях экстренного вызова любая дополнительная информация, которую способен уловить слух оператора в речи собеседника, становится очень важной и способна повлиять на решение оператора, на способ его взаимодействия с собеседником, а в конечном счете – на успешное решение проблемы. На возможность использования эмоционального слуха в качестве критерия для «отбора аудиторов, осуществляющих контроль за состоянием человека-оператора, работающего в сложных стрессовых условиях» указывал В. П. Морозов (Морозов, 1985, с. 576; см. также: Дистанционное наблюдение и оценка..., 1982; Симонов, 1981).

В связи с этим, целью предстоящей работы является создание модификации теста В. П. Морозова на эмоциональный слух для использования ее в профессиональном отборе операторов служб экстренной помощи по телефону.

Очевидно, что методика оценки ЭС, созданная с помощью метода актерского моделирования эмоций может работать не очень точно на группе специалистов, имеющих дело со звуками другого качества и природы. Будучи приверженными идеям экологического подхода в психологии, мы считаем целесообразным создать модификацию теста на эмоциональный слух, основанную на реальных записях звонков в экстренную службу.

Для достижения поставленной цели мы предполагаем использовать записи обращений граждан в службу помощи – «Систему 112», имеющую обширную базу записей обращений граждан. Для отбора тестовых сигналов мы планируем использовать метод экспертных оценок, а для более детального выявления признаков эмоциональных составляющих в речи людей нами будет использоваться метод парных сравнений.

В качестве экспертов будут привлечены нынешние сотрудники службы помощи «Системы 112» – операторы, имеющие многолетний опыт работы «на телефоне».

Первый этап – грубый отбор. На первом этапе работы планируется отобрать 120–150 записей эмоционально окрашенных речевых сигналов реальных обращений в службу помощи. Для этого будут использованы экспертные оценки небольшого количества специалистов – опытных операторов службы помощи (7–10 чело-

век). Данная выборка сигналов должна характеризоваться различной степенью выраженности аффективной составляющей. Также в выборке должны присутствовать в равной пропорции эмоциональный состояния радости, печали, гнева, страха и нейтрального состояния, мужские, женские и детские голоса.

Второй этап – тонкий отбор. На втором этапе предполагается из первой выборки сигналов отобрать порядка 30–50. Составление выборки планируется также методом экспертных оценок, однако уже не более широкой аудитории экспертов (500–600 человек). Целью данного этапа является отсев тех стимульных сигналов, которые большинством экспертов интерпретируются как «абсолютно понятные» (иными словами более 75% экспертов сходятся в своей оценке эмоционального состояния) и тех сигналов, которые «совершенно не понятны» (то есть мнения более чем 75% экспертов разошлись).

Третий этап – парные сравнения. На третьем этапе предполагается использование метода парных сравнений для наиболее точного дифференцирования тех или иных эмоциональных состояний, содержащихся в звуковых сигналах. Планируется привлечение экспертов «Системы 112» наряду с представителями других профессиональных категорий.

Итоговая модификация теста на эмоциональный слух должна будет содержать от 30 до 50 в различной степени эмоционально-окрашенных тестовых сигналов.

Выборка сигналов должна быть выравнена по следующим критериям:

- Пять базовых эмоциональных состояний: радость, печаль, гнев, страх и нейтраль.
- Степень выраженности каждого из пяти эмоциональных состояний (сильно, средне, слабо).
- Пол заявителя (мужские, женские и детские голоса).

В дальнейших исследованиях планируется апробация полученной методики на контингенте новых сотрудников, претендующих на должность оператора «Системы 112».

Литература

Дистанционное наблюдение и экспертная оценка (общение и коммуникация в задачах медицинского контроля). М.: Наука, 1982.

Морозов В. П. Эмоциональный слух человека // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1985. Т. 21. № 6. С. 568–577.

Морозов В. П. Эмоциональный слух: экспериментально-психологические исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 45–62.

Морозов В. П. Язык эмоций и эмоциональный слух. Избранные труды. 1964–2016. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.

Взаимосвязь черт Темной тетрады и субъективного благополучия

Я. Р. Муртазина

Цель исследования – изучение взаимосвязи между чертами Темной тетрады личности и уровнем субъективного благополучия. В статье рассматриваются исследования других авторов, посвященные взаимосвязи Темной триады с субъективным благополучием. Основное внимание уделяется выявлению связи между макиавеллизмом, нарциссизмом, садизмом и субъективным благополучием. Результаты исследования показали, что для респондентов с высокими показателями по шкале нарциссизма высок и уровень субъективного благополучия. Обнаружено, что макиавеллизма связан с низким уровнем субъективного благополучия. Садизм не показал значимой связи с субъективным благополучием.

Ключевые слова: Темная тетрада, нарциссизм, макиавеллизм, садизм, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью.

Представленная исследовательская работа направлена на изучение взаимосвязи между чертами Темной тетрады личности и уровнем субъективного благополучия.

Проблема роли личностных характеристик, которые способны влиять на качество жизни и психологическое благополучие, остается актуальной из-за динамичных изменений в обществе. Большая часть работ обсуждает роль позитивных личностных характеристик, позволяющих преодолевать стрессовые события и сохранять психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное ощущение счастья и психологическое здоровье в целом.

Одна из наиболее обсуждаемых за последнее время модель негативных черт личности – это Темная триада – совокупность трех черт личности, включающая в себя макиавеллизм, неклинический нарциссизм и психопатию. Современные исследования (Дериш, 2021) добавляют еще одну черту, – неклинический садизм (Корниенко и др., 2022), – которая описывается получением положительных эмоций от страданий других (Jonason, Webster, 2010), таким образом появилась Темная тетрада. Исследования, посвященные связи черт Темной тетрады и субъективного благополучия фрагментарны, однако, понимание этой взаимосвязи позволит расширить психологическую характеристику данного симптомокомплекса негативных черт, обозначить возможные направления психологической работы с целью преодоления негативных проявлений данных черт в субъективном благополучии, что определяет актуальность и новизну данного исследования. Основу данной работы составили результаты пилотного исследования Я. А. Ледовой и коллег, которое выявило положительную связь между нарциссизмом и оценкой субъективного благополучия, что авторы объясняют ощущением собственной исключительности и тенденцией к самовосхвалению характерными при высокой выраженности нарциссизма (Ледовая и др., 2015). Вместе с тем, не было обнаружено связей субъективного благополучия для макиавеллизма и психопатии. Однако авторы указывают, что для более обоснованных выводов в отношении черт Темной триады необходимы репликация и дополнительные исследования. В связи с этим в исследовании предполагается проверка наличия положительной связи между нарциссизмом и субъективным благополучием. Добавление неклинического садизма привносит новый аспект в рассмотрение проблемы негативных черт личности, так можно ожидать что садизм имеет негативные взаимосвязи с психологическим благополучием. В основе данного предположения результаты исследователей, которые находят схожесть между людьми с психопатическими и садистическими характеристиками (Jonason, Webster, 2010).

Таким образом, цель данного исследования – выявить взаимосвязи между чертами Темной тетрады и субъективным благополучием и, в частности, проверить существование положительной связи нарциссизма, отрицательной психопатии и садизма с субъективным благополучием.

Исследование проводилось в июле–августе 2023 года. Сбор данных осуществлялся посредством специальной формы с представленными ниже опросниками через Интернет.

Выборку исследования составили 112 респондентов. Возраст участников исследования составляет от 18 до 34 лет (M = 22,68; SD = 4,20). Распределение по полу для выборки: 88 (80,7%) женщин и 21 (19,3%) мужчина.

Для диагностики макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садизма применяли Короткий опросник Темной тетрады, SD4 (Корниенко и др., 2022).

Для выявления уровня субъективного благополучия – русскоязычная адаптация Шкалы удовлетворенности жизнью Э. Динера, Шкалы субъективного счастья С. Любомирски и опросника «Спектр психологического здоровья» в адаптации Е. Осина, Д. А. Леонтьева (Осин, Леонтьев, 2020).

Для анализа данных применялись корреляционный анализ Спирмена и регрессионный анализ.

Результаты корреляционного анализа показывают, что показатель нарциссизма обнаружил положительную взаимосвязь с общим уровнем счастья ($r = 0,42$, $p<0,05$), показателями эмоционального ($r = 0,26$, $p<0,05$) и психологического благополучия ($r = 0,38$, $p<0,05$), а также с социальным благополучием ($r = 0,51$, $p<0,05$) и общим уровнем субъективного благополучия ($r = 0,46$, $p<0,05$).

Показатель макиавеллизма отрицательно коррелировал с эмоциональным благополучием ($r = -0,20$, $p<0,05$), психологическим ($r = -0,22$, $p<0,05$) и общим уровнем благополучия ($r = -0,22$, $p<0,05$).

Показатель садизма же не проявил значимой корреляции ни с одним из показателей субъективного благополучия.

То есть у людей с высокими показателями нарциссизма уровень субъективного благополучия значительно выше, чем у остальных. Это говорит о том, что люди с высоким мнением о себе и/или своем вкладе в общество обычно более счастливы, чем представители других черт Темной тетрады. У макиавеллистов же, напротив, уровень счастья ниже.

Результаты регрессионного анализа показывают, что показатель общего психологического благополучия объясняется чертами Темной тетрады на 35% ($R = 0,355$, $F(0,64, 4,32) = 2,48$, $p<0,05$). Для психологического благополучия обнаруживается два предиктора – положительный нарциссизм ($beta = 0,58$, $r = 0,46$, $p<0,01$) и отрицательный – макиавеллизм ($beta = -0,38$, $r = -0,22$, $p<0,05$).

В целом, результаты исследования показывают, что для респондентов с высокими показателями по шкале нарциссизма высок и уровень субъективного благополучия. При этом обнаруживается, что исследуемые с чертой макиавеллизма сталкиваются с низким

уровнем субъективного благополучия. Садизм не показал значимой связи с субъективным благополучием. Это позволяет говорить о том, что результаты исследования подтверждают гипотезу о позитивной корреляции субъективного благополучия и нарциссизма. Гипотеза об отрицательной связи показателей субъективного благополучия и садизма не подтвердилась. Однако была выявлена взаимосвязь макиавеллизма с субъективным благополучием.

Проведенная работа имеет ряд ограничений, которые необходимо исправить в последующих исследованиях. Во-первых, количество респондентов женского пола значительно превышает количество исследуемых мужского пола (их было <20%). Во-вторых, объем выборки.

Литература

Дериш Ф. В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 2. С. 222–235.

Корниенко Д. С., Вязовкина В. К., Горностаев И. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник Темной тетрады». 2022.

Ледовая Я., Боголюбова О., Тихонов Р. Стресс, благополучие и Темная триада // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43.

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1 (155). С. 117–142.

Jonason P. K., Webster G. D. The dirty dozen: a concise measure of the dark triad // Psychological Assessment. 2010. Т. 22. № 2. С. 420.

Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям — есть ли связь?*

С. К. Нартова-Бочавер, П. М. Ларионов, Е. К. Щерба

Привязанность к домашним питомцам исследуется в контексте терапии с использованием животных и защиты прав животных, однако вопрос о возможном вкладе этого феномена в развитие гуманного отношения к людям до сих пор остается открытым. Можно ли ожидать, что привязанность к питомцу обладает гуманизирующим воздействием или она сохраняет свою специфичность, не будучи связанной с просоциальными установками владельца животного — этот исследовательский вопрос отражает основную проблему исследования. Обнаружено, что разные характеристики привязанности к питомцу действительно связаны с экологической идентичностью, моральными мотивами и социальным экоактивизмом.

Ключевые слова: моральные мотивы, привязанность к питомцам, психология среды, экологическая идентичность, экологический стиль жизни.

Зонтичным понятием для разнородных характеристик, демонстрирующих связь с природой, является экологическая идентичность (environmental identity). Выраженная экологическая идентичность проявляется в заботе человека о других людях и не антропоморфных существах, а также в ответственности перед будущими поко-

* Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики».

лениями и планетой (Clayton et al., 2021; Reznichenko et al., 2021). Возможно, экологическая идентичность связывает любовь к домашнему питомцу с другими просоциальными качествами личности – моральными мотивами и экологическими установками как формой гуманного отношения к современникам и будущим поколениям (Nartova-Bochaver, Muhortova, 2020; Schwarzmüller-Erber et al., 2020). В настоящем исследовании мы будем рассматривать это качество как условно зависимую переменную (эффект).

Привязанность к питомцам (условно независимая переменная – предиктор) – это положительное отношение к животным, побуждающее заботиться о них, общаться с ними и скучать в их отсутствие. Согласно концепции, привязанность к животным представляет собой многомерный феномен, включающий эмоциональную привязанность, стремление защищать права животных и даже готовность заменить ими общение с людьми (Johnson et al., 1992).

Моральные мотивы представляют собой вторую условно зависимую переменную (эффект). В Модели моральных мотивов (Janoff-Bulman, Carnes, 2013), на которой базируется настоящее исследование, различается прескриптивная (предписывающая) и проскриптивная (запрещающая) мораль. Моральные мотивы регулируют актуальные отношения с реальными людьми или группами людей.

Третьей условно зависимой переменной (эффектом) является экологический стиль жизни – поведение, направленное на поддержание здоровой окружающей среды и предотвращение ее ухудшения в будущем. Экологический стиль жизни – это просоциальная инвестиция в жизнь будущих поколений на земле.

Цель исследования заключалась в поиске ответа на исследовательский вопрос: есть ли связь между привязанностью к питомцам, экологической идентичностью и просоциальными качествами личности (моральными мотивами и экологическим стилем жизни)?

Выборка исследования включала 284 респондента: 224 женщины, 60 мужчин, возраст от 18 до 76 лет.

Для измерения условно независимых переменных (предикторов) использовалась российская версия Лексингтонской шкалы привязанности к питомцам – ЛШПП-К. Для измерения условно зависимых переменных (эффектов) применялись российские адаптации однофакторной Шкалы экологической идентичности, Модели моральных мотивов, а также опросник Экологический стиль жизни.

Для реализации цели исследования было необходимо подготовить русскоязычную версию основного исследовательского инструмента – ЛШПП.

Конфирматорный факторный анализ с применением эстиматора MLM показал, что оригинальная 3-факторная модель ЛШПП характеризовалась недостаточно хорошими показателями соответствия данным (χ^2/df = 611,10/227; CFI = 0,835; RMSEA = 0,084 [90%CI: 0,076; 0,092]; SRMR = 0,065). С помощью эксплораторного факторного анализа было найдено оптимальное 4-факторное решение, полученное путем изучения факторной структуры при удалении пунктов с низкими или кросс-факторными нагрузками. Данное решение (восемь утверждений, по два на каждый из четырех коррелирующих факторов) хорошо согласовалось с содержанием утверждений и соответствующих им субшкал. Идентифицированным факторам (субшкалам) были даны полные и краткие названия: Близость с питомцем (Близость), Права питомцев (Права), Эмпатия со стороны питомца (Эмпатия), а также Источник счастья (Счастье).

Были проанализированы показатели соответствия для 4-факторной модели (четыре подшкалы) с фактором второго порядка (общий балл, отражающий общую привязанность), которые оказались несколько лучше (χ^2/df = 14,79/16; CFI = 1,000; RMSEA = 0,000 [90%CI: 0,000; 0,058]; SRMR = 0,028), чем у 4-факторного решения без фактора второго порядка. Мы выбрали 4-факторную модель с фактором второго порядка как наиболее оптимальное факторное решение, которое стало основой для краткой версии опросника ЛШПП-К (LAPS-Short Form, LAPS-S).

С целью определения характеристик привязанности к животным, способных предсказать уровень экологической идентичности, моральных мотивов и экологического стиля, было проведено несколько серий множественного регрессионного анализа методом форсированного ввода предикторов. Большинство моделей не были статистически значимы. Четыре модели предикции мотивов Помощи, Непричинения вреда, Социальной справедливости, а также Социального экоактивизма, оказались значимы и включали в себя статистически значимые предикторы. Среди характеристик привязанности к животным только Права и Счастье были положительными предикторами мотивов помощи (R^2 = 12,75%) и непричинения вреда (R^2 = 15,24%). Кроме того, Права питомцев были единственным статистически значимым положительным предиктором Социального экоактивизма

($R^2 = 6{,}56\%$), а Счастье – единственным статистически значимым положительным предиктором мотива социальной справедливости ($R^2 = 5{,}29\%$).

Было обнаружено, что главный метод LAPS не сохранил свою структуру. Далее, исследуемые переменные действительно положительно взаимосвязаны друг с другом. Так, общий показатель привязанности оказался связан с Экологической идентичностью, Социальным экоактивизмом и всеми моральными мотивами, кроме самоограничения. Среди аспектов привязанности к питомцам наибольшее количество связей с моральными мотивами образовали Счастье, Близость. Самые сильные связи образованы с мотивами Помощи и Непричинения вреда. Почти полное отсутствие связей мотива Самоограничения (коррелирует только с показателем Счастья) и полное отсутствие связей Экологического самоограничения можно интерпретировать как – люди, привязанные к своим домашним питомцам, испытывают затруднения в том, чтобы контролировать свои потребности и желания, если это касается социального пространства взаимодействия и экологической ответственности.

Самые сильные регрессионные модели были получены для мотивов Непричинения вреда и Помощи: если владелец питомца чувствует счастье от общения с любимым животным и готов предоставить ему некоторые социальные права, это повышает вероятность, во-первых, сдержанного и бережного отношения к людям, способности контролировать свою агрессию и, во-вторых, готовности оказывать людям активную помощь.

Три зависимые переменные (Помощь, Социальная справедливость и Социальный экоактивизм) отражают активную, субъектную жизненную позицию. Эти качества подразумевают вовлеченность в решение проблем других людей и социальные мероприятия по сохранению окружающей среды. Таким образом, владельцы домашних животных – это не пассивные люди, использующие любимых питомцев для собственной терапии; это готовые к действиям социально ответственные субъекты. Вполне возможно, что активная жизненная позиция явилась результатом рутинных действий, связанных с регулярным уходом за домашним питомцем. Однако самая сильная модель все же была получена для проскриптивного мотива непричинения вреда. Таким образом, гуманное отношение владельцев домашних питомцев к другим людям в первую очередь подразумевает контроль над собственной агрессией и затем – активную вовлеченность.

Литература

Clayton S., Czellar S., Nartova-Bochaver S., Skibins J. C., Salazar G., Tseng Y. C., Monge-Rodriguez F. S. Cross-cultural validation of a revised environmental identity scale // Sustainability. 2021. V. 13. № 4. Article 2387.

Janoff-Bulman R., Carnes N. C. Surveying the moral landscape: Moral motives and group-based moralities // Personality and Social Psychology Review. 2013. V. 17. № 3. P. 219–236.

Johnson T. P., Garrity T. F., Stallones L. Psychometric evaluation of the Lexington attachment to pets scale (LAPS) // Anthrozoos. 1992. V. 5. № 3. P. 160–175.

Nartova-Bochaver S., Muhortova E. If people are attached to plants, do they love other people? Case of the Russian youth // Behavioral Sciences. 2020. V. 10. № 2.

Reznichenko S. I., Nartova-Bochaver S. K., Irkhin B. D. Do authentic people care about the environment? A view from two paradigms // Psychology in Russia: State of the Art. 2021. V. 14. № 3. P. 81–102.

Schwarzmueller-Erber G., Maier M., Kundi M. Pet attachment and well-being of older-aged recreational horseback riders // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. V. 17. № 6.

Репрезентация своего рождения как часть идентичности

Н. С. Наумчук

Рассматриваются возможные факторы, влияющие на «выбор» личностью репрезентации своего рождения, а также следствия такого представления для идентичности. В качестве факторов выделяются детский неблагоприятный опыт и особенности прохождения стадий психосоциального развития Э. Эриксона. В качестве следствий рассматриваются эмоции самосознания, социальная адаптация в соответствии с возрастными периодами, выявление симптомов ПТСР, КПТСР и нарушения Я, диссоциации, особенности суицидальной мотивации. Данные тезисы описывают программу и ход исследования, включая этап пилотного исследования и статистическую обработку полученных данных.

Ключевые слова: репрезентация Я, самосознание, социальная идентичность, семейная идентичность, суицидальная мотивация.

Сегодня существуют психодинамические теории о связи мечтания матери о своем младенце, в том числе пренатального, и его последствий для идентичности ребенка (Лебовиси, 2007; Оланье, 2017). Частные случаи подкрепляются кейсовыми исследованиями (Lewin, 2020). На выборках большого объема в последнее десятилетие также изучается пренатальная привязанность, однако исследования больше сосредоточены на нервной системе. Этих результатов недостаточно для изучения идентичности.

Считается, что идентичность формируется Я-репрезентацией. Представление о своем рождении также можно отнести к Я-ре-

презентации. При этом идентичность определяет принадлежность к гендерным и социальным группам со своими возрастными задачами, например, такими, как создание семьи. Понятие Я-репрезентации означает способы, при помощи которых человек символизирует образ себя и переживает связанные с этим эмоции. Мы собираемся проверить, какие различия существуют у взрослых с разным видом репрезентации своего рождения.

Цель – изучить возможные факторы формирования и следствия репрезентации своего рождения у взрослых. Объект исследования – репрезентация своего рождения как часть идентичности. Предмет исследования – детский неблагоприятный опыт, особенности прохождения стадий психосоциального развития Э. Эриксона как возможные факторы формирования репрезентации своего рождения, а также эмоции самосознания, социальная адаптация (семья, отношения, рабочая деятельность), симптомы ПТСР, КПТСР и нарушения Я, диссоциации, особенности суицидальной мотивации как следствия той или иной репрезентации рождения.

Гипотеза исследования – детский неблагоприятный опыт, особенности прохождения стадий психосоциального развития не выступают значимыми факторами репрезентации рождения у взрослых; эмоции самосознания, социальная адаптация, симптомы ПТСР, КПТСР и нарушения Я, диссоциации, особенности суицидальной мотивации являются следствиями той или иной репрезентации рождения.

Предполагаемая выборка: 200 человек, мужчин и женщин в возрасте 18–46 лет. Выбор возрастной категории обусловлен необходимой однородностью, поскольку исследование касается не только семейных особенностей, но и возможностей заключения брака и деторождения. К тому же при пересечении возраста 45–50 лет наступает кризис прекращения активной профессиональной деятельности (Божович, 2001), что может сказаться на переосмыслении своего детства и отношений с родителями. В этот период меняется идентичность, что может повлиять на репрезентацию Я и данные исследования. В пилотном исследовании эту идею не удалось учесть, включен 1 участник возрастом 50 лет.

Используются следующие методики:

1. Биографическая анкета, включающая данные о возрасте, семейном положении, работе, репрезентации своего рождения.
2. Международный опросник неблагоприятного детского опыта (НДО/ACE-IQ) в адаптации Е. А. Катан.

3. Международный опросник травмы (MOT/ITQ) в адаптации М. А. Падун и др. для выявления симптомов ПТСР, КПТСР и нарушения Я.
4. Шкала диссоциации DES в адаптации В. А. Агаркова и Н. В. Тарабриной.
5. Методика измерения чувств вины и стыда TOSCA-3 в адаптации И. К. Макогон и С. Н. Еникополова.
6. Методика диагностики суицидальной мотивации (Ю. Р. Вагин).
7. Дифференциал психосоциального развития (В. А. Ильин).

Для расчета статистически значимых различий планируется использовать непараметрический критерий H Краскела–Уоллиса; попарное сравнение групп критерием U Манна–Уитни; коэффициенты корреляции r Пирсона и ранговой корреляции Rs Спирмена для определения силы и направления связи между двумя признаками; дисперсионный (ANOVA) анализ; сравнение пропорций с вычислением z-критерия с поправкой Бонферрони, поскольку сравниваются k>2 выборок, а также описательная статистика. Статистическая обработка выполняется с помощью программы SPSS v. 27.0.

На первом этапе исследования проводился сбор данных анкет и опросников. Их заполнение происходило в электронном режиме через сервис Google Forms.

Второй этап предполагал постепенную обработку данных и их статистический анализ в объеме, достаточном для пилотного исследования. При анализе обращали внимание на результаты различий, в том числе на уровне тенденций до $p<0,7$.

Данное пилотное исследование закладывает основу для исследования о детском пренебрежении в семье. В него вошло 63 человека в возрасте от 18 до 50 лет, 9 мужчин и 54 женщины. Исследование проводится на несвязанных выборках, состоящих из 4-х групп: 1 гр. – «Родители/мама хотели ребенка другого пола» (N = 7), 2 гр. – «Я незапланированный ребенок, мама хотела сделать аборт» (N = 10), 3 гр. – «Родители/мама были рады беременности» (N = 26), 4 гр. – «Мое рождение приняли нормально» (N = 20).

В результате исследования выявлены характерные пропорции. В любых видах отношений не состоят в 1 гр. 42,9%; 2 гр. – 40%; в 3 гр. – 19,2%, а в 4 гр. – 15%. При этом в официальном браке состоят в 1 гр. 28,6%; 2 гр. – 40%; в 3 гр. – 42,3%, а в 4 гр. – 35%. Имеют детей: в 1 гр. 14,3%; 2 гр. – 40%; 3 гр. – 34,6%; 4 гр. – 35%.

Можно было бы отметить тенденцию 1-й группы рожать детей реже по сравнению с остальными, но участник с детьми в 1-й группе всего 1, и неправомерно делать вывод. По этой же причине мы не можем рассчитать различие по среднему (М) возрасту появления первого ребенка. В текущем исследовании он равнялся: в 1 гр. – 29; 2 гр. – 23,8; 3 гр. – 28,6; 4 гр. – 24,4.

В качестве сферы деятельности в последние 12 месяцев участники 2-й и 4-й группы чаще выбирают работать по найму: в 1 гр. – 28,6%; 2 гр. – 60%; в 3 гр. – 30,8%, а в 4 гр. – 55%.

Склонность к стыду различалась на уровне тенденции между 1-й и 2-й группой ($U = 16,5$, $\alpha = 0,070$) и была значимо выше у 1-й в сравнении с 4-й на уровне $p<0,05$.

Уровень инструментальной и поствитальной суицидальной мотивации значимо ($p<0,05$) выше всех у 1-й группы за исключением 4-й.

4 вида жестокого обращения значимо выше у 1-й группы в сравнении с 3-й ($p<0,05$) за исключением сексуального насилия, которое значимо выше у 2-й в сравнении с 3-й ($p<0,01$).

На уровне тенденции различаются 1-я и 3-я группы по шкале «Инициатива» ($U = 47,5$, $\alpha = 0,055$). Также на уровне тенденции различаются 3-я и 4-я по шкале «Автономия» ($U = 173,5$, $\alpha = 0,055$).

Третий этап предполагает анализ полной выборки и включение полученных данных в более широкое исследование взрослых, подвергшихся тому или иному виду детского пренебрежения. В дополнение к уже обозначенным факторам будут исследованы различия альфа- и бета-гордости, прочие условия в семье и социальной среде до 18 лет, учтен возраст и пол участников, а также проведен контент-анализ события, которые участники выбрали для МОТ. На основе стандартных отклонений планируется выделить низкий и высокий порог для каждого фактора по каждой группе.

Результаты исследования частично подтверждают гипотезу о том, что между группами репрезентаций рождения существуют статистически достоверные различия. Однако, поскольку нет различий по травматическим событиям 1-й и 2-й групп, то нельзя утверждать, посредством чего представление о рождении связано с различиями в склонности к стыду, уровню инструментальной и поствитальной суицидальной мотивации, а также социальной адаптации.

Литература

Божович Л. И. Проблемы формирования личности / Под ред. Д. И. Фельдштейна. 3-е изд. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2001.

Лебовиси С. Фантазийное взаимодействие и трансгенерационная передача // Уроки французского психоанализа: Десять лет французских клинических коллоквиумов по психоанализу / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2007. С. 241–255.

Оланье П. Рождение тела, происхождение истории. Сборник статей / Гл. ред. И. Кадыров. Международный психоаналитический ежегодник. Шестой выпуск. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 256–289.

Lewin S. Schizoid shame: the idealization of absence // Contemporary Psychoanalysis. 2020. V. 56 (4). P. 534–561. doi: 10.1080/00107530.2020.1856677

Изучение нейрофизиологических механизмов распределения внимания в результате обучения приемам актерского мастерства*

Е. Е. Нефельд, М. К. Шугарев, А. И. Ковалев, А. Г. Долгих, М. В. Самусева

Поиск психологических и психофизиологических механизмов эффективности приемам обучения актеров, используемых в авторской системе К. С. Станиславского, который в свою очередь искал подтверждения положений своей концепции подготовки актеров в научных работах И. П. Павлова о сигнальных системах, продолжает оставаться актуальной задачей. Для исследования нейрофизиологических механизмов реализации сложного поведения актера по созданию художественного образа на сцене в данной работе был применен метод нейровизуализации fNIRS, с целью изучения процесса распределения внимания актера в условиях моделирования сценической деятельности по эффективному воплощению художественного образа.

Ключевые слова: произвольное внимание, психофизические действия актеров, ближняя инфракрасная спектроскопия, приемы актерского мастерства, управляющие функции.

Искусство актерской игры является сложным и многогранным процессом, а эффективность методов обучения актеров имеет важное значение для достижения высокого уровня профессионализма.

* Работа выполнена в рамках проекта «Разработка фундаментальных научных основ психологии театрального и художественного искусства».

Актеры обладают способностью изображать реальность или создавать воображаемые образы, это приводит к тому, что актеры способны примерять на себя новые социальные роли. Предполагается, что обученные актеры могут обладать особым опытом социального взаимодействия, а также навыками удержания внимания на своей роли в процессе создания художественного образа, при этом актуальным остается вопрос о нервных и когнитивных процессах, связанные с актерской деятельностью (Greaves et al., 2022).

Несмотря на то, что в современной психологии искусства исследователи все чаще обращают внимание на то, как танец, изобразительное искусство и музыка влияют на мозговые и когнитивные процессы, однако о театральной деятельности в научной литературе известно гораздо меньше (Omigie et al., 2015). Тем не менее достижение более глубокого понимания психологических и психофизиологических основ эффективных методов обучения актеров, имеет важное значение для актерской подготовки и развития театрального искусства в целом.

Современные исследовательские методы позволяют получать новые данные о таких процессах. Особо перспективными в этом направлении могут стать экологически обоснованные исследования с использованием функциональной ближней инфракрасной спектроскопии (fNIRS). В связи с актуальностью поиска психологических и психофизиологических механизмов эффективности приемов обучения актеров, целью настоящего исследования стало изучение нейрофизиологических коррелятов распределения внимания актера при воплощении им художественного образа.

Были выдвинуты следующие гипотезы: 1) использование специальных приемов при подготовке актера приводит к максимальному удержанию внимания на его роли в ситуации отвлечения актера от основной задачи. 2) Степень устойчивости удержания внимания актером будет тем больше, чем более значимым будет для него действующий целевой стимул, что отразится в мозговом ответе при предъявлении стимула-дистрактора.

Методика

В исследовании приняли участие 20 здоровых испытуемых (девушки), возраст 15–17 лет (средний возраст 16 лет), согласие на участие в исследовании было получено в письменном виде от родителей участниц. Исследование проводилось с использованием методик для оценки уровня внимания («Устойчивое влияние к задаче ре-

агирования», SART, Робертсон) и рабочей памяти («Задача непрерывного выполнения», В. К. Киршнер) (Kirchner, 1958; Robertson et al., 1997). Регистрация мозговой активности осуществлялась с помощью системы ближней инфракрасной спектроскопии Artinis Octamon. Сбор и обработка данных производились в среде программного обеспечения OxySoft, Jamovi.

Испытуемые были разделены на контрольную и экспериментальную группы по 10 человек. Внутри групп разделение осуществлялось следующим образом: 1 группа – экспериментальная, «Актеры»; 2 группа – экспериментальная, «Зрители»; 3 группа – контрольная «Актеры», 4 группа – контрольная, «Зрители». Участники, входящие в экспериментальную группу, в течение 10 дней проходили обучение специальным приемам актерского мастерства, направленным на улучшение концентрации внимания и памяти, речевого аппарата, владения своим телом, чувства ритма, чувства пространства (Станиславский, 1989).

Эксперимент состоял из трех этапов:

1. Все участники проходили компьютеризированные тестирования оценки уровня внимания и рабочей памяти. Участники экспериментальной группы проходили тестирования 2 раза – до и после обучения методикам актерского искусства.
2. Использовался специально разработанный стимульный материал при взаимодействии актера и зрителя. Задачей участников экспериментальной группы было прочтение стихотворения А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях». Во время прочтения стихотворения звучали слова-дистракторы. Были созданы индивидуальные стимульные дорожки, состоящие из 6 слов: имя актера, фамилия актера, чужое имя; слов: «вопрос», «лицо», «время», подобранные из словаря частотности.
3. Стимульные слова звучали в рандомном порядке с интервалом 15–30 секунд. Подача стимула осуществлялась с громкостью 40 дБ.

Все этапы исследования сопровождались регистрацией мозговой активности системой fNIRS. Расположение оптодов 8-канальной установки инфракрасной спектроскопии осуществлялось на лобные доли коры больших полушарий головного мозга.

Для обработки полученных данных использовался однофакторный дисперсионный анализ, апостериорный тест для неравных дисперсий Геймса–Хауэлла, t-test парных выборок Уилкоксона.

Результаты

Первоначальное когнитивное тестирование экспериментальной и контрольной групп продемонстрировало результаты стартового состояния уровня внимания участников всех 4 групп, в которых статистически значимых различий не было обнаружено, то есть все участники изначально обладали схожими значениями функционирования процесса внимания.

Оценка уровня оксигенации гемоглобина у участников эксперимента после предъявления целевого стимула «Фамилия участника», полученных с помощью fNIRS, показали статистически значимые различия между 1 и 3 группами ($p = 0{,}014$). Уровень оксигемоглобина после подачи звукового стимула – фамилии актера в канале R2-T6 (левая часть префронтальной коры) у 1 группы (участники, освоившие актерские методики) значительно выше, чем у 3 группы (контрольные участники, не проходившие актерские тренинги).

Оценка уровня оксигенации гемоглобина у участников эксперимента после предъявления звукового стимула-дистрактора – слово «вопрос», также, показало статистически значимые различия между 1 и 3 группами актеров ($p = 0{,}020$). В канале R2-T6 (левая часть префронтальной коры) у 1 группы (участники, освоившие актерские методики) значительно выше, чем у 3 группы (контрольные участники, не проходившие актерские тренинги).

Обсуждение и выводы

Таким образом, использование нейровизуализации мозговой активности в области лобных отделов обнаружило различия в протекающих мозговых процессах у участников эксперимента, прошедших обучение актерским приемам, в сравнении с участниками, не проходившими такого обучения, в ситуации отвлечения внимания от реализуемой деятельности по созданию художественного образа. Была отмечена существенно более высокая активация в левой части префронтальной коры у более подготовленных участников, которая может косвенно свидетельствовать о более активно выраженных тормозных процессах в отношении обработки поступающего звукового стимула.

Причем чем больше субъективная значимость и важность данного стимула, тем имели место более выраженные различия в активации указанной зоны. Поскольку первоначальный уровень функционирования внимания во всех группах испытуемых был

одинаковым, можно предполагать, что изменения в активности префронтальной коры у группы подготовленных участников связаны с именно ситуативным контролирующим процессов, позволяющим участникам оставаться более внимательными к выполнению задачи по воплощению художественного образа.

На основе полученных результатов, можно считать, что выдвинутые гипотезы принимаются. Использование актерских приемов способствует удержанию внимания актера в ситуации отвлечения от его основной задачи.

Литература

Станиславский К. С. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 2. Работа актера над собой. Ч. 1. Работа над собой в творческом процессе переживания: Дневник ученика. М.: Искусство, 1989.

Greaves D. A., Pinti P., Din S., Hickson R., Diao M., Lange C., Khurana P., Hunter K., Tachtsidis I., Hamilton A. F. C. de. Exploring theater neuroscience: using wearable functional near-infrared spectroscopy to measure the sense of self and interpersonal coordination in professional actors // Journal of Cognitive Neuroscience. 2022. V. 34. № 12. P. 2215–2236.

Kirchner W. K. Age differences in short-term retention of rapidly changing information //Journal of Experimental Psychology. 1958. V. 55. № 4. P. 352.

Omigie D., Dellacherie D., Hasboun D., George N., Clement S., Baulac M., Adam C., Samson S. An intracranial EEG study of the neural dynamics of musical valence processing // Cerebral Cortex. 2015. V. 25. № 11. P. 4038–4047.

Robertson I. H., Manly T., Andrade J., Baddeley B. T., Yiend J. Oops!': performance correlates of everyday attentional failures in traumatic brain injured and normal subjects // Neuropsychologia. 1997. V. 35. № 6. P. 747–758.

Исследование эффективности RSVP технологии для актуализации полученного знания

А. В. Никитин

Исследование направлено на использование эффекта прайминга для актуализации ранее полученных знаний. Предлагается использовать технологию чтения RSVP, которая основана на кратковременной экспозиции ключевых слов, для актуализации уже изученного материала. Мы предполагаем, что актуализация знаний через технологию RSVP повысит эффективность их воспроизведения по сравнению с отсутствием актуализации (но в меньшей степени, чем классическое повторение), и что комбинированное использование классического повторения и экспериментальной методики будет иметь синергетический эффект. Полученные результаты помогут определить эффективность данной методики актуализации знаний.

Ключевые слова: прайминг, RSVP, актуализация, обучение, повторение.

Известно, что эффект прайминга является результатом деятельности когнитивного бессознательного и состоит в способности неосознанно научаться и воспроизводить некоторое знание (Фаликман, Койфман, 2005). Известно также, что длительность эффекта прайминга зависит от типа задачи, однако никогда не может иметь длительность более 1 суток (Алексеева, 2017).

Большинство исследований прайминга направлены на процессы бессознательного научения и воспроизведения выученных закономерностей. Такие исследования пока имеют минимальную

практическую значимость, поскольку научение такого короткого действия не может применятся в большинстве актуальных сфер.

Мы собираемся использовать эффект прайминга для другой цели – актуализации уже полученного знания. Большинство педагогических моделей используют в процессе обучения и проверки практику «повторения», которая повышает эффективность работы с изучаемым материалом (Аршавский, 2011; Лодатко, 2023).

В привычных нам практиках повторения полученной информации, изученный материал эксплицируется сознательно, знания вспоминаются и проговариваются. В нашей работе мы хотим проверить гипотезу о возможности экспликации знаний в подпороговую зону, где они будут более доступны для извлечения.

Гипотеза исследования

Планируется использовать методику, разработанную на основе альтернативного способа чтения RSVP (Rapid serial visual presentation), который состоит в последовательной кратковременной экспозиции слов текста (Benedetto et al., 2015), что неизбежно создает естественный эффект прайминга.

Мы, в рамках нынешнего исследования, планируем использовать технологию RSVP, однако вместо текста испытуемым будут продемонстрированы ключевые слова уже изученного материала, с целью актуализация этих знаний.

Наша гипотеза состоит в том, что актуализация усвоенных знаний технологией RSVP повышает эффективность их воспроизведения. Предполагается, что в сравнении с классическими методами актуализации знаний (обычным «повторением»), актуализация через технологию RSVP будет менее эффективна, однако будет занимать меньше времени студентов и быть эффективнее, чем отсутствие актуализации. Также предполагается, что сочетание классического повторения и экспериментальной методики актуализации знаний будут давать синергический эффект.

Выборка

В экспериментальной процедуре будут задействованы студенты больших факультетов, у которых есть потоковые лекции. Планируется собрать выборку порядка 100 человек, возраст выборки ожидается от 17 лет до 24 лет, средний возраст примерно 20 лет.

Экспериментальная процедура

В качестве стимульного материала предполагается выделить 30 основных ключевых слов по пройденному материалу изучаемой

дисциплины, составленных по согласованию с преподавателем этой дисциплины, каждый из стимулов планируется предъявлять на 200 миллисекунд. Ключевые слова расположены в порядке от самых общих категорий к самым частным.

Испытуемым сообщается, что после того, как они запишут слова, экспериментатору нужно будет узнать имя и фамилию испытуемого, записавшего наибольшее количество слов. Таким образом, через мотив конкуренции поднимается мотивация к восприятию и фиксированию демонстрируемых слов. Мы предполагаем, что при такой демонстрации слов часть будут актуализированы сознательно, а часть актуализированы только в когнитивном бессознательном. Демонстрация стимульного материала предполагается с использованием проектора.

Экспериментальная процедура начинается с договоренности с преподавателями выбранных нами дисциплин. Экспериментатор прибудет на первую лекцию каждой из этих дисциплин и будет делать конспект. Далее, после лекции по согласованию с преподавателем из конспекта выбирается 30 ключевых слов, которые имеют наибольшее смысловое и ассоциативное наполнение. Из выбранных слов экспериментатор делает уникальный для каждой учебной дисциплины стимульный материал.

Также, совместно с преподавателем для каждой дисциплины составлялся тест по пройденному материалу, состоящему из 30 вопросов с выбором ответа, направленный на проверку полученных знаний. Каждый вопрос соотносится с 1 словом из стимульного материала.

Далее экспериментатор приходит на вторые лекции выбранных дисциплин, где и проводит основную часть экспериментальной процедуры. Первоначально экспериментатор делит случайным образом (при помощи жеребьевки) студентов на 4 максимально равные группы. Каждая из групп является одной из комбинаций двух факторов: фактора присутствия экспериментальной актуализации знаний и фактора присутствия классической актуализации знаний.

Таким образом, для первой групп не будет проведено никакой актуализации знаний, вторая группа получит только экспериментальную актуализацию, третья группа – только классическую, а четвертая группа получит оба вида актуализации.

На начальном этапе математической обработки распределение успешности написания текста будут проверены критерием Левена на равенство дисперсий, чтобы проверить допустимость использования метода дисперсионного анализа. Если достоверных от-

личий дисперсии не будет выявлено, то будет проведен двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA (2×2). В случае выявления значительных отличий в размерах дисперсий в группах для каждого фактора будет проведен непараметрический аналог ANOVA – однофакторный дисперсионный анализ H Краскела–Уоллиса.

Будут посчитаны критерии межгрупповых эффектов, которые покажут, какие из факторов влияют на выраженность актуализированности изученных данных, а также наличие или отсутствие синергического эффекта.

В качестве дополнительных гипотез будет проверено, также при помощи дополнительного подсчета дисперсионным анализом, повышает ли то, что испытуемый выписал слово на этапе экспериментального сравнения, его эффективность выполнения вопроса теста по этому слову, а также проверка наличия положительного влияния экспериментальной процедуры за исключением выписанных (то есть осознанных) слов.

Таким образом, составленный нами проект исследования помог бы проверить гипотезу о эффективности RSVP технологии для актуализации полученного знания.

Литература

Алексеева Д. С. Исследование временной динамики формирования репрезентации образа в кратковременной памяти // МНСК – 2017: Психология. 2017. С. 5–6.

Аршавский Ю. И. Нейронные механизмы памяти: синаптическая и геномная гипотезы //Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2011. Т. 61. № 6. С. 660–660.

Лодатко Е. А. Типология педагогических моделей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. «Педагогика, психология». 2023. № 1. С. 126–128.

Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2005. № 3. С. 86–97.

Benedetto S., Carbone A., Pedrotti M., Le Fevre K. Rapid serial visual presentation in reading: The case of Spritz // Computers in Human Behavior. 2015. V. 45. P. 352–358.

Эксплицитные и имплицитные ресурсы субъекта в ситуации угрожающего жизни заболевания*

Д. А. Никитина

Актуальность исследования ресурсности субъекта в условиях переживания ненормативного кризиса связана с тем, что полноценная реабилитация пациента включает не только его физическое выздоровление, но и восстановление его психологического благополучия. На сегодняшний день не до конца изученным остается вопрос о специфике эксплицитных и имплицитных ресурсов пациента в ситуации болезни. Целью исследования стал теоретический анализ механизмов совладания, включающих эксплицитные и имплицитные ресурсы, и последствий психотравматизации при угрожающем жизни заболевании. Мы полагаем, что характер имплицитных ресурсов во многом предопределяет эффективность обращения пациента к эксплицитным ресурсам совладания со стрессом в ситуации тяжелой болезни.

Ключевые слова: угрожающее жизни заболевание, посттравматический стресс, эксплицитные ресурсы, имплицитные ресурсы, социальные ориентиры.

При рассмотрении природы психической травмы разной этиологии можно выделять как общие особенности, так и специфичные.

Общие особенности связаны с интенсивностью стрессового воздействия на человека. Например, доказано, что при высоком

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005 «Онто- и субъектогенез психического развития человека в разных жизненных ситуациях».

уровне ПТС, корреспондирующем с клинической картиной ПТСР, человек типично реагирует на психическую травму вне зависимости от его возраста, социального статуса и т. д. Стереотипность реакции человека на травму, с одной стороны, проявляется в схожести картины психологических последствий, а с другой, в сужении репертуара привлекаемых копинг-стратегий с целью редукции психоэмоционального напряжения. В контексте психической травмы именно своеобразность (схожесть) последствий воздействия высокоинтенсивного стрессора поспособствовала развитию направлений в изучении природы подобных состояний в качестве самостоятельной нозологической единицы (Тарабрина и др., 2017).

Наряду с общими закономерностями развития и течения психической травмы значимыми оказываются результаты исследований, свидетельствующие о наличии факторов специфицирующих картину психотравматизации человека. К таким факторам обычно относят: субъективную оценку человеком степени угрозы жизни, внутренние условия личности, социальную ситуацию развития субъекта и др. При оценке полноты картины психических последствий психотравмирующего события, наряду с факторами, связанными с личностью человека, немаловажным оказывается и сам стрессор, его специфика.

В наших предыдущих исследованиях мы рассматривали ситуацию угрожающего жизни заболевания в качестве самостоятельного стрессового события, которое включает в себя отдельные этапы: появление первых симптомов, постановка диагноза, операция и постоперационное лечение (для некоторых заболеваний), реабилитация и т. д.

Данные этапы выступают компонентами ситуации угрожающего жизни заболевания и оказываются связанными с ее стрессогенными особенностями. Во-первых, стрессовое воздействие ситуации болезни является пролонгированным. Подобная экстраполяция определяется как прогрессированием болезни, длительностью лечения, необходимостью ежедневной включенности человека в решение возникающих проблем и трудностей, так и риском ухудшения качества жизни пациента в отдаленной перспективе. Во-вторых, ситуация заболевания имеет неопределенный характер течения. На каждом из этапов тяжелой болезни для пациента неизвестными остаются: время наступления ощутимого результата, его устойчивость, а также сохраняются риски, связанные с рецидивом заболевания. В-третьих, ее течение очень сложно контролировать, в особенности без участия специалистов. Экстремаль-

ная ситуация вынуждает пациента обращаться за помощью, искать дополнительные внешние ресурсы поддержки, преодолевая возникающие сомнения на предмет их надежности и эффективности. В-четвертых, вследствие болезни в жизни человека возникают некоторые ограничения. Нередко у пациента меняется не только привычный распорядок дня, но и образ жизни. Такие изменения связаны с тем, что заболевание снижает физическую и умственную активность человека (появляется усталость, недомогание, заторможенность, рассеянность и т. д.).

Характер переживания ситуации угрожающего жизни заболевания, как и при других стрессорах, тесно связан с оценкой человеком степени угрозы его жизни, при которой индивид соотносит собственные возможности с вызовами экстремального события (Сизова, Циринг, 2019). Эта оценка имеет как эксплицитный, так и имплицитный уровень (Тарабрина и др., 2017).

Эксплицитный уровень включает представления субъекта о его способности противостоять психотравмирующему фактору, используя более очевидные для него внешние и внутренние ресурсы. Подобного рода ресурсы для личности субъективно выступают явной опорой и основываются на опыте (знаниях, убеждениях, ценностях и т. д.). В представлениях человека они понимаются как эффективные, рациональные, чаще оцениваются как доступные (Тарабрина и др., 2017). В ситуации болезни такими эксплицитными ресурсами могут быть: внешние – социальная поддержка, контроль ситуации (например, соблюдение рекомендаций врача), суверенность личностного психологического пространств и др.; внутренние – самоконтроль, переосмысление, поиск решения проблемы, позитивное мышление, уход от проблемы, вера в себя и др. К ресурсам эксплицитного характера также можно отнести социальные ориентиры, которые помогают человеку эффективно функционировать в социуме, развиваясь как личность (Caron-Flinterman et al., 2005). В каждом возрасте субъект имеет специфические социальные ориентиры: в старшем возрасте – самоуважение, наставничество, автономия; в среднем возрасте – уверенность в себе, социальная смелость.

Несмотря на потенциальную эффективность эксплицитных ресурсов в ситуации угрожающего жизни заболевания пациент не всегда правильно обращается к ним. Во многом неэффективность такого обращения связана со скрытыми переживаниями, отрицаемыми субъектом проблемами, а также актуализацией иррациональных ресурсов, т. е. обусловлена искаженной имплицит-

ной оценкой психотравмирующей ситуации (Тарабрина и др., 2017). Эта оценка включает в себя имплицитные ресурсы, которые не даны человеку в готовом виде и чаще носят интуитивный характер, в большей степени характеризуются процессуальностью. К конструктивным имплицитным ресурсам можно отнести, например, избирательность, гибкость, а к деструктивным – гипокомпенсацию (подавление) и гиперкомпенсацию (искаженная переоценка) (Быховец, Падун, 2019).

При привлечении последних субъект ощущает рассогласование ожиданий и возможностей, так как не ассимилирует личностный опыт в соответствии с обстоятельствами актуальной экстремальной жизненной ситуации. Так, например, при наличии признаков психотравматизации в ситуации угрожающего жизни заболевания пациенты могут обесценивать значимость социальных ориентиров и других эксплицитных ресурсов (Cludius et al., 2020). В этом случае возникает риск развития гипокомпенсации, которая проявляется в старшем возрасте «уходом» в болезнь, а в среднем – застенчивостью, пассивностью. При гиперкомпенсации больной наоборот пытается максимально приблизиться к социальным ориентирам, но ввиду травмы реализует это в искаженном виде. У пациентов старшего возраста гиперкомпенсация может проявляться в виде подозрительности, обидчивости, а у больных среднего возраста в виде активного стремления к сверхавтономии, наличия потребности брать на себя непосильные обязательства, переходящие в чувство вины.

Выводы

Выявлено, что эксплицитные ресурсы основываются на опыте человека и воспринимаются им как эффективные, рациональные, доступные: внешние – социальная поддержка, контроль ситуации, суверенность психологического пространства и др.; внутренние – самоконтроль, переосмысление жизни, поиск решения проблемы, позитивное мышление, уход от проблемы, вера в себя и др.; связанные с социальными ориентирами, например, в старшем возрасте – самоуважение, наставничество, автономия, а в среднем возрасте – уверенность в себе, социальная смелость. Имплицитные ресурсы не даны человеку в готовом виде, носят интуитивный характер, в большей степени характеризуются процессуальностью, а их характер предопределяет успешность обращения субъекта к эксплицитным ресурсам: к конструктивным следует относить избирательность поведения, гибкость, а к деструктивным – ги-

покомпенсацию (подавление) и гиперкомпенсацию (искаженную переоценку) проблемы.

Литература

Быховец Ю. В., Падун М. А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 78–89.

Сизова Я. Н., Циринг Д. А. Особенности преодоления ситуации болезни пациентами со злокачественными новообразованиями // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 5 (1). С. 240–246.

Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Caron-Flinterman J. F., Broerse J. E. W., Bunders J. F. G. The experiential knowledge of patients: a new resource for biomedical research? // Social Science & Medicine. 2005. V. 60. № 11. P. 2575–2584.

Cludius B., Mennin D., Ehring T. Emotion regulation as a trans-diagnostic process // Emotion. 2020. V. 20. № 1. P. 37–42.

Взаимосвязь самооценки и показателей привязанности к близкому другу у молодежи

М. Ю. Никулина

В статье изучена связь самооценки и показателей привязанности к близкому другу у молодежи методом корреляционного анализа. Выявлена положительная связь между высоким уровнем самооценки и показателем привязанности к близкому другу (*«доверие»*).

Ключевые слова: самооценка, привязанность, близкий друг, межличностные отношения, молодость.

Самооценка играет большую роль в поддержании целостности личности, является приобретаемым образованием и зависит от социальных факторов. Однако также возникает вопрос о роли друзей в социализации личности – как их присутствие влияет на формирование личности, развитие уверенности в себе, появление ценностей и моральных принципов. Изучение этой темы имеет большое значение для понимания того, как люди устанавливают и поддерживают дружеские отношения.

Интерес к самооценке разворачивается в двух направлениях изучения: со стороны общего понимания самооценки как проблемы развития личности в трудах Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, и со стороны особенностей самооценки подростков в связи с включенностью в социальную систему и отношений в работах Л. И. Божович, М. И. Лисиной, А. В. Захаровой и других. При изучении понятия «самооценка» затрагиваются такие категории как самосознание, «Образ-Я» и «Я-концепция». Само-

оценка – относительно устойчивое образование, которое является частью Я-концепции, самопознания и самооценивания, а в основе лежит система ценностей и смыслов личности. Дружеские отношения могут способствовать развитию навыков межличностного общения, а также они помогают молодым людям осознать свои сильные стороны и уникальность. Советский и российский психолог И. С. Кон в своей работе дает следующее определение: «...дружба – отношение глубокое и интимное, предполагающее не только взаимопомощь, но и внутреннюю близость, откровенность, доверие, любовь» (Кон, 1980, с. 3). У молодых людей в их возрасте друзья играют важную роль в формировании эмоциональной связи, которая возникает у человека из-за потребности в эмоциональном контакте с другими личностями. Они становятся объектами привязанности, которые обеспечивают поддержку и уверенность. Английский психиатр и психоаналитик Дж. Боулби определял привязанность как устойчивую психологическую связь между людьми. В ее основе лежит безопасность, которую обеспечивает объект привязанности (Боулби, 2003).

Дружба в молодости – сложный и важный процесс, межличностные отношения помогают развиваться личности и находить свое место в жизни, определять ценности, а также преодолевать возникшие трудности в жизни. Дружба с точки зрения интенсивности и качества положительно взаимосвязана с удовлетворенностью жизнью, являясь последовательным и надежным показателем счастья у молодежи (Amati et al., 2018). При изучении особенностей дружбы А. В. Гончаров говорил о том, что отношения между друзьями строятся на основе правил межличностного общения, которые включают в себя взаимное доверие и открытость. Друзья должны чувствовать уверенность в том, что они никогда не подведут друг друга, поскольку дружба считается высшей формой товарищества. Молодые люди являются неустойчивым элементом социальной культуры, склонным к зависимостям и стремящимся определить свою идентичность через дружбу. Важным аспектом дружбы в данном возрасте является ее влияние на социальную идентичность. В течение всего этого периода постепенно формируется новая субъективная реальность, преобразующая представление индивида о себе и других. Американский психолог и психиатр Гарри Стек Салливан говорил о том, что подтверждение и одобрение от близкого человека помогают личности обрести устойчивое Я.

Л. И. Божович описывала формирование самооценки через оценку успешности своей деятельности и принятие своей иден-

тичности. В особенности на это влияет не просто успешное выполнение действий, а позитивный социальный отклик, то есть положительный образ в системе социальных отношений. Однако, самооценка должна состоять как из общественной оценки, так и оценки выполнения собственной деятельности. В противном случае возникают острые негативные эмоции, которые порождают отрицательные формы поведения. Это подчеркивает важность межличностного общения на формирование самооценки. М. И. Лисина считает, что когнитивный и эмоциональный компоненты самооценки имеют принципиальные различия в развитии. Когнитивный компонент как представление и отношение к своим возможностям формируется на основе индивидуального опыта ребенка, а эмоциональный – посредством опыта взаимодействия и общения с другими, где ребенок интегрирует отношение и оценивание со стороны других как часть отношения к себе.

В большинстве исследований и публикаций, посвященных взаимосвязи самооценки и привязанности, обычно больше внимания уделяется связи самооценки с привязанностью к родителям. Однако, роль дружеских отношений в формировании самооценки также не следует недооценивать. Дружеские отношения влияют на формирование личности, проявление ценностей и моральных устоев, поведенческих особенностей личности.

Метод

Цель: изучить связь самооценки и показателей привязанности к близкому другу у молодежи.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь самооценки и показателей привязанности к близкому другу у молодежи.

Статистические методы: корреляционный анализ.

Методики: русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга (Сабельникова и др., 2023), методика для определения уровня самооценки С. В. Ковалева (Ковалев, 1991).

Выборка: 50 человек в возрасте от 18 до 25 лет, 30 девушек (60%) и 20 юношей (40%).

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена показал связь между показателем «доверием» и высоким уровнем самооценки (при $p \leq 0{,}05$). Молодые люди с высокой самооценкой полностью уверены в себе, своем образе, эгоцентричны, не боят-

ся быть открытыми в обществе, делиться своими мыслями, эмоциями и проблемами, доверяют другим личностям, в том числе к своим близким друзьям. Также можно сказать, что дружеские отношения могут способствовать повышению самооценки. Когда у нас есть человек, с которым мы можем быть открытыми и честными, мы ощущаем безопасность и комфорт. Благодаря друзьям и их поддержке, мы начинаем «открываться», активно выражать свои чувства.

Гипотеза исследования была доказана, но не в полной мере, а частично. Связь между самооценкой и показателем привязанности к близкому другу («доверие») наблюдается только у испытуемых с высокой самооценкой. С низкой и средней самооценкой связи обнаружить не удалось. Можно сказать, что высокая самооценка и привязанность к близкому другу взаимно усиливают друг друга. Личности с высоким уровнем самооценки предрасположены иметь более качественные и глубокие межличностные отношения, а также им легко устанавливать и поддерживать доверительные отношения с близкими друзьями.

Вывод

В ходе проведения исследования была обнаружена положительная связь между высоким уровнем самооценки и показателем привязанности «доверие» к близкому другу. Для молодых людей развитие и укрепление самооценки и привязанности к близкому другу являются важными аспектами эмоциональной благополучности.

Литература

Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

Ковалев С. В. Подготовка старшеклассников к семейной жизни. М.: Просвещение, 1991.

Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980.

Сабельникова Н. В., Каширский Д. В., Садовникова Т. Ю. Русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 89–104.

Amati V., Meggiolaro S., Rivellini G., Zaccari S. Social relations and life satisfaction: the role of friends // Genus. 2018. № 74:7. P. 2–18.

Грандиозный и уязвимый нарциссизм в структуре Темной триады и Темной тетрады

Е. В. Ничепорук

Исследование посвящено изучению грандиозного и уязвимого нарциссизма, а также их вариативности в связи с чертами Темной триады и Темной тетрады. В статье представлена программа планируемого эмпирического исследования, которое включает два блока. Первый блок предполагает сбор данных по опросникам грандиозного нарциссизма, уязвимого нарциссизма, Темной триады и Темной тетрады с целью определения вариативности грандиозного и уязвимого нарциссизма и их взаимосвязь с чертами Темной триады и Темной тетрады. Второй блок исследования заключается в проведение квази-эксперимента с целью изучения вариативности проявлений грандиозного и уязвимого нарциссизма в социально-психологическом контексте. Предполагается участие не менее 500 респондентов на первом и втором этапе исследования.

Ключевые слова: грандиозный нарциссизм, уязвимый нарциссизм, Темная триада, Темная тетрада, личностные черты.

На сегодняшний день тема негативных (социально-неодобряемых) личностных черт насчитывает более 4500 научных статей (по базе данных PsycINFO), при этом интерес ученых в этой области продолжает расти. Наиболее цитируемая модель негативных личностных черт принадлежит Д. Л. Полхусу и К. М. Уильямсу – Темная триада, которая включает в себя неклиническую психопатию, макиавеллизм и неклинический нарциссизм (Paulhus, Williams, 2002).

Три отдельных, но связанных друг с другом черты личности, характеризующиеся циничностью, манипулированием, доминированием и т. д.

Позже, изучая структуру негативных личностных черт, исследователи предложили расширить концепцию Темной триады, включив в нее еще одну черту личности – садизм, так появилась Темная тетрада (Dinic et al., 2021). Однако продолжаются дискуссии о целесообразности выделения четырех негативных личностных черт и о структуре Темной тетрады в целом. Например, есть основания для редукции модели до Темной диады, состоящей из нарциссизма и психопатии (там же). Так прицельное внимание ученых обратилось ко всем социально-неодобряемым чертам не только в контексте модели, но и как отдельных личностных черт.

Данное исследование посвящено изучению неклинического нарциссизма в структуре Темной триады и Темной тетрады личностных черт. Интерес к изучению нарциссизма связан с тем, что на данный момент учеными рассматривался только грандиозный нарциссизм в структуре социально-неодобряемым черт личности, не затрагивая уязвимый нарциссизм. Последние исследования подтверждают наличие двух форм неклинического нарциссизма и особенности их проявления: значимые отличия уязвимого нарциссизма от грандиозного (Miller et al., 2021).

Грандиозный нарциссизм характеризуется доминированием, экстраверсией, самоуверенностью, высокомерием, тогда как уязвимому нарциссизму присущи недоверие, потребность в восхищении, интроверсия, чувство стыда и тревога (там же). Опираясь на последние данные, возникает проблема целесообразности включения нарциссизма как конструкта, состоящего из грандиозного и уязвимого компонентов, в структуру Темной триады и Темной тетрады. Также есть основания для выделения нарциссизма как социально-одобряемой черты личности, так как некоторые его аспекты, воспринимаются людьми как положительные, например, целеустремленность, общительность, умение расположить к себе собеседника (на начальных этапах взаимодействия) и другое (Sedikides et al., 2019).

Еще одним основанием к изучению неклинического нарциссизма является отсутствие отечественных систематических научных работ по данной теме с 2010 года, что делает актуальным российскую выборку для исследований в данной области. Ниже представлена программа исследования вариативности нарциссизма в структуре негативных личностных черт.

Программа исследования

Исследование включает два основных блока:

1) сбор данных по опросникам грандиозного нарциссизма, уязвимого нарциссизма, Темной триады и Темной тетрады с целью определения вариативности грандиозного и уязвимого нарциссизма и их взаимосвязь с чертами Темной триады и Темной тетрады на российской популяции;
2) проведение квази-эксперимента с целью изучения вариативности проявлений грандиозного и уязвимого нарциссизма в социально-психологическом контексте.

Целью исследования является определение вариативности грандиозного и уязвимого нарциссизма, их соотношение и связь с другими чертами Темной триады и Темной тетрады. Рассмотрим подробнее каждый блок исследования.

На первом этапе исследования будет применен ряд опросников: короткий опросник Темной триады (М. С. Егорова и др.), короткий опросник Темной тетрады (Вязовкина и др., 2022), шкала сензитивного нарциссизма (Х. М. Хендин, Дж. М. Чик, адаптация С. Б. Нестеровой) и нарциссический опросник личности (Raskin, Hall, 1979, адаптация О. А. Шамшикова с соавт.). В результате подвергнутся проверке ряд гипотез: грандиозный и уязвимый нарциссизм не обладают аналогичными связями в отношение черт Темной триады и черт Темной тетрады, а также уязвимый нарциссизм обладает характеристиками, отличными от характеристик грандиозного нарциссизма в связи с неклинической психопатией, макиавеллизмом и садизмом.

Второй этап исследования представляет собой квази-эксперимент. Респондентам будет предложено сделать выбор своей вероятной поведенческой реакции на различные ситуации взаимодействия с другими людьми (для исследования будет разработан сайт, квази-эксперимент проводится дистанционно). Планируется разработать не менее 10 ситуаций взаимодействия и не менее 5 вариантов выбора с возможностью отметить несколько вариантов ответа на каждую ситуацию, при этом респондентам необходимо оценить вероятность каждого своего выбора по балльной шкале от 0 до 5 (5 баллов – всегда так поступаю, 4 балла – часто, и т. д.). Описание ситуаций и вариантов выбора поведенческой реакции, будет основано на полярности характеристик грандиозного и уязвимого нарциссизма, а также неклинической психопатии и маки-

авеллизма. Примером ситуаций могут стать: проезд в общественном транспорте, посещение торгового центра или магазина, прием у врача и др. На данном этапе будет осуществлена экспертная оценка предлагаемых ситуаций и вариантов поведенческих реакций. Результаты квази-эксперимента покажут существует ли значимые различия в межличностных отношениях между показателями грандиозного и уязвимого нарциссизма и в отношении макиавеллизма и неклинической психопатии.

Участники и методы исследования

Планируется участие не менее 500 респондентов в каждом блоке исследования. Будут применены метод экспертной оценки, методы сбора эмпирических данных. Для статистического анализа данных будут использованы: описательная статистика, факторный анализ, корреляционный анализ, дисперсионный анализ. Данное исследование направлено на определение места грандиозного и уязвимого нарциссизма в структуре Темной триады и Темной тетрады. Кроме этого, будет проанализированы источники вариативности грандиозного и уязвимого нарциссизма.

Литература

Вязовкина В., Горностаев И., Корниенко Д. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98.

Dinic B. M., Sadikovic S., Wertag A. Factor mixture analysis of the Dark Triad and Dark Tetrad: Could sadism make a difference? // Journal of Individual Differences. 2021. V. 42. № 2. P. 74–83.

Miller J. D., Back M. D., Lynam D. R., Wright A. G. C. Narcissism today: what we know and what we need to learn // Current Directions in Psychological Science. 2021. V. 30. № 6. P. 519–525.

Paulhus D. L., Williams K. M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. V. 36. № 6 (6). P. 556–563.

Sedikides C., Ntoumanis N., Sheldon K. M. I am the chosen one: narcissism in the backdrop of self-determination theory // Journal of Personality. 2019. V. 87. № 1. P. 70–81.

Исследование субъектных и личностных характеристик в позднем онтогенезе*

Н. С. Павлова

Системно-субъектный подход Е. А. Сергиенко — это новый виток в развитии психологии субъекта А. В. Брушлинского. В основе теории лежит континуум субъектно-личностного развития человека на протяжении всей жизни. Категории субъекта и личности полно и непротиворечиво определяются как две ипостаси человека, находящиеся во взаимодействии друг с другом. Представлены исследования автора, выполненные в системно-субъектной парадигме, на тему: ментальные ресурсы регуляции поведения в позднем онтогенезе. Подтверждена теоретическая гипотеза о реорганизации ментальных ресурсов личности и субъекта в позднем онтогенезе.

Ключевые слова: психология субъекта, системно-субъектный подход, субъект, личность, поздний онтогенез, благополучное старение.

В настоящее время высокую актуальность и социальную значимость приобретает проблема поиска способов позитивного/оптимального функционирования личности. Несмотря на ряд сложностей, связанных с большим количеством синонимичных понятий (психологическое благополучие, субъективное благополучие, счас-

* Исследование выполнено в соответствии с Госзаданием Минобрнауки РФ № 0138-2023-0005 «Онто- и субъектогенез психического развития человека в разных жизненных ситуациях».

тье, удовлетворенность жизнью, качество жизни, психологическое здоровье, и др.) и разнообразием их дефиниций, можно выделить общий вектор – поиск способов улучшения жизни человека (Лактионова, Матюшина, 2018). Особенно важно это становится на поздних этапах онтогенеза. Наблюдается рост числа исследований в сфере благополучного старения. Изучаются различные аспекты, влияющие на уровень благополучия и качества жизни в позднем онтогенезе.

Теоретическую основу нашего исследования составили положения системно-субъектного подхода (Е.А. Сергиенко, 2021), являющегося вариантом развития психологии субъекта А.В. Брушлинского (Брушлинский, 2003). В основе теории лежит континуум субъектно-личностного развития человека на протяжении всей жизни. Категории субъекта и личности полно и непротиворечиво определяются как две ипостаси человека, находящиеся во взаимодействии друг с другом. «Личность рассматривается как содержательное образование (порождение смыслов, ценностей, направленности), то субъект – как индивидуальная возможность выборов, целей, реализации задач с учетом как ситуаций и событий, так и индивидуальной направленности и смыслов взаимодействий» (Сергиенко, 2021, с. 155). Получившаяся модель образует стройную и логичную теорию психического развития, базирующуюся на принципах непрерывности (континуальности), гетерархии, дифференциации–интеграции, антиципации и субъектности. В основе ее лежит континуум субъектно-личностного развития человека на протяжении всей жизни.

Мы полагаем, что в позднем онтогенезе наблюдается реорганизация ментальных ресурсов личности и субъекта, что проявляется в психологическом благополучии и субъективной оценке качества жизни и здоровья. Цель исследования: изучение особенностей психологического благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем, во взаимосвязи с контролем поведения и отношением ко времени (временная перспектива личности как преобладающие временные ориентации на будущее, настоящее или прошлое и субъективный возраст как отношение к себе и оценка личного временного ресурса) людей позднего возраста. Исследовательские гипотезы:

1. Высокая степень интеграции личностных (временная перспектива и субъективный возраст) и субъектных (контроль поведения) ресурсов сопряжена с более высокими показате-

лями психологического благополучия и субъективной оценки качества жизни.

2. Уровень качества жизни, связанного со здоровьем, психологического благополучия, развития контроля поведения, а также оценка субъективного возраста и временной перспективы отличается в зависимости от пола, возраста (55–64 лет; 65–74 лет; 75–90 лет), образа жизни и места проживания (у себя дома или в геронтологическом центре) людей позднего онтогенеза.

Одно из исследований проводилось на базе Центра социального обслуживания г. Москвы (Павлова, Глава, 2022). В нем приняли участие неработающие пенсионеры 58–93 лет (N = 48). Общая выборка разбита на подгруппы в зависимости от возраста и образа жизни: пенсионеры, ведущие активный образ жизни, занимающиеся в кружках, секциях, посещающие театры, экскурсии; одинокие и одиноко проживающие пенсионеры, получающие помощь социального работника по ведению хозяйства и в решении бытовых проблем; такие люди большую часть времени проводят дома одни либо с сиделкой.

Показано, что здоровье и его поддержание – ведущие цели и критерии идеальной жизни людей на этапе позднего онтогенеза. Несмотря на довольно низкие показатели качества жизни, связанного со здоровьем, уровень психологического благополучия соответствует высокому и среднему интервалам. Исходя из этого, был сделан вывод о множественных вариантах благополучного старения. На наш взгляд, это обеспечивается, в первую очередь, опорой на внутренние ресурсы личности, что способствует реализации основных компонентов позитивного функционирования, а также ощущению счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью. В качестве внутренних ресурсов изучалось отношение ко времени и своему возрасту. Установлено, что по мере старения становится больше взаимосвязей временно́й перспективы и психологического благополучия, а также субъективного возраста и качества жизни. Как внешний ресурс мы рассматривали образ жизни. У людей, ведущих активный образ жизни, выше уровень качества жизни. Но при этом у людей, чаще находящихся дома, наблюдается большее количество корреляций между всеми исследуемыми параметрами. С одной стороны, это свидетельствует о том, что при сниженных показателях качества жизни актуализируется его взаимосвязь с психологическим благополучием,

временной перспективой и субъективным возрастом. А с другой стороны – об интеграции внутренних психологических ресурсов для поддержания жизнедеятельности и психологического благополучия. Таким, образом, для активных пенсионеров внешняя активность играет ключевую роль в поддержании психологического благополучия и качества жизни. Для людей, ведущих домашний образ жизни, на первом месте – внутренние факторы.

Еще одно исследование людей позднего возраста продолжается в настоящий момент (Павлова, 2022). Работа выполняется с участием людей 49–93 лет (M = 71,5±10,5), постоянно проживающих (не менее 1 года) в учреждениях социального обслуживания (N = 155). Для анализа общая выборка разбита на подгруппы в зависимости от пола, возраста и объективного состояния соматического здоровья (группа инвалидности или ее отсутствие).

Важными, на наш взгляд, являются данные о том, что в позднем онтогенезе у людей, постоянно проживающих в учреждениях социального обслуживания, самооценка здоровья не имеет сопряженности с объективным состоянием соматического здоровья. Это указывает на ведущую роль именно субъективных (внутренних) факторов в оценке своего состояния. Субъективное благополучие является достаточно стабильным, интегративным образованием, не связанным с полом или возрастом. Опять-таки мы получили результат, указывающий на то, что люди с разными объективными и субъективными оценками здоровья чувствуют себя счастливыми и удовлетворены своей жизнью. Более того, наличие дефицитарных аспектов (высокие значения хронологического возраста и I группа инвалидности) связано с увеличением взаимосвязей между самооценкой здоровья и субъективным благополучием. В этой связи можно говорить о механизмах гиперкомпенсации, позволяющих жить вопреки болезням и возрасту, чувствуя себя счастливыми.

В заключение отметим, что исследования в этой сфере видятся перспективными, так как это не только вносит вклад в развитие представлений о субъектно-личностных особенностях в позднем возрасте, но и дает ориентир для развития системы социально-психологической помощи пожилым людям в раскрытии потенциала личности и ее ресурсов.

Литература

Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.

Лактионова Е. Б., Матюшина М. Г. Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Психология». 2018. Т. 26. С. 77–88. doi: 10.26516/2304-1226.2018.26.77

Павлова Н. С. Глава X. Благополучное старение в позднем онтогенезе // Онто- и субъектогенез психического развития человека / Под ред. Н. Е. Харламенковой, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, Н. Н. Казымовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. С. 220–234. doi: 10.38098/mng_22_0452

Павлова Н. С. Исследование субъективного качества жизни и субъективного благополучия в позднем онтогенезе // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 84–102. doi: 10.17223/17267080/86/5

Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. doi: 10.38098/mng_21_0435

Связь осмысленности жизни с уровнем стрессированности у психологов на территории боевых действий

Е. А. Парфенов, К. А. Мустафина

В статье описан дизайн эмпирического исследования о связи осмысленности жизни и работы у психологов и психотерапевтов с уровнем стресса, полученного вследствие нахождения и ведения трудовой деятельности на территории боевых действий. Согласно гипотезе, опирающейся на положения логотерапии, уровень стресса обратно коррелирует с уровнем осмысленности жизни и работы. Для оценки уровня стресса будет использована «Шкала психологического стресса PSM-25» (Н. Е. Водопьянова), для оценки уровня осмысленности жизни – «Тест смысложизненных ориентации» (Д. А. Леонтьев) и «Осмысленность работы» (К. В. Карпинский). Существование такой связи внесет вклад в утверждение позиций логотерапии стрессовых расстройств.

Ключевые слова: осмысленность жизни, стресс, боевые действия, логотерапия.

В рамках планируемого исследования мы задаемся вопросом о существовании связи между степенью осмысленности собственной жизни и работы и уровнем стресса, который испытывает психолог или психотерапевт, работающий на территории боевых действий. В результате литературного обзора нами не было найдено аналогичных исследований, применяющих схожие методы психодиагностики на выборке из психологов, находящихся в условиях

боевых действий. Однако, данные о подобной связи могут внести вклад в утверждение логотерапевтического подхода к профилактике и лечению стрессовых расстройств, в том числе у самих психологов и психотерапевтов, что обретает как теоретическую значимость в области эмпирических исследований эффективности экзистенциальной психотерапии, так и практическую значимость, заключающуюся в разработке и развитии предписаний и методов помощи гражданам, страдающим от стрессовых расстройств, вследствие настоящего геополитического положения.

Цель исследования: проверить наличие связи между осмысленностью работы и жизни и уровнем стресса.

Гипотеза: существует значимая отрицательная корреляция между испытываемым уровнем стресса и уровнем осмысленности жизни и работы.

В своем предположении мы опираемся на теоретические воззрения логотерапии. Логотерапию можно понимать как терапию, которая стремится исцелить через доступ к смыслу и цели в духовном плане. Согласно упомянутым концепциям, ключевым в преодолении страданий и травматического стресса является осмысленность собственной жизни, благодаря чему мы можем предположить, что более осмысленные люди будут испытывать меньший уровень стресса. Виктор Франкл, выживший в лагерях смерти благодаря своей подпольной психотерапевтической работе с заключенными, выделял три источника смысла в жизни человека: созидательная деятельность, любовь как проявление заботы о другом, смелость в страданиях и осмысленное отношение к ним (Франкл, 1990). Без всяких сомнений труд психолога является созидательным, нужным и ценным как для клиента, так и для общества. В процессе этой деятельности психолог устанавливает эмпатическую связь с клиентом, проявляет сострадание и заботу к нему. Совместно с клиентом психолог ищет пути позитивной реинтерпритации проблем и сложностей клиента, придавая его страданиям смысл. Таким образом, психотерапевтическая работа объединяет все три упомянутых источника, и сама может стать смыслом и дополнительной опорой для личности, пребывающей в условиях травматического стресса. Именно в обретении смысла в страдании (отчасти, благодаря трудовой, помогающей деятельности) и заключается ключ к преодолению и перестройке стрессовых реакций человека. Направленные на это техники самотрансценденции использовались в работе с ветеранами боевых действий, страдающими от симптомов посттравматического

стрессового расстройства. Так, потеря смысла и цели в жизни после травмирующего военного опыта оказывается одной из важнейших проблем и серьезным кризисным переживанием для ветерана (Southwick et al., 2006).

Подобная отрицательная связь была обнаружена на выборке из пакистанских студентов (Bano, 2014). Результаты исследования показывают, что смысл жизни, независимо от пола, является значительным предиктором сниженного уровня стресса. Однако, как мы уже упомянули, выборку составляли студенты, а не психотерапевты, пережившие психотравмирующие влияние боевых действий. Кроме того, в приведенном исследовании не изучается связь между осмысленностью трудовой деятельности и уровнем стресса.

Характеристики выборки. Выборку составят специалисты помогающих профессий (практикующие психологи и немедицинские психотерапевты с высшим образованием), которые живут и работают на территории новых субъектов Российской Федерации, пережив воздействие травматического стресса боевых действий. Выборка будет уравнена по половому составу и будет включать респондентов от 24 до 55 лет. Количество респондентов – 60 человек.

Методики. В качестве метода измерения уровня осмысленности жизни будет использован «Тест смысложизненных ориентации» (адаптированный Леонтьевым Д. А. тест «Цель в жизни», разработанный Д. Крамбо и Л. Махоликаном на основе теории стремления к смыслу и логотерапии Виктора Франкла) (Осин, Кошелева, 2020). Для оценки уровня осмысленности трудовой деятельности будет использована методика «Осмысленность работы» К. В. Карпинского. Для диагностики уровня стресса будет использована «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура–Тесье–Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2009). Исследование будет проходить дистанционно, путем заполнения «Яндекс-форм».

Математические методы. Анализ полученных данных будет осуществляться с помощью ранговой корреляции Спирмена. Проверка на нормальность распределения в этом случае не требуется.

Результаты и их интерпретация. Наша гипотеза подтвердится, если будет выявлена значимая ($p<0,05$) отрицательная связь (коэффициент корреляции $r<-0,2$) между уровнем стресса и показателями осмысленности жизни и трудовой (в нашем случае, психотерапевтической) деятельности. Если такая связь будет не обнаружена, нами будет принята альтернативная гипотеза, которая заключается в том, что вклад уровня осознанности не так велик,

по сравнению с другими факторами, обусловливающими уровень стресса.

Выводы

Таким образом, в данной работе был предложен дизайн эмпирического исследования в области психологии травматического стресса, которая становится крайне актуальна в настоящее время. Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в оценке потенциала логотерапии в профилактике и лечении стрессовых расстройств, а также в рассмотрении психотерапевтической деятельности как дополнительного источника смысла, позволяющего психологу справляться с высоким уровнем стресса.

Литература

Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер-Пресс, 2009.

Осин Е. Н., Кошелева Н. В. Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 6. С. 150–163.

Франкл В. Человек в поисках смысла / Под. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.

Bano A. Impact of meaning in life on psychological well-being and stress among university students // Existenzanalyse. 2014. № 1. P. 21–25.

Southwick S. M., Gilmartin R., McDonough P., Morrissey P. Logotherapy as an adjunctive treatment for chronic combat-related PTSD: a meaning-based intervention // American Journal of Psychotherapy. 2006. V. 60. № 2. P. 161–174.

Взаимосвязь психологического стресса и толерантности к неопределенности у студентов, обучающихся по направлению «психология» и получающих второе высшее образование

Е. М. Петрова

Актуальность исследования обусловлена увеличением скорости поступления и обработки информации в современном мире, нестабильностью и изменчивостью различных сфер жизнедеятельности, что неизбежно приводит к стрессам. А стрессы, в свою очередь, приводят к негативным последствиям для человека, в том числе для здоровья, для выстраивания взаимоотношений. С научной точки зрения представляет интерес более детальное раскрытие феноменологической сущности психологического стресса, факторов, на него влияющих. На примере настоящей работы выявлена взаимосвязь психологического стресса и толерантности к неопределенности студентов-психологов, получающих второе высшее образование.

Ключевые слова: психологический стресс, стресс, неопределенность, толерантность, студент.

Вопрос о причинах возникновения и самом феномене стресса привлекает к себе различные области науки, в том числе и психологию. В то же время подчеркивается широта данного понятия и различные его виды и трактования (Юнусова и др., 2008), что, несомненно, ставит определенные сложности для анализа данного явления.

Психологический стресс, его проявление (и влияние на физиологическую реакцию организма в том числе), в отличие от биоло-

гического, который выступает адаптационным механизмом, в первую очередь зависят от индивидуальных особенностей человека (там же). Р. Сапольски подчеркивает, что феномен психологического стресса – исторически недавнее понятие, характерное в первую очередь для людей, причем возникать стресс может на основании когнитивных процессов человека (Сапольски, 2015).

В научной литературе встречаются основания о наличии взаимосвязи психологического стресса и толерантности к неопределенности (ТН).

Еще в 1949 году Дж. Брунер и Л. Постман анализировали стратегии человека при встрече с неопределенными, странными ситуациями. Таковыми стратегиями являются стратегии защиты и бдительности. Были поставлены проблемы поведения и установок человека в неопределенных ситуациях (Асмолов, 2015).

Выявлена роль ТН в возникновении тревожности, т. е. сниженная ТН может приводить к появлению симптомов тревожных расстройств, чувству беспокойства, даже к паническим состояниям и депрессии (Салихова, 2022).

Для задач настоящего эмпирического исследования мы будем исходить из определения психологического стресса как естественного состояния переживания стресса в его соматических, поведенческих и эмоциональных показателях, а также как совокупности когнитивных и эмоциональных реакций человека на происходящие явления и события (то есть как субъективно воспринимаемого стресса).

В работах, посвященных проблеме неопределенности, а также проблеме раскрытия феноменов ТН, интолерантности к неопределенности (ИТН), также, как в раскрытии явления психологического стресса, подчеркивается многомерность данных конструктов (Hillen et al., 2017). В рамках настоящего исследования данные конструкты рассматриваются как комплексная характеристика личности.

Целью настоящего исследования было выявление взаимосвязи психологического стресса и ТН у студентов, обучающихся по направлению «психология» и получающих второе высшее образование.

Были сформулированы следующие гипотезы: чем выше ТН у студентов, обучающихся по направлению «психология» и получающих второе высшее образование, тем ниже психологический стресс; а также чем выше ИТН у данных студентов, тем выше психологический стресс.

В исследовании приняли участие 31 студент (женщины), которые обучаются по направлению «психология», получают второе высшее образование в возрасте от 26 до 44 лет (M – 34,7; SD – 4,71).

Были использованы следующие методики: «Новый опросник толерантности к неопределенности» в адаптации Т. В. Корниловой; «Шкала толерантности-интолерантности к неопределенности С. Баднера», валидизированная Т. В. Корниловой и М. А. Чумаковой; «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура–Тесье–Филлиона, апробированная Н. Е. Водопьяновой; «Шкала воспринимаемого стресса – 10» (в исследовании использована субшкала «перенапряжение»), валидизированная группой ученых (В. А. Абабков, К. Барышникова, О. В. Воронцова-Венгер, И. А. Горбунов, С. В. Капранова, Е. А. Пологаева, К. А. Стуклов).

Результаты тестирования были подвергнуты статистической обработке при помощи программного продукта jamovi v. 2.4.1.0. Были использованы следующие методы математической статистики: первичные описательные статистики, корреляционный анализ связей при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Были получены следующие результаты эмпирического исследования: уровень общего психологического стресса в группе респондентов по шкале PSM-25 чуть ниже среднего, воспринимаемый стресс по шкале перенапряжения принимает средний уровень. Значения ТН/ИТН и межличностной ИТН (МИТН) находятся также на среднем уровне. Уровни выраженности определены по среднему (М) и медиане (Med). При этом, по значению медианы ТН (новый опросник) группы респондентов попадает в диапазон высокого уровня.

Можно отметить, что процентное распределение студентов по уровням ИТН по новому опроснику Т. В. Корниловой и шкале Баднера довольно близко (высокий – 12,9%, средний – 87,1% – по новому опроснику; высокий – 12,9%, средний – 83,9%, низкий – 3,2% – по шкале Баднера). А вот процентное распределение по уровням ТН отличается значительно. Если по новому опроснику у большего процента отмечается высокий уровень ТН (58,1%), то по шкале Баднера преобладает процент студентов со средним уровнем ТН (84,8%), а высокий уровень ТН отмечен лишь у 6,1% студентов.

Это можно объяснить тем, что новый опросник ввиду большего количества пунктов позволяет получить более широкий спектр выявляемых свойств.

По уровню стресса выборка разделилась почти поровну между средним и низким уровнем общего психологического стресса по шкале PSM-25 (с небольшим преобладанием среднего уровня – 51,6%), по шкале перенапряжения воспринимаемого стресса преобладает процент со средним уровнем (41,9%). Также отметим, что высокий уровень отмечен только по шкале перенапряжения воспринимаемого стресса у 22,6% студентов.

В ходе корреляционного анализа выявлены следующие взаимосвязи с уровнем значимости $p<0,05$:

1. Отрицательная корреляция между ТН по шкале нового опросника и шкалой PSM-25 ($r=-0,469$, $p<0,01$) и шкалой перенапряжения воспринимаемого стресса ($r=-0,644$, $p<0,001$), а также положительная корреляция между МИТН и шкалой PSM-25 ($r=0,523$, $p<0,01$) и шкалой перенапряжения воспринимаемого стресса ($r=0,483$, $p<0,01$).
2. ИТН по шкале Баднера положительно коррелирует только со шкалой перенапряжения воспринимаемого стресса ($r=0,580$, $p<0,001$).

Обсуждение результатов и выводы

1. Нами принимается гипотеза о том, что чем выше ТН, тем ниже психологический стресс в группе студентов, обучающихся по направлению «психология» и получающих второе высшее образование. При этом необходимо отметить, что взаимосвязь психологического стресса отмечена на значимом уровне только с ТН, измеренной по новому опроснику. Это можно объяснить ограничением в объеме выборки настоящего исследования, а также различием широты спектра свойств, охватываемых опросниками;
2. Нами принимается гипотеза о том, что чем выше ИТН, тем выше психологический стресс в обозначенной группе студентов. При этом, в данном заключении важно также подчеркнуть многомерность как конструкта ИТН, так и конструкта «психологический стресс». В частности, в ходе настоящего исследования не удалось выявить значимую взаимосвязь между ИТН, измеренной по обоим опросникам, и общим психологическим стрессом по шкале PSM-25. Данный факт можно объяснить тем, что, несмотря на аналогичность шкал PSM-25 и шкалы перенапряжения воспринимаемого стресса, первая измеряет стресс по внешним признакам, а вторая измеряет субъективный уровень стресса.

3. Данная работа может служить предпосылкой проведения дополнительных исследований на более детальное раскрытие феномена психологического стресса, факторов, на него влияющих, а также апробации и валидизации новых русскоязычных версий опросников, измеряющих данный конструкт.

Литература

Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1.

Салихова А. Б. Взаимосвязь толерантности к неопределенности с особенностями ценностно-смысловой сферы личности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Казань, 2022.

Сапольски Р. Психология стресса. СПб.: Питер, 2015.

Юнусова С. Г., Розенталь А. Н., Балтина А. Н. Стресс. Биологический и психологический аспекты // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150. № 3. С. 139–150.

Hillen M. A., Gutheil C. M., Strout T. D., Smets E. M. A., Han P. K. J. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model and implications for healthcare // Social Science & Medicine. 2017. V. 180. P. 62–75.

Социальные представления о феномене красоты в разных возрастных группах

О. Д. Пирогова

Влияние внешнего облика проникает во все сферы жизни человека, начиная от межличностных и любовных отношений, заканчивая политическими выборами, услугами в сфере занятости, профессиональным успехом и удовлетворенностью жизнью. В мире где большую популярность и значимость имеют изображения, идентичность человека в большей степени стала связана с тем, как он выглядит. Вопрос о том, что вкладывается в понятие «красота», до сих пор остается открытым. В данной статье представлен частотный контент-анализ социальных представлений о красоте. Выявлено ядро и периферия представления о красоте, а также выявлены половые различия в представлении о некрасивом.

Ключевые слова: красота, социальные представления, представление о красоте, представление о некрасивом.

Роль внешнего облика в жизни каждого человека настолько велика, что неудовлетворенность своим внешним видом можно считать эпидемией, охватившей все возраста. Главным вопросом в решении этой проблемы остается вопрос о том, что считается привлекательным и красивым, что вкладывается в феномен «красота» в современном обществе. Изучение данного феномена является междисциплинарным, вопросы о красоте и прекрасном затрагивают множество научных областей: медицину, философию, социальную психологию, социологию. Тем не менее в настоящее время нет

единого определяющего понятия термина красоты. В разные эпохи философы давали разные представления о красоте, например, Платон определял красоту окружающего нас мира как отражение божественного разума, высшую красоту. Кант подчеркивал субъективность красоты, но показывал, что она сама является результатом рассуждений о прекрасном и безобразном, а не только о восприятии красоты. Также существует и другая точка зрения на вопрос о красоте, как о наборе правил, связанных с неоспоримыми математическими формулами, такими как симметрия и пропорция. Эти правила уникальны для объекта. Так как восприятие красоты в обществе различается в зависимости от культуры и времени, невозможно объяснить абсолютную и идеальную красоту. Эта идея поддерживает концепцию субъективной красоты (Артемьев, 2018).

Существует также биологическая точка зрения на стандарты красоты, в рамках которой говорится, что наш мозг обладает генетически заложенными правилами создания шаблонов красоты, которые затем заполняются в процессе онтогенеза (Grammer et al., 2003). Также в пользу теории о том, что эволюционные критерии выбора партнера для человека сформировали наши стандарты привлекательности и породили одержимость привлекательностью свидетельствуют данные эволюционной психологии. Исследования показали, что женщины ценят социально-экономический статус мужчин, социальное положение, престиж, богатство и т. д. и используют их как индикаторы больше, чем мужскую привлекательность. Напротив, мужчины больше ценят физическую привлекательность, здоровье, молодость женщин. Все высказывания связаны больше с репродуктивной способностью, чем с социальным статусом женщины (Buss, 1989).

Таким образом, феномен красоты имеет множественные значения, зависящие от различных подходов к изучению. Красота может относиться как к внешним характеристикам человека, так и внутренним компонентам. При этом феномен красоты может рассматриваться вне отношения к телесному образу.

Цель нашего исследования: изучить социальные представления о красоте.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что существуют специфические особенности социальных представлений о феномене красоты, связанные с личностными особенностями респондентов, их возрастом и полом.

В исследовании приняло участие 64 респондента в возрасте от 18 до 57 лет. Из них 36 женщин и 18 мужчин. 40 человек в воз-

расте от 18 до 35 и 24 человека в возрасте от 36 до 57 лет. Для сбора данных была использована авторская анкета, составленная по методу незаконченных предложений; Многофакторный опросник Кеттелла – форма С.

По итогам контент-анализа ответов респондентов были выявлены социальные представления о феномене красоты и некрасивом: социальные представления о красоте как характеристиках личности, социальные представления о красоте как характеристика окружающей действительности.

В высказываниях респондентов были выявлены три категории описания красоты с точки зрения человеческой характеристики с чувственно-эмоциональным окрасом («приятные эмоции», «то, что вызывает чувства», «духовный мир», «радует душу»); с точки зрения человеческой характеристики с преимущественно когнитивных компонентов («понятие субъективное», «умение трезво думать», «сила воли»), с точки зрения характеристики предмета с чувственно-эмоциональным окрасом («эстетика», «искусство», «визуальное наслаждение», «нечто материальное, услаждающее глаз», «гармония вещей»). При этом стоит отметить, что в результате частотного контент-анализа были выявлены специфические эквиваленты, которые формируют матрицу представлений: Данные эквиваленты могут выступать маркерами, существующими в группе и составлять специфику особенностей социальных представлений. Чаще всего респонденты соотносят феномен красоты с такими понятиями как «субъективность» (4,5%) и «эстетика» (4,5%). Третьим по популярности оказалось понятие «душа» (3%). Затем следует «мир» (2,5%), «радость» (2,5%), «искусство» (1,7%), «наслаждение» (1,7%). В меньше степени «гармония», «доброта», «состояние», «эмоция» (1,5%).

Представления о феномене красоты в трех выделенных категориях не связаны с полом, объективным возрастом респондентов, а также с их личностными особенностями. Также были проанализированы ответы респондентов в отношении представлений о некрасивом. Контент-анализ ответов позволил выделить три категории описания некрасивого. Первая: описание с точки зрения человеческой характеристики с поведенческим компонентом («неприемлемое поведение», «ложь», «предательство», «оскорбления»). Вторая категория представляет собой описания характеристики предмета с чувственно-эмоциональным окрасом («то, что уродливо», «неопрятность», «то, что вызывает отторжение», «предметы, кажущиеся инородными», «имеющиеся дефекты»). Третья катего-

рия, представляет собой описание предметов или явлений без явной эмоциональной окраски («беспорядок», «зло», «смерть», «война», «болезнь, страдания», «гной», «грязь»).

Частотный контент-анализ позволил определить ядро и периферию представлений о некрасивом. Чаще всего респонденты соотносят феномен некрасивого с такими понятиями как «отрицательные поступки» (3%), «грубость» (3%). Третьим по популярности ответов оказалось «ложь» (2,5%), далее идут такие понятия как «отторжение», «грязь», «зло», «невежество» (2%), в первую периферическую зону вошли понятия «злость», «лицемерие», «аморальные поступки», «невоспитанность», «предательство» (1%).

Стоит отметить тот факт, что были выявлены различия по фактору «категория представления о некрасивом» между респондентами разного пола. Так, мужчины предпочтительнее описывают некрасивое через категорию предметных характеристик без явной эмоциональной окраски, в то время как женщины в больше степени описывают некрасивое через категорию поведения человека (t-test, $p = 0{,}001$).

Таким образом можно сделать вывод о том, что в группе существуют разные представления о феномене красоты и некрасивом, а также описание этих феноменов совпадает в категории «характеристика предмета с чувственно-эмоциональным окрасом» имея лишь различный эмоциональный полюс. Представления о красоте совпадают у мужчин и женщин и не имеют различий в зависимости от возраста респондентов. При этом представления о некрасивом различаются у мужчин и женщин. Представление о красоте включает в себя не только внешние характеристики, но и поведенческий компонент, духовно-нравственный. Дальнейший анализ социальных представлений о красоте человека позволит создать более точную картину о феномене красоты.

Литература

Артемьев Т. М. Биоэстетическая и идеалистическая теории красоты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Т. 7. № 6А. С. 12–18.

Buss D. M. Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypotheses tested in 37 cultures // Behavioral and Brain Sciences. 1989. V. 12. № 1. P. 1–14.

Grammer K., Fink B., Møller A. P., Thornhill R. Darwinian aesthetics: sexual selection and the biology of beauty // Biological Reviews. 2003. V. 78. № 3. P. 385–407.

Детско-родительские установки как детерминанта сексуальности у осужденных женщин

Т. М. Плотникова

В связи с ростом женской насильственной преступности и рецидива совершения преступлений женщинами, зафиксированным Генеральной прокуратурой Российской Федерации, предпринято решение проведения исследования. Актуальность данного исследования связана с малой изученностью детско-родительских установок, формирующих сексуальность у женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Цель исследования – поиск взаимосвязи детско-родительский установок как детерминанты сексуальности у женщин, детерминирующей разные виды преступлений.

Ключевые слова: детско-родительские установки, сексуальность, агрессивность, женская преступность.

Детско-родительские отношения порождают многочисленные феномены в диаде «родитель–ребенок» на индивидуально-психологическом и социально-психологическом уровне. Представители различных психологических школ изучают детско-родительские установки и их роли в формировании сексуальности по-разному. Данную взаимосвязь необходимо рассматривать с учетом разных подходов, при этом учитывать множество факторов, включая индивидуальные различия каждого человека и его уникальный опыт жизни.

Детско-родительские отношения играют важную роль в формировании человеческой сексуальности. Представителями психо-

аналитической школы З. Фрейдом и К. Г. Юнгом сформулирована концепция формирования комплексов Эдипа и Электры в связи с первоначальной ролью матери и отца (или замещающих их фигур), как объекта любви: для мальчика – мать, для девочки – отец. С момента рождения родители являются для ребенка главным источником удовлетворения (Фрейд, 1989; Юнг, 2019).

А. Фрейд вывела в своих работах на первый план исследование агрессивности, проявляющейся у маленьких детей, как один из элементов их сексуальной жизни. Нахождение ребенка в концентрационном лагере, доме ребенка, интернате и другом месте, изолирующем его от родителей, является аномальным условием его развития. Это является основной причиной возникновения патологических проявлений детской агрессивности (Фрейд, 2014).

По мнению А. Фрейд, отсутствие родителей («объектов любви») в жизни ребенка является травмирующим фактором его раннего развития. Установление продуктивных, комфортных отношений ребенка с родителями является значимым в развитии у него либидо, формированию чувства защищенности и привязанности по отношению к другим людям (там же).

Детско-родительские установки включают в себя процессы социализации. По мнению А. Адлера, они являются элементом социального окружения, где итогом неэффективного взаимодействия ребенка с миром взрослых становится выработка у него комплекса неполноценности, который в дальнейшем может сформировать асоциальный стиль жизни, конфликтные ситуации и невротические расстройства. Также в результате взаимодействия с родителями дети усваивают нормы и правила, ценности и установки, касающиеся всех сфер их дальнейшей жизнедеятельности, и транслируют это в поведении (Адлер, 1929).

К. Роджерс считал, что полноценное развитие личности ребенка обеспечивает абсолютное безусловное позитивное внимание родителя к ребенку, вне зависимости от совершаемых им поступков. Нарушение детско-родительских отношений К. Роджерс соотносит с ошибочным восприятием ценностей, установок, в целом с индивидуально-психологическими особенностями детей. Они формируют у ребенка противоречия в представлениях о том, как его любят, и действительным уровнем и показателем любви (Роджерс, 2003).

У осужденных женщин наблюдаются различные факторы, которые могут повлиять на формирование их сексуальности, такие как: насилие в детстве, отсутствие границ в семье, недостаточное

внимание, родительское злоупотребление алкоголем или наркотиками, отсутствие ролевых моделей и другие. Данные факторы оказывают существенное влияние на самооценку, нормы и установки в отношении собственной сексуальности у осужденных женщин. Например, женщины, подвергавшиеся сексуальному насилию или насилию в детстве, испытывают сложности в построении здоровых интимных отношений и имеют проблемы с доверием к своему телу и мужчине-партнеру.

В целом, формирование сексуальности является сложным и многогранным процессом, и детско-родительские установки играют важную, но не единственную роль в этом процессе. Различные внешние факторы, такие как образование, социальное окружение и личный опыт также могут оказывать влияние на формирование сексуальности. Отсутствие здорового примера семейных отношений, нормального сексуального развития и образования в данной области может оказывать негативное влияние на формирование сексуальности у осужденных женщин.

На основе этих фактов возникла необходимость изучения характера детско-родительских отношений как фактора формирования сексуальности у осужденных женщин для разработки психокоррекционных программ с целью трансформации их негативных установок и формирования позитивных, поддерживающих.

Целью опытно-экспериментального исследования является изучение особенностей детско-родительских отношений и сексуальности у женщин ранней и средней зрелости, установление их взаимосвязи и определение направлений коррекции.

Гипотезами данного исследования являются предположения о том, что:

1) у осужденных женщин ранней и средней взрослости в детско-родительских отношениях наблюдаются сходства: слабая связь с родителями, отрицательные отношения с матерью или отцом, множество воспоминаний из детства, насыщенных негативными чувствами – обида, страх, грусть, печаль и гнев;
2) у осужденных женщин в отношениях к родителям проявляется холодность и отвержение; в их восприятии отношения между родителями негативные, холодно-эмоциональные, близкие к скандалу по причине семейных конфликтов, касаемых верности, доверия и сексуальности;
3) осужденным женщинам средней взрослости половой акт безразличен, и участие в нем проходит без внутреннего побуж-

дения, из чувства долга, с целью избегания конфликта; осужденным женщинам ранней взрослости после полового акта свойственно ощущение неотреагированного полового возбуждения или безразличие.

Проведение эмпирического исследования запланировано на осень 2023 г. на базе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области (исправительная колония общего режима для содержания осужденных женщин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы). Отбор респондентов в группы по возрастам основан на периодизации Э. Эриксона, в которой представлены периоды ранней и средней зрелости.

Сформированы две группы: № 1 – 30 осужденных женщин в возрасте 20–25 лет; № 2 – 30 осужденных женщин в возрасте 26–35 лет.

Для решения поставленных задач отобраны методы: беседа, методика «Сексуальная формула женская» (СФЖ) Г. С. Васильченко и других представителей Всесоюзного научно-методического центра по вопросам сексопатологии; методика цветовых метафор (МЦМ) И.Л. Соломина; методика «Маскулинность и Фемининность» – модифицированная Т.Л. Бессоновой и Н. В. Дворянчиковой версия методики «BSRI – Bem Sex-Role Inventory», методика «Незаконченные предложения» Д. Сакса и С. Леви. В качестве математических методов обработки и анализа данных запланировано использование первичной статистики, непараметрического статистического U-критерия Манна–Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

На основе результатов исследования запланирована разработка психокоррекционной программы детско-родительских отношений у осужденных женщин, с целью коррекции некоторых качеств личности, изменения их отношения к себе, как члену семьи (актуальному и потенциальному), и к другим членам ее семьи, трансформации их сексуальности. Апробация программы будет проходить в рамках опытно-экспериментального исследования на базе того же учреждения с женщинами, принимающими участие в эмпирическом исследовании.

Литература

Адлер А. Комплекс неполноценности // Наука Жить. Жизнь и ее модели / Пер. с нем. Е. Абаева. М.: АСТ, 2022. С. 51–71.

Роджерс К. Р. Измерение изменений в «Я» // Хрестоматия по социальной психологии личности / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 447–460.

Фрейд А. Детский психоанализ // Хрестоматия по психологии / Под общ. ред. В. М. Лейбина. М.: Московский ин-т психоанализа–Центр стратегической конъюнктуры, 2014.

Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности / Пер. М. В. Вульфа; с предисл. И. Д. Ермакова. М.: МЦ «Система» при МК ВЛКСМ, 1989.

Юнг К. Г. Символы трансформации / Пер. с англ. В. Зеленского. 2-е изд. М.: Академический проект, 2019.

Характеристики профессионального опыта и офисной среды как факторы развития профессионального выгорания специалистов ИТ-индустрии*

П. О. Подтягина

Представлены результаты исследования, полученного на выборке ИТ-специалистов из 192 человек. Показано, что возраст опосредованно снижает выраженность таких компонентов выгорания, как ментальная дистанция, эмоциональные нарушения и вторичные симптомы, а стаж работы на текущем месте и длительность ежедневной рабочей коммуникации снижают когнитивные нарушения и вторичные симптомы. Субъективное восприятие офиса как удобного, оснащенного внешней инфраструктурой, развитыми внутренними коммуникациями и соответствующего жизненному нарративу сотрудников способно снижать проявления выгорания. На указанные связи более сильное влияние оказывает наличие сотрудников в подчинении, чем формат работы.

Ключевые слова: выгорание, информационные технологии, офис, офисная среда, профессиональный опыт.

На сегодняшний день выгорание является одним из наиболее широко распространенных и актуальных для изучения в рамках психологической науки явлений. Активное изучение выгорания началось в 1980-х годах с исследований данного феномена

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

у медицинского персонала бесплатных клиник Г. Фрейденбергером, и несколько позже – разработки К. Маслак и С. Е. Джексон многофакторной теории выгорания и опросника для его оценки (Maslach Burn-out Inventory). Следует отметить, что в ранних работах по данной проблеме интерес исследователей в большей степени был сфокусирован вокруг помогающих профессий – врачей, учителей, социальных работников.

Несмотря на существенное продвижение в исследовании выгорания и существование большого количества зарубежных и отечественных исследований, посвященных данному феномену, вопросы о факторах его развития и превенции остаются не до конца изученными, а статистика распространенности выгорания продолжает расти. Так, по данным опроса Американской психологической ассоциации на 2021 год около 79% работников отмечали у себя проявления выгорания (Abramson, 2022). Кроме того, известны негативные последствия выгорания, которые затрагивают психологическое и физическое благополучие самих сотрудников, а также развитие бизнес-систем, поскольку выгорание способно приводить к текучке кадров, увеличению числа прогулов и снижению продуктивности сотрудников. Появление и развитие новых профессиональных областей, в частности, связанных с информационными технологиями, ставит перед исследователями новые вызовы.

За последние несколько лет появились данные о том, что сфера информационных технологий создает благоприятную среду для возникновения выгорания (Муравьева, Козлова, 2019). Стремительные темпы развития индустрии и специфика средовых факторов – высокие требования к сотрудникам, давление, связанное с жесткими сроками, частые переработки и необходимость постоянно обучаться новым навыкам – формируют высокие риски развития выгорания в данной сфере (Rezvania, Khosravi, 2019). Характеристики офиса и рабочего места в данном контексте также могут содействовать или препятствовать развитию выгорания. Так, наличие отвлекающих факторов, низкая освещенность, шум создают неблагоприятные условия для благополучия сотрудников, а «здоровая» офисная среда, сочетающая в себе элементы построенной и природной сред, обеспечивает комфортное времяпрепровождение и может препятствовать развитию выгорания.

Цель и гипотеза

Целью исследования является изучение влияния субъективно воспринимаемых качеств офисной среды и особенностей про-

фессионального опыта на развитие выгорания специалистов ИТ-индустрии. Нами была выдвинута гипотеза о том, что параметры профессионального опыта (должность, общий стаж работы в ИТ-индустрии и стаж работы на текущем месте, наличие сотрудников в подчинении, наличие учебной деятельности, помимо работы, часы, затрачиваемые в день на коммуникацию, и формат работы), возраст и субъективно воспринимаемые характеристики офисной среды специалистов ИТ-индустрии влияют на параметры выгорания.

Характеристики выборки

В исследовании приняли участие 192 специалиста ИТ-индустрии в возрасте от 19 до 47 лет (средний возраст составил 29,76±5,15 лет), из них – 41 женщина и 151 мужчин.

Методики и математические методы, применявшиеся при анализе данных

Для оценки уровня профессионального выгорания и его компонентов (Истощение, Ментальная дистанция, Когнитивные нарушения, Эмоциональные нарушения и Вторичные симптомы) использовался Опросник профессионального выгорания В. Шауфели и коллег (Колачев и др., 2019). Субъективно воспринимаемые характеристики офисной среды оценивались с помощью стандартизованного опросника «Люди в офисе» (Pavlova и др., 2023). Также испытуемым предлагалось ответить на вопросы о поле, возрасте и профессиональном опыте. Для анализа данных использовался корреляционный анализ (критерий Пирсона), множественный регрессионный анализ, разведочный анализ, структурное моделирование (путевой анализ), мультигрупповой структурный анализ.

Результаты и их интерпретация

В ходе исследования методом путевого анализа спустя несколько итераций и «вычищения» была построена достаточно согласованная ($\chi^2 = 46{,}28$, df = 37, $p < 0{,}141$, GFI = 0,962, CFI = 0,987, RMSEA [95% CI] = 0,036 [0,000–0,066], $P_{Close} = 0{,}746$, SRMR = 0,122) структурная модель прямого эффекта возраста, длительности ежедневной коммуникации с коллегами, стажа работы на текущем месте и субъективно воспринимаемых качеств офисной среды на выгорание. Согласно данной модели, компоненты выгорания образуют определенную последовательность манифестации, пусковым механизмом которой является Ментальная дистанция. Анализ результатов показал, что возраст вносит негативный прямой эффект в воспри-

ятие таких характеристик офисной среды, как Внутренняя коммуникация и Внешняя инфраструктура, что в свою очередь снижает выраженность таких компонентов выгорания, как Ментальная дистанция, Эмоциональные нарушения и Вторичные симптомы. Количество часов, затрачиваемых в день на коммуникацию по работе, и стаж работы в актуальной организации снижают выраженность Когнитивных нарушений. Стаж работы в ИТ-индустрии и занимаемая должность не вошли в модель в силу отсутствия значимого влияния на другие переменные. Такие субъективно воспринимаемые характеристики офисной среды, как Жизненный нарратив и Удобство, являются антипредикторами выгорания, причем Жизненный нарратив снижает выраженность Эмоциональных нарушений и Ментальной дистанции, а Удобство – Истощения и Когнитивных нарушений. С опорой на построенную структурную модель была проведена оценка модерирующего эффекта факторов наличия сотрудников в подчинении и формата работы на связи между социально-демографическими параметрами, субъективно воспринимаемыми качествами офисной среды и выраженностью выгорания. С помощью мультигруппового анализа было обнаружено, что фактор наличия сотрудников в подчинении сильнее влияет на данные связи, нежели чем формат работы.

Выводы

1. Гипотеза о влиянии параметров профессионального опыта, возраста и субъективно воспринимаемых характеристик офисной среды специалистов ИТ-индустрии на выраженность выгорания подтвердилась частично.
2. Возраст опосредованно снижает выраженность таких компонентов выгорания, как ментальная дистанция, эмоциональные нарушения и вторичные симптомы, а стаж работы на текущем месте и длительность ежедневной рабочей коммуникации снижают когнитивные нарушения и вторичные симптомы.
3. Субъективное восприятие офиса как удобного, оснащенного внешней инфраструктурой и развитыми внутренними коммуникациями, а также соответствующего жизненному нарративу сотрудников способно снижать проявления выгорания.
4. Наличие сотрудников в подчинении сильнее влияет на указанные связи, чем формат работы.

Полученные данные говорят о возможности предотвращения и коррекции выгорания специалистов ИТ-индустрии посредством фор-

мирования «здоровой» офисной среды с опорой на жизненные ценности сотрудников и повышения удобства их рабочего места.

Литература

Колачев Н. И., Осин Е. Н., Шауфели В., Дезарт Ш. Личностные ресурсы и выгорание у сотрудников библиотек Московской области // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 2. С. 129–147.

Муравьева О. И., Козлова К. В. Профессиональное выгорание программистов: специфичность феномена // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 98–110.

Abramson A. Burnout and stress are everywhere // Monitor on Psychology. 2022. V. 53. № 1. P. 72–73.

Pavlova M. V., Reznichenko S. I., Nartova-Bochaver S. K. A New Instrument to Measure Healthy Workplace Qualities: The People in the Office Scale // Frontiers in Psychology. 2023 (in press).

Rezvania A., Khosravi P. Emotional intelligence: The key to mitigating stress and fostering trust among software developers working on information system projects // Science. 2019. V. 48. P. 139–150.

Особенности личности женщин, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств

Ф. Ю. Полещук

В работе представлены результаты анализа научных исследований особенностей личности осужденных женщин, характера их детско-родительских отношений, формирующих их отношение к себе, как члену семьи в соответствии с их ролями (*дочь, мать*), *и к другим родственникам. На основе этого разработан план опытно-экспериментального исследования, целями которого является изучение особенностей детско-родительских отношений, сформировавших качества личности у женщин ранней зрелости, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, а также определение актуальных мишеней психологической коррекции.*

Ключевые слова: детско-родительские отношения, осужденные женщины, незаконный оборот наркотических веществ.

Актуальные статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний демонстрируют, что количество женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, составляет около одной третей части от всех осужденных женщин. В связи с этим возникает необходимость изучения их психологических особенностей для осуществления качественной психологической, воспитательной и социальной работы в исправительных учреждениях с целью дальнейшей ресоциализации женщин и профилактики рецидива преступлений.

Изучению особенностей личности осужденных женщин посвящен ряд научных исследований (Ю. М. Антонян, Э. Ю. Бадальянц, Е. И. Елфимова, Б. Б. Казак, Е. Н. Казакова, Н. В. Кастерина, Н. В. Киркина, И. И. Кутлубаев, Н. О. Макух, А. В. Молоствов, М. В. Овсянникова, А. Л. Плотникова, О. Н. Ракитская, Я. Р. Сапрунова, Т. А. Смолина, Д. В. Сочивко, О. И. Сочивко, А. И. Ушатиков, Ю. М. Филиппова, Г. Г. Ханцева, С. Д. Хачатурян, М. А. Черкасова, В. И. Шиян, Л. М. Щербакова и др.). При этом исследования посвящены изучению отдельных личностных аспектов разных категорий осужденных. По результатам анализа их результатов мы пришли к следующим выводам относительно женщин, осужденных за незаконный оборот наркотиков.

Основная масса наркопреступниц – молодые женщины в возрасте от 18 до 25 лет, реже – от 25 до 35 лет (другие возрастные категории представлены малочисленно). Данное обстоятельство объясняется тем, что имеет место факт вовлечения состоящих в отношениях женщин в наркооборот и формирование их наркотической зависимости за счет следующих особенностей их возраста: доверчивость, наивность, неопытность (Киркина, 2015). Этим женщинам свойственна наибольшая социальная активность – около 60% преступниц совершали преступные деяния в составе организованной преступной группы. Кроме того, им свойственно нестабильное психическое состояние, несформировавшиеся внутренние устои, легкая внушаемость (Елфимова, 2012).

Волевая сфера у женщин, осужденных за преступления в сфере наркооборота, чаще характеризуется избеганием ответственности и убежденностью в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю (Кастерина, 2008). При возникновении конфликтной ситуации они действуют импульсивно и рискованно, участвуют во всевозможных необыкновенных и азартных событиях для удовлетворения материальных потребностей, которые для них являются значимыми. При бесконфликтном взаимодействии с окружающими они осторожно и аккуратно контролируют изменения и корректируют свое поведение в соответствии с реакциями окружающих. Это помогает им справиться с неуверенностью в себе (Макух, 2022).

Большинство женщин-наркопреступниц либо не состояли в браке, либо были в разводе или поддерживали отношения с мужчинами без регистрации брака, то есть жили в так называемом «фактическом браке». В официальном браке на момент совершения преступления состояла незначительная часть женщин – около 10% (Кирсанова, 2020).

На основе анализа исследований однопоколенных и межпоколенных подсистем семейных отношений осужденных женщин за наркооборот (Б. Б. Казак, Н. О. Макух, А. Л. Плотникова, А. И. Ушатиков, С. Д. Хачатурян, М. А. Черкасова, В. И. Шиян и другие ученые), а также по результатам бесед с осужденными женщинами, изучения личных дел осужденных (весна 2023 г., исправительная колония № 1 УФСИН России по Вологодской области) выявлены следующие факты:

– протест против традиционных семейных ценностей;
– неконтролируемые эмоции при возникновении неблагоприятных процессов у родственников (пьянство / безработица / осуждение сожителя или мужа, матери или отца);
– потеря социальных контактов с семьей (родителями, мужьями, детьми);
– недостаточное принятие роли матери;
– отсутствие желания изменять свою жизнь в связи с рождением ребенка;
– излишняя дистанцированность от детей;
– игнорирование факта материнства;
– демонстративное декларирование матерью сильной эмоциональной привязанности и любви к ребенку;
– игнорирование потребностей ребенка и другие.

Соответственно, возникла необходимость изучения характера их семейных отношений (в частности, детско-родительских, как фактора формирования личности), для разработки психокоррекционных программ с целью трансформации их негативных установок и формирования позитивных, поддерживающих.

Целью опытно-экспериментального исследования является изучение особенностей детско-родительских отношений у женщин ранней зрелости, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, и их коррекция.

Гипотезами данного исследования являются предположения о том, что:

1) у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, в возрасте ранней зрелости в детско-родительских отношениях наблюдается излишняя эмоциональная дистанция, преобладает повышенный оптимизм, фантазирование и повышенная значимость;
2) у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, в возрасте средней зрелости в детско-родительских

отношениях наблюдается пассивность, ригидность и сниженная эмоциональная значимость;

3) у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, возможно изменение детско-родительских отношений посредством психологической коррекции в исправительных учреждениях.

Проведение эмпирического исследования запланировано на осень 2023 г. на базе ФКУ ИК-1 УФСИН России по Вологодской области (исправительная колония общего режима для содержания осужденных женщин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы). Отбор респондентов в группы по возрастам основан на периодизации Э. Эриксона, в которой представлены периоды ранней и средней зрелости.

Сформированы две группы: № 1 – 30 осужденных женщин за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в возрасте 20–25 лет; № 2 – 30 осужденных женщин за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в возрасте 26–35 лет.

Для решения поставленных задач отобраны методы: беседа, тест «Родительско-детские отношения» (PARI) Е. С. Шефера, Р. К. Белла, адаптированный Т. Н. Нещерет, тест «Кинетический рисунок семьи» (КРС) Р. Бернса, С. Кауфмана, методика цветовых метафор (МЦМ) И. Л. Соломина. В качестве математических методов обработки и анализа данных запланировано использование первичной статистики и непараметрического статистического U-критерия Манна–Уитни.

На основе результатов исследования запланирована разработка психокоррекционной программы детско-родительских отношений у женщин, осужденных за незаконный оборот наркотических веществ, с целью коррекции некоторых качеств личности, изменения их отношения к себе, как члену семьи в соответствии с их ролями (дочь, мать), и к другим членам ее семьи. Апробация программы будет проходить в рамках опытно-экспериментального исследования на базе того же учреждения с женщинами, принимающими участие в эмпирическом исследовании.

Разработанная программа может быть полезна для психологов исправительных учреждений и для практических семейных психологов, педагогов-психологов, социальных и юридических психологов, преподавателей-исследователей.

Литература

Елфимова Е. И. Учет особенностей личности женщин, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств // Вестник волгоградского государственного университета. 2012. № 1 (16). С. 207–210.

Кастерина Н. В. Социально-психологические особенности женщин с наркотической зависимостью, впервые осужденных к лишению свободы // Наркология. 2008. Т. 7. № 3 (75). С. 73–78.

Киркина Н. В. Особенности личности женщины-наркопреступницы и воздействия на нее: Автореф. дис. ... канд. юрид. н. Саратов, 2015.

Кирсанова О. С. Особенности криминальной мотивации женщин, осужденных к лишению свободы, и методы психокоррекционной работы с ними // Человек: преступление и наказание. 2010. № 4 (65). С. 83–86.

Макух Н. О. Трансформация установок на семейные отношения у женщин, осужденных за насильственные преступления: Дис. ... канд. психол. н. Рязань, 2022.

Постановка и реализация целей в жизненной ситуации изменений

А. И. Полюхова

Исследована постановка целей и задач в жизненной ситуации поступления в магистратуру. Выборка: 71 студент магистратуры. Использованы опросник дифференциальной рефлексии; пятифакторный опросник осознанности; шкала экзистенции и феноменологическое интервью. Разработан авторский опросник для описания образа жизненной ситуации. Цели поступления отражаются в задачах конкретных ситуаций, что опосредуется личностными характеристиками: осознанность (*описание, осознанность действий и безоценочность*), *квазирефлексия, ответственность и самотрансценденция. Взаимодополняющие отношения между целями и задачами способствуют осмыслению жизненной ситуации.*

Ключевые слова: жизненная ситуация изменений, смысл, осмысление, цели жизненной ситуации, задачи жизненной ситуации.

Всё больше внимание психологической науки привлекает исследование изменений современной реальности (Битюцкая, 2007; Гришина и др., 2018; Леонтьев, 2009). Взаимодействие человека с реальностью рассматривается в работе на примере взаимодействия человека с жизненной ситуацией изменений, а конкретно на примере ситуации поступления в магистратуру. Актуальность работы заключается в рассмотрении жизненной ситуации изменений с точки зрения целей человека – их постановки и реализации. Исследование основано на следующем представлении о целепола-

гании: относительно жизненной ситуации человек формулирует цель, а в конкретных ситуациях человек решает задачи (Бурлачук, Михайлова, 2002; Гришина, 2012). Если задачи созвучны целям жизненной ситуации – это делает его повседневные действия осмысленными.

Цель: изучение постановки целей и задач в жизненной ситуации изменений.

Объект: жизненная ситуация изменений на примере ситуации поступления в магистратуру.

Предмет: реализация целей поступления на программу магистратуры в повседневной деятельности.

Эмпирическая гипотеза работы: цели поступления в магистратуру отражаются в задачах конкретных ситуаций, что опосредуется рядом личностных характеристик – рефлексивностью и осознанностью.

Теоретическая гипотеза работы: согласованность задач конкретных ситуаций с целями жизненной ситуации способствует осмыслению жизненной ситуации.

Проведено пилотное исследование для составления опросника, описывающего образ жизненной ситуации изменений, цели жизненной ситуации и задачи конкретных ситуаций в ее контексте. Данные для составления опросника собраны посредством неструктурированного интервью. Выборка состояла из 5 респондентов, схожих с основной выборкой. На этапе основного исследования сначала дистанционно проведены личностные опросники: опросник дифференциальной рефлексии (Д. А, Леонтьев, Е. М. Лаптева, Е. Н. Осин и А. Ж. Салихова); пятифакторный опросник осознанности (в адапт. Н. М. Юмартовой, Н. В. Гришиной); шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер (в адаптации С. В. Кривцовой). Далее, в другой день, респондентам предлагалось пройти авторский опросник. Далее в дистанционном формате в этот же день проводилось интервью, основная цель которого раскрыть ответы на авторский опросник. В качестве математико-статистических методов использованы корреляционный анализ по критерию Спирмена, а также факторный анализ.

Выборка исследования представлена респондентами, которые в недавнем опыте (1–2 года) имеют опыт поступления на программу магистратуры: общее число респондентов 71 (23–28 года). В интервью принял участие 21 респондент от основной выборки.

Для студентов, поступающих на программу магистратуры, наиболее значимые сферы жизни – обучение и профессиональное

развитие (по результатам авторского опросника). По результатам интервью, обучение значимо для студентов, так как они стремятся работать по профессии. Не многие студенты хотят продолжить обучение в аспирантуре. Студенты уделяют внимание отдыху и хобби, а также для них значимо общение с близкими. Целевой компонент данной жизненной ситуации – это профессиональное развитие. Вывод о целевом компоненте сделан на основе наиболее значимых сфер жизни студентов.

Данные интервью и опросника позволяют выстроить следующее теоретическое обобщение. Значимые составляющие жизненной ситуации изменений, определяющие взаимодействие личности с ней:

- Основания решения о поступлении: особенности подготовки к поступлению и субъектность принятого решения.
- Представления о будущем после обучения: действия для достижения образа будущего и стремление к практике или науке.
- Первичный запрос к обучению: цели обучения при поступлении.

Для анализа отношений между целями и задачами, рассмотрена интерпретация согласия с вопросами авторского опросника из интервью. Общение с одногруппниками и отношение к критике – наиболее дифференцирующие выборку вопросы. Цели поступления респондентов с различным отношением к профессиональному общению и критике, не отличаются существенно. Респонденты обеих групп придают значение профессиональному развитию. Людям в жизненной ситуации изменений свойственна склонность к высокой оценке осмысленности собственных действий.

Результаты факторного анализа, позволяют сделать вывод о связи постановки задач с рефлексивностью и осознанностью:

- 1 фактор «Работа над магистерской диссертацией»: включает 3 утверждения из авторского опросника, каждое из которых содержит характеристику работы над диссертацией и квазирефлексию. Для респондентов, которым важна актуальность исследования, получение критики их работы и информации по теме диссертации, характерна рефлексия тех аспектов, которые значимы для жизненной ситуации;
- 2 фактор «Профессиональное общение с одногруппниками»: студенты, которые стремятся к общению с одногруппниками, как с профессионалами (утверждение из авторского опрос-

ника), свойственна ответственность, осознанность действий и способность описывать словами внутренние переживания;
- 3 фактор «Выбор элективных дисциплин»: Студенты, которые выбирают элективные дисциплины, руководствуясь их содержанием (утверждение из авторского опросника), не характеризуются принятием без самоосуждения своих эмоций и мыслей (шкала «безоценочность»);
- 4 фактор «Выбор направления обучения»: Студенты, внимательно относящиеся к поиску информации о направлении обучения при его выборе, не характеризуются выраженной самотрансценденцией. Рассмотрены интервью респондентов, которые имеют низкий балл самотрансценденции. При низком уровне самотрансценденции, респонденты демонстрируют опору на рациональный расчет.

Сформулирован общий теоретический вывод об условиях осмысления жизненной ситуации. Важно обратить внимание на респондентов, которые не могут с уверенностью охарактеризовать свои задачи конкретных ситуаций, как способствующие достижению цели. Такие респонденты сообщают, что:

- «По итогу двух лет обучения, я могу делать вывод, что я не ошиблась. Я становлюсь увереннее как профессионал»;
- «Я выбрала поступить в магистратуру. Но сейчас я понимаю, что направление мне не подходит».

Для данных респондентов, обучение в магистратуре не было бессмысленным. Изначальная высокая значимость жизненной ситуации поступления на программу магистратуры, ожидание смысла и стремление к смыслу, приводит к осмыслению этой ситуации.

Эмпирическая гипотеза подтверждена. Наиболее значимы при постановке задач конкретных ситуаций действий:

- Осознанность, такие ее компоненты, как: описание, осознанность действий и безоценочность.
- Рефлексивность, такие компоненты, как: квазирефлексия.
- Ответственность и самотрансценденция.

(Относительно разных конкретных ситуаций значимыми оказались различные личностные характеристики.)

При анализе данных интервью получено, что ситуация осмысляется респондентами даже при конфликте на уровне целей и задач. Мы считаем, что, если респондент характеризует отношения целей

и задач как взаимодополняющие, это помогает осмыслять жизненную ситуацию. Но более значимую роль в осмыслении играет изначальная высокая значимость жизненной ситуации поступления.

Литература

Битюцкая Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 87–93.

Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 5–17.

Гришина Н. В., Костромина С. Н., Мироненко И. А. Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26–35.

Гришина Н. В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. С. 2.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2009.

Эмоциональная регуляция как внутренний ресурс реабилитационного потенциала

М.Д. Полякова

Способность человека к эмоциональной регуляции активно исследуется современным научным сообществом. Постепенно формируются теоретические модели эмоциональной регуляции, количество исследований данной темы растет с каждым годом.

Ключевые слова: эмоциональная регуляция, эмоциональный интеллект, реабилитационный потенциал.

Эффективность эмоциональной регуляции является одной из ведущих задач современных исследователей проблемы (Kinkead, Riquelme, 2022). Фокус изучения сосредоточен на стратегиях эмоциональной регуляции, а также на связи данных процессов с контролем поведения (Виленская 2020). Контроль поведения рассматривается современными учеными как психологический уровень регуляции поведения, который реализует индивидуальные ресурсы психической деятельности. Контроль поведения обеспечивает оптимальное соотношение внутренних возможностей человека и его внешних целей и является основой самоконтроля (Сергиенко, 2023).

Теоретическое обоснование структуры контроля поведения тесно связано с представлением о единстве когнитивных, аффективных и волевых психических процессов. Многочисленные исследования единства интеллекта, аффекта и воли носят междисциплинарный характер. Результаты психологических исследований согласуются с данными нейронаук, показывающих важнейшую

роль системы префронтальной коры и связанных с ней других корковых и подкорковых образований в регуляции поведения человека. Кроме того, в регуляцию поведения, включая саморегуляцию субъекта, вовлечены всегда, но в разной мере, уровни как сознательной, так и неосознанной регуляции, составляющие единую систему (Сергиенко, 2023).

Таким образом, контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три уровня регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.

Изучение эмоциональной области психической деятельности тесно связано с категорией «эмоционального интеллекта». Эта категория наиболее точно отражает когнитивную составляющую понимания эмоций и их управления. Она включает одновременно и понятие «интеллект», и понятие «эмоция» – когнитивно-эмоциональный феномен. Эмоциональный интеллект часто рассматривают в контексте социального интеллекта как важнейшего адаптационного феномена человеческой психики.

Психологическая наука является междисциплинарным знанием – роль эмоциональной регуляции как в физическом, так и в психическом здоровье человека сложно переоценить. Хорошо известно, что нарушения эмоциональной регуляции сопровождают психические расстройства, доказана связь нарушений эмоциональной регуляции и ряда соматических заболеваний, например, сердечно-сосудистого характера (Первичко, 2014).

Реабилитационный потенциал подразумевает не только медицинские характеристики, но и оценку индивидуально-личностных изменений человека, к которым приводит болезнь. Реабилитационный потенциал человека составляет совокупность физических, психических и социальных возможностей человека. Значение эмоциональной регуляции в оценке реабилитационного потенциала определяет индивидуальный ресурс человека в борьбе с недугом, а также методы и степень психотерапевтического вмешательства. Вопрос о содержании и критериях оценки реабилитационного потенциала до настоящего времени остается дискуссионным.

Под реабилитационным потенциалом с психологической точки зрения, понимается часть личностных ресурсов, которая способствует реабилитации и реадаптации в ситуации хронической болезни, и включает мотивационный, эмоциональный и коммуникативный компоненты, а также внутреннюю картину болезни.

Принято различать внешнюю картину болезни, которая формируется с помощью объективных методов медицинской диагностики, и внутреннюю картину болезни как ее субъективную сторону. В настоящее время при описании структуры внутренней картины болезни выделяется ряд уровней. Первый уровень элементарных чувств, локализации болезненных и других неприятных ощущений. Следующий уровень эмоциональный, предполагает субъективное эмоциональное отношение человека к заболеванию и его последствиям. На данном уровне формируется мотивационный компонент, который влияет на интеллектуальное представление человека о заболевании, а впоследствии и на уровень изменений поведения и образа жизни человека (Кулагина, 2015).

Таким образом при определении реабилитационного потенциала, а также в процессе формирования плана психосоциальной реабилитации необходимо принимать во внимание общий уровень эмоционального интеллекта и привычные индивидуальные стратегии эмоциональной регуляции. На сегодняшний день в рамках когнитивно-поведенческих методов психотерапии существуют подходы, которые основаны на компенсаторных способностях эмоционального интеллекта (терапия принятия и ответственности, эмоционально-фокусированная терапия и др.).

Малоизученной остается область ресурсов, которые могут являться механизмом эффективности эмоциональной регуляции или эмоционального контроля. К внешним ресурсам можно отнести семейное положение, профессию, социальное окружение, образ жизни, экономическое положение. К внутренним ресурсам относятся индивидуально-личностные особенности, физическое и психическое здоровье.

В ходе исследования данной проблематики целесообразно обратить внимание на категорию межличностной регуляции эмоций. Феномен межличностной регуляции эмоций активно изучается западными учеными, однако отечественных исследований этой темы мало. Межличностная регуляция эмоций предполагает способность человека сознательно или бессознательно влиять на эмоциональное состояние других людей, либо позволять другим влиять на собственные эмоции. В рамках разных подходов к изучению данного явления, межличностную регуляцию эмоций принято рассматривать либо в качестве самостоятельного феномена, либо как компонент эмоционального интеллекта.

На сегодняшний день актуальность изучения проблематики внешних и внутренних ресурсов эффективности эмоциональной

регуляции обусловливается новизной темы, малой изученностью, а также перспективностью открытий новых компенсаторных возможностей эмоционального интеллекта. Также можно отметить вклад таких исследований в расширение диагностических критериев и профилактических возможностей расстройств самого разного регистра.

По нашему мнению, помимо когнитивного механизма понимания, важнейшими являются эмоциональный и волевой компоненты. При изучении проблематики эффективности эмоциональной регуляции возможность получения междисциплинарного, системного, субъектного представления о человеке предоставляется в рамках системно-субъектного подхода (Сергиенко, 2011).

Таким образом, исследования последних лет фокусируются на вопросах о том, как и какие эмоции (позитивные и негативные) регулируются в внутриличностном пространстве и межличностном взаимодействии, какие факторы влияют на процесс эмоциональной регуляции. Изучение проблематики компенсаторных возможностей эмоционального интеллекта и связи этих возможностей с контролем поведения поможет специалистам смежных областей оказать наиболее всестороннюю помощь нуждающимся. Важную роль в исследованиях такого рода играет кросс-культурный и возрастной факторы.

Литература

Виленская Г. А. Эмоциональная регуляция: факторы ее развития и связанные с ней виды поведения // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 63–76. doi: 10.31857/S020595920011083-7

Кулагина И. Ю., Сенкевич Л. В. Реабилитационный потенциал личности при различных хронических заболеваниях // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 50–60.

Первичко Е. И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход // Национальный психологический журнал. 2014. Т. 4. № 16. С. 13–22.

Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ветрова И. И. Новый метод оценки психической регуляции – опросник «Контроль поведения» // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 1. С. 182–200. doi: 10.17759/exPsy.2023160111

Kinkead A, Riquelme C. S. Emotional interdependence: the key to studying extrinsic emotion regulation // Psicol. Reflex. Crit. 2022. V. 35. № 1. doi: 10.1186/s41155-022-00237-9

Воздействие ритмичного звукового фона на интенсивность иллюзии «Слепота к изменениям»

А. Е. Попков, Г. Я. Меньшикова

Человеческий мозг обрабатывает огромное количество информации, но иногда может быть ненадежным. Один из примеров такой ненадежности – иллюзия «слепоты к изменениям», когда люди не замечают значительных изменений, происходящих во время короткого перерыва. Ритмичный звук оказывает влияние на когнитивные и перцептивные системы, однако его влияние на эту иллюзию мало изучено. Цель данной работы – изучить влияние ритмичности звукового фона на выраженность иллюзии «слепоты к изменениям». Предполагается, что наличие ритмичной звуковой стимуляции будет влиять на эту иллюзию и на движение глаз в процессе поиска различий.

Ключевые слова: eye-tracking, иллюзия, слепота к изменениям, ритмичность.

Восприятие временных паттернов имеет важное значение для слуха, речи, двигательной активности и музыкального восприятия. В данной главе рассматривается терминология, связанная с ритмом, пульсацией и метром. Оптимальное восприятие ударов и синхронизация движений чаще всего наблюдаются при темпе около 100–120 ударов в минуту. Медленные и быстрые музыкальные ряды могут потерять свою структурную ритмическую организацию. Исследования также показывают, что уже в детском возрасте люди проявляют чувствительность к ритмическим свойствам звуковых раздражителей. Взаимосвязь между музыкой и зрительным вни-

манием также изучается, и существует гипотеза об уровнях обработки информации в зависимости от настроения.

Звук может влиять на движения глаз и помогать человеку обнаружить визуальные события. Изучение показывает, что акустические стимулы могут вызывать глазные движения, направляя взгляд на источник звука. Исследования также показывают, что звук может улучшить производительность при опознании объектов и привлечь внимание к знакомым предметам. У младенцев также наблюдается ориентация и поиск по звуку. Влияние ритмических звуков на выполнение задачи показывает, что средний ритм оказывает наибольшее положительное влияние, улучшая точность и скорость выполнения.

Люди часто ошибочно верят, что способны заметить внезапные визуальные изменения. Однако исследования показывают, что большинство людей пропускают такие изменения, даже если они происходят в поле их внимания и фокусировки. Этот эффект называется «слепотой к изменениям». Опыты показали, что даже в реальном мире, игнорирование изменений возможно, даже если они происходят внутри поля внимания. Для успешного обнаружения изменений необходимо активное сосредоточение на объектах и четкая кодировка их особенностей до и после изменений. Критики также указывают на ограничения лабораторных исследований, отмечая, что они не полностью отражают сложный визуальный опыт и могут подавлять наши возможности заметить изменения.

Исследования в 1990-х и начале 2000-х годов изучали явление слепоты к изменениям (Меньшикова, 2004; Levin et al., 2002; Levin, Simons, 1997). Было обнаружено, что люди не всегда замечают изменения в сценах или объектах, особенно если они происходят во время движения или на фоне серого экрана. Интересные объекты и ожидания участников влияют на восприятие сцены, а детали редко используются для сравнения стимулов. Кроме того, слепота к изменениям возникает при большом количестве объектов в сцене или при смене ракурсов. Это явление проявляется в различных условиях и не зависит от типа стимуляции. Дополнительные эксперименты показали кроссмодальный характер слепоты к изменениям, то есть присутствие одного стимула (например, визуального) может затруднить обнаружение изменений в другом (например, тактильном).

Исходя из вышеописанного, были предложены следующие гипотезы:

1. Наличие ритмичной звуковой стимуляции будет влиять на выраженность иллюзии слепоты к изменениям (ИСИ).
2. Наличие ритмичной звуковой стимуляции будет влиять на движение глаз при поиске различий:

2.1. При звуковом сопровождении не меняющегося темпа – движения глаз мало изменятся по сравнению с условием отсутствия звукового сопровождения.

2.2. При звуковом сопровождении усиливающегося или замедляющегося темпа будут наблюдаться более быстрые движения глаз, по сравнению с сопровождением ровного темпа или условием отсутствия звукового сопровождения.

В исследовании участвовали студенты различных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова, давшие добровольное согласие на участие, с нормальным или скорректированным зрением. Выборку составили 31 человек (20 ж, 11 м) возрастом от 18 до 27 лет (средний возраст: 21 год).

Для регистрации движений глаз использовался айтрекер SMI HiSpeed 1250. Регистрация движений глаз производилась бинокулярно с частотой 500 Гц. Встроенные штатные фильтры первичных данных, используемые SMI iViewX, были отключены.

Фотографии предъявлялись парами – оригинальное изображение → затемнение → измененное изображение → затемнение. Изображения предъявлялись по 11 раз каждое, длительность предъявления стимула составляла 0,8 секунд, длительность затемнения – 0,45 секунд. Общее суммарное время предъявления стимула 27,05 секунд (после последнего изображения отсутствовало затемнение, из-за чего общее время сократилось на 0,45 секунд).

Помимо визуального стимульного материала использовалась также аудиозапись со звуками метронома. Звуковое сопровождение можно разделить на 4 группы:

1. Контрольная группа стимулов, без звукового сопровождения.
2. С ровным BPM («Beats per minute», удары в минуту), а именно, с частотой в 120 BPM.
3. С восходящим темпом – от 60 до 180 BPM с шагом в 30 ударов в минуту (каждая «ступень» темпа, кроме последней, проигрывалась 5 секунд; последняя ступенька проигрывалась 7,05 секунд).
4. С нисходящим темпом – от 180 до 60 BPM с теми же условиями.

Для статистического анализа таблиц по данным движения глаз была использована Обобщенная линейная модель (ОЛМ). Так как движения глаз не подчиняются законам нормального распределения, мы использовали метод Множественных линейных регрессий для сравнения данных по группам звукового сопровождения.

Наши исследования подтвердили первую гипотезу, что наличие ритмичной звуковой стимуляции влияет на иллюзию слепоты к изменениям. Число повторов изображений для поиска изменений увеличивается при наличии звукового сопровождения, особенно при изменяющемся по темпу звуках. Кроме того, сложность изображений также оказывает влияние на успешность поиска изменений.

Наши исследования также подтвердили вторую гипотезу, что ритмичная звуковая стимуляция влияет на глазодвигательные показатели. Среднее количество морганий, фиксаций и длина сканпаса различаются в зависимости от наличия ритма в звуках.

Влияние изменяющегося ритмического звука на иллюзию слепоты и глазодвигательные показатели может быть связано с рассинхронизацией звуковой и визуальной стимуляции. Длительность фиксаций также может быть влияющим фактором, однако это не исследовалось в данном исследовании.

Литература

Меньшикова Г. Я. Иллюзии зрительного восприятия [Размышления о человеческом восприятии предметов и окружающей действительности] // В мире науки. 2004. № 6. С. 84–89.

Levin D. T., Simons D. J. Failure to detect changes to attended objects in motion pictures // Psychonomic Bulletin and Review. 1997. № 4. P. 501–506.

Levin D. T., Simons D. J., Angelone B. L., Chabris C. F. Memory for centrally attended changing objects in an incidental real-world change detection paradigm // British Journal of Psychology. 2002. V. 93. P. 289–302.

Миграционные установки и намерения омской молодежи с разным типом приверженности городу*

Ю. В. Потапова

Предложена типология омской молодежи на основании ее приверженности городу. Выявлены полярные типы (*с высокой и низкой приверженностью*), *обладающие соответствующими миграционными установками. Обсуждаются типы со смешанным вариантом проявления приверженности, делается вывод о том, что миграционные намерения в наибольшей степени отличаются у людей с разным уровнем идентификации с городом и инерционной приверженности ему.*

Ключевые слова: миграция, молодежь, приверженность, идентификация, город.

Проблема миграции в Сибирском регионе обстоит довольно остро: долгие годы наблюдается миграционная убыль, в 2022 году достигшая – 9694 человека (Миграция населения, 2022). Вопрос о снижении темпов миграции стоит на повестке у региональных политиков, а представители интеллигенции города задумываются о формировании городской идентичности омичей и ее связи с миграционными установками и намерениями. С. К. Лычко и Н. Л. Мосиенко, определяя миграционную установку как представление о том, где человек хотел бы проживать, указывают на наличие уровней ее

* Исследование выполнено за счет гранта № 22-28-20375 РНФ и гранта в форме субсидии, предоставленного из бюджета Омской области (соглашение № 23-с). URL: https://rscf.ru/project/22-28-20375.

сформированности: низкий предполагает диффузность и слабую выраженность, средний связан поиском информации и выстраиванием плана миграции, высокий включает реальные действия, совершаемые ради миграции (Лычко, Мосиенко, 2014), когда лояльность человека к прежнему месту жительства ослабевает. Вслед за А. И. Пригожиным, считающим поселение частным случаем организации (Пригожин, 2003), можно провести параллель между приверженностью человека своей работе и городу проживания. Феномен организационной/городской приверженности включает в себя как эмоциональную и когнитивную оценку организации/поселения, так и степень отождествления человека с ними. Так как инструмента для оценки приверженности городу пока не было предложено, мы создали и проверили на надежность и валидность опросник, связанный с ее измерением посредством 3 шкал: аффективной (симпатия и любовь к городу) и инерционной (возможности самореализации в городе) приверженности, идентификации с городом (психологический комфорт в городе, переживание, что он является родным). Помимо этого использована шкала миграционных установок личности С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко (Кузнецова и др., 2014). Цель исследования – создание типологии студентов на основании их приверженности городу. Методы математической статистики: кластерный анализ (k-средних), однофакторный дисперсионный анализ, Т-критерий Стьюдента, таблицы сопряженности с критерием χ^2.

В среднем аффективная приверженность равнялась 3,5±0,8 балла, инерционная 2,9±0,9 баллов, идентификация с городом 3,6±0,9 балла из 5 возможных. Собственные миграционные установки молодежи в среднем представлены 3,9±0,9 баллами из 7 возможных.

При кластеризации выделены 4 группы студентов, значимо отличающихся по уровню аффективной ($F = 82{,}2$, $p \leq 0{,}001$), инерционной ($F = 83{,}4$, $p \leq 0{,}001$) приверженности и идентификации с городом ($F = 102{,}6$, $p \leq 0{,}001$). У студентов 1 кластера (18 человек, условное название: «Низко оценивающие, но идентифицирующиеся с городом») все шкалы приверженности представлены на уровне ниже среднего, тогда как идентификация с городом – выше среднего, у 2 кластера (58 чел., «Люди с высокой приверженностью городу») все показатели на уровне выше среднего, в 3 кластере (36 чел., «Позитивно оценивающие город, но не видящие в нем перспектив») аффективная приверженность на среднем уровне, а остальные шкалы – ниже среднего, у 4 кластера (21 человек, «Не удовлетворенные городом») все шкалы на низком уровне.

Миграционные установки в разных кластерах значимо отличались ($F=42,9$, $p\leq0,001$) (за исключением 1 и 3 групп, между которыми при попарном сравнении не найдено отличий ($t=-1,26$, $p=0,21$)). Собственные миграционные установки 1 кластера равнялись 4,03 балла (выше среднего), 2–3,43 б. (ниже среднего), 3–4,2 б. (выше среднего), 4–5,16 б. (высокие). Закономерная связь доказывает правомерность применения созданного нами инструмента: более приверженные городу люди меньше стремятся его покинуть.

Методом оценки миграционных намерений стал анкетный опрос с вариантами ответа, соответствующими уровням их сформированности – низкому («Редко/иногда думаю о миграции»), среднему – («Знаю, что перееду, но не совершаю активных действий», «Часто думаю о переезде и подбираю варианты городов»), и высокому («Целенаправленно ищу информацию об учебе/работе в других городах», «Ищу работу в другом городе», «Готовлюсь к переезду, знаю его точные сроки»). Результат свидетельствует об отличии теоретических и эмпирических распределений в разных кластерах ($\chi^2=64,7$, $p\leq0,001$). В 1 кластере у 50% студентов низкий, 50% – средний уровень, во 2 – у 69% низкий, 22,4% – средний, 8,6% – высокий уровень сформированности; в 3 кластере у 38,9% низкий, 25% – средний, 36,1% – высокий уровень сформированности миграционного намерения. В четвертом кластере лишь 9,6% имеют низкую сформированность миграционных намерений, у 57,1% они сформированы на среднем уровне (при этом все эти люди – те, кто только уверен в переезде, но пока ничего для этого не делает), 33,3% имеет высокие миграционные намерения с преобладанием поиска информации о возможных местах учебы/работы в другом городе.

Таким образом, тенденция связи миграционных намерений с приверженностью городу подтверждается: те, кто наиболее привержен Омску, демонстрируют наименьшую готовность покинуть его, а наименее удовлетворенные – большую. Однако интерес представляют собой данные, полученные для респондентов «серединных» кластеров – обладающих не однозначно высокими/низкими показателями приверженности – представителей 1 и 3 групп. Напомним, что 1 кластер – «Низко оценивающие, но идентифицирующиеся с городом» – это люди с уровнем идентификации с городом выше среднего. Значит, при всей неудовлетворенности условиями жизни в городе и не выраженной любви к нему, они все же не демонстрируют высокий уровень миграционных намерений (хотя миграционные установки количественно у них представлены на уровне выше сред-

него). Тогда как люди из третьего кластера – «Позитивно оценивающие город, но не видящие в нем перспектив» слабо идентифицируются с Омском, хотя и оценивают его эмоционально на среднем уровне. Миграционные намерения этих студентов более равномерны с точки зрения уровня сформированности – присутствуют варианты как низкого, так среднего и высокого уровней. Это значит, что любовь и симпатия к городу, высокая его эмоциональная оценка, возможно, уступают по степени воздействия на миграционные установки идентификации с городом, ощущению себя уместным на этой территории. Если человек утрачивает эту связь (возможно, через локальные конфликты с близкими, снижающие эмоциональное благополучие), он легче принимает решение о том, чтобы мигрировать, даже если в целом город ему нравится.

Также значимые отличия в миграционных намерениях и установках отмечаются у молодежи с разным уровнем инерционной приверженности, что показывает важность создания условий, в которых бы объективно вчерашние студенты могли применить полученные знания, найдя работу по специальности в родном городе.

Этот результат позволяет расставить приоритеты при создании программ и социальных проектов, направленных на коррекцию миграционного поведения молодежи, сместив их с абстрактного формирования локального патриотизма на, с одной стороны, изучение конкретных карьерных перспектив, с другой – создания широкой сети социальных контактов, которая станет основой для идентификации с городом через отождествление себя с представителями малых групп, живущих в нем.

Литература

Кузнецова С. А., Кузнецов И. Ю., Фещенко А. В. Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2014. № 1. С. 83–90.

Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «Социально-экономические науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 160–169.

Миграция населения Омской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/migration-info_12-2022.pdf (дата обращения: 28.07.2023).

Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.

Возможности диагностики буллинга с помощью геймификации*

В. Н. Процевская

В статье представлен инновационный подход к диагностике буллинга в младшем школьном возрасте. Выборку исследования составили дети 3 и 4 классов. Использование геймификации в диагностике отвечает современным запросам системы образования и тенденциям общества в целом. Можно утверждать, что, изменяя ключевые параметры квест-игры «Нейтрализаторы», можно усилить ее диагностические способности.

Ключевые слова: буллинг, диагностика, младший школьный возраст, образовательные учреждения, квест-игра «Нейтрализаторы».

Проблема буллинга, или жестокого обращения и притеснений, остается актуальной и важной в нашем обществе. По данным ВЦИОМ, каждый пятый россиянин подвергался травле. Жертвы буллинга страдают от серьезных психологических последствий, включая стресс, депрессию, тревожность, посттравматическое стрессовое расстройство и даже мысли о самоубийстве. Буллинг может иметь длительные негативные эффекты на эмоциональное

* Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект № GM-2023-4 «Программа для психологической диагностики и выявления зон риска девиантного поведения в образовательных учреждениях».

и психологическое благополучие людей. Буллинг серьезно влияет на образовательный процесс. Жертвы буллинга испытывают трудности в сосредоточении на учебе, имеют более низкие оценки и социальную изоляцию. Буллинг также может повлиять на желание посещать школу и продолжительность обучения. Актуальность проблемы буллинга подчеркивается необходимостью разработки эффективных стратегий предотвращения, поддержки жертв и воспитания осознанных и эмпатичных граждан, способных уважительно относиться к окружающим себя людям (Новикова и др., 2021).

Диагностика позволяет своевременно распознать случаи буллинга и предоставить помощь жертвам. Отслеживание и оценка ситуации позволяют выявить, кто страдает от жестокого обращения, и предоставить необходимую поддержку, включая консультации, психологическую помощь и меры по защите. Для эффективной борьбы с буллингом необходимо понимать его причины и динамику. Диагностика позволяет выявить факторы, способствующие возникновению буллинга, определить характеристики жертв и подверженных буллингу, а также идентифицировать особенности ситуаций, в которых он происходит. Эта информация помогает разрабатывать адекватные стратегии предотвращения, включая образовательные программы, изменения в школьной политике и осведомленность родителей и учащихся. Разработка эффективных стратегий предотвращения позволяет собирать данные о распространенности буллинга в различных средах, таких как школы, рабочие места и онлайн-платформы. Это помогает оценить масштаб проблемы и понять ее влияние на общество. Полученные данные могут быть использованы для реализации мер по предотвращению буллинга на макроуровне, включая разработку законов и политик. Чем больше люди знают о буллинге, тем больше у них есть возможность узнать о признаках и последствиях, а также о том, как помочь жертвам и предотвратить эти случаи. Таким образом, актуальность диагностики буллинга заключается в предоставлении помощи жертвам, разработке эффективных стратегий предотвращения, понимании масштабов проблемы и информировании общественности о ней.

Учитывая актуальность проблемы, было проведено исследование на определение диагностических и профилактических возможностей квест-игры «Нейтрализаторы» (Конева, Процевская, 2022). Было выявлено, что игра имеет некоторые диагностические возможности. Сложность заключается в том, что игра представ-

ляет собой ограниченный набор проблемных ситуаций, и поэтому невозможно ее оценить как обычный стандартизированный опросник или тест.

Игра состоит из модифицирующихся компонентов:

1. Графика. Делая игру более визуально привлекательной для детей, мы можем увеличить заинтересованность и качество погружения их в виртуальную реальность, что положительно отразится на эффективности диагностики.
2. Сюжет. Понятный и затягивающий сюжет также способствует вовлеченности детей. Было замечено, что в классах, где дети оценивали квест-игру как более интересную, ролевая структура буллинга была более интегрированной. Шло закрепление ролей за участниками, что увеличивает прогностическую функцию квест-игры.
3. Проблемные ситуации. Увеличивая число проблемных ситуаций, мы можем сделать ролевой профиль ребенка более детальным и чувствительным к изменениям.

Так, чтобы повысить уровень диагностических возможностей игры вероятно следует изменить основные компоненты.

Заключение

Для присвоения методике диагностических возможностей она должна быть точной, надежной и применимой. Для того чтобы методика диагностики буллинга была признана полезной и эффективной, она должна соответствовать этим требованиям и быть взята на вооружение специалистами, включая педагогов, психологов и социальных работников, работающих с детьми и подростками. В работе мы руководствовались данными принципами. Были разработаны методические указания для педагогов-психологов (Соловьева, Процевская, 2021). Можно утверждать, что, изменяя ключевые параметры игры, можно сделать профиль буллинг-структуры участника более интегрированным, и тем самым усилить диагностические способности квест-игры. Полученные нами данные составят основу для дальнейшего исследования, создания готового продукта программы для психологической диагностики и выявления зон риска девиантного поведения в образовательных учреждениях на основе использования нормативно-правовой базы с целью применения педагогами-психологами по средствам составленных методических рекомендаций и его апробация, и внедрение в образовательные учреждения.

Литература

Конева Е. В., Процевская В. Н. Диагностика и профилактика проявлений буллинга в начальной школе // Вестник интегративной психологии. 2022. № 25. С. 126–128.

Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90. doi: 10.17323/1814-9545-2021-3-62-90

Шишмаков А. А, Смирнов Д. А., Соловьева Е. В., Смирнов А. А., Процевская В. Н. Программа для диагностики и профилактики проблемы буллинга в школьном возрасте «Нейтрализаторы» // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022666293 Российская Федерация.

Соловьева Е. В., Процевская В. Н. Психолого-педагогическая игра для профилактики проблемы буллинга в школьном возрасте // Категория «социального» в современной педагогике и психологии: материалы 9-й всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием: 6–7 июля 2021 г. / Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2021. С. 238–242.

Изменение образа матери в сознании личности как фактор психологической сепарации

М. А. Рассказова

Большой спектр психологических запросов, с которыми клиенты обращаются к практикующим психологам, нередко связан с тем или иным этапом процесса психологической сепарации от материнской фигуры. В данном исследовании рассматривается вопрос о том, как в процессе психотерапии вместе с изменением общего психологического благополучия человека изменяется и его представление о матери и ее образ в сознании личности.

Ключевые слова: образ матери, психологическая сепарация, внутренняя сепарация, симбиоз, психологическое благополучие.

Если обратиться к научным текстам, посвященным представлениям человека о матери, мы, прежде всего, увидим работы, в которых образ матери рассматривается преимущественно через образно-символическую, архетипическую призму или с точки зрения социально-культурной обусловленности представления о матери и материнстве как явлении. Крайне мало работ посвящено вопросу о том, как представление о матери отражено в сознании конкретного, отдельно взятого индивидуума, и еще меньше мы знаем о том, какой может быть динамика этого представления и как она связана с процессом психологической сепарации и общим психологическим благополучием человека. Известно, например, что в подростковом периоде ребенок существенно меняет свое представление о родителях, и в первую очередь, о матери, что связано с началом внеш-

ней сепарации, но данных о других возрастных периодах крайне мало (Харламенкова, Стоделова, 2011).

В нашем исследовании, опираясь на модель внутренней и внешней психологической сепарации, предложенную Н. Е. Харламенковой, Е. В. Кумыковой и А. К. Рубченко, мы фокусируемся прежде всего на изучении механизмов внутренней сепарации, в результате которой Я субъекта отделяется от внутренних объектов, а образ Я в настоящем отделяется от образов Я в прошлом и будущем. Это сложный поэтапный процесс, который начинается еще во младенчестве и может продолжаться всю жизнь (Харламенкова и др., 2015). Человек может застревать на каком-либо из этапов сепарации и, как следствие, использовать дезадаптивные способы поведения, не осознавая, что корни его психологических страданий кроются в характере ранних связей со значимыми другими и, прежде всего, с матерью. Так, например, устроены феномены зависимости и со-зависимости (Осинская, Кравцова 2016).

С точки зрения теории пассивности Шиффов между матерью и младенцем возникает здоровый естественный симбиоз, который служит для ребенка основой развития и становления собственных эго-состояний Родителя и Взрослого. Симбиоз, в соответствии с идеей Шиффов, имеет место тогда, «когда двое или более людей ведут себя так, будто вместе образуют одного человека» (Джоинс, Стюарт, 2019, с. 257).

Если мать в процессе воспитания ребенка разумно использует ресурсы своих Родителя и Взрослого и одновременно не игнорирует своего Ребенка (т. е. обеспечивает здоровый симбиоз), поддерживает самостоятельность и инициативность ребенка, то в процессе взросления он получает все больший доступ к собственным ресурсам и меньше нуждается в матери. В случае, если мать неуспешна с создании симбиоза, например, взаимодействует с ребенком из своих негативных Контролирующего и Воспитывающего Родителей или игнорирует собственное эго-состояние Ребенка, у ребенка формируются патологические паттерны, которые он впоследствии использует и во взрослой жизни. Зачастую нарушения на симбиотической стадии приводят к нарушениям процесса сепарации–индивидуации личности, а патологические паттерны взаимодействия с матерью переносятся на взаимодействие с другими людьми. Взрослый человек может неосознанно стремиться удовлетворить потребности первичной стадии, вступая в симбиотические отношения и искажая восприятие реальности для сохранения сценарной картины мира.

Последствия губительного симбиоза с матерью проявляются в игнорировании, т. е. в «бессознательном игнорировании информации, относящейся к решению какой-либо проблемы» (Джоинс, Стюарт, 2019, с. 233). Зачастую в терапию клиенты обращаются с проблемами, которые свидетельствуют об игнорировании.

Поскольку игнорирование является следствием патологических отношений с родителями в раннем детстве, мы предполагаем, что через терапию пассивного поведения возможно проследить то, как вслед за поведением меняется представление о матери, и то, как образ матери связан с предпочитаемым пассивным поведением.

Опираясь на инструментарий транзактно-аналитической школы, в нашем исследовании мы бы хотели подойти к изучению феномена психологической сепарации от материнской фигуры с точки зрения теории отраженной субъектности. Согласно этой теории, «отражаясь, во мне, субъект выступает как активное, деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, или, иначе говоря, имеют для меня определенный личностный смысл» (Петровский 2013, с. 502). Фигура матери, пожалуй, одна из важнейших фигур в жизни человека, а потому и отражение матери в сознании личности должно носить особый характер.

Гипотеза исследования: характер отраженности в сознании человека материнского образа может быть непосредственно связан с его психологическим состоянием, уровнем психологической сепарации, характером его запросов в работе с психологом и его способами адаптации к жизни.

Цель настоящего исследования – установить, как в процессе психотерапии происходит трансформация материнского образа в сознании человека, выделить маркеры психологической сепарации от материнской фигуры, а также проследить, как связаны динамика образа матери и уровень сепарации с изменением психологического благополучия человека.

Текст, которым клиент говорит о матери, может стать ключом к пониманию его психологических процессов и помочь психологу в выборе наиболее успешных терапевтических стратегий, которые помогут продвинуть клиента в процессе улучшения его психологического благополучия.

В качестве методологии данного исследования выбран лонгитюдный эксперимент с внутрисубъектным планом. Мы планируем привлечь к исследованию 40–60 респондентов обоих полов в воз-

расте старше 18 лет. Испытуемым будет предложено до начала работы с психологом и после ее окончания вербально описать несколько образов: образ себя, образ матери, образ себя в контакте с матерью и образ матери в контакте с собой. Также в начале исследования, в середине и в конце исследования испытуемым будут предложены опросники функциональных и структурных эго-состояний, шкала психологического благополучия Рифф и шкала удовлетворенности жизнью Динера. Для анализа полученных данных будут применены качественные методы, в частности психосемантический анализ текста, факторный анализ и корреляционный анализ. Также в качестве дополнения планируется анкетирование психологов-практиков, работающих с феноменами сепарации от материнской фигуры, с целью выявить наблюдения и идеи специалистов о том, что влияет на изменение феноменов клиентов.

Литература

Джоинс В., Стюарт И. Современный Транзактный Анализ. 2-е изд., расш. и перераб. СПб.: Метанойя, 2019.

Осинская С. А., Кравцова Н. А. Системная детерминация созависимости: некоторые подходы к объяснению феномена // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2016. Т. 12. № 1. С. 42–56.

Петровский В. А. «Я» в персонологической перспективе. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013.

Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Харламенкова Н. Е., Стоделова Т. С. Изменение отношений в диаде мать–ребенок и динамика образа матери в подростковом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2011. Т. 17. № 1. С. 145–154.

История немецкой психологии периода 1930–1940-х гг. в российской историографии*

В. А. Рафикова

Важной частью историко-психологического исследования является анализ историографии: отражение исторического события в научных источниках позволяет проследить изменения «дискурса», а также выявить факторы, повлиявшие на формирование того или иного устойчивого в определенный период мнения. Одним из дискуссионных периодов в истории и историографии психологии является психология в Германии периода национал-социализма. Рассматриваются изменения дискурса описания развития психологии в Германии 1930–1940-х гг. в российской историографии с помощью применения метода дискурс-анализа; делается вывод о возможности выделения нескольких этапов этих изменений в связи с социально-политическими факторами.

Ключевые слова: история психологии, историография психологии, история немецкой психологии, российская историография истории психологии, психология периода национал-социализма.

Важной особенностью в исследовании развития науки является то, как история науки представлена в историографических источниках: в частности, переломные моменты истории всегда вызывают множество споров среди исследователей и научных школ, в результате чего один и тот же период представляется разными, иногда

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-313-90004.

конкурирующими точками зрения. История психологии как область междисциплинарного исследования активно развивается в последние десятилетия и, согласно тенденциям исторической науки в целом, сегодня в этой области наблюдается повышенный интерес к социальной истории (Долгова, 2019). Сегодня можно выделить несколько устойчивых точек зрения на определенные периоды истории психологии, среди которых есть как такие, которые почти не вызывают споров в научном сообществе (например, о «смещении интеллектуального центра из Европы в Америку» после Второй мировой войны), так и дискуссионные, представленные порой противоречащими друг другу оценками (проблема профессионализации немецкой психологии в период национал-социализма, проблема преемственности основ научно-практических направлений до и после начала Второй мировой войны, влияние фактора идеологизации науки и «социального заказа» и др.). Каждая из таких точек зрения сложилась в силу тех или иных условий, таких как социально-политическая ситуация, состояние научного сообщества, раскрытие ранее неизвестных исторических фактов и др. и требует особого внимания в рамках историко-психологического исследования, так как является результатом и проявлением социально-культурной детерминации развития науки в целом (Кольцова, 2008).

Гипотеза

Анализ историографических источников позволяет выявить этапы в развитии русскоязычного научного дискурса в отношении описания развития психологии в Германии периода 1930–1940-х гг.

Методика

Важной частью исследования специфики развития науки как социального института является изучение репрезентации этого аспекта в научных трудах философов, историков и психологов. Нами предлагается процедура исследования историографии истории психологии, основой которой является дискурс-анализ. Эта процедура была применена нами на материале русскоязычных источников об истории мировой психологии периода 1930–1940-х гг.

Процедура

Для поиска работ на русском языке нами использовалась база данных Google Scholar. Поиск осуществлялся по следующим ключевым словам: «Вторая Мировая Война», «немецкая психология», «пси-

хология в Германии», «1930», «1940»; в результате было найдено 138 источников. Поскольку поиск по указанным выражениям в некоторых случаях давал нерелевантные результаты, следующим этапом был ручной отбор источников на предмет соответствия заданным критериям: 1) написан психологом, историком, историком психологии или историком науки; 2) содержит репрезентацию искомого периода (1930–1940 гг.) или опубликован в период 1930–1940 гг.

Выводы

Результаты анализа позволяют сделать вывод, что в российском научном дискурсе выделяется несколько периодов в отношении историографии 1930–1940-х гг.: в работах военного времени немецкая психология периода национал-социализма связывалась, в основном, с колоссальными потерями для немецкой науки, а также попытками оставшихся в Германии психологов адаптироваться под режим, что во многом обусловлено консолидацией советского общества во время военных действий. Более разностороннее и полное осмысление периода 1930–1940-х гг. происходит лишь в 1960-е гг., что можно объяснить общим ростом исследований по истории психологии, сменой поколений ученых, а также политической ситуацией начала 1960-х гг. (началом так называемой «оттепели», с которой были возобновлены процессы интеграции с зарубежной наукой и прекращена борьба с космополитизмом). Активный рост сравнительных исследований или исследований, посвященных развитию психологии периода 1930–1940-х гг. за рубежом, происходит только после 1990-х гг. после падения «железного занавеса» и развития плюрализма в отношении оценок прошлого.

Литература

Долгова Е. А. Советское научное сообщество в 1918–1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты: дис. ... д-ра истор. наук. Москва, 2019.

Кольцова В. А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Особенности взаимосвязи профессионального выгорания и копинг-стратегий у пилотов гражданской авиации с разным стажем

А. А. Раханова, А. В. Доценко, И. Ю. Суворова

Статья посвящена исследованию особенностей феномена эмоционального выгорания, выявлению специфики связи копинг-стратегий и профессионального выгорания пилотов гражданской авиации с разным профессиональным стажем. Из анализа полученных данных следует, что молодые специалисты в большей степени руководствуются непродуктивными копинг-стратегиями. В то же время пилоты гражданской авиации со стажем более 20 лет, демонстрируя высокую выраженность продуктивных копинг-стратегий, одновременно показывают большее число симптомов выгорания. Делается вывод, что нагрузка, которую испытывают пилоты со стажем, оказывается выше, чем их адаптивные способности.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, копинг-стратегии, пилоты гражданской авиации, совладающее поведение, профессиональный стаж.

Сегодня, когда глобальные политические и социально-экономические события значительно повлияли на жизнь каждого человека, особое внимание привлекает проблема эмоционального выгорания, поскольку оно во многом является следствием столкновения личности со сложными обстоятельствами и трудными жизненными ситуациями.

Синдром профессионального выгорания впервые привлек внимание исследователей в 1970-е годы и рассматривался в контексте социальных профессий. Описанное в работах Г. Селье (Селье, 1982), а затем К. Маслач (Maslach, 1982), Т. В. Форманюка (Форманюк, 1994), Н. Е. Водопьяновой (Водопьянова, 2000) и других авторов, эмоциональное выгорание проявляется в накоплении отрицательных эмоций, в эмоциональной бедности, отстраненности, апатии, хронической усталости и тревоге, в нарушениях сна и ухудшении работоспособности.

Одной из наиболее уязвимых на сегодняшний день оказалась профессиональная группа пилотов гражданской авиации, поскольку именно их деятельность во многом зависит от международных отношений: закрытие границ привело к сокращению рабочих мест, и, как следствие, к увеличению конкуренции в данной сфере. Кроме того, профессия пилота гражданской авиации отличается высокой сложностью работы, значительными психологическими и физическими нагрузки, постоянным риском, что также способствует развитию эмоционального выгорания.

Успешное переживание эмоционального стресса зависит от присущих человеку стратегий совладания, отсутствие которых способно приводить к нарушению психофизиологических, психологических и социально-психологических адаптационных механизмов. В психологической науке подробно разработаны проблемы эмоционального выгорания представителей социальных профессий, в то время как работы, посвященные исследованию взаимосвязей копинг-стратегий и эмоционального выгорания у пилотов гражданской авиации, отсутствуют. Таким образом, актуальность исследования обусловлена, во-первых, недостаточным количеством исследований взаимосвязи копинг-стратегий и профессионального выгорания, во-вторых, недостаточным количеством исследования выгорания у представителей профессий человек-техника.

Цель исследования – определение психологических особенностей профессионального выгорания пилотов гражданской авиации и выявление взаимосвязи синдрома эмоционального выгорания и копинг-стратегий у представителей данной профессиональной группы.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия между показателями копинг-стратегий и эмоционального выгорания у пилотов гражданской авиации с разным профессиональным стажем.

2. Эмоциональное выгорание будет ниже у испытуемых, часто использующих эффективные копинг-стратегии «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание», «Принятие», «Планирование», и выше у испытуемых, использующих стратегии отрицания и избегания.

Выборка: в исследовании приняло участие 40 пилотов гражданской авиации, из них 18 человек со стажем менее 20 лет, и 22 человека со стажем более 20 лет. Возраст респондентов – от 33 до 54 лет (средний – 44,4 лет), стаж работы в организации – от 6 до 33 лет. (средний – 19,25 лет).

Методики исследования: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, опросник совладания со стрессом COPE Р. Лазаруса в адаптации Рассказовой, Гордеевой и Осина.

Для математико-статистической обработки данных привлекались методы сравнительного анализа на выявление различий между независимыми выборками с помощью критерия Манна–Уитни и корреляционного анализа по критерию Спирмена. Обработка данных проводилась в SPSS v. 22.0.

Максимальные показатели выгорания наблюдаются у респондентов со стажем работы от 20 до 23 лет. На наш взгляд, это объясняется тем, что за годы напряженной работы накапливается эмоциональный стресс, который со временем сказывается на профессиональной деятельности. В среднем показатели выгорания у выборки со стажем более 20 лет выше, чем у пилотов гражданской авиации со стажем менее 20 лет.

Наиболее характерные для пилотов гражданской авиации копинг-стратегии: «Позитивное переформулирование и личностный рост» (отметили 75% опрошенных), «Активное совладание» (отметили 85% опрошенных) и «Планирование» (отметили 85% опрошенных). Важно отметить, что пилоты гражданской авиации со стажем свыше 20 лет в среднем показывают более высокие показатели копинг-стратегий (на 21%), чем работники со стажем менее 20 лет.

По результатам расчета критерия Манна–Уитни значимые различия выявлены между пилотами гражданской авиации с разным стажем по шкалам: «Неудовлетворенность собой» (опросник выгорания Бойко) и «Принятие» (опросник COPE). Это означает, что неудовлетворенность собой характерна, прежде всего, для специалистов со стажем менее 20 лет. А копинг-стратегия «Принятие» гораздо чаще используется сотрудниками со стажем свыше 20 лет.

На втором этапе исследования проводился корреляционный анализ между шкалами опросников выгорания Бойко и копинг-стратегий COPE. Статистическая обработка данных показала, что у пилотов гражданской авиации со стажем свыше 20 лет наблюдаются более значимые обратные корреляции между продуктивными стратегиями совладания («Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание», «Принятие», «Подавление конкурирующей деятельности») и показателями выгорания, чем у специалистов со стажем менее 20 лет. На наш взгляд, это объясняется, тем, что специалисты с большим стажем за годы работы научились активно справляться с напряжением и противостоять выгоранию. Этим объясняется и пик выгорания при стаже 20–23 лет. По нашему мнению, в этот момент происходит кризис. Если он разрешается благоприятно, то специалист становится более стрессоустойчивым и остается в профессии, если же нет, то он меняет сферу деятельности.

У специалистов со стажем менее 20 лет наблюдаются статистически значимые корреляции между показателями неэффективных копинг-стратегий («Мысленный уход, «Поведенческий уход», «Отрицание») и значениями компонентов выгорания. На наш взгляд, специалисты, начинающие профессиональную деятельность еще не адаптировались к сложной и напряженной работе пилота гражданской авиации. Поэтому им свойственно применять непродуктивные копинг-стратегии, которые лишь усиливают выгорание.

Анализ результатов исследования показал, что гипотезы исследования подтвердились. Показатели выгорания и копинг-стратегий у специалистов с разным профессиональным стажем различны. При этом наблюдается парадоксальная ситуация: показывая высокую выраженность продуктивных копинг-стратегий, пилоты со стажем более 20 лет, тем не менее, демонстрируют больше симптомов выгорания. Связи между стратегиями совладающего поведения и симптомами профессионального выгорания приходятся как раз на те продуктивные стратегии, которые у пилотов гражданской авиации со стажем оказываются выше, – на стратегии «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание», «Принятие», «Планирование», «Подавление конкурирующей деятельности». В то время как специалисты со стажем менее 20 лет чаще выбирают непродуктивные стратегии, показывая более низкие показатели выгорания. Исходя из вышесказанного следует, что пилоты гражданской авиации со стажем демонстри-

руют более высокий уровень профессионального выгорания, поскольку имеющиеся продуктивные копинг-стратегии не позволяют им справиться с возрастающими за годы работы нагрузками. Однако для получения более точных данных необходимо увеличить выборку, а также проанализировать причинно-следственные связи между копинг-стратегиями и выгоранием у пилотов гражданской авиации.

Литература

Водопьянова Н. Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / Под ред. Г. С. Никифорова. 2000. № 3. С. 443–463.

Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982.

Форманюк Т. В. Синдром эмоционального сгорания как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 54–67.

Maslach C. Burnout: A social psychological analysis // The Burn-out Syndrome / Ed. by J. W. Jones, P. Ridge. London: London House, 1982. P. 30–53.

Вклад экспрессии в интенсивность субъективного переживания эмоций

Е. Е. Рейхерт

В статье представлены результаты исследования, целью которого было определить, влияет ли эмоциональная экспрессия на уровень субъективного переживания тревоги. Для проверки гипотезы о том, что в условии подавления эмоциональной экспрессии, характерной для тревоги, интенсивность ее субъективного переживания будет ниже, чем при искусственном усилении экспрессии, была разработана экспериментальная процедура и проведено исследование на выборке из 32 студентов. Результаты исследования показали, что при подавлении экспрессии снижается интенсивность не только тревоги, но и других эмоций, базирующихся на работе системы борьбы-бегства.

Ключевые слова: эмоциональная экспрессия, подавление экспрессии, тревога, субъективное переживание эмоции.

Группа теорий, объединенная названием теории лицевой обратной связи (facial feedback hypothesis), развивались из попыток проверить понимание эмоций, сформулированное в теории Джеймса–Ланге. Их идея в том, что активация экспрессии приводит к переживанию соответствующей эмоции (буквально нам грустно, потому что мы плачем, по выражению У. Джеймса). Результаты исследований опровергают возможность изменения интенсивности переживания эмоции в зависимости от подавления или усиления ее экспрессии, а в некоторых даже показано, что при подавлении экспрессии соответствующая эмоция переживается сильнее.

Противоречие в результатах может объясняться отсутствием в части исследований объекта, на который могло быть направлено переживание; использованием базовых эмоций, которые менее изменчивы и подконтрольны («грубые» в терминах У. Джеймса); тем, что состояние с измененной экспрессией сравнивалось с отсутствием экспрессии. Целью нашего исследования было сравнить влияние подавления и усиления эмоциональной экспрессии тревоги на переживание вторичной эмоции при наличии объекта, на который она может быть направлена. В качестве объекта исследования выбрана экспрессия тревоги, которая рассматривалась как производная от базовой эмоции страха, а ситуацией, на которую она направлена – рассказы студентов о пересдаче экзаменов.

Проверялась гипотеза о том, что в соответствии с теорией лицевой обратной связи в условии подавления эмоциональной экспрессии, характерной для тревоги, интенсивность ее субъективного переживания будет ниже, чем при искусственном усилении экспрессии тревоги.

В однофакторном эксперименте по внутрисубъектному плану приняли участие 32 студента 2 курса, обучающиеся по гуманитарным специальностям (11 юношей и 21 девушка (m = 19,7). Им предлагалось поучаствовать в изучении влияния динамических и статических двигательных затруднений на восприятие информации, истинная цель исследования не сообщалась.

Стимульный материал, актуализирующий тревогу: два коротких рассказа (2,57 и 2,49 мин), отрывки из интервью студентов о процедурах проведения комиссионных пересдач, которые были записаны на диктофон и впоследствии нарезаны на фрагменты и уравнены по параметрам: скорость, громкость звука, сюжет, последовательность ответов интервьюируемых. Для двух аудио различались детали сюжета для того, чтобы к моменту прослушивания второго аудио у испытуемых не возникло привыкания. Исследование проводилось в очном формате в группах по 4 человека.

Имитация экспрессии тревоги происходила следующим образом: требовалось сесть, оперевшись спиной на спинку стула, зажать между коленями и локтями прижать к корпусу карандаши, широко открыть глаза, сохранять умеренное напряжение мышц рук, ног и спины, а также топать стопой ведущей ноги и сохранять эту позу на протяжении прослушивания первого аудио. А во время прослушивания второй записи испытуемых просили занять расслабленную позу и подавлять все перечисленные действия (Кравченко, 2014).

Для оценки уровня субъективного переживания эмоций использовались 12 10-балльных шкал Ликерта, где 1 – «вообще не ощущаю», 5 – «ощущаю средне», 10 – «ощущаю достаточно сильно». Шкалы представляли собой названия шести базовых эмоций (страх, гнев, печаль, радость, отвращение, удивление) и шести производных (тревога, раздражение, расстройство, скука, смятение, спокойствие), выделенные Р. Плутчиком (Plutchick, 2001).

Если гипотеза верна, то под влиянием усиления и подавления экспрессии изменятся оценки переживания только тревоги и страха, а различия в оценке остальных эмоций будут не значимы. Для сравнения использовался ранговый критерий Уилкоксона с поправкой Холма–Бонферрони на множественные сравнения, так как распределение результатов не соответствовало нормальному виду.

Результаты не совсем совпали с этими ожиданиями. Установлено, что наиболее выраженной эмоцией оказалась тревога ($m = 5,3$) и страх ($m = 4,86$) в условии искусственного усиления экспрессии и раздражение ($m = 3,03$) в условии подавления.

Статистической значимости достигли различия по шкалам гнев ($p = 0,001$), раздражение ($p = 0,001$), страх ($p = 0,006$), отвращение ($p = 0,004$), смятение ($p = 0,008$), оценка интенсивности которых снизилась в условии подавления экспрессии по сравнению с условием ее усиления. Оценка тревоги также снизилась статистически значимо ($p = 0,021$), но после поправки на множественные сравнения различия стали незначимыми. Остальные различия сохранили значимость на уровне $p<0,05$. Это соответствует основным положениям теорий лицевой обратной связи о том, что подавление экспрессии ведет к понижению переживания эмоций. Прирост раздражения можно объяснить фрустрацией желания выразить эмоции.

В это объяснение не укладывается уменьшение переживания гнева, раздражения, отвращения и смятения. Однако все эти эмоции основываются на работе системы борьбы и бегства, которую более современные психофизиологически ориентированные исследователи рассматривают как общую мозговую основу для реакций страха и гнева (Грей, 1987). Это может служить объяснением, почему воздействие на экспрессию тревоги затронуло и переживание гнева.

Снижение интенсивности отвращения можно объяснить тем, что в концепции Дж. Грея эти эмоции возникают в результате совместной работы систем бегства и приближения. Отвращение – это

реакция на сближение с объектами, контакт с которыми нежелателен, а смятение производно от удивления – реакции на умеренное сближение с непонятным объектом, про который неизвестно, опасен ли он. Т. е. в каждой их этих эмоций обнаруживаются истоки страха.

При таком понимании результаты эксперимента можно интерпретировать в пользу теорий лицевой обратной связи, в соответствии с которыми ощущение (обратная связь) от экспрессивных мышц переживается как соответствующая ей эмоция. А противоречия в результатах исследований объясняются реакциями на ситуацию исследования – фрустрацией от подавления экспрессии и связью полярных эмоций через единую нервную основу.

Дополнительно у испытуемых собиралась информация о наличии опыта комиссионной пересдачи, чтобы проконтролировать его влияние на оценки эмоций. Выяснилось, что опыт попадания на комиссионную пересдачу на эти оценки не влияет.

Литература

Грей Дж. Нейропсихология эмоций и структура личности // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 1987. Т. 37. № 6. С. 1011–1024.

Кравченко Ю. Е. Влияние искусственного усиления экспрессии отдельной эмоции в условиях эмоциональной многозначности стимула // Вестник РГГУ. 2014. № 20 (142). С. 77–93.

Plutchik R. The Nature of Emotions: Human emotions have deep evolutionary roots, a fact that may explain their complexity and provide tools for clinical practice // American Scientist. 2001. V. 89. P. 344–350.

Сравнительный анализ эмпатической компетентности студентов-психологов на разных этапах освоения профессиональной подготовки

З.Д. Решетникова, Е.Ю. Пряжникова

В статье дается краткий обзор понятиям «эмпатия» и «эмпатическая компетентность». Приводятся результаты анализа эмпатической компетенции студентов-психологов на разных этапах освоения профессии.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатическая компетентность, студент-психолог, освоение профессии.

На протяжении последних десятилетий в обществе возрос особый интерес к психологии, психологической помощи и к психологическому образованию, что свидетельствует о необходимости в высококвалифицированных специалистах в сфере психологии. Современный психолог должен обладать специфическими компетенциями, которые в свою очередь являются не только показателем успешной профессиональной деятельности, но и определяют ее.

Согласно классификации отечественного психолога Е.А. Климова, профессия психолога относится к помогающим (Климов, 2005). В самом широком понимании, помогающие профессии характеризуются с помощью термина «просоциальная активность» (Рейковский, 1981). Просоциальная активность, и как следствие, просоциальное поведение – это действия субъекта, совершенные с целью принести пользу, помощь.

Зарубежные ученые относят эмпатические компетенции к эмоциональным компетенциям. Они определяются как способность распознавать, понимать и использовать эмоциональную информацию о себе или других людях, которая опосредует эффективность работы (Рейковский, 1981).

Согласно Д. Макклелланду, психологу, который ввел в психологический лексикон термин «компетенция», эмпатическая компетенция относится как к числу профессиональных компетенций, то есть то, что обеспечивает удовлетворенность работой и успешность профессионального развития, так и к числу ключевых компетенций – обеспечение нравственности индивида как представителя общества (Берган, 2009). По его утверждению, эмпатическая компетенция позволяет различать высокоэффективных специалистов, которые качественно выполняют свою работу.

Выделяют общие индивидуально-психологические характеристики (соответствуют требованиям профессии), которые характерны для студентов, находящихся на пути освоения помогающих профессий. К их числу относят социабельность, эмпатию, терпимость, что определяет успешность специалиста и качество его деятельности. Сама личность специалиста выступает средством профессиональной деятельности.

Такие характеристики выступают в роли профессионально важных качеств, которые образуют профессиональные компетенции.

Говоря об эмпатической компетенции и об эмпатии в отношении профессиональной деятельности психолога, отмечается, что это инструмент специалиста в работе с другими людьми. По В. В. Бойко – это есть форма рационально-эмоционально-интуитивного понимания другого в целях прогнозирования его поведения (Бойко, 1996).

Можно сделать вывод: степень развитости эмпатической компетенции и, как следствие, профессиональной зрелости, определяется уровнем эмпатических способностей.

Вывод применим и по отношению к будущим специалистам психологам. Выделена цель исследования: изучение эмпатической компетенции и ее составляющих у студентов-психологов на разных этапах освоения профессии. Нами была выдвинута гипотеза: степень выраженности эмпатии, а именно склонность к эмоциональному отклику на переживания другого, у студентов 4-го курса выше, чем у студентов 1-го курса.

Выборка исследования представлена студентами-психологами Нижневартовского государственного университета 1-го и 4-го курсов. В исследовании приняло участие 20 испытуемых.

Методический инструментарий представлен методиками «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна, адаптация Ю. М. Орлова, Ю. Н. Емельянова и «Диагностика уровня эмпатии» В. В. Бойко.

Результаты методики «Шкала эмоционального отклика», направленной на выявление общих эмпатических тенденций студентов, показали следующее. Способность к эмоциональному отклику у студентов-психологов 4 курса (ср. показатель – 74) сформирована в большей степени по сравнению со студентами-психологами 1 курса (ср. показатель – 68).

Целью исследования по методике «Диагностика уровня эмпатии» является выявление качественных характеристик эмпатии.

По шкале «Рациональный канал эмпатии» показатель у выпускников выше, чем у первокурсников (4 балла и 3 соответственно). Характеризует степень направленности на эмоциональное состояние и поведение другого. Показатели у студентов, завершающих обучение в вузе превалируют над показателями первокурсников. Это свидетельствует о профессионализации психических процессов, которые позволяют воспринимать чувства и эмоции клиентов.

Значения по шкале «Эмоциональный канал эмпатии» говорят о превосходстве 4-го курса над 1-м (4 и 3 балла). Шкала указывает на способность входить в эмоциональное взаимодействие с другими. Проявляется в способности сопереживать. Высокие результаты студентов-психологов говорят об ориентации на эмоциональное состояние другого в процессе взаимодействия, о способности понимать эмоции и чувства других людей. Менее высокие показатели у студентов 1-го курса говорят о том, что такая способность им присуща, но ее выраженность меньше.

Шкала «Интуитивный канал эмпатии» позволяет оценить способность действовать в условиях дефицита базовой информации о других, опираясь на опыт. Результаты по данной шкале: 3 балла – 4-й курс и 1 балл – 1-й курс. Такие показатели говорят о том, что у студентов 4-го курса в большей степени развита интуиция. Это может быть связано с опытом, который был получен в процессе освоения учебно-профессиональной деятельности и является частью развития специалиста в области психологии.

Установки, которые способствуют или препятствуют эмпатии. Показатели шкалы распределяются так: 3 балла – 4-й курс и 1 балл – 1-й курс. Данные можно проанализировать с учетом суммарного показателя, отражающего уровень эмпатии. Студентам 4-го курса присущи установки, способствующие эмпатии в большей степени,

чем студентам первого курса. Об этом свидетельствуют различия в количественных и качественных показателях по всем критериям.

Важная составляющая – проникающая способность. Или коммуникативное свойство личности, которое создает открытую и доверительную атмосферу, способствующую раскрытию внутреннего мира личности. Студенты обоих курсов в равной степени владеют данной способностью. Результаты говорят об осознанном выборе направления подготовки у первокурсников и о профессиональном развитии выпускников.

Условием успешной эмпатии выступает способность к идентификации. Характеризуется умением понять другого человека посредством постановки себя на место переживающего. Определяет гибкость и подвижность эмоционального поведения эмпатирующего. Так, студентам 4-го курса данная способность присуща в большей степени (4 балла и 2 балла – первый курс).

Общая оценка результатов подсчитывалась путем суммирования баллов. Степень выраженности способности студентов к эмоциональному отклику определялась по таблице пересчета «сырых» баллов в стандартные оценки шкалы стенов.

Выводы согласно результатам исследования: развитие эмпатической компетенции, ее качественных компонентов у выпускников выше, чем у первокурсников. В процессе освоения профессии студент-психолог развивает такое качество, как эмпатия, которое в свою очередь, развивает эмпатическую компетенцию. Углубленная профессионализация эмпатии способствует появлению и развитию устойчивой эмпатической компетенции у будущего психолога.

Литература

Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. выс. пед. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2005.

Рейковский Я. Просоциальная деятельность и понятие собственного «Я» // Вестник Московского университета. Психология. 1981. № 1. С. 14–22.

Берган С. Квалификации – введение в концепцию // Болонский процесс: Результаты обучения и компетентностный подход / Под ред. В. И. Байденко. М.:Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. С. 154–172.

Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинъ, 1996.

Эффективность применения эгоцентрической и объект-центрической стратегий при пространственной афантазии

А. А. Салихова, В. С. Василенко

Мы предлагаем экспериментальный план, чтобы определить эффективность применения эгоцентрической, объект-центрической стратегии при разных уровнях пространственного воображения, и рассматриваем возможные результаты. Пространственное воображение – подтип образного воображения, когда решатель «у себя в голове» использует пространственные репрезентации без внешнего стимула. Афантазией называют отсутствие зрительных образов, а в случаях невозможности применения пространственных репрезентаций – это уточняется и называется пространственной афантазией. Мы ожидаем, что чем более развито пространственное воображение, тем меньше времени затрачивается при применении стратегий, а точность ответа не изменяется.

Ключевые слова: образное воображение, пространственная афантазия, эгоцентрическая стратегия, объект-центрическая стратегия, ментальное вращение.

Образное воображение – это когнитивный феномен, позволяющий человеку представлять объекты и визуальные сцены без прямого зрительного образа (Blazhenkova, 2016) Однако, некоторые люди страдают от афантазии – отсутствия возможности представления ментальных картинок у себя в голове. Блаженкова и Печенкова логично предполагают о разделении афантазии на объектную

афантазию и пространственную афантазию, что подкрепляется и клиническими случаями (Blazhenkova, Pechenkova, 2019). В классических исследованиях рассматриваются задачи на ментальное вращение, и вариации данной задачи определяют конкретные стратегии их решения: эгоцентрическая и объект-центрическая (Zacks et al., 2000). Как фактически наличие пространственной афантазии влияет на эффективность этих стратегий еще стоит изучить.

Цель: Определить эффективность применения эгоцентрической и объект-центрической стратегий при решении задачи на ментальное вращение при разных уровнях пространственного воображения. Под эффективностью понимается затраченное время и точность ответа.

Первая гипотеза: чем более развито пространственное воображение, тем меньше времени затрачивается при применении эгоцентрической и объект-центрической стратегий.

Вторая гипотеза: при разных уровнях пространственного воображения точность ответа не изменяется.

Обоснование гипотез: Данная гипотеза опирается на эксперимент, в рамках которого испытуемые, имеющие разные уровни образного воображения, демонстрируют статистически одинаковую точность ответа, но афантазики затрачивают больше времени при решении задач (Poudner et al., 2018).

Ожидаемые участники исследования

Испытуемые от 18 до 24 лет. Ограничение в возрасте обосновано различиями в эффективности ментального вращения. Кроме этого, требуется равное количество испытуемых мужского и женского пола, так как известно о проявлении гендерных различий в эффективности решений. Мы формируем экспериментальную и контрольную группу: экспериментальную группу будут составлять участники с пространственной афантазией, а контрольную – участники, не страдающие пространственной афантазией. С учетом количества экспериментальных групп в G-Power был произведен расчет размера выборки, который суммарно был равен 140 испытуемых ($d = 0{,}5$; $\alpha = 0{,}05$, $1-\beta = 0{,}9$). Также мы приглашаем испытуемых без диагностированных психиатрических, неврологических заболеваний, так как известно о различиях в способностях пространственного воображения в зависимости от подобных заболеваний.

Методики

Для определения способностей к пространственному воображению используется опросник Vividness of Object and Spatial Imagery

(VOSI). По результатам прохождения проводится оценка яркости (vividness) тех ментальных образов, который испытуемому доступно представить у себя «в голове» (Blazhenkova, Pechenkova, 2019). Для операционализации используем только один тип утверждений, нацеленный на представление пространственных репрезентаций (например, «Вырезание и складывание кубика из бумаги») (Blazhenkova, 2016).

Этот опросник единственный, с помощью которого можно операционализировать пространственное воображение (на русском языке в ближайшее время планируется публикация готового опросника). Значение 1–2 балла мы определяем как наличие пространственной афантазии (слабо развитое пространственное воображение), 4–5 баллов – отсутствие пространственной афантазии (высоко развитое пространственное воображение).

Для операционализации эгоцентрической и объект-центрической стратегий используются специально разработанные задачи: Left-right task и Same-different task, соответственно. Обе задачи – это задачи ментального вращения (Zacks et al., 2000).

Обработка данных

Статистическое сравнение производится между экспериментальной и контрольной группами: испытуемые с показателем 1–2 балла пространственным утверждениям опросника VOSI с одной стороны и 4–5 балла с другой стороны. Сравнение результатов по двум параметрам анализируются отдельно: по точности ответа и длительности ответа.

Обе группы анализируются с помощью описательной статистики. Далее для сравнения групп используется критерий t Стьюдента для независимых выборок. Перед данным этапом будет выполнена проверка допущений. В рамках предварительного анализа данных будут удалены все выбросы, проведена проверка на соответствие нормальному распределению с помощью критерия Шапиро–Уилка, а также проверена гомогенность дисперсии с помощью критерия Ливена. Если допущения ложны, то используется непараметрический критерий U Манна–Уитни, критерий серий. В результате появится основания для проверки истинности гипотезы.

Ожидаемые результаты

Мы ожидаем, что время ответа будет больше у экспериментальной группы в обоих типах задач (Same-Different task на объект-центри-

ческую стратегию и Left-right task на эгоцентрическую стратегию). В то же время мы ожидаем, что точность ответа экспериментальной и контрольной групп не отличается ни в одной из вышеупомянутых задач. Эти результаты согласуются с теоретическими предпосылками о разделении объектной и пространственной афантазии, эффективностью опросника VOSI, а также результатами схожего исследования Pounder (Pounder, 2018). Проведение исследования планируется после публикации опросника VOSI.

Интерпретация результатов

В случае получения ожидаемых результатов гипотеза будет подтверждена. В таком случае применение эгоцентрической и объект-центрической стратегий универсально вне зависимости от уровня способностей к образному воображению, однако для их применения афантазики затрачивают больше времени. Также данные результаты подтверждают предположение о разделении объектной и пространственной афантазии. В случае получения других результатов гипотеза будет отвергнута.

Возможен случай, когда точность ответов экспериментальной группы ниже, чем контрольной группы и/или время ответа больше у экспериментальной группы, чем у контрольной группы. Эти результаты можно обосновать тем, что применение эгоцентрической и объект-центрической стратегий для афантазиков не универсально и не демонстрирует той же эффективности, как для неафантазиков. Также может стоять вопрос о некорректном применении опросника VOSI.

Если время ответа между группами не будут различаться, и/или если точность ответов экспериментальной группы выше, чем контрольной, то возможно применение неустановленных стратегий при решении поставленных задач (Furman et al., 2022). Например, это происходит без использования недоступных пространственных репрезентаций, а с помощью символов и их логических связей. Также при таких результатах возможна невалидность опросника VOSI. В таком случае фактические способности испытуемых отличаются от предписанных опросником результатов.

Также возможны несимметричные результаты относительно каждой задачи. В таком случае мы можем сделать вывод об универсальности–неуниверсальности каждой из стратегий.

Выводы

Был разработан дизайн исследования для определения эффективности применения эгоцентрической и объект-центрической стра-

тегий при афантазии. В нашей работе была предложена новая методика для определения пространственной афантазии на основе русскоязычной версии VOSI. Будущие результаты помогут выдвинуть новые суждения о пространственном воображении как психологическом процессе и его фактическом влиянии на решение задач.

Литература

Blazhenkova O. Vividness of object and spatial imagery // Perceptual and Motor Skills. 2016. V. 122. № 2. P. 490–508.

Blazhenkova O., Pechenkova E. The two eyes of the blind mind: object vs spatial aphantasia? // Russian Journal of Cognitive Science. 2019. V. 6. № 4. С. 51–65.

Furman M., Fleitas-Rumak P., Lopez-Segura P., Furman M., Tafet G., de Erausquin G.A., Ortiz T. Cortical activity involved in perception and imagery of visual stimuli in a subject with aphantasia. An EEG case report // Neurocase. 2022. V. 28. № 4. P. 344–355.

Pounder Z., Jacob J., Jacobs C., Loveday C., Towell T., Silvanto J. Mental rotation performance in aphantasia [Vision Sciences Society Annual Meeting Abstract] // Journal of Vision. 2018. V. 18. P. 1123.

Zacks J. M., Mires J., Tversky B., Hazeltine E. Mental spatial transformations of objects and perspective // Spatial Cognition and Computation. 2000. V. 2. P. 315–332.

Образовательная технология улучшения принятия этичных решений в ситуациях коррупционного риска у старшеклассников

М. В. Сергеева, И. Н. Погожина

Десятиклассники московских школ (N = 20) прошли онлайн-обучение с использованием образовательной технологии, направленной на развитие способности распознавать коррупцию. Обнаружено, что после обучения у старшеклассников повысился уровень знаний о коррупции как явлении, и о том, как ее распознавать. Помимо этого, выявлены значимые различия между числом этичных/коррупционных выборов при решении моральных дилемм в зависимости от уровня развития знаний о коррупции. Полученные данные доказывают, что с помощью образовательной технологии, нацеленной на развитие когнитивных составляющих системы принятия решений в ситуациях коррупционного риска, можно повысить вероятность принятия этичных решений.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное просвещение, принятие решений, моральный выбор, познавательные способности

На Всероссийском антикоррупционном форуме 2023 года сообщили, что с нового учебного года во всех российских школах учеников будут знакомить с основами и способами противодействия коррупции. Осуществляться такое ознакомление будет в рамках предметных дисциплин: обществознания, литературы и истории.

Теоретически показано, что эффективное обучение по противодействию коррупции представляет собой формирование анти-

коррупционного аттитюда – оценочного суждения по отношению к коррупции. Все элементы такого суждения (критическое мышление, навыки аргументации, принятия решений в неоднозначных с точки зрения морали ситуациях, аффективные реакции, эмпатия, рефлексия, осознанность, намерения и прошлое поведение) взаимосвязаны друг с другом, в связи с этим можно делать больший акцент на развитии одного из элементов, чтобы оставшиеся преобразовались вслед за ним. По этой причине центральное направление обучения следует отвести формированию умения распознавать коррупцию, ее дифференциации от других преступных явлений, обоснованию негативных последствий коррупции.

Результаты исследований доказывают действенность тренингов по развитию как познавательной способности распознавать коррупцию, так и ценностно-моральных аспектов, связанных с неприятием данного явления. Однако имеющиеся работы не демонстрируют, как образовательные технологии с таким содержанием трансформируют вектор принятия решений с коррупционных на этичные в ситуациях коррупционного риска (КР).

Цель исследования – изучить, изменится ли направленность принимаемых старшеклассниками решений (этичных/коррупционных) после образовательной программы, направленной на трансформацию когнитивного компонента (способности распознавать коррупцию) системы принятия решений в ситуациях КР.

Исследование базируется на идеях модели множественной регуляции решений и действий (Корнилова, 2016), а также на модели внешних–внутренних детерминант формирования и развития познавательных структур и связей между ними (Погожина, 2016). Мы предполагаем, что через развитие у старшеклассников знаний о том, как распознавать коррупцию, можно повысить их уровень знаний о коррупции как явлении, а также улучшить принятие этичных решений в ситуациях КР. Под принятием этичных решений мы понимаем систему динамического взаимодействия компонентов (когнитивных и личностных) интеллектуально-личностного потенциала субъекта, ориентированную на выбор одной из альтернатив (коррупционной или этичной с моральными ориентациями двух типов: справедливости и заботы) в условиях неопределенности. Ситуации КР определяются нами как совокупность обстоятельств, содержащих в себе возможности для совершения должностными лицами действий, направленных на получение личной выгоды путем злоупотребления служебным положением) (Оленев, 2019; Погожина, Пшеничнюк, 2020).

Основные гипотезы:

1. Существуют значимые различия между уровнем развития познавательной способности распознавать коррупцию до и после применения образовательной технологии, разработанной авторами.
2. Показатели развития знаний о коррупции как явлении значимо различаются в зависимости от уровня развития познавательной способности распознавать коррупцию.
3. Число выборов в пользу этичных (vs коррупционных) с моральной ориентацией справедливости или заботы значимо различается в зависимости от уровня развития знаний о коррупции как явлении.

Методы и участники исследования

Участниками исследования стали учащиеся десятых классов г. Москвы (N = 20, средний возраст – 16±0,47 года). С помощью стратегии рандомизации они были поделены на 2 группы: экспериментальную (n1 = 10) и контрольную (n2 = 10).

Процедура

На подготовительном этапе старшеклассники прошли диагностику на платформе Simpoll для замера исходного уровня изучаемых переменных: 1) уровня развития познавательной способности распознавать коррупцию, 2) знаний о коррупции как явлении, а также 3) числа предпочитаемых выборов (этичных vs коррупционных с моральными ориентациями справедливости или заботы) при принятии решений в ситуациях КР.

На основном этапе учащиеся прошли обучение на платформе Zoom с использованием образовательной технологии, направленной на развитие познавательной способности распознавать коррупцию.

На контрольном этапе старшеклассники прошли контрольную диагностику на платформе Simpoll для замера показателей, изучаемых переменных после прохождения обучения.

Методики

Образовательная технология в формате группового онлайн-тренинга была направлена на планомерное развитие познавательной способности распознавать коррупцию (методика формирования когнитивного компонента антикоррупционной компетентности Погожиной–Пшеничнюк).

На этапе «уяснения» старшеклассникам последовательно-порционно транслировали знания о ключевых признаках коррупции, а также объясняли, какие действия нужно выполнить, чтобы распознать названные признаки в предлагаемых кейсах.

На этапе «овладения» старшеклассники анализировали кейсы, где описывались проблемные ситуации с различной степенью КР. Анализируя кейсы, учащиеся: 1) отмечали на специальных диагностических картах наличие/отсутствие ключевых признаков коррупции в каждой ситуации; 2) делали вывод, является ли описанная ситуация коррупционной или нет.

Диагностика способности распознавать коррупцию осуществлялась с использованием 9 кейсов из разработанного авторами теста умения распознавать ситуации КР (α Кронбаха = 0,790; W Кендалла = 0,562, $p<0,05$).

Диагностика знаний о коррупции как явлении проводилась с помощью методики «Открытые вопросы» Погожиной–Пшеничнюк. Старшеклассники отвечали на три вопроса: 1) что такое коррупция?; 2) приведите пример коррупции; 3) почему приведенный пример – это пример коррупции?

Диагностика предпочитаемых выборов в ситуациях КР (этичные vs коррупционные с моральной ориентацией справедливости или заботы) осуществлялась с применением трех дилемм из методики «Моральные дилеммы» (разработана авторами, прошла экспертную оценку). Каждая дилемма представляла собой историю вымышленных героев и содержала в себе возможности для коррупционного выбора.

Результаты

Обнаружены значимые различия между экспериментальной и контрольной группами после онлайн-обучения, демонстрирующие, что:

- старшеклассники с низким уровнем развития способности распознавать коррупцию обладают несформированными знаниями о ней как явлении, в то время как учащиеся с высоким и средним уровнями развития данной способности имеют полные и обобщенные знания о коррупции;
- учащиеся с несформированными знаниями о коррупции как явлении совершают больше коррупционных выборов. В то время как старшеклассники с полными и обобщенными знаниями о коррупции отдают предпочтение этичным выборам. Кроме того, ученики, которые плохо осведомлены о коррупции, значимо чаще выбирают коррупционные реше-

ния, как по принципу заботы, так и по принципу справедливости.

Вывод

Образовательная технология, направленная в первую очередь на развитие у старшеклассников познавательной способности распознавать коррупцию, способствует улучшению принятия этичных решений в ситуациях КР.

Литература

Корнилова Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.

Оленев М. Г. Факторы, детерминирующие коррупционные риски, возникающие в деятельности сотрудников УИС // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. Т. 17. С. 127–130.

Погожина И. Н. Формирование и развитие познавательных структур: детерминанты и механизмы. Постнеклассическая модель: Монография. М.: НИЯУ МИФИ, 2016.

Погожина И. Н., Пшеничнюк Д. В. Формирование у студентов когнитивного компонента антикоррупционной компетентности // Вопросы психологии. 2020. Т. 1. С. 27–40.

Понятийные способности подростков и особенности опыта компьютерных игр

Н. Е. Сергеева

В статье изложены результаты пилотного исследования изучения особенностей понятийных способностей подростков с разным опытом компьютерных игр. Выборку составили учащиеся образовательных школ (n = 83) 14–16 лет. Полученные результаты демонстрируют достоверные различия в формально-логических способностях: подростки, которые активно играют в выходные дни отличаются лучшими показателями выполнения формально-логических операций, при этом длительная продолжительность игрового времени в каникулы, а также предпочтение экшн-игр сопряжены с худшими результатами. Уровень понятийного синтеза выше у умеренно активных игроков. В способностях к категориальному обобщению различия не выявлены.

Ключевые слова: понятийные способности, компьютерные игры, подростки.

Подростковый период характеризуется качественными изменениями мышления: развивается способность к выполнению формально-логических операций, оперированию и анализу абстрактных понятий, способность к планированию, прогнозированию и критическому анализу (Реан, 2008). В современности произошли глобальные изменения условий, в которых формируются мыслительные способности подростков. Так, среда их развития расширилась за счет интенсивного включения цифровых устройств, а иг-

ровая деятельность трансформировалась в формат компьютерных игр, обладающий уникальными характеристиками. С одной стороны, подростки получили возможность погружаться в сложные по структуре виртуальные миры, регулярно получая опыт, недоступный им в иных условиях и тренирующий определенные познавательные способности. С другой стороны, компьютерные игры зачастую предоставляют более ограниченный ментальный опыт в сравнении с тем, который можно получить при активном социальном взаимодействии и реализации целенаправленной предметной деятельности, особенно при увлеченности только определенными жанрами, когда происходит проигрывание однотипных действий с получением однотипного семантического опыта.

Проведенные исследования о взаимосвязи компьютерных игр и психологических особенностей человека показывают, что наиболее активные онлайн-игроки характеризуются высокой полезависимостью и гибким познавательным контролем (Богачева, 2015), большей способностью к принятию рациональных решений в сочетании со склонностью к риску (Аветисова, 2011), а также выявляют связи между предпочтением определенных жанров игр и личностными особенностями (Rathakrishnan, 2023). Однако вопрос о значимости компьютерных игр для развития понятийных способностей оставался за рамками обсуждения, хотя важность данной проблемы обуславливается значением уровня развития понятийных способностей для успешности интеллектуальной деятельности.

Целью пилотного исследования является определение особенностей уровня развития понятийных способностей у подростков с разным опытом компьютерных игр. Предполагается, что уровень развития понятийных способностей у подростков, уделяющих разное количество времени компьютерным играм, будет достоверно отличаться, при этом предпочтение определенных жанров игр будет определять особенности понятийных способностей.

Выборку исследования составили учащиеся общеобразовательных школ г. Казани и г. Москвы ($N = 83$, из них 44 девушки). Возраст – от 14 до 16 лет ($M = 15{,}1$, $SD = 0{,}83$). Подростки заполняли онлайн-опросник, содержащий вопросы об их опыте компьютерных игр: необходимо было отметить продолжительность игрового времени в разные временные периоды (будние дни, выходные и каникулы), а также указать наименования наиболее предпочитаемых ими игр (до 5 наименований). На основании ответов о проводимом времени за играми были выделены три группы:

игроки с малым опытом компьютерных игр (менее 1 часа в день), средним (от 1 часа до 3 часов) и с большим опытом (более 3 часов в день). Указанные участниками наименования игр в процессе анализа данных соотносились с жанрами, к которым относят игру ее разработчики.

Для оценки понятийных способностей подростков использовались методики:

1. Тест элементарного логического мышления операций (ЭЛО).
2. Методика «Обобщение трех слов».
3. Методика «Понятийный синтез».

Для проверки статистических гипотез были использованы процедуры одномерного дисперсионного анализа и однофакторного дисперсионного анализа.

Результаты и интерпретация

Активные игроки в выходные дни (кто играет более 3 часов в день) отличаются лучшими показателями выполнения формально-логических операций, когда подростки с малым игровым опытом (менее 1 часа в день) хуже справляются с их выполнением ($p = 0{,}019$). При этом интересно, что обратная связь наблюдается относительно увлеченности играми в каникулы: увеличение количества времени за играми сопряжено с меньшими способностями к выполнению формально-логических заданий ($p = 0{,}008$). Можно предположить, что активное погружение в компьютерные игры в каникулярное время создает обедненную среду для интеллектуального развития подростка, а также сопряжено со снижением физической активности и социального взаимодействия. В то же время компьютерные игры в выходные дни при наличии полноценной учебной нагрузки, физической и коммуникативной активности могут создавать условия для тренировки формально-логических способностей. При этом выявлено, что любители экшн-игр хуже справляются с заданиями на формально-логическое мышление ($p = 0{,}003$), в то время как подростки, предпочитающие логические игры и головоломки, на уровне тенденции демонстрируют более высокие показатели ($p = 0{,}097$). Таким образом, отмечаются специфические особенности предпочтения определенных жанров. В данном случае можно предполагать возможность двунаправленной связи: экшн-игры предпочитают подростки, которые изначально имеют меньшие способности к формально-логическому мышлению, а сама специфика жанра (высокая интенсивность действий, необходи-

мость быстрой скорости реакции при малом количестве игровых ситуаций, требующих анализа информации и выделения причинно-следственных связей), будет способствовать дефициту условий для развития формально-логического мышления.

В целом, для всей выборки характерны низкие показатели выполнения методики на понятийный синтез ($M = 2{,}82$, $SD = 1{,}82$). При этом хуже всех с понятийным синтезом справлялись подростки с большим опытом компьютерных игр в выходные дни, а средняя игровая активность сопряжена с лучшими результатами ($p = 0{,}008$). Положительное значение умеренного игрового опыта указывает на возможный потенциал игр для формирования концептуальных способностей.

Уровень развития способности к категориальному обобщению достоверно не отличается у подростков с разным опытом компьютерных игр и определяется низким уровнем ($M = 5{,}75$, $SD = 3{,}77$). Достоверных различий между любителями определенных жанров не выявлено.

Заключение

Таким образом, особенности опыта компьютерных игр оказываются связаны в большей степени с формально-логическими способностями – выявленные различия указывают на важность выбора игрового контента подростком и характер включенности игр в определенные временные периоды. С учетом низкого уровня развития способностей к понятийному синтезу и категориальному обобщению у обследованных подростков следует предположить, что за несформированностью данных способностей могут скрываться особенности влияния опыта компьютерных игр на их формирование, поэтому требуется проведение дополнительных исследований на более взрослой выборке или выборке лиц со сформированными понятийными способностями.

Стоит отметить, что большее количество различий выявлено между игроками в выходные дни, активность в будний период не продемонстрировала значимых отличий. Видимо, общий уровень учебной нагрузки в будний период нивелирует различия в активности подростков в свободное время.

Литература

Аветисова А. А. Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8. № 4. С. 35–58.

Богачева Н. В., Войскунский А. Е. Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 29–53.

Психология подростка. Полное руководство / Под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008.

Rathakrishnan B., Bikar Singh S. S., Yahaya A. Gaming Preferences and Personality among School Students // Children (Basel). 2023. V. 10. № 3. P. 428.

Понятийные способности как фактор успешности школьной учебной деятельности

Я. И. Сиповская

В статье проводится анализ природы понятийных способностей в контексте понимания в познании. Рассматриваются функции понятийных способностей в структуре интеллекта и описываются результаты эмпирического исследования соотношения показателей понятийных (семантических, категориальных и концептуальных) способностей с показателями психометрического интеллекта и школьной успеваемости. Полученные результаты указывают на тот факт, что школьные оценки фиксируют только часть интеллектуального ресурса ученика, а именно: вербальные репродуктивные способности (способность подбирать нормативные обобщающие категории при выделении общих признаков).

Ключевые слова: мышление, понятийные способности, старший подростковый возраст.

Роль понятийного мышления значима как для формирования и функционирования интеллекта, так и для становления индивидуальности человека, включая базовые механизмы психической саморегуляции. Анализ сложного устройства понятийных способностей позволяет подойти к объяснению разных типов понимания происходящего, таких как понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016), раскрывая специфику индивидуальных интеллектуальных ресурсов, потенциала человека (Холодная и др., 2019).

Особую актуальность приобретает изучение степени сформированности понятийных способностей в детском, например, в подростковом возрасте, являющимся одним из сенситивных, критических периодов онто- и филогенетического развития.

Задача данной статьи – представить результаты эмпирического исследования соотношения показателей понятийных (семантических, категориальных и концептуальных) способностей с показателями психометрического интеллекта и школьной успеваемости (школьных оценок и рейтинга, где последний показатель включает внеклассную, спортивную и социальную активность учеников).

Предмет исследования: соотношение показателей понятийных (семантических, категориальных и концептуальных) способностей с показателями психометрического интеллекта и школьной успеваемости.

Объект исследования: старшие подростки средней общеобразовательной школы г. Химок, интеллектуальные (в том числе и понятийные) способности которых формируются и развиваются по мере получения школьного образования.

Выборка

В исследовании принимали участие старшие школьники 9-х и 10-х классов (N = 113) в возрасте 15–17 лет (общеобразовательная школа г. Химок Московской области).

Методы исследования

Использовался комплекс методик для диагностики трех видов понятийных способностей, интеллекта и осуществлялся подсчет показателей учебной успешности по разным учебным дисциплинам.

I. Методики диагностики понятийных способностей:

1. Методика «Описание неопределенных фигур» (модификация методики Е. Ю. Артемьевой) – для диагностики семантических способностей (способность использовать разнообразные способы семантического описания объектов).
2. Методика «Обобщение трех слов» (Холодная, Сиповская, 2023) – для диагностики категориальных способностей (способность находить релевантную общую категорию для обобщения трех слов, принадлежащим к разным категориальным классам).
3. Методика «Понятийный синтез» (Холодная, Сиповская, 2023) – для диагностики концептуальных способностей

(способность устанавливать связи между тремя не связанными по смыслу словами, самостоятельно придумывая релевантный контекст).

II. Методика диагностики общего уровня интеллекта – тест Равена «Прогрессивные матрицы» (Равен и др., 1997).

Методика «Прогрессивные матрицы» Дж. Равена применялась в исследовании без ограничения времени.

Показатель: «количество правильных ответов» измеряет способность выявлять скрытые закономерности в ряду геометрических фигур.

III. Методика оценки школьной успеваемости (школьных оценок и рейтинга, где последний показатель включает внеклассную, спортивную и социальную активность учеников) – данные электронного школьного дневника учащихся.

Результаты

По получении данных исследования была проведена их нормализация (по z-оценке) для того, чтобы впоследствии работать с данными, распределение которых не значимо отличается от нормального.

При проведении корреляционного анализа (метод Спирмана) были получены следующие результаты:

- коэффициент корреляции между баллами по методике «Понятийный синтез» и баллами по методике «Прогрессивные матрицы» Равена – $Rs = 0{,}25$ при $p \leq 0{,}05$;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Понятийный синтез» и баллами по методике «Концептуальное обобщение» – $Rs = 0{,}371$ при $p \leq 0{,}00$;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Понятийный синтез» и баллами по методике «Семантический дифференциал» (признаки) – $Rs = 0{,}284$ при $p \leq 0{,}02$;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Понятийный синтез» и баллами по методике «Тест Равена» – $Rs = 0{,}248$ при $p \leq 0{,}08$;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Понятийный синтез» и баллами по школьной успеваемости (рейтинг) – $Rs = -0{,}192$ при $p \leq 0{,}05$;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Категориальное обобщение» и баллами по школьной успеваемости (рейтинг) – $Rs = -0{,}374$ при $p \leq 0{,}00$ и баллами по школьной успеваемости (оценка) – $Rs = 0{,}383$ при $p \leq 0{,}00$;

- коэффициент корреляции между баллами по методике «Категориальное обобщение» и баллами по методике «Семантический дифференциал» (признаки) – Rs = 0,342 при p≤0,00;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Категориальное обобщение» и баллами по методике «Тест Равена» – Rs = 0, 298 при p≤0,01;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Семантический дифференциал» (показатель «признаки) и баллами по методике «Тест Равена» – Rs = 0, 190 при p≤0,05;
- коэффициент корреляции между баллами по методике «Тест Равена» и баллами по школьному рейтингу и успеваемости – Rs = –0,261 и 0,290 при p≤0,06 и p≤0,02, соответственно.

Таким образом, полученные результаты позволили сделать ряд общих выводов:

- интегральный показатель школьной продуктивности отрицательно корреляционно связан со всеми показателями понятийных способностей, и с показателем психометрического интеллекта;
- показатель школьной успеваемости (оценки) положительно коррелирует только с индикатором категориальных способностей и психометрического интеллекта.

Уже эти предварительные результаты указывают на то, что показатель школьной продуктивности «рейтинг» не отражает значимых достижений школьников в интеллектуальной, в том числе и понятийной деятельности и нецелесообразен в психолого-педагогической работе со старшими школьниками.

Кроме того, представленные в данном исследовании факты указывают на то, что школьная успеваемость тесно связана, прежде всего, с категориальными способностями (умение обобщать), а также – хотя и в меньшей мере – с уровнем интеллекта, тогда как связь успеваемости с концептуальными способностями не была показана. Соответственно, школьные оценки фиксируют только часть интеллектуального ресурса ученика, а именно: вербальные репродуктивные способности (способность подбирать нормативные обобщающие категории при выделении общих признаков).

Между тем, обращает на себя внимание тот факт, что «связующим звеном», проходящим сквозь все интеллектуальные способности у школьников представленной выборки, выступают именно категориальные способности, не регулирующие разворачивание

нового ментального содержания, как концептуальные способности, например, которые обладают регуляторной функцией на уровне понятийных способностей. Это указывает на дисбаланс в развитии интеллектуальных способностей учащихся, что, в свою очередь, является тревожным индикатором психологического неблагополучия современных старших подростков.

Литература

Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука–Смысл, 1999.

Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Холодная М. А., Сиповская Я. И. Понятийные способности: теория, диагностика, эмпирика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.

Холодная М. А., Трифонова А. В., Волкова Н. Э., Сиповская Я. И. Методики диагностики понятийных способностей // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 105–118.

Равен Дж. К., Равен Дж., Курт Дж. Х. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным шкалам. М.: Когито-Центр, 1997.

Психологические особенности коммуникативной сферы личности подростков, склонных к интернет-зависимости

Е. И. Скорикова, Ю. И. Жилина

В статье представлена проблема интернет-зависимости в подростковом возрасте. Раскрыто влияние склонности к интернет-зависимости на коммуникативную сферу личности подростков. По результатам эмпирического исследования было выявлено, что для подростков, склонных к формированию интернет-зависимости, характерно конформное поведение, повышенная тревожность, чувствительность к критике и зависимость от мнения окружающих. Коммуникативные склонности подростков данной группы отличаются сниженным стремлением к общению со сверстниками, неуверенностью и скованностью в компании, а также трудностями при установлении контакта с новыми людьми.

Ключевые слова: подростковый возраст, личность, интернет-зависимость, коммуникативная сфера личности, психологические особенности подростков, тревожность, коммуникативные и организаторские склонности.

В настоящее время Интернет стал неотъемлемой частью жизни современных людей, изменившей способы коммуникации, получения информации, обучения и т. д. Трудно представить полноценное социальное развитие при тотальном отказе от преимуществ Интернета, так как интернет-пространство является одним из факторов социализации. Но длительное использование Ин-

тернета без отсутствия контроля может привести к нарушению психологической и физической безопасности, а также к формированию интернет-зависимости как одного из видов отклоняющегося поведения. Данное явление получило широкое распространение в подростковой среде, так как обусловлено особенностями возраста.

Проблема интернет-зависимости активно изучается отечественными и зарубежными исследователями (И. Голдберг, К. Янг, Д. Гринфилд, К. Суррат, В.Д. Менделевич, Ц.П. Короленко, В.А. Лоскутова и др.).

Актуальность исследования определяется, во-первых, постоянным увеличением числа подростков – пользователей Интернета, во-вторых, тем, что чрезмерное пристрастие к Интернету разрушающе действует на психику ребенка.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности влияния интернет-зависимости на коммуникативную сферу подростков.

Гипотеза: склонность подростков к интернет-зависимости обусловливает низкий уровень коммуникативных и организаторских склонностей в сочетании с повышенным уровнем тревожности.

Ученые признают влияние средств массовой коммуникации, в том числе Интернета, на формирование у подростков социокультурных моделей и норм поведения (Асмолов и др., 2004). Однако мнения различных авторов в этом вопросе разделяются.

Зарубежные исследователи сообщают о негативном влиянии Интернета на психологическое здоровье подростков в целом и их отношения со сверстниками (Завалишина, 2012). Повышенная самоэффективность подростков не снижает степень этого влияния. Результатом чрезмерной привязанности к гаджетам и Интернету является снижение уровня социальных умений, самомотивации, обострению конфликтного поведения, что было отмечено рядом исследователей. Л. Королом и С. Максиметсом была обнаружена взаимосвязь интернет-зависимости с пониженными показателями эмпатии, формирования навыков общения и нравственности. Также результаты ряда исследований подтвердили, что успеваемость школьников и их самоощущение подвергаются негативному влиянию социальных сетей. Но проблема влияния интернет-зависимости на коммуникативную сферу личности подростков изучена недостаточно.

В исследовании коммуникативной сферы личности подростков, склонных к интернет-зависимости, были применены следующие методы: теоретический анализ, наблюдение, опросный метод, тестирование, методы статистической обработки данных.

На первом этапе для установления наличия склонности к интернет-зависимости был применен «Тест на интернет-зависимость» К. Янг в адаптации В. А. Лоскутовой.

В исследовании приняли участие 29 юношей (58% выборки) и 21 девушка (42%) в возрасте 15 лет (56%) и 14 лет (44%). На первом этапе мы выявляли у обучающихся наличие или отсутствие фактора склонности к интернет-зависимости с помощью опросника «Тест на интернет-зависимость» К. Янг в адаптации В. А. Лоскутовой.

На втором этапе были изучены особенности коммуникативной сферы подростков, склонных к интернет-зависимости, и подростков, относящихся к категории «обычный пользователь Интернета». Мы использовали следующие методики: диагностика межличностных отношений Т. Лири, «Коммуникативные и организаторские склонности» В. В. Синявского, В. А. Федорошина (КОС), опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН), методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса. При обработке статистических данных применялся непараметрический критерий U Манна–Уитни.

В результате эмпирического исследования было выявлено две группы подростков. В группу № 1 (50% от общей выборки) вошли подростки, относящиеся к категории «обычный пользователь Интернета», из них юношей – 60%, девушек – 40%. Для них характерно длительное нахождение в Интернете, но со способностью контролировать себя. Группу № 2 (50% от общей выборки) составили подростки, относящиеся к «пользователям с чрезмерным увлечением Интернетом». Из них юношей – 56%, девушек – 44%. Для них характерны трудности контроля нахождения в Интернете, что негативно влияет на жизнь.

Было выявлено, что коммуникативные склонности подростков, склонных к интернет-зависимости, отличаются сниженным стремлением к общению со сверстниками, неуверенностью и скованностью в компании, а также трудностями при установлении контакта с новыми людьми. Обнаруженные различия статистически достоверны по показателю «коммуникативные склонности» ($p \leq 0{,}01$).

Для подростков обеих групп характерно преобладание хорошего настроения и благоприятного самочувствия. Однако сниженные

показатели активности характерны для подростков, склонных интернет-зависимости. Обнаруженные различия статистически достоверны по показателю «активность» ($p \leq 0{,}01$).

Для подростков группы риска характерно конформное поведение, неуверенность в себе, зависимость от мнения окружающих, недоверчивость, обидчивость и замкнутость. Подростки, у которых не была выявлена склонность к интернет-зависимости обладают лидерскими чертами, хорошими организаторскими склонностями, легко устанавливают контакт с окружающими, способны быстро реагировать в стрессовых ситуациях.

Обучение в школе для подростков группы риска носит стрессогенный характер, приравнивая весь процесс к фактору, формирующему тревожное состояние. Повседневная жизнь школьника (ответ перед классом или решение задач у доски, включение в кружки и секции, участие в школьных мероприятиях) для подростков, склонных к интернет-зависимости, представлена негативными переживаниями получаемого опыта при взаимодействии с учителями и одноклассниками. Обнаруженные различия статистически достоверны по показателю «общая тревожность в школе» ($p \leq 0{,}01$), «страх самовыражения», «страх ситуации проверки знаний», «страх не соответствовать ожиданиям окружающих», «низкая физиологическая сопротивляемость стрессу». Таким образом, результаты проведенного нами исследования подтверждают гипотезу о том, что склонность подростков к интернет-зависимости обусловливает низкий уровень коммуникативных и организаторских склонностей в сочетании с повышенным уровнем тревожности.

Подростки, являясь одной из уязвимых групп населения, осваивая в быстром темпе современные технологии и свободно ориентируясь на просторах Интернета, могут подвергаться риску со стороны формирования зависимости. Именно поэтому вопрос изучения коммуникативной сферы личности подростков, склонных к интернет-зависимости, остается актуальным в современном мире, ведь именно с непосредственного общения коммуникация плавно перешла в различные социальные сети, индустрия развлечений и игр в Интернете растет с каждым годом, формируя вокруг «защиту» от реального мира. Подросток в данном случае является наиболее уязвимой к возникновению интернет-зависимости категорией.

Литература

Асмолов А. Г., Цветкова Н. А., Цветков А. В. Психологическая модель интернет-зависимости личности // Мир психологии. 2004. № 1. С. 179–192.

Завалишина О. В. Педагогическая поддержка подростков, склонных к интернет-зависимости: автореф. дис. канд. пед. наук. Курск, 2012.

Влияние синдрома навязчивых грез на планирование деятельности и качество ее выполнения

Ю. В. Скороходова, Д. К. Олзоева

В статье представлена программа предстоящего исследования влияние синдрома навязчивых грез (maladaptive daydreaming) – неконтролируемом проигрывании ярких и подробных сценариев о предпочитаемых вариантах разворачивания событий семейной и профессиональной жизни его носителя – на планирование деятельности и качество ее выполнения. Актуальность исследования представлена малой изученностью данного феномена, недостаточной разработанностью на теоретическом и эмпирическом уровне, в частности, на русской выборке носителей синдрома, что препятствует оказанию качественной помощи при возрастающем социальном запросе на методы работы с подобным состоянием.

Ключевые слова: навязчивые грезы, планирование деятельности, психологическое состояние, рефлексия деятельности, дезадаптация.

Одной из тенденций современной молодежи является создание и использование площадок виртуальной реальности, где разворачиваются сложно организованные фантазийные миры, населенные вымышленными персонажами – виртуальными представителями реально существующих по эту сторону экрана или игрового поля людей. К таким относятся компьютерные игры, группы в социальных сетях, сообщества ролевых игр. Одни площадки имитируют реальный мир, другие – конструируют новые миры с несу-

ществующими в реальности персонажами, которые, вместе с тем, решают вполне человеческие задачи – работают, ищут ресурсы, строят отношения, переживают встречи и расставания. Несложно представить, насколько увлекательной может быть жизнь в виртуальном пространстве, сулящем массу возможностей и сглаживающим ограничения реальности, с которыми приходиться сталкиваться в реальной жизни. В некоторых, к счастью, пока редких случаях такое погружение становится фатальной сверхценностью, несовместимой с жизнью. В более мягких вариантах длительное и бесконтрольное пребывание в фантазийных мирах оборачивается для игроков проблемами в социальной, профессиональной или учебной деятельности, различными нарушениями здоровья и психологического благополучия. Одной из таких проблем является длительное пребывание в фантазиях, которые захватывают мечтателя не только в специально отведенном для этого месте – игровом поле, интернет-пространстве, но и наяву – в процессе взаимодействия с реальными людьми и решения прозаически реальных повседневных задач. В психологическом дискурсе данный феномен получил название синдрома навязчивых грез (maladaptive daydreaming), исследования которого все чаще становятся предметом исследования преимущественно зарубежных авторов (Somer, 2002; и др.).

Авторы определяют синдром навязчивых грез как психологическое состояние, при котором наблюдается чрезмерное увлечение реалистическими фантазиями, заменяющими реальное взаимодействие, которое зачастую приводит к формированию комплекса эмоциональных, межличностных и поведенческих проблем, мешающих повседневному функционированию человека (Somer et al., 2016). Навязчивые грезы также характеризуются специфической компульсивностью, которая недавно была предложена в качестве основного психопатологического признака аддиктивных заболеваний с точки зрения биобихевиоральной концепции. Носители синдрома навязчивых грез демонстрируют интенсивную фантазийную активность, которая обычно включает в себя очень яркие и сложные сценарии. Среди особенностей навязчивых грез выделяют: специфику содержания фантазий о предпочитаемых вариантах разворачивания событий семейной и профессиональной жизни, кинестетическую составляющая фантазирования, включающая стереотипные движения (хождение взад-вперед, раскачивание, взмахи руками), влияние музыки на начало и поддержание грез, необходимость уединения (Bigelsen, Shupack, 2011).

Мечтатели наяву представляют себя живущими в ярком воображаемом мире, который искажает их представление о реальности (Somer, 2002), делая существование более приятным, увлекательным, насыщенным, однако, с другой стороны, это мешает людям достигать своих повседневных целей (McVay, Kane, 2010) и создает проблемы в профессиональной и учебной деятельности (Smallwood, Schooler, 2006).

Это зачастую становится поводом для обращения за психологической помощью людей, которые не могут самостоятельно справиться с бесконтрольным фантазированием, частым уходом в вымышленный мир, тратой времени на фантазии, раздражением и разочарованием при сравнении вымышленной жизни с реальностью, невозможностью сконцентрироваться на реальных задачах. Однако, малая изученность данного феномена, недостаточная разработанность на теоретическом и эмпирическом уровне, в частности, на русской выборке носителей синдрома, препятствует оказанию качественной помощи, что обуславливает актуальность и цель предстоящего исследования, программа которого будет описана ниже.

Цель исследования – изучение влияния синдрома навязчивых грез на планирование деятельности и качество ее выполнения.

Объект исследования – психологическое состояние, вызванное переживанием навязчивых грез, предмет – влияние синдрома навязчивых грез на планирование деятельности и на качество ее выполнения.

Гипотеза – синдром навязчивых грез является фактором, оказывающим негативное влияние на планирование деятельности и качество ее выполнения.

Выборка исследования будет представлена молодыми люди в возрасте от 18 до 30 лет.

Базой исследования выступит Санкт-Петербургское государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы» (СПбГИПСР).

Исследование будет сочетать методы количественного и качественного анализа данных. Количественный метод будет представлен психологическим тестированием с использованием методик Maladaptive daydreaming scale (MDS) (Somer et al., 2016), переведенной нами на русский язык; Опросника самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой; Опросника осознанной регуляции учебной деятельности П. Р. Галузо; Теста рефлексии деятельности В. Д. Шадрикова, С. С. Кургинян. Для обработки данных будет использоваться метод математической статистики, анализ и ин-

терпретация данных будет проводиться согласно описаниям используемых методик.

Качественный метод сбора данных будет представлен методом беседы по методике полуструктурированного интервью, главным исследовательским вопросом которого станет вопрос – как носители синдрома навязчивых грез осмысляют и переживают свой опыт переживания состояния навязчивых грез и его влияния на их учебную деятельность. При анализе качественных данных будет использован метод интерпретативного феноменологического анализа (IPA) по Дж. Смиту.

Сбор данных будет проходить в несколько этапов. На первом этапе (сентябрь–декабрь 2023 года) будет осуществляться поиск основной и контрольной групп исследования – носителей синдрома навязчивых грез, а также лиц, которые не проявляют признаков наличия данного синдрома. Группам респондентов будет предложено пройти психологическое тестирование по указанным выше методикам. На втором этапе с носителями синдрома навязчивых грез будет проведено глубинное интервью (январь–март 2024 года). Третий этап будет проведен в конце учебного года и будет включать в себя опрос относительно успешности выполнения учебной задачи написания курсовой работы (май–июнь 2024 года).

Ожидается, что у носителей синдрома навязчивых грез по большей части будет низкий уровень общего показателя самоорганизации, низкий показатель общего уровня регуляции, понижен общий показатель рефлексии деятельности. Ожидается, что носители синдрома навязчивых грез с трудом справятся с задачей написания курсовой работы, работа будет сдана позднее срока, сопряжена с конфликтами с научным руководителем, низкой субъективной и экспертной оценкой ее выполнения.

Литература

Bigelsen J., Shupack S. Compulsive fantasy: Proposed evidence of an under-reported syndrome through a systematic study of 90 self-identified non-normative fantasizers // Consciousness and Cognition. 2011. V. 20. P. 1634–1648.

Soffer-Dudek N. Corrigendum for The MDS-16 (English version) cutoff score. 2021.

Somer E. Maladaptive daydreaming: a qualitative inquiry // Journal of Contemporary Psychotherapy. 2002. V. 32. P. 197–212. doi: 10.1023/A:1020597026919

Somer E., Somer L., Jopp D. Childhood antecedents and maintaining factors in maladaptive daydreaming // The Journal of Nervous and Mental Disease. 2016. V. 204. P. 471–478. doi: 10.1097/NMD.0000000000000507

Особенности формирования групповой идентичности с помощью фотографии

Ю. В. Скороходова, Е. Гордиенко

В статье представлена программа оригинального исследования особенности формирования групповой идентичности с помощью фотографии. В зарубежной практике встречаются исследования, свидетельствующие о высоком потенциале фотографии в вопросах формирования групповой идентичности. Предполагается, что совместное фотографирование может оказывать влияние на меру сформированности групповой идентичности, их готовность к сотрудничеству, а также психологический климат в коллективе.

Ключевые слова: групповая идентичность, фотография, психологический климат группы, готовность к сотрудничеству.

Каждая эпоха имеет свои отличительные особенности, к которым можно отнести ценности эпохи, достижения и ярких личностей, изменивших ход истории, преимущества, которые позволяют людям эпохи решать стоящие перед ними задачи и ограничения, которые препятствуют этому. В цифровую эпоху, с повсеместным развитием информационных технологий и все большим переходом из реальной жизни в жизнь в виртуальном пространстве, проблемы идентичности – персональной, телесной, групповой, автобиографической, по праву становятся вызовом для современных психологов (Нуркова, 2019). Запрет культурно-исторической парадигмы постмодерна на формирование чувства общности, принадлежность к какой-либо социальной группе препятствует решению общих

задач, в том числе в профессиональной деятельности (Зайцева, Горюнова, 2021). Обретший некоторое время назад свое название феномен гостинга – внезапного прерывания трудовых отношений и полного исчезновения с радаров работодателей вновь принятых сотрудников – может свидетельствовать о наличии социального запроса на создание новых инструментов для формирования и поддержания групповой идентичности среди современных молодых специалистов.

Одним из наименее изученных на сегодняшний день инструментов психотерапевтической и профилактической работы является фотография. Немногочисленными, преимущественно зарубежными, авторами указывается, что создание групповой фотографии несет в себя потенциал формирования отсутствующих ранее социальных связей между членами группы (Burgess et al., 2000). Однако, эмпирические исследования, раскрывающие механизмы работы с фотографией при решении задач формирования групповой идентичности, особенно на русской выборке респондентов, носят крайне ограниченный характер, что обуславливает актуальность заявленной темы исследования, программа которого представлена ниже.

Цель предстоящего исследования – исследование особенностей формирования групповой идентичности с помощью фотографии. Объект исследования – групповая идентичность, предмет исследования – влияние совместного фотографирования на меру сформированности групповой идентичности у ее членов.

В качестве гипотезы исследования выдвигается гипотеза о том, что совместное фотографирование позволяет сформировать у участников чувство принадлежности к группе, увеличивает их готовность к сотрудничеству и положительно влияет на психологический климат в коллективе.

Выборка исследования будет представлена обучающимися в высших учебных заведениях различных направлений подготовки, включающий различные возрастные группы, базой исследования выступит Санкт-Петербургское государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы» (СПбГИПСР).

Исследование будет построено по принципу формирующего эксперимента и сочетать методы количественного и качественного анализа данных.

Для проверки гипотезы будут сформированы контрольные и экспериментальные группы студентов первых курсов различ-

ных направлений подготовки, которые уже успели познакомиться и сформировать некоторые отношения.

Обе группы будут опрошены на предмет готовности к сотрудничеству и совместной деятельности, психологического климата в их учебной группе, кроме того, будет составлена социометрическая экспликация межличностных отношений в группе.

Через 7 дней после первичного тестирования экспериментальной группе будет предложено сделать групповую фотографию, фотографом выступит член исследовательской команды. Снимок будет тут же будет продемонстрирован на экране в учебной аудитории, а также передан для размещения в группе социальной сети, где общаются студенты. Контрольная группа фотографироваться не будет.

После этого, в день фотографирования в обеих группах будет проведено повторное тестирование. Среди участников экспериментальной группы в течение недели после фотографирования будет также проведено глубинное интервью с целью изучения, как переживается и осмысляется опыт совместного фотографирования участниками группы.

Количественный метод будет представлен психологическим тестированием с использованием методик оценки уровня психологического климата коллектива А. Н. Лутошкина, диагностики готовности к сотрудничеству в совместной деятельности В. В. Курунова и Н. А. Айнулиной (Курунов, Айнулина, 2020). Для обработки данных будет использоваться метод математической статистики, анализ и интерпретация данных будет проводиться согласно описаниям используемых методик.

Качественный метод сбора данных будет представлен модифицированным методом социометрического исследования межличностных отношений в группе Дж. Морено, а также методом беседы по методике полуструктурированного интервью, главным исследовательским вопросом которого станет вопрос – как члены группы осмысляют и переживают свой опыт совместного фотографирования. При анализе качественных данных будет использован метод интерпретативного феноменологического анализа (IPA) по Дж. Смиту.

Ожидается, что в экспериментальной группе испытуемых мера сформированности групповой идентичности станет выше, увеличится готовность к сотрудничеству, а также улучшится психологический климат в коллективе. Следующим вопросом будет вопрос устойчивости этого эффекта.

Литература

Зайцева Ю. Е., Горюнова Ю. В. Жизненный сценарий молодых людей в полинарративной перспективе: культурные запреты и предписания постмодерна // Петербургский психологический журнал. 2021. № 37. С. 89–132.

Курунов В. В., Айнулина Н. А. Методика диагностики готовности к сотрудничеству в совместной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т 8. № 5.

Нуркова В. В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ: монография. М.: Юрайт, 2019.

Burgess M., Enzle M. E., Morry M. The social psychological power of photography: can the image-freezing machine make something of nothing? // European Journal of Social Psychology. 2000. V. 30. № 5. P. 613–630.

Прогрессивные и регрессивные саккады при решении ротационных задач*

К. А. Скуратова

Данное исследование направлено на анализ направления саккадических движений глаз при выполнении ротационной задачи, заключающейся во вращении двумерной фигуры по часовой или против часовой стрелки в условиях неизвестности направления вращения. Полученные результаты показали, что количество прогрессивных саккад (направленных слева направо) преобладает над количеством регрессивных саккад (направленных справа налево) вне зависимости от направления вращения фигуры.

Ключевые слова: ментальное вращение, движения глаз, саккады, айтрекинг.

Когда мы сталкиваемся с ротационной задачей, нам требуется ментально представить объект или фигуру в уме в другой ориентации или после определенного вращения без фактического движения. Этот процесс ментального вращения позволяет нам визуализировать изменения ориентации объекта и определить, как он будет выглядеть после вращения.

Процесс ментального вращения используется для решения различных ротационных задач, например:

* Работа выполнена при поддержке Госпрограммы 47 ГП «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (2019–2030), тема 63.3.0134-2019-0006.

– Задачи ментального вращения геометрических фигур: в таких задачах испытуемому показывают изображения геометрических фигур, и он должен представить, как фигура будет выглядеть после ментального вращения на заданный угол или в другую ориентацию.
– Задачи ментального вращения карт и планов местности: в этом случае испытуемому предоставляют карты или планы местности, и он должен ментально представить, как изменится расположение объектов после вращения карты.

Ментальное вращение играет ключевую роль в решении ротационных задач, поскольку позволяет нам манипулировать объектами в уме и представлять их в различных ориентациях без необходимости фактического движения (Shepard, Cooper, 1982). Этот процесс также позволяет изучать пространственные способности человека, его пространственное восприятие и визуализацию, а также может быть связан с различными аспектами когнитивной деятельности и активностью мозга.

Основные этапы, которые обычно совершаются при ментальном вращении:

– Восприятие и визуализация. На этом этапе человеку предоставляется начальное изображение объекта или фигуры в определенной ориентации. Испытуемый воспринимает эту начальную конфигурацию и ментально визуализирует объект в уме.
– Пространственное представление. Затем происходит ментальное представление объекта в другой ориентации или после вращения. Этот этап включает в себя изменение ориентации, угла или положения объекта согласно условиям задачи.
– Ментальное вращение. На этом этапе фактически выполняется ментальное вращение объекта в уме. Испытуемый ментально вращает объект или фигуру вокруг оси или на определенный угол согласно заданной инструкции.
– Проверка результата. После выполнения ментального вращения, испытуемый устанавливает новую ориентацию объекта и сравнивает ее с исходной или с требуемой конечной конфигурацией из задачи.
– Ответ. В конце испытуемый предоставляет ответ на задачу, основанный на его представлении о конечной ориентации объекта после вращения.

Важно отметить, что ментальное вращение может быть разной степени сложности в зависимости от характеристик задачи и ин-

дивидуальных различий у испытуемых. Тренировка и практика могут помочь улучшить способности ментального вращения и помочь лучше справляться с различными ротационными задачами.

Глобальной целью данного исследования является попытка ответить на вопрос, в какую сторону проще ментально вращать двумерную фигуру – по часовой стрелке или против часовой стрелки. Для этого мы проанализируем движения глаз при решении ротационных задач, требующих ментальное вращение двумерной фигуры по часовой или против часовой стрелки. Особенностью данного исследования является то, что инструкция не содержит указания на направление вращения.

Методы исследования

Задача испытуемых заключалась в мысленном вращении фигуры по часовой или против часовой стрелки (направление вращения было неизвестно) и определении, какая из четырех ниже представленных фигур соответствует ей. Только один вариант ответа был правильным. Неправильные ответы были представлены трех типов:

– отраженная фигура;
– отраженная и повернутая фигура;
– измененная и повернутая фигура.

Всего испытуемым требовалось выполнить 20 заданий. Задания предъявлялись в рандомизированном порядке. Время не ограничивалось, переход к следующему заданию осуществлялся после ответа на предыдущее.

В процессе выполнения заданий регистрировалась глазодвигательная активность испытуемых при помощи программно-аппаратного комплекса «Нейробюро» (Скуратова и др., 2022).

В выборку вошли 50 человек, средний возраст 23,5 лет. Выборка нормирована по полу. У всех испытуемых было нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Статистическая обработка осуществлялась при помощи t-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

Результаты исследования

Одной из первых исследовательских задач стало сравнение количества прогрессивных и регрессивных саккад в зависимости от направления ментального вращения. Прогрессивные саккады направлены слева направо, регрессивные – справа налево.

Статистически значимые различия между количеством прогрессивных и регрессивных саккад были получены только для фигуры, являющейся заданием.

При ментальном вращении фигуры по часовой стрелке испытуемые в среднем совершали 2,71 прогрессивную саккаду и 2,17 регрессивных саккад ($t = 3{,}20$, $p < 0{,}01$).

При ментальном вращении фигуры против часовой стрелки испытуемые в среднем совершали 2,49 прогрессивных саккад и 2,31 регрессивных саккад ($t = 2{,}39$, $p < 0{,}05$).

Таким образом, проведенное исследование не подтвердило наши предположения о том, что фигуры, повернутые по часовой стрелке, вращаются преимущественно при помощи прогрессивных саккад, а фигуры, повернутые против часовой стрелки, вращаются преимущественно при помощи регрессивных саккад. Но подобные результаты движений глаз при вращении фигур, повернутых против часовой стрелки, могут быть связаны с тем, что инструкция не содержала указания на направление вращения, а человеку привычнее вращение по часовой стрелке. Скорее всего, испытуемый начинает вращать любую фигуру по часовой стрелке, совершая в основном прогрессивные саккады. И только определив направление вращения меняет свою стратегию, а значит, и направление саккад. В защиту этой гипотезы говорит меньшая разница между прогрессивными и регрессивными саккадами при вращении фигур против часовой стрелки.

Проверить вышесказанное предположение можно двумя способами:

– провести исследование, в котором часть стимулов будет сопровождать инструкция, содержащая пояснения о необходимом направлении вращения;
– более подробно проанализировать уже полученные результаты, акцентируя свое внимание на изменение движений глаз в процессе решения ротационной задачи в попытке обнаружить временную точку изменения стратегии вращения.

Литература

Скуратова К. А., Шелепин Е. Ю., Шелепин К. Ю. Программные возможности применения метода айтрекинга в исследованиях зрительного восприятия // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 4. С. 173–187.

Shepard R., Cooper L. Mental images and their transformations. Cambridge, MA: MIT Press, 1982.

Духовность как условие развития общества в концепции С. Л. Франка

Е. А. Смирнова

В статье отмечается актуальность поиска теоретико-методологических оснований для осмысления и изучения последствий изменений в структуре современного общества. В рамках этой тенденции предлагается рассмотреть роль духовности как условия развития общества в свете социально-психологического аспекта концепции С. Л. Франка. Делается вывод о значимости творческой духовно-нравственной активности личности в становлении и осмыслении общественных отношений: личность является двигателем развития общества, а духовность, в свою очередь, определяется Франком как условие развития личности.

Ключевые слова: духовность, личность, общественные отношения, соборность, Франк.

Согласно современным исследованиям, психологическая практика все чаще имеет дело с проблемой утраты смысложизненных ориентиров, кризиса идентичности, разобщенности людей. По мнению ученых, это связано с изменениями в структуре современного общества: быстрое развитие технологий приводит к изменению способов мышления и восприятия действительности, разрушаются связи с традиционными ценностями и культурным наследием (Гостев, 2020). Что, в свою очередь, обуславливает актуальность поиска теоретико-методологических оснований для осмысления и изучения отмечаемых тенденций.

Исследования, посвященные специфике развития российского общества, свидетельствуют о необходимости возвращения к духовно-культурной самобытности народа, традиционным ценностям и к углубленному изучению этого процесса сквозь призму научно-психологического знания (Кольцова, 2008). В связи с этим, в психологической науке наблюдается закономерный интерес к изучению философско-религиозной мысли второй половины XIX–начала XX веков. Целью данной статьи является анализ роли духовности в социально-психологическом аспекте концепции представителя «русского духовного Ренессанса», основателя философской психологии Семёна Людвиговича Франка (1877–1950 гг.). Содержание его научных трудов представляет собой теоретико-методологический фундамент построения психологии духовности человека и общества (Фролова, 2022). По мнению автора, представление С.Л. Франка о социальной жизни как о жизни в первую очередь духовной, становится все более актуальными в свете вызовов, рисков, угроз, с которыми сталкивается современное человечество.

Одним из ключевых в социально-психологической концепции Франка является труд «Очерк методологии общественных наук» (1922). Франк пишет о необходимости анализа общественных явлений сквозь призму изучения индивидуального сознания и его связи с общественным сознанием. Проблема научного определения общественного идеала решалась им путем признания учения о добре и зле – этики – основой, выражением внутреннего существа общества как такового. Путем к постижению этого идеала С.Л. Франк видел углубленное усмотрение единства общественного бытия: согласно его концепции, средой, в которой зарождаются социальные связи, является Всеединство – вневременное и внепространственное. Само пространство разделяется на первичную реальность и объективную действительность, данную человеку в непосредственном опыте в определенный момент времени (отрезок бытия, который может быть воспринят нашими органами чувств и когнитивными способностями).

Моментом зарождения общественных отношений является миг встречи двух «я». Франк описывает межличностное общение как нечто отличное от обычного столкновения объектов реальности. Человеческое общение подразумевает более высокую и качественную ступень взаимодействия, происходящего на уровне взаимного восприятия и понимания через визуальные и слуховые сигналы, и окрашенного определенным (положительным или отрицательным) впечатлением. Часть этих связей в дальнейшем укреп-

ляется и образует устойчивые структуры, такие как семья, государство, право, которые, сформировавшись, приобретают свойство объективной реальности, независимой от нашего восприятия.

Центральной идеей социально-психологической теории Франка является идея соборности – вневременного и внепространственного единства, пронизывающего различные социальные структуры. Соборность – это не идеальная цель, к которой нужно стремиться, а повседневная реальность совместной жизни людей. Рассматривая соборность, Франк видит в ней форму существования первичной реальности, не зависящую от воли человека, и приходит к выводу, что полное раскрытие личности возможно только в рамках коллектива. Франк уделяет особое внимание значимости индивидуальности в построении гармоничного сообщества. Соборность, являясь, по сути, исконным единством «мы», не только соединяет индивидуальные части («я» и «ты»), но и внутренне присуща каждому индивидуальному сознанию.

Значимость личности в становлении и изучении общественных отношений определяется Франком тотально – «мир очеловечен, и постичь его можно через человека» (Франк, 1997, с. 318). Все объективное бытие является результатом творческой активности, исходящей от множества личностных начал, сущность мира заключается в совокупности совершенно индивидуальных и творчески свободных личностей. Именно личность, как единство основных и наиболее стабильных элементов внутреннего мира человека, определяющих его уникальность и независимость, является двигателем развития общества.

Будучи субъектом душевной жизни индивида, личность выступает создателем и носителем духовных ценностей. В то же время, духовность является условием развития личности, онтологической характеристикой человеческого в человеке, вне которой человек рассматривается Франком как представитель, в первую очередь, животного мира (Франк, 1992). По мнению С. Л. Франка, духовность актуализируется именно в социальной жизни человека, формируясь под влиянием религии, воспитания, внутренней воспитательной политики государства, и проявляется во всех аспектах межличностных взаимодействий. В то же время, духовность также является результатом взаимодействия человека с окружающей средой и социальным, в частности, историческим опытом. Человек становится духовно богаче, усваивая знания, ценности и традиции своего окружения и преобразуя их в свой личностный опыт.

Концепция С.Л. Франка предстает целостным учением, в котором переплелись идеи христианской антропологии, традиции русской и европейской философии, элементы психологических разработок XIX–XX вв. Особое место в ней занимает вопрос духовности и ее роли в развитии личности и общества: без поиска духовных основ их жизнь останавливается, так как она, по своей сущности, является непрерывным творчеством, требующим нравственной и духовной активности. В свете этого, с фундамента созданной Франком «философской психологии», открываются дальнейшие перспективы развития российского общества, а также понимания опасностей духовно-нравственной трансформации человечества (Гостев, 2020).

Литература

Гостев А.А. Психологические и духовно-нравственные проблемы современного человека: риски–угрозы–вызовы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4. С. 35–66.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Франк С.Л. Духовные основы общества: сборник. М.: Республика, 1992.

Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997.

Фролова С.В. Психология духовности С.Л. Франка (К 145-летию ученого). Часть I. Предпосылки становления и исходные теоретические положения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 4. С. 144–170.

Стили юмора и психологическое благополучие пожилого человека

Е. И. Смолянская

Изучение различных факторов психологического благополучия пожилых людей привлекает все большее внимание исследователей. Отмечается важность исследования благополучия в соотношении с целой системой факторов. Зарубежные и российские авторы рассматривают юмор как один из факторов, оказывающих влияние на благополучие. В данной работе осуществлено эмпирическое исследование на выборке пожилых людей с целью обнаружения связей между стилями юмора и психологическим благополучием. Анализ результатов выявил, что мужчины чаще, чем женщины используют агрессивный стиль юмора. Обнаружены положительные корреляции между самоподдерживающим стилем юмора и шкалами психологического благополучия (*у женщин это «автономия» и «личностный рост», у мужчин – «личностный рост» и «самопринятие»*).

Ключевые слова: юмор, психологическое благополучие, пожилой возраст.

Из всех современных демографических процессов наиболее заметным и непростым по своим последствиям является процесс старения населения, что объясняет актуальность исследования феномена психологического благополучия человека в позднем онтогенезе.

Психологическое благополучие определяют как многомерное психическое явление, включающее в себя определенные компоненты, такие как: эмоции и настроение, отношения с окружающи-

ми, цели в жизни, стремление к личностному росту и др. (Скорынин, 2020).

Исследования объективных показателей в структуре благополучия личности, таких как национальность, пол, физические параметры, возраст, уровень благосостояния, уровень образования, семейное положение, выявили, что на их долю приходится лишь 10% от общего объема показателей. Индивидуально-психологические характеристики человека имеют определяющее значение в структуре субъективного благополучия (Ворожейкин, 2022).

Современные исследования выявляют связь психологического благополучия с личностными особенностями, например, с особенностями ценностной сферы, со свойствами темперамента (Дубовик, 2022), с субъективным восприятием своего возраста (Сергиенко, 2020), стилем юмора (Шиляева, Грушина, 2019), адаптивностью, устойчивостью, жизнестойкостью (Карапетян, Глотова, 2020), с используемыми способами совладания (Fischer et al., 2021; Guo et al., 2023), с наличием отношений и независимостью, с продолжением социально значимой жизни (Ferguson, 2020), с включенностью в социальное взаимодействие, социальные связи, трудовую занятость (Кутовая, 2022), с автономией, предполагающей выбор просоциального поведения (Rinner et al., 2022).

По мнению исследователей юмор может применяться как стратегия преодоления как внешних, так и внутренних психологических проблем (Dozois et al., 2009), выполнять конструктивную или деструктивную роль, посредством использования различных стилей юмора: адаптивных – самоподдерживающий и аффилиативный, а также неадаптивных – агрессивный и самоуничижительный (Мартин, 2009)

В данном исследовании предпринята попытка определения связей между используемым стилем юмора и психологическим благополучием.

Цель исследования: изучить и сопоставить взаимосвязи между стилями юмора и шкалами психологического благополучия у женщин и мужчин пожилого возраста.

Гипотезы исследования:

1. Показатели психологического благополучия будут выше при использовании адаптивного стиля юмора как у мужчин, так и у женщин пожилого возраста;
2. Мужчины и женщины пожилого возраста будут отличаться репертуаром используемых стилей юмора.

Методики:

1. Опросник стилей юмора Р. Мартина (Иванова, Митина, Зайцева, Стефаненко, Ениколопов, 2013).
2. Шкалы психологического благополучия К. Рифф (Шевеленкова, Фесенко, 2005).

В настоящем исследовании приняли участие 92 респондента в возрасте от 60 до 73 лет, жители Москвы и Московской области, давшие информированное согласие на участие в исследовании, с баллами теста SAGE выше 17. В выборку вошли 39 мужчин и 53 женщины, средний возраст составил 63,67±2,55 и 64,36±3,35, соответственно.

Результаты эмпирического исследования

Результат корреляционного анализа r Спирмена на выборке женщин выявил:

– положительную взаимосвязь между самоподдерживающим стилем юмора и общим баллом психологического благополучия ($r = 0{,}307$, $p < 0{,}05$), автономией ($r = 0{,}303$, $p < 0{,}05$) и личностным ростом ($r = 0{,}361$, $p < 0{,}01$);
– отрицательную корреляцию между самоуничижительным стилем юмора и психологическим благополучием ($r = -0{,}380$, $p < 0{,}01$), автономией ($r = -0{,}333$, $p < 0{,}05$), личностным ростом ($r = -0{,}300$, $p < 0{,}05$), целями в жизни ($r = -0{,}391$, $p < 0{,}01$).

Среди респондентов мужчин выявлены положительные взаимосвязи между самоподдерживающим стилем юмора и личностным ростом ($r = 0{,}379$, $p < 0{,}05$), а также самопринятием ($r = 0{,}337$, $p < 0{,}05$).

В ходе сравнительного анализа результатов мужчин и женщин пожилого возраста с помощью критерия Манна–Уитни были установлены достоверные различия по показателю «агрессивный» стиль юмора ($p < 0{,}05$). В группе мужчин значение показателя выше, чем у женщин (30,76±6,84 и 26,98±6,59, соответственно).

Согласно полученным данным самоподдерживающий адаптивный стиль юмора положительно взаимосвязан со шкалами психологического благополучия, как у женщин, так и у мужчин пожилого возраста, и может рассматриваться как важный ресурс благополучия. У женщин неадаптивный самоуничижительный стиль юмор отрицательно взаимосвязан со шкалами психологического благополучия.

Полученные результаты частично подтвердили гипотезу о связи между адаптивным самоподдерживающим стилем юмора и психо-

логическим благополучием. В отношении аффилиативного стиля юмора значимых связей с психологическим благополучием выявлено не было.

В свою очередь, сравнительный межгрупповой анализ выявил более высокие показатели в части использования пожилыми мужчинами агрессивного стиля юмора.

Наиболее значимым ограничением мы считаем возможное проявление социальной желательности в ответах пожилых людей.

В перспективе мы планируем исследование благополучия пожилого человека в соотношении с различными факторами.

Литература

Ворожейкин С. А. Теоретические подходы к изучению феномена субъективного благополучия // Известия Саратовского университета. Акмеология образования. Психология развития. 2022. Т. 11. № 4. С. 295–390.

Мартин Р. Психология юмора. СПб.: Питер, 2009.

Онто- и субъектогенез психического развития человека / Под. ред. Н. Е. Харламенковой, В. В. Знакова, Е. А. Сергиенко, Н. Н. Казымовой. М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.

Образ матери у девушек со склонностью к нарушениям пищевого поведения

Е. Ф. Соболева

Статья посвящена изучению образа матери у девушек, не страдающих клиническими формами расстройства пищевого поведения, однако имеющих склонность к нарушенному пищевому поведению, что мешает им выстраивать гармоничные отношения с едой. Обосновывается правомерность гипотезы о том, что у девушек с проблемами пищевого поведения образ матери будет ассоциирован с негативными характеристиками такими как «вина», «гнев», «ярость» и др. Статья содержит план эмпирического исследования, направленного на выяснение, какими характеристиками наполнен именно образ матери у девушек с пищевыми проблемами, так как мать с самого рождения находится рядом с ребенком и оказывает на него непосредственное влияние.

Ключевые слова: нарушения пищевого поведения, девушки, образ матери, эмоциональные особенности.

Проблема нарушений пищевого поведения является малоизученной, однако очень важной. По данным статистики Национальной ассоциации нервной анорексии и связанных с ней расстройств 9% людей планеты страдают от расстройств пищевого поведения, однако это лишь диагностированные клинические случаи, помимо которых существует немалое количество более легких, но мешающих жить случаев.

В последние годы проводится большое количество исследований в этой области, но изучены не все взаимосвязи, влияющие

на развитие нарушения пищевого поведения (далее НПП). Данная работа посвящена изучению взаимосвязи образа матери у дочери и возникновения у второй НПП, так как фигура матери является значимой для каждого ребенка. Именно мать находится рядом с самого рождения ребенка и непосредственно влияет на формирование его личности посредством воспитания. Работа поможет расширить знания о данной взаимосвязи, что в свою очередь положительно скажется на процессе изучения проблемы НПП в целом.

Для начала стоит дать определение ключевому понятию работы. Пищевое поведение – ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в обыденных условиях и в ситуации стресса – включает ориентацию на образ собственного тела и деятельность по его формированию (Менделевич, 2007).

Проблема влияния фигуры матери в становлении НПП у девушек, затрагиваемая в нашей работе, исследуется разными авторами. Так, А. В. Занозин выявил взаимосвязь между микроклиматом внутри семьи и риском развития НПП у ребенка (Занозин, 2022). Оказалось, что матери детей, которые страдают от НПП, ведут себя либо гиперопекающе, либо чересчур отстраненно, отвергающе, не проявляя никакого интереса к жизни ребенка.

К. В. Болотина в более свежей статье описывает картину семейных отношений, которая схожа с тезисами А. В. Занозина: матери девушек с проблемами пищевого поведения являются директивными, чрезмерно строгими, гиперопекающими, однако одновременно с повышенным вниманием к дочерям, они не уделяют должного количества внимания их чувствам и эмоциям, из-за чего девушки чувствуют себя одинокими и беспомощными, пытаясь справиться с этим с помощью еды (Болотина, Григорян, 2021).

Также отмечается, что большую роль в формировании пищевого поведения играет копирование родительского поведения, что может негативно сказаться на ребенке. Так, Коффман и его соавторы выяснили, что дочери матерей, которые сидели на диетах, с большей вероятностью садились на них до 11 лет (Coffman et al., 2016). Это может сигнализировать о бесцельном копировании дочерью поведения, однако этим действием еде придается особое значение, что может привести к развитию проблем в будущем.

В современных исследованиях роль матери в формировании НПП представлена в виде выделения характерного типа матери, которой свойственны следующие качества: либо проявление гиперопеки, либо, наоборот, безразличие к ребенку и отстраненность; склонность к чрезмерному контролю; поощрение контроля

веса ребенка и высказывание негативных замечаний насчет внешнего вида ребенка.

Исходя из этого мы можем предположить, что у дочерей формировался некоторый генерализованный образ матери, который включает личностные, эмоциональные и поведенческие особенности. В дальнейшем в работе мы будем использовать понятие «образ матери», под которым понимается субъективное представление дочери о личностных, эмоциональных, поведенческих особенностях матери, которые сформировались на основе устойчивых отношений/воспитательных действий.

Целью исследования является выявление особенностей образа матери, которые являются характерными для девушек, имеющих склонность к НПП.

Гипотеза исследования звучит следующим образом: у девушек со склонностью к НПП образ матери будет характеризоваться негативными качествами, что будет выражаться в положительной корреляции между показателями оценки стимула «мать» и «вина», «гнев», «ярость», «совершенство» в отличие от девушек, у которых этой склонности нет.

Характеристика выборки: Общее количество испытуемых 100 человек. В силу слабого выявления склонности к НПП с помощью запланированной нами для применения методики, мы считаем необходимым собрать данные со 100 человек, чтобы набрать необходимое количество людей в экспериментальную группу.

Критерии включения испытуемых в исследовательскую выборку:

1. Пол – женский. Планируется однородная по полу выборка.
2. Возраст 17–18 лет.
3. Наличие матери в детстве и в настоящее время.

В качестве испытуемых нами была выбрана группа из девушек. Половой критерий является значимым, так как по статистике нервная булимия и нервная анорексия встречается у женщин в 10–20 раз чаще, чем у мужчин.

Авторы статьи «Eating disorders: What age at onset?» (Volpe et al., 2016) пишут, что средний возраст НПП – 18 лет, в этом возрасте количество проявления НПП самое высокое. Отношение матери в данный период является значимым и может оказывать значительное влияние на формирование физического Я и развитие НПП.

В качестве инструментов для исследования были выбраны методики:

1. Скрининговый опросник пищевого поведения EAT-26 (Eating Attitude Test).
2. Личностный семантический дифференциал Осгуда.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных:

1. Метод ранговой корреляции Спирмена.
2. U-критерий Манна–Уитни для независимых выборок.

Предполагаемые результаты: после прохождения испытуемыми всех трех опросников мы получим массив данных по ним.

По семантическому дифференциалу для каждого испытуемого после перевода шкал в нисходящие (7–1)/восходящие (1–7) мы получим индивидуальную матрицу ответов, содержащую оценки всех слов-стимулов по 21-й шкале. Далее с помощью метода ранговой корреляции по Спирмену мы создадим индивидуальные корреляционные матрицы, где будут отображены связи между стимулами. На основе выявленных связей мы получим корреляционные плеяды для каждой из девушек. Каждая плеяда будет отражать, чем наполнен образ матери в каждом отдельном случае.

Затем мы выделим типовые корреляционные плеяды для групп, в которых у девушек выявлена и в которой не выявлена склонность к НПП, и сравним результаты.

Применительно к выдвинутой нами гипотезе возможно несколько вариантов исхода и их интерпретаций.

В случае подтверждения гипотезы мы сможем сделать вывод о том, что образ матерей, чьи дочери имеют склонность к НПП, наполнен эмоциями вины, страха, стыда, что будет свидетельствовать о связи подобного образа матери с наличием пищевых проблем у девушки, что в свою очередь будет говорить об истинности связей, выявленных авторами, на исследования которых мы опирались, и поможет в дальнейшем в работе с девушками со склонностью к НПП.

В случае неподтверждения гипотезы мы сможем проинтерпретировать это следующим образом: негативные черты образа матери, ассоциирующиеся с эмоциями вины, страха, стыда, не являются значимым фактором формирования склонности к НПП. У девушек могла начать формироваться склонность к НПП из-за ряда других факторов, так как мать является лишь одним из ключевых аспектов формирования склонности к НПП, а не единственным.

Литература

Болотина К. В., Григорян Е. Н. Связь детско-родительских отношений и нарушений пищевого поведения у девушек // Актуальные проблемы психологии личности: Сборник научных трудов / Под науч. ред. Н. Н. Васягиной, Е. Н. Григорян. Т. 18. 2021. С. 41–49.

Занозин А. В. Клинико-эпидемиологические и психопрофилактические аспекты нервной анорексии: автореф. дис. канд. мед. наук. М., 2002.

Менделевич В. Д. Пищевые зависимости, аддикции – нервная анорексия, нервная булимия // Руководство по аддиктологии. 2007. С. 406–416.

Coffman D. L., Balantekin K. N., Savage J. S. Using propensity score methods to assess causal effects of mothers' dieting behavior on daughters' early dieting behavior // Childhood Obesity. 2016. V. 12. № 5. P. 334–340.

Volpe U., Tortorella A., Manchia M., Monteleone A., Albert U., Monteleone P. Eating disorders: What age at onset? // Psychiatry Research. 2016. P. 225–227.

Нивелирование недостатков геймифицированной диагностики девиаций поведения с помощью конативной эмпатии*

Е. В. Соловьева

В статье рассмотрены варианты нивелирования недостатков геймификации. В современных психологических исследованиях все чаще встречается метод исследования диагностики в виде геймификации психологического тестирования. Существуют ограничения данного метода, которые можно устранить с помощью грамотного внедрения механизма конативной эмпатии: респонзивности, т. е. изменения себя в ответ. Конативная эмпатия позволяет избежать искажения восприятия, поскольку ее реализация происходит во внешнем, поведенческом плане.

Ключевые слова: конативная модель геймификации, респонзивность, киральность, эмпатия.

Современные тенденции направлены на создание новых методов диагностики девиантного поведения. Развитие психологической науки подчеркивает создание нового типа профессий, нового типа мышления, непосредственно связанное с технологиями и их усовершенствованием (Гильманова, 2019; Карпов и др., 2023). Пере-

* Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 года, проект № GM-2023-4 «Программа для психологической диагностики и выявления зон риска девиантного поведения в образовательных учреждениях».

ход к геймификации становится более очевидным с появлением дистанционных форм обучения, переходом к цифровым методам обучения и воспитания. Выделяются существенные ограничения геймификации по сравнению со стандартными методами диагностики психологических качеств. Мы обобщенно определим их в три основных недостатка геймификации как метода диагностики.

1. Атипичная мотивация прохождения в игре по сравнению с традиционным психологическим тестом. Испытуемый вместо того, чтобы демонстрировать стратегию поиска компромисса, решения, придерживается агрессивного ответа на разрешение конфликта (Плякин, Костригин, 2017).
2. Недостаточная экологическая валидность игры по сравнению с психологическим тестированием наблюдается многими исследователями. А. Г. Шмелев, И. А. Лисица описывают феномен таким образом: «В виртуальной игровой среде пользователи демонстрируют значительно большую свободу и раскрепощенность в своих действиях, ибо последствия ошибок в этом случае не являются тяжелыми и сводятся к банальным затратам лишнего времени на их исправление» (Шмелев, Лисица, 2016).
3. Преобладание эмоциональной включенности над поведенческой, рациональной идентификации. Мы самостоятельно выделяем данных недостаток, с опорой на анализ литературы, и говорим о существенной аффективной эмпатии вместо конативной эмпатии, что приводит к искажениям восприятия, таким как эффект киральности (Кашапов и др., 2022).

Методы. Разрешение основных недостатков мы видим в следующем проекте по созданию конативной модели геймифицированной методики диагностики.

Основная цель проекта – разработать модель для программы психологической диагностики и выявления зон риска девиантного поведения в образовательных учреждениях.

Для метаанализа использованы материалы наших исследований девиантного поведения и впервые проведена их системная обработка. Для установления показателей первого исследования использованы следующие опросниковые методики:

1. Для определения выраженности параметров эмпатии выбран тест В. В. Бойко диагностики уровня эмпатических способностей.

2. Для выявления признаков авторитарной личности использована методика Т. Адорно, Э. Френкель-Брунсвик, Д. Левинсона, Р. Сэнфорд «Шкала фашизма».

В качестве испытуемых выступили студенты первого курса Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (в общем количестве – 125 человек). Процедура первого исследования заключалась в проведении опроса в первом семестре обучения (сентябрь 2020 года).

Второе исследование проведено на студентах первого курса, факультетов: экономического, юридического и психологического. Общее число испытуемых – 281 человек. Использовались методика эмпатии В. В. Бойко и тест мотивов аффилиации А. Мехрабиана, который содержит в себе две шкалы: шкала стремления к людям и шкала боязни быть отвергнутым. Дополнительно: методика оценка рефлексивности А. В. Карпова.

В результате статистической обработки с помощью программы Statistica были установлены: корреляционная матрица взаимосвязей. Применен регрессионный анализ.

Результаты исследования. Мы получили данные, которые способствуют построению конативной эмпатической модели геймификации для диагностики девиаций. Для нивелирования недостатков, мы сопоставили данные исследований и ограничения метода геймификации.

1. Атипичная мотивация. В исследовании были установлены взаимосвязи с проникающей способностью в эмпатии и мотивами аффилиации: страх отвержения и стремления к принятию. Чем выше проникающая способность, тем ниже страх отвержения ($r = -0{,}23$, $p \leq 0{,}001$). Чем выше проникающая способность, тем выше стремление к принятию ($r = 0{,}20$, $p \leq 0{,}001$). Подробнее описано в наших предыдущих работах (Кашапов и др., 2022). При воздействии механизма конативной эмпатии (т. е. эмпатии поведения), мы можем получить нивелирование недостатка атипичной мотивации. Необходимо использовать воздействие эффекта респонзивности (изменения в ответ) с целью получения реакции «нормальной», естественной мотивации испытуемого. На наш взгляд, решение проблемы атипичной мотивации кроется в создании условий, где испытуемый проявляет эмпатию во внешнем плане, именно конативно.
2. Недостаточная экологическая валидность. Разрешением является вновь повышение уровня именно конативной включен-

ности в процесс прохождения тестирования. В наших исследованиях было обнаружено, что параметры эмпатии, которые выражаются поведенчески, внешне, такие как проникающая способность в эмпатии, идентификация – почти не взаимосвязаны с рефлексией деятельности. В отличии от эмоционального канала эмпатии, который сильно положительно связан с рефлексией деятельности ($r = 0{,}25$, $p \leq 0{,}001$).

3. Преобладание эмоциональной включенности над поведенческой эмпатии. При рассмотрении регрессии, вкладов параметров эмпатии в зависимую переменную в виде компонентов подверженности антидемократии обнаружено, что только один компонент фашизации может быть объяснен с помощью параметров эмпатии. Компонент Е или «Суеверность и стереотипизм» – вера в мистическое предначертание собственной судьбы; предрасположенность к мышлению в жестких категориях. С помощью стандартного метода регрессионного анализа, мы учли все выбранные независимые переменные без оптимизации структуры данных. Получены вклады каждой переменной, лишь одна является существенно значимой – интуитивный канал эмпатии.

Е = 14,970 + 0,220 * РЭ + 0,380 * ЭЭ + 1,310 * ИЭ + 0,297 * СЭ + 0,676 * ПС – 0,735 * И

Процент объясненной дисперсии = 18,350%, а оставшейся = 81,650%.

Тем самым можно заметить, что только эмоциональная, интуитивная составляющая эмпатии может дестабилизировать процесс восприятия другого. Нужно переводить эмпатию на поведенческий уровень, тем самым нивелировать недостаток погружения в игровой мир.

Выводы

Нами установлены факты, которые являются основой для создания именно конативной модели диагностики девиантного поведения. Конативность в модели как характеристики эмпатического понимание другого во внешнем плане. В процессе геймификации психологической методики важно учитывать создание условий погружения испытуемого в мир принятия решений, а не просто эмоционального сопереживания. Испытуемый должен проявлять идентификацию героям в виде выборов, в виде собственного проживания событий, реагировать самостоятельно и изменяться в ответ на ситуацию. Подобный механизм называется эффектом

респонзивности открытой динамичной самоорганизующейся системы. Необходимо учитывать факт принятия и реализации данного механизма. Эмпатия при свертывании вовнутрь, может принимать форму зеркальных искажений, киральности, что способствует раскрытию ее «темных сторон». Эмпатичный испытуемый, который не реализует свой потенциал в виде собственных решений, может погрузиться в переживания и интуитивные сомнения, что создаст множество искажений восприятия.

Литература

Гильманова И. С. Геймификация как современный психологический метод нематериальной мотивации // Сборник статей тридцать второй международной научной конференции «человекознание»: Сборник статей студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава. Кемерово: ИД «Плутон», 2019. С. 8–11.

Карпов А. В., Карпова Е. В., Чемякина А. В. Закономерности развития метакогнитивной регуляции информационной деятельности в процессе профессиональной подготовки // Перспективы науки и образования. 2023. № 3. С. 457–475. doi: 10.32744/pse.2023.3.27

Кашапов М. М., Смирнов А. А., Соловьева Е. В. Эмпатия как интерсубъектный ресурс вузовской адаптации студентов в условиях цифровизации образовательной среды // Перспективы науки и образования. 2022. № 2. С. 153–167. doi: 10.32744/pse.2022.2.9

Плякин И. А., Костригин А. А. Эволюция проективных психодиагностических методов: от ассоциативных словесных методов к компьютерной геймификации // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Т. 3. М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2017. С. 136–141.

Шмелев А. Г., Лисица И. А. Компьютерное тестирование и геймификация: перспективы мониторинга функционального состояния работников в эпоху компьютеризации психодиагностики // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2016. № 4. С. 98–109. doi: 10.11621/vsp.2016.04.98

Рассмотрение социального обмена эмоциями как процесса*

Е. С. Спирина

В статье рассматривается социальный обмен эмоциями как процесс, обозначается его связь с познавательными, волевыми, эмоциональными процессами, формулируется определение данного феномена как процесса.

Ключевые слова: социальный обмен эмоциями, психические процессы.

Социальный обмен эмоциями (СОЭ) привлекает внимание зарубежных исследователей с 1990-х годов. Б. Риме, О. Люминет, П. Бутс, Ф. Делия, А. С. Р. Мэнстед понимают под ним выражение эмоций на социально разделяемом языке. Б. Риме определил его функции, виды, механизм уменьшения интенсивности эмоций (Rime, 2009). Н. Р. Харп, М. Нета, Г. В. С. Ма, Дж. П. Шене, Б. Паркинсон изучали СОЭ как способ совладания с кризисными ситуациями, П. Ан, Ф. Чжан, П. Маркопулос, М. Шуль – как способ регулирования эмоций. Количество работ, посвященных СОЭ, увеличивается, к нему начали проявлять интерес и российские исследователи, но вопрос родовой принадлежности СОЭ еще не рассматривался. Б. Риме называет СОЭ процессом, указывая на его протяженность во времени (Rime, 2009), но нам не удалось обнаружить в трудах

* Автор выражает благодарность своему научному руководителю канд. психол. наук, доценту, заведующей кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ Е. С. Игнатовой.

ученых подробное описание данного феномена как процесса. Между тем оно позволило бы сконцентрироваться на новых аспектах в его изучении.

Основываясь на теоретических исследованиях Б. Риме, эмпирических исследованиях К. Т. Родригеса-Идальго, Э. С. Х. Тана, П. В. Дж. Верлега, П. Ана, Ф. Чжана, П. Маркопулоса, М. Шуля, мы выдвинули гипотезу, что СОЭ можно рассматривать в качестве процесса.

Цель нашей работы – описать СОЭ как процесс. Материалы исследования – работы таких зарубежных ученых, как П. Ан, Ф. Чжан, П. Маркопулос, М. Шуль, П. Филиппот, С. Бока, Б. Мескита, О. Люминет, П. Бутс, Ф. Делия, А. С. Р. Мэнстед, Н. Р. Харп, М. Нета, С. В. Чае, С. Х. Ли, Г. В. С. Ма, Дж. П. Шене, Б. Паркинсон, К. Т. Родригес-Идальго, Э. С. Х. Тан, П. В. Дж. Верлег. В работе мы обращались к методу анализа, сопоставления.

Методологическая основа исследования – теория СОЭ Б. Риме, классификация психических явлений А. Г. Маклакова, разработанная Ф. Е. Василюком схема динамической системы переживания.

В результате исследования мы выяснили, что основанием для рассмотрения СОЭ в качестве процесса является тройственная природа данного феномена. СОЭ, так как он имеет характерные для коммуникации компоненты (адресата, адресанта, сообщение, его кодирование, декодирование), можно рассматривать в качестве коммуникации, определяемой Г. М. Андреевой, Е. Л. Доценко как процесс обмена информацией, в качестве переживания-рассказа, на фоне которого развивается переживание-процесс (Василюк, 2005), в качестве эмоциональной регуляции – процесса, по словам Р. Дэвидсона, служащего для усиления, ослабления, поддержания силы эмоциональных реакций.

Психические процессы имеют начало, течение и конец (динамические характеристики), становятся основой для формирования знаний, умений, навыков, состояний (Маклаков, 2012).

Начало СОЭ – инициирование разговора адресантом о своем эмоциональном опыте (реплики, предваряющие выражение эмоций, («Ты не представляешь, что я недавно пережил»), описывающие эмоции («Мне вчера было очень грустно»), связанные с ними обстоятельства) или чувствах собеседника («Ты чем-то расстроен»).

Течение СОЭ предполагает монологическую или диалогическую форму, в рамках которой собеседник делится эмоциями, которые испытывал в ситуациях, подобной рассказанной адресантом, чувствами, вызванными услышанным, эмпатически откликается

на его переживания, формулирует реплики, способствующие реализации функций СОЭ когнитивной направленности, а именно коррекции целей, когнитивных схем, моделей поведения, реорганизации мотивов, переосмыслению, переоценке событий, прояснению обстоятельств (S. Boca, B. Mesquita, P. PhiliPot, B. Rime, 1992), делится собственными чувствами, не связанными с рассказом собеседника. Окончание процесса СОЭ предполагает завершение выражения чувств адресантом и прекращение содействия их вербализации со стороны адресата.

На основе СОЭ формируются коммуникативные умения, навыки (вербализация эмоций, активное слушание, формулирование эмпатических высказываний, реплик когнитивной направленности), развивается рефлексия, расширяются знания о собственных чувствах (вербализируя эмоции, человек более глубоко начинает переживать происходящее, осознавать, принимать свои чувства (Трунов, 2012).

Благодаря СОЭ расширяются представления о способах совладания с эмоциями, моделях поведениях, чувствах собеседника, расширяется запас эмотивной лексики, приходит осознание многообразия чувственного мира человека. Кроме того, СОЭ стабилизирует эмоциональное состояние. П. Ан, Ф. Чжан, П. Маркопулос, М. Шуль, Г. В. С. Ма, Дж. П. Шене, Б. Паркинсон, Н. Р. Харп, М. Нета говорили о СОЭ как инструменте эмоционального регулирования.

Рассмотрим принадлежность СОЭ познавательным, эмоциональным, волевым процессам. Познавательные процессы предполагают получение человеком сведений об окружающем мире и себе, в их состав входят ощущение, восприятие, представление, память, воображение, мышление, речь, внимание. Эмоциональные процессы включают в себя аффекты, эмоции, чувства, настроения, эмоциональный стресс. Волевые процессы проявляются в ситуациях, где нужно принимать решения, преодолевать трудности, управлять своим поведением (Маклаков, 2012).

СОЭ связан с познавательными процессами, так как реализуется в основном через речь, осуществляя его, человек получает информацию об эмоциональном мире собеседника, событиях его жизни, а в случае, когда адресант делится чувствами, ранее возникшими при СОЭ с другими собеседниками, – эмоционально заряженными событиями местного и мирового масштаба. Благодаря СОЭ адресант через обратную связь от адресата узнает новые сведения о себе, своем переживании.

СОЭ благодаря когнитивным функциям (S. Boca, B. Mesquita, P. PhiliPot, B. Rime, 1992) помогает в принятии решений, преодолении сложностей, изменении своего поведения, что сближает его с волевыми процессами. Одно только обсуждение негативного эмоционального состояния может помочь человеку прояснить когнитивную схему, модель поведения в подобных ситуациях и в будущем не избегать отрицательных чувств, допустим, тревоги перед выполнением задачи, а, напротив, действовать несмотря на тревогу.

Наиболее тесно СОЭ связан с эмоциональными процессами, так как они протекают одновременно с его осуществлением: выражая чувства, человек переживает случившееся, осознает их, приходит к их принятию (Трунов, 2012), выражение переживания – это «присущий переживанию компонент, включенный в общую систему работы переживания» (Василюк, 2005, с. 70).

Итак, СОЭ – процесс выражения принятым в обществе способом (на социально разделяемом языке) чувств, эмоций, описания связанных с ними событий, обстоятельств, в течение которого развиваются коммуникативные умения, расширяются представления о переживаемой ситуации, возможных моделях поведения, эмоциональном опыте, своем и собеседника, осуществляется процесс переживания и эмоциональная регуляция.

Описание СОЭ как процесса позволяет наметить пути его дальнейшего изучения: изучение его динамических характеристик, а также знаний, умений, навыков, формирующихся на его основе, и способов их развития, что позволит выстраивать на основе СОЭ программы психологического сопровождения, развивать через СОЭ определенные навыки у детей и взрослых и будет новым шагом в изучении СОЭ.

Литература

Василюк Ф. Е. Переживание и молитва: опыт общепсихол. исслед. М.: Смысл, 2005.

Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001.

Трунов Д. Г. Индивидуальное психологическое консультирование. М.: Этерна, 2013.

Rime B. Emotion elicits the social sharing of emotion: theory and empirical review // Emotion Review. 2009. V. 1. № 1. P. 60–85.

Rime B., Philippot P., Boca S., Mesquita B. Longlasting cognitive and social consequences of emotion: social sharing and rumination // European Review of Social Psychology. 1992. V. 3. № 1. P. 225–258.

Социально-психологические факторы групповой рефлексивности учебных групп открытого типа*

С. В. Тарасов

Рефлексивность группы является одним из факторов эффективности совместной деятельности. В настоящем исследовании рассматривается система социально-психологических факторов (личностных и групповых характеристик) групповой рефлексивности учебной группы. Результаты анализа показали, что факторами рефлексивности выступают ценностные ориентации, суверенность психологического пространства личности, психологическая атмосфера в группе и социальная идентичность. При этом существуют различия, обусловленные уровнем выраженности рефлексивности.

Ключевые слова: групповая рефлексивность, социально-психологические факторы, учебная группа, суверенность психологического пространства, свобода.

Проблема эффективности совместной деятельности является актуальной для психологии малых групп и рассматривается социальными и организационными психологами, социологами, антропологами и т. д. Это связано как с практической стороной данного вопроса – получение значимого для группы, общества, личности результата, так и с теоретическим понимаем структуры совместной деятельности и системы факторов, способствующих повышению

* Работа подготовлена в рамках Госзадания № 0138-2023-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

ее эффективности. В конце прошлого столетия ряд авторов, занимающихся исследованиями совместной деятельности рабочих команд, предложили считать одним из таких факторов групповую рефлексивность (West, 1996). Чаще всего под ней понимают – способность группы на основе совместного критического осмысления прошлого опыта анализировать смысл групповой деятельности, оценивать групповые ресурсы и возможности, необходимые для построения плана групповой деятельности, реализации ее целей и задач (Дробышева, Тарасов, 2021). Рефлексивность является показателем предактивности, готовности к осуществлению процесса рефлексии. Однако выделяя какой-то феномен как фактор, исследователи формируют новый вектор анализа – какие характеристики способствуют его формированию и развитию. В связи с этим за последние 30 лет было проведено множество исследований факторов рефлексивности, однако стоит отметить, что в большинстве из них рефлексивность изучалась через процесс рефлексии рабочей команды (Konradt et al., 2016). Учебные группы в свою очередь отличаются от них по содержанию деятельности, она определяется процессами обучения и воспитания, направленными на подготовку к дальнейшей трудовой жизни. Руководителем группы выступает педагог или воспитатель, осуществляющий контроль за совместной деятельностью, соблюдением норм и правил, межличностным взаимодействием и т. д. (Уманский, Лутошкин, 1980). В связи с этим невозможен прямой перенос полученных ранее результатов исследования системы факторов групповой рефлексивности с рабочих групп на учебные, при этом вполне вероятно имеет место общность системы факторов. Также основываясь на результатах сравнительного анализа рефлексивности учебных групп открытого и полузакрытого типа (Тарасов, 2023), можно предположить, что система факторов вариативна в зависимости от уровня выраженности.

Цель исследования – выявить и проанализировать систему факторов групповой рефлексивности учебной группы.

Предмет – связь между выраженностью групповой рефлексивности и социально-психологическими характеристиками личности и группы.

Объект – учебные группы открытого типа.

Выборка и методы

Выборку исследования составили 10 учебных групп учреждений среднего профессионального образования (N = 200), возраст респондентов от 17 до 21 года, все группы гетерогенные по полу.

Для оценки выраженности групповой рефлексивности применялся опросник групповой рефлексивности Т. А. Нестика (модиф. С. В. Тарасов). С целью фиксации характеристик личности применяли методику «Суверенность психологического пространства – 2010» С. К. Нартовой-Бочавер, методику ценностных ориентаций Е. Б. Фанталовой, опросник рефлексивности личности А. В. Карпова. Для изучения групповых характеристик как факторов изучаемой рефлексивности применялись: метод социометрии Дж. Морено, с целью подсчета индекса групповой сплоченности, методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру), опросник групповой идентичности (авт. А. В. Сидоренков и др.).

Статистические методы отвечали поставленным целям и задачам, и включали в себя: частотный анализ, ранговый коэффициент корреляции Спирмена и множественный регрессионный анализ.

Результаты исследования

Выполненный на первом этапе частотный анализ показал, что 12 групп могут быть разделены на две подгруппы – с низкой и средней выраженностью групповой рефлексивности. При этом в группах со средней выраженностью преобладает компонент готовности к анализу смысла совместной деятельности, т. е. рефлексии межличностных отношений, совместному обсуждению проблем и планов. Такая проспективная направленность рефлексивности вероятно связана с более высоким уровнем развития группы, свободой и постановкой долгосрочных целей. В группах с низким уровнем больше выражена готовность к оценке прошлого опыта, возможно это связано с поиском ошибок и проблем для последующей рефлексии. При дальнейшем анализе группы будут рассматриваться обобщенно.

На втором этапе был выполнен корреляционный анализ связи групповой рефлексивности и социально-психологических характеристик личностного и группового уровня. В группах с низким уровнем выраженности групповая рефлексивность связана (при $p \leq 0{,}05$) с ценностными ориентациями (r = от 0,55 до 0,712), суверенностью психологического пространства (r = от 0,564 до 0,668), психологической атмосферой группы (r = от 0,290 до 0,315). В группах со средним уровнем выраженности групповой рефлексивности имеется связь (при $p \leq 0{,}05$) с ценностью свободы ($r = 0{,}229$). Готовность к оценке группового ресурса отрицательно связана с суверенностью привычек ($r = -0{,}263$). Готовность к анализу смысла деятельности положительно взаимосвязан с суверенностью привычек ($r = 0{,}252$).

На третьем этапе, с целью анализа вклада социально-психологических характеристик в групповую рефлексивность, был проведен множественный регрессионный анализ. Результаты показали, что вклад в группах с низкой выраженностью групповой рефлексивности вносят ($R = 0{,}897$, $R^2 = 0{,}804$, $F = 87{,}718$, $p = 0{,}000$) ориентация на счастливую семейную жизнь, психологическая атмосфера в группе, ценность здоровья, групповая сплоченность и аффективный компонент социальной идентичности. В группах со средним уровнем выраженности рефлексивности основным фактором выступает ($R = 0{,}221$, $R^2 = 0{,}049$, $F = 5{,}37$, $p = 0{,}022$) ценностная ориентация на свободу как независимость в поступках и действиях.

Заключение

Результаты проведенного исследования социально-психологических факторов групповой рефлексивности учебных групп открытого типа позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, структура выраженности компонентов рефлексивности имеет специфику, связанную с уровнем ее развития. Если на начальном этапе группа больше ориентирована на анализ опыта и поиск того, что ей мешает быть более эффективной, то в дальнейшем направленность меняется на готовность к анализу смысла деятельности. Во-вторых, вариативность системы социально-психологических факторов на групповую рефлексивность тоже связана с ее уровнем развития. В группах с низким уровнем факторами рефлексивности выступают практически все личностные и групповые характеристики включенные в анализ. Вероятно, это связано с тем, что группа задействует для развития все имеющиеся у нее ресурсы. В группах со средним уровнем рефлексивность связана только с теми характеристиками (ценность свободы, суверенность психологического пространства личности) которые способствуют поддержанию ее уровня выраженности.

В качестве развития исследования необходимым является более детальный анализ влияния системы социально-психологических факторов на групповую рефлексивность, включение в данную систему дополнительных характеристик и анализ относительно разного типа групп (полузакрытые и закрытые).

Литература

Дробышева Т. В., Тарасов С. В. Подход к исследованию групповой рефлексивности: теоретические предпосылки и концептуальные представления // Вестник ВГУ. Сер. «Проблемы высшего образования». 2021. № 3. С. 21–25.

Тарасов С. В. Социально-психологические факторы групповой рефлексивности учебной группы (на примере групп открытого и полузакрытого типа) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 2 (66). С. 312–323.

Уманский Л. И., Лутошкин А. Н. Студенческая группа и групповая психология // Студенческая группа. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 58–77.

Konradt U., Otte K.-Ph., Schippers M. C., Steenfatt C. Reflexivity in teams: a review and new perspectives // Journal of Psychology. 2016. V. 150. № 2. P. 151–172.

West M. A. Reflexivity and work group effectiveness: A conceptual integration // Handbook of Work Group Psychology / Ed. by M. A. West. Chichester, UK: Wiley, 1996. P. 555–579

Невербальные средства, ресурсы и помехи установления доверительного контакта: пилотное исследование

Д. В. Тихомирова

Данная работа посвящена феномену доверия. Было проведено исследовательское интервью 7 взрослых человек разных специальностей, которые в рамках своей профессиональной деятельности устанавливают доверительный контакт с людьми. Выявлены ресурсы, помехи и невербальные средства установления доверительного контакта, а также качества, которые способствуют такому контакту, метафоры и художественные образы, которые ассоциируются с ним. Затронут вопрос формирования доверительных отношений. Предложены элементы модели доверительного контакта.

Ключевые слова: доверие, невербальные средства, ресурсы, помехи, эмоции.

Доверие – это сложный феномен. «В межличностных отношениях доверие относится к уверенности человека или группы людей в надежности другого человека или группы; в частности, это степень, в которой каждая сторона чувствует, что может положиться на другую в том, что та обещает. Ключевым фактором является не внутренняя честность других людей, а их предсказуемость» (APA Dictionary of Psychology). Доверие рассматривается большинством психологов как основной компонент зрелых отношений с другими людьми, будь то интимные, социальные или терапевтические. Несмотря на важность доверительного общения для построения отношений, феномен доверия до сих пор мало изучен, особенно,

если речь идет о внешних признаках формирования доверительного контакта, таких как мимика, жесты, позы, интонация.

Согласно психоэволюционной модели эмоций Роберта Плутчика, доверие является базовой эмоцией, которая определяет наше стремление к созданию более тесной связи с другим (Plutchik, 1980). Пол Экман и Уоллес Фризен разработали систему кодирования лицевых движений (FACS) для классификации выражений лица человека и описали лицевые движения, связанные с базовыми эмоциями (Ekman, Friesen, 1978), среди которых авторы не выделяют доверие. Невербальное поведение, соответствующее доверительному контакту, скорее является комплексом мимики, жестов, позы, интонации. В современных исследованиях можно встретить описание паттернов доверия в межличностном общении, среди которых эмоциональная и мимическая выразительность, различные прикосновения и активная пантомимика (Скрипкина, 2019). В связи с развитием искусственного интеллекта в последние годы вырос интерес к феномену доверия у ученых всего мира, которые занимаются разработкой искусственных социальных агентов и оценкой взаимодействия человека с ними (Fitrianie et al., 2022).

Целью данного исследования является выявление ресурсов, помех и невербальных средств установления доверительного контакта.

Методы, применяемые в работе – исследовательское интервью (17 вопросов) и контент-анализ. Основные смысловые блоки: «Качества и навыки», «Невербальные средства», «Ресурсы и помехи доверительного контакта», «Художественные образы», «Смежные понятия».

Выборка состоит из 7 взрослых человек разных специальностей (4 женщины, 3 мужчин в возрасте 30–50 лет), которые в рамках своей профессиональной деятельности устанавливают доверительный контакт с людьми: психолог, врач, преподаватель, менеджер по продажам, интервьюер, руководитель ИТ-департамента, инструктор по безопасности.

В рамках данного исследования предполагалось, что в контакте участвуют двое – инициатор и реципиент. Цели контакта были заданы формулировками вопросов: оказание помощи или поддержки, просьба о помощи или поддержке, проявление любви или симпатии, получение внимания и любви, признание заслуг, получение признания, близость.

Среди качеств, которые способствуют доверительному контакту, выделяемых респондентами, были следующие: честность, откры-

тость, доброта, искренность, чувство юмора, интерес к людям. В качестве навыков все респонденты отмечали компетентность и профессиональные навыки: «Это умение слышать его и услышать. Да, вот эти навыки психолога по установлению контакта в плане поддержки, абсолютного принятия и конгруэнтности» (респондент психолог); «Профессиональные навыки, потому что большинство за этим ко мне приходят» (респондент врач).

В качестве невербальных средств доверительного контакта чаще всего респонденты выделяли следующие: улыбка, широко открытые глаза и заинтересованный взгляд, открытая расслабленная поза, подвижная мимика, естественные движения, сокращение дистанции. Интересно, что для некоторых респондентов важным оказался тактильный контакт: «Постараюсь взять его за руку...погладить» (речь о ребенке, который потерялся). В то же время другим респондентам он казался неуместным: «Естественно, не трогала бы, не прикасалась».

Ресурсами доверительного контакта исходя из проведенных интервью являются демонстрация возможности и готовности помочь, информирование и поддержание беседы, демонстрация эмпатии, фокус внимания на собеседнике, эмоциональность, безоценочность, свобода и непосредственность. Помехами могут стать навязчивость, настойчивость, агрессивность, потребительское отношение, замкнутость, напряжение, неуверенность, тревожность, отсутствие контакта глаз. Кроме этого, респондентами было отмечено, что помехой для установления доверительных отношений могут стать настроение и первое впечатление: «У меня есть первое впечатление, и потом нужно горы свернуть, чтобы его переломить. Если оно негативное, я не знаю, что должно произойти, чтобы я смогла ему (другому человеку) доверять». Это говорит о значимости предыдущего опыта общения для установления доверительного контакта.

Все респонденты отмечают, что процесс формирования доверительных отношений не быстрый, предполагает определенные трудности, итерации общения, и не всегда заканчивается положительно. Подтверждением этому являются примеры литературных произведений/мультфильмов/фильмов, с помощью которых респонденты иллюстрировали этот процесс: «Холодное сердце», «Маленький принц и лис», «Мультфильм про кота Леопольда».

Интересно отметить, что все метафоры и художественные образы, которые ассоциировались у респондентов с доверительным контактом, так или иначе связаны с невербальными средствами обще-

ния, что подчеркивает важность данного исследования. «Объятия и рукопожатия», «Сундук с сокровищами, который открываешь перед собеседником», «Яблонька из Гуси-лебеди, которая укрывает Машу» – связь с движениями рук и позами. «Девочка и щенок напротив, которые смотрят друг на друга», «Два друга сидят на пляже рядом и смотрят на море» – связь с пристальным взглядом.

В процессе проведения интервью был получен перечень понятий (чувств и эмоций), связь которых с доверием еще предстоит установить. Это близость, симпатия, интерес. Любопытно, что для некоторых респондентов близость является абсолютным доверием, а говоря о симпатии, многие отмечали когнитивный подход к вопросу доверия к человеку, который симпатичен. Интерес же часто фигурировал в ответах на вопросы, связанные с доверием.

В результате проведенного исследования были выявлены ресурсы, помехи и невербальные средства установления доверительного контакта. Одним из результатов контакта является отношение к собеседнику, которое предполагает ту или иную степень доверия, а для установления доверительного контакта, и доверительных отношений в целом, значимым является предыдущий опыт общения. Перечень невербальных средств был расширен, к нему была добавлена дистанция, которая сокращается при формировании и возникновении доверия, в некоторых случаях, вплоть до тактильного контакта. В итоге могут быть предложены следующие элементы модели доверительного контакта: цель контакта, роли (инициатор и реципиент), контекст (включая предыдущий опыт общения), способ инициации, качества и навыки, ресурсы, помехи, мимика, жесты, позы, интонация, дистанция, результат контакта (достижение/недостижение цели контакта) и отношение к собеседнику (степень доверия). Данная модель будет предложена в следующих работах.

Литература

Скрипкина Т. П. Паттерны доверия и недоверия во внешнем облике и межличностном общении // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия. 2019. С. 56–58.

APA Dictionary of Psychology. URL: https://dictionary.apa.org/trust (дата обращения: 25.08.2023).

Ekman P., Friesen W. Facial Action Coding System: A Technique for the Measurement of Facial Movement. Palo Alto: Consulting Psychologists Press, 1978.

Fitrianie S., Bruijnes M., Li F., Abdulrahman A., Brinkman W. P. The Artificial-Social-Agent Questionnaire: Establishing the long and short questionnaire versions // Proceedings of the 22nd ACM International Conference on Intelligent Virtual Agents. 2022. P. 1–8.

Plutchik R. A general psychoevolutionary theory of emotion // Theories of Emotion. Academic Press, 1980. P. 3–33.

Личностные характеристики подростков, склонных к зависимому поведению

Ю. Д. Трипутень

Рассматривается взаимосвязь личностных характеристик и склонности к зависимому поведению в подростковом возрасте, приводятся данные эмпирического исследования личностных характеристик подростков, склонных к аддиктивному поведению, проведенного на базе гимназии. Обозначены сходство и различие в личностных характеристиках подростков, склонных и не склонных к аддиктивному поведению.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное поведение, личностные характеристики, подросток, учащиеся.

Трудные жизненные ситуации встречаются на протяжении всего жизненного пути, начиная с раннего возраста. Эти ситуации в психологической литературе обозначают как: «жизненные трудности», «кризисные ситуации», «трудные ситуации». Часто подростки, не умеющие справляться с возникающим стрессом или поддающиеся влиянию «моды», прибегают к аддикции как к способу снижения напряжения (Муздыбаев, 1998).

Актуальность исследования обусловлена тем, что в пубертатный период чаще всего происходит приобщение к аддикции, а зависимое поведение молодого поколения является глобальной социальной проблемой. Особенность аддиктивного поведения подростка состоит в том, что, уходя от реальности, он искусственно меняет свое психическое состояние, что дает иллюзию безопасности и восстановления равновесия, в результате процесс начинает управ-

лять личностью, пристрастие уже руководит ею (Шаломова, 2017). Появляется острая необходимость профилактики и предотвращения появления зависимостей. Для этого необходимо учитывать все возможные факторы склонности подростков к аддиктивному поведению, одним из которых являются личностные характеристики.

В концепциях отечественных и зарубежных авторов личностные характеристики подростков, склонных к аддиктивному поведению, рассматриваются как важный фактор формирования аддикции (Ганишина, 2020). Однако концепции не позволяют определить конкретные личностные критерии, предполагающие появление склонности к зависимости. Все же удается выделить некоторые схожие характеристики: неуравновешенность, агрессивность, низкая самооценка, тревожность, раздражительность (Фетискин, 2006).

Целью данного эмпирического исследования является изучение личностных характеристик подростков, склонных к зависимому поведению, и выявление различий между личностными критериями склонных и не склонных к аддиктивному поведению подростков. Гипотеза исследования заключается в том, что у сравниваемых групп подростков (склонные (А) и не склонные (Б) к аддиктивному поведению) обнаружатся статистически значимые различия в показателях личностных характеристик. Исследование проводилось на базе ГУО «Гимназия № 40 г. Минска». Общее количество выборки составило 60 учащихся 10-х классов в возрасте 15–16 лет. В исследовании не учитываются гендерные различия.

На первоначальном этапе исследования была использована методика «Склонность к зависимому поведению» (В. Д. Менделевич), позволяющая определить наличие склонности к аддиктивному поведению. Полученные данные свидетельствуют о том, что у 65% (39 респондентов) выявлена высокая склонность к зависимому поведению (группа А), еще у 35% (21 респондента) не была обнаружена тенденция к аддиктивному поведению (группа В).

На втором этапе исследования использовалась методика «Фрайбургский личностный опросник» (форма FPI-B, в русскоязычной адаптации А. А. Крылова, Т. И. Ронгинской, Ф. Короди) для диагностики личностных характеристик респондентов. Основываясь на теоретическом анализе литературы по освещаемой теме, при интерпретации полученных результатов по методике «Фрайбургский личностный опросник» было принято решение анализировать показатели следующих шкал: невротичность, раздражительность, уравновешенность, застенчивость, эмоциональная лабильность, реактивная агрессивность.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у респондентов группы Б (несклонных к зависимому поведению) наиболее выраженной личностной характеристикой является уравновешенность. Это говорит о проявлении у не склонных к аддиктивному поведению подростков хорошей защищенности к воздействию стресс-факторов обычных жизненных ситуаций, базирующейся на уверенности в себе, оптимистичности и активности. По шкалам невротичность, раздражительность, реактивная агрессивность, застенчивость, эмоциональная лабильность у данной респондентной группы уровень проявления «социально неодобряемых» черт достаточно низкий.

При анализе полученных данных респондентов группы А (склонных к зависимому поведению) было выявлено, что наиболее выраженными личностными характеристиками являются раздражительность и реактивная агрессивность. Это говорит о неустойчивом эмоциональном состоянии со склонностью к аффективному реагированию, агрессивному отношению к социальному окружению и выраженным стремлением к доминированию. По следующим шкалам: невротичность и застенчивость у данной респондентной группы отмечаются средние показатели: средняя предрасположенность к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, протекающему по пассивно-оборонительному типу. По шкалам: уравновешенность, эмоциональная лабильность у данной группы испытуемых наблюдаются средние значения со сдвигом в низкие значения: низкие показатели устойчивости к стрессу и средние показатели стабильности эмоционального состояния.

Для определения статистической достоверности полученных данных были определены средние значения по каждому показателю в группе Б (несклонны к зависимости – контрольная группа) и группе А (склонны к зависимости – экспериментальная группа) с их стандартными отклонениями, выборка не подчиняется законам нормального распределения (применение критерия Шапиро–Уилка). Для оценки достоверности полученных данных, результаты диагностик группы А были соотнесены с результирующими показателями группы Б. Для статистической оценки различий был использован U-критерий Манна–Уитни. Было выявлено, что существуют статистически значимые различия (при $p \leq 0{,}05$) между показателями «группы риска» (группа А) и показателями контрольной группы (группа Б) по следующим шкалам: невротичность ($p = 0{,}044$), раздражительность ($p = 0{,}039$), уравновешенность

(p = 0,045), реактивная агрессивность (p = 0,036), застенчивость (p = 0,034). Статистически значимых различий между показателями группы А и группы Б по шкале эмоциональная лабильность выявлено не было (p = 0,065). Это может быть связано с особенностью возрастной группы испытуемых (подростки от 15–16 лет), проявляющуюся в частых колебаниях настроения, повышенной возбудимости, что является характерным для данного возраста.

Обобщая результаты исследования личностных характеристик подростков, склонных к зависимому поведению, можно отметить, что:

- Для групп склонных и не склонных к аддиктивному поведению подростков характерна дифференциация в диагностируемых личностных характеристиках. Гипотеза подтверждена.
- У не склонных к зависимому поведению подростков наиболее часто встречаемой и выраженной личностной характеристикой является уравновешенность.
- У склонных к зависимому поведению подростков наиболее часто встречаемыми и выраженными личностными характеристиками являются раздражительность и реактивная агрессивность.

Полученные результаты задают перспективы дальнейшего исследования – расширение выборки испытуемых, изучение гипотезы о том, что наличие выраженных «социально неодобряемых» личностных характеристик у подростков может выступать «почвой», способствующей формированию аддиктивного поведения, и служить диагностическим параметром определения «группы риска».

Литература

Ганишина И. С. Асоциальное поведение подростков: психологические предпосылки возникновения отклонений // Девиантное поведение подростков. 2020. № 52. С. 286–290.

Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями // Социология и социальная антропология. 1998. № 2. С. 100–111.

Фетискин Н. П. Психология аддиктивного поведения: научно-методическое изд. Кострома: ГОУ ВПО «Костром. гос. ун-т», 2006.

Шаломова Е. В. Особенности аддиктивного поведения подростков // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 45. С. 56–60.

Феноменологическое исследование процесса формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом

П. Р. Тютюнников

В работе осуществлено исследование процесса формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом. Осуществлен выход на системный уровень рассмотрения процесса формирования и реализации исследовательской компетенции студента-психолога. Предложены новые мерности, которые, предположительно, могут оказать положительное влияние на построение индивидуальной образовательной траектории студентов-психологов, и оптимизировать сам процесс формирования исследовательской компетенции, внося элементы масштабности, своевременности и аутентичности.

Ключевые слова: исследовательская компетенция, феноменология, системный подход, системная психология, исследовательская деятельность, образование.

Одной из ключевых задач, которая ставится перед студентом-психологом в процессе обучения – формирование различных компетенций, в том числе, компетенций, связанных с исследовательской деятельностью. Исследования, посвященные вопросу эффективного формирования компетенций, остаются актуальными и на настоящий момент. Актуальность данного направления, с одной стороны, обусловлена наличием задачи, которую ставят перед собой российские вузы в виде воспитания и образования молодых уче-

ных, исследователей, а, с другой, представляется особенно важной в свете последних тенденций и веяний, происходящих в системе высшего образования. В частности, речь идет об образовании специалистов, которые работают не с одной локальной областью, а трансфессионалов (Кабрин, 2019). Несмотря не активное пополнение теоретической и методологических баз в рамках компетентностного подхода (Божко, Ильнер, 2019; Ковальчук, Ставер, 2019), остается актуальным вопрос относительно повышения эффективности формирования компетенций у студентов, в том числе, исследовательской компетенции.

Исходя из этого, нами была предпринята попытка проведения феноменологического исследования опыта формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом с последующим анализом и интерпретацией полученных данных.

Цель и гипотеза исследования

Цель нашего исследования состояла в уточнении системных характеристик процесса формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом.

Гипотеза нашего исследования звучит следующим образом: формирование исследовательской компетенции характеризуется неоднородностью, чем обусловлены необходимость системных решений со стороны индивида, а также поиск мерностей, факторов, которые будут выступать достаточными для этого процесса.

Характеристика выборки

В качестве респондента выступил студент-психолог 1-го курса магистратуры, который имеет обширный опыт осуществления научной деятельности, что выражается в наличии у него более 12 статей РИНЦ, опыта участия в научных конференциях, а также опыта проведения психологических исследований с последующей обработкой и интерпретацией полученных данных.

Методика

Для проведения исследования нами использовался метод феноменологического анализа (Лукьянов, 2018) рефлексивных данных. Для получения рефлексивных данных нами было проведено два полуструктурированных интервью общей продолжительностью 2,5 часа. Интервью было направлено на реконструкцию образовательного опыта респондента, в частности, на реконструкцию траектории формирования и реализации исследовательской компетенции с его стороны.

Результаты

В ходе проведения феноменологического анализа нами была зафиксирована несогласованность тех образовательных компонентов, которые были включены, так или иначе, в процесс формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом, что выражалось, например, во временном разрыве между получением определенных знаний относительно количественных методов обработки данных и непосредственно практическим использованием этих знаний. Помимо этого, представленный респондентом опыт, обозначенный им как опыт «трагедии», а не «становления», характеризуется, помимо прочего, тем, что опыт и достижения в исследовательской деятельности есть, но отсутствует сформировавшаяся идентичность психолога-исследователя. Также, одним из наиболее опасных, что было обозначено респондентом, является цикличность опыта реализации исследовательской компетенции, осуществления исследовательской деятельности, его фрактальность.

Рассматривая полученные результаты в дихотомии хаоса—порядка, мы можем увидеть, что представленный опыт есть опыт нахождения в хаосе, из которого не был образован порядок. Хаос, в данном случае, представляется полным возможностей, которые, тем не менее, не реализуются. Они создаются и исчезают. Потенциал возникает, и затем рассеивается. Путь человека в образовательном процессе можно представить с перспективы хаоса – путешествия через хаос.

В силу того, что в ходе исследования, мы вышли на системный уровень рассмотрения процесса формирования и реализации исследовательской компетенции, дальнейшая интерпретация осуществлялась нами в дихотомии хаоса и порядка (Буданов, 2014).

Ставя перед собой задачу установить те элементы, оказание влияния на которые может значительно повлиять на процесс формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом, мы пришли к заключению, что в качестве таких элементов выступают, прежде всего, мерности этого процесса. В качестве одних из мерностей, которые могут использоваться в процессе формирования исследовательской компетенции студентом-психологом могут выступать масштаб, своевременность, диалог, рефлексивность и реализация. Каждая из переменных, так или иначе, оказывает влияние друг на друга, тем не менее, в качестве «главенствующей», на наш взгляд, выступает масштаб, в силу то-

го что через определение масштаба формирования компетенции можно понять, как выстроить учебный процесс, связанный с исследовательской деятельностью, и выстроить индивидуальную траекторию реализации студента-психолога, будущего исследователя.

Выводы

Таким образом, в ходе проведения феноменологического исследования процесса формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом, нами были выявлены критически значимые сложности, трудности в процессе формирования и реализации исследовательской компетенции студентом-психологом, несогласованность отдельных элементов этого процесса между собой, что делает опыт, прежде всего, хаотичным, в некоторой степени, даже интуитивным по отношению к студенту, когда ему необходимо учиться исключительно путем проб и ошибок.

Рассмотрение процесса формирования исследовательской компетенции на системном уровне в дихотомии «хаос–порядок» открывает новые перспективы, горизонты на его понимание и при этом обладает практической значимостью и применимостью в силу возможности использования результатов полученного исследования, с одной стороны, для проведения дальнейших работ в этой области, а с другой, построения индивидуальной образовательной траектории студента-психолога, который хотел бы заниматься исследовательской деятельностью.

Литература

Божко Е. М., Ильнер А. О. Компетентностный подход в России и за рубежом: исторические и теоретические аспекты // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. С. 26.

Буданов В. Г. Постнеклассические основы управления будущим // Научный результат. Сер. «Социология и управление». 2014. Т. 1. № 1. С. 72–78.

Кабрин В. И. Становление потенциала креативного лидерства трансфессионалов в образовательных пространствах магистратуры // Педагогика и просвещение. 2019. № 4. С. 86–97.

Ковальчук Н. Н., Ставер Т. Г. Реализация компетентностного подхода в системе высшего образования (теоретический аспект) // МНКО. 2018. № 2. С. 409–411.

Лукьянов О. В. Феноменологическая психология. Томск: ИД Томского гос. ун-та, 2018.

Проверка на полиграфе как эксперимент: рассмотрение с позиций парадигмы «активности»*

А. В. Учаев, Ю. И. Александров

Ряд исследователей рассматривают ситуацию проведения проверки с использованием полиграфа в качестве экспериментальной процедуры. В таком случае устанавливается связь между независимой и зависимой переменной с обязательным учетом побочных факторов. Однако понимание экспериментальных схем зависит от исследовательских парадигм. Нами предлагается переход к более экологичному описанию проверок на полиграфе в терминах парадигмы «активности». С этих позиций экспериментальная ситуация рассматривается как «погружение в среду», а описание индивида в этой ситуации, как его целенаправленных взаимосоотношений со средой, зависящих от индивидуальной истории формирования индивидуального опыта.

Ключевые слова: парадигма активности, системно-эволюционный подход, проверка на полиграфе, эксперимент, методология.

Проверка с использованием полиграфа определяется как специально организованная процедура по регистрации физиологических показателей в строго контролируемых условиях (см., напр.: Учаев, Александров, 2022). «Контроль» в данном случае достигается за счет учета различных факторов, оказывающих влияние на получаемые результаты. Исходя из этого, некоторые исследователи

* Подготовка статьи осуществлялась при поддержке гранта РНФ № 22-18-00435, Институт психологии РАН.

(напр.: Свободный, 2019) рассматривают проверку на полиграфе как ситуацию проведения эксперимента, где есть зависимые переменные (вегетативные сдвиги), независимые переменные (вопросы полиграфолога), а также побочные переменные. Под последними могут пониматься условия проведения тестирования, мотивация, уровень стресса опрашиваемого лица и пр. При этом известно, что постановка экспериментальных задач, выбор оборудования, способ анализа и интерпретации результатов зависят от используемой исследовательской парадигмы (см., напр.: Крылов, Александров, 2011).

С точки зрения системно-эволюционного подхода поведение рассматривается как целенаправленный акт, направленный на достижение полезного приспособительного результата организма в соотношении со средой (Александров, 2020; Швырков, 2006). Реализованные соотношения фиксируются в индивидуальном опыте организма в виде соответствующих функциональных систем (ФС). При этом новые ФС при их фиксации не заменяют ранее сформированные. Совокупность всех имеющихся у индивида ФС, доступных для реализации в поведении, составляет его/ее индивидуальный опыт. Таким образом, структура индивидуального опыта отражает и историю его формирования от меньшей к большей дифференциации соотношений между организмом и средой. Последующая реализация поведения происходит при одновременной актуализации в поведении ФС разного онтогенетического возраста. При этом каждый поведенческий акт есть организация соотношения со средой целого организма, а не отдельных его органов или структур мозга, отправляющих их специфические функции. «Психическое» и «физиологическое» при этом рассматриваются как разные аспекты описания развертывания единых системных процессов, организующих реализацию наборов ФС (Александров, 2020; Швырков, 2006).

С точки зрения парадигмы «реактивности» поведение любого индивида, участвующего в эксперименте, рассматривается как реакция на стимулы. Детерминанта поведения в таком случае оказывается в прошлом и вовне организма. При этом порядок предъявления стимулов определяется экспериментатором и не зависит от предшествующих действий участника исследования. Сложные явления рассматриваются как комбинации (сумма) простых. Предполагается предъявление организму отдельных (простейших) стимулов. Это, в том числе, позволяет гибко относиться к учету побочных переменных, которые рассматриваются по-от-

дельности, а следовательно, могут как браться, так и не браться во внимание при проведении анализа результатов (см.: Крылов, Александров, 2011).

Вопрос полиграфолога традиционно понимается именно как стимул, а изменения физиологических показателей, вызванные ответом на этот вопрос – как реакция. Тестовые методики представляют собой наборы вопросов, физиологические реакции на которые рассматриваются зачастую изолированно друг от друга (см.: Учаев, Александров, 2022).

При использовании системного подхода схема учета детерминант поведения выглядит иначе. В соответствии с парадигмой «активности» поведение индивидов рассматривается как целенаправленное и оказывается обусловленным его/ее предшествующими действиями, а описывается в терминах взаимоотношений организма и среды. Репертуар взаимодействия, в свою очередь, зависит от имеющихся у организма возможностей по достижению целей в данных конкретных условиях, в том числе от индивидуального опыта. В таком случае, детерминанта поведения, наоборот, находится внутри организма и в будущем (относительно реализуемого поведения) в виде модели результата – цели. Экспериментальная схема представляет собой погружение в среду. При этом изменяется до- и послетестовое описание ситуации. Анализ поведения производится не с позиции экспериментатора, а субъекта, что делает анализ более экологически валидным (Крылов, Александров, 2011). Одинаковое с точки зрения внешнего наблюдателя поведение может иметь в своей основе различную системную организацию (Александров, 2020; Швырков, 2006).

В целом, к преимуществам использования системно-эволюционного подхода можно отнести возможность рассматривать целостную организацию поведения человека, находящегося в ситуации проверки на полиграфе. Реализация поведения происходит при актуализации того или иного набора ФС, зависящего как от прошлого опыта, так и наличной ситуации осуществления поведения «лжи». Важно понимать, что индивид рассматривает все предъявляемые ему/ей вопросы (а шире – все ситуацию проведения проверки) через призму достижения поставленных им целей по прохождению тестирования на полиграфе. Причем указанные цели могут многократно варьироваться от одного обследуемого к другому. Они различны у честных, обманывающих, противодействующих и прочих лиц.

В таком случае, вопрос полиграфолога стоит понимать не как стимул, а как компонент среды, с которым происходит активное

взаимодействие. Вегетативные сдвиги, регистрируемые полиграфом, в свою очередь, являются отражением активности различных органов, включенных в общеорганизменные ФС, формируемые для реализации поведения по ответу на вопрос (Учаев, Александров, 2022). Так, например, известный в полиграфологии феномен «реакции ожидания», выражающийся в вегетативных сдвигах при ожидании субъективно значимого вопроса, является не пассивными реакциями. Как пишет В. Б. Швырков: «Взаимодействие всех систем <...> создает „опережающее отражение действительности“, проявляющееся в готовности систем будущего поведения к реализации с вовлечением и самых периферических образований» (2006, с. 523–524). Кроме того, само формулирование вопросов, предъявляемых обследуемому лицу, должно происходить на его/ее «языке», а не на языке полиграфолога. Конкретное содержание вопросов должны отражать те особенности полученного ранее опыта тестируемого лица, которые релевантны задачам тестирования.

Таким образом, переход к новой исследовательской парадигме (от «реактивности» к «активности») открывает возможности для нового – более экологичного – понимания ситуации тестирования на полиграфе. С практической точки зрения это может способствовать изменению структуры тестовых методик, порядка предъявления вопросов в них, а также роли контрольных вопросов.

Литература

Александров Ю. И., Швырков В. Б. Формирование новой парадигмы в психологии и смежных науках // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 218–255.

Крылов А. К., Александров Ю. И. Методы экспериментального исследования в парадигмах активности и реактивности // Современная экспериментальная психология. 2011. Т. 1. С. 463–479.

Свободный Ф. К. Некоторые проблемы исследований на полиграфе в рамках оперативно-розыскной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 4 (79). С. 375–382.

Учаев А. В., Александров Ю. И. Обусловленные стрессом особенности актуализации субъективного опыта в процессе сокрытия информации // РПЖ. 2022. Т. 19. № 1. С. 158–172.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // В. Б. Швырков. Избранные труды / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Исследование психологического благополучия сотрудников разных возрастных групп в условиях удаленной работы в IT-компании

К. Г. Фролова

Статья посвящена изучению психологического благополучия у сотрудников разных возрастных групп в IT-компании, которые находятся на удаленном формате работы. Понятие благополучие сотрудника можно анализировать с разных точек зрения. В перспективе оно включает такие параметры, как ожидаемая продолжительность жизни, уровень бедности и факторы окружающей среды. Можно предположить, что при качественно организованном процессе работы с учетом индивидуальных особенностей сотрудников будет наблюдаться повышение качества трудовой деятельности в целом, эффективная работа компании. Исходя из этого, появляется новый фактор в рабочем процессе – активность позиции личности сотрудника.

Ключевые слова: саморегуляция, активность, психологическое благополучие, гибкость, самостоятельность.

Психологическое благополучие сотрудников в условиях удаленной работы приобретает главное значение в процессе современных изменений в обществе и карантинных ограничений. Большинство работников сталкивается с эмоциональным напряжением и стрессом во время удаленной работы, что негативно сказывается на их межличностных взаимоотношениях и благополучии в целом. Физическое и психическое здоровье являются наивысшим показателем благополучия сотрудников (Голубева, 2010). Но, в последнее вре-

мя из-за пандемии все больше сотрудников различных организаций переходят на удаленный вид профессиональной деятельности, что имеет свои последствия для их психологического благополучия.

Цель исследования: на основании теоретического анализа основных подходов в психологической науке и эмпирического исследования выявить и сравнить факторы, влияющие на психологическое благополучие сотрудников IT-компании разных возрастных групп, находящихся на удаленном формате работы.

Гипотеза исследования: психологическое благополучие имеет свои особенности у сотрудников разных возрастных групп в условиях удаленной работы.

Выборка исследования: в исследовании приняли участие 45 сотрудников IT-компании. Из них 15 человек в возрасте от 20 до 30 лет, 15 человек в возрасте от 30 до 40 лет и 15 человек возрастом от 40 лет и выше.

Диагностический инструментарий исследования представлен следующими методиками: Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф.

С целью определения статистически достоверных отличий в показателях психологического благополучия сотрудников разных возрастных групп в условиях удаленной работы был использован H-критерий Краскела–Уоллисса для независимых выборок.

Так, выявлено что существуют статистически значимые отличия в показателях психологического благополучия сотрудников разных возрастных групп в условиях удаленной работы. Это говорит о том, что различия не случайны, а обусловлены действием определенного фактора. Видно, что в первой группе достоверно выше положительные отношения с другими ($H = 2{,}194$, $p \le 0{,}01$), автономия ($H = 1{,}260$, $p \le 0{,}01$), управление окружением ($H = 6{,}181$, $p \le 0{,}05$), личностный рост ($H = 5{,}100$, $p \le 0{,}01$), цель в жизни ($H = 8{,}394$, $p \le 0{,}05$), самопринятие ($H = 6{,}310$, $p \le 0{,}05$), общий уровень благополучия ($H = 5, 963$, $p \le 0{,}01$). Это говорит о том, что сотрудники в возрасте от 20 до 30 лет имеют более высокий уровень психологического благополучия. Это возможно связано с тем, что в таком возрасте работники более активны и мобильны, они легко переключаются с одного вида деятельности на другую, больше склонны использовать коммуникационные технологии и меньше времени тратят на освоение дополнительных рабочих программ.

Выводы

Проведенное исследование позволило констатировать, что существуют отличия в показателях психологического благополучия.

Статистический анализ достоверности отличий психологического благополучия сотрудников разных возрастных групп в условиях удаленной работы показал, что в группе сотрудников в возрасте от 20 до 30 лет статистически значимо выше показатели психологического благополучия. Удаленная работа значительно ограничивает возможности для поддерживающих отношений на рабочем месте. Отсутствие личного контакта с руководителем и коллегами отрицательно сказывается на доверии к окружающим и оценке атмосферы на рабочем месте. В случае эксклюзивной удаленной работы отношения с руководителем также оцениваются ниже.

Аналогичная ситуация и в случае гибридной работы с преобладанием офисных работ, то есть удаленная работа 1–2 дня в неделю. Это означает, что работодатели, заботящиеся о благополучии их сотрудников, должны с осторожностью относиться к удаленной работе на постоянной или частичной основе (Сунцова, 2020). Вместо этого было бы целесообразно время от времени использовать удаленную работу, но не исключительно с точки зрения благополучия в сфере взаимоотношений на рабочем месте.

Литература

Алонцева А. И. Взаимосвязь психологического благополучия с профессиональной успешностью стрелков ведомственной охраны железнодорожного транспорта // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4.

Голубева Н. М. К проблеме дифференциации понятий психологического и субъективного благополучия личности // Известия Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского. Новая сер. «Акмеология образования. Психология развития». 2010. Т. 3. № 3. С. 36–42.

Дружилов С. А. Профессиональное благополучие человека и психологические аспекты профессиональной адаптации и профессиональных деструкций // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 12. С. 189–211.

Сунцова Я. С. Психологическое благополучие личности в связи с доверием к себе и людям // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2020. № 1. С. 33–47.

Взаимосвязь психологических особенностей детско-родительских отношений и романтической привязанности в молодости

М. А. Фролова

В статье представлен анализ психологических особенностей романтической привязанности, обсуждается роль детско-родительских отношений в ее формировании. В ходе исследования была обнаружена отрицательная корреляционная связь между показателями избегания партнера и уровнем привязанности, доверия к матери. Результаты исследования иллюстрируют то, что отношения, которые молодежь строит с родителями в детстве, оказывают долгосрочное влияние на их эмоциональные, психологические и социальные особенности взрослой жизни.

Ключевые слова: привязанность, романтическая привязанность, привязанность к матери, детско-родительские отношения, близкие отношения.

Детско-родительские отношения являются одним из ключевых факторов в психологическом развитии каждого человека. Важность этих отношений в формировании личности оказывает значительное влияние на различные сферы жизни, включая психологическую стабильность и способность установления романтических отношений во взрослости. Поэтому актуальность выбранной темы объясняется необходимостью изучения аспектов привязанности с целью понимания того, как опыт прошлого влияет на способность управлять эмоциями, справляться с кон-

фликтами и проблемами, развивать и сохранять здоровые отношения.

Привязанность к родителям формируется в раннем детстве на основе отзывчивости взрослых на потребности и эмоции ребенка, а также может сказываться на развитии личности и отношениях в дальнейшей жизни. Романтическая привязанность относится к типам взаимоотношений между партнерами, описывает степень доверия, близости, удовлетворенности и взаимности; формируется на основе эмоциональных потребностей и ожиданий. Как и привязанность к родителям, романтическая привязанность может быть надежной, что содействует развитию здоровых и устойчивых отношений. В противном же случае может вызывать проблемы, такие как созависимость, недостаточное уважение или непонимание.

Одним из первых психологов, который внес вклад в изучение привязанности, был Джон Боулби (Боулби, 2003). Он утверждал, что у человека существует врожденное стремление к привязанности к определенным объектам, в том числе и к близким людям. Оно выражается в желании получать утешение и поддержку в трудные моменты, а также в страхе потерять близкого человека. Мэри Эйнсворт продолжила его исследования и выделила типы привязанности, которые формируются в раннем детстве. Взрослые, которые выросли с надежной привязанностью, склонны к доверительным, близким отношениям и не боятся быть открытыми в своих эмоциях. Тревожный тип привязанности характеризуется неуверенностью в отношениях, зависимостью от партнера. Партнеры с избегающим типом привязанности могут чувствовать себя неудобно при проявлении эмоций, не ищут поддержки и общения со своими партнерами.

Тип привязанности может значительно влиять на дальнейшую жизнь и взаимодействия человека с окружающим миром, например на коммуникативное, эмоциональное и познавательное развитие детей; на психологические процессы и характеристики личности взрослых (M. Mikulincer, P. Shaver). Надежный тип привязанности положительно связан с психическим здоровьем, эмоциональным благополучием, устойчивостью к психотравмирующим воздействиям, самооценкой, межличностными навыками. Люди с надежным типом привязанности в целом ощущают себя счастливее и успешнее во всех сферах жизни (T. Ein-Dor). Также существует мнение, что студенты с данным типом привя-

занности более устойчивы к конфликтам и более результативны в обучении (Е. Е. Волкова).

Многие исследования (М. И. Лисина, R. Thompson, K. Kerns, R. Richardson и др.) показывают значимое воздействие эмоциональных связей ребенка с близким взрослым на его индивидуально-личностные особенности, ведь именно в семье ребенок учится взаимодействовать с окружающими, выстраивает поведение, которое может сохраняться у него как в подростковом периоде, так и в юношестве и взрослости. Боулби также изучал влияние взаимоотношений между младенцами и их матерями на формирование психических особенностей взрослых, считал, что ранние взаимоотношения детей с их заботящимся окружением оказывают значительное воздействие на всю дальнейшую жизнь. В современных исследованиях подтверждается связь между показателями привязанности к матери в детстве и романтической привязанности во взрослости (Куфтяк, 2015). Надежному типу привязанности к матери соответствует надежный тип романтической привязанности, а тревожные и избегающие типы коррелируют с такими характеристиками, как тревога, фрустрация, «срастание» с партнером или избегание близости (Улейская, 2016). Однако в большинстве публикаций на данную тему большее внимание уделяют именно взаимоотношениям с матерью, редко включая в методики отношения с отцом.

Цель исследования: проанализировать и выявить взаимосвязь детско-родительских отношений и психологических особенностей романтической привязанности.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между показателями привязанности к родителям и оценкой типа привязанности к романтическому партнеру.

Статистические методы: корреляционный анализ.

Методики: русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам IPA» (Вашурина, 2014), адаптированная версия «Опросника взрослой привязанности AAI» (Сабельникова и др., 2023).

Выборка исследования: 31 человек в возрасте от 17 до 22 лет, 20 девушек и 11 юношей. Большая часть опрошенных в данный момент получает высшее (67,7%) или среднее профессиональное (16,1%) образование. Также большинство респондентов полностью (58,1%) или частично (35,5%) финансово зависимы от семьи. Около половины участников (54,8%) считают свой доход (или доход семьи) средним, 32,3% – высоким, 12,9% – низким.

Результаты и их интерпретация

Корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена показал связи между показателем «избегание» по отношению к партнеру и низким уровнем привязанности, доверия к матери (при $p \leq 0{,}05$). Полученные данные отражают общий возрастно-психологический механизм развития привязанности.

Партнеры с избегающим типом привязанности испытывают дискомфорт в близких отношениях, им тяжело полностью доверять другому человеку. Одной из причин формирования такого поведения, могут быть отношения с матерью в детстве. Например, если мать не отвечает на эмоциональные потребности ребенка, не выражает свою любовь и заботу, не создает эмоциональную близость, то ребенок может развить потребность избегать тесного контакта с окружающими. Эта гипотеза подтверждается и в других исследованиях на данную тему (Куфтяк, 2015; Улейская, 2017).

Однако, существует и множество других факторов, влияющих на формирование типа привязанности. Все они могут варьироваться в зависимости от индивидуальных обстоятельств каждого ребенка. Так, не только отношения с родителями, но и отношения с другими близкими людьми, такими как братья и сестры, друзья или важные в жизни человека взрослые, могут влиять на тип привязанности. Также, если ребенок переживает травматические события или часто подвергается стрессу, это может оказать негативное влияние на его привязанность – данный опыт может снизить уровень доверия и безопасности.

Выводы

В ходе исследования была обнаружена отрицательная корреляционная связь между показателями избегания партнера и уровнем привязанности, доверия к матери.

Взаимосвязь детско-родительских отношений и романтической привязанности представляет сложную и многогранную проблему. Отношения, которые мы строим с родителями в детстве, оказывают долгосрочное влияние на наши эмоциональные, психологические и социальные особенности взрослой жизни. Понимание этой взаимосвязи помогает осознать проблемы и разработать стратегии для создания здоровых и устойчивых отношений.

Литература

Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.

Вашурина Ю. М. Адаптация опросника взрослой привязанности как инструмента социальной диагностики // Психологическая диагностика. 2014. № 3. С. 94.

Куфтяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1. С. 78–83.

Сабельникова Н. В., Каширский Д. В., Садовникова Т. Ю. Русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 89–104.

Улейская М. В. Взаимосвязь между привязанностью к матери в детстве и романтической привязанностью у молодых женщин // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 4. С. 112–120.

Взаимосвязь образов родителей и экзистенциальной исполненности личности

А. Б. Халикова

В данной статье рассматривается характер взаимосвязи субъективного восприятия образов родителей и исполненности экзистенциальных фундаментальных мотиваций. Были выделены 3 основные категории оценки отца и матери: «Отчуждение» ↔ «Встреча», «Вседозволенность» ↔ «Дисциплина» и «Дисгармония» ↔ «Гармония». Обнаружена частичная корреляция степени исполненности фундаментальных мотиваций и выраженности образов родителей.

Ключевые слова: образы родители, семантический анализ, экзистенциальная исполненность, фундаментальные экзистенциальные мотивации.

Цель исследования заключается в определении характера взаимосвязи исполненности фундаментальных экзистенциальных мотиваций с образами родителей.

Гипотеза исследования такова, что выраженность (как положительная, так и отрицательная) качественных характеристик родителей взаимосвязана с высокими показателями фундаментальной исполненности.

Основную выборку исследования составили 154 человека (96 женщин и 58 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет, представители русской, узбекской и армянской национальностей.

Методы исследования

Для определения качественных характеристик образов родителей использовалась Адаптированная версия семантического дифференциала детско-родительских отношений (Дерюгина, 2013). Методика включает в себя 38 антонимичных пар определений. В связи с особенностями нашего исследования мы используем адаптированную версию в двух вариантах: для оценки образа отца и матери в отдельности.

Тест экзистенциальных мотиваций был применен для определения степени исполненности фундаментальных мотиваций (Шумский и др., 2016). Методика включает в себя 36 утверждений, сгруппированных в 4 шкалы, которые соответствуют четырем фундаментальным мотивациям, а также содержит 12 субшкал (по 3 в каждой шкале), которые соответствуют предпосылкам фундаментальных мотиваций.

Методы статистического анализа

1. Эксплораторный факторный анализ для определения категорий восприятия образов отца и матери.
2. Непараметрический критерий Спирмена для корреляционного анализа.

Результаты

Для выделения семантических структур образов родителей был проведен эксплораторный факторный анализ на общей выборке. Решение о количестве выделяемых факторов принималось на основании трех критериев: график собственных значений, процент объясняемой дисперсии (68,597%) и интерпретируемость данных. В результате было выбрано 3-факторное решение.

Для определения типа вращения необходимо проверить факторы на корреляцию. Результаты вращения показывают, что между факторами не существует значимых корреляций ($r>0,5$), следовательно, применение ортогонального вращения является целесообразным.

Таким образом мы получили:

Фактор 1 «Отчуждение» ↔ «Встреча»:

1. Неважные–Важные (–0,941);
2. Незаботливые–Заботливые (–0,915);
3. Обесцененные–Ценные (–0,897);

4. Холодные–Теплые (–0,889);
5. Далекие–Близкие (–0,841);
6. Ненавидящие–Любящие (–0,835).

Фактор 2 «Вседозволенность» ↔ «Дисциплина»

1. Нестрогие–Строгие (–0,761);
2. Легкомысленные–Серьезные (–0,652);
3. Неавторитетные–Авторитетные (–0,635);
4. Невоспитывающие–Воспитывающие (–0,604);
5. Хаотичные–Упорядоченные (–0,468);
6. Безответственные–Ответственные (–0,402).

Фактор 3 «Дисгармония» ↔ «Гармония»

1. Конфликтные–Бесконфликтные (–0,787);
2. Трудные–Легкие (–0,763);
3. Сложные–Простые (–0,747);
4. Зависимые–Независимые (–0,741);
5. Напряженные–Расслабленные (–0,710);
6. Ограничивающие–Неограничивающие (–0,685).

Перед проведением непосредственно корреляционного анализа образов родителей с исполненностью фундаментальных мотиваций мы проверили описательные статистики данных опросника ТЭМ.

Средние значения находятся в диапазоне средней выраженности:

1ФМ (M = 25,6, Sd = 5,1);
2ФМ (M = 25,4, Sd = 5,4);
3ФМ (M = 29,4, Sd = 4,4);
4ФМ (M = 27,1, Sd = 5,7);
Общий балл (M = 107,7, Sd = 17,3).

По каждой выделенной категории оценки матери и отца были определены факторные баллы каждого респондента в отдельности для образа матери и образа отца. Данные 6 шкал были прокоррелированы с показателями исполненности экзистенциальных фундаментальных мотиваций с использованием непараметрического критерия Спирмена.

Выявлена значимая прямо пропорциональная корреляция гармоничности и Встречи с образом матери с исполненностью первой ($p<0,005$, $r=0,334$, $r=0,470$), второй ($p<0,005$, $r=0,217$, $r=0,265$),

четвертой фундаментальными мотивациями ($p<0,005$, $r=0,230$, $r=0,284$), а также с общей исполненностью ($p<0,005$, $r=0,276$, $r=0,357$). Уровень дисциплинарности образа матери положительно связан с исполненностью первой фундаментальной мотивации ($p=0,039$, $r=0,169$). Гармоничность образа отца положительно связана с исполненностью первой ($p=0,002$, $r=0,255$), третьей фундаментальными мотивациями ($p=0,031$, $r=0,176$) и общей исполненность ($p=0,018$, $r=0,193$). Отсутствуют значимые корреляции исполненности фундаментальных мотиваций и образов дисциплинарности и Встречи с папой ($p>0,05$).

Интерпретация

При выявлении имплицитных категорий осмысления образов родителей было выявлено 3 качественных категорий. Выделенные нами категории соответствуют классической классической Осгудовской теории о присутствии оценки, силы и активности в восприятии феноменов и результатам, полученным автором использованной методики. Категории оценка соответствует фактор 3 «Дисгармония» ↔ «Гармония», полюса которых являются выраженно негативными и позитивными оценками. Категории сила соответствует фактор 2 «Вседозволенность» ↔ «Дисциплина», а категории активность – фактор 1 «Отчуждение» ↔ «Встреча». В исследовании М. Г. Дерюгиной были получены схожие по смыслу факторы: Понимающие–Непонимающие (Ф3), Принимаемые–Отвергаемые (Ф1), Добрые–Злые (Ф3), Добровольные–Вынужденные (Ф3), Целостные–Разрозненные (Ф2), Светлые–Темные (Ф3, Ф1), Главные–Второстепенные (Ф1), Близкие–Далекие (Ф1), Легкие–Трудные (Ф3).

При анализе связей образов отца и матери с исполненностью фундаментальных мотиваций выявлена слабая положительная связь образа Встречи и Гармоничности матери с 1ФМ, 2ФМ, 4ФМ и общей экзистенциальной исполненностью, а образ Дисциплины матери слабо положительно связан с 1ФМ. Также чем выше образ Гармоничности отца, тем выше показатели исполненности 1ФМ, 3ФМ и общей экзистенциальной исполненности. Данные результаты частично соотносятся с положениями А. Лэнгле о первостепенной роли матери (праобраз жизни) в процессуальном переживании и содержании жизни личности, которым соответствуют 2ФМ и 4ФМ, тогда как взаимодействие с отцом является значимым для формирования 3ФМ и структур жизни личности, которые выражаются в контексте 1ФМ. Поставленная гипотеза о связи

выраженности оценок образов родителей со степенью исполненности экзистенциальных фундаментальных мотиваций частично подтверждена.

Выводы

В восприятии образа родителей выделяются 3 дихотомических критерия: «Отчуждение» ↔ «Встреча», «Вседозволенность» ↔ «Дисциплина», «Дисгармония» ↔ «Гармония».

Выявлена связь образов родителей и выраженности показателя исполненности фундаментальных мотиваций: чем выше показатели по категории Гармоничность и Встреча в образе матери, тем выше степень исполненности в контексте 1ФМ, 2ФМ, 4ФМ и общей экзистенциальной исполненности. Связь экзистенциальной исполненности с выраженностью категории Гармоничность в образе отца прямо пропорциональна: чем выше показатели по категории Гармоничность, тем выше степень экзистенциальной исполненности в контексте 1ФМ, 3ФМ и общей исполненности.

Литература

Дерюгина М. Р. Специализированный семантический дифференциал для оценки детско-родительских отношений // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (22). С. 60–70.

Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования: анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. СПб.: Речь, 2007.

Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учеб. пособие для вузов. М.: Пчела, 2008.

Шумский В. Б., Уколова Е. М., Осин Е. Н., Лупандина Я. Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 763–788.

Längle A., Orgler Ch., Kundi M. The Existence Scale. A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfillment // European Psychotherapy. 2003. V. 4 (1). P. 135–151.

Структура эмоционального интеллекта лиц пожилого возраста, проживающих в доме-интернате для престарелых и инвалидов

В. О. Хватова

В статье представлена специфика изучения эмоционального интеллекта. Проанализированы модели эмоционального интеллекта. Результаты эмпирического исследования эмоционального интеллекта лиц пожилого возраста, проживающих в доме-интернате для престарелых и инвалидов, позволяют утверждать, что респондентам сложно дифференцировать свои и чужие эмоции, они недостаточно владеют навыками саморегуляции, не всегда могут оказывать воздействие на чужие эмоции, а также демонстрируют низкий уровень эмпатии.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, структура эмоционального интеллекта, понимание эмоций, управление эмоциями, эмпатия, лица пожилого возраста.

Пожилой возраст является одним из наиболее уязвимых периодов в жизни человека. Возрастающий интерес исследователей к его изучению, в первую очередь, обусловлен увеличением продолжительности жизни. В современной психологии существуют две противоположные точки зрения на процесс старения. С одной стороны – это регресс, увядание, с другой – развитие, так как человек продолжает строить свой жизненный путь (Бохан и др., 2017).

Процесс старения протекает у всех по-разному, с разной скоростью и интенсивностью. Он зависит как от внешних, так и внутренних факторов.

Изменения в эмоциональной сфере в этот возрастной период выражаются в неподконтрольных аффективных реакциях и меланхолии, снижении эмоциональной чувствительности и навыков преодоления тяжелых ситуаций, концентрации внимания на собственной личности. Снижение активности, затруднения во взаимодействии с окружающими, недостаток эмоциональных стимулов, эмоциональная лабильность или ригидность являются причинами изменения эмоционального интеллекта в пожилом возрасте.

Эмоциональный интеллект является необходимым конструктом личности, который позволяет повышать качество ее жизни. История изучения феномена эмоционального интеллекта сравнительно молода. Первые попытки его определения и дифференциации представлены в исследованиях Р. Бар-Она, Л. С. Выготского, Д. Гоулмана, Б. В. Зейгарник, А. Р. Лурия, П. Сэловей, О. К. Тихомирова и др.

Идея о единстве интеллекта и аффекта (Л. С. Выготский) стала отправной точкой для изучения эмоционального интеллекта и позволила сформировать базовые научные основы его исследования. В первой модели эмоционального интеллекта (П. Сэловей, Дж. Мэйер) в качестве структурных компонентов были выделены умение наблюдать как за своими чувствами и эмоциями, так и за чувствами и эмоциями других людей.

В отечественной психологии одна из первых моделей эмоционального интеллекта включала три взаимосвязанных структурных элемента: интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферу, при этом воля выступала способом подчинения эмоций интеллекту (Белорусова, 2020; Манойлова, 2003). Необходимость включения в структуру когнитивных способностей обусловлена необходимостью осмысления и понимания эмоций, а также их интерпретацией и включением в деятельность (Люсин, 2004).

Эмоциональный интеллект является не только компонентом социального интеллекта, включающим способность использовать полученную информацию для управления определенной деятельностью, но и своеобразным типом эмоциональной обработки информации, предполагающим адекватное выражение эмоций, регулирование собственных эмоций для того, чтобы улучшить свое качество жизни (Кобзева, 2018).

Эмпирическое исследование эмоционального интеллекта лиц пожилого возраста, проживающих в доме-интернате для престарелых и инвалидов, было организовано на базе Мурманского дома-

интерната для престарелых и инвалидов в 2022 году. В нем приняли участие 27 респондентов, средний возраст которых составил 69 лет.

Цель исследования – изучить особенности эмоционального интеллекта лиц пожилого возраста, проживающих в доме-интернате для престарелых и инвалидов.

Гипотеза исследования состоит в предположение о том, что для лиц пожилого возраста, проживающих в доме-интернате для престарелых и инвалидов, характерны трудности в распознавании своих и чужих эмоций, недостаточный уровень владения управления эмоциями, низкий уровень эмпатии.

Психологическая диагностика эмоционального интеллекта проводилась с помощью теста эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, теста эмоционального интеллекта Н. Холла и методики диагностики эмоционального интеллекта М. А. Манойловой. Выбранные методики позволяют рассмотреть структуру эмоционального интеллекта с разных позиций.

Результаты исследования позволяют утверждать, что внутриличностный и межличностный интеллект в пожилом возрасте имеют низкий уровень выражения (38+6,3 и 37+7,6, соответственно), что проявляется в трудностях мгновенного определения и осмысления своих эмоций и чувств, выявления между ними причинно-следственных связей, в проблемах с навыками их словесного описания и выражения, а также недостаточном уровне осведомленности о способах саморегуляции и воздействия на свое состояние. Они склонны застревать в своих эмоциях, им сложно переключаться с тяжелых переживаний.

Для большинства пожилых людей характерен низкий уровень управления своими эмоциями, что проявляется в длительной эмоциональной отходчивости, снижении эмоциональной гибкости и пластичности, трудностях произвольно и целенаправленно вызывать у себя определенные эмоции или снижать их интенсивность. Низкие показатели по шкале эмпатии указывают на затруднения в сопереживании актуальному состоянию партнера по общению, распознавании невербальных сигналов от окружающих для получения эмоциональной поддержки, понимании их чувств и эмоций. Они не всегда могут заметить динамику эмоциональных проявлений и невербальные сигналы в процессе общения, однако готовы эмоционально откликнуться и поддержать другого человека при необходимости.

Отличительной особенностью этого возрастного периода являются трудности в выстраивании близких эмоциональных от-

ношений с окружающими, снижение осознанности, рефлексии и коммуникативных навыков.

Вместе с тем лица пожилого возраста в большинстве своем понимают значение эмоций в процессе общения, осведомлены о характеристиках эмоциональных состояний, склонны к рефлексии и самоанализу. У них развиты способности управления эмоциями и контроля над ними, навыки практического применения эмоций для достижения определенных целей.

Таким образом, отличительной особенностью эмоционального интеллекта пожилых людей, проживающих в доме-интернате для престарелых и инвалидов, является низкий уровень проявления всех его компонентов, который проявляется в недостаточной информированности о функциях эмоций, трудностях понимания своих эмоций и переживаний, низкой осведомленности о способах саморегуляции эмоционального состояния, недостаточном владении навыками оказания осознанного воздействия на эмоции и чувства другого человека. Выявленные особенности могут быть результатом проживания в доме-интернате для престарелых и инвалидов, для которого характерна социальная депривация, общим снижением активности.

На основе результатов исследования была разработана система коррекционно-развивающих занятий, направленная на повышение эмоциональной осведомленности пожилых людей, развитие умения управлять как своими эмоциями, так и эмоциями окружающих.

Основными методами, позволяющими воздействовать на эмоциональный интеллект пожилых людей, стали дискуссии, беседы, дыхательные методики и элементы арт-терапии.

Литература

Белорусова А. В. Понятие эмоционального интеллекта в психологической литературе // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 110–114.

Бохан Т. Г., Стоянова И. Я., Ульянич А. Л. Психологическое консультирование в социальных практиках психологической помощи. Томск: ИД Томского гос. ун-та, 2017. С. 164.

Кобзева О. В. Эмоциональный интеллект как источник развития в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60 (1). С. 449–451.

Люсин Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29–36.

Манойлова М. А. Акмеологическое развитие эмоционального интеллекта у студентов педагогических вузов // Акмеология. 2003. № 3. С. 40–41.

Ментальные модели возрастных изменений собственного интеллекта и тела

А. И. Чистякова

В тексте описаны результаты исследования ментальных моделей изменений собственного интеллекта и тела. Мы сравнивали представления испытуемых о собственном интеллекте с концепцией развития интеллекта Ж. Пиаже. Основной эксперимент проводился по методике «магического мира», испытуемые (74 человека) были отобраны с помощью опроса на определение имплицитных теорий интеллекта Кэрол Двек. В ходе работы мы пришли к выводам, что испытуемые не различают стадии развития интеллекта таким образом, как их описывал Пиаже. В 50 процентах случаев телесные изменения воспринимаются испытуемыми как более заметные (в баллах сложности), и чем глубже возвращение, тем более сложным оно представляется.

Ключевые слова: ментальные модели, интеллект, тело, развитие, стадиальность.

В когнитивной психологии существует направление, изучающее наивные представления людей об окружающей действительности. Данная работа посвящена изучению наивных ментальных моделей собственного интеллекта и тела относительно концепции развития интеллекта Ж. Пиаже.

Ж. Пиаже в сравнении с остальными авторами качественно и четко определил стадии, обозначив каждую конкретными эмпирическими фактами, что удобно в рамках нашей работы. Пер-

вая стадия – период развития сенсомоторного интеллекта, вторая – период дооперациональных представлений, третья – стадия конкретных операций и четвертая – стадия формальных операций. На каждом из периодов происходит приобретение одних особенностей мышления и потеря других (Пиаже, 2003).

Кэрол Двек выделила две имплицитных теории интеллекта. Одна из которых утверждает: у части людей есть устойчивые представления о том, что интеллект – это фиксированная величина, которая не поддается изменениям (Dweck, Leggett, 1988).

Ментальные модели основаны на субъективном опыте человека, а процесс развития – это и есть накопление опыта, облегчающего взаимодействие людей с окружающими условиями. Одновременно со становлением представлений о реальности стадиально (согласно концепции Ж. Пиаже) развивается и интеллект. Поэтому мы выдвигаем предположение о существовании ментальных моделей возрастных изменений собственного интеллекта. Через определенные этапы развития проходит и тело – нам предстоит оценить, насколько в ментальных моделях людей без специального образования представлены их собственные телесные и интеллектуальные возрастные изменения.

Гипотезы:

1. Испытуемые различают стадии развития интеллекта, которые выделил Пиаже. В концепции Ж. Пиаже интеллект – результат адаптации к условиям окружающей среды (Пиаже, 1969). Можно предположить, что в ментальных моделях, как продуктах все той же адаптации, будут отражены этапы его становления.
2. Телесные изменения будут более заметными (в баллах), чем интеллектуальные. Постоянство объекта и его целостность – концепции, которые заложены в основу отражения любого объекта в наших ментальных моделях (McCoy et al., 2019). Чтобы изменить собственное тело, нужно пренебречь собственными ментальными установками.
3. Чем глубже возвращение, тем более сложным оно рассматривается. Относительно телесных изменений мы апеллируем к законам наивной физики, отражение которых можно наблюдать в ментальных моделях. Чем в более ранний возраст необходимо вернуться, тем большему нарушению подвергнется единство нашей материальной составляющей (ibid.). Интеллект сложнее вернуть на самые ранние этапы развития, так как непросто представить, что весь жизненный опыт, который имеется сейчас, когда-то отсутствовал.

Мы воспользовались методикой «магического мира», предложенной в исследовании Маккоя и Ульмана, на основании которого построены некоторые наши гипотезы (McCoy et al., 2019), а также опросом Кэрол Двек, направленным на определение представлений об изменяемости/неизменности собственного интеллекта (Корнилова и др., 2008).

В исследовании приняли участие 74 человека. Средний возраст – 18,7, стандартное отклонение 1,2. Максимальный возраст – 22, минимальный – 17. Участвовали 62 женщины и 12 мужчин.

Сначала предоставлялась инструкция, вводившая испытуемых в контекст того, что все далее упомянутое будет происходить в воображаемом мире.

После мы просили респондентов ранжировать возраста, в которые с помощью волшебства предстоит вернуть свое мышление и тело от самого сложного до самого легкого. Таких возрастов мы выделили 10: от 1 года до 15 лет, что объясняется становлением основных компонентов развития на данном промежутке.

Затем были вопросы на определение степени веры человека в магию.

Наконец, мы брали каждый возраст и спрашивали, сколько магических баллов понадобится для возвращения мышления и тела в этот период.

Во втором опросе мы предлагали испытуемым утверждения по методике Керол Двек (Корнилова и др., 2008). Опрос состоял из 8 суждений и задания на заполнение пробелов в формуле «Интеллект = ... % усилий + ... % способностей». Ответы были соотнесены с ключами, получилось, что каждый из 74 опрашиваемых считает интеллект изменяемой величиной.

Нам удалось выявить некоторые преимущества методики ранжирования, поэтому основные подсчеты осуществлялись на основании данных ранжирований.

Мы перекодировали данные, сделано это было так: каждый возраст заменялся соответствующим ему рангом. То есть 1 год – 1 ранг, 3 года – 2 ранг и т. д.

Сначала данные возвращения мышления и тела вычислялись с помощью двухфакторной ANOVA: для отличий в зависимости от глубины возвращения: $F(9, 1314) = 48{,}258$, $p<0{,}001$, $\eta^2p = 0{,}245$; взаимодействие факторов: $F(9, 1314) = 3{,}028$, $p<0{,}001$, $\eta^2p = 0{,}015$. Средние ранги значительно отличаются друг от друга сами по себе, а также отличны в зависимости от типа задачи.

Мы получили график, который отображает взаимодействие двух типов задач. Значимые различия мы можем наблюдать на позициях 1, 2, 3, 4 и 7, 8, 9, 10, так как точки, характерные для этих рангов не пересекаются ни сами по себе, ни с учетом стандартной ошибки.

Далее результаты для мышления считались с помощью t-теста с применением рангового критерия Вилкоксона.

Наличие статистически значимых различий между оценками одних возрастов (7 и 9, 8 и 10) и их отсутствие между оценками других возрастов (1 и 3, 2 и 3 и т. д.) намекает на стадиальное восприятие развития собственного интеллекта.

Также мы сравнили между собой 3 группы людей, образованных по степени веры в магию. Значимых различий не наблюдается. Вера в магию, не вера в нее или положение, определяющееся как нечто среднее, не влияет на то, какие ответы давали испытуемые.

1. Гипотеза: люди различают стадии развития интеллекта, которые выделил Ж. Пиаже – не подтвердилась. Мы наблюдали, что различия между каждым из возрастов (переведенных в ранги) очень значимы. Соответственно, сложность возвращения в определенный возраст оценивается испытуемыми по-разному. Однако результаты совсем не похожи на ту четырехступенчатую концепцию, которую разработал Ж. Пиаже.
2. Предположение, что телесные изменения воспринимаются испытуемыми как более заметные подтвердилось частично. Изучаемые факторы – средние возраста, получившиеся на каждом ранге, статистически значимо отличаются друг от друга в зависимости от типа задачи. Однако при изучении графика мы увидели, что прямые пересекаются. Можно говорить о частичном подтверждении гипотезы, ведь примерно в 50% случаев телесные возвращения определяются как более трудные.
3. Гипотеза «чем глубже возвращение, тем более сложным оно представляется» подтвердилась в ANOVA. Самые близкие к реальному возрасту возраста в большинстве случаев ставились испытуемыми на первый ранг и далее возраста располагались по нисходящей, при этом количество магических баллов, отражающих сложность выполнения заклинания, увеличивалась.

Таким образом, изучение ментальных моделей развития собственного интеллекта и тела представляет собой научную проблему, дальнейшее изучение которой может привести к интересным результатам.

Литература

Корнилова Т. В., Смирнов С. Д., Чумакова М. В., Корнилов С. А., Новотоцкая-Власова Е. В. Модификация опросников К. Двек в контексте изучения академических достижений студентов // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 86–100.

Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2003.

Dweck C. S., Leggett E. L. A Social-cognitive approach to motivation and personality // Psychological Review. 1988. V. 95. № 2. P. 256–273.

McCoy J., Ullman T. Judgments of effort for magical violations of intuitive physics // PLoS One. 2019. V. 14. № 5. doi: 10.1371/journal.pone.0217513

Piaget J. The Psychology of Intelligence. London: Routledge–Kegan Paul, 1951.

Изучение особенностей межличностного взаимодействия в коллективе сверстников на примере подросткового возраста

А. С. Чуйко

Целью исследования является анализ социометрической структуры и предпочитаемых типов межличностных отношений в учебной группе подростков. Гипотеза исследования – в подростковом возрасте наблюдаются особенности в структуре и характере межличностных отношений между членами коллектива. В исследовании приняли участие 20 подростков 7а класса, в возрасте 13–14 лет, которые находятся в устойчивом непосредственном взаимодействии друг с другом. Методы исследования: метод «Социометрия» Дж. Морено и тест «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири.

Ключевые слова: подростки, межличностные отношения, социометрия, взаимоотношения, поведение.

Изучение особенностей межличностного взаимодействия в коллективе сверстников подросткового возраста остается крайне актуальным по нескольким причинам:

Во-первых, подростковый период сопровождается интенсивными физическим, эмоциональным и психологическим развитием. Именно в этот период происходит формирование личности, мировоззрение, ценности и отношения. Изучение межличностных взаимодействий помогает лучше понять, как эти процессы происходят (Кон, 1979; Никишина, 2021).

Во-вторых, с развитием технологий и социальных медиа взаимодействия между подростками приобретают новые формы. Это требует особого внимания, так как виртуальные отношения могут сильно повлиять на социальное и эмоциональное развитие (Волокитина, Френкель, 2015).

В-третьих, в подростковом возрасте сверстники играют ключевую роль в социализации. Их взаимодействия могут существенно влиять на развитие индивида: от формирования интересов и хобби до принятия ценностей и норм поведения (Власов, 2021).

Теоретическими основами исследования послужили труды А.А. Бодалева, В.Н. Мясищева, А.В. Петровского по проблеме межличностного взаимодействия, работы А.Д. Глоточкина, Д.И. Фельдштейна об особенностях межличностных отношений подростков со сверстниками, работы М.И. Лисиной, А.Р. Маллера, В.С. Мерлина о возможностях психолого-педагогической помощи подросткам в условиях общеобразовательных учреждений.

Методы исследования: метод «Социометрия» Дж. Морено, тест «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири; методы количественной и качественной обработки экспериментальных данных.

В исследовании приняли участие 20 подростков 7а класса, в возрасте 13–14 лет (11 мальчиков и 9 девочек), которые находятся в устойчивом непосредственном взаимодействии друг с другом.

Для исследования использовался метод Дж. Морено «Социометрия», цель которого – диагностика эмоциональных связей. Выделяют следующие типы социометрического статуса: «Популярные» («звезды») – учащиеся, получившие в 2 раза больше положительных выборов от средней суммы положительных выборов; «Предпочитаемые» – учащиеся, получившие среднее и выше среднего значения положительного выбора (до уровня показателя «звезды»); «Пренебрегаемые» – учащиеся, получившие меньше среднего значения положительного выбора; «Изолированные» – учащиеся, не получившие положительных выборов, (то есть остаются незамеченными своими сверстниками).

На основании подсчетов определены статусные позиции подростков: звезды – 3 человека (15%), предпочитаемые – 15 человек (75%), 1 пренебрегаемый (5%) и 1 изолированный участник (5%).

На основании результатов мы можем сказать, что в основном в данной группе подростков – «предпочитаемые», таких 75% (15 человек). Коэффициент сплоченности группы = 55 – это показатель среднего уровня. Такой уровень групповой сплоченности вероятно связан с наличием трех микрогрупп. Особенностью явля-

ется отсутствие между ними взаимных положительных выборов. Учащиеся предпочитают взаимодействовать только со своим узким кругом общения. В двух микрогруппах ярко выражена лидерская позиция, что может влиять на их взаимодействие и создавать конфликтную ситуацию. Третья микрогруппа имеет взаимосвязь вида – триада. Также результаты показали, что между микрогруппами имеются взаимные и невзаимные выборы отрицательного характера, но их не наблюдается в внутри каждой общности. Отсутствие отрицательных выборов внутри микрогрупп говорит нам о достаточно доброжелательном отношении подростков друг к другу в своей подгруппе.

При помощи теста «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири определяли типы межличностных отношений подростков, их положительные и отрицательные стороны.

Анализ типов межличностных отношений подростков выявил следующее: 8 подростков данного класса имеют преобладающий властно-лидирующий тип, который характеризуется выраженной тенденцией к доминированию, потребностью командовать другими, повышенным уровнем притязаний, ориентацией в основном на собственное мнение и минимальной зависимостью от внешних средовых факторов. Поступки и высказывания таких людей могут опережать их продуманность, преобладает реагирование по типу «здесь-и-сейчас», они нетерпимы к критике, могут переоценивать собственные возможности. Четверо подростков из исследуемой группы являются носителями независимо-доминирующего типа межличностных отношений. У двух подростков выявили прямолинейно-агрессивный тип – им свойственно чрезмерное упорство, недружелюбие, несдержанность и вспыльчивость, а также прямолинейность, настойчивость в достижении цели. Один из подростков склонен к недоверчиво-скептическому типу межличностных отношений, люди такого типа крайне обидчивы и недоверчивы, к окружающим относятся с выраженной склонностью к критицизму, с недовольством и подозрительностью. Другой подросток имеет покорно-застенчивый тип, ему присуща полная покорность, повышенное чувство вины. Двое из группы имеют зависимый, послушный тип отношений с одноклассниками. В их характерах можно выделить такие черты, как сверхконформизм, полная зависимость от мнения окружающих. Также ярко выражена потребность в помощи со стороны окружающих, в их признании. Еще один из респондентов имеет сотрудничающе-конвенциальный тип межличностных отношений, который обладает такими

характеристиками, как повышенной откликаемостью на средовые воздействия, восприимчивостью к эмоциональному настрою группы. Люди с данным типом отношений дружелюбны и любезны со всеми, стремятся «быть хорошими» для всех без учета ситуации. Они стремятся найти признание у наиболее авторитарных личностей группы. При этом обладают эмоциональной неустойчивостью, высоким уровнем тревожности и низкой агрессивностью. Один из подростков обладает ответственно-великодушным типом. Люди такого типа мягкосердечные, ответственные, обязательные, у них присутствует гиперсоциальность установок, подчеркнутый альтруизм.

Обобщая результаты мы можем отметить, что социометрическая структура данного класса имеет три микрогруппы, в двух из которых ярко выражены лидеры. Вероятный конфликт/конкуренция лидеров порождает ситуацию отсутствия эмоциональной взаимосвязи между микрогруппами. Относительно предпочитаемых типов межличностных отношений анализ показал, что все респонденты имеют доминирующую направленность. Наиболее выраженным является властно-лидирующий тип. Его преобладание, вероятно, связано как с возрастным этапом развития личности, так и социометрической структурой эмоциональных взаимоотношений в данной группы.

Литература

Власов В. С. Сфера общения подростков как фактор социализации в подростковом возрасте // Инновационная наука. 2021. № 5. С. 188–193.

Волокитина Ю. О., Френкель Е. Э. Особенности виртуального и реального общения подростков, имеющих зависимость от общения в социальных сетях // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2015. URL: https://scienceforum.ru/2015/article/2015010984.

Кон И. С. Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979.

Никишина Л. А. Межличностные отношения подростков // E-Scio. 2021. № 10 (61). URL: https://e-scio.ru/?p=15327 (дата обращения: 25.08.2023).

Висконсинский тест сортировочных карточек и парадигма переключения задач: количественный метаанализ фМРТ исследований*

Ж. В. Чуйкова, А. А. Филатов, А. Ю Фабер, М. Арсалиду

Когнитивная гибкость – способность переключаться между задачами или идеями, измеряемая с помощью Висконсинского теста сортировочных карточек (ВТСК) и парадигмы переключения задач (ППЗ). В этом метаанализе мы впервые исследовали различия в мозговых коррелятах между ВТСК и ППЗ, а также между тремя типами переключения в ППЗ. Систематический поиск выявил данные из 94 опубликованных фМРТ исследований с участием 1457 человек. Мы установили, что ВТСК и ППЗ обнаруживают как общую, так и специфичную активацию для каждой парадигмы, связанную с латерализацией и вовлечением дополнительных корковых и подкорковых структур. Нам также удалось установить отсутствие различий между типами переключения в ППЗ. Наше исследование вносит уникальный вклад в понимание мозговых основ когнитивной гибкости.

Ключевые слова: когнитивная гибкость, метаанализ, фМРТ, ВТСК, парадигма переключения задач.

Введение

Для успешного функционирования в постоянно изменяющихся условиях среды мы используем когнитивную гибкость – способ-

* Финансирование было предоставлено за счет гранта факультета социальных наук НИУ ВШЭ. URL: https://social.hse.ru/pg/cogflex.

ность переключаться между задачами, стратегиями, правилами (Miyake et al., 2000). Традиционно для оценки когнитивной гибкости используют Висконсинский тест сортировочных карточек (ВТСК) и парадигму переключения задач (ППЗ). Метааналитические исследования показывают, что обе парадигмы связаны с активацией в лобных и теменных областях головного мозга (Buchsbaum et al., 2005). Однако есть основания полагать, что существуют различия в нейронных коррелятах между ВТСК и ППЗ, вызванные спецификой их структуры (Lange et al., 2018). Более того, исследователи выделяют как минимум 5 типов переключения в ППЗ, включая переключение атрибутов, задач, правил, объектов и местоположения (Wager et al., 2004), нейронные корреляты которых являются дискуссионной темой ввиду противоречивости полученных результатов (Kim et al., 2012; Wager et al., 2004). Таким образом, целью нашего исследования было определение общих и специфичных нейронных коррелятов между ВТСК и ППЗ, а также между ВТСК и переключением атрибутов, правил и задач. Также мы стремились определить существуют ли различия в активации головного мозга между тремя типами переключения в ППЗ (переключение атрибутов, правил и задач). Мы предполагали, что активации, связанные с ВТСК и ППЗ, будут обнаружены преимущественно в левом полушарии в лобно-теменной коре с заметными различиями в этих областях правого полушария. Кроме того, мы ожидали, что ВТСК обнаружит повышенную вовлеченность подкорковых областей, таких как базальные ганглии и таламус. Наконец, мы прогнозировали, что между тремя типами переключения будут обнаружены небольшие различия в активации из-за отличительных подпроцессов, задействованных в каждой задаче.

Материалы и методы исследования

В январе 2023 мы провели поиск литературы в двух базах данных-PubMed и Web of Science, используя поисковый запрос («cognitive flexibility» OR «set-shifting» OR «task-switching») AND (fMRI). Результаты поиска обнародовали 3973 статьи, из которых только 67 были отобраны для дальнейшего анализа. Среди них 15 статей (25 экспериментов, 266 испытуемых) содержали ВТСК и 52 статьи использовали ППЗ (69 экспериментов, 1191 испытуемый). Из 52 отобранных статей с ППЗ 18 содержали переключение атрибутов (24 эксперимента, 412 участников), 20 переключение задач (20 экспериментов, 513 участников) и 13 переключение правил (13 экспериментов, 273 участника). Для индивидуального анализа мы ис-

пользовали пороговое значение $p<0,05$ (с поправкой на групповую вероятность ошибки первого рода) и пороговое значение $p<0,001$ на уровне вокселя при формировании статистически значимых кластеров. Для анализа контрастов и пересечений между ВТСК и ППЗ и между тремя типами переключения мы использовали пороговое значение $p<0,01$ без поправки на множественные сравнения (10,000 перестановок, 200 $мм^3$ минимальный объем кластера).

Результаты

Результаты индивидуального анализа ВТСК показали билатеральную лобно-теменную активацию. Помимо этого, была обнаружена активация в левой веретенообразной извилине, левом островке, а также в нескольких подкорковых областях, включая билатеральный таламус, левое чечевицеобразное и хвостатое ядра. Одиночный анализ ППЗ обнаружил преимущественно левостороннюю активацию в областях лобно-теменной сети, а также в островке (билатерально) и в правой поясной извилине. Одиночные анализы для переключения атрибутов, правил и задач выявили схожие результаты с ППЗ. Контрастный анализ между двумя парадигмами когнитивной гибкости (ВТСК › ППЗ) выявил множество различий в теменных и лобных областях правого полушария, а также в левой прецентральной и веретенообразной извилине, предклинье, ограде и в правом островке и хвостатом ядре. В тоже время ППЗ в контрастном анализе с ВТСК (ППЗ › ВТСК) обнаружила только отличие в правой поясной извилине. Контрастный анализ между переключением атрибутов, задач и правил не выявил различий между всеми тремя типами переключения.

Выводы

В текущем метаанализе мы исследовали общие и специфичные нейронные корреляты для ВТСК, ППЗ и трех типов переключения в ППЗ. Исследование проводилось на основе анализа нейровизуализационных данных и включало 94 эксперимента с участием 1457 человек. Наши основные выводы заключаются в следующем:

1. ВТСК и ППЗ обнаруживают общую активацию в нескольких лобных и теменных областях левого полушария, что согласуется с предыдущим метааналитическим исследованием (Buchsbaum et al., 2005).
2. Впервые удалось установить значительные различия между ВТСК и ППЗ, которые связаны с латерализацией и вовлече-

нием уникальных кортикальных (веретенообразная извилина и поясная кора) и подкорковых областей (таламус и хвостатое ядро).

3. Попарное сравнение трех типов переключения, а именно переключение задач, правил и атрибутов, не выявило различий в их нейронных коррелятах.

Литература

Buchsbaum B. R., Greer S., Chang W.-L., Berman K. F. Meta-analysis of neuroimaging studies of the Wisconsin Card-Sorting task and component processes // Human Brain Mapping. 2005. V. 25. № 1. P. 35–45. doi: 10.1002/hbm.20128

Kim C., Cilles S. E., Johnson N. F., Gold B. T. Domain general and domain preferential brain regions associated with different types of task switching: a meta-analysis // Human Brain Mapping. 2012. V. 33. № 1. P. 130–142. doi: 10.1002/hbm.21199

Lange F., Kip A., Klein T., Müller D., Seer C., Kopp B. Effects of rule uncertainty on cognitive flexibility in a card-sorting paradigm // Acta Psychologica. 2018. V. 19. P. 53–64. doi: 10.1016/j.actpsy.2018.07.002

Miyake A., Friedman N. P., Emerson M. J., Witzki A. H., Howerter A., Wager T. D. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex "frontal lobe" tasks: a latent variable analysis // Cognitive Psychology. 2000. V. 41. № 1. P. 49–100. doi: 10.1006/cogp.1999.0734

Wager T. D., Jonides J., Reading S. Neuroimaging studies of shifting attention: A meta-analysis // NeuroImage. 2004. V. 22. № 4. P. 1679–1693. doi: 10.1016/j.neuroimage.2004.03.052

Взаимосвязь переживания одиночества и стилей юмора

И. В. Шалимов

В работе приводятся результаты исследования взаимосвязи переживания одиночества и стилей юмора. Предполагалось, что аспекты переживания одиночества положительно связаны с Агрессивным и Самоуничижительным стилями юмора. В исследовании приняли участие 170 студентов вузов г. Москвы (*средний возраст – 19,5 лет*). *Для диагностики использованы Дифференциальный опросник переживания одиночества и адаптированный Опросник стилей юмора Р. Мартина. Результаты исследования показали существование умеренной взаимосвязи указанных стилей юмора с «Зависимостью от общения»; взаимосвязи других стилей юмора с переживанием одиночества не обнаружены.*

Ключевые слова: переживание одиночества у студентов, стили юмора как фактор одиночества, позитивное одиночество, зависимость от общения, отчуждение.

Тотальным феноменом современности, в значительной степени проявляющимся у молодых людей ввиду нового жизненного контекста, является одиночество – психическое состояние переживания собственной невовлеченности в социальные связи и неудовлетворенности количеством и/или качеством актуальных межличностных отношений, – чаще имеющее негативный окрас и стигматизируемое обществом. Однако исследователи, предлагая пересмотреть взгляд на одиночество исключительно как на негативный феномен, выделяют и так называемое «позитивное одиночество», содержащее

в себе ресурс потенциального личностного развития. Поскольку одиночество есть нарушение в системе межличностных отношений, существенным видится установление факторов его возникновения и факторов, регулирующих его уровень, один из которых – стили юмора, непосредственно влияющие на качество/количество отношений и отражающие направленные вовне внутренние переживания личности, определяющие ее социальную позицию. И хотя проблематика одиночества как психосоциального феномена изучается интенсивно, вопрос взаимосвязи со стилями юмора не получил должного освещения. Обзор отечественных публикаций по психологии одиночества и юмора не выявил работ о взаимосвязи конструктов, а данные зарубежных источников малы и зачастую противоречивы. В этой связи логична постановка вопроса о степени тесноты связи между указанными феноменами. Таким образом, целью настоящей работы является изучение взаимосвязи переживания одиночества и предпочтения в стилях юмора.

Автором предполагалось наличие взаимосвязей: 1) между шкалой «Зависимость от общения» и Агрессивным стилем, так как уровень одиночества личности прямо связан с уровнями ее враждебности и агрессивности, что может выражаться в продукции юмора агрессивного стиля, который препятствует установлению глубоких отношений, из-за фрустрации социального общения (Rokach, 2004); и 2) между шкалами «Общее переживание одиночества», «Зависимость от общения» и Самоуничижительным стилем, ведь человеку, делающему себя объектом высмеиваний и насмешек окружающих с целью установления с ними контакта и достижения благорасположения, моменты пребывания с самим собой, вероятно, будут тягостны – «мучительно быть с человеком, которого ненавидишь» (Осин, Леонтьев, 2013; Rokach, 2004). Зарубежные китайские коллеги проводили схожее исследование на иной методологической базе (Yue, 2014) – автора также заинтересовала воспроизводимость полученных ими данных на русскоговорящей выборке.

Выборку исследования составили 170 студентов гуманитарных специальностей вузов г. Москвы (43 мужчины и 127 женщин) в возрасте от 17 до 24 лет, при среднем возрасте 19,5 лет (Me = 19). Специфические критерии отбора респондентов отсутствовали.

В исследовании применялась батарея формализованных диагностических методик: Дифференциальный опросник переживания одиночества (группирующие шкалы «Общее переживание одиночества» и два аспекта отношения к нему («Позитивное одиночество» и «Зависимость от общения»), содержащие в себе суб-

шкалы) и адаптированный Опросник стилей юмора Р. Мартина, измеряющий склонность к использованию каждого из четырех стилей юмора (Аффилиативный, Самоподдерживающий, Агрессивный и Самоуничижительный). Сбор данных исследования осуществлялся посредством заполнения онлайн-опроса, открытого для университетского пула участников.

Для статистической обработки полученных данных использовалось программное обеспечение SPSS Statistics v. 27. Расчет взаимосвязей между шкалами двух методик осуществлялся по непараметрическому критерию ранговой корреляции Спирмена ввиду установленного посредством критерия Колмогорова–Смирнова отличного от нормального характера распределения показателей большинства шкал. Обнаружены статистически значимые слабые положительные корреляции Агрессивного стиля юмора со шкалами «Зависимость от общения» ($r=0{,}161$, $p=0{,}035$), «Дисфория одиночества» ($r=0{,}161$, $p=0{,}036$) и «Одиночество как проблема» ($r=0{,}192$, $p=0{,}012$), а у Самоуничижительного – прямые связи со шкалами «Зависимость от общения» ($r=0{,}328$, $p<0{,}001$), «Дисфория одиночества» ($r=0{,}224$, $p=0{,}003$), «Самоощущение» ($r=0{,}300$, $p<0{,}001$), «Отчуждение» ($r=0{,}261$, $p<0{,}001$), и «Потребность в компании» ($r=0{,}185$, $p=0{,}016$), а также, что видится занимательным, отрицательная связь со шкалой «Радость уединения» ($r=-0{,}155$, $p=0{,}043$). Обнаружено отсутствие значимых корреляций Аффилиативного и Самоподдерживающего стилей юмора со всеми аспектами переживания одиночества – полагаем, использование юмора данных стилей не предполагает какого-либо упрощения коммуникации и не оказывает значимого влияния на успешность установления желаемых контактов, не имея, соответственно, и вклада в общий уровень одиночества и специфику его переживания; влияние указанных стилей на переживание одиночества могло быть переоценено.

Выявленная взаимосвязь Агрессивного стиля юмора с аспектами переживания одиночества может свидетельствовать о том, что в жизненных ситуациях личность продуцирует юмор агрессивного стиля из-за неимения желаемых интимно-близких отношений, остро переживая данный дефицит, причем значимые тесные взаимодействия отсутствуют вследствие нежелания окружающих быть объектом насмешек и подтруниваний; возникает некий «порочный круг»: чем чаще юмор агрессивного стиля продуцирует индивидуум, тем больше нежелание окружающих терпеть подобные формы оскорбительного к себе отношения и тем больше негативных чувств и переживаний сам индивидуум испыты-

вает из-за отсутствия желаемых близких отношений, болезненный дефицит которых – закономерный результат его собственных действий. Личность с предпочтением юмора Агрессивного стиля, скорее, не терпит отчуждения, а сам индивидуум, не почитая себя одиноким, вероятно, неудовлетворен не количеством имеющихся контактов, но их глубиной.

Личность с предпочтением юмора Самоуничижительного стиля, скорее, осознает себя как одинокую, негативно оценивает данный факт и переживает болезненные аффекты от данного осознания, а также зависит от близких отношений и остро нуждается в них. Отметим, что данный индивидуум не испытывает радости от ситуаций нахождения наедине с самим собой, не принимает их, но тяготится.

Таким образом, выдвинутые гипотезы подтвердились, полученные результаты, в общем и целом, соотносятся с результатами китайских исследователей. В заключение автор отметит, что выработка качественно иного уровня культуры отношения к одиночеству, видение в данном феномене не только лишь негативных последствий вкупе с осознанным использованием стилевых особенностей юмора и предоставляемых ими функциональных возможностей социального взаимодействия в целях профилактики и коррекции эпизодов болезненного переживания одиночества является неочевидным путем к психическому благополучию и потенциальной техникой саморегуляции и/или детерминантой личностного развития (Хазова, 2012).

Литература

Иванова Е. М., Митина О. В., Зайцева А. С., Стефаненко Е. А., Ениколопов С. Н. Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. № 2. С. 71–85.

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 55–81.

Хазова С. А. Юмор как ресурс совладающего поведения // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 3. С. 177–182.

Rokach A. Loneliness then and now: Reflections on social and emotional alienation in everyday life // Current Psychology. 2004. № 23. P. 24–40.

Yue X. D., Wong A. Y. M., Hiranandani N. A. Humor styles and loneliness: a study among Hong Kong and Hangzhou undergraduates // Psychological Reports: Employment Psychology & Marketing. 2014. № 1. P. 65–74.

Особенности психоэмоционального состояния детей младшего школьного возраста с туберкулезом органов дыхания в стрессовой ситуации поступления в стационар

О. С. Шелоумова

Целью настоящей работы стало изучение характеристик психоэмоционального статуса детей с туберкулезом органов дыхания (*ТОД*) *на этапе стационарного лечения. В исследовании приняли участие 28 детей 8–12 лет с ТОД, проходивших лечение в стационаре. У подавляющего большинства пациентов было выявлено наличие тревоги и стрессового состояния, более чем у половины – повышенный уровень нервно-психической напряженности и тревожности. У 50% детей отмечалось наличие выраженных симптомов депрессии. Также было выявлено наличие у пациентов эмоциональных, поведенческих и межличностных проблем со сверстниками.*

Ключевые слова: психоэмоциональный статус, стационарное лечение, туберкулез органов дыхания, дети, младший школьный возраст.

Постановка диагноза, госпитализация и связанные с ней медицинские процедуры являются источниками стресса, приводящими к возникновению различных психоэмоциональных нарушений у детей. В качестве концептуальной основы для изучения данного вида стресса, а также с целью эффективного психологического сопровождения пациентов была разработана модель педиатрического травматического медицинского стресса (ПМТС) (Kazak, 2006; Price, 2016). Несмотря на то, что ПМТС связан с травматическими стрессо-

выми расстройствами, в частности, острым стрессовым расстройством и посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), он не ограничивается данными диагностическими категориями, поскольку конкретные требования, предъявляемые к их постановке, могут не соответствовать феноменологии реакций ребенка или семьи на медицинские события. В связи с этим ПМТС определяется как совокупность психологических и физиологических реакций детей и их семей на боль, травмы, серьезные заболевания, медицинские процедуры и инвазивный или пугающий опыт лечения, и часто включает такие симптомы посттравматического стресса, как повторное переживание, избегание напоминаний о травме и повышенное возбуждение, но не ограничивается ими (Price, 2016).

Результаты исследований описывают особенности ПМТС у детей с острыми или угрожающими жизни состояниями, в частности, онкологическими заболеваниями, операциями по трансплантации сердца, а также такими хроническими заболеваниями, как впервые возникший диабет 1 типа (Price, 2016). Наряду с этим данные качественного исследования, включавшего анализ стенограмм интервью с детьми 7–14 лет, проходивших стационарное лечение ТОД, с их законными представителями и медицинским персоналом, осуществлявшим уход, свидетельствуют о том, что опыт лечения был для детей болезненным, нанесшим ущерб их физическому благополучию и самоощущению, нарушавшим социальное функционирование (Misra, 2022). Однако в настоящий момент наблюдается дефицит научных данных о симптомах психоэмоциональных нарушений, концептуализируемых в рамках ПМТС, у детей младшего школьного возраста с ТОД на этапе стационарного лечения. Данная категория пациентов является наиболее уязвимой вследствие того, что длительное стационарное лечение ТОД, продолжительность которого в ряде случаев достигает 18 месяцев и более, дети этой возрастной группы проходят без сопровождения родителя или опекуна. Это обусловлено как отсутствием симптомов, нарушающих социально – бытовую адаптацию ребенка и требующих присутствия лица, осуществляющего уход, так и рядом социальных причин, в частности, необходимостью осуществления родителями или опекунами трудовых функций и воспитанием ими сиблингов.

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей психоэмоционального статуса детей младшего школьного возраста с ТОД при поступлении в стационар. В исследование были включены 28 детей с ТОД в возрасте 8–12 лет (10,39±1,7), поступивших на стационарное лечение в ФГБНУ «Центральный научно-иссле-

довательский институт туберкулеза» (ФГБНУ «ЦНИИТ»). Из них 15 (53,57%) девочек и 13 (46,43%) мальчиков. В связи с отсутствием стандартизированных инструментов, предназначенных для оценки симптомов ПМТС, в исследовании были использованы методики, позволяющие выявлять основные характеристики психоэмоционального состояния, применяющиеся в условиях соматической клиники. Определение симптомов депрессии осуществлялось с помощью опросника депрессии у детей (CDI) М. Ковак, для оценки психосоциальной адаптации использовался опросник «Сильные стороны и трудности (SDQ)», уровень тревожности определялся с помощью шкалы явной тревожности для детей (CMAS), нервно-психическая напряженность, тревога и стрессовое состояние – с помощью цветового теста Люшера с последующим математическим анализом цветовых выборов в соответствии с расчетными формулами (Цыганюк, 2007).

Анализ показателей психоэмоционального статуса детей с ТОД при поступлении в стационар показал наличие у подавляющего большинства из них тревоги и стрессового состояния (22 (78,6%) и 23 (82,1%) соответственно). Наряду с этим более чем у половины пациентов (16 (57,1%) отмечался повышенный уровень нервно-психической напряженности и тревожности. У 14 (50%) пациентов отмечалось наличие выраженных симптомов депрессии. Несмотря на то, что общее число проблем психосоциальной адаптации у большинства пациентов не превышало нормативный уровень, обращает на себя внимание наличие у пациентов эмоциональных, поведенческих и межличностных проблем со сверстниками. Они были выявлены у 10 (35,7%), 13 (46,4%) и 12 (42,9%) пациентов, соответственно.

Полученные данные указывают на наличие у подавляющего большинства детей младшего школьного возраста с ТОД при поступлении в стационар симптомов различных психоэмоциональных нарушений, феноменологически относящихся к ПМТС, что обусловливает особую актуальность разработки эффективных программ психологического сопровождения данной категории пациентов для минимизации стрессогенного воздействия ситуации госпитализации.

Литература

Цыганюк И. И. Цветовая психодиагностика. Модификация полного клинического теста Люшера: Методическое руководство. СПб.: Речь, 2007.

Kazak A. E., Kassam-Adams N., Schneider S., Zelikovsky N., Alderfer M. A., Rourke M. An integrative model of pediatric medical traumatic stress // Journal of Pediatric Psychology. 2006. V. 31. № 4. P. 343–355.

Misra S., Misra N., Seepamore B., Holloway K., Singh N., Ngozo J., Dlamini Z., Ndjeka N. O., Furin J. I would watch her with awe as she swallowed the first handful: A qualitative study of pediatric multidrug-resistant tuberculosis experiences in Durban, South Africa // PLoS One. 2022. doi: 10.1371/journal.pone.0274741

Price J., Kassam-Adams N., Alderfer M. A., Christofferson J., Kazak A. E. Systematic review: a reevaluation and update of the integrative (trajectory) model of pediatric medical traumatic stress // J. Pediatr. Psychol. 2016. V. 41. № 1. P. 86–97. doi: 10.1093/jpepsy/jsv074

Аутентичность на работе у сотрудников служб оперативного реагирования*

Т. А. Шмарина

В данном теоретическом обзоре рассматривается аутентичность как черта личности и как состояние в контексте особенностей работы сотрудников служб оперативного реагирования (*пожарных, спасателей, медиков скорой помощи и др.*), *а именно: 1*) *высокого уровня риска, ожидания потенциально травмирующих событий и взаимодействия с людьми, только что пережившими травму; 2*) *включенности в сообщество, удовлетворяющее потребность в принадлежности. Описывая эти особенности, мы выдвигаем предположения о роли аутентичности личности* (*знать себя, отвечать за себя и быть собой*) *и аутентичности состояния* (*ощущать, что «я на своем месте»*) *в повседневной работе сотрудников служб оперативного реагирования.*

Ключевые слова: аутентичность личности, аутентичность состояния, вторичная травматизация, сотрудники служб оперативного реагирования.

Спектр толкований понятия «аутентичность» необычайно широк, не случайно за рубежом данное понятие считается «трудным» (troubling; Нартова-Бочавер, 2011). Одна из ведущих отечественных психологов в этой области – профессор Софья Кимовна Нартова-Бочавер, определяет аутентичность как «целостность феноменаль-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ, проект № 20-18-00262.

ной и эмпирической личности, единство жизненной истории и декларируемых ценностей» (там же, с. 27). Аутентичность неразрывно связана с пониманием себя, участием в построении собственной жизни (не обязательно в качестве единственного автора, но однозначно – творца), умением гармонично сосуществовать с другими и самим собой. А один из ведущих зарубежных исследователей аутентичности, профессор Стивен Джозеф (Stephen Joseph) не ограничивается определением и выводит формулу аутентичности: Аутентчиность = узнать себя + научиться отвечать за себя + быть собой (Джозеф, 2017).

После многочисленных исследований, доказавших положительные связи аутентичности с позитивными переживаниями, надеждой на будущее, самооценкой, креативностью и многими другими качествами, аутентичность стали восхвалять, называя «краеугольным камнем благополучия» (там же, с. 10) и аттрактором, постижение которого обеспечит кратчайший путь к смыслу (Нартова-Бочавер, 2011).

Важность аутентичности подчеркивается не только в мире исследований, но и в кабинетах психологов, столкнувшихся с людьми, пережившими потенциально травмирующие события. Некоторая часть людей страдает от посттравматического стрессового расстройства, но, что интересно, немало людей рассказывают, что столкновение со смертью или ее угрозой, пробудило в них новые силы и заставило пересмотреть свою жизнь, взгляды, достижения и ценности. Современные позитивные психологи называют такое явление посттравматическим ростом. По мнению Стивена Джозефа, столкновение с подобными событиями катализируют в людях желание жить более аутентично (Джозеф, 2017).

В сфере работы аутентичность также играет значимую роль. На рабочем месте аутентичность усиливает мотивацию, способствует развитию лидерских качеств, повышает вовлеченность в деятельность и удовлетворенность от ее выполнения. Служит буфером к выгоранию и помогает бороться с токсичностью (там же).

В контексте двух перечисленных пунктов: 1) травматический опыт, катализирующий в людях желание аутентичной жизни, и 2) значимая прогностически благоприятная роль аутентичности в сфере работы, нас заинтересовал вопрос: какую роль играет аутентичность на работе, повседневная деятельность которой связана с травматическим опытом? Например на такой, которую выполняют пожарные, спасатели, врачи скорой помощи и другие сотрудники служб оперативного реагирования (first responders), то есть

в группе жертв вторичной травматизации (secondary traumatization). Ведь их повседневная профессиональная деятельность неразрывно связана с хроническим (неоднократным или чрезмерным косвенным) воздействием интенсивных стрессоров, высоким уровнем риска; постоянным ожиданием потенциально травмирующих событий; а также взаимодействием с людьми, только что пережившими травму.

Имея в виду описанные в начале эмпирически доказанные преимущества аутентичности, можно выдвинуть предположение, что в сложной работе сотрудников служб оперативного реагирования, аутентичность это не просто «приятный бонус», способный уберечь от быстрого выгорания, а необходимая черта личности. Однако при потенциальной полезности подобные исследования практически отсутствуют – на 1 июля 2023 года нам удалось найти только одно. Авторы провели контент-анализ рассказов, размещенных на специальном сайте анонимной поддержки сотрудников служб оперативного реагирования; аутентичность выступала одной из оцениваемых переменных. Исследователи приходят к выводу, что в целом, онлайн-среда дает возможность проявить аутентичность во время повествования, а ключевыми темами обсуждения являются идеализация работы, разочарование в ней, травма на работе, последствия травмы и ее преодоление (Casas, 2022). То есть не недостаточный уровень вознаграждения, не возможности карьерного роста, не взаимоотношения и конфликты, а именно особенности самой работы и травма выступают главными беспокоящими темами. Попробуем разобраться, с чем это может быть связано.

Коллективы служб оперативного реагирования отличаются высокой степенью профессиональной сплоченности. Такие группы скреплены не просто общим офисом, но часто масштабной альтруистической целью, романтизацией-идеализацией самой работы и высокой социальной ценностью результата труда – сохранения жизни. Это довольно закрытое профессиональное сообщество, буквально братство (например, пожарное, врачебное и др.) со своими надгрупповыми нормами и правилами (юмором, приметами, ритуалами и т. д.), где даже незнакомый представитель профессиональной группы априори уже «свой», что позволяет реализоваться одной из главных потребностей человека – в принадлежности.

Что касается аутентичности в работе, то здесь важно оговориться – это не только черта личности (trait), но и состояние (state).

Ранее мы говорили о черте (trait), то есть о характерном и довольно стабильном во времени паттерне мышления, чувств и поведения, по степени выраженности которого можно различать людей. При этом состояние (state) – это ограниченное конкретной ситуацией и краткое по времени довольно яркое ощущение (Schmitt, 2020). Аутентичность состояния на работе (ощущение, что я на своем месте) играет важную сигнализирующую роль, поскольку является индикатором степени соответствия личности и организационной среды (Шмарина, 2023).

Аутентичность свидетельствует о благополучии, стимулирует мотивацию продолжения работы, тогда как неаутентичность сигнализирует о дисбалансе, способном привести к избеганию или отказу от выполнения должностных обязанностей. Также снижение аутентичности состояния может рассматриваться как один из первичных симптомов выгорания или травматизации. И кажется, будто спустя время человек, испытывающий неаутентичность, будет стремиться дистанцироваться и поменять работу, однако, это не всегда так – увольнению мешает высокий уровень социальной идентичности с группой. Быть частью позитивного сообщества – это престиж и гордость, а выступать в качестве самостоятельного индивида – это неопределенность и страх. Сказывается и другая особенность таких групп – низкие показатели обращения за психологической помощью или лечением, которое происходит по ряду причин: трудности разговора о психологических проблемах из-за вероятного осуждения коллег и руководства; опасения, что консультации с психологом могут негативно сказаться на карьере; выработавшаяся за годы работы эмоциональная отстраненность и в целом – отсутствие культуры обращения за психологической помощью (Bryant, 2016). Именно по этим причинам: из-за желания оставаться частью социальной группы и невозможностью обратиться к психологу в тот момент, когда это необходимо, процесс выхода из сообщества часто затягивается на годы и сопровождается моральными муками и дилеммами.

Литература

Джозеф С. Аутентичность: как быть собой. М.: Альпина Паблишер, 2017.

Нартова-Бочавер С. К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 18–29.

Шмарина Т. А. Аутентичность личности и парадокс устойчивости к травматическому стрессу: обзор исследований // Современная зарубежная психология. 2023 (на рецензировании).

Bryant R. A. Acute Stress Disorder: What it is and how to treat it. N. Y.: Guilford Publications, 2016.

Casas J. B., Benuto L. T. Breaking the silence: A qualitative analysis of trauma narratives submitted online by first responders // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy. 2022. V. 14. № 2. P. 190–198.

Библиометрический анализ психологических исследований рекламы в 2013–2022 гг.

Ю. Д. Штрикер

Проведен библиометрический анализ российских публикаций психологических исследований рекламы в 2013–2022 гг. На основе данных из базы РИНЦ определено общее количество работ по данному направлению, выявлена публикационная активность и основные вопросы исследований психологии рекламы. Установлено общее увеличение количества научных работ, данное направление имеет востребованность среди исследователей и носит междисциплинарный характер. Основной проблематикой психологических исследований рекламы является эффективное использование принципов психологии рекламы и выявление механизмов влияния на потребителя.

Ключевые слова: реклама, психология рекламы, библиометрический анализ, наукометрический подход, публикации.

Расширение возможностей использования библиометрических баз и наукометрических инструментов способствует формированию наукометрического подхода в современной психологии (Журавлев, Костригин, 2023), который направлен на выявление закономерностей и перспектив развития различных отраслей психологии с помощью количественных данных (Моргун и др., 2021). Другой актуальной тенденцией является внедрение психологического знания в различные сферы деятельности человека (Мазилов, 2023), в частности в психологию рекламы (Лебедев, 2015). Широкое применение психологии в рекламной деятельности отражается на количестве

научных публикаций и разнообразии их тем. Для развития области психологии рекламы является актуальным методологический анализ ее направлений исследования с помощью их количественного анализа. Целью статьи является библиометрический анализ современных российских публикаций по психологии рекламы. Предполагается, что такой анализ позволит оценить состояние и перспективу исследований психологии рекламы.

В качестве методологии исследования выступает наукометрический подход (А.Л. Журавлев, А.А. Костригин). Объектом исследования являются публикации в электронной базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) за последние десять лет (2013–2022 гг.). Предмет исследования – психологическая проблематика исследований рекламы. Процедура исследования включала в себя поисковой запрос по следующим критериям: в разделе «Расширенный поиск» указано слово «реклама»; в пункте «Где искать» – «в названии публикации», «в аннотации», «в ключевых словах»; типы публикаций – «статьи в журналах», «книги» и «материалы конференций»; «Тематикой» выбрана «Психология».

Всего было обнаружено 4249 публикаций по направлению психологии рекламы, входящих в РИНЦ. Распределение публикаций по годам выглядит следующим образом (на 19.08.2023 г.): 1) 2013 – 254 публикации; 2) 2014 – 343; 3) 2015 – 369; 4) 2016 – 487; 5) 2017 – 492; 6) 2018 – 507; 7) 2019 – 522; 8) 2020 – 450; 9) 2021 – 407; 10) 2022 – 418. На основе полученных результатов можно отметить общее увеличение количества научных работ. Начиная с 2016 г., данный показатель находился примерно в одном диапазоне (от 407 до 522), что может говорить о достижении статуса направления психологии рекламы, при котором интерес к данной тематике остается на одном и том же достаточно высоком уровне. Наибольшее количество публикаций присутствовало в период с 2017 по 2019 гг., что может быть связано с появлением новых форм рекламы (интернет-реклама) и возникновением инновационных процессов в маркетинговых коммуникациях (расширение интернет-маркетинга, таргетинг), повышавших интерес к проблеме.

Основным типом публикации является статья в сборнике трудов конференции – 1917 работ (45%), т.е. основные результаты психологических исследований рекламы распространяются через научные мероприятия (конференции и т.д.). Достаточно большое количество среди обнаруженных публикаций журнальных статей – 1891 работа (44,5%), из которых 62 публикации индексируются в базах данных WoS и Scopus, 82 – в ядре РИНЦ, 42 – в RSCI.

Вектор развития исследований по психологии рекламы соответствует общенаучной тенденции, при которой журнал выступает основной публикационной площадкой. Однако показатель публикаций в высокорейтинговых периодических изданиях для такой широкой темы остается недостаточным (всего 4,3% от всех журнальных статей).

Авторами научных публикаций по данной проблематике выступают 591 исследователь, на одного автора приходится 0,72 работы, что свидетельствует о высокой вовлеченности и заинтересованности исследователей в изучении психологии и маркетинговых коммуникаций: почти по два автора на каждую работу.

На этапе анализа тематики публикаций по данному направлению были обнаружены ограничения РИНЦ: в результате поискового запроса предъявляются публикации, которые относятся не только к психологии, но и другим наукам. Предоставим распределение тематики публикаций: 1) Экономические науки – 1116 публикаций; 2) Языкознание – 807; 3) Психология – 564; 4) Педагогика – 554; 5) Социология – 388; и др. Наибольшее количество работ по изучаемой теме психологии рекламы относится к сферам «Экономические науки», «Языкознание», «Психология». Ведущими направлениями исследования рекламы являются экономические и филологические вопросы. Рекламу рассматривают в рамках анализа педагогических, социологических, информационных, философских, правовых и культурологических феноменов. Психологическую направленность имеет небольшое количество публикаций (13%). Полученные результаты могут быть обусловлены особенностями организации базы и функционирования поисковых инструментов РИНЦ, а также использованием психологических терминов в названии, аннотации и ключевых словах. Однако выявленные показатели могут свидетельствовать о междисциплинарном характере изучения рекламы.

Междисциплинарность объекта отразилась и на показателе распределения публикаций по ключевым словам. Выделены два вида ключевых слов: общей и психологической направленности. Ключевыми терминами общей направленности являются: 1) Реклама – 1365 публикаций; 2) Социальная реклама – 780; 3) Маркетинг – 162; 4) Рекламный текст – 142; 5) Гендер – 111; 5) Гендерные стереотипы – 79; 6) Эффективность рекламы – 79; 7) Молодежь – 78; 8) Целевая аудитория – 76; 9) Рекламная деятельность – 73; 10) Потребитель – 72. При изучении рекламы исследователей интересовали способы привлечения внимания к проблемам социума

и различных социальных групп; успешная организация продвижения продукта; рассмотрение потребителя в рамках маркетинговых коммуникаций. Такой широкий набор слов связан с полифункциональностью данного феномена.

Достаточно высокую частотность имеют слова психологической направленности: 1) Коммуникация – 98 публикаций; 2) Психология рекламы – 98; 3) Психология – 92; 4) Воздействие – 82; 5) Манипуляция – 75; 6) Психологическое воздействие – 71; 7) Ценности – 68; 8) Влияние – 64; 9) Восприятие – 59; 10) Эмоции – 43; 11) Ценностные ориентации – 40. Приведенные слова указывают на основные вопросы в рамках исследования психологических феноменов в рекламе. Проблематика публикаций связана с выявлением методов и способов использования психологии рекламы для построения рекламной кампании. В работах рассматривались и более узкие психологические вопросы: с помощью психологических механизмов исследователи выявляли эффективный процесс передачи содержания рекламы, выявляли взаимосвязи между психологическим состоянием людей и особенностями восприятия рекламного продукта, роль ценностных отношений в рекламе.

Таким образом, по результатам библиометрического анализа российских публикаций можно говорить о достаточной высокой актуальности исследований психологических вопросов в рекламе. Однако существует потребность в увеличении показателя высокорейтинговых работ. Основными проблемами психологических исследований рекламы являются определение и использование принципов психологии рекламы, эффективная передача маркетинговой информации и психологические механизмов влияния на потребителя.

Литература

Журавлев А. Л., Костригин А. А. Наукометрический подход в психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 440–458.

Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Мазилов В. А. Коммуникативно-интегративный подход в психологической науке // Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 273–289.

Моргун А. Н., Олейник Ю. Н., Журавлев А. Л. Тематические направления отечественной истории психологии как внутренние факторы развития отрасли: наукометрический анализ на материале РИНЦ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 1 (21). С. 219–251.

Направленность и уровень агрессивности у людей, злоупотребляющих алкоголем

А. С. Шурипа

Работа посвящена уточнению особенностей взаимосвязи агрессивности и злоупотребления алкоголем. Мы предположили, что злоупотребление алкоголем представляет собой реакцию на фрустрацию и является следствием повышенной агрессивности. Предполагаемое исследование будет проведено на 126 взрослых респондентах, разделенных на три группы по уровню употребления алкоголя. Каждая группа получит опросники на оценку уровня и направленности агрессии. Предполагается, что опасное употребление алкоголя будет связано с более высоким уровнем гнева, враждебности и аутоагрессии. Такой результат позволит определить злоупотребление алкоголем как неадаптивную копинг-стратегию и попытку справиться с фрустрацией.

Ключевые слова: злоупотребление алкоголем, агрессивность, фрустрация, враждебность, гнев.

Наличие связи между агрессивностью и употреблением алкоголя достаточно очевидно – эта взаимосвязь демонстрируется не только научными исследованиями, но и статистикой насильственных преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Однако данных о направленности этой связи недостаточно.

Существует точка зрения, что агрессивное поведение является следствием злоупотребления алкоголем. Исследователи, придерживающиеся такой позиции, объясняют рост агрессии асоциальной средой, в которую попадает злоупотребляющий человек, измене-

ниями мотивации после развития зависимости, а также морфологическими изменениями мозга, происходящими от употребления больших количеств алкоголя (Sontate et al., 2021). При этом, эмпирические психологические исследования показывают, что агрессивное поведение по время опьянения демонстрируют только те люди, которые обладают повышенным уровнем личностной агрессивности (Giancola, 2002).

Многие исследования о связи агрессивности и употребления алкоголя проведены на клинической выборке. Однако некоторые люди употребляют повышенное количество алкоголя (злоупотребляют им), но не имеют диагноза «алкогольная зависимость» и присущие ему изменения личности. В нашем исследовании за злоупотребление алкоголем принималось употребление такого количество алкоголя, которое превышает безопасную дозу по ВОЗ. Также, под злоупотреблением алкоголем нами понимается та доза алкоголя, употребление которой несет негативные последствия – провалы в памяти после употребления алкоголя, неспособность выполнять повседневные обязанности после употребления алкоголя, получение травм в состоянии опьянения и совершение несвойственных человеку поступков под воздействием алкоголя.

Примечательно, что исследователи видят основной мотив злоупотребления алкоголем в желании снизить уровень стресса, скуки, апатии. При этом, исследование, проведенное на подростках с эпизодическим употреблением алкоголя, показало у них преобладание неэффективных копинг-стратегий (Третяк, 2015). Повышенный уровень стресса связан и с высоким уровнем агрессивности у злоупотребляющих алкоголем, на что указывают эмпирические исследования (Юсупов, Марадсова, 2023).

Направленность связи агрессивности и злоупотребления алкоголем в нашей работе также может быть объяснена подходом к пониманию агрессивности. В нашем исследовании используется фрустрационная гипотеза агрессии, которая предполагает, что агрессивность является реакцией на негативный аффект, фрустрацию и невозможность достижения желаемой цели. Также именно в рамках фрустрационной теории были сделаны попытки разделить агрессию на когнитивный (враждебность), аффективный (гнев) и поведенческий (инструментальная агрессия) компоненты. Более детальное рассмотрение компонентов агрессии показывает, что агрессивность проявляется скрыто и оказывает большое влияние на качество жизни человека. Например, было выявлено, что люди с высоким уровнем враждебности оценивают качест-

во своей жизни как низкое, а свой образ жизни – как нездоровый (Кузнецова и др., 2019). Поэтому, мы предположили, что злоупотребление алкоголем является реакцией на фрустрацию и следствием повышенной агрессивности. Таким образом, цель исследования – уточнить уровень и направленность агрессивности у людей, злоупотребляющих алкоголем.

Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: у людей, злоупотребляющих алкоголем, будет высокий уровень враждебности, гнева и аутоагрессии при низких показателях инструментальной агрессии.

Планируемое исследование будет проведено на выборке, в которую войдут не менее 126 человек, среди которых будут как женщины, так и мужчины от 18 до 30 лет. Выборка будет состоять из трех групп: группа с безопасным употреблением алкоголя, группа, злоупотребляющая алкоголем, группа с вероятной алкогольной зависимостью. Группы будут сформированы после прохождения опросника AUDIT. Для первой группы результат AUDIT будет от 7 баллов и ниже, для второй группы – от 8 до 19 баллов, для третьей группы – от 20 баллов и выше.

План исследования предполагает использование следующих методик:

- Скрининг AUDIT (Alcohol Use Disorders Identification Test), 2021. Методика позволяет определить частоту и дозу выпитого алкоголя, выявить симптомы алкогольной зависимости, а также проблемы, связанные со злоупотреблением алкоголем.
- Опросник Басса–Перри (в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского, 2004). По данной методике возможно определение показателей по четырем шкалам: гнев, физическая агрессия, враждебность, общая агрессивность.
- Опросник «Оценка проявлений гнева» (STAXI-2) Ч. Д. Спилбергерга (1999). Методика позволяет изучить направленность и степень выраженности гнева.

Метод, с помощью которого будет произведена обработка результатов – дисперсионный анализ ANOVA.

Возможно два исхода экспериментального исследования: гипотеза подтвердится и гипотеза не подтвердится. В первом случае, в группе людей, злоупотребляющих алкоголем, уровень агрессивности по опроснику Басса–Перри будет выше 80 баллов, причем уровень гнева и враждебности будет выше 17 баллов, а уровень физической агрессии будет ниже 14 баллов. Кроме того, у группы

злоупотребляющих алкоголем должны быть высокие показатели по шкалам опросника STAXI «экспрессия гнева вовнутрь» и низкие показатели по шкале «экспрессия гнева вовне». Это позволит выяснить направленность агрессии и уточнить выраженность аутоагрессии.

В таком случае мы сможем сделать вывод о том, что злоупотребление алкоголем может быть вызвано высоким уровнем агрессивности – использование неадаптивных копинг-стратегий и повышенная чувствительность к фрустрации будет побуждать испытуемых к злоупотреблению алкоголем. В группе, в которой отсутствуют проблемы, связанные с употреблением алкоголя, уровень агрессивности должен быть ниже указанных нами значений. При этом, в группе алкогольных зависимых должны быть высокие показатели по шкалам инструментальной агрессии (выше 14 баллов) и высокие показатели по шкале «экспрессия гнева вовне». В таком случае мы сможем сделать вывод о том, что злоупотребление алкоголем вызвано высоким уровнем агрессивности, а агрессивное поведение у людей с алкогольной зависимостью будет вызвано изменениями мотивации и структуры личности.

Во втором случае гипотеза не подтвердится – в группе людей, злоупотребляющих алкоголем, будут низкие показатели уровня агрессивности, средние значения будут ниже 80 баллов по шкале общей агрессивности, а уровень гнева и враждебности будет ниже 17 баллов. Кроме того, гипотеза не подтвердится, если у людей из группы алкогольных зависимых средние значения по шкалам агрессивности будут такими же, как и в группе злоупотребляющих алкоголем. В таком случае нами будет установлено, что злоупотребление алкоголем и алкогольная зависимость являются следствием одних и тех же психологических механизмов и злоупотребление алкоголем не имеет своей специфики в отношении агрессии.

Литература

Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В., Чуганская А. А. Влияние характера и агрессивности на оценку качества жизни // Вестник МГОУ. 2019. № 3. С. 129–143.

Третяк Э. В. Копинг-стратегии у подростков с эпизодическим употреблением алкоголя // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 2. С. 244–249.

Юсупов П. Р., Мардасова Т. А. Психологические характеристики агрессивности у молодых людей в контексте мотивации употребления алкоголя // Сибскрипт. 2023. № 2. С. 200–208.

Giancola P. R. Irritability, acute alcohol consumption and aggressive behavior in men and women // Drug Alcohol Dependence. 2002. № 3. P. 263–274.
Sontate K. V., Kamaluddin M. R., Mohamed I. S., Mohamed R. M., Shaikh M. F., Kamal H., Kumar J. Alcohol, aggression and violence: from public health to neuroscience // Front. Psychol. 2021. V. 20. № 12.

Разработка психофизического метода исследования динамических характеристик

К. С. Юдаков, В. В. Апанович

Разработан математико-методический инструментарий позволяющий применять показатель чувствительности d', применяемый в методе «Да/Нет», основанном на Теории обнаружении сигнала (*ТОС*), *для изучения динамических конструктов, на примере исследования процессуальной характеристики научения* (*приобретения и совершенствования навыка*). *Разработаны методы анализа d' с помощью скользящего окна, определения стартового решения/нерешения задачи, расчета стартового плато, достоверного роста d'.*

Ключевые слова: психофизика, динамические характеристики, метод «Да/Нет», теория обнаружения сигнала, метод скользящего окна.

В большинстве психофизических исследований изучаются статические переменные на «опытных испытуемых». Показатель чувствительности d', применяемый в методе «Да/Нет», основанном на ТОС (Гусев и др., 1998), подсчитывается по отдельным экспериментальным сериям, т. е. сравниваются показатели чувствительности отдельных серий, а изучение процессуальной характеристики не подразумевается. В нашем исследовании процессов приобретения и совершенствования навыка применялась задача различения коротких интервалов времени, основанная на методе «Да/Нет» и ТОС (Апанович и др., 2022). С позиций системно-эволюционного подхода приобретение и совершенствование навыка следует вос-

принимать как процессы, обладающие определенной динамикой (Швырков, 1995). Требовалась разработка математико-методического инструментария, позволяющего анализировать показатель d' (нами рассматривается как показатель текущей результативности решения задачи) в качестве именно динамической характеристики. Разработанным методам и посвящена данная работа.

Метод скользящего окна

Для изучения процессуальной характеристики не подходит стандартный метод подсчета d' по отдельным сериям, поскольку в таком случае невозможно оценивать динамику внутри серий. Ввиду чего d' подсчитывался методом скользящего окна: окнами в 50 пробах с шагом в 1 пробу.

Ввиду специфичности данного метода, каждая короткая случайная последовательность одинаковых ответов создает незначительные нестационарные колебания в результатах, которые можно назвать случайными. Для снижения влияния данных колебаний на результаты исследования используется метод сглаживания Гаусса по 7 точкам.

Дополнительно в качестве ограничения данного метода можно выделить следующее: при дискретном изменении d' (например, с 1 по *n*-ю пробу участник не различает сигналы, а с *n*+1-й пробы начал различать), рост d' будет отображаться плавным. Для различения дискретного или недискретного изменения d' разработана следующая процедура.

Эмпирические данные (динамика эмпирического d' от локального минимума до локального максимума и ее продолжительность) сопоставлялись с теоретической моделью дискретной динамики d'. Модель предполагала расчет продолжительности роста d' (рассчитанного методом скользящего окна) при его дискретном изменении. Модельная продолжительность основывалась на эмпирических локальных минимуме и максимуме. Описывались углы наклона прямых для модельной и эмпирической динамики. Они статистически сопоставлялись по t-критерию Стьюдента (Урбах, 1964). В случае достоверных различий рост признавался недискретным.

Проверка соответствия распределения нормальному

Показатель d' является параметрическим и его применение допускается только при отсутствии отличий распределений ощущений на пустую и сигнальную пробы от нормального. Традиционно проверка происходит следующим образом: проводится около 5 (Гусев

и др., 1998) серий, в которых инструкцией или экспериментально изменяется критерий принятия решения. Далее по каждой из серий рассчитываются Z-координаты критерия принятия решения, Z1 и Z2 сопоставляются по коэффициенту корреляции Пирсона. В случае с «наивными испытуемыми», когда условия эксперимента не позволяют задавать изменения критерия принятия решения, такая проверка может быть невозможной. Для чего была разработана иная процедура.

Для каждого участника исследования по коэффициенту корреляции Пирсона сравнивались Z-координаты критерия принятия решения в точках с одинаковым значением d' в разные отрезки всей экспериментальной процедуры. Для каждого участника исследования проводилось 3 сравнения по следующим эпохам: медианное значение d' и 1-й и 3-й квартили распределения d' по всей экспериментальной процедуре.

Критерии стартового решения/нерешения

Для оценки достоверности изменения d' было необходимо разработать определенные критерии (случайным или неслучайным образом изначально решается задача; достоверно ли изменился d' в ходе эксперимента).

Ситуация нерешения задачи описывается в рамках модели $d'=0$ с допущением об оптимальности наблюдателя: вероятности ответов «Да» на сигнальную и на пустую пробу равны (P(y/S) и $P(y/N)=0{,}5$), соответственно, $Z1$ и $Z2=0$; $\sigma d'=0{,}3327$. Можно предположить, что в ситуации нерешения задачи d' будет иметь распределение с $M(x)=0$ и $Sd=0{,}3327$. Допускается, что 5% наиболее экстремальных наблюдений можно рассматривать как не принадлежащие к этому распределению. Максимальные 5% наблюдений находятся выше точки равной 1,64 единицам Sd, то есть $1{,}64*0{,}3327=0{,}546$. Если d' превышает значение 0,546, принимается, что задача решается не случайным образом. В том числе, если значение «стартового плато» превышает 0,546, принимается, что изначально задача решается не случайным образом.

Стартовое плато

Ввиду нестабильности d' со значением 0,546 сравнивался показатель «стартового плато», который рассчитывался так: значение первого d' (с 1 по 50 пробы) сравнивалось со вторым (с 2 по 51 пробу) по t-критерию Стьюдента, при отсутствии значимых различий считался d' предполагаемого плато с 1 по 51 пробу и сравнивался

по t-критерию Стьюдента с третьим d', при отсутствии различий d' предполагаемого плато считался с 1 по 52 пробы и т. д. Когда обнаруживалось достоверное различие, данная процедура заканчивалась. В качестве «стартового плато» используется последнее значение увеличиваемого d'. Т. е. если достоверное различие показано на 5 значении эмпирического d', то в качестве «плато» использовался d' с 1 по 54 пробы.

Критерии достоверного измерения d'

Если участник исследования изначально решал задачу случайным образом, но в течение эксперимента переходил значение 0,546, то его пиковое значение d' сравнивалось с его «стартовым плато» по t-критерию Стьюдента, если различие оказывалось достоверным, то участника исследования определяли как «научившегося».

Если d' участника исследования на старте был выше 0,546, то последующие d' сравнивались несколько иным способом (можно определить как критерий достоверного роста d'). Принято допущение, что в случае достоверного роста d', пиковые значения должны кардинально отличаться от стартовых, т. е. достоверно более высокие (или низкие) значения, не принадлежат к нормальному распределению вариативности стартового d' («стартового плато») либо заходят за 95-й процентиль распределения. В качестве достоверного изменения можно рассматривать максимальные 5% наблюдений, отличающиеся от «стартового плато» на значение выше 1,64 единиц Sd, умноженных на Sd (стандартная ошибка d' для «стартового плато»).

Заключение

Таким образом, был разработан математико-методический инструментарий, позволяющий применять психофизический метод «Да/Нет» и рассчитываемый при его использовании показатель d' для изучения динамических характеристик. В работе приводится пример исследования процессов приобретения и совершенствования навыка. Разработанный инструментарий позволит проводить не только сравнение и частное изучение данных процессов, но и многих других, в том числе перенос навыка, его восстановление, феноменов внимания и мн. др.

Литература

Апанович В. В., Арамян Э. А., Гладилин Д. Л., Юдаков К. С., Карпов С. А., Горкин А. Г., Александров Ю. И. Разработка и апробация психофи-

зической методики исследования приобретения и совершенствования навыка // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 222–238.

Гусев А. Н., Измайлов Ч. А., Михалевская М. Б. Измерение в психологии: общий психологический практикум. 2-е изд. М.: Смысл, 1998.

Урбах В. Ю. Биометрические методы. М.: Наука, 1964.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.

Взаимосвязь выраженности тревожно-депрессивной симптоматики и движений глаз при поиске эмоционально окрашенных слов

А. А. Ямпольский, К. А. Скуратова

Феномен предвзятости внимания к стимулам определенного эмоционального спектра при различных расстройствах хорошо известен. Наше исследование ставило своей целью изучить связь между глазодвигательной активностью и выраженностью субклинических показателей у участников без диагноза эмоционального расстройства при выполнении задачи зрительного поиска. Мы обнаружили следующую взаимосвязь: чем выше безнадежность по шкале Бека, тем больше среднее время до первой фиксации на позитивных стимулах. Выраженность депрессивных черт снижает чувствительность системы внимания к позитивным стимулам, что согласуется с фактором, специфичным для депрессии, низким положительным аффектом.

Ключевые слова: глазодвигательная активность, предвзятость внимания, депрессивная симптоматика.

Феномен предвзятости внимания к стимулам определенного эмоционального спектра при различных эмоциональных расстройствах достаточно хорошо известен (Armstrong, Olatunji, 2012). Большое количество исследований продемонстрировало, что аффективные расстройства характеризуются предвзятостью внимания к эмоционально окрашенным стимулам. Однако эти исследования в значительной степени опираются на измерения времени реакции. Технология отслеживания глаз, которая позволяет относительно непосредствен-

но и непрерывно измерять явное зрительное внимание, может стать важным дополнением к измерениям скорости реакции. По сравнению с контрольной группой, участники с тревожными расстройствами проявляют повышенную бдительность в отношении стимулов угрожающего характера во время свободного просмотра и визуального поиска и демонстрируют трудности с отвлечением от угрожающих стимулов в задачах на визуальный поиск, но не во время свободного просмотра. Напротив, участники с расстройствами депрессивного круга не отличаются бдительностью в отношении угрозы во время свободного просмотра, но характеризуются сниженной ориентацией на положительные стимулы, а также меньшем по времени удержанием взгляда на положительных стимулах и большим по времени удержанием взгляда на дисфорических стимулах. Также известно, что пациенты с маниакальной стадией биполярного аффективного расстройства испытывают дефицит тормозного контроля в отношении сцен счастья. Они чаще совершают первую фиксацию на изображениях, содержащих людей, которые выражают позитивные эмоции. Предвзятость, связанная с восприятием счастливых сцен во время первоначальной ориентации у пациентов в маниакальной фазе, согласуется с когнитивной теорией Бека: мания включает в себя положительные отклонения в обработке информации.

Несмотря на первоначальную ориентацию на сценах счастья, при дальнейшем восприятии стимулов у пациентов в маниакальной фазе наблюдалась более длительная продолжительность просмотра изображений, содержащих сцены угрозы, агрессии и нейтральных сцен (García-Blanco et al., 2017).

В то же время исследования, которые ориентированы на поиск закономерностей между глазодвигательной активностью и выраженностью определенных субклинических показателей на «здоровой» выборке, относительно малочисленны, хотя это направление исследований имеет большую ценность при разработке диагностического инструментария.

Наше исследование ставило своей целью изучить связь между глазодвигательной активностью и выраженностью субклинических показателей у участников без поставленного диагноза эмоционального расстройства при выполнении задачи зрительного поиска. Согласно нашей гипотезе, выраженность депрессивно-тревожной симптоматики будет отрицательно связана со средним временем до первой фиксации на дисфорических стимулах и положительно связана со средним временем до первой фиксации на позитивных стимулах.

Для оценки выраженности субклинических показателей были использованы методики: шкала депрессии Бека, опросник генерализованное тревожное расстройство – 7 (GAD-7), шкала безнадежности Бека, обсессивно-компульсивная шкала Йеля–Брауна.

Выборка состояла из 51 человека (средний возраст – 23,5). У всех испытуемых было нормальное или скорректированное до нормального зрение, а также на момент исследования отсутствовали какие-либо психические расстройства.

Участникам исследования была предложена задача визуального поиска. Инструкция для участника звучала следующим образом: «Вам необходимо будет найти среди всех слов на экране, целевое слово, которое будет вам предъявлено перед основным слайдом. Ваша задача найти его как можно быстрее». Всего было 20 экспериментальных и 5 контрольных стимулов. На каждый экспериментальный стимул было представлено целевое слово и 40 слов дистракторов различной эмоциональной окраски. На контрольных стимулах были представлены только нейтральные слова. Целевые слова как и дистракторы могли быть 4-х типов: угрожающие, позитивные, нейтральные и дисфорические. Слова были отобраны в определенные категории на основе экспертной оценки. В процессе фиксировалось направление взора испытуемых с помощью айтрекера GP3. Сбор и анализ данных осуществлялись с помощью программного обеспечения Neurobureau. Анализ данных производился с использованием корреляционного анализа в программе IBM SPSS Statistics v. 22.0.

Мы обнаружили следующую статистически значимую взаимосвязь: чем выше безнадежность тем больше среднее время до первой фиксации на позитивных стимулах (0,394, $p = 0,007$).

Сниженная ориентация на позитивные стимулы у участников с более высокими баллами по шкале безнадежности Бека согласуется с исследованиями, которые мы приводили ранее. Выраженность депрессивных черт снижает чувствительность системы внимания к позитивным стимулам, что согласуется с наиболее часто упоминаемым фактором, специфичным для депрессии, низким положительным аффектом (Clark, Watson, 1991), который включает в себя трудности с получением удовольствия и пониженную чувствительность к вознаграждениям.

Интерес, также представляет то, что мы не обнаружили предвзятости внимания к дисфорическим стимулам у участников с высокими значениями по опросникам депрессивной симптоматики. Таким образом, наша гипотеза является частично подтвержденной.

В дальнейшем планируется рассмотреть также взаимосвязь выраженности субклинических показателей с другими характеристиками глазодвигательной активности, таким как общее время просмотра, количество саккад и т.д. В будущем полученные данные могут быть применены для разработки объективных методов диагностики с использованием метода отслеживания движений глаз.

Литература

Armstrong T., Olatunji B. O. Eye tracking of attention in the affective disorders: A meta-analytic review and synthesis // Clinical Psychology Review. 2012. V. 32. № 8. P. 704–723.

Clark L. A., Watson D. Tripartite model of anxiety and depression: psychometric evidence and taxonomic implications // Journal of Abnormal Psychology. 1991. V. 100. № 3. P. 316.

García-Blanco A., Salmerón L., Perea M. Inhibitory control for emotional and neutral scenes in competition: An eye-tracking study in bipolar disorder // Biological Psychology. 2017. V. 127. P. 82–88. doi: 10.1016/j.biopsycho.2017.05.006

Knowledge graphs for understanding sleep quality as a psychological construct using ontological enrichment*

M. Vashisth, V. N. Petrova

The use of knowledge graphs can help researchers to generalise large amounts of information. The main problem is filtering out relevant text associated with a vaguely defined psychological concept. In this study, sleep and factors may contribute to sleep quality. We used Latent Dirichlet Allocation (LDA) models to describe them. Five ontological datasets that can reflect psychological aspects of information were used. After obtaining the LDA models, we annotated the datasets by fuzzy mapping terms to the obtained words within the generalised themes. Visualising the results as a knowledge network or graph showed 15 topic classifications. It helped us generalise a list of factors that may influence sleep quality. The results of this study are to develop a sleep quality measurement tool.

Keywords: natural language processing, computational psychometrics, operationalization of construct, knowledge graphs, systems aproaches.

Introduction

Sleep quality is poorly defined in the literature. Routine definitions in psychology often directly refer to it as quality of sleep on a Likert scale (Shahid et al., 2012). In this work, we have used text-analyses using Latent Dirichlet Allocation (LDA) of relevant sleep related text documents to understand concepts involved in sleep quality (Blei et al., 2003). We

* Russian Government Scholarship Program.

also highlight the importance of ontological resources for psychometricians, and how absence of such resources can delay progress in a rapidly emerging discipline of computational psychometry.

Methods

Separate LDA models using nltk (3.4.5), and gensim (3.8.0) were applied on a group of documents collected from five different sources. These include 2249 online research articles (25 topics, coherence 0.47), 721 online articles (19 topics, coherence 0.56), 135 sleep questionnaires (25 topics, coherence 0.42), 165 dictionary listed terms (12 topics, coherence 0.51), 3265 passages from sleep encyclopedia (29 topics, coherence 0.54). Both the number of passes through the text by the algorithm and the number of documents considered at a time were set at 10. The frequencies of words were obtained and words were visualized as a network.

The ontological enrichment was performed using five ontological resources, including, Cognitive Atlas, Cognitive Paradigm Ontology, Neural Electro-Magnetic Ontologies, Mental Functioning Ontology and Life Ontology. The knowledge graphs were created by extracting topic and word probabilities from LDA models, along with the obtained ontologies, and visualized using pyvis (version 0.1.7.0).

Results

Knowledge graph revealed trends in current sleep research. Particularly, analyses of articles from PubMed for 'sleep' and 'quality' terms, along with the curated text dataset of online articles from two sleep sites and encyclopedia revealed thematic clusters grouped into 15 subjective groupings. The concepts were chosen for highest estimated term frequencies within each thematic cluster. The terms are presented as such: 1) nocturnal activity, 2) behavioral risk, 3) chronic pain or headache, depth and circadian, 4) airflow restriction and osteogenesis, 5) effect of surgery, interpretation, intervention and posture, 6) phobia, allergy, breathing, house, family, hygiene and effects of noise, 7) antihistamine (or allergy) and transplantation, 8) neurodegenerative disorders and drug trial, 9) chronotype, attention, disruption and sustained, 10) osteogenesis and underweight, 11) technology, vehicle, pneumotach, interaction, memory, motor and feel, 12) bipolar, 13) tetraplegic, mitochondrial, mental and fibromyalgia, 14) liver, fibromyalgia, parkinsonisma, 15) business, contingent, services.

From these themes, the identified relevant topics are nocturnal activity, behavioral risk, chronic illness, airflow restriction, posture, phobias, allergies, family, hygine, effects of noise, allergies, neurodegenerative disorders, chronotype, attention, and bipolar.

Discussion

As more research accumulates, we need more strategies to summarize information. The individual characteristics are expressed in a complex interaction between gene and environment (Ehrlich and Feldman, 2003). However, identification of contribution of either gene and environment to a given factor requires detailed experimental validation. In our case, we only used text classified in themes and subsequently extracted the relevant concepts. The choice of LDA is sufficient to obtain relevant topics and probability. Using ontological resources, we can improve the entity recognition step in text models. All psychological concepts can thus be highlighted, making it easier to establish relationships between psychological constructs.

Another important aspect is that more advanced text summarization methods can also be used. However, regardless of the choice of summarization approach. We can improve the visualization using knowledge graphs, making it easier for researchers to identify relationships between constructs. Efforts have been taken on the part of researchers to ontologically organize psychological information, such as three root categories proposed by Lundh for organization of psychological constructs (Lundh, 2018). Furthermore, the ontological database itself can be enriched with information related to comorbidities, correlation and symptoms (if disease) within the summarized models (Pyysalo, 2013). This work can thus largely be classified as psychological informatics.

Conclusion

Knowledge graphs are useful for summarizing loosely defined concepts. These findings can subsequently be converted into devising psychometric instruments for measuring sleep quality. Additionally, having psychology specific ontological resources can help contextualization and operationalization of new psychological constructs in a network of existing constructs.

References

Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. Latent Dirichlet allocation // Journal of Machine Learning Research. 2003. № 3. P. 993–1022.

Ehrlich P., Feldman M. Genes and Cultures: What Creates Our Behavioral Phenome? // Current Anthropology. 2003. V. 44. № 1. P. 87–107. doi: 10.1086/344470

Pyysalo S. Relationship Type Ontology // Encyclopedia of Systems Biology / Eds W. Dubitzky, O. Wolkenhauer, K. H. Cho, H. Yokota. N. Y.: Springer, 2013. P. 1839–1840. doi: 10.1007/978-1-4419-9863-7_169

Shahid A., Wilkinson K., Marcu S., Shapiro C. STOP, THAT and one hundred other sleep scales. N. Y.: Springer, 2012. doi: 10.1007/978-1-4419-9893-4

Lundh L. G. Psychological science within a three-dimensional ontology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2018. V. 52. № 1. P. 52–66. doi: 10.1007/s12124-017-9412-8

Наши авторы

Абдулина Юлия Александровна – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, abdulina-youlia-27@yandex.ru

Агишева Анастасия Андреевна – м. н. с., Институт психологии РАН, Москва, anastasya_ozornina@mail.ru

Александров Юрий Иосифович – академик РАО, профессор, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психофизиологии им. В. Б. Швыркова, Институт психологии РАН, Москва, yuraalexandrov@yandex.ru

Аленина Евгения Алексеевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, alenina.evgeniia@gmail.com

Алиева Эльмина Мурадовна – студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, aliyeva.elminaa@gmail.com

Алишейхова Карина Мухтаровна – бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, alisheikhova15052000@mail.ru

Ананьева Кристина Игоревна – к. психол. н., вед. н. с., Институт психологии Российской академии наук, Москва, kristina.ananyeva@psyexp.ru

Апанович Владимир Викторович – к. психол. н., доцент факультета психологии Государственного академического университета гуманитарных наук; н. с. лаборатории психофизиоло-

гии им. В. Б. Швыркова, Институт психологии РАН, Москва, apanovitschvv@yandex.ru

Арамян Эрик Арамович – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, aramyan.eric@gmail.com

Ардисламов Владлен Вилевич – м. н. с. лаборатории когнитивных исследований, факультет психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, cognitivevlad@gmail.com

Арсалиду Мари – д. психол. н., доцент, Йоркский университет, Торонто, Канада, marie.arsalidou@gmail.com

Афиногенова Виктория Алексеевна – к. психол. н., н. с., Институт психологии РАН, Москва, afinogenovava@ipran.ru

Баева Мария Алексеевна – магистр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, mbaeva15@gmail.com

Балыкова Мария Васильевна – аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, mary.balikova12@gmail.com

Бархатова Наталья Сергеевна – бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, yi154nakami@gmail.com

Барцева Ксения Викторовна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, bartseva.ksenia@gmail.com

Барышева Амина Ислямовна – студентка бакалавриата, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, aminochka.2018@inbox.ru

Бача Олеся Владимировна – студентка бакалавриата, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, lesiabacha2003@gmail.com

Беленицкий Игорь Сергеевич – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, belenizkij@rambler.ru

Березина Анастасия Валерьевна – студентка бакалавриата, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, факультет психологии, Москва, an.berezina7@yandex.ru

Блохина Мария Артуровна – магистрант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, mblokhina@bk.ru

Богачева Татьяна Игоревна – педагог-психолог, МБДОУ детский сад «Ивушка» № 10, Орёл, logtat91@gmail.com

Бредгауер Сергей Павлович – студент бакалавриата, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, sergejbredgauer214@gmail.com

Вартанян Гаянэ Аршалуисовна – к. психол. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, g.a.vartanyan@gmail.com

Василенко Варвара Сергеевна – к. психол. н., преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, vvasil5664@gmail.com

Васильева Вероника Игоревна – аспирант, преподаватель, Московский институт психоанализа, Москва, nica.cosits@yandex.ru

Вербицкая Ольга Николаевна – магистрант, Белорусский государственный университета, Минск, Республика Беларусь, verbitskaya.psy@gmail.com

Ветрова Ирина Игоревна – к. психол. н., н. с., Институт психологии РАН, Москва, vetrovaii@ipran.ru

Власюк Елена Николаевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, vlasuk_elena @list.ru

Волженкина Ирина Алексеевна – студентка бакалавриата, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, greenkasya@gmail.com

Воробьева Анастасия Евгеньевна – к. психол. н., ст. н. с., Институт психологии РАН, Москва, aevorobieva@yandex.ru

Ганза Полина Николаевна – студентка, Московский институт психоанализа, Москва, Ittkrot1@gmail.com

Герасимова Полина Андреевна – студентка бакалавриата, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, gerasimovapolly@gmail.com

Гладилин Дмитрий Леонидович – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, dima.gladilin.psy@gmail.com

Глазова Анастасия Сергеевна – курсант психологического факультета, Вологодский институт права и экономики Феде-

ральной службы исполнения наказаний, Вологда, kosicinaa@icloud.com

Голинец Аполлинария Олеговна – студент специалитета, факультет психологии Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, apolgolin@gmail.com

Голубева Алена Владимировна – студентка факультета общей и клинической психологии, Московский институт психоанализа, Москва, alenashevkina@mail.ru

Голубицкая Дарья Игоревна – инженер-исследователь, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, darybel@yandex.ru

Гордиенко Егор – студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, egerdienko@gmail.com

Горелова Наталья Алексеевна – студентка бакалавриата, Казанский федеральный университет, Казань, natasha.gorelova11@gmail.com

Горкин Александр Георгиевич – д. психол. н., вед. н. с., Институт психологии РАН, Москва, agorkin@yandex.ru

Гофман Анастасия Викторовна – ассистент, аспирант, Новосибирский технологический институт (филиал) Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина; Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, asyami.mi@mail.ru

Грекова-Кононова Алина Игоревна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, alina-kononova-2013@mail.ru

Гуснова Мария Николаевна – студентка Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, gusnova.masha@mail.ru

Данилина Мария Сергеевна – бакалавр, факультет психологии Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, masha.danilina99@yandex.ru

Дегтярева Александра Васильевна – магистрант, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, sinister-2000@mail.ru

Демидов Пётр Михайлович – медицинский психолог, Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова МЗ РФ, Санкт-Петербург, demidov_pm@almazovcentre.ru

Довжик Лидия Михайловна – к. психол. н., м. н. с. лаборатории психологии спорта, доцент кафедры общей психологии, Московский институт психоанализа, Москва, lydia.dovzhik@gmail.com

Долгих Александра Георгиевна – к. психол. н., заместитель декана по общим вопросам факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Достанов Михаил Михайлович – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, dostanov3@gmail.com

Доценко Алевтина Викторовна – студент, Московский психолого-социальный университет, Москва, alevtina-nesterova@mail.ru

Евтодий Мария Владимировна – магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, mv.evtodiy@gmail.com

Егорова Полина Ивановна – магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, 21akson@mail.ru

Ецлова Евгения Владимировна – студентка бакалавриата, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, ms.etslova@mail.ru

Желанкин Роман Викторович – лаборант, Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева, Москва, zhelankin86@mail.ru

Жилина Юлия Ивановна – бакалавр, Курский государственный университет, Курск

Зайцева Елизавета Валерьевна – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, elizaveta9991@yandex.ru

Захарова Дарья Александровна – аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, dar9l.zaharova@gmail.com

Зорина Татьяна Владимировна – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, tatsiana.zoryna@gmail.com

Зотова Анастасия Александровна – студентка бакалавриата, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, zotovaanastasia62@gmail.com

Иванова Анна Вячеславовна – студентка, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, iivanova.av@mail.ru

Иванушко Вера Павловна – бакалавр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, ivanushkovera@gmail.com

Ивлева Дарья Михайловна – студентка, Казанский Федеральный Университет, Казань, dariiva02@mail.ru

Ильина Екатерина Александровна – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, ilinaea@ipran.ru

Касьянов Василий Михайлович – аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, kasiaf@mail.ru

Кирилюк Марк Игоревич – аспирант, Томский государственный университет, Томск, marksok777@gmail.com

Клумова Софья Борисовна – студентка специалитета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, s.sofokl@mail.ru

Ключенко Анна Владиславовна – студент, Московский институт психоанализа, Москва, anna2828@inbox.ru

Кобер Мария Александровна – студентка бакалавриата, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, mariakv14567@gmail.com

Ковалев Артем Иванович – к. психол. н., заместитель декана по учебной работе факультета психологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, artem.kovalev.msu@mail.ru

Кокушева Елизавета Андреевна – магистрант, Московский физико-технический институт, Москва, elizaveta.kokusheva@gmail.com

Комиссаров Дмитрий Кириллович – студент факультета общей и клинической психологии, Московский институт психоанализа, Москва, dimashv80@gmail.com

Кондратьев Михаил Дмитриевич – к. психол. н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, kondratev-md@ranepa.ru

Костригин Артем Андреевич – к. психол. н., н. с., Институт психологии РАН, Москва, artdzen@gmail.com

Костромина Светлана Николаевна – д. психол. н., профессор, заведующая кафедры психологии личности, Санкт-Петер-

бургский государственный университет, Санкт-Петербург, s.kostromina@gmail.com

Кравцева Лада Эдуардовна – студентка, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, ladakravceva@gmail.com

Крамер Любовь Сергеевна – студентка бакалавриата, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, lubovkramer@gmail.com

Кричка Марина Николаевна – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, krichkamn@ipran.ru

Крупина Кристина Михайловна – аспирант, инженер-исследователь кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, kmkrupina@mail.ru

Кубанцева Анастасия Дмитриевна – студент, Московский институт психоанализа, Москва, fan.of.bts@yandex.ru

Кузина Евгения Алексеевна – м. н. с., Институт психологии РАН, Москва

Кукава Софико Генадьевна – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, kukavasofiko@mail.ru

Кутуков Степан Антонович – магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, stephan-kutukov@yandex.ru

Куцова Виктория Васиьевна – аспирант, Институт «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, vkucova68@gmail.com

Ларионов Иван Викторович – аспирант, м. н. с., Институт психологии РАН, преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, ivlar16@gmail.com

Ларионов Павел Михайлович – ст. н. с., Университет Казимира Великого, Быдгощ, Польша, pavlm@outlook.com

Лебедева Валерия Евгеньевна – магистрант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, lebedeva.valeriya99@mail.ru

Леонова Анна Валентиновна – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, lanasobchak@gmail.com

Лиханов Максим Владимирович – к. филол. н., постдок, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, maximus.minimus@mail.ru

Логвинова Маргарита Игоревна – старший преподаватель, Курский государственный университет, Курск, landaurita@mail.ru

Логинова Мария Павловна – магистрант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, loginova.p.maria@gmail.com

Макась Маргарита Олеговна – студентка, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, margo.makas@mail.ru

Макух Наталия Олеговна – к. психол. н., доцент кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, makuh.nataly@yandex.ru

Малкина Светлана Александровна – психолог, частная практика, Ярославль, hatiha@bk.ru

Мамаева-Найлз Вероника Давидовна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, veronikaniles@gmail.com

Мелик-Карамян Сона Генриковна – магистр психологии, преподаватель, Европейский университет, Ереван, Армения; соискатель, Институт психологии РАН, Москва, sona.melik.karamian@gmail.com

Меньшикова Галина Яковлевна – д. психол. н., заведующая лабораторией «Восприятие», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, gmenshikova@gmail.com

Мерсалова Екатерина Александровна – студентка, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, ekaterina.mersalova@yandex.ru

Микрюкова Полина Васильевна – бакалавр, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, p.v.mikryukova@gmail.com

Михайлова Наталия Павловна – м. н. с., Научно-исследовательский институт нормальной физиологии им. П. К. Анохина, Москва, natali.ivli@yandex.ru

Морозов Пётр Владимирович – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, morozovpv@ipran.ru

Муртазина Яна Рашитовна – студентка бакалавриата, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Россиийской Федерации, Москва, yanamurt@gmail.com

Мустафина Кристина Альбертовна – преподаватель, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, kristina.a.mustafina@gmail.com

Нартова-Бочавер Софья Кимовна – д. психол. н., профессор, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, snartovabochaver@hse.ru

Наумчук Надежда Сергеевна – аспирант, психоаналитический психолог (ОПП), Институт психологии РАН, Москва, n.s.naumchuk@yandex.ru

Немцев Алексей Викторович – к. психол. н., доцент кафедры генетической и клинической психологии НИ ТГУ, Томский государственный университет, Томск, alexey.nemtsev@yandex.ru

Нефельд Екатерина Евгеньевна – магистрант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, nefeld.ekaterina@mail.ru

Никитин Артем Вадимович – студент 2 курса магистратуры, Самарский университет, Самара, zooomzyak@gmail.com

Никитина Дарья Алексеевна – к. психол. н., н. с., Институт психологии РАН, Москва, d.a.nikitina@yandex.ru

Никулина Мария Юрьевна – студентка, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Москва, nikulina_mu@mail.ru

Олзоева Дарья Карловна – студентка специалитета, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, dashaolzoeva7799@gmail.com

Павлова Надежда Сергеевна – к. психол. н., н. с., Институт психологии РАН, Москва, pavlovans@ipran.ru

Парфенов Егор Александрович – студент бакалавриата, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, egalpa@mail.ru

Петрова Екатерина Михайловна – студентка, Московский институт психоанализа, Москва, epetrova_roksi@mail.ru

Пирогова Ольга Дмитриевна – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, st086368@student.spbu.ru

Плотникова Татьяна Михайловна – курсант, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, tusya-morozova@yandex.ru

Погожина Ирина Николаевна – д. психол. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, pogozhina@mail.ru

Подкользина Виктория Дмитриевна – студентка, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, victoriapodckolzina@yandex.ru

Подтягина Полина Олеговна – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, pandzaurova@hse.ru

Полещук Федора Юрьевна – курсант, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, Вологда, fedorapoleshuk@yandex.ru

Полюхова Александра Игоревна – магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, a.poluhova@gmail.com

Полякова Мария Дмитриевна – медицинский психолог, Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева, Москва, maria2088@yandex.ru

Попков Артем Евгеньевич – студент специалитета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, artemir.popkov@gmail.com

Потапова Юлия Викторовна – к. психол. н., доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, kardova.jv@gmail.com

Процевская Виктория Николаевна – магистрант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, viktoriapro17@yandex.ru

Пряжникова Елена Юрьевна – д. психол. н., профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, e-pryazhnikova@yandex.ru

Раабе Владислав Владимирович – преподаватель кафедры общей психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, vladraabe@gmail.com

Рассказова Мария Александровна – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, mari.rasskazova@mail.ru

Рафикова Вероника Айдаровна – преподаватель кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; ассистент кафедры общей психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, veronikarafikova1996@gmail.com

Раханова Анастасия Антоновна – студентка, Московский психолого-социальный университет, Москва, atemnohudova@gmail.com

Рейхерт Екатерина Евгеньевна – студентка бакалавриата, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, katya.reykhert@bk.ru

Решетникова Зоя Дмитриевна – студентка бакалавриата, Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, zoya02092002z@gmail.com

Салихова Аделя Айратовна – студентка бакалавриата, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, sadelilah.work@gmail.com

Самусева Марина Викторовна – директор, Московская театральная школа Олега Табакова, Москва, sam.mar.vic@gmail.com

Сараполова Дарья Александровна – студентка, Московский институт психоанализа, Москва, darya.sarapolova@yandex.ru

Сварник Ольга Евгеньевна – к. психол. н., вед. н. с., Институт психологии РАН, Москва, svarnikoe@ipran.ru

Сергеева Марина Владимировна – аналитик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, msergeeva1119@gmail.com

Сергеева Наталья Евгеньевна – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, natalia_023@mail.ru

Сиповская Яна Ивановна – к. психол. н., ст. н. с. лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дру-

жинина, Институт психологии РАН, Москва, sipovskayayi@ipran.ru

Скорикова Екатерина Ивановна – к. психол. н., доцент, Курский государственный университет, Курск, gamova-katrine@yandex.ru

Скороходова Юлия Викторовна – магистр, соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, преподаватель кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, iuiliagoruinova@gmail.com

Скуратова Ксения Андреевна – м. н. с., Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН, Санкт-Петербург, kseskuratova@gmail.com

Смирнова Елена Андреевна – магистр, соискатель ученой степени кандидата наук, Институт психологии РАН, психолог, «Кризисный центр помощи женщинам и детям», Москва, enamirnova@gmail.com

Смолянская Елена Ильинична – аспирант, Институт психологии РАН, Москва, alen.smol@yandex.ru

Соболева Екатерина Фёдоровна – студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы Российской Федерации, Москва, sobek2403@gmail.com

Солдатова Елена Леонидовна – д. психол.н., руководитель основной образовательной программы специалитета «Психология служебной деятельности», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, e.l.soldatova@spbu.ru

Соловьева Елизавета Валерьевна – ассистент кафедры педагогики и педагогической психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, solovyeva.ev205@gmail.com

Соловьева Ольга Александровна – н. с., Научно-исследовательский институт нормальной физиологии им. П. К. Анохина, Москва, saolga@yandex.ru

Спирина Елизавета Сергеевна – аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет; Пермь, преподаватель кафедры социальной работы, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, spirina-liza@mail.ru

Стрижицкая Ольга Юрьевна – д. психол. н., зав. кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, o.strizhitskaya@spbu.ru

Суворова Ирина Юрьевна – к. психол. н., доцент кафедры социальной психологии, Московский психолого-социальный университет, Москва, i.suvorova89@gmail.com

Тарасов Семён Васильевич – аспирант, м. н. с., Институт психологии РАН, преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, tarasovsemv@ipran.ru

Тихомирова Дарья Валерьевна – аспирант, Московский институт психоанализа, Москва, dvsulim@mail.ru

Трипутень Юлия Дмитриевна – студент бакалавриата, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Республика Беларусь, juliatriputen2002@gmail.com

Тютюнников Пётр Романович – м. н. с., Национальный исследовательский томский государственный университет, Томск, tyutyunnikovpiere@gmail.com

Уланова Анна Юрьевна – к. психол. н., ст. н. с., Институт психологии РАН, Москва, rachugina@gmail.com

Учаев Андрей Владимирович – аспирант лаборатории психофизиологии им. В. Б. Швыркова, Институт психологии РАН, Москва, andvl@ro.ru

Фабер Андрей Юрьевич – м. н. с. научно-учебной лаборатории нейробиологических основ когнитивного развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, afaber@hse.ru

Филатов Андрей Александрович – студент бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, aafilatov_6@edu.hse.ru

Франзен Ксения Викторовна – студент, Московский институт психоанализа, Москва, kseniafranzen@yandex.ru

Фролова Ксения Георгиевна – магистрант, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, krksfr@mail.ru

Фролова Мария Андреевна – студентка бакалавриата, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, marriiafr@mail.ru

Халикова Адолат Бахтиер кизи – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, abkhalikova@edu.hse.ru

Хватова Виктория Олеговна – магистрант, Мурманский арктический университет, Мурманск, vikulya.khvatova@yandex.ru

Чистякова Анастасия Игоревна – студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, nastenkachist@yandex.ru

Чуйко Анастасия Сергеевна – бакалавр, Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева, Алматы, Казахстан, anastasia.200415n@gmail.com

Чуйкова Жанна Владимировна – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, zhanna7496@mail.ru

Шалимов Иван Владимирович – студент специалитета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, rk.ivanyshka.1984@gmail.com

Шелоумова Оксана Сергеевна – н. с., медицинский психолог, Центральный научно – исследовательский институт туберкулеза, Москва, oksanasheloumova@yandex.ru

Шмарина Татьяна Александровна – аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, tatyana_shmarina@mail.ru

Штрикер Юлия Дмитриевна – магистрант, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина; архивист, Институт психологии РАН, Москва, shtriker00@mail.ru

Шугарев Михаил Константинович – студент, Московская театральная школа Олега Табакова, Москва

Шурипа Александра Станиславовна – магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, shuripasasha@gmail.com

Щерба Екатерина Константиновна – магистрант, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, ekscherba@edu.hse.ru

Юдаков Константин Сергеевич – магистрант, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, kost05062000@mail.ru

Яковлева Мария Викторовна – к. психол. н., доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, m.v.yakovleva@spbu.ru

Ямпольский Антон Андреевич – студент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, antonyamp11@gmail.com

Ярыгина Наталья Юрьевна – к. психол. н., доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, natyarigina@gmail.com

Petrova Valeria Nikolaevna – Doctor of Science (Psychology), Lecturer, Department of Organisational Psychology, National Research Tomsk State University, Tomsk, valerpsy@mail.ru

Vashisth Mrinal – Ph. D. student, National Research Tomsk State University; Cancer Research Institute, Tomsk National Research Medical Center, Tomsk, mrinalmanu10@gmail.com